

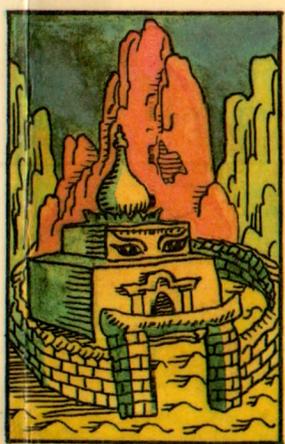
ЗАПИСКИ КЛАДОИСКАТЕЛЯ

В. А. Обручев

В. А. Обручев

ЗАПИСКИ
КЛАДО-
ИСКАТЕЛЯ

В. А. Обручев

★ ★ ★

**ЗАПИСКИ
КЛАДОИСКАТЕЛЯ**

Санкт-Петербург
ЛЕНИЗДАТ · 1992

84P7-4

O-24

Составитель Н. А. ЕЛИЗАРОВА

Редактор И. М. ВДОВИНА

Художник М. А. ГАВРИЧКОВ

О $\frac{4803010201-181}{M171(03)-92}$ 103-92

ISBN 5-289-01452-7

© Н. А. Елизарова, составление, 1992

© М. А. Гавричков, художественное оформление, 1992

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ В ПУСТЫНЕ

В КИТАЙСКОЙ ШАХТЕ

Около полудня Лю Пи вылез из своей шахты и после многочасового пребывания в подземной сырости и прохладе с наслаждением глубоко вдохнул знойный летний воздух. Он взглянул прищуренными глазами на солнце, сиявшее на безоблачном небе, потом посмотрел на цепь голых скалистых гор Кату, заграждавшую вид на север, подобно гигантской пиле, обращенной зубьями вверх, еще раз взглянул на солнце, перевел взор на запад и, почмокав губами, пробормотал:

— Большой ветер будет к ночи, большой ветер, черная буря. Хорошо, если Ван Ли успеет доехать до замка Чаапчи.

Лю Пи оглянулся на черную дыру шахты, из которой вылез и на дне которой проводил изо дня в день более половины суток. Из темноты послышался шорох и кряхтенье — еще кто-то лез наверх.

— Торопись, Мафу, обед остынет! — крикнул Лю Пи с явной насмешкой в голосе и зашагал, слегка согрившись, к дверям низкой фанзы, находившейся в нескольких шагах от шахты.

— Лю Пи, приятель, не начинай есть без меня! — послышался умоляющий голос из глубины черной дыры. — Я не могу лазить так скоро, как ты, по этим проклятым лестницам. Подожди меня, слышишь?

Но Лю Пи не обратил никакого внимания на просьбы своего товарища и вошел в фанзу, низко согнувшись, чтобы не стукнуться головой о притолоку. В фанзе было довольно темно, так как она освещалась небольшим оконцем, не более четверти квадратного метра, затянутым вместо стекла побуревшей от пыли бумагой. Низкий и широкий кан (лежанка) занимал почти всю заднюю половину комнаты. На нем лежали камышовые циновки, свернутые матрасики и одеяла, валики-подушки. Перед оконцем стоял кривоногий, грубый низенький стол с посудой.

В углу темнел высокий, почти в метр, массивный гли-

няный сосуд, в котором китайцы хранят зерно и муку. Рядом на стене висели на колышках какие-то мешки, связки лука, чеснока и красного перца, пучки засушенной горной полыни и других трав. Слева от двери, рядом с рваными мешками и узкими, высокими корзинами из ивовых прутьев, были свалены инструменты рудокопа — заступы, кирки, молоты и клинья.

— Еда готова? — обратился Лю Пи к двум полуголым мальчикам, сидевшим на корточках возле широкой топки кана, в которой горел огонек и в чугунном котле на треноге что-то бурлило, испуская клубы пара.

— Давно готова. Давно пора есть, — воскликнул один из мальчиков, вскакивая на ноги, тогда как другой всыпал какую-то зелень в котел и стал мешать в нем длинной разливательной ложкой.

— Готово, так будем есть, — приказал Лю Пи, забрал со стола четыре фаянсовые чашки, похожие на полоскательные, перенес их на кан, затем снял с кола один из мешков, насыпал из него горку мелких сухарей на кусок ржавого листового железа, заменявшего поднос, и также поставил на кан рядом с чашками. В это время мальчики соединенными усилиями вытащили треногу с котлом из топки и подняли котел на кан.

— Вот и Мафу идет! — заметил Лю Пи, вскакивая на кан и располагаясь на циновке, поджав ноги. — Не говорите ему, что мы не ели. Слышите!

Мальчики в ответ захихикали и опять присели на корточки возле печки, обратив запачканные сажей смеющиеся мордочки к дверям фанзы, за которыми послышался тяжелый топот и фырканье, словно к ним подошла усталая лошадь. Дверь распахнулась, и в нее, согнувшись, протиснулся боком человек богатырского телосложения, крайне редкого среди китайцев. Он бросил в угол кайлу, громко звякнувшую о другие инструменты, и проворчал:

— Опять сломалась, проклятая! Жила — чистый кремень, инструмент съедает, а золота дает мало-мало. А вы уже покушали, я вижу, — прибавил он, заметив, что его сожители словно отдыхают после еды.

— Мы уже покушали, Мафу, — сказал Лю Пи и в доказательство громко икнул. — Не знаю, осталось ли что-нибудь для тебя. Ты очень долго не шел, а мы были голодны, как крысы.

— Ужасно голодны, — подтвердил один из мальчиков. — А похлебка была такая вкусная, с чесноком и луком.

— У-у, обжоры! — взвизгнул Мафу и, схватив голых мальчуганов за головы, пригнул их к самой земле.

Мальчики визжали и барахтались в могучих руках Мафу. Лю Пи хохотал во все горло.

— Ну довольно, Мафу, — сказал он, натешившись. — Ты загляни в котел, может быть, и тебе хватит пообедать.

— Что же ты не сказал раньше, черепаха, — буркнул Мафу, выпустив пленников, толкнув их в разные стороны, и подошел к котлу, закрытому тряпкой. Он приподнял тряпку, заглянул в котел и, увидав, что он полон, громко засмеялся.

— Опять обманули меня, бездельники!

Мафу забрался на кан и сел рядом с Лю Пи, а мальчики поместились на краю по обе стороны котла. Лю Пи пододвинул чашки и, вооружась разливательной ложкой, наполнил их горячей жидкой похлебкой из пшена с мелко нарезанным зеленым луком и чесноком, сказав:

— Кушайте на здоровье, не взыщите.

Каждый из сотрапезников взял свою чашку, горсть сухарей и стал с шумом втягивать горячую жидкость, фыркая, вздыхая и по временам подбрасывая в нее несколько сухариков. После первой чашки съели по второй, по третьей и по четвертой. Затем мальчики скромно отошли к топке, предоставив взрослым кончать котел, в котором нашлось еще по две чашки на каждого.

— Чай! — послышался приказ Лю Пи.

Один из мальчиков вытащил из глубины топки небольшой закопченный чайник и поставил его на кан. Лю Пи налил немного чаю в свою чашку, сполоснул ее от остатков супа, выплеснул на пол и затем налил себе до краев светлого зеленоватого чаю, который стал пить маленькими глотками. Мальчики сняли котел с кана и поставили в угол фанзы, убрали свои чашки на стол, а чайник — обратно в топку, затем поклонились старшим до пояса и выбежали на двор. В фанзе некоторое время опять слышались журчанье втягиваемой жидкости и вздохи.

Опорожнив по одной чашке, Лю Пи и Мафу развернули свои узкие и тонкие ватные матрасики на циновках теплого кана, положили в изголовье короткие валики, заменяющие китайцам подушки, и улеглись спать. Через несколько минут слышалось уже легкое посапывание Лю Пи, чередовавшееся с громким храпом Мафу.

Прошло около часа. Лю Пи проснулся, протяжно вздохнул и присел на своей циновке. Почесав спину, бока и грудь, он толкнул Мафу в бок и прервал его крик, затем слез с кана, вытащил из точки горячий еще чайник и, присев на корточки, налил себе чашку. Утолив первую жажду, он достал из-за пояса своей синей рубашки кисет и трубку с металлической чашечкой и халцедоновым мундштуком, набил табаку, выкопал из золы уголек и закурил. Дым табака и приторно-сладкий запах подмешанного к нему опиума распространились по фанзе и окончательно разбудили Мафу.

— Пора на работу,— сказал Лю Пи, выколачивая золу из трубки и снова наполняя ее свежим табаком. — Поторопись, толстый!

— Работа не блоха, из рук не выскочит,— ответил Мафу, сползая с кана. Он налил себе чашку чаю, набил свою трубку, более толстую и длинную, чем у Лю Пи, поднял с земли брошенный последним уголек и жадно стал курить, глубоко заглатывая дым.

— Как думаешь, кончим мы сегодня подсечку жилы? — спросил Лю Пи.

— Ни за что! — ответил Мафу. — Жила — чистый кремь стала: бьешь, бьешь, а толку мало. Придется нам бросить эту сторону!

— А где же мы будем работать? — сердито возразил Лю Пи. — Глубже не уйдешь — вода, наверху все взято уже. Только эта твердая сторона и осталась.

— Ну, этой твердой стороны нам надолго хватит,— усмехнулся Мафу, покончив с курением и принимаясь за чай. — Кирки изломаем, руки обломаем, будем зубами выгрызать руду. А зубы поломаем — тогда что?

Он быстро допил чашку, встал, потянулся так, что затрещали кости, и произнес лениво:

— Пойдем, что ли!

Лю Пи поднялся, вытряхнул трубку, засунул ее и кисет за пояс и направился к двери. Мафу, выбрав из кучи в углу исправную кирку, последовал за ним. Они прошли через дворик к зиявшей в противоположном углу черной яме.

Лю Пи опять пристально посмотрел на запад, куда уже немного склонилось солнце, и на зубчатые вершины Кату.

— Непременно к ночи большой ветер будет,— прибавил он, качая головой. — Смотри-ка, солнце уже потускнело, а Кату затянуло словно дымом.

Шахта, в которую стали спускаться наши рудокопы, повергла бы горняка в ужас. Это был ров, тянувшийся вдоль всей стены дворика, противоположной фанзе, пятнадцать метров в длину и метр в ширину. Вглубь он уходил очень круто, под углом около 60°. Один из боков висел над пустотой, ничем не закрепленный и не поддерживаемый, вот-вот, казалось, готовый рухнуть. Отдельные глыбы камня — зелено-серого грубослоистого сланца — выдавались вперед, совсем нависая над бездной. В противоположном боку были высечены узкие ступеньки. Нужно было обладать ловкостью обезьяны или многолетней привычкой, чтобы подниматься и в особенности спускаться по этой крутой и опасной лестнице без перил, уходившей на глубину тридцати метров. А каково было подниматься с тяжелой корзиной руды за плечами!

«Шахта» эта представляла собой просто выработку вдоль золотоносной кварцевой жилы. Рудокопы начинали добывать оруденелый кварц с самой поверхности, оставляя на месте пустую, не содержащую золото породу обоих боков жилы, и постепенно уходили все глубже, пока подземная вода, для борьбы с которой у них не было ни средств, ни познаний, не ставила предела их погоне за золотом. Тогда «шахту» бросали и начинали рыть новую на другой жиле. Вынимали, впрочем, не весь кварц; местами жила становилась очень бедной, и эти части ее оставляли в виде перемычек, тянувшихся вдоль или поперек рва, от одного бока до другого, и служивших подпорками для нависшего бока, который иначе неминуемо обрушился бы, придавив первобытных рудокопов.

Мафу спускался первым, а Лю Пи следовал за ним на некотором расстоянии. До глубины двадцати метров они спускались при постепенно убывавшем дневном свете, проникавшем сверху. Но дальше становилось уже слишком темно. Они высекли огонь при помощи трута и огнива и засветили свои рудничные лампочки — небольшие глиняные сосуды, похожие на чайники, наполненные маслом. Фитиль из бумажной тряпки, вставленный в носик сосуда, давал слабый свет. Посредством короткой цепочки и крючка лампочка подвешивалась к поясу, оставляя свободными руки.

Еще десять метров вниз — и рудокопы добрались до дна шахты и повернули влево. Теперь золотоносная жила была у них под ногами. Они бесцеремонно топтали драгоценный кварц, уходивший еще глубже, но для них

недоступный, потому что на этом уровне работе уже мешала вода, капавшая также с нависшего бока и стоявшая лужами в углублениях дна.

Шагов через тридцать Мафу и Лю Пи подошли к месту своей работы, где остался еще участок жилы выше уровня подземной воды. Кварц залегал грязно-белой ветвистой полосой почти в метр шириной, переслаиваясь с твердым сланцем и пуская отростки в висячий и лежащий бока жилы, состоявшие из того же сланца. Мафу остался на дне шахты, а Лю Пи полез по жиле метра на два вверх, где был его уступ. Рудокопы подвесили лампочки к выступам камня и принялись за свою трудную работу. Киркой они выковыривали кварц кусочек за кусочком, а если кирка не брала — загоняли ударами молота железные клинья в тонкие трещины жилы или окаймлявших ее сланцев. Но здесь кварц был очень твердый и мало трещиноватый; кроме того, отсутствовала каемка охристой глины, отделявшая в других местах кварц от боковых сланцев и облегчавшая работу, так как глина легко выковыривалась киркой, а в оставшееся пустое пространство удобно было вставлять клинья и отделять ими более крупные куски породы.

Добытый кварц ссыпался на циновку, разостланную у подножия забоя, откуда его время от времени сгребали мальчики, спускавшиеся в шахту с корзинами на спине, в которых и выносили наверх золотonosную руду. Так как по крутому и длинному подъему с его первобытными ступеньками они не могли унести более 15—20 килограммов за один прием, то им приходилось спускаться и подыматься раз двадцать — тридцать в день. Мальчики настолько хорошо изучили дорогу, что обходились без освещения даже на дне шахты; они знали, где нужно нагнуться, чтобы не задеть головой о камень, где свернуть, чтобы обойти яму с водой.

РУДОНОСЫ

Прошло более часа с тех пор, как рудокопы вернулись в шахту. Все это время они неустанно долбили жилу кирками. Лю Пи колотил методически, короткими и резкими ударами. Мафу бил с размаху, изо всех сил, и чаще прибегал к клиньюм и тяжелому молоту, который весело плясал в его руках, звонко ударяя по железу. Разогревшись, оба рудокопа сбросили рубашки из синей дабы и остались в одних шароварах. Их смуглые

торсы блестели от пота, косички¹ были обернуты вокруг головы и спрятаны под войлочные шапочки, покрытые таким толстым слоем пыли и копоты, что по цвету не отличались от темного сланца.

— Ну и жила, будь она проклята! — воскликнул Мафу, бившийся уже минут десять над одним особенно твердым местом. — И наверно, золота мало, ни крошки охры нет!

— Что ж, отдохнем, покурим, — отозвался Лю Пи, который был арендатором шахты, недавно взял Мафу себе в компаньоны и потому распоряжался работой.

Он спустился со своего уступа и присел на корточках возле кучки кварца, набитого его товарищем.

При тусклом свете лампочки Лю Пи стал перебирать куски белой породы; иные отбрасывал сразу, другие внимательно разглядывал.

— Напрасно бранишь жилу, золото мало-мало есть, — сказал он, окончив осмотр и принимаясь за свою трубку. Мафу уже курил, прислонившись к забю.

— Мало-мало — это мало, — ответил он. — Пожалуй, на еду и на инструмент не заработаешь.

— Не надо бранить жилу, — шепотом произнес Лю Пи, словно жила могла подслушать разговор. — Не знаешь разве: будешь хаять — золото совсем скроется. Подземные демоны не любят, когда люди недовольны их сокровищами. Или золота не станет, или с тобой что-нибудь приключится — камень на голову свалится, ногу сломаешь. Мы здесь в их полной власти.

— А ты видел когда-нибудь подземного демона? — спросил Мафу, недавно сделавшийся рудокопом и относившийся скептически к их суевериям. Раньше он был погонщиком в обозе, потом табунщиком при китайской кавалерии². Свое настоящее имя он скрывал, так как ему пришлось бежать из Китая после нечаянного убийства во время драки.

Лю Пи беспокойно оглянулся вправо и влево.

— В фанзе расскажу, что видел, а здесь нельзя, нехорошо будет, — прошептал он. — Близо был, слышал нас, — прибавил он немного спустя.

Наступило молчание; слышно было только слабое потрескивание лампочки, висевшей на неровной каменной стене, и шипенье табака в трубках. На глубину тридцати метров с поверхности не доносилось никаких звуков;

¹ В Китае прежде мужчины носили косы.

² Мафу — конюх, погонщик.

там могла неистовствовать буря, греметь гром, лить дождь — здесь царила мертвая тишина подземного царства, изредка нарушаемая стуком от падения сорвавшегося камня на дно шахты или всплеском, если он угодил в воду.

Но вот послышался легкий шум и глухо звучащие голоса, постепенно приближавшиеся.

— Мальчики идут, — сказал Лю Пи. — У нас, пожалуй, и на две корзины не наберется руды.

Он взглянул на кучку кварца, набитого Мафу, и прикинул, что у него на уступе едва ли будет больше.

— Хватит! — буркнул Мафу и, приподнявшись, вырвал из жилы большой кусок подбитого уже кварца, который и бросил на свою кучу.

Шаги слышны были уже близко, и из темноты вынырнули фигуры мальчиков с корзинами на спине. Подойдя к рудокопам, они присели на корточки рядом с Лю Пи. Пламя лампочки отразилось светлыми точками в их темных, косо прорезанных глазах, устремленных на огонь.

— Где, щенята, пропадали так долго? — ласково спросил Лю Пи.

— Бегали в горы, собирали дрова и аргал, — ответил младший, по имени Пао, племянник Лю Пи.

— И видели хуан-янгов, — прибавил второй, Хун, подскакивая от волнения, — пять больших и двух маленьких.

— Мы хотели поймать хоть одного. Совсем уж близко были, — затараторил Пао, — да они нас почуяли и умчались, как ветер.

— А вы не знаете, как поймать хуан-янга, не имея ружья? — сказал Лю Пи с лукавой усмешкой.

— Арканом разве за рога или из самострела подстрелить? — предложил Хун.

— Не нужно ни аркана, ни самострела, а только горсть соли насыпать хуан-янгу на хвост — и ты его поймаешь непременно! — серьезно заметил Лю Пи.

— На хвост?! — воскликнул Хун, разевая рот от удивления. — Да как же так? Он убежит раньше, не подпустит.

— И хвост у него очень маленький, — прибавил Пао в недоумении.

Лю Пи и Мафу расхохотались. Мальчики сообразили, что над ними шутят, и сами рассмеялись.

— Не время разговаривать, — вдруг оборвал Лю Пи. — Работа не ждет. Нагружайтесь и ползайте на-

верх, а когда вернетесь — принесите мне другую кайлу, моя иступилась.

Хун опустился на колени возле кучи кварца, повернувшись к Мафу спиной, а тот взял лопату и стал насыпать руду в корзину. Когда она почти наполнилась, он помог Хуну встать, и мальчик, согнувшись, зашагал в глубь темной шахты, к лестнице. Как и рудокопы, он был без рубашки, в одних бязевых панталонах. Но у старших шаровары доходили до щиколотки и ноги были обуты в широкие носки и туфли с толстой подошвой, а у мальчиков панталоны были только по колено и ноги оставались голыми. Впрочем, их ступни давно уже огрубели и не боялись острых камней, а подниматься и спускаться по ступенькам шахты было гораздо удобнее босиком, чем в обуви.

Вскоре с уступа осторожно спустился и Пао с полной корзиной и прошел мимо Мафу. Рудокоп спросил:

— А что, буря уже началась?

— Нет еще,— ответил Пао. — Верно, будет к ночи: солнце стало совсем красное и душно.

На дне шахты опять раздался однообразный стук стали по кварцу, иногда прерываемый вздохами Лю Пи и сердитыми восклицаниями Мафу. Мальчики пробирались к началу подъема, куда еле-еле проникал слабый дневной свет. Но после полной темноты на дне шахты и этого сумеречного света было достаточно, чтобы различать ступеньки. Мальчики поднимались медленно со своей тяжелой ношей, нагнувшись вперед, и в трудных местах, где ступеньки были слишком узки или далеко отстояли одна от другой, ползли на четвереньках, хватаясь за выступы камня. Они знали, что поскользнуться означало верную гибель, потому что удержаться с полной корзиной на крутом скате невозможно и пришлось бы катиться до самого дна. На спуске, с пустыми корзинами, они были менее осторожны, и обоим уже пришлось испытать на своих боках жесткость выступов сланца, пока они не изучили все скользкие и ненадежные места.

Чем выше, тем становилось светлее и теплее, а когда мальчики выбрались наверх, им показалось, что они попали в жарко натопленную печь. Солнце, совершенно красное и без лучей, зловеще светило на посеревшем небе. Вершины Кату еле виднелись сквозь завесу мглы. Воздух был неподвижен и удушлив. Накалявшиеся с утра голые скалы Кату, щебнистые склоны ближайших

холмов и каменистая почва долины отдавали свой жар воздуху, и даже в тени не было прохлады.

Мальчики подошли к большой куче кварца, высившейся у двери фанзы, опорожнили свои корзины и присели отдохнуть. Их смуглые тела блестели от пота, струйками стекавшего вниз и смывавшего сланцевую пыль.

— Мы почти все вынесли, что было. Доставай трубку и табак,— распорядился Пао, растянувшись на земле.

Хун проворно вскочил, подошел к глинобитной стенке дворика и извлек из трещины запрятанную туда коротенькую трубочку без мундштука и тряпочку с табаком. Мальчики давно уже украдкой от старших покуривали. У них в углу дворика, под кучкой камня, был устроен курительный прибор в виде маленького вулкана из глины. Курильщик клал в кратер щепотку табаку и уголек, ложился плашмя на землю и тянул дым через боковой канал холмика, сообщавшийся с жерлом. Но глина высыхала и трескалась, и прибор требовал ремонта чуть ли не каждый день. Иногда мальчикам удавалось воспользоваться трубкой Лю Пи или Мафу во время их послеобеденного сна. Но это было связано с большим риском. Они были очень счастливы, когда нашли на дороге старую трубку.

Мальчики тщательно прятали свое сокровище и гордились им. Табак они ухитрялись таскать понемногу у старших, иногда же покупали в лавочке, если им удавалось найти крупинку золота в каком-нибудь куске кварца. Такие крупинки были в ходу среди золотонскателей, и лавочники имели особые миниатюрные весы для их взвешивания.

Хун принес трубку и табак, а затем сбегал в фанзу и выкопал из золы под каном горячий уголек. Мальчики легли рядком и поочередно затягивались из трубки, с важным видом обсуждая качества разных сортов табака и достоинства трубок.

— Когда я буду взрослым,— мечтал Пао,— я заведу себе предлинную трубку, как у сычуанца лое¹, но только мундштук будет у нее из камня², белого, как свиное сало, а чашечка из чистого золота.

— Такая трубка очень тяжела и неудобна,— заметил Хун. — Куда ты спрячешь ее? Ни в чулок, ни в кишет ее не засунешь.

¹ Лое — по-китайски господин.

² Нефрит — очень твердый камень, употребляемый в Китае для разных изделий.

— Нет, я буду богатым человеком,— фантазировал Пао. — Мне не придется работать самому, у меня будут шахты с золотом. Я буду сидеть на кане, курить золотую трубку, есть жареное мясо и рис и пить цветочный чай.

— А я,— мечтал Хун,— куплю себе ружье и стану охотником. Буду стрелять хуан-янгов, диких лошадей и верблюдов, даже тигров.

— А ты видел когда-нибудь живого тигра?

— Нет, живого не видел. Но когда жил с отцом в Ши-Хо, калмыки привезли в ямынь мертвого тигра, которого убили в камышах на Куйтине. Ах, какой это красивый и страшный зверь: весь желтый, с черными полосами, а зубы и когти огромные, вот такие! — Хун показал свой большой палец. — Прежде чем тигра закололи, он растерзал двух лошадей и калмыка.

— О-о! — протянул Пао. — Какой злой! Что же с ним сделали в ямыне?

— Начальник взял шкуру себе, а мясо отдал солдатам. Знаешь, чтобы быть храбрым, нужно поесть мяса тигра. Все солдаты в Ши-Хо тогда поели этого мяса. И мне дали кусочек. С тех пор я и хочу стать охотником.

— Нужно бы и мне съесть кусочек тигрового мяса. Только вот сюда никогда не привозят тигров.

Выкурив две трубки, мальчики спрятали свои сокровища и пошли в шахту, захватив кувшин для воды и кирку для Лю Пи. Вблизи поселка не было ни речки, ни ключей, и рудокопы пользовались водой из своих шахт.

ЗОЛОТОНОСНАЯ ПУСТЫНЯ

На многие тысячи километров, от синих волн Тихого океана до сурового высокого Памира, «крыши мира», протянулась русско-китайская граница. Зубчатой стеной, воздвигнутой подземными силами, тянутся вдоль нее, сменяя друг друга, высокие горные цепи: Малый Хинган, Ильхури-Алинь, Кентей (Хэнтэй), Хангай, Саян, Русский и Монгольский Алтай, Саур, Тарбагатай, Барлык, многочисленные гряды Тянь-Шаня, Алая и Памира.

Сама природа создала эту величайшую стену, в сравнении с которой Великая стена, отделявшая Китай от степей и пустынь, населенных подвластными ему кочевниками, является детской игрушкой. Эта стена отго-

родила обширную Поднебесную империю¹ от остальной Азии и охраняла ее до недавнего времени от влияния западной культуры. Она не только высока, но и очень широка и труднопроходима.

Но есть в этой ограде китайских владений настоящие природные ворота. Они находятся там, где русско-китайская граница переламаывается, идет на юг и высокие цепи Алтая уступают место еще более высоким цепям Тянь-Шаня. В этом месте сравнительно небольшие горы отделены друг от друга широкими долинами, по которым не только проходят караваны, но могли бы пройти железные дороги. Через эти ворота в средние века кочевые народы Монголии, поднятые Чингисханом, хлынули разрушительным потоком на запад Азии и восток Европы.

Один из горных хребтов среди этих ворот называется на западе Майли, на востоке Джаир. Майли-Джаир состоит из нескольких уступов неодинаковой высоты и различного характера.

В восточной половине Джаира особенно бесплоден средний, самый низкий уступ; горы превращаются здесь в низкие холмы, усыпанные щебнем, совершенно черным от покрывающего его «загара пустыни».

Здесь нет ни воды, ни жизни, даже ящерицу или жука увидишь редко, и только антилопы прячутся в лабиринте холмов, довольствуясь их скудной растительностью. С утра до вечера солнце жжет щебневые склоны, накаляя черные камни, и на свободе гуляет знойный ветер. Но зато пустынный восточный Джаир богат золотом, которое люди добывали еще во времена независимых ханов Джунгарии (до начала XIX века). Китайцы продолжали разработку. Золотой промысел на этой далекой окраине был свободен; каждый мог им заниматься, отдавая только часть добытого золота в китайскую казну.

Постепенно дикий Джаир оживился; вместо двух-трех рудников, работавших при ханах, возникли десятки их в разных местах. Золотоискатели построили целые поселки возле рудников, в соседних долинах рек Эмиля (Эмеля), Манаса и Хобука возникли фермы китайских земледельцев, которые снабжали рудокопов хлебом. Золото оживило эту страну, в которой раньше жили только кочевники — казахи и монголы-калмыки. В Джаире есть и россыпное, и рудное золото; но золото-

¹ Китай стал буржуазной республикой только в 1911 году.

посные пески, добытые в россыпи, нужно промывать, чтобы отделить песок и гальку от драгоценного металла, а вода встречается редко. Поэтому разработка россыпей развивалась слабо, и главное свое внимание золотоискатели обратили на жилы.

Каждому давалось право разрабатывать 30—35 метров золотоносной жилы по ее длине, а в глубину — сколько пожелает. Получив участок, золотоискатель огораживал его глинобитным забором, строил на нем из камня и глины фанзу для жилья и тут же во дворе начинал разрабатывать жилу, уходя по ней постепенно все глубже и глубже, пока подземная вода не останавливала его работы в глубине и пока он не встречался со своими соседями справа и слева. Тогда ему приходилось брать новый «отвод» на той же жиле в другом месте по ее длине, или на соседней, или даже в другой местности.

Так постепенно выросли поселки золотоискателей отдельными рядами по жилам Джаира, продольными и поперечными, то гуще, то реже. В этих рядах на одних участках кипела работа, на других уже замирала, а были и такие, где она прекратилась, где ограды и фанзы полуразрушились.

Не все жилы и не на всем протяжении богаты золотом. Тот, кому улыбалось счастье, уходил из Джаира с некоторым состоянием. Другие зарабатывали только на пропитание и уносили разве небольшие излишки. Третьи голодали и, пробившись некоторое время на своем отводе в надежде на лучшее, наконец, бросали его и брали новый отвод.

Добытый из жилы золотоносный кварц для извлечения рассеянного в нем мелкими крупинками золота приходилось дробить, молотить в мелкий порошок и промывать. Необходимые для этого приспособления были не по средствам отдельному золотоискателю, да ими и не стоило обзаводиться, так как всю руду, добытую за неделю, можно было перемолоть и промыть в полдня.

Поэтому в каждом поселке работали казенные мельницы, на которых руда перемалывалась тяжелыми жерновами и затем промывалась. Рудокоп доставлял на мельницу свою добычу в назначенный день и час. Руда при нем мололась, а заведовавший мельницей китайский чиновник из полученного золота тут же брал натурой известную долю в пользу казны за перемол и в счет платы за отвод, причем неизбежно обсчитывал простоватых рудокопов. Место надзирателя на руднике счи-

тялось очень выгодным и покупалось, как и другие должности в Китае, за хорошие деньги и на короткий срок.

В таком поселке, одном из трех, расположенных в долине Чий Чу, у подножия гор Кату жили наши знакомцы — Лю Пи со своим компаньоном Мафу и мальчиками-рудоносцами Хуном и Пао. Поселок тянулся тремя рядами двориков по трем несколько расходящимся жилам больше чем на 600 метров наискось через долину, всхолмленную плоскими пригорками.

Рудокопы скота не держали: его нечем было кормить в этой пустыне с совершенно голой почвой, на которой лишь кое-где торчали кустики. Для ослов, вертевших жернова на казенной мельнице, фураж привозили издалека.

Не было в поселке ни женщин, ни маленьких детей. Рудокопы в большинстве своем являлись голытьбой, пришедшей издалека. Их привлекали слухи о богатом золоте Джаира. У многих и на родине не было семьи. Другие же приходили сюда на известное время года из более близких мест, расположенных у подножия Тянь-Шаня, — из округов Шихо, Манас, Урумчи, Гучен (Гучэн) — в поисках дополнительного заработка; их семьи оставались дома на родном поле, у могил предков.

Лю Пи был родом из густонаселенной провинции Хенань в низовьях Желтой реки. Его отец переселился на далекий запад, на границу государства и получил землю в новом поселке по реке Манас. Многомесячное путешествие внушило мальчику любовь к передвижениям и новым впечатлениям. Подросши, он нанялся в ящики, так как старшие братья его сами управлялись с обработкой полей. Побродив по свету, он женился, но не жил подолгу с семьями братьев, а уходил на многие месяцы на заработки в разные места.

Попав в Джаир, Лю Пи пристрастился к погоне за золотом и стал приходить сюда каждый год в надежде разбогатеть и под старость открыть лавку или постоянный двор в Чугучаке или Кульдже. Однообразная жизнь землепашца ему претила; он привык за годы скитаний постоянно встречать новых людей. Пограничные с русскими владениями города, куда приходили караваны с Востока и Запада, казались ему наиболее подходящим местом для оседлой жизни на старости лет. В последний приезд в Джаир он взял с собою племянника Пао в рудоносцы, так как его собственные сыновья были еще слишком малы для этой работы. Селения на Манасе на-

чинались всего в сорока километрах от южного подножия Джаира и в девяноста километрах от рудника Чий Чу, так что Лю Пи работал недалеко от своего дома.

ХЫЙ-ФЫН

Солнце уже закатилось за плоские вершины высокого Джаира, когда Лю Пи и Мафу вылезли из шахты, закончив свой трудовой день. Впрочем, сумерки на этот раз наступили раньше заката, потому что солнце скрылось за вершинами гор в серую пелену, висевшую над горизонтом.

— Эге, уже совсем темно! А я думал, что мы увидим еще последний луч солнца на вершинах Кату... — сказал Мафу и чуть не растянулся на дворике во всю длину. Он полагал, что ему осталось еще подниматься несколько ступеней, и высоко поднял ногу.

— Фу ты, косолапый! — воскликнул Лю Пи, получивший тумака от пошатнувшегося товарища. — Уж больно ты спешишь! Видно, боишься остаться без ужина.

Мафу любил больше всего поесть и всегда боялся, что ему мало оставят, если он не поспеет вовремя к обеду или ужину.

— А что сегодня на ужин? — спросил он, помогая Лю Пи подбирать упавшую от толчка руду, которая еле белела на дворике при наступившей раньше времени темноте.

— На ужин? Мой рассказ о подземных демонах.

— Этим сыт не будешь после работы в шахте! Если мальчики ничего вкусного не приготовили, я не стану слушать, а завалюсь спать, и даже твои демоны мне не помешают всхрапнуть.

— Шш! — испуганно зашипел Лю Пи. — Слушай, демоны воздуха уже завыли!

Накаленный воздух темной ночи был странно неподвижен, когда рудокопы вылезли из шахты; серая мгла, надвигавшаяся с запада, уже окутала небо и скрыла звезды. Зловещая тишина царила вокруг. Но, прекратив беседу, рудокопы ясно расслышали глухой шум, шедший с запада, и резкий свист и вой, доносившиеся из ущелий Кату.

— Идем в фанзу, сейчас и у нас начнется бесовское веселье! — вскрикнул Лю Пи, подхватывая холстину с рудой.

Резкий порыв ветра пронесся над поселком, и устья многочисленных шахт приветствовали его глухим вздо-

хом. Что-то зашуршало поблизости. Из другого конца поселка донесся хриплый и протяжный крик осла, закончившийся фырканьем, звучавшим как насмешка, и опять все стихло. Рудокопы направились к фанзе, бумажное окно которой еле светилось в темноте.

— Готов ли ужин? Что сварили? — спросил Мафу, едва ввалившись в дверь.

— Не совсем готов. Огонь плохо горит сегодня, — ответил голос Хуна, скорчившегося около топки.

На кане в осколке разбитой чашки горел в масле фитиль. Пао вытирал посуду тряпкой, которая при этом скудном освещении казалась совершенно черной.

— У-у, нахалы! За хуан-янгами опять бегали, оттого и огонь не горит, — проворчал Мафу.

Лю Пи положил в угол холстину с рудой; под вечер ему удалось наткнуться на место в жиле с видимым золотом, и он осторожно выковырял из него весь кварц и принес с собой, чтобы утром, при дневном свете, измельчить его в ступке, промыть в чашке с водой и таким способом утаить полученное золото от надзирателя, присвоив себе и казенную долю. Так поступали все рудокопы, когда им попадалось видимое золото, — надзиратель обвешивал их в свою пользу, они отыгрывались иным способом, и в результате страдала китайская казна. Но предупредить утайку не было возможности; нельзя же было приставить к каждому рудокопу надзирателя.

Сложив мешок, Лю Пи подошел к топке кана, присел на корточки, достал трубку и табак и, закуривая от огня, пылавшего под клокотавшим котлом, спросил:

— Что ты настряпал, Хун?

— Гуамянь с салом. Сейчас поспеет.

— Гуамянь с салом! Ай, ай, как хорошо! — воскликнул Мафу, присаживаясь на корточки возле Лю Пи и собираясь закурить.

В это время вся фанза затряслась, словно от подземного удара; по камышовой крыше, сверху покрытой слоем глины, застучали мелкие камни; из топки выбросило язык пламени; бумажное окно вздулось пузырем, угрожая лопнуть; утлая дверь широко распахнулась, и в нее глянула черная ночь и ворвались свист, гул и вой налетевшей бури вместе с тучей песку и пыли. Хун проворно, как кошка, метнулся к двери, запер ее и подпер изнутри киркой. Лю Пи взял из угла две кирки и поставил их накрест в окно, чтобы прижать бумагу.

— Еще лопнет. Засыплет нас пылью, — проворчал

он, возвращаясь к кану и тревожно поглядывая на крышу: буря могла легко снести ее.

Пламя под котлом замирало, и дым проникал в фанзу — буря не давала ему выходить из низкой трубы на крыше.

Хун старался раздуть огонь под котлом, но горело плохо и дымило.

— Брось, мальчик, — недовольно проворчал Мафу, глотнувший горького полынного дыма. — Гореть все равно не будет, а глаза ест.

Мальчики вытащили из топки полусгоревший хвост, который Мафу затоптал своими медвежьими лапами, потом поставили котел, подали посуду и стали есть не совсем уварившуюся гуамянь, похожую на полупрозрачных тонких червей, плававших в горячей воде вместе с кусочками поджаренного бараньего сала. За неимением ложек гуамянь вылавливали губами и запивали ее солевой водой.

Буря продолжала свирепствовать. Порывы ее налетали один за другим, потрясая фанзу и осыпая крышу градом мелких камешков; потрескивание колебавшейся в окне бумаги сливалось с гулом ветра, сквозь который слышались словно тяжелые вздохи, стоны, порой пронзительный свист и как бы протяжный вой волков.

— Пожалуй, и впрямь волки подошли к поселку? — предположил Мафу в промежутке между двумя чашками.

— В такую бурю никакой зверь не выйдет из норы, — ответил Лю Пи, обсасывая губы.

— Не говори! Когда я пас казенный табун в песках под Гученом, в бурные ночи волки часто подходили совсем близко, пользуясь шумом и тем, что собаки прятались, носы у них песком засыпало и чутье ослабевало. Приходилось самим за собак быть.

— А разве здесь есть волки? — поинтересовался Пао.

— Как не быть! Где хуан-янг, там и волк! — сказал Лю Пи.

— Как бы не съели сегодня ишачка с мельницы надзирателя, — заметил Мафу. — Он что-то раскричался перед бурей.

— Если съедят, завтра нам не придется молотить нашу руду, — сказал Пао.

Покончили с ужином, убрали котел, заменив его чайником. Вечером и мальчики участвовали в чаепитии, проворно вылизав свои чашки после солевой воды. Старшие закурили, младшие поглядывали на них с завистью.

ПОДЗЕМНЫЕ ДУХИ

Лю Пи выколотил горячий пепел на ладонь, положил новую порцию табаку, раскурил тем же пеплом и, выпустив клуб дыма, начал почти шепотом обещанный рассказ о демонах.

— Случилось это в Дагуне лет восемь назад. Это рудокопный поселок к востоку от нас, в конце Джаира. Там богатое золото, но воды на тридцать ли кругом нет. Дикое место — скалы, щебень, даже полыни мало, так что с топливом худо. И жилы своенравные, как женщины. То вильнет вправо, то влево, то раздвоится; пойдешь по одной ветви — становится все тоньше и пропадет; вернешься на другую — то же самое. Ну, думаешь, пропала твоя шахта. Но вот, где-нибудь сбоку, если поискать зорко, найдется прожилок с хорошим золотом. Доверись ему — и он вознаградит, раздуется опять в настоящую жилу. Но работа там трудная, не то что у нас.

— Ну, и здесь не сладко, — проворчал Мафу.

— Нет, здесь жилы правильные и золото хорошее, нечего роптать на судьбу, — продолжал Лю Пи. — Так вот, имел я в Дагуне отвод в компании с одним рудокопом из Хами. Звали его Фу Пян. Он был длинный и тощий, сгорбленный, как кочерга, но хороший работник, и золото в жиле умел находить отлично. «Оно, — говаривал он, — свой запах имеет, я его чувствую».

Ну, так вот, однажды мы с ним ковыряли кварц в нашей шахте, недалеко друг от друга, искали жилу по боковым веточкам, потому что главная потерялась. В глубину нельзя было уже идти — под ногами вода, шахта старая, три раза перед нами ее уже бросали. Оставалось еще недоработанных пять размахов¹ по длине в одном боку и два размаха в вышину. А нам досадно. Ну, ковыряли, ковыряли — все напрасно, нет золота.

Вот Фу Пян и рассердился. Бросил кирку прочь и крикнул: «Чтоб дракон проглотил тебя, проклятая жила!» Совсем забыл он в гневе, что в шахте нельзя так говорить. И чуть он сказал эти нехорошие слова, как над ним загремело, зашумело, и большой камень, больше нашего котла, прямо ему на ногу скатился.

Лю Пи замолк. Помолчали слушатели, потом Мафу спросил с легкой насмешкой в голосе:

¹ Размах — мера длины, равная расстоянию между концами пальцев широко раскинутых рук человека.

— Это подземный демон в него камнем швырнул, полагаешь ты?

— А то кто же?

— Просто камень скатился. А у нас бывало это не раз.

Лю Пи презрительно пожал плечами и продолжал:

— Он сильно поплатился: ему раздробило всю ступню, так что мы его на веревках вытаскивали наверх. Долго болел и остался хромой, больше в шахты не лазил, у надзирателя на мельнице ишаков погонял, да через два года и умер.

— Но самого демона, который камень бросил, ты ведь не видел, — настаивал Мафу.

— Они скрываются от человеческого глаза. Говорят, что только тот рудокоп, которому суждено погибнуть в шахте, перед самой смертью видит демона. Но мне все-таки случилось видеть одного, и именно в тот час, когда мне грозила смертельная опасность.

Лю Пи замолк, словно вспоминая минувшее или прислушиваясь к звукам, доносившимся в фанзу. Хый-фын бушевал по-прежнему, потрясая стены, бросая по крыше камешки, вздувая бумагу между прижимавшими ее кирками. Дверь по временам вздрагивала и потрескивала от напора ветра, а в остывшей трубе пронзительно гудело. Маленькое пламя масляной лампы колебалось, так как струйки воздуха с пылью прорывались то в щель двери, то из-под крыши, являвшейся одновременно и потолком. Рудокопы сидели, скрестив ноги, друг возле друга, вокруг лампочки, старшие с одной стороны, мальчики с другой. Их смуглые лица, выпачканные рудничной пылью и копотью, а у мальчиков сажей, еле освещались колеблющимся огоньком.

Лю Пи набил, закурил трубку и начал полупшепотом, как и прежде:

— Стучилось это в рудниках Ван-Чжу-Ван-цзе, что на берегу Дарбуты-речки. Я был еще молод и нанялся в рудоносы, потому что сам не умел ковырять жилу. Наш отвод был высоко на горе, и шахта очень глубокая, размахов пятьдесят, а воды в ней еще не было. Мой хозяин работал ее уже пятый год, все вглубь по хорошему золоту. Руду приходилось носить по шахте вверх, а потом по горе вниз, к речке, возле которой стоял поселок. Там фанзу не всегда ставят на самом отводе, как в других местах, потому что у речки лучше: и вода тут же, и мельница, и жить приятнее. Но там я выбивался из сил при носке руды, потому что мне пришлось носить

ее вверх и далеко вниз, а потом опять лезть на гору, и так все время вверх — вниз, вверх — вниз. Я был один рудонос, а работали в шахте двое, и я еле поспевал уносить то, что они наковыряют. Отдыхать мне почти не приходилось, как ишаку на мельнице.

Носил я руду уже два месяца, дорогу знал — хоть ночью иди, не собьешься. А случился такой грех: задумался я, что ли, или воздушные демоны сбили меня с дороги, — хый-фын дул тогда сильный и глаза песком заносило, — но, идя в гору с пустой корзиной, я свернул со своей тропы и попал к чужой шахте. А шахты там, как везде, родные сестры: одна — как другая, только присмотревшись отличишь свою. Я же не думал, что сбился, и полез себе в шахту. Лезу, лезу, удивляюсь только, что ступеньки как будто не на месте, не там, где нога привыкла их находить. «Это от усталости, — думаю, — ноги ослабели», — потому дело было под вечер и лез я в шахту в последний раз.

Спустился я на двадцать размахов, пока не стало совсем темно, и начал шарить в том месте, где всегда оставлял свою лампочку, идя вверх. «Куда она пропала? — думаю. — И что теперь делать?» Лезть вниз в темноте — боюсь. Лезть наверх — хозяин из жалованья вычтет за последнюю корзину. Да и лампочку во что бы то ни стало нужно найти. Опять пошарил, рассердился. «Неужели, — сказал я, — подземный демон ее утащил мне на горе?»

Только я это сказал, совсем не громко, и осмотрелся, а внизу из темноты на меня два глаза глядят, большие, круглые и светятся, как лампочки. Я обомлел. «Это, наверно, сам демон, который стащил лампу, — думаю, — бежать надо!»

Я потихоньку подался назад — он все смотрит. Потом на ступеньку вверх пачусь. А тут как ухнет что-то мимо меня, пылью запахло, гул пошел по шахте, грохот, потом плеск в глубине. Меня чуть не сбросило вниз, едва удержался на ступеньке, к стене прислонился. Стою, ноги дрожат, руки трясутся, зубы стучат. Стало опять тихо, я в себя пришел. Смотрю — глаз в темноте уже не видно. Кинулся вверх, не помню, как выбрался из шахты, сел возле нее на камень и весь дрожу. Отдохнул; страх прошел — светло, хый-фын затихает, солнце светит, закатываясь за горы. Стал я оглядываться — вижу, шахта чужая, незнакомая, возле какого-то лога. И приметы моей нет: я каждый раз, поднявшись с корзиной из шахты, оставлял кусочек руды у входа, а

вечером считал их и уносил с последней корзиной, чтобы знать, сколько корзин вынес.

И как это перед спуском я не заметил, что моей кучки нет? Сбил меня с толку хый-фын, не иначе. Стал я искать свою шахту, едва нашел повыше и в стороне, шагов двести. Примета на месте, спустился, лампочку нашел. Вернувшись домой, я все рассказал хозяину. «Эх, куда ты попал,— говорит,— это шахта Чиван, давно брошенная из-за воды, в ней ключ оказался. А золото богатое было!» — «Кого же я там видел?» — спрашиваю. «Подземного демона видел! Он тебе смерть нес за то, что ты его вором назвал. Завтра, если хочешь, спустимся туда, где ты был, посмотрим, что случилось». — «Нет, я боюсь,— говорю,— как бы опять не показался», — «Хорошо, я поведу один, взгляну». На другой день повел меня хозяин к той шахте, лампочку засветил и полез. Я наверху остался, дожидаясь. Вылез он, говорит: «Ну, Лю Пи, небо тебя спасло и духи твоих предков тебя охранили, потому что ты на волосок от смерти был. Если бы ты остался стоять, где шарил лампочку, тебя бы на месте задавило или сбросило вниз в воду, пропал бы ты бесследно. Там большой камень сорвался, свежее место видно, и все, что я там нашел, твое, должно быть».

Гляжу — мой крючок, — продолжал Лю Пи, — вот этот самый. — Он вынул из-за пояса крючок на цепочке, которым рудокопы выковыривают из жилы мягкую окристую глину, часто содержащую много золота. — В шахте я его всегда в руке имел, чтобы лучше цепляться. Должно быть, уронил от испуга. «По этому крючку я и нашел сразу то место, где ты был, — говорит. — И еще удивляюсь, как ты не скатился, спускаясь и вылезая в темноте. Ступеньки совсем плохи стали».

Лю Пи замолчал и занялся трубкой.

— Как же демон так промахнулся?

— Ну уж не знаю! Только если бы я не поднялся на ступеньку вверх, — лежал бы я и сейчас еще в той шахте под камнем или в воде, лишился бы своего места на кладбище предков. Где бы меня искали? Старых шахт много, в иные и не спустишься — задавит. Тем бы и кончилось.

Воцарилось молчание. Буря завывала и гудела с прежней силой. Масло в лампочке было на исходе, и пламя потрескивало и шипело.

— Не прибавить ли масла? — спросил Хун. — Скоро потухнет.

— Зачем? Нам больше делать нечего,— ответил Лю Пи. — Давайте ложиться.

Мальчики убрали чайник и посуду с кана, разостлали на циновках тонкие ватные матрасы, под изголовье положили валики и развернули одеяла. Лю Пи и Мафу вышли на двор посмотреть, все ли в порядке. Ветер бушевал почти с прежней силой, и после удушающей дневной жары теперь казалось прохладно. Густая мгла рассеялась, и на небе тускло светил месяц, мимо которого неслись разорванные тучи. Зубья Кату чернели на севере, и тучи по временам захватывали и скрывали их вершины.

— Прохладно стало! — заметил Мафу. — Завтра хорошо будет молотить руду.

— Да, хый-фын кончается, небо очистилось,— ответил Лю Пи, оглядывая двор.

Все было в порядке, только кое-где ветер нагромоздил маленькие барханы песка и гравия.

Вернувшись в фанзу, рудокопы полезли на кан. Мальчики уже заняли места у одной стены, предоставив старшим более теплую часть, ближе к топке. Рудокопы разделись догола по китайскому обычаю, сложили одежду у изголовья, потушили лампочку и завернулись в одеяла. Скоро в темной фанзе, под аккомпанемент гула в трубе, послышалось похрапывание Мафу и сопение Лю Пи.

НЕОЖИДАННАЯ ПОЖИВА

Но недолго рудокопам пришлось спать безмятежно. В дверь фанзы застучали, пытаясь ее открыть, и чей-то пронзительный голос закричал:

— Хозяин, Лю Пи! Вставай скорее, иди на помощь, вставай!

Призыв пришлось повторить несколько раз, прежде чем закутанные с головой в одеяла люди услышали его. Наконец Лю Пи очнулся, натянул на себя шаровары и рубашку и ощупью пробрался к двери.

— Кто стучит? Что надо? — спросил он.

— Проснулся, черепаха! Я уже думал, вас хый-фын задушил,— послышалось за дверью. — Выходи скорее! Тут, возле вашего двора, волки задавили ишака надзирателя. Нужно хоть мясо спасти, пока не съели, обжоры.

Лю Пи открыл дверь. За ней стоял Ли Ю, погонщик на мельнице, согнутый дугой под бременем лет. В руке его было старинное калмыцкое ружье на сошках.

— Видишь, какая беда стряслась! — сказал он. — Ишаков мы, понятно, оставили сегодня на дворе, но корму дали мало, запас кончается. Вот они во время бури и вышли на улицу, перепрыгнув через ограду. А волки, видно, были близко, отбили одного, погнали и здесь, возле вас, и задавили. Я услышал шум, выбежал с ружьем и выстрелил. Волки убежали. Не знаю, ранил ли кого. Неужели вы не слышали крика, возни и выстрела?

— Где тут услышишь, спишь под одеялом, хый-фын гудит в трубе, — ответил Лю Пи. — Чего же тебе нужно от нас? Задавили у вас ишака, надзиратель купит другого, у него денег много.

— Жалко бросить мясо. Оставить так — волки придут доедать. Сейчас они только горло перегрызли и брюхо разорвали. А за ночь все сожрут.

— Так ты сядь с ружьем возле ишака и карауль до утра!

— Еще уснешь, так они и меня съедят! Стар я, Лю Пи, целый день маюсь на мельнице, не могу караулить, — плакался Ли Ю. — Нельзя ли ишака затащить к вам в фанзу?

— Нельзя, всю фанзу зальешь кровью, потом вонять будет, и с какой стати?

— Я бы отдал тебе переднюю ногу за это. Ишак молодой, жирный.

— Нет, в фанзу не возьму. А вот если дашь заднюю ногу, — мы вдвоем утащим его на мельницу. Идет?

— Что же делать, идет! Нам хоть три ноги и туша останутся.

Ли Ю ушел. Лю Пи ощупью пробрался на свое место, отыскал огниво, высек огонь и зажег лампочку; потом стал одеваться, одновременно расталкивая спавших. Это было не так легко. Прошло минут пять, пока они поняли, что от них нужно. Но слова «задняя нога» произвели магическое действие на Мафу. Теперь он уже торопил мальчиков.

— Понимаете, нахалы, три дня будем есть жирное мясо, вареное, жареное и пареное. Три дня — и все за маленькую работу. Долго ли стащить ишака за хвост на мельницу!

Пока остальные одевались, Лю Пи достал из мешка длинную веревку, выбрал из кучки коротких жердей, стоявших в углу и принесенных для починки крыши, четыре жерди потолще и связал их концы обрывками веревки в пучок; поперек других концов, разведенных на

две четверти один от другого, привязал еще одну жердь. Окончив работу, он сказал:

— Ну, готово? Так идем!

Рудокопы вылезли из фанзы. Хый-фын затихал, небо почти очистилось, луна ярко светила. Бросая резкие тени, тянулись квадраты оград отводов, а между ними белели дворы и улицы, то широкие, то суживающиеся. Кату, освещенный сбоку, местами блестел яркими точками и полосами; это гладкие поверхности сланцев отражали лунный свет, как зеркала. Между острыми вершинами уходили в глубь гор темные ущелья, казавшиеся теперь особенно дикими. Левее зубья Кату сразу оканчивались, сменяясь более мягкими формами гор по реке Ангирты, которые уходили грядой вершин в белесоватый горизонт.

— Совсем прохладно! — вздрогнул Мафу после теплого кана и ватного одеяла.

— Сейчас согреемся, — утешил Лю Пи.

Из калитки дворика вышли на улицу. Она была здесь широка, так как в этой части жилы расходились и отводы на одной из них далеко отстояли от других, расположенных на соседней жиле. Собственно, это была не улица, а часть пустыни, с плоскими холмиками, старыми ямами, которые рылись в тщетных поисках возможных промежуточных жил, кучами мусора и пустой породы — безрудного камня, вынутого вместе с кварцем для расширения шахт. Эта пустыня, освещенная луной, казалась особенно неровной; резкость теней преувеличивала все бугры, кучи и холмики.

Лю Пи поглядел вперед, вправо и влево. Вблизи ничего не было видно.

— О, о, о, ой, Ли Ю, где ишак? — закричал он.

— Здесь! — ответил старческий голос совсем близко, и из-за соседнего бугра поднялась тощая фигура с ружьем. — Чего долго не шли?

— Салазки ладили. По этим кочкам и ямам было бы плохо тащить, — ответил Лю Пи, направляясь к каральному. Мафу и мальчики, пожимаясь от прохлады, шли за ним молча. Они дремали на ходу.

Подойдя к Ли Ю, рудокопы увидели в небольшой впадине зарезанного ишака. Он лежал на боку, раскинув ноги и задрал голову. В толстом брюхе его чернела огромная дыра с рваными краями, в горле зияла большая рана. Кровь стояла на твердой глинистой почве лужами и казалась пролитой смолой, блестевшей под лучами луны.

— Важно отделали бедного ишака! — пожалел Пао. — Это, кажется, бурый?

— Да, бурка, молодой, глупый, — ответил Ли Ю.

— Волки не приходили больше? — поинтересовался Лю Пи.

— Приходили. Пока я вас будил да разговаривал — опять явились. Добычу изо рта вырвали у них. Они, верно, тут же по ямам сидят, ждут. Только утащим ишака, прибегут, хоть кровь слижут с земли.

— Эх, долго мы шли. А то бы я подстрелил одно-го! — пожалел Мафу.

Разговаривая, рудокопы вытащили ишака из ямы на ровное, чистое место, взвалили его на салазки, подтянули передние ноги к задним и связали их, чтобы не задевать за препятствия, взялись вчетвером за веревку, привязанную к жердям, и потащили. Погонщик шел сзади, подталкивая ружьем импровизированные салазки. Только они отошли шагов двадцать, как позади них протяжно завыл волк.

— Плачет, убийца! — шутил Мафу. — Дождись меня, я тебе продырявлю бок!

Ташить ишака по кочкам и ямам было трудно, и рудокопы часто останавливались передохнуть. Но затем улица стала уже, ровнее, посреди нее появилась хорошо протоптанная тропа, и салазки поехали быстрее. Добрались, наконец, до мельницы, возле которой в глинобитном домике, отличавшемся от фанз рудокопов несколько большей величиной и столбом у дверей, жил сам надзиратель. Ли Ю постучал в дверь и закричал:

— Лое, лое! Мы привезли мертвого ишака, куда его спрятать до утра? Или сам выйдешь?

Изнутри послышались вздохи и ругательства. Надзиратель, очевидно, неохотно расставался с теплым камом. В ожидании его рудокопы присели на корточки, вынули трубки, высекли огонь и закурили. Ли Ю присоединился к ним. Высоко поднявшаяся луна освещала эту странную группу.

Спустя несколько минут вышел надзиратель. Это был невысокий и жирный человек, с одутловатым лицом, в большой бараньей шубе. Черные пряди шерсти смешно торчали в разные стороны вокруг круглого лица, оттопыренных ушей и обвислых щек. Рудокопы и Ли Ю встали. Надзиратель осмотрел ишака и спросил сердито:

— Где ты нашел его, ротозей?

— Возле их отвода, лое, — ответил Ли Ю, указывая

на Лю Пи. — Волки только что успели загрызть его, я их отогнал выстрелом.

— Лучше бы волки заели тебя, нерадивый, черепашье яйцо¹, вместо моего ишака! Самый молодой и сильный был! Придется тебе покупать мне нового.

— Ой, лое, не гневайся! Та-жень², будь милосерд! Где же бедному погонщику взять денег на ишака? — И Ли Ю упал на колени к ногам надзирателя.

— Ну, ладно, за то, что ты спас мясо и шкуру, я удержу с тебя только половину цены ишака, — смилостивился надзиратель. — Стащите его на ночь в конюшню, а чуть свет нужно снять шкуру.

— Лое, этим людям я обещал заднюю ногу за то, что они помогли мне притащить ишака сюда, — заявил Ли Ю.

— Ты обещал?! — вскипел надзиратель. — Как ты смел распоряжаться моим добром?

— Не мог же я один унести такую тушу! Ведь больше целого ли до того места, где волки его заели.

— А вы, — обратился надзиратель к рудокопам, — не могли разве услужить вашему лое, не требуя награды?

— Мы бедные люди, та-жень, — сказал Лю Пи.

— Ну, я бы вам дал кусок! А то целую ногу, да еще заднюю!

— Не скупись, та-жень, тебе много останется. И шкура цела, смотри, я устроил салазки, чтобы камни не испортили ее. За это к ноге прибавить нужно что-нибудь.

— Ах вы, разбойники, стыда у вас нет! Ну, ладно, пожертвую вам ногу, но только переднюю, чтобы «сохранить свое лицо», раз этот негодяй обещал ее от моего имени. А прибавкой будет одно ухо... Ну, тащите его в конюшню.

— Возьмем одно ухо! — шепнул Лю Пи товарищу. — Больше, видно, у этого скареда ничего не выторгуешь.

Рудокопы потащили салазки во двор. Надзиратель крикнул им вслед:

— Пусть утром кто-нибудь из вас придет за мясом, только пораньше, чтобы помочь этому ротозею снять шкуру...

— Я приду снимать шкуру, я хорошо умею это, — заявил Мафу.

Он вдруг заторопился.

¹ Самое обидное китайское ругательство.

² Та-жень — большой человек.

— Побегу вперед: может, застану волка,— сказал он.

Как бывший пастух, Мафу умел стрелять и привез на рудники ружье. Но охотиться было некогда, и ружье висело, запыленное, над каном. Мафу побежал во весь дух и только перед двором замедлил шаги, стараясь не шуметь. Он влез со двора на крышу фанзы и, притаившись за трубой, стал всматриваться в безжизненные кочки и бугорки, черневшие вокруг впадины, где лежал ишак. Но вот один из бугорков шевельнулся, двинулся, приподнялся. Это был волк. Он сел, поднял голову и завыл.

Рудокоп осторожно слез с крыши, бросился в фанзу, засветил огонь, снял ружье, зарядил его и так же осторожно опять полез на крышу.

Волк теперь лизал остатки крови. Положив ружье на конек крыши и лежа ничком на скате за трубой, рудокоп выжидал, нацелившись и держа палец на собачке, пока зверь повернется боком.

Где-то недалеко послышались шаги. Волк встрепенулся, поднял голову, насторожил уши и повернулся в сторону доносившегося шума, как раз боком к Мафу. Грянул выстрел. Мафу поднялся и увидел, что на дне впадины билось что-то темное.

— Попал, попал! — радостно заорал он, махая ружьем.

Соскочив с крыши, он выхватил из фанзы кайлу и побежал к впадине. За двором к нему присоединились Лю Пи и мальчики. Когда они подошли, волк был уже мертв. Мафу торжественно поднял его за хвост.

Волка унесли в фанзу и долго еще, покуривая, обсуждали события вечера. Мальчики первые вспомнили о теплых постелях и скрылись под одеялами. Старшие последовали их примеру, и фанза погрузилась в темноту и тишину. Было уже за полночь. Хый-фын превратился в легкий ветерок и не тревожил сна рудокопов.

НА ЗОЛОТОЙ МЕЛЬНИЦЕ

На следующее утро Мафу, которому всю ночь снилась ослиная нога то в жареном, то в вареном виде с разными вкусными приправами, проснулся чуть свет, быстро оделся и побежал на мельницу, чтобы помочь Ли Ю снять шкуру и получить от надзирателя обещанные ногу и ухо.

Остальные поднялись не спеша. Мальчики развели

огонь и поставили на него котел с водой. Пока вода грелась, Лю Пи замесил тесто, раскатал его, нарезал полоски лапши шириной в палец и, когда вода вскипела, бросил их в котел. Ввиду предстоявшей переноски руды на мельницу в шахте в этот день не предполагали работать.

Едва лапша сварилась, явился Мафу с ногой ишака в одной руке и ухом в другой.

— Скрыга этот лое! — сказал он сердито. — За то, что я шкуру снимал, не дал ничего!..

Мафу заглянул в топку:

— Огонь у вас есть? Зажарим по маленькому кусочку на угольках. Пока съедим лапшу, мясо поспеет.

Лю Пи не стал противоречить. Мальчики вытащили котел из топки, Мафу нарезал мясо небольшими кусочками, нанизал их на прутики, выбранные из кучи топлива, и положил на треногу над догоравшим огоньком.

Уселись завтракать. Лапшу вылавливали из котла продырявленной ложкой, и каждый в своей чашке поливал ее черным китайским уксусом. Ели при помощи палочек, ловко захватывая скользкие, толстые полоски теста. Потом принялись за мясо, хотя оно не совсем дожарилось. Лю Пи расщедрился и нарезал к мясу зеленого луку.

— Хорошо поели сегодня, очень хорошо! — заявил Мафу, икнув от сытости на всю фанзу. — И еще дня четыре будем хорошо есть. Мясо снесем в шахту, — там холодно, оно не испортится...

Еду запили чаем и стали собираться на мельницу. Мафу не поленился спуститься в шахту, чтобы спрятать мясо, пока Лю Пи и мальчики наполняли свои корзины рудой. За неимением животных или тележки, рудокопы носили руду на мельницу на своих спинах. Эта переноска занимала несколько часов.

Когда Мафу вернулся, все четверо, согнувшись под тяжелой ношей, потянулись гуськом по улице, повторяя путь, сделанный минувшей ночью. На мельнице они сложили руду в отдельную кучу возле жернова и вернулись домой за новым грузом. Так они путешествовали взад и вперед, пока солнце поднималось все выше и выше по совершенно ясному небу. С каждым разом становилось жарче, и тяжелая корзина больше давила усталые спины; пот выступал крупными каплями на лбу и стекал ручейками по лицу. Мальчики с утра уже ходили без рубах, в одних коротких штанишках. Мафу и Лю Пи сбросили рубахи после нескольких путешествий

на мельницу и подкладывали их на спину под корзины; у них корзины были выше и шире, чем у мальчиков, и вмещали килограммов по сорок кварца.

Мельница работала с утра. Сваливая кварц, Лю Пи и Мафу перебрасывались несколькими словами с погонщиком Ли Ю и другими рудокопами, которые сами засыпали свою руду под жернова и отбивали золото на шлюзе.

Мельница была местом, где рудокопы, работавшие в своих отводах с утра и до вечера, чаще всего встречались друг с другом и обменивались новостями. Здесь можно было увидеть и приезжего казаха или калмыка, который привез на продажу барана, кумыс, кислое молоко, сыр из пенок, кошму или другой товар. Сюда же изредка приезжали нарочные из Чугучака, доставлявшие надзирателю провизию и увозившие золото, которое поступало в казну.

Вторым сборным пунктом была лавочка. Ее держал старый китаец по той же улице, дальше мельницы. К нему приходили за табаком, мукой, пшеном и другими припасами, и значительная часть золота, извлеченного из недр пустыни, переходила к нему. У него была двухколесная арба, две лошади и два ишака, и его сын постоянно ездил в Чугучак или на китайские заимки под Уркашаром за провизией и припасами.

К десяти часам утра наши рудокопы перенесли всю свою руду на мельницу. Мальчики ушли домой варить обед, причем Мафу долго и подробно рассказывал им, что и как приготовить из мяса. В это время Лю Пи помогал другому рудокопу, окончившему помол своей руды, выгрести остатки ее из-под жернова, чтобы начать засыпку своей.

Мельница для измельчения золотоносного кварца представляла собой огромную чашу, сложенную из больших глыб гладко обтесанного красного гранита. Эта чаша имела около двух метров в поперечнике, и борта ее возвышались над дном на четверть аршина. В центре был укреплен толстый деревянный столб, являющийся вертикальной неподвижной осью. На него надевалась железная проушина горизонтальной оси, проходившей через жернов-цилиндр из того же гранита, около 40 сантиметров в диаметре, который катался по чаше, приводимый в движение бегавшим по кругу ишаком, причем упряжь животного присоединялась к другому концу той же горизонтальной оси. На дно чаши насыпалась тонким слоем кварцевая руда, и тяжелый

жернов, катаясь по ней, дробил и превращал ее в муку. Руду засыпали сами рудокопы, предварительно раздробляя ее молотком на куски не больше яйца.

Чаша стояла посреди небольшого двора, а в соседнем дворе была старая шахта, богатая водой. Второй ишак приводил в движение примитивный насос, который выкачивал эту воду и подавал ее по желобу к чаше, где она смачивала раздробляемый кварц и затем стекала через отверстие у дна, унося с собой кварцевую муку. Эта жидкость грязно-молочного цвета собиралась на промывочный аппарат — длинный желоб с ровным дном, к которому через небольшие промежутки были прибиты плоские деревянные рейки. Желоб имел небольшой наклон, и вода медленно стекала по нему, оставляя частицы золота, как самые тяжелые, во впадинах между рейками и унося большую часть кварца.

Так была устроена эта мельница. Измельчение кварца производилось недостаточно полно, воды не хватало, особенно под вечер, а в желобе улавливалось не все золото — часть его уносилась с мукой дальше и попадала в отвал, то есть выбрасывалась. Целые холмы такой промытой кварцевой муки возвышались на пустыре возле мельницы и ждали техники с более совершенными приемами извлечения золота.

Время от времени ишаков останавливали, приток воды и катание жернова прекращали и из промежутков между рейками в желобе выгребали накопившуюся в них кварцевую муку с частицами золота, которую владелец домывал окончательно, то есть отделял от кварца ручным способом в плоской железной чаше. При этой домывке всегда присутствовал надзиратель, оберегавший казенные и свои интересы, чтобы рудокоп не утаил часть золота.

Настала очередь Мафу и Лю Пи. Чаша была выметена, желоба очищены, и предшественник домывал свое золото под зорким оком надзирателя возле небольшого пруда, занимавшего часть двора и наполнявшегося водой, стекавшей из желоба после промывки. Из этой воды на дно пруда осаждалась принесенная ею кварцевая мука, которую время от времени приходилось выгребать и отвозить на соседний отвал. Отстоявшейся водой пользовались для промывки, когда не хватало воды в шахте.

Мафу и Лю Пи засыпали лопатами свою руду на дно чаши; погонщик Ли Ю шелкнул бичом, и ишак, отдышавший во время чистки, свесив уши и полузакрыв глаза, встрепенулся и зашагал по кругу. Заскрипели

оси, заскрежетал кварц под тяжестью катившегося по нему жернова. Одновременно на соседнем дворике забегал второй ишак, подгоняемый мальчиком, помощником Ли Ю, и из желоба полилась в чашу вода.

— Да будет вам обильный выход! — сказал Ли Ю, когда кварц заскрипел под жерновом.

— Благодарю, — ответил Лю Пи, поднимая вверх правую руку, сжатую в кулак, с оттопыренным большим пальцем, что обозначало радость по поводу доброго пожелания.

— Ну, в этот раз ничего хорошего не будет, жила обеднела, — проворчал Мафу.

— Шш, болтун, — зашипел его товарищ. — Разве можно ругать жилу во время промывки? Демоны скрывают все золото за такие речи.

— Ну, у тебя везде демоны! — усмехнулся Мафу. — Выдумки все это, бабьи рассказы! Сколько дней я ковыряюсь в шахте, а демонов не видел и не слышал.

— Они невидимы для людей, — сердито сказал Лю Пи, принявшийся за дробление крупных кусков руды, — но слышать их можно. Когда перестанешь в шахте бить по кварцу, всегда услышишь: то щелкнет здесь, то треснет там, то запищит, как мышь. Это они при полете задевают крыльями за выступы.

— Я думаю, что это просто совы, которые живут в шахтах, — сказал Мафу. — И те огненные глаза, которые ты видел в чужой шахте на Дарбуты, тоже были совиные.

— Еще что выдумал! — крикнул Лю Пи. — Сов я видел и знаю. Помолчи лучше, если не можешь сказать ничего разумного!

Мафу улыбнулся, но спорить перестал. Некоторое время длилось молчание, зато усердно стучали молотки, дробя кварц, а жернов сопровождал их своим скрежещущим гулом. Вода однообразно журчала, падая из желоба, ишак также равномерно стучал копытами по твердой земле. Ли Ю сидел на корточках и, как только ишак начинал замедлять свой ход, покрикивал: «И, и, и!» — или щелкал бичом. По временам Лю Пи или Мафу, прерывая дробление руды, поднимались, шли вслед за ишаком и взрыхляли слой давленого кварца на дне чаши либо подсыпали свежей руды, равномерно ее разбрасывая.

Рудокоп, домывавший руду, ушел с надзирателем в фанзу, где последний взвешивал золото и отделял долю казны и плату за помол.

Воспользовавшись отсутствием надзирателя, погонщик Ли Ю сказал рудокопам:

— Когда лое будет вешать ваше золото, смотрите в оба.

Лю Пи кивнул головой и сказал:

— Приходи сегодня ужинать. Жарко, надо съесть мяса, а то испортится.

— А что, лое припрятал все мясо? — поинтересовался Мафу.

— Все как есть убрал в кладовую. Целый месяц не будем покупать баранов у калмыков, сказал.

— Разве мало у него денег? Скряга! — сказал Лю Пи. — Каждый день золото с нас собирает...

— В Чугучак ртсылает, семейство кормит, долги платит. За свою должность немало заплатил, — пояснил Ли Ю.

— Видно, доход имеет большой, иначе не стал бы покупать эту службу?

— Как поживаете? Кушали уже или не кушали? ¹ — раздался писклявый голос появившегося во дворе китадца, опрятно одетого в длинную синюю курму, буро-зеленые панталоны, завязанные у щиколоток, и синие туфли на толстой подошве. Из-под черной атласной шапочки с красной шишечкой свешивалась сзади коса, искусственно удлиненная вплетенными в нее шелковыми нитками.

— О, Ван Ли уже вернулся! — воскликнул Лю Пи, отвечая на приветствие. — Как это ты успел? Или тебя хый-фын принес на крыльях воздушных демонов?

— Именно он! — засмеялся Ван Ли, присаживаясь на корточки вблизи рудокопов и доставая кисет и длинную трубку с нефритовым мундштуком.

— Какой разумный китаец поедет в далекий путь, когда хый-фын на примете? — продолжал Ван Ли, высекая огонь. — А что, сегодня много золота намоешь? Свой долг уплатишь? — обратился он к Лю Пи.

— Едва ли много, жила плоховата стала, тверда, как кремь, — ответил Лю Пи несколько смущенно.

Лавочник Ван Ли, которому многие рудокопы задолжали за припасы, имел обыкновение приходиться на мельницу, когда его должники мололи руду, чтобы взыскать долг или хотя бы часть его тут же на месте из намытого золота. Лю Пи, не ожидавший столь быстрого возвращения Ван Ли, рассчитывал на этот раз ускольз-

¹ Обычное приветствие китайцев при встрече.

нуть от уплаты из своей рудной выручки и был неприятно поражен появлением лавочника. Но приходилось «сохранять свое лицо».

— Вот в следующий раз, наверно, золота будет больше, — сказал он.

— Все вы так говорите, — проворчал Ван Ли. — Что-то плохо стали работать в Чий Чу. Или золото кончается, или люди обленились. Каждый месяц долги нарастают. Хоть закрывай лавку...

— Правда, — подтвердил Мафу. — Исхудали наши жилы.

— Не каркай, ворон! — рассердился Лю Пи. — Накличешь худа. В жилах всегда то густо, то пусто. Переберем — опять хорошо будет.

ЖАДНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ

Ван Ли посидел с рудокопами и пошел в фанзу к надзирателю, с которым также имел счеты. Часа через три руда Лю Пи была перемолота и промыта. Мафу занялся очисткой чаши. Лю Пи вызвал надзирателя и в присутствии его и Ван Ли собрал драгоценные остатки из желоба и промыл их у пруда в ручной деревянной чаше, имевшей вид плоского конуса. Положив в нее несколько горстей кварцевой муки с золотом и налив воды, Лю Пи приводил чашу в быстрое вращательное движение; вода взмучивалась и, выплескиваясь через борта, постепенно уносила кварц, тогда как золото собиралось в центральном углублении. В несколько приемов были промыты все собранные в желобе остатки, и надзиратель понес золото в фанзу. Лю Пи, Мафу и Ван Ли последовали за ним.

Фанза надзирателя состояла из двух небольших комнат и кухни с земляными полами, окнами, заклеенными бумагой, и камышовыми потолками-крышами, как и в жилищах рудокопов. В первой под окном стояли квадратный стол и неуклюжее жесткое кресло, на столе лежали свертки бумаги, несколько книг, кисть для писания и тушь, растертая на квадратном блюде из мягкого сланца.

Надзиратель уселся в кресло и вынул из плоского футляра маленькие китайские весы-безмен, на костяном коромысле которого были нанесены какие-то черточки и точки. К одному концу на шелковых шнурках была подвешена медная чашечка, в которую сыпалось золото, а на другой конец надевалась на шнурке медная гирь-

ка. Взяв двумя пальцами шнурок, продетый через коромысло ближе к чашке, и передвигая гирьку в ту или другую сторону, можно было уравновесить чашку с золотом, а по черточкам коромысла в том месте, где шнурок гирьки был остановлен, отсчитать вес золота.

Лю Пи и Мафу, стоя позади кресла, внимательно следили за взвешиванием. Устройство безмена, употребляемого во всем Китае, было им известно, и черточки на коромысле они разбирали свободно. Но при весах этого рода точность взвешивания зависит от того, соответствует ли употребляемая гирька делениям на коромысле. Если взять гирьку более тяжелую — она уравновесит и большее количество груза на чашке, но шнурочек ее ляжет на деление, соответствующее меньшему грузу, уравниваемому гирькой, сделанной для данного безмена.

У надзирателя гирька по внешнему виду была правильная, с теми же значками, как на чашке безмена, но в ней часть меди была высверлена и заменена более тяжелым свинцом. Эту разницу в весе удаленной меди и заменившего ее свинца надзиратель утаивал из взвешиваемого золота в свою пользу, сверх вычета за помол руды и казенного налога, так как безмен всегда показывал вес золота немного меньше действительного.

Уравновесив весы, надзиратель дал Лю Пи взглянуть на коромысло.

— Видишь, твое золото весит ровно один лан, четыре цына и семь фынов¹. Немного же ты наработал за последнее время! Ленился, видно. Много мяса кушаешь — оно вредно для рабочего человека.

— Жила пошла бедная, лое, — оправдывался Лю Пи. — Кварц — что кремень, такой твердый.

— Бьешь, бьешь, все руки отобьешь, а руды мало добываешь, — прибавил Мафу.

— Поздно идешь в шахту, рано вылезает, вот отчего мало руды, — укорял надзиратель. — А в шахте сидишь и куришь.

— Напрасно говоришь это, — возразил обиженно Лю Пи. — Не первый год работаю в Джаире. И просо, которое человек сеет сам на поле, растет не везде одинаково — то гуще, то реже. Тем более золото в жилах.

Надзиратель в это время писал кисточкой какие-то иероглифы на бумажке и, показывая ее Лю Пи, заявил:

— В казну следует пятнадцать фынов, за мельницу

¹ 1 лан равен 37 граммам и содержит 10 цынов, или 100 фынов.

семь с половиной фынов, за ногу моего ишака, которую ты пожелал кушать, два цына...

— Лое, как же так! Ногу ишака мы получили за его доставку на мельницу! — воскликнул Лю Пи, пораженный словами надзирателя.

— Мы ее честно заработали, спасли тебе всего ишака от волчьих зубов, — добавил Мафу.

— Это слишком много за такую пустяшную работу. За нее я дал вам ослиное ухо, — спокойно возразил надзиратель, ссылая золото Лю Пи на бумажку и укладывающая весы в футляр.

— Но Ли Ю обещал нам именно ногу, заднюю ногу, а не ухо! — горячился Мафу.

— Если Ли Ю обещал ногу, то и должен был дать, но только от своего ишака, а не от моего. Он не имел права распоряжаться ногой моего ишака, — сказал надзиратель спокойно и внушительно.

— Если бы мы не пришли на помощь Ли Ю, от твоего ишака не осталось бы даже шкуры, лое. Будь справедлив, прими это во внимание, — уговаривал Лю Пи.

— Хорошо, я буду справедлив. За вашу помощь я даю вам половину ноги в награду, а за вторую половину вы заплатите мне один цын — сущие пустяки за такое молодое и жирное мясо.

— Нет, это несправедливо! — воскликнул Мафу. — Сначала обещать даром, а потом брать деньги.

— Тебе тут, собственно, нечего разговаривать, приятель, — ответил надзиратель, повышая голос. — Отвод отдан Лю Пи, он принес золото, я с ним считаюсь, а тебя я не знаю. Кто ты такой? Может быть, беглый солдат или преступник?

— Это мой компаньон, лое, — заявил Лю Пи.

— Это ничего не значит. За отвод ты один отвечаешь, потому что ты здешний, старый рудокоп. Ну, так вот: за переднюю ногу ишака я назначаю для ровного счета девять с половиной фынов, уступаю вам полфына. Если не согласны — принесите ногу назад, мы ее свесим, и половину вы получите даром в награду за помощь.

— Но она уже жарится и варится! — не утерпел Мафу.

— Тогда вам придется только согласиться на мое предложение, — спокойно возразил надзиратель, — в казну пятнадцать фынов, за мельницу семь с половиной фынов, за мясо девять с половиной, всего нужно удерживать из твоего золота три цына два фына. Верно?

— Придется так,— угрюмо сказал Лю Пи. — Не вынимать же мясо из котла.

— Стало быть,— сказал надзиратель,— тебе причитается выдать золота один лан, один цын и пять фынов.

Лю Пи сделал в уме вычисления и сказал:

— Да, один лан и полтора цына.

— Вот и отвесим их.

С этими словами надзиратель опять достал весы из футляра, но только на этот раз с гирькой более легкой, слегка подпиленной. Он поставил шнурочек гирьки на деление в один лан полтора цына и затем стал насыпать золото с бумажки на чашку, пока весы не пришли в равновесие.

— Получай свое золото. В следующий раз, надеюсь, ты принесешь больше. Небеса да помогут тебе!

Лю Пи взял бумажку со своим золотом, бросив подозрительный взгляд на кучку, оставшуюся на бумажке у надзирателя и казавшуюся ему слишком большой для веса в 32 фына. Но взвешивание было произведено на его глазах и проверено им — возражать нельзя. Отвесив положенный поклон, оба рудокопа вышли из комнаты.

Надзиратель потер руки от удовольствия. Его проделка вполне удалась. Он поднял вопрос об оплате ноги ишака только для того, чтобы вызвать возмущение рудокопов, отвлечь их внимание от весов и незаметно переменить гирьки. Но Лю Пи оказался более податливым, чем он ожидал, и надзиратель прикарманил не только излишек золота, полученный при помощи обвеса неверными гирями, но и девять с половиной фынов за мясо.

— Пожалуй, на половину нового ишака я уже набрал,— пробормотал мошенник, отпирая шкатулку, спрятанную у него в изголовье постели, и ссыпая туда золото Лю Пи.

Рудокопы, выйдя от надзирателя, наткнулись на поджидавшего их у дверей лавочника Ван Ли.

— Теперь зайдем ко мне, приятель,— пригласил последний. — Выкурим трубочку, подведем счета, возьмем опять товару.

— Обедать пора,— возразил Мафу. — Мы придем после обеда.

— Пустяки, до лавки два шага отсюда, а до вас далеко. Мы покончим быстро, мясо не убежит.

— Иди домой, Мафу,— предложил Лю Пи,— при-

смотри за обедом. Надо ведь посчитаться, да и табак на исходе, соли нет, еще кое-чего не хватает.

Мафу побежал домой, а Ван Ли и Лю Пи отправились в лавку, где почти все золото рудокопа пошло в уплату долга за продовольствие. Выкурив пару трубочек и поспорив, как полагается при проверке записей счета, нередко возбуждавших сомнение, Лю Пи нагрузился мешочками с табаком, солью, гуамьяню, пшеном и другими припасами, сложил их в свою пустую корзину за спиной и медленно зашагал домой.

Он был расстроен и недоволен. Он упрекал себя за то, что был слишком уступчив и не отторговал всей ноги.

— Слыханное ли дело,— бормотал он, шагая под жгучими лучами полуденного солнца по каменистой тропе между унылыми оградами отводов, не дававшими тени,— слыханное ли дело, чтобы надзиратель рудника терял свое лицо, не краснея! Два цына за ногу дохлого ишака! Живодер, обманщик! И весы у него неверные. Его кучка должна была быть почти в четыре раза меньше моей, а она была меньше только раза в три. Нет, не нравится мне этот лое! Только и остается уйти отсюда в другое место. Поработаю еще дня два-три в шахте и, если жила не станет лучше, пойду в Ван-Чжу-Ван-цзе брать новый отвод. Там, говорят, лое хороший и место куда лучше — река, роши, камыш, трава; веселое место. Пусть Мафу кончает, что осталось от жилы, а я пойду в Дарбуты. Места знакомые.

Так размышлял Лю Пи, шагая по раскаленной каменистой почве пустынной улицы к своей фанзе.

Недалеко от своего отвода он увидел бегущего ему навстречу Пао. Мальчик издали кричал:

— Иди же скорее, дядя! Мафу грозитя, что съест все один, пока мясо не сгорело и не разварилось. Он уже сел на кан и ругается.

— Беги, скажи этому обжоре, что я иду,— усмехнулся Лю Пи, прибавляя шаг, несмотря на тяжелую ношу.

Обед вышел на славу. Наевшись досыта, рудокопы не захотели лезть в шахту и решили устроить себе полупраздник. Выспались основательно, потом пили чай, за которым Лю Пи сообщил Мафу о своем решении и обсудил с ним подробности переселения. К ужину Мафу состряпал пирожки с мясом и поджарил их в котле на кунжутном масле. Погонщик с мельницы Ли Ю не замедлил явиться, как только солнце закатилось, и ком-

пания весело провела вечер, беседуя о скупом надзирателе, его проделках и придириках, вспоминая его предшественников и разные события из жизни золотоискателей.

СЧАСТЬЕ ЛЮ ПИ

На второй день после описанных событий, уже под вечер, Лю Пи ковырял свою жилу на уступе. Работал он нехотя, так как жила была по-прежнему твердой, быстро тупила инструменты, а золота давала мало. Внизу колотил Мафу с тем же успехом, еле сдерживая проклятия по адресу подземных демонов, скрывших золото.

— Еще час поработаю — и будет! — пробормотал Лю Пи, присев отдохнуть и покурить. — Видно, ничего не получим здесь, только все кирки перепортили. Завтра пойду в Ван-Чжу-Ван-цзе искать отвод. Попадется хороший — переберемся туда. Если нет — придется сходить еще в Дагун или в Катунь.

Набив трубку и закурив ее от лампочки, Лю Пи взял несколько кусочков кварца из кучки, набитой им после ухода рудоносков, и стал их рассматривать. В одном куске блеснуло крупное желтое зерно.

— Неужели золото? И хороший кусочек, пожалуй, на целый цын будет. Жила, видно, не хочет, чтобы я ушел завтра, — засмеялся Лю Пи, отложив кварц в сторону. — Ну-ка, посмотрим, нет ли еще?

Он перебрал дрожащими от волнения руками всю свою кучку руды и нашел еще в нескольких кусках зерна золота различной величины.

— Как же это я не заметил их раньше? Забрал бы их Пао в корзину, и пошли бы они на мельницу, а потом в карман к этому мошеннику.

Отложив кусочки с золотом, Лю Пи, забыв о погасшей трубке, стал рассматривать жилу сверху донизу. Золото блестело в разных местах вдоль всячего бока то мелкими, то крупными зернами, то целыми нитеобразными прожилками. У рудокопа от волнения сперло дыхание, и рука, водившая лампочку вдоль жилы, задрожала.

«Давно не видел я столько золота в жиле! — подумал Лю Пи. — Пожалуй, ни разу даже не видел. Вот так счастье привалило! А я-то хотел уйти, бросить жилу...»

— Оно уходит и вниз, — бормотал он, проследив золотые нити и вкрапления до подошвы своего забоя. — Значит, и Мафу попадет на него, когда подвинется вне-

ред на размах. Нужно сказать ему, чтобы он работал проворнее и не прозевал.

Лю Пи шагнул к краю своего уступа и позвал хриплым шепотом:

— Мафу, о-о, Мафу, иди сюда!

Мафу в это время присел отдохнуть и покурить, и ему не хотелось вставать.

— Ну, что нужно? Уж не демона ли опять увидел? — отозвался он недовольным тоном.

— Иди же! Золото показалось!

— Ну и пусть тебе показалось! Мне-то что?

— Да иди же посмотреть, лентяй! Оно и у тебя будет. Большое золото!

— Правда? Ну иду!

Мафу лениво поднялся и, цепляясь за выступы, полез на уступ к Лю Пи. Последний осветил жилу лампочкой.

— Видишь, сколько его тут? И к тебе спустилось, смотри!

— Ой-ой! — только и сказал Мафу, пораженный богатством жилы. Ему, работавшему в шахте недолго, до сих пор приходилось видеть только мелкие зерна благородного металла, изредка попадавшие в кварце и различимые лишь при тщательном осмотре. Здесь же золото сразу бросалось в глаза даже неопытному человеку. Оно приветливо блестело в молочно-белом кварце, отражая свет лампочки отдельными гранями зерен, искрившимися, подобно маленьким звездам. Мафу присел на корточки у забоя и впился жадным взором в кварц; его рука невольно поднялась и стала ласкать эти зерна и нити благородного металла, спускаясь по ним до самой подошвы забоя.

— Ты только смотри не болтай, — сказал Лю Пи, — ни соседям, ни мальчикам ни слова, а то худо будет. Лое шкуру сдерет с нас, если узнает, что пошло богатое золото. Ой, кажется, мальчики идут за рудой.

Лю Пи замолк, и оба замерли, прислушиваясь. Из мрака шахты донесся шорох скатившегося камешка и глухой возглас.

— Идут! Спустись к себе! — скомандовал Лю Пи и, схватив кусок смятого, размокшего от подземной сырости сланца, стал замазывать им золотые зерна и нити на кварце забоя, чтобы они не бросились в глаза рудоносам и не выдали тайны.

Мафу стал спускаться на дно шахты.

— Задержи мальчиков у себя немного, пока я отки-

ну богатый кварц в сторону,— бросил ему вслед Лю Пи и принялся за сортировку кучи руды, набитой за последние часы. Одной рукой он держал лампу над кучей, другой брал кварц кусок за куском, быстро осматривал их и отбрасывал в сторону те, в которых видно было золото.

Спустившись к своему забою, Мафу осмотрел его и, убедившись, что золота в нем не видно, разыскал брошенную впопыхах трубку, набил ее и стал курить в ожидании рудоносков. Последние не замедлили вынырнуть один за другим из мрака.

— Ой, ой, как ты мало наколотил, Мафу! — воскликнул Пао, бросив взгляд на приготовленную руду. — И полкорзинки не будет.

— У Лю Пи не больше наберется. Вот, посидите немного тут, мы еще набьем, если вам мало, нахалы.

Мальчишки не заставили себя просить и присели на корточки в стороне. Мафу поднялся и стал бить кварц с такой силой, что искры так и сыпались из-под его кирки. Куски руды отрывались и падали вниз, увеличивая кучку у подножия забоя.

Проработав минут пять, Мафу остановился, чтобы перевести дух.

— Хватит! — сказал Пао. — Накладывай в корзину.

— Эй, что вы там застряли! — слышался голос Лю Пи с уступа. — Хун, ползи сюда.

Когда рудоносцы, погрузив кварц, собрались уходить, Лю Пи крикнул им вслед:

— Сегодня больше не нужно приходить, мальчишки. Руды будет мало. Отправляйтесь за топливом в холмы.

— Только не бегайте до ночи, — проворчал Мафу. — Ужин варить нужно.

Едва мальчишки ушли, Лю Пи спустился к Мафу и осмотрел его забой.

— У тебя золота еще нет, — заявил он. — Мы сегодня же начнем толочь кварц. Немного погодя ты сходи наверх и принеси свою ступку. Теперь зевать и отдыхать нельзя. Гони свой забой всюю, чтобы скорее добраться до золота.

Он полез к себе наверх и принялся за работу. Мафу последовал его примеру.

Целая неделя прошла в усиленном труде. Перед обедом, отправив рудоносков и наказав им заняться варкой пищи, и перед ужином оба рудокопа занимались усердным толчением кварца, отложенного Лю Пи в сторону. Потом Лю Пи промывал богатую муку в чаше, черпая

воду из ямы в самом глубоком месте шахты. Крупинки золота и золотой песок, получавшиеся после этой промывки, он тщательно собирал в тряпку и прятал в укромной щели отвода, куда мальчики не заглядывали. Хранить их в фанзе Лю Пи боялся — мальчики могли случайно наткнуться на скрытое сокровище.

К концу недели забой Мафу настолько подвинулся, что и в его верхней части появилось золото. В забое Лю Пи оно также держалось все время то в большем, то в меньшем количестве. Теперь предстояло еще усиленнее заняться толчением и промыванием.

Проговорился ли Мафу, или мальчики заметили, что в выносимой ими руде чаще попадаетея видимое золото, чем раньше, и начали выковыривать его потихоньку, обменивая у лавочника на табак и сласти, но в поселке стали поговаривать, что в отводе Лю Пи появилась богатая руда. Один сосед спросил его об этом, встретив в обеденное время на улице. Другой сам заглянул в фанзу к рудокопам после ужина и передал о слухах. Мафу и Лю Пи их отрицали, утверждая, что как-то попало несколько зерен, но теперь идет опять мало-мало, как раньше.

С тех пор Лю Пи спал беспокойно. Он вставал несколько раз в течение ночи, подкрадывался к устью шахты и подолгу, притаившись, прислушивался. Над затихшим после дневной работы поселком чернело небо, усеянное звездами; серп луны на ущербе появлялся из-за далеких холмов и тускло освещал тесный дворик. Но шахта была безмолвна, и только изредка из темной глубины ее доносились обычные звуки — шорох сползавшего мелкого щебня или стук скатившегося камня. Порой ветер гудел в ущельях Кату и стонал, словно больной человек, заставляя Лю Пи вздрагивать.

Так прошло еще несколько дней. Тряпка с золотом в укромной щели порядочно набухла, и пришлось взять вторую. В забое Мафу золота оказалось не меньше, и перед каждым приходом мальчиков за рудой оба забоя тщательно замазывались грязью, взятой со дна ямы.

Однажды под вечер опять подул хый-фын, не такой сильный, как в прошлый раз, но не менее шумный. Тотчас же после ужина, под гул ветра, Мафу и мальчики заснули. Но Лю Пи был встревожен больше обычного и не мог задремать; последние дни он даже перестал раздеваться, чтобы при первой тревоге не терять времени на одевание.

Когда совершенно стемнело, он поднялся, тихонько

вышел из фанзы и, притаившись возле дверей, стал всматриваться в темноту и вслушиваться. Небо было обложено густыми тучами, и порывы ветра проносили порой крупные капли. Стояла такая темень, что в трех шагах не увидишь человека. Подождав немного, рудокоп стал потихоньку подвигаться к устью шахты, считая шаги, чтобы не свалиться в невидимую дыру. Ветер трепал его жидкую косичку, надувал рубаху, забирался в шаровары и, после теплого кана, заставлял ежиться от холода; крупные и мелкие пёсчинки сыпались градом на голову.

Дойдя до устья шахты, рудокоп прилег на землю, свесив голову над еле черневшей щелью, и стал напряженно вслушиваться. Вначале из-за ветра ничего не было слышно, но вот хый-фын затих на несколько секунд — и из глубины шахты донеслись явственные, хотя и глухие, удары.

«Эге, вор работает, золото крадет!» — подумал Лю Пи, и сердце его затрепетало от негодования. Ветер опять зашумел, но Лю Пи остался на месте, ожидая новой минуты затишья. Он лежал плашмя, всматриваясь в мрак бездны и стараясь уловить признак самого слабого света.

Хый-фын снова затих, и Лю Пи превратился в слух, зажмурился даже глаза. Снова глухие удары донеслись из глубины, и как будто блеснул слабый свет.

— Ага!.. Так!..

Лю Пи вскочил, вернулся в фанзу, ощупью добрался до Мафу и стал его расталкивать. Рудокоп ворчал и ругался сквозь сон, пока не понял в чем дело.

— Вор, говоришь, золото крадет? — проговорил он наконец, присев на своем ложе и натягивая шаровары. — Что же мы будем с ним делать?

— Схватим, свяжем руки, золото отберем. Вора отведем к лое.

— Зачем к лое?

— Не можем же мы сами наказать его!

— Почему нет? Отлупим так, чтобы помнил и больше не приходил. А если иметь дело с лое, он станет из нас жилы мотать — за суд, за следствие, за прокорм вора в тюрьме...

— Твоя правда, Мафу. От лое дешево не отделаешься.

— Он еще тебя посадит в тюрьму за то, что скрыл богатое золото, не сдавал всей руды на мельницу. Отвод, пожалуй, отберет.

— Правда, правда, Мафу. Лое — жадный, бессовестный человек.

Мафу слез с кана, нащупал в углу веревку и прихватил на всякий случай кирку. Лю Пи достал запасную рудничную лампочку, сунул за пояс кисет, к которому были привязаны огниво и трут, и оба рудокопа вышли на двор. Мальчики ничего не слышали: завернувшись с головой в одеяла, они спали, как мертвые.

Прохладный хый-фын обдал рудокопов своим песчаным дыханием.

— Ну и дует же, проклятый! — проворчал Мафу, вздрогнув от холода. — Лампочку не даст засветить.

— Мы спустимся размаха на три без огня, а там засветим.

— Только не бей сильно. Не убил бы ты его сгоряча, — встревожился Лю Пи.

— Ну ладно, не бойся, — успокоил его Мафу.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Дойдя до устья шахты, Лю Пи осторожно стал спускаться в темную щель, нащупывая ногами уступы. Мафу ждал, чтобы его хозяин засветил огонь: он не решался лезть во мрак. Когда на некоторой глубине порывы хый-фына перестали ощущаться, Лю Пи высек огонь, зажег лампочку и продолжал спуск. Мафу осторожно и бесшумно следовал за ним.

Добравшись до конца спуска, рудокопы подвесили лампочку к выступу скалы и повернули по штреку, подвигаясь медленными шагами. У забоя они теперь увидели полуобнаженного китайца, который, присев на корточки, рылся в куче набитой им руды, одной рукой придерживая огарок сальной свечи, а другой отбирая богатый золотом кварц. Он так был поглощен своей работой, что не заметил приближения рудокопов.

Подойдя почти вплотную к вору, Лю Пи быстро схватил его руку с огарком, чтобы сохранить свет, а Мафу одновременно сильным нажимом на плечи опрокинул его на спину.

— Ой, ой, не убивайте меня! — завопил испуганный китаец, не пытаясь даже сопротивляться.

— Золото воруюшь, негодяй! — крикнул Лю Пи.

— Я только так, посмотреть пришел. Слышал, у вас хорошее золото пошло...

— Вот я тебе покажу, хорошее золото! — проворчал Мафу и, повернув пленника лицом к земле и придавив

коленими ноги, начал хлестать его толстой веревкой по плечам, спине и ниже пояса. Китаец стонал и выл, вздрагивая под сильными ударами.

— Будешь ходить к нам еще? Будешь воровать золото? — приговаривал Мафу.

Когда вся спина вора покрылась красными и синими подтеками и кровь выступила коралловыми каплями на смуглой коже, Лю Пи, державший свечу, заявил:

— Довольно, Мафу! Пускай идет к черту!

Мафу стегнул еще раз-другой и встал, переводя дух. Вор продолжал лежать, дрожа всем телом.

— Не убил ли ты его? — встревожился Лю Пи.

— Вевкой человека не убьешь! — усмехнулся Мафу и толкнул вора ногой в бок со словами: — Вставай, негодяй, и уходи, если не хочешь второй порции.

Избитый поднялся, кряхтя, на колени и потянулся за киркой, лежавшей у подножия забоя.

— Нет, кирка нам останется! — заявил Мафу и забросил ее подальше на уступ.

Вор захватил рубаху, кисет и трубку, сложенные в стороне, и, под конвоем обоих рудокопов, поплелся по штреку к шахте. Дойдя до лампы, Лю Пи приказал:

— Проводи его наверх, Мафу. Я останусь еще, беру, что он напакостил.

Вернувшись к забоям, Лю Пи тщательно осмотрел жилу. Вор, торопясь добыть побольше золота, долбил те части жилы, в которых виднелось много зерен металла; отбитые им куски кварца у подножия забоя составляли порядочную кучку. Лю Пи, бормоча проклятия, пересмотрел кварц и отложил в сторону все кусочки, содержавшие золото. За этим занятием застал его возвратившийся Мафу.

— Он грозитя донести лое, что мы скрыли богатую жилу, избили его и отняли кирку. Жаль, что мы не убили его!

— Пусть себе грозитя, — сердито ответил Лю Пи. — Если донесет, ему тоже не поздоровится.

— А ты знаешь его?

— Как не знать! Рудокоп из Дагуна, Цзинь Тай, что ли, зовут его. Лентяй, бездельник. Себе отвода не берет, а занимается то к одному, то к другому хозяину и ворует у них золото. Потом шатается где-то, в Чугучаке, в Шихо, живет на краденое. Уже с год ничего о нем не было слышно, пропадал где-то. И в тюрьме он не раз сидел.

— Боюсь, что он донесет лое, — сказал Мафу.

— Прямо не донесет, а слух по рудникам пустит...

С этой ночи наши рудокопы стали трудиться еще усерднее, чтобы поскорее доработать богатое место. По ночам они поочередно спали на дворе у устья шахты, так что вор не мог спуститься туда, не потревожив спящего. Время было еще летнее, и ночи достаточно теплые.

Мальчики обратили внимание на странное поведение старших и стали внимательно пересматривать куски руды, вынесенной из шахты.

Их поиски не остались без результата; то в том, то в другом кусочке им попадались зерна золота, не замеченные рудокопами при слабом свете лампы. Мальчики усердно выбивали эти зерна и накопили себе «на черный день» порядочное количество их, храня свой капитал в тряпочке, запрятанной в щель ограды. В свободные часы они вытаскивали свое сокровище и любовались им, пересыпая золотые крупинки и оценивая их стоимость. Табаку у них теперь было вдоволь, и они позволяли себе курить не только каждый раз по выходе из шахты с рудой, но и на холмах, когда ходили за топливом. Кроме табаку они иногда покупали и лакомства — земляные орехи ло-ху-ши, пряники, которые были так тверды, что их приходилось давить между камнями, сахар-леденец.

Через неделю после поимки вора настала опять очередь Лю Пи молотить руду на мельнице. Когда он и Мафу явились с первыми корзинками, Ли Ю встретил их возгласом:

— Вот и счастливичики явились! Увидим, какое у вас богатство, увидим! Люди говорят, что шибко много золота в вашей жиле.

— Шибко много врут,— ответил Лю Пи сердито.

— Будто врут? — усмехнулся Ли Ю. — Зря говорить не стали бы.

— Зачем зря? Гнезда иной раз попадают, но настоящего богатства нет. А из каждого гнезда людская молва сто сделает, сам знаешь.

Ли Ю недоверчиво покачал головой и стал просматривать высыпанную руду. В это время на двор вышел лое.

— Ну-ка, показывайте вашу богатую руду. Слышал и я, что ваш отвод под конец наградил ваши труды,— сказал он насмешливо, наклоняясь к кучке кварца. — Не видать что-то! Вы, дьяволы, наверное, все выковыряли и спрятали, а? — прибавил он строго, впиваясь при-

щуренными глазками в лица рудокопов. — Смотрите у меня!

— Ничего не спрятали, та-жень! — спокойно заявил Лю Пи, давно уже приготовившийся к этому допросу. — Богатые куски отложили только, в последних корзинах принесем. Сам увидишь, велико ли богатство.

— То-то! Если утаите что-нибудь, всю фанзу пере-рою, всю шахту осмотрю. И найду, от меня ничего не скроете. Я все знаю, что на руднике делается!

Он повернулся и пошел к себе. Но на пороге фанзы остановился и прибавил:

— Когда принесете богатую руду, позовите меня. Я посмотрю, много ли сдаете.

— Ишь мощный! — пробормотал Мафу, когда дверь захлопнулась.

— Сколько бы ни принесли, все, скажет, мало, — прибавил Лю Пи.

— А вы не очень скупитесь, — посоветовал Ли Ю. — Рассердится, придет к вам в шахту, увидит золото в забое и отнимет у вас отвод. Поставит своего человека докапывать или продаст другому рудокопу за хорошую взятку.

— Знаем мы эти шутки! — усмехнулся Лю Пи.

— Мы себе руки отшибаем и спины гнем, долбя жилу с утра до вечера! — воскликнул Мафу. — А он, жирный боров, только ест, пьет да на кане лежит.

— На то он начальник рудника и должен порядок оберегать.

— Все они на наш счет наживаются, черти! — заключил Мафу, отправляясь снова за рудой.

После нескольких путешествий взад и вперед Мафу и Лю Пи также остались на мельнице дробить руду, которую потом приносили одни мальчишки. Только в конце оба рудокопа отправились домой сами, чтобы принести припрятанные в шахте богатые куски и отклонить от себя подозрение и гнев начальника. Они все же принесли куски кварца похуже, в которых, однако, также блесло золото. Когда рудокопы высыпали две неполные корзины этой дани к ногам лое, глаза начальника заблестели жадностью, и он воскликнул:

— Вот какое богатство попало к вам, счастливцы! Но, знаете, за богатую руду в казну следует платить не десятую часть золота, а пятую.

Лю Пи был поражен. Как старый рудокоп он знал, что в казну всегда поступала десятая часть золота, сколько бы ни давала жила. Выдумка начальника, оче-

видно желавшего присвоить себе столько же, сколько поступало в казну, озадачила его.

— Как так, лое? — пробормотал он смущенно. — Казна получает с лана один цын, а за помол еще пять фынов, таков закон.

— Что ты учишь меня! — вскипел лое. — Так было прежде. А теперь новое распоряжение получено из Пекина: с богатой руды брать не один цын, а два, потому что казне много денег нужно. Война началась, в Туркестане мусульмане бунтуют, в Кульдже дунгане.

— Вот как! Война будет? — удивился Лю Пи. — А мы и не слышали ничего.

— Дунгане — хороший народ, — усомнился Мафу, — чего им бунтовать?

— Дунгане и мусульмане всегда были бунтовщиками! А за помол богатой руды также плата дороже, — прибавил лое, заметив, что его выдумка об удвоении отчислений в казну не встретила сильного отпора. — За помол теперь я посчитаю по восемь фынов с лана ввиду военного времени.

— Помилуй, лое, — взмолился Лю Пи. — Этак нам придется отдать больше четвертой части нашего золота! Будь милостив!

— Новый закон требует, я должен исполнить. Если не наберем денег на войну, всем нам худо будет, дунгане ограбят всю страну.

Рудокопы замолкли. Они спорили с надзирателем больше для вида, чтобы он думал, что они сдают все золото, и ему не пришло в голову производить обыск, который мог кончиться для них плохо. Золота у них было достаточно припрятано, и уступить надзирателю лишнюю долю из предъявленного было хоть и обидно, но не очень разорительно. Надзиратель же, подозревая, что рудокопы утаили часть золота, но не надеясь на успех обыска, настанвал на своем требовании.

При взвешивании золота лое не преминул присвоить себе еще несколько цынов посредством своих двух фальшивых гирек.

Расчет был закончен около полудня.

— Вот что, Мафу, — говорил Лю Пи, подходя к фанзе. — На моем уступе богатое место уже кончается, на день-другой работы осталось, не больше. У тебя тоже конец скоро придет, потому что уклон у гнезда к нам, а не от нас. Я свой уступ кончу и пойду в Ван-Чжу-Ван-цзе присмотреть новый отвод. Ты поработаешь пока

один. Я вернусь, сдадим остаток руды и перекочем. Здесь уж нового счастья не дождемся, а там — кто знает?

ОХОТА НА АРХАРОВ

Через два дня Лю Пи доработал свой уступ и собрался в путь; сложил в мешок запас сухарей, немного муки и соли, чайник, чайную чашку и табаку; в кисет с табаком запрятал щепотку золота, чтобы платить за новый отвод и дать задаток за фанзу. Свернул валиком свой ватный матрасик и одеяло, привязал их и кирку поверх мешка.

Сделав накануне вечером все распоряжения Мафу и мальчикам, он отправился в путь чуть свет, чтобы пройти свой поселок, никому не попадаясь на глаза и не возбуждая разговоров. До Ван-Чжу-Ван-цзе считали пятьдесят ли, и он рассчитывал быть там уже к обеду. Лю Пи предполагал пробыть в отсутствии около недели, так как не хотел действовать наобум. Нужно было тщательно осмотреть все свободные отводы, поработать день-другой на облюбованных и выбрать самый подходящий.

После ухода хозяина Мафу продолжал работать один. Он был не из трусливых и не боялся оставаться в шахте в полном одиночестве, но мысли о горных демонах, хотя он и не верил в них, временами и ему лезли в голову. Золото шло хорошее, и Мафу вслух похваливал жилу, чтобы задобрить невидимых. Так как руды стало вдвое меньше, то рудоносы спускались в шахту гораздо реже, раза четыре за день, да и то уносили неполные корзины. Мафу каждый раз задерживал их подольше разговорами, а на обед и ужин заказывал им свои любимые кушанья, подробно объясняя, как их вкуснее приготовить.

Так прошло три дня. На четвертый день Мафу заметил, что золота в жиле становится все меньше и меньше.

«Старик прав, — подумал он, — богатое место кончается».

После обеда видимого золота совсем уже не стало. Кварц был такой же чистый и белый, как и раньше, когда он еле окупал усиленный труд рудокопов. Побившись больше часа и убедившись, что золота нет, Мафу бросил забой и до вечера занимался толчением и промывкой припрятанной богатой руды. Он решил не сдавать ни куска ее на мельницу.

«Пусть придет лое и смотрит сам во все глаза. Буду теперь только полдня ковырять ее, а полдня толочь и мыть богатое. Вернется Лю Пи — все будет готово к отъезду».

Так размышлял Мафу, вылезая вечером из шахты. Наевшись досыта и попивая чай, он вдруг сказал мальчишкам:

— Вот что я надумал, нахалы: пойдем завтра на охоту.

— А как же шахта? — спросил Пао, считавший себя теперь представителем интересов своего отсутствующего дяди.

— Опять пошла крепкая руда и бедная, мальчик. Лю Пи сказал, уходя: «Когда кончится хорошее место, можешь отдохнуть, Мафу». Вот мы и отдохнем и поохотимся. В Катую пойдем, там архары есть, а нет — так хуан-янга подстрелим. Давно мы уже мяса не ели... А теперь спать ложитесь. Завтра пойдем — еще темно будет. Да приготовьте корзины, чтобы взять с собой чайник, чашки, заварку чаю, сухарей. Я почищу ружье и тоже спать лягу.

Через четверть часа в фанзе уже было темно и слышалось только храпенье Мафу, покрывавшее спокойное дыхание мальчишек. Когда молодая луна скрылась за Дарбутинскими горами и стало совершенно темно, через ограду дворника перелез какой-то человек, ползком подкрался к шахте и исчез в ее мраке. Через полчаса он вылез с тяжелым мешком и, так же крадучись, исчез за оградой. Никто не видел ночного гостя.

Когда на востоке чуть заалела заря, мальчишки, спавшие беспокойно в ожидании редкого для них праздника, проснулись и разбудили Мафу. Сборы были недолги: они наскоро съели оставшуюся от ужина лапшу с луком, взяли корзины, ружье с принадлежностями, заперли фанзу висячим замком с замысловатым ключом, который запрятали в щель ограды, и пустились в путь.

Они прошли прямо через пустынную долину Чий Чу, направляясь к горам Катую, тянувшимся вдали мрачной стеной, чуть заметной в утреннем сумраке. Небо было сплошь покрыто мелкими кудрявыми облаками. С запада, с главных высот Джаира, дул довольно прохладный ветерок.

Через полчаса, когда уже было почти светло, путники достигли подножия гор, где скудная растительность пустыни стала немного обильнее: по сухим руслам, оставленным дождевыми потоками, росли более крупные

кустики, частью обломанные жителями рудников, приходившими сюда за топливом. В обе стороны, словно обрезанные ножом, уходили крутые откосы хребта, голые, скалистые или покрытые осыпями щебня и обломков однообразно серого цвета.

Поднявшись по крутому конусу гальки и валунов, вынесенных водой из глубины гор, путники пошли вверх по ущелью, представлявшему такую же унылую картину: по узкому дну, усеянному серой галькой и обломками, росли кое-где чахлые кусты; с обеих сторон тянулись вверх скалистые или щебневые склоны, на которых только изредка ютились по рывтинам или между камнями мелкие кустики полыни и эфедры. Между тем на востоке восходящее солнце прорвалось сквозь легкую пелену облаков, и лучи его заиграли высоко на правом склоне, осветив мрачные скалы и гребни серых сланцев, которые заблестели, как стекло.

— Что, далеко еще, Мафу? — спросил Пао, немного уставший от быстрой ходьбы.

— Нет, недалеко. Скоро полезем наверх. Только помните: не разговаривать и идти осторожно! Архары могут быть близко.

Еще минут десять шли по ущелью, поворачивавшему то вправо, то влево и казавшемуся глубоким коридором. С обеих сторон иногда открывались боковые ущелья, круто уходившие вверх. В одно из них вскоре и свернул Мафу. Погрозив мальчикам пальцем, он пошел впереди, держа ружье наготове. Прежде чем поставить ногу, он осматривал почву, чтобы случайно не сбросить свободно лежащий камень или не наступить на сухую ветку. Мальчики старались идти так же бесшумно.

Вдруг Мафу остановился и указал на череп какого-то животного, белевший на дне ущелья, позади большого камня. По обе стороны черепной коробки были видны огромные бурые рога с поперечными выступами и бороздами, закрученные спиралью, с отогнутыми кнаружи острыми концами.

— Архар! — прошептал рудокоп. — Старый самец.

Хун щелкнул языком от изумления, а Пао покачал головой.

— Подстрели такого же, Мафу! — сказал Хун шепотом.

К вершине ущелья, довольно круто поднимавшееся вверх, стало менее мрачным; склоны были не так круты, пучки пожелтевшей травы чаще; наконец, оно раз-

делилось на несколько ложбин, и в разных местах показались скалистые вершины хребта, освещенные солнцем, еще невидимым для наших путников. Мафу выбрал ложбину, тянущуюся на восток, и стал подниматься по ней с удвоенной осторожностью, по временам останавливаясь и прислушиваясь. Но, кроме легкого свиста ветра в щелях между скалами и шуршания сухих кустов, ничто не нарушало торжественной тишины горной пустыни.

Ложбина кончилась у широкой седловины, между двумя плоскими вершинами, поднимавшимися еще выше. На их поверхности в разных направлениях тянулись полуразрушенные грядки невысоких скал, а в промежутках все было покрыто плитами того же серого камня, пестревшего пятнами лишаяев. В щелях кое-где пробивались пучки травы и засохшие цветы, которые качались под напором ветра, тянувшего здесь уже с востока. Мафу остановился, спустил с плеч корзину и тихо сказал:

— Подождите здесь. Я пойду туда,— он показал на восточную вершину,— посмотрю, не видно ли где архаров... Сидите на одном месте...

Мальчики послушно опустили на камни под защитой скалистого гребня, а Мафу, согнувшись, пошел к вершине. Одетый в синюю рубаху и такие же шаровары, почерневшие от рудничной пыли и грязи, он почти сливался с темным фоном скал, когда приседал возле какого-нибудь камня, выжидая и прислушиваясь, или крался в тени скалистого гребня. Верхушка горы была голая и ровная. Поэтому Мафу не полез прямо на нее, а обогнул ее с севера, прижимаясь к скалам, и, притаившись за камнями, стал осматривать местность, открывшуюся впереди.

Там поднимались одна за другой такие же плоские вершины, местами обрывавшиеся утесами к соседним седловинам, местами сбегавшие к ним ровным откосом или россыпью обломков. Вдали на севере и северо-востоке синела высокая стена хребта Уркашара, вершины которого были еще скрыты в тучах. «Вот там много архаров,— подумал Мафу,— да жаль, туда и в два дня не дойдешь».

Вдруг он заметил какое-то движение на соседней вершине и вздрогнул от охотничьей радости. Под невысокой грядой скал на площадке в несколько квадратных метров отдыхало маленькое стадо архаров, голов в пять или шесть; они, очевидно, уже наелись и грелись

под лучами утреннего, еще не жаркого солнца; одни лежали, поджавши ноги и вытянув морды на скудной траве, другие стояли. На камне несколько поодаль возвышался, словно статуя, крупный самец, который поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, охраняя своих самок и ягнят.

Мафу прикинул глазом расстояние; оно было немного велико для круглой пули его гладкоствольного ружья. Но подкрасться ближе с другой стороны оказалось невозможным, так как ветер тогда дул бы уже не в лицо, а сбоку, и можно было спугнуть чутких животных.

Мафу спрятался за камень и приготовил оружие: осмотрел замок, насыпал свежего пороха на полку, нашел расселину, через которую видны были архары, и расставил сошки ружья; затем тщательно прицелился в старого самца, стоявшего на скале боком к охотнику, и спустил курок.

Но охотнику не повезло — получилась осечка. Щелканье курка встревожило животное. Архар повернулся грудью к Мафу, представляя уже неверную для такого расстояния цель.

Рудокоп пробормотал проклятие и опять притаился за скалой, выжидая удобного момента. Архар поднял голову и усиленно втягивал в себя воздух. Лежавшие самки и ягнята вскочили и столпились на площадке, готовые бежать при первом знаке самца.

«Того и гляди, пустанят наутек! — подумал Мафу. — Придется стрелять в кучку».

Он осторожно взвел курок, перевел ружье влево, нацелился на самую крупную самку, стоявшую боком к нему, и выстрелил. Облачко дыма закрыло от него животных. Когда оно рассеялось, площадка была пуста. Архары, во главе с самцом, неслись на юг вдоль по гребню горы.

«Неужели промахнулся? Теперь не догонишь, пять-шесть ли пробегут, прежде чем остановятся», — подумал огорченный охотник.

Архары спускались крупными прыжками по россыпи глыб в ложбину, которая должна была скрыть их от глаз охотника. И тут одно из животных упало на колени, склонилось головой к земле, опять вскочило на ноги и пустилось вслед за исчезнувшим табуном.

«Подстрелил, далеко не уйдет», — подумал Мафу, подхватил ружье и вскочил на камень.

— Эй, мальчики, сюда! — крикнул он во все горло и

пустился бежать поперек вершины к россыпи, чтобы найти след раненого архар.

При звуке выстрела мальчики вскочили и высунули головы из-за своего прикрытия. Теперь они увидели Мафу на вершине и побежали ему наперерез, перескакивая через гряды скал и испуская крики радости.

На россыпи они догнали Мафу, который без труда нашел кровавое пятно на лишаях каменных плит и показал его мальчикам.

— Смотрите, архар ранен, убежит недалеко. Идем по следу!

— Большой архар? С рогами? Как ты его увидел, Мафу? Почему не позвал нас посмотреть, как стреляешь? — сыпались вопросы.

Мафу только отмахнулся от них и двинулся вперед, высматривая свежие капли крови, красневшие то тут, то там на камнях. Они привели охотника в ложбину, потом поднялись наискось по склону опять вверх, пересекли гребень, снова стали спускаться. Мафу взглянул вниз по их направлению и вдруг крикнул:

— Вот он, лежит!

— Где, где, Мафу, где же?!

— Вон бурый, на дне, возле большого камня!

Мальчики пустились бежать вниз во всю прыть. Мафу спускался теперь спокойно, не торопясь.

Архар лежал на боку, раскинув ноги и вытянув голову; струйка крови бежала из его полураскрытого рта. Он был уже мертв. Мальчики присели на корточки возле его головы, не решаясь дотронуться.

— Мафу, какой же это архар? — спросил Пао. — Почему у него рога маленькие?

— Потому что это не самец, а самка. Ну, давайте теперь свежевать ее, а то так не унесем, тяжелая. Сбрасывайте корзины. Пао, Хун, наберите хворосту, разведите огонь, поставьте чайник. Пока мы справимся с делом, чай поспеет.

Мигом корзины были сброшены на землю, мальчики стали собирать сухие стебли кустов по склонам и дну ущелья, а Мафу, поставив ружье, достал нож, поточил его о плитку сланца и принялся снимать шкуру. Скоро затрещал огонек между тремя камнями. Хун достал чайник и тут только спохватился:

— Мафу, а где же вода?

— Поищи вокруг себя, может; и найдешь, — ответил рудокоп, занятый делом.

Мальчик оглянулся кругом. Дно ложбины было со-

вершенно сухо. Крупные и мелкие камни лежали там и сям на глинистой почве, не обнаруживавшей ни малейших признаков влаги. Скучная растительность этого дна и склонов также не свидетельствовала о близости воды.

— Сбегай, поищи, нет ли ключа где-нибудь пониже! — догадался Пао.

— А может быть, на вершине горы? — засмеялся Мафу. — То-то, нахалы! О воде вы не подумали, идя на охоту. Поищите-ка в моей корзине.

Пао проворно засунул руку в корзину рудокопа и вытащил завернутую в мешок китайскую плетеную баклагу, обмазанную черным лаком. Он встряхнул ее, потом открыл деревянную пробку, обвязанную тряпкой.

— Неужели вода? Какой догадливый наш Мафу!

Поставив чайник на камни над огнем, мальчики стали помогать Мафу снимать шкуру, по временам отрываясь, чтобы подбросить хворост в огонь. Вода вскипела, чай был заварен. А немного погодя и возня с архаром закончилась: на распластанной на земле шкуре лежали аккуратно отделенные одна от другой части животного — задние и передние ноги, ребра с позвоночником, голова и внутренности.

Охотники принялись за чай. Мафу рассказывал мальчикам о нравах и повадках архаров, о том, как самцы, загнанные охотником или волками на высокий утес, бросаются головой вниз с высоты в несколько размахов, падают на свои толстые рога, играющие в таких случаях роль пружин, и, благополучно поднявшись на ноги, убегают. Потом обсуждали кушанья из мяса архара на ближайшие дни. После чая Мафу, воздержавшийся от курения во время охоты и свежевания, наслаждался несколькими трубками, а мальчики лежали на земле, следя за белыми облаками, проносившимися одно за другим по небу, видному в рамке темных склонов ущелья. Иногда облака заслоняли солнце, и тень, бросаемая ими, скользила по склонам скал. Вдруг по ущелью пробежала более густая тень, и, прежде чем охотники успели сообразить, в чем дело, огромная птица спустилась на мясо, схватила переднюю ногу и, тяжело и часто взмахивая крыльями, поднялась вверх.

— Ой, кто это? — вскрикнули пораженные мальчики.

Мафу схватил ружье и следил за хищником, который нес тяжесть не по силам и медленно поднимался над склоном ущелья. Но стрелять по движущейся цели ру-

докоп не умел, да и его кремневое ружье не было приспособлено для этого.

Но вот орел сел со своей добычей на гребень склона, чтобы отдохнуть. Мафу быстро поставил ружье на сошки, насыпал пороху на полку, прицелился и выстрелил.

Орел дернулся в сторону, взмахнул крыльями и полетел, унося добычу дальше. Мальчики с разинутыми ртами следили за ним, пока он не исчез за скалами ущелья. Мафу испустил проклятье.

Между тем в синеве неба на большой высоте еще один орел описывал круг прямо над охотниками.

— Давайте корзины! — скомандовал Мафу. — Разлакомились, черти!

Мясо быстро было сложено в корзины. На месте охоты остались только негодные для пищи внутренности.

— Ну, — сказал Мафу, — собирайте вещи — и идем!..

Чайник и баклагу уложили поверх мяса и двинулись вниз по ущелью. Шли теперь под гору, но ноша была тяжелая, а солнце заливало своим светом все ущелье, оголенные скалы дышали жаром, и скоро струйки пота потекли по смуглым лицам путников. Так они добрались до более широкой долины, спустились по ней и вышли на равнину, где стало немного легче дышать. Да и видневшиеся впереди серые фанзы поселка сулили им скорый отдых и вкусный обед.

В ПОГОНЕ ЗА ВОРОМ

Пока мальчики готовили к обеду жареную печенку, сердце и мозги, Мафу изрезал большую часть мяса на тонкие и длинные ломти и развесил их на веревке, протянутой через дворик, для сушки. Пообедав, он лег спать, приказав мальчикам караулить мясо, а после сна спустился в шахту толочь отложенную богатую руду.

Довольный охотой и вкусным обедом, Мафу спускался не торопясь, насвистывая незамысловатый мотив песни табунщиков; потом стал импровизировать:

— Счастливый охотник Мафу лезет в свою шахту, где лежит еще много золота, много желтого драгоценного золота в белом кварце. Возьмет Мафу белые куски руды, в которых золото блестит везде, как звезды на ночном небе, положит их в ступку и будет толочь, распевая песню о добрых демонах, которые дали ему богатство. Рассыпется кварц в белую пыль, освободит зо-

лото, и черная вода шахты омоет его. У, как заблестит чистое желтое золото на дне таза! Много, много его там, пять лан, десять лан, двадцать лан золота из каждого таза — награда рудокопу за тяжелый труд! И возьмет Мафу свою долю желтого золота, уйдет в Чугучак, где есть и хорошая еда, и крепкая водка. Покутит Мафу всласть после многих дней работы в темной шахте.

С этими словами рудокоп подошел к подножию своего забоя, где накануне оставил аккуратно сложенную кучу богатой руды. Он осветил ее лампочкой, чтобы полюбоваться блеском золота... и песня внезапно оборвалась. Рудокоп в недоумении переводил глаза с руды на лампочку, с лампочки на забой и опять на руду. Вместо большой и правильной кучи у его ног лежали разбросанные куски руды, и в редких из них блестело золото.

Рудокоп опустился на колени и дрожащими руками стал собирать свои сокровища, поднося то один, то другой кусок к огню в надежде увидеть в нем много золота. Но, увы, остались только самые бедные куски, а богатые исчезли. Черные мысли бессвязно сменяли друг друга в ошеломленном мозгу Мафу.

— Что это? Вчера было много, сегодня нет ничего. Куда девалось мое золото? — растерянно сказал он.

Мафу схватился руками за голову и стал качаться взад и вперед, бормоча проклятия и жалобы, причитая над остатками богатства. Наконец, он пришел в себя и стал обдумывать свою беду. Не горные ли демоны взяли его золото? Вдруг взгляд его остановился на одном из кусков кварца, на котором виднелось странное грязно-желтое пятно. Мафу схватил кусок, поднес к лампе, потрогал пятно пальцем, потом подержал над огнем; оно стало таять и стекать.

— Вор, вор был здесь и унес богатую руду. У горных демонов нет сальных свечей. Воры шарят с ними по забоям!..

Это открытие привело рудокопа в ярость. Перед горными демонами он был бессилен; они дали богатство, они могли и взять назад, и Мафу оставалось только жаловаться на судьбу. Но раз похитителем был человек, это меняло дело. Его можно было настигнуть, отнять украденное, наказать.

«Это, наверно, тот же негодяй Цзинь Тай, которого мы поймали здесь,— решил Мафу.— Как жаль, что я не убил его прошлый раз или не сломал ему ногу, что-

бы он не мог лазить по чужим шахтам! Где его теперь найдешь? Джаир большой, дорог много, поселков тоже, а я и дорог не знаю! Если бы у меня была хорошая собака, которая умеет идти по следу, как у настоящих охотников. Ой, не говорил ли Ли Ю, когда ужинал у нас мясом надзирателява ишака, что у него есть собачка, которая умеет выслеживать? Она же привела его по следам волков к ишаку. Только вор не оставил здесь ничего своего, а следы его я затоптал! Не поможет ли кирка, которую мы у него отняли в тот раз? Но мы сами работали ею после!»

Мафу задумался. Вдруг взгляд его опять упал на кусок руды с грязно-желтым пятном, наполовину растекшимся. Широкая улыбка озарила лицо рудокопа. «Обувь этого негодяя, наверно, вся запачкана свечным салом. И сам он пропитан этим запахом. Если собака умная, она найдет след».

Мафу схватил закапанный салом кусок руды, взял лампу и проворно вылез из шахты. На дворике он наткнулся на мальчиков, которые поспешно спрятали что-то за спину при его появлении. Но он второпях не обратил внимания на их смущение, прошел в фанзу, забрал там чайник, несколько горстей сухарей, головки лука, сложил все это в мешок, который закинул за плечи, а к поясу подцепил свой монгольский нож.

«Ружье не возьму, легче идти,— подумал он,— а с этим негодяем я и ножом справлюсь».

Выйдя из фанзы, он сказал мальчикам, которые успели уже припрятать трубку и табак и оправиться от смущения:

— Вот что, нахалы! Я должен сходить кое-куда, довольно далеко. Караульте мясо, к ужину сварите брюшину. Если я вечером не вернусь, ложитесь спать, я могу прийти ночью или рано утром. На ночь мясо соберите и снесите в шахту.

С этими словами он сдернул с веревки несколько кусков подсохшего уже мяса, сунул их в мешок и крупными шагами направился к выходу. Мальчики в недоумении смотрели ему вслед.

Мафу быстро дошел до мельницы и через ограду заглянул во двор. Уже издали визг и скрип кварца давали знать, что жернова работают, следовательно, Ли Ю был тут. Действительно, он стоял близ ограды, похлопывая бичом и понукая ишаков. Какой-то рудокоп подбрасывал лопатой руду, а другой дробил ее в углу двора.

— Ли Ю, приятель! — окликнул Мафу погонщика через ограду.

Ли Ю оглянулся и подошел ближе.

— Как поживаешь? Кушал ли уже? — произнес он обычное китайское приветствие.

— Как же, кушал всласть! — ответил Мафу. — Сегодня я был на охоте и добыл архара. Ты приходи ужинать, будет брюшина.

— Счастливец! Приду непременно. Давно уже не ел я такого лакомого блюда.

— А пока вот что, Ли Ю, дай мне свою собаку до ночи.

— Зачем? Опять на охоту пойдешь, что ли? Разлакомился, видно.

— Нет, вот в чем дело, — сказал Мафу, понижая голос, хотя визг жерновов и так делал их разговор слышимым для посторонних. — Пока мы были на охоте, в нашу фанзу залез вор, унес две кирки, мешок с крупой, одеяло Лю Пи. Вот я хочу при помощи собаки догнать его.

— Ишь ты, какое дело! Не знаю, сумеет ли только моя собака выследить, особенно конного: все лошади имеют одинаковый запах.

— Нет, он был пеший, по следам видно. Пойдет собака по следу — хорошо, нет — ничего не поделаешь.

— Ладно, сейчас приведу. Подожди у ворот.

Ли Ю пошел в конюшню и скоро привел к воротам небольшую калмыцкую собаку, похожую на лисицу, с пушистым хвостом, острой мордочкой и острыми ушами. От ее ошейника шла веревка.

— Получай, только не отпускай на свободу, а то убежит домой, — сказал он, передавая веревку Мафу. — Ну, счастливого пути! Ишаки, твари, уже стали.

Он побежал к упряжке, а Мафу повел собаку назад к своей фанзе, так как, выйдя со двора, сейчас же заметил след двух ног в соломенных сандалиях, вдавившийся в пыль у ограды; здесь вор, очевидно, прыгнул на землю с тяжелой ношей. Подведя собаку, Мафу дал ей сначала понюхать кварц, закапанный салом, а потом показал ей след. Она обнюхала его и сразу повела, повизгивая от рвения. На каменистой почве пустыни видимый след исчез, но собака уверенно шла вперед. Вор пересек улицу и пошел по пустырям и брошенным, отработанным отводам, огибая с юга рудничный поселок. В одном месте он, очевидно, отдыхал лежа, так как собака привела в угол старого дворика, а затем потяну-

ла дальше: на куче песку и пыли, наметенной хый-фыном в этом углу, ясно виднелся отпечаток лежавшего тела и грубой ткани мешка.

— Целый мешок руды набрал, негодяй! — проворчал Мафу. — Цзиней¹ пятьдесят — шестьдесят, наверно, унес. Ну, тем лучше, с такой ношей далеко не уйдешь.

Скоро поселок остался позади, и след вывел на большую дорогу, шедшую из Чий Чу к речке Ангырты на запад и далее к речке Дарбуты.

«Так и есть! — подумал Мафу. — Понес к речке промывать. Погоди у меня!»

Собака рвала веревку из рук, и Мафу чуть не бежал вслед за ней. Близился вечер; солнце уже спускалось к вершинам острых Дарбутинских гор.

«До Ангырты считают десять — двенадцать ли, — думал Мафу. — Таким ходом мы с тобой, собачка, еще засветло будем на речке. А негодяй, наверно, далеко отошел от дороги, залез поблизости в кусты. Тут мы его и накроем».

Собака бежала не останавливаясь. Местами, где на дороге было немного пыли, след сандалий виднелся отчетливо, местами же был затерт другими следами. На половине дороги встретили их два калмыка верхами.

— Здорово, джангуйда²! — крикнул один из них. — Куда торопишься с собачкой?

— Добрый вечер, приятель, — ответил Мафу. — По следу вора иду. Не видали ли китайца с мешком на спине?

— Нет, не видали. А что он украл?

Но Мафу не был расположен терять время на разговоры. Собака немилосердно тянула его вперед, и он крикнул, удаляясь:

— Вещи у меня украл в Чий Чу!

Дорога вышла из пустынной и голой равнины Чий Чу и вступила на плоские и однообразные холмы, окаймлявшие ее с запада. Уклон под гору стал заметней, и собака бежала еще быстрее, тем более что солнце село и в воздухе повеяло прохладой. Еще несколько поворотов — и появились небольшие скалы, а затем открылась долина речки. Густая зелень деревьев и кустов, тянувшихся по обоим берегам, резко выделялась на мрачном буром фоне холмов.

Собака чуть не вырвалась из рук, стремясь к воде.

¹ Цзинь равен 500 граммам.

² Джангуйда — хозяин.

Но и рудокоп торопился утолить жажду чистой текущей водой, которой не видел уже больше полугода. На берегу ручья, склонившись к воде, животное и человек втягивали в себя прохладную влагу с одинаковой жадностью.

«Куда пойдет теперь след, вверх или вниз?» — подумал Мафу, глядя на собаку, которая, утолив жажду, улеглась на землю.

Он стал тщательно осматривать почву у берега реки, состоявшую из серого песка с мелкой галькой. Но следов соломенных сандалий не было видно. Торопясь к воде, собака, очевидно, отклонилась от них.

Отдохнув, Мафу отвел собаку немного назад, к тому месту, где дорога выходила в речную долину, показал ей след и дал опять понюхать кварц, закапанный салом. Собака повела теперь не прямо к воде, а несколько вверх по долине, где выше брода виднелась группа тополей, дававшая хорошую тень у воды и вместе с тем защищавшая отдыхающего путника от взоров прохожих.

— Так! — пробормотал Мафу. — Вор пришел сюда, когда солнце еще грело, и выбрал это местечко для отдыха. Посмотрим, нет ли там следов его пребывания.

Действительно, на маленькой лужайке в тени, у самой воды, трава была примята. Тут же валялись несколько маленьких осколков кварца и два валуна покрупнее, которыми кусок руды был раздроблен.

— Вот как! Он сделал первую пробу, — усмехнулся Мафу.

Между тем собака потянула дальше, по узкой тропинке, извивавшейся вдоль реки.

«Ну, теперь надо быть остороже, смотреть в оба и слушать», — подумал Мафу и приготовился к встрече: поправил мешок на спине, переложил веревку в левую руку, а в правую взял свой длинный монгольский нож.

Тропа шла то у самого берега, то уклонялась в чащу из тальника, шиповника, барбариса, стоявших зеленой стеной по обе стороны; то огибала утесы, спускавшиеся к воде, поднималась на косогор, поросший полынью, эфедрой, караганой (акацией); то, наконец, в расширениях узкой долины направлялась напрямик через заросли высокого чия, огромные снопообразные кусты которого поднимали свои метелки над головой пешехода. Солнце уже село, и кудрявые тучи на небе заалели, отбрасывая розовый свет в узкую долину.

«Пожалуй, он уже прикончил толчение и отдыхает где-нибудь в чаще, так что наткнешься на него неожиданно», — подумал Мафу, замедлил шаг и удвоил осторожность.

Но собака шла все вперед и вперед; начинало темнеть; тучки на небе посерели; кое-где заблестели крупные звезды. Навстречу путникам с верховий долины потянул прохладный ветерок.

«Уж не ушел ли он на высокий Джаир? — беспокоился Мафу. — От брода мы отмахали, наверно, уже три или четыре ли».

КОСТЕР В ЧАЩЕ

Вдруг собака подняла голову, начала нюхать воздух и ворчать. Мафу цыкнул на нее и пошел еще медленнее. Тропа шла по густой чаще, в которой было совсем темно. Приходилось ступать осторожно, чтобы не выдать себя треском сухой ветки под ногами.

Но вот сквозь зелень забрезжил красноватый свет. Мафу подтянул собаку поближе к себе и стал подкрадываться. Послышалось журчанье воды; тропа, очевидно, приближалась к речке. Еще поворот — и Мафу остановился.

Впереди открылся вид на небольшую лужайку. Справа ее ограничивал высокий утес, слева — речка. Тропа подходила к воде и перебежала на другой берег, потому что утесы подступали к самой речке, и оттуда доносился шум небольшого водопада. На краю лужайки, под нависшими глыбами утеса, горел небольшой костер. Возле него сидел, согнувшись и положив руки и голову на поднятые колени, полуголый человек; рядом виднелись маленький таз, большой плоский камень и на нем другой, круглый, поменьше.

Пока Мафу соображал, сколькими прыжками можно настигнуть вора, последний зашевелился, взял в каждую руку по палочке с развилиной на конце, вытащил из костра белый камень и бросил его в тазик. Послышалось шипенье, и из тазика поднялся пар.

«Какой умный! — подумал Мафу. — Калит руду, чтобы легче было дробить ее. Нужно будет и нам делать так в шахте...»

Между тем человек опять опустил голову на колени. Ему, очевидно, смертельно хотелось спать, но он не решался предаться отдыху, не закончив дробления последнего куска кварца.

«Хорошо, что я так быстро погнался за ним! — подумал Мафу. — Покончив с рудой, он сунет горсть золота в карман и налегке пойдет шагать, куда вздумается. Но теперь ты не уйдешь!»

Выпустив собаку, которую он все время держал за морду рукой, чтобы она не лаяла, Мафу в два-три прыжка настиг полусонного человека, не успевшего вскочить на ноги, опрокинул на спину и, схватив его руки, придавил коленом живот. Тот застонал и стал молить о пощаде.

— А, мерзавец! Второй раз попался с краденым! — хрипел рудокоп.

Освободив одну руку, он отвязал веревку от ошейника собаки. Одним концом веревки он связал руки вора, а другим его ноги и сказал, вставая:

— Ну, теперь лежи смиреннько, а я посмотрю, много ли ты наработал, негодяй!

Он освидетельствовал прежде всего мешок, лежавший близ костра; руды в нем не было, последний кусок ее еще калился в огне, а другой лежал в тазу. Остальное, очевидно, было уже истерто и перемыто в речке. Под мешком оказалась тряпочка, связанная узлом. Уже по ее весу Мафу догадался, что это золото, намытое из исчезнувшей руды. Он осторожно развязал тряпку, развернул ее на земле, любовался блеском зерен и пластинок желтого металла при свете костра, погрузил в них пальцы, потом завязал тряпку и взвесил ее на руке.

«Фунта два, пожалуй, будет, — подумал он. — А все ли здесь? Не припрятал ли негодяй часть по карманам?»

Недолго думая, рудокоп залез в карманы шаровар вора, но нашел в них только огарок свечи, завернутый в тряпку, огниво и кремень, несколько чохов (китайских латунных монет с квадратной дырочкой) и кусок черствого хлеба. Ощупывание тела пленника также не дало никаких результатов. Приходилось думать, что золото или все в тряпке, или же часть его спрятана где-нибудь в кустах. Но Мафу отверг последнюю мысль. Вор, очевидно, не рассчитывал на погоню, иначе он ушел бы дальше и спрятался для измельчения краденой руды.

Окончив обыск, Мафу убрал тряпку с золотом в свой мешок, туда же переложил остывший кусок кварца из тазика и подумал: «А недурно бы теперь поужинать». Он достал щепотку чая и бросил ее в тазик, в котором вода от раскаленного камня была нагрета до кипения, потом достал из мешка сухари и головку лука.

— Жаль, что мясо некогда варить. Ну, угощу им со-

баку, она честно заработала свой ужин. Поди сюда, желтая тварь!

Собака лежала поодаль, зорко следя за связанным человеком, как будто понимая, что его нужно стеречь. При оклике Мафу она поднялась и подошла ближе, виляя пушистым хвостом.

— Вот тебе награда за поимку вора! — засмеялся рудокоп, бросая ей большой кусок мяса.

Собака подхватила его на лету, отбежала на прежнее место, улеглась и, зажав мясо между передними лапами, начала уплетать его, ворча.

Подкрепившись, рудокоп закурил трубку и, повернувшись вполоборота к пленнику, стал его разглядывать, обдумывая, что сделать с ним. Цзинь Тай лежал на боку в неудобной позе, но смуглое лицо его, повернутое к огню, не выдавало волнения, естественного у человека, свалившегося с высоты благополучия и попавшего в руки врага.

— Ну, Цзинь Тай, любитель чужого золота, как мне тебя наказать? — сказал Мафу, с усмешкой глядя на пленника.

— Я в твоей власти, Мафу, — проговорил тот сдавленным голосом. — Зачем тебе губить меня? Свое золото ты отобрал. Отпусти меня, я бедный человек.

— Золото я, к счастью, отобрал благодаря этому умному псу. Но за все тревоги и хлопоты, за погоню по твоим следам, за потерю времени кто мне заплатит?

— Ну, считай, что за все это я поработал на тебя, измельчил и промыл твою руду.

— Куда же ты хотел нести золото? — любопытствовал Мафу.

— В Дурбульджин, в лавку.

— И давно ты занимаешься этим почтенным делом?

— Я рудокоп, как и ты, — уклончиво ответил пленник. — Только часто работы нет, и я голодаю. А с голода чего не сделаешь, лое! Будь милостив, отпусти меня. Я никогда больше не покажусь в Чий Чу.

Мафу, питавший во время преследования самые жестокие намерения, теперь, при виде этого жалкого связанного человека, смягчился. Золото он вернул, в шахте богатое место кончилось, воровать в третий раз негодяю не придется. Он поднялся, вскинул на плечи мешок и сказал:

— Так и быть, не стану тебя убивать или мучить, живи себе. Но смотри: в третий раз попадешься — кости переломаю. А на твою бедность оставляю тебе руду,

которая еще лежит в огне, там наберется золота на хлеб на неделю-другую. Пойдем, собачка, домой!..

Мафу свистнул и повернулся, чтобы идти.

— Лое, развяжи меня, прежде чем уйти! — взмолил-ся пленник. — Как же ты меня оставишь связанного, одного, в чаще, ночью? Тут волки есть... огонь погаснет, они придут.

— Сам развяжешься! Веревки скоро ослабнут, — усмехнулся Мафу.

И, не обращая больше внимания на просьбы связанного, Мафу, сопровождаемый собакой, исчез в чаще. Слабый свет костра освещал тропинку на небольшом расстоянии от лужайки, но далее уже было совершенно темно; приходилось идти осторожно, чтобы не наткнуться лицом на колючую ветку или острый сук. Собака бежала по тропе впереди и, когда Мафу отставал, звала его коротким лаем.

Постепенно глаза освоились с темнотой и стали различать извилистую тропу. Когда она выходила на лужайку или поднималась на склон, над путником раз-вертывалось темное звездное небо, в которое справа и слева словно упирались черные массы скалистых отко-сов долины. Ветер затих, и только речка явственно жур-чала то ближе, то дальше. Вдруг собака остановилась, подняла голову и глухо заворчала. Словно отвечая ей, с одного из склонов донесся протяжный вой.

— Ишь ты, подлец, близко ходит, — проворчал Ма-фу. — Пожалуй, пожалею, что не взял ружья.

Мафу прибавил шаг и вскоре вышел к броду. Тут уже началась дорога по холмам и степи, и можно было идти быстро. Чтобы отогнать волков, рудокоп запел пес-ню пастухов, заунывную китайскую песню, которой они коротают длинные осенние вечера у костра среди пес-чаных холмов, под свист ветра в рощах саксаула, не-обычного дерева с листьями, похожими на мелкие че-шуйки. Он вспомнил жизнь, которую вел несколько лет в песках под Гученом, жизнь, полную невзгод, но при-вольную, всегда под открытым небом, под лучами сол-нца, обильную приключениями. И особенно противной показалась ему мрачная шахта и тяжелая, скучная ра-бота над твердым кварцем, редко вознаграждавшим труд крота-рудокопа.

«Ну, теперь мы добыли достаточно золота! — подумал он, быстро шагая вслед за собакой по пыльной до-роге. — Рассчитаюсь с Лю Пя и уйду опять куда-нибудь на новое место...»

А в это время на лужайке под нависшим утесом догорающий костер еле освещал связанного человека. Много раз пытался он как-нибудь ослабить путы, стягивавшие его посиневшие и онемевшие руки. Старая, но крепкая веревка не ослабевала, и все усилия были тщетны.

А зловещий вой волков раздавался все ближе. Сначала завыл один — высоко на склоне долины; второй откликнулся на другой стороне, третий чуть слышно — выше по речке. Почуяли легкую добычу, серые! Перекликаясь, стали спускаться вниз, порой замолкая и прислушиваясь.

Безжалостный рудокоп уже далеко, не услышит мольбы о помощи. Догорает костер, угольки подергиваются пеплом. Еще полчаса — и огня не будет, драгоценного огня, пугающего хищников.

Вот уже слышен шорох в кустах то с одной, то с другой стороны. Подкрались голодные звери, высматривают через ветви, что делается на поляне под утесом. Из-под нависших ветвей куста высунулась острая морда. Два глаза, в которых красными пятнами отражаются угли костра, уставились на человека. Верхняя губа поднялась и обнажила белые острые зубы. Раскрылась пасть, зверь облизнулся длинным языком, предвкушая теплую, красную кровь. Припал к земле и ползком подвигается вперед.

Неистовым голосом закричал человек и заметался в тоске. Испуганный зверь отпрянул назад в кусты. Хоть бы что-нибудь для поддержания огня! Но ничего нет. Он сам бросил последнюю охапку в костер перед тем, как его настигли. Проклятое золото! И все это произошло из-за этих тяжелых зерен в белом камне.

В другом месте показалась острая морда, и глядят алчные глаза. Неужели так и погибнуть под волчьими зубами, которые вонзятся в тощее горло и начнут рвать живое мясо? Нужно пережечь веревку, не теряя ни минуты, хотя бы пришлось прожечь руки до кости! Все лучше, чем погибнуть зарезанным, словно баран. Скорее, пока еще тлеют угли! Он с усилием поднялся, присел и стал подвигаться, ерзая, к кучке углей. Острая морда опять скрылась в кустах.

Взгляд несчастного упал на палочки, которыми он вынимал из костра накаленный кварц, чтобы бросить его в воду. Не помогут ли они? Он изогнулся, подхватил губами обе палочки, потом, перебирая их во рту и помогая связанными руками, засунул концы их поглубже

и стиснул зубами. Щипцы готовы, но владеть ими не легко. Нагнувшись над тлеющей кучей, он пытается захватить палочками уголек. Но они вертятся во рту, и угольки выпадают. Наконец удалось — красный уголек поднят и приложен к веревке у кисти; пенька затлела, жжет и тело. Стиснув зубы, чтобы не выронить огонь, бедняга терпит боль: все же это куда легче, чем положить на угли всю руку до локтя. Пенька тлеет, и запах гари щекочет в носу. А враги уже чувят, что жертва вот-вот ускользнет от них. Один совсем вылез из-под куста, другой появился позади него. Только страх перед огнем удерживает их. Но угли подернулись пеплом, и лишь кое-где светятся еще красные точки.

Почти истлела в одном месте веревка, но кончился и уголек. Теперь бы небольшое усилие — и путы свалятся. Но онемевшие руки неподвижны, словно одеревенели. Несчастный, выплюнув палочки, дует на тлеющую веревку, чтобы не погас спасительный огонь. Медленно перегорает и рвется прядь за прядью; вот и последняя прядь разорвалась.

Мучительно горит обожженная кожа. Ближайшие изгибы веревки ослабли, кровь приходит в движение и колет тысячами иголок. Но это пустяки, теперь он спасен! Пальцы одной руки уже шевелятся. А волки ждут. Теперь при еле заметном свете костра их глаза сами светятся, уставившись на человека.

Рука движется! Петля за петлей разматывается; вот и вторая рука, подтянутая снизу к первой, свободна. Но они еще плохо слушаются и не могут развязать узлов на ногах. Пусть немного отдохнут, а пока нужно раздуть огонь...

Нагнувшись совсем близко к кучке углей, покрытых пеплом, человек осторожно начинает раздувать их, подбрасывая понемногу сухие листья и мелкие веточки, сгребаемые с земли.

Вспыхнул и затрещал огонек. Человек оглянулся — волки отползли в недоумении к кустам. Он протянул руку, взял круглый камень, которым дробил золотую руду, и швырнул его под куст, где светились три пары глаз, друг возле друга. Хриплый вой, треск веток. Глаза исчезли. Но звери притаились и ждут.

Теперь он развязывает свои ноги. И они отекли, не стоят. Он подползает к утесу, собирает толстые сучья и бросает в костер. Огонь жадно лижет их красными языками, разгораясь все больше. Ярко пылающий сук летит в кусты, где притаились волки; и там сухие листья,

мертвые побеги, ветки дают хорошую пищу огню. Плает новый костер, скручиваются и вспыхивают зеленые листья, и снопы искр взлетают вместе с дымом. Еще один пылающий сук летит в противоположную сторону от поляны, и там загорается третий костер. Отбегают далеко перепуганные звери, щелкают зубами.

Теперь можно отдохнуть без помехи. Человек, пошатываясь, идет к ручью, захватив с собою тазик; долго пьет он, присев у воды, и освежает обожженную руку. Потом возвращается к костру с охапкой хвороста, подбрасывает его в огонь и ложится на землю под навесом утеса. Каменная стена у него за спиной, спереди костер. Огонь в кустах долго будет гореть, находя все новую и новую пищу. Можно спать до рассвета спокойно.

ОБЫСК

Мафу вернулся домой около полуночи. Мальчики спали так крепко, что не слышали, как он вошел, зажег огонь, жадно поел обильные остатки ужина, потом с лампочкой в руках залез головой и плечами в топку кана и закопал глубоко в землю под слоем золы тряпку с золотом, отнятым у вора.

«Если не этой ночью, то завтра утром лое непременно сделает осмотр нашей шахты»,—решил он за ужином и принял свои меры.

Проснулись, по обыкновению, рано. Пока мальчики варили завтрак, Мафу спустился в шахту, отобрал из руды, оставленной воров у забоя, все куски с видимым золотом, вынес их на поверхность и высыпал на пустыре, в стороне от отвода, в ямку, которую прикрыл разным мусором. Таким образом, и шахта была приготовлена для осмотра надзирателя; пусть теперь ищет, где богатая жила Лю Пи!

Некоторое беспокойство внушало Мафу то обстоятельство, что со времени последнего размола руды на мельнице они приготовили мало нового кварца — куча его во дворе была очень невелика. Ведь Лю Пи и он всю богатую руду толкли и промывали в шахте, а рудоносам оставалось очень немного для выноса на поверхность. Поэтому, вернувшись в шахту, Мафу с ожесточением начал бить свою обедневшую жилу, выламывая целые глыбы кварца, который, на его счастье, стал очень трещиноват. Мальчикам за это утро пришлось три раза спускаться за рудой и выносить корзины, наполненные доверху.

Они только что высыпали в третий раз свои корзины на заметно увеличившуюся кучу и собирались отдохнуть и покурить, как их внимание привлёк необычайный шум на пустынной улице. Слышны были щелканье бича, звон колокольчиков и бубенчиков и протяжные крики «и-и-и-и», словно приближалась большая кавалькада. Мальчуганы мигом очутились на ограде и выглянули на улицу.

К ним приближалась скорым шагом кучка китайцев, среди которых на рослом ослике, увешанном колокольчиками и бубенчиками, ехал чиновник; его можно было узнать по черной шляпе с отворотами и синей кофте с вышитыми драконами. Рядом с ишаком, бежавшим легкой рысью, семенял запыхавшийся Ли Ю, поощрявший животное гортанными криками, а иногда и ударами плети. Впереди всадника, по бокам его и сзади шли солдаты, человек шесть или семь, с копьями в руках, с лунками и колчанами за плечами; на их синих грязных и рваных куртках были нашиты на груди красные иероглифы, а головы повязаны по-бабьи синими платками. За солдатами шли любопытные, человек тридцать взрослых и подростков.

Процессия остановилась у калитки. Ли Ю открыл ее и под уздцы ввел ишака во двор; за ним последовали солдаты. Любопытные остались на улице, заглядывая поверх ограды. Пао и Хун, полураскрыв рты от удивления, смотрели, как два солдата, подхватив жирного чиновника под руки, бережно спускали его на землю, словно хрупкий сосуд с драгоценной влагой.

— Где хозяин отвода? — обратился он к мальчикам, пронизывая их хмурым взором своих косо прорезанных, заплывших жиром глаз.

— Лю Пи нету, а Мафу в шахте, — ответил Хун.

— Живо беги за ним, мальчик! — скомандовал надзиратель, и Пао не замедлил исчезнуть в черной дыре. — А ты останься, — сказал он Хуну, схватив его за косичку. — Где ваша руда?

— Вот она здесь, на дворе! — Хун указал на белешую кучу кварца.

— Что так мало? Куда еще носите?

— Никуда больше не носим.

— А золото где спрятано?

— Я не знаю... Золото у хозяина, у Лю Пи.

— Обыщите фанзу! — приказал надзиратель солдатам. — Ищите в мешках, в одежде, в сухарях.

Три солдата направились в фанзу. Остальные заня-

лись осмотром двора, тыкали копьями в землю, где она казалась им взрытой.

Не выпуская из рук косички Хуна, надзиратель направился к фанзе и с трудом протиснулся в узкую дверь. В фанзе шел тщательный осмотр; один солдат, сидя на корточках на кане, разворачивал и вытряхивал одеяла и свернутую одежду, шупал и мял валики, набитые ватой и заменявшие подушки, отворачивал циновки, покрывавшие лежанку. Другой рылся в мешках с провизией, третий концом копья тыкал твердо утоптанную землю пола.

— В топке посмотри! — скомандовал надзиратель.

Солдат сунулся к топке; там горел огонек и на треноге в большом котле грелась вода для обеда. Солдат заглянул в глубь отверстия, просунул туда копьё, потыкал в разных местах золу и сказал:

— Ничего нет, та-жень.

— Выгреби всю золу, посмотри в ней, — приказал надзиратель.

Солдат стал выгребать концом копья золу из топки; другой, кончивший безрезультатный осмотр ложа рудокопов, шарил в золе руками. Надзиратель, все еще придерживая Хуна за косичку, следил за этой работой.

В это время в фанзу вошел Мафу, за которым выглядывало недоумевающее лицо Пао.

Мафу при виде солдата, шарившего в топке, побледнел и, чтобы скрыть смущение, низко поклонился и проворчал:

— Ты звал меня, та-жень, я пришел.

— Это рабочий, Мафу! — пояснил Ли Ю, стоявший у дверей.

— Где хозяин отвода? — резко спросил надзиратель, рассерженный тем, что обыск не дал еще результатов.

— Лю Пи ушел домой, на Манас ушел. Жена его очень заболела, умирать хочет, — заявил Мафу, следя глазами за солдатами, выгребавшими золу.

— Вот как! И много золота домой понес?

— Мало-мало понес, лое. Сколько у тебя после размола получили — все взял. Лечить надо, хоронить надо, если умрет.

— А ты что без него делаешь?

— Работаю в шахте, лое.

— И золота в жиле много по-прежнему?

— Совсем мало стало, лое. Обманула нас жила; едва показалось хорошее золото и снова скрылось.

— Так я тебе и поверил, негодяй. Золото скрылось, да только где-нибудь здесь, а не в жиле.

— Если не веришь, лое, посмотри сам, своими глазами,— спокойно возразил Мафу, убедившись, что солдат выгреб только золу из топки и не собирался раскапывать в ней землю. — Вот на дворе наша руда, совсем бедная, посмотри сам. Спустись к нам в шахту, осмотри жилу — нет золота. Таких кусков, как мы приносили на мельницу, больше не попадается.

— Я посмотрю, сам посмотрю,— крикнул надзиратель. — Ну что, нашли что-нибудь в золе, в мешках, в кане? — обратился он к солдатам.

— Ничего нет, та-жень!

— А на дворе? Позовите тех, кто искал на дворе!

Вошли остальные солдаты. Один из них подал надзирателю тряпку с табаком и старую трубку мальчиков, найденные в одной из щелей ограды.

— Вот что нашли в ограде, та-жень! А больше ничего нет. Земля во дворе твердая, нигде не копанная. — Надзиратель быстро схватил тряпку в ожидании, что в ней завязано золото. Но уже легкий вес ее разочаровал его. Увидев в ней табак, он с сердцем бросил тряпку на кучу золы. Трубку, которую протягивал ему солдат, сердито отстранил рукой со словами:

— Можешь взять себе!

К великому огорчению Хуна, стоявшего по-прежнему возле надзирателя, хотя тот при появлении Мафу уже выпустил его косичку, солдат сунул драгоценную трубку в свой карман. Табак высыпали в золу и вместе с ним несколько крупинок золота, единственный капитал бедных рудоносков.

Сердитый надзиратель двинулся к двери. Ему, толстому и неповоротливому, было не под силу спускаться в шахту. Он хорошо знал, как это трудно, потому что пытался уже раз спуститься в шахту при подобном же обыске и чуть не сорвался.

— Ли Ю, возьми с собой двух солдат, и спуститесь в шахту! — приказал он. — Осмотрите хорошенько жилу, выбей сам кусок руды из забоя, да поищите, не припрятано ли где-нибудь золото или богатая руда.

— А мне идти с ними, та-жень, чтобы показать дорогу? — кланяясь, спросил Мафу у надзирателя.

Чиновнику показалось это подозрительным. Он не доверял ни Ли Ю, ни солдатам. Рудокоп мог сговориться с ними, подкупить их.

— Нет, ты останешься здесь. А дорогу пусть укажет мальчик. Эй, черномазый, где ты?

Хун остался в фанзе, чтобы скорее собрать драгоценный табак. На глаза надзирателю попался Пао, присевший в тени ограды.

Пао поднялся и пошел к шахте, сопровождаемый Ли Ю и солдатами. Один за другим все четверо скрылись в темной дыре. Надзиратель, велел подать себе низкий столик, который рудокопы ставили на кан для еды, важно расселся на нем возле кучи руды на дворе и стал рассматривать кусок за куском в надежде найти богатое золото и конфисковать его. Оставшиеся солдаты присели в тени фанзы на корточки и закурили трубки. Мафу стоял возле них, с улыбкой следя за действиями надзирателя. Ограда со стороны улицы по-прежнему была унижена головами любопытных, перебрасывавшихся замечаниями. Ишак, привязанный в углу, спал, опустив голову; по временам только звякали его украшения, когда он вздрагиванием кожи или хлопаньем ушей гонял назойливых мух.

В шахте спуск шел медленно. Хотя Пао добросовестно исполнял обязанности проводника, предупреждая лезшего за ним Ли Ю о каждой ступени и освещая ее лампочкой, но неопытные посетители часто скользили, проклинали надзирателя и шахту и ругались друг с другом, когда задний наступал на руки спускавшегося впереди или задевал его по лицу своей подошвой.

Вдохнули свободнее внизу, осмотрели оба забоя; Ли Ю выбил киркой несколько кусков руды и сунул их за пазуху; солдат с лампочкой в руках бегло освидетельствовал черные стены; полюбовались отражением огня в спокойной мутной воде ямы, на дне которой могли бы найти, если бы знали, в чем дело, немало истолченного и перемытого кварца и чугунную ступку. Вылезли наверх, запыхавшиеся и сердитые.

— Ничего особенного там нет, лое,— заявил Ли Ю, подавая надзирателю куски кварца.— Жила бедная, шахта как шахта, лезть в нее шибко трудно и опасно.

Лое осмотрел принесенные куски кварца и презрительно бросил их в общую кучу.

— А вы хорошо искали? Ничего не припрятано? — обратился он к солдатам.

— Все осмотрели, та-жень. Темно, грязно, найдешь там что-нибудь! Богатой руды не видели, все такая же, как эта в куче.

— Едем домой, время кушать! — произнес лое, вста-

вая. — Ну, твоё счастье, Мафу, — обратился он к подошедшему рудокопу, — или у вас действительно богатая руда кончилась, или вы умеете ловко прятать ее от меня... А куда ты бегал вчера вечером? — попробовал он огоршить его неожиданным вопросом. — Золото понес прятать или продавать калмыкам, негодяй?

Но Мафу уже был подготовлен к этому вопросу: встреча с калмыками заставила его ждать обыска. Поэтому он ответил спокойно:

— Напрасно обижаешь бедного человека, та-жень! Вчера, когда мы были все в шахте, какой-то бродяга зашел к нам в фанзу и унес одеяло и мешок сухарей. Я и погнался по его следам с собачкой Ли Ю, вот спроси у него. Чтобы прятать или продавать золото, собака не нужна.

— Это правда, Ли Ю?

— Правда, лое. Так и сказал, когда просил дать ему собаку. Очень торопился догнать вора.

— Что же, догнал его?

— Догнал, та-жень! На Ангырты-речке он в кустах спрятался.

— Отчего ты не привел его ко мне?

— Как его приведешь, та-жень? Это разбойник, дунганин, с ружьем, а у меня с собой только ножик был.

— И здесь уже дунгане стали шататься! — озабоченно промолвил надзиратель.

— В Кульдже, говорят, большое восстание, город разграбили и сожгли, всех китайцев режут, — прибавил Мафу.

— У нас им нечего делать, народ бедный, — промолвил Ли Ю.

— А золото у лое? Этот вор, наверно, разведчик у них, ходит высматривает, — съехидничал Мафу, чтобы лишить надзирателя покоя.

— Золото я отправляю в Чугучак каждую неделю, так и знайте и всем говорите, — заявил надзиратель и опять обратился к Мафу: — Спрашивал он что-нибудь у тебя?

— Как же, спрашивал: богатые ли рудники, много ли золота надзиратель с рудокопов собирает...

— Что же ты сказал?

— Сказал, что совсем плохо стало, золота мало, жилы твердые. Что добудем — все у лавочника остается.

— Молодец, хорошо ответил! Пусть у лавочника ищут, если придут.

Надзиратель поднялся и велел подать своего ишака. Мафу, довольный исходом обыска, бросился к мирно дремавшему животному и подвел его к лое. При помощи солдат лое взгромоздился на седло, и незваные гости торжественно удалились, сопровождаемые частью любопытных, тогда как остальные зашли теперь во двор и обступили Мафу с расспросами.

ЗАМЫСЛЫ ХУНА

Мальчики прибрали разбросанное по фанзе имущество, опять развели огонь и поставили на него котел, уже успевший остыть.

Им удалось собрать частицу своего табаку. Но потеря трубки и золота казалась им непоправимой бедой. Хун после долгого раздумья сказал:

— Я видел, как Мафу сегодня унес корзину с рудой на пустырь.

— Верно, выбросил негодную руду,— сказал Пао.

— Нет, не выбросил, а припрятал, и я знаю где. Он, видно, ожидал, что придет лое с солдатами искать у нас золото, и унес из шахты самую лучшую руду.

— Пожалуй, что так. Но теперь он возьмет ее назад в шахту и там истолчет.

— А мы раньше утащим кусочек. Самый махонький — он и не заметит.

— Ну, нахалы, скоро ли обед? — весело крикнул Мафу, вваливаясь в дверь фанзы. — А, вы уж прибрали после гостей, я вижу.

— Обед еще не скоро, Мафу,— заявил Хун. — Солдаты сняли котел, потушили огонь, пришлось начинать варку сначала.

— Сходи-ка за мясом, Хун,— приказал Мафу, подсаживаясь к огню, чтобы закурить трубку. — Сварим побольше, сегодня у нас праздник по случаю почетных гостей. А после обеда можете идти гулять, куда хотите, в шахту больше не придется лезть за рудой. Завтра вернется Лю Пи, и мы переберемся на другой рудник.

Хун побежал за мясом, но, пользуясь тем, что Мафу остался в фанзе, он прежде всего сбежал на пустырь, быстро нашел ямку, засыпанную мусором, и извлек из-под него наугад кусок кварца, в котором оказалось видимое золото. Спрятав его во дворе, он спустился в шахту.

Когда Хун вернулся в фанзу, Мафу, наказав мальчикам позвать его, как только будет готов обед, от-

правился, в свою очередь, на пустырь с корзиной, откопал руду и унес ее в шахту, где принялся за толчение.

Он хотел к вечеру покончить с этим делом, а полученное золото скрыть от Лю Пи, возвращения которого ожидал с часу на час.

Хун и Пао, приготовляя обед, тихо, но оживленно разговаривали.

— После обеда,— сказал Хун,— мы пойдем искать хуан-янгов, охотиться на них.

— А ружье где возьмем?

— А вот оно висит.

— Мафу не даст нам его.

— А мы сами возьмем. Он уйдет в шахту, а мы — на охоту и вернемся раньше его. Он сегодня долго будет на шахте спрятанную руду толочь и промывать. Я уже нашел ее и кусок припрятал,— похвастался Хун,— с хорошим золотом. Теперь у нас и табак будет. Пожалуй, и новенькую трубку купим!

Возбужденные событиями дня и перспективой охоты, мальчики торопились с обедом и позвали Мафу, прежде чем мясо вполне сварилось. Но рудокоп после ночной прогулки и утренних волнений был очень голоден и ничего не заметил. После обеда он лег спать, поручив мальчикам разбудить его пораньше. Это вполне соответствовало их намерениям, и они дали Мафу спать не больше получаса, а во время сна приготовили провизию и корзины для задуманной прогулки.

Едва только рудокоп исчез в шахте, как Хун снял со стены ружье, пороховницу и мешочек с пулями и надел на себя.

— Тяжелое, однако! — заявил он смотревшему на него с завистью Пао.

— Как же ты возьмешь еще корзину?

— Знаешь, нам довольно одной корзины; положим в нее все — сухари, воду, чайник. Мы будем меняться.

Нагрузившись, мальчики вышли на пустырь и направились к холмам, на юго-восток от поселка, где они, собирая топливо, не раз встречали антилоп.

Закончив толчение и промывку руды, которая дала около десяти цынов золота, Мафу вылез из шахты уже после заката, усталый, голодный, но довольный. Он поднялся по уступам, мечтая об ужине, который, по его мнению, должен был уже ждать его, и, насвистывая песню пастухов, подошел к фанзе. Открыл дверь — и остановился, пораженный темнотой и тишиной.

— Ах, нахалы! — крикнул он. — Завалились спать, а огонь потух и ужин простыл.

Сбросив в угол кайлу, молот и клинья, которые он вынес наверх в твердом убеждении, что с этой шахтой все счета покончены, Мафу подошел к кану и протянул руки, чтобы схватить мальчишек за ноги. Но его пальцы нащупали только гладкую циновку.

— Куда вы запропастились, негодяи?! — крикнул он еще громче, нагнувшись всем туловищем над каном и шаря поближе к изголовью. Потом он достал огниво и трут, высек огонь и зажег масляную лампочку, всегда стоявшую слева у стены на краю кана. Фанза была пуста. Мафу заглянул в топку — ни признаков огня или ужина; пусты и тренога, и опрокинутый на земле котел.

— Эти негодяи еще не вернулись, и я должен голодный теперь разводить огонь и варить для них ужин. Еще бы, стану я возиться! Будь они прокляты, бездельники! Сварю чай, поем сухарей да холодного мяса от обеда и лягу спать. Пусть они тоже останутся без ужина, когда вернутся. А завтра отдеру их за уши.

Мафу развел огонь и стал искать чайник. Но его нигде не было. Пришлось вскипятить воду в котле. Рудокоп сел на кан и принялся за еду, но все время смотрел на дверь, ожидая, что она откроется и в фанзу войдут бездельники. Уж и устроит он им прием! Одного за уши, другого за уши — и лбами друг о друга! А потом — пошла на кан спать, ни ужина, ни чаю для вас нет!

Но один ломоть мяса за другим исчезали за крупными белыми зубами Мафу, кучка сухарей таяла, а мальчики не появлялись. Выпил несколько чашек чаю — их все еще нет. Выкурил трубку, другую, стало клонить ко сну.

Желание дождаться и наказать мальчиков постепенно слабело под влиянием усталости и непреодолимой дремоты. Поборовшись некоторое время со сном, он в конце концов залез на кан и улегся спать.

Солнце поднялось уже высоко, когда Мафу откинул, наконец, одеяло, присел, зевнул, протер глаза — и увидел, что он в фанзе один. Одеяла мальчиков лежали свернутые на своем месте, в лампочке выгорело все масло, пустой котел стоял на полу.

«До сих пор не вернулись, нахалы!» — подумал рудокоп и почувствовал некоторую тревогу. Посмотрел недоумевающими глазами на пустой кан, и вдруг взгляд упал на стену над изголовьем, где всегда висело его

ружье. Стена была пуста: ни ружья, ни пороховницы, ни мешочка с пулями!

Ой, не побывал ли здесь вор вчера, когда никогда не было дома? Уж не сделал ли Цзинь Тай третий визит в шахту и украл в отместку самое ценное, да еще увел мальчиков и убил их?

Быстро одевшись, Мафу вышел из фанзы, подошел к шахте, посмотрел в ее черную бездну, словно она могла дать ответ на его недоуменные вопросы, потом поглядел через ограду в одну, другую и третью сторону в надежде увидеть возвращающихся мальчиков. Но пустынная долина, уже разогретая солнцем, расстилалась без каких-либо признаков жизни от подножия угрюмой стены Катунь на севере до плоских холмов на востоке и юге. Воздух над поверхностью уже струился от зноя, и холмы по временам казались стоящими позади широкого светлого озера.

— Хоть бы Лю Пи скорее вернулся! — пробормотал рудокоп, возвращаясь в фанзу, чтобы приняться за приготовление еды. — Я не знаю, что делать, где искать мальчишек, пустыня так велика!..

Он развел огонь, поставил воду в котле, спустился в шахту за мясом и приготовил все для сытного обеда.

Перед самым полуднем, когда Мафу уже собирался сесть в одиночестве за трапезу, в фанзу вошел Лю Пи.

— Вот хорошо, что ты вернулся! — воскликнул рудокоп. — Обед у меня как раз готов.

— А где же мальчики? — спросил Лю Пи, освободившись от своей ноши.

— Гуляют где-то. Сядем кушать, и я расскажу тебе, что случилось здесь во время твоего отсутствия. — Уплетая суп и мясо, Мафу подробно рассказал об истощении богатой жилы и охоте на архаров, о воровстве руды и о своей погоне за похитителем, об обыске и, наконец, об исчезновении мальчиков.

— Я думаю, что они взяли мое ружье и пошли на охоту. Но только куда: в Катунь за архарами или на холмы за хуан-янгами?

— Скорее всего, что так, — сказал Лю Пи, — и они, наверно, заблудились. Только не нашалили бы они с ружьем! А то еще могли столкнуться с волками.

— Без собаки не обойтись!

— Само собой. После обеда я немного отдохну, а ты сбегай к Ли Ю и попроси у него собаку. Искать пойдем вместе. Может, придется нести одного из них или обоих.

Хотя Лю Пи отмахал в этот день уже более сорока ли, но исчезновение детей очень встревожило его, и он позволил себе только самый короткий послеобеденный сон, пока Мафу ходил за собакой на мельницу. Как только он вернулся, оба рудокопа, захватив с собой сахарей, сушеного мяса, чайник Лю Пи, запас воды во фляге и вооружившись ножами и топором, отправились на поиски. Собака повела их к холмам на юго-восток от поселка.

ПАО И ХУН НА ОХОТЕ

Накануне по этому же пути по хорошо протоптанной тропе, пролежавшей в долине между брошенными отводами и развалинами фанз, расположенных вдоль давно отработанных жил, прошли Хун и Пао. В километре от поселка тропа пошла по невысоким холмам, усыпанным щебнем сланца и покрытым «лаком пустыни» — черным, как смола, и, как смола же, блестящим под лучами высоко стоявшего солнца.

Холмы тянулись далеко на юг от долины Чий Чу, все одинаково черные, усыпанные щебнем, похожие на плоские котлы, опрокинутые вверх дном и покрытые шероховатой копотью от долговременного употребления. Изредка это однообразие нарушалось небольшим утесом на вершине или на склоне какого-либо холма, но таким же черным, как и все остальные, или более широкой долиной с сухим руслом, вырытым дождевым потоком и поросшим несколько более крупными кустами с серо-зеленой листвой.

Кое-где внимательный наблюдатель открыл бы маленькие пучки засохшей травы, росшие в ложбинах и рытвинах холмов и привлекавшие в эту мрачную пустыню хуан-янгов. Среди однообразных холмов, редко посещаемых людьми, четвероногие мирно паслись, пощипывая траву, обгрызая полынь и эфедру, чутко прислушиваясь к шорохам. Люди тревожили их очень редко; гораздо больше страдали они от волков, которые ухитрялись иногда отбить от стада животное, окружить его в котловине и зарезать, поэтому на черном фоне щебня местами белели то кости, то череп с волнистыми рожками.

Кроме антилоп в более широких долинах можно было встретить мелкого бурого зайца, довольствовавшегося той же скудной пищей. Иногда по кустам порхали маленькие пташки, а между щебнем мелькала проворная ящерица. Но часто можно было пройти час-другой,

не встретив ни одного живого существа. Чтобы выбраться из этих однообразных безжизненных холмов, следовало идти прямо на юг, где на расстоянии хорошего дневного перехода в скалистой, глубоко врезанной долине протекала маловодная речка Дарбуты, окаймленная зелеными рощами и зарослями камыша, в которых ютились зайцы, водились кабаны и фазаны, гнездились долгоносые утки. Но если, забравшись на холмы, повернуть на восток, пришлось бы идти несколько дней, не встретив ни воды, ни признаков жизни, пока, вместе с самим Джаиром, не кончилась бы эта пустыня.

Хун и Пао бывали на этих холмах, собирая на топливо скудные кусты и аргал. Но они никогда не уходили далеко вглубь и, поднявшись на вершину любого холма, могли различить на севере широкую долину Чий Чу, а за ней стену Кату, указывавшую им обратный путь.

Но в этот раз они пошли на охоту, и нужно было непременно найти антилоп. Тропа, которая привела их к холмам, скоро стала ветвиться, и каждая ветвь постепенно становилась все менее ясной, теряясь, наконец, в какой-нибудь котловине. Мальчики шли между холмами, переходя из одной котловины в другую по низким седловинам или по коротким долинкам. Они не обращали внимания на то, куда ведет та или другая долина, и постепенно уклонялись все больше и больше на восток.

Так прошло часа два. Они видели мельком зайца, выкатившегося шаром из-под куста и сейчас же скрывшегося за склоном; видели кости антилоп и два черепа их, на которые Хун с торжеством указал Пао. Наконец, при выходе в более обширную котловину они обнаружили совсем близко, не более чем в пятидесяти шагах, целый десяток антилоп; одни паслись, другие лежали на щебне, подогнув под себя ноги, как козы, и поворачивая головы то в одну, то в другую сторону.

Мальчики замерли и некоторое время любовались красивыми животными, не заметившими приближения охотников. Опомившись, Хун стал снимать ружье, висевшее у него за спиной; оставалось поставить его на сошки, взвести курок, подсыпать свежего пороха на полку. Для этой операции он присел за более крупным кустом, а Пао остался на месте, глядя на животных поверх куста.

Но щелканье курка встревожило чутких антилоп. Они быстро подняли головы, заметили врагов и больши-

ми прыжками понеслись прочь, поднимаясь на холмы.

Хун испустил проклятие, а Пао со вздохом сказал:
— Ну, ничего не вышло из охоты!

— Выйдет еще! — уверенно ответил Хун. — Они убегут недалеко, и мы подойдем к ним из-за холма с ружьем наготове.

Он вскинул ружье на плечо и побежал вперед. Пао за ним. Дойдя до места, где паслись антилопы, мальчики скоро нашли их следы — маленькие впадины в почве котловины — и пустились в погоню. Следы поднялись на холм, спустились в следующую котловину, опять поднялись на холм.

— Теперь осторожнее, — сказал Хун. — Они, верно, сейчас за этим холмом. Я пойду вперед, а ты немного отстань.

Подражая приемам Мафу, мальчик согнулся и почти пополз вверх по склону; не доходя вершины, он даже лег и пополз на животе. На вершине он замер, обозревая открывшуюся перед ним котловину. Но антилоп нигде не было видно.

Поманив рукою Пао, ожидавшего ниже на склоне, Хун встал, спустился в котловину, не теряя следов, и на следующем холме повторил тот же прием... и с таким же результатом. То же было и на двух других холмах. Только с пятого он увидел, наконец, антилоп, которые остановились в небольшой котловине и опять паслись.

Хун отполз немного назад, приготовил ружье и, готовый к выстрелу, стал ползком подниматься наверх. Достигнув гребня, он прицелился в ближайшую антилопу и нажал пальцем на собачку. Грянул выстрел, и молодой охотник с жалобным криком упал навзничь, а ружье, взмахнув сошками в воздухе, перелетело через его голову и покатилося по щелю.

Пао, оставшийся в двадцати шагах позади, испустил вопль, полагая, что его товарищ убит.

— Ой, Хун, ой, ой, Хун!

Но Хун вдруг вскочил, бросился на гребень и исчез. Пао побежал за ним и с гребня увидел, что тот ходит по котловине, разглядывая землю.

— Я подумал, что ружье застрелило тебя, — сказал Пао, подбегая к товарищу.

— Ружье стреляет вперед, а не назад, — ответил Хун. — Оно только ударило меня в плечо, и я упал.

Мальчик не имел понятия об отдаче при выстреле и

не прижал приклада к плечу, почему и получил очень чувствительный удар.

— Ты не подстрелил хуан-янга?

— Не знаю, может, и попал. Только незаметно, куда бежало раненое животное.

Они долго ходили взад и вперед, ища следов крови, но не нашли ничего.

— А где ружье? — спохватился Пао.

— Ой, я его оставил там, на вершине, — пробормотал сконфуженно Хун.

Вокруг котловины поднималось несколько холмов, похожих друг на друга, как близнецы, и мальчики не могли теперь вспомнить, с какой стороны они спустились вниз. Пришлось забираться по очереди на каждый холм, пока на склоне одного из них не наткнулись на ружье, лежавшее сошками вверх среди щебня.

Хун поднял его, осмотрел и сказал:

— Как будто не сломалось. Нужно опять зарядить, чтобы быть наготове.

Пао присел на щебень, поглядел кругом и сказал:

— До заката остается один только час, Хун. Идем домой, а то мы не успеем приготовить ужин для Мафу.

Пока Хун заряжал ружье, Пао достал из корзины флягу с водой, напился, потом стал жевать сухари, поглядывая с недоумением на солнце, которое стало совершенно красным.

— Слушай, ночью, кажется, будет хый-фын.

— Да, похоже на то, — сказал Хун, в свою очередь посмотрев на солнце.

— А в какую сторону нам теперь нужно идти?

— Конечно, туда, где видны горы Катю. Наша долина у подножия их.

— А где же Катю, я что-то не вижу.

— Ах ты... — сердито начал Хун, но внезапно оборвал и с недоумением обвел взглядом горизонт. Зубчатая стена Катю, которую видно было с любого высокого холма этой местности, исчезла.

— Это пыль скрыла горы, как всегда бывает перед хый-фыном, — задумчиво проговорил он.

— Что же мы теперь будем делать? — со слезами в голосе воскликнул Пао. — Как мы попадем домой, если Катю не покажет дорогу?

— Ну, уже разнюнился, плакса! — прикрикнул на него Хун, хотя в его душу тоже закралась тревога. — Мы пойдем в сторону заката; солнце летом садится левее Катю.

Он не был в этом вполне уверен; во время преследования хуан-янгов солнце светило то в спину, то в бок, то в лицо. Катун был более надежным маяком; по положению хорошо знакомых им вершин и ущелий его они уже не раз ориентировались при возвращении домой из экскурсий за топливом.

Утолив слегка голод и жажду, мальчики скорым шагом, несмотря на усталость, направились на запад, прямо в сторону солнца, которое становилось все краснее по мере того, как спускалось за пыльную завесу. Но скоро оно уже чуть светило и, наконец, исчезло, не достигнув гребня высокого Джаира.

Держаться направления той точки неба, где скрылось солнце, оказалось очень трудно. Холмы так походили один на другой, ложбины и долины между ними так часто изгибались, ветвились, опять соединялись, что идти прямо было совершенно невозможно. Мальчики шли между холмами, отклоняясь постепенно то в одну, то в другую сторону. Кроме того, они сразу взяли неверное направление, так как из дома шли на юго-восток, а во время преследования хуан-янгов уклонились на юг, теперь же по солнцу выбрали путь на запад и потому двигались параллельно окраине холмов и долине Чий Чу. Хотя они приближались к дому, но должны были пройти мимо него на значительном расстоянии.

Так прошло больше часа. Стало смеркаться. Хун все чаще поглядывал на небо, начинавшее уже принимать фиолетовый оттенок. Пао угрюмо молчал, с трудом передвигая ноги. Наконец, он не выдержал:

— Я не могу больше идти, Хун, я ужасно устал.

— Ну присядь, а я сбегаю на вершину и посмотрю, не видно ли нашу долину.

Пао опустился на щебенку возле ружья, снятого Хуном, и сразу заснул. Хун стал взбираться на соседний холм в надежде, что с его вершины увидит впереди долину Чий Чу и ряды серых фанз рудничного поселка. Он тоже сильно устал и с трудом доплелся до вершины. Но ни долины, ни поселка не было видно. До серого, пыльного горизонта продолжались те же холмы, точно внезапно застывшие волны унылого черного моря. Хун посмотрел вправо и влево, оглянулся назад — везде одно и то же. Кое-где удручающее однообразие мрачных горбов нарушалось несколько более высокой, но такой же черной и круглой вершиной.

«Мы заблудились», — со страхом подумал Хун. Но мальчик не потерял присутствия духа.

«Переночуем здесь,— решил он, спускаясь с вершины. — Вода и сухари у нас есть, сварим чай. Волков отгонит огонь, да и ружье у нас есть. А завтра видно будет Кату, и мы узнаем, куда идти».

Только мысль, что Мафу останется без ужина и обнаружит исчезновение ружья, несколько тревожила его.

Внизу он застал Пао крепко спящим, и никакие толчки и оклики не смогли его разбудить. Между тем нужно было использовать немногие минуты, оставшиеся до наступления темноты, чтоб набрать побольше топлива на ночь. И Хун, не теряя времени, принялся за дело. Котловина, в которой они остановились, оказалась довольно богатой кустами, и мальчик, не жалея рук, ломал и вырывал с корнем все, что могло служить пищей для огня, стаскивая охапки хвороста к тому месту, где безмятежно спал Пао. При этом он отдал предпочтение окраинам котловины, считая, что кусты, ближайšie к месту ночлега, можно будет ломать и позже, при свете костра.

К тому времени, когда совершенно стемнело, возле Пао вздымалась уже целая копна топлива. Хун достал огниво, высек огонь и развел небольшой костер, затем выбрал из кучи хвороста прут покрепче, воткнул его одним концом в землю, на другой повесил чайник, а середину подпер развилыстым сучком. Достав сухари и кусок вяленого мяса из корзины, он уселся возле огня в ожидании, когда закипит вода в чайнике.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Ночь уже наступила, и на небе сквозь пыль тускло мерцали звезды. Костер бросал колеблющийся свет на ближайšie полусохшие кусты и склон холма, у подножия которого расположились мальчики. Края котловины тонули в полумраке, сквозь который еле виднелись склоны других холмов, такие же черные, как и небо над их вершинами.

Хун, подкладывая хворостину за хворостиной в костер, беспокойно оглядывался, опасаясь появления волков.

Но вот крышка чайника застучала, а из носика выбросило струйку воды на горячие угли, которые сердито зашипели и погасли. Хун подцепил палочкой дужку чайника, снял его с огня, заварил щепотку чаю и стал расталкивать Пао, лежавшего рядом с ним.

— Пао, Пао, вставай, будем ужинать! Пао, слышишь, вставай же!

Пао присел, потянулся, протер глаза. Обведя взглядом окрестности, он увидел кругом желтые кусты, освещенные костром, над собой — бездну черного неба и сказал со слезами в голосе:

— Зачем ты разбудил меня, Хун? Лучше бы я спал до утра...

— Я тоже хочу спать, мы должны чередоваться,— возразил Хун обиженным тоном.

— Ну хорошо,— согласился Пао.— Попьем чаю, а потом ты уснешь, а я буду караулить.

— Только смотри, не усни. А то костер потухнет, и нас съедят волки.

Мальчики пожевали вяленого мяса, нарезанного маленькими кусочками, потом выпили по очереди по чашке чаю с сухарями. Пао хотел было еще, но Хун не дал: нужно оставить воду на утро.

— Теперь я лягу спать,— сказал Хун,— а ты сиди и подкладывай в огонь по одной хворостине, чтобы все время горело, потом разбудишь меня.

— Как же я буду знать, когда тебя будить?

— А вот что я придумал. Ты считай, не торопясь, до сотни. Вот так: один, два, три... Насчитаешь сто — и положи один камешек. Потом считай опять до ста — и положи второй. Когда у тебя наберется пятьдесят камешков, тогда разбуди меня.

Хун растянулся на щепе вблизи огня и закрыл глаза. Пао уселся рядом так, чтобы видеть лицо товарища, и начал считать, поглядывая то на костер, то на Хуна. Через некоторое время он сказал:

— Хун, ой, Хун!

— Чего тебе? — сонно спросил тот.

— Я уже сосчитал до ста.

— Положи камешек и начинай сначала. Но если ты каждый раз будешь мне заявлять об этом, я не усну.

— Мне страшно, когда ты молчишь и лежишь с закрытыми глазами.

— Считай и не думай. Все равно я не буду тебе отвечать.

Огорченный Пао замолчал и снова принялся считать, время от времени вытаскивая хворостину из кучи, лежавшей рядом, и подкладывая ее в огонь, который то вспыхивал, трещал и дымил, то медленно затухал. Наблюдая за костром, Пао иногда сбивался в счете или

останавливался; потом, чтобы наверстать время, начал считать быстрее.

Возле мальчика набралось уже тридцать два камешка. Он клал их кучками, по десяти штук, чтобы знать, когда начнется пятая и последняя. Кругом все было тихо, пустыня молчала, и только потрескивание костра и легкое дыхание Хуна нарушали торжественную и жуткую тишину ночи. Легкий дым, иногда со снопом искр, поднимался прямо наверх в спокойном воздухе, исчезая в черной глубине неба.

Вдруг издалека донесся глухой гул, и Пао замер, прислушиваясь и забыв о счете. То усиливаясь, то ослабевая, этот гул постепенно приближался, долетая порывами, которые временами напоминали рев и топот огромного стада, временами — свист и жалобные стоны. Воздух заколебался, и огонь стал метаться в разные стороны.

Пао не знал, что это сильный порыв ветра пронесся по ущелью гор Катун, и смотрел расширенными глазами в ту сторону, откуда доносились странные звуки. Что это? Стая волков несется или мчатся преследуемые ими антилопы? Или это демоны воздуха затеяли игру в темноте ночи? Он уже протянул руку, чтобы разбудить Хуна. Но внезапно все затихло, и Пао успокоился. «Пронесли мимо», — подумал он. Вспомнив о счете, он решил, что, наверно, успел бы за это время сосчитать раза два-три до ста, и прибавил в четвертую кучку два камешка, потом подумал и прибавил еще один.

Станный шум больше не возобновлялся, и Пао спокойно считал, радуясь, что уже четвертая кучка кончилась и скоро он сможет разбудить Хуна. Его сильно клонило ко сну, веки смыкались, голова падала на грудь, и он сбивался со счета. С усилием стряхивал он с себя дремоту, хватался за хворостину, чтобы сунуть ее в огонь, и старался вспомнить, на какой цифре он остановился. Когда это ему не удавалось, он просто клал камешек в кучку, полагая, что успел бы сосчитать очередную сотню, если бы не задремал, и усердно начинал новую; но с половины ее счет замедлялся, и дремота снова одолевала мальчика.

Когда пятая кучка уже близилась к концу, тишину ночи внезапно нарушил близкий хриплый вой. Пао вздрогнул, и сон сразу соскочил с него. Жителям поселка этот вой был хорошо знаком; они слышали его не раз, особенно в зимние ночи и длинные вечера, когда

волки подходили совсем близко и бродили вокруг отводо в поисках пищи.

Дрожащими руками мальчик сунул в костер несколько хворостин, и огонь вспыхнул ярче, осветив черные холмы окраин котловины. Вой повторился в другом месте, но как будто еще ближе. Пао не выдержал и начал толкать изо всех сил спящего Хуна.

— Хун, проснись, вставай скорее, волки пришли! Хун! Хун!

Но разоспавшегося мальчика разбудить было не так-то легко, и Пао кричал ему в ухо все более отчаянным голосом. Одной рукой он толкал и тряс Хуна, а другой подкладывал хворостины в костер, который разгорался все ярче и ярче, выбрасывая снопы искр. Вой послышался снова, уже в другом месте. Хун наконец проснулся и присел, протирая глаза и щурясь от яркого света.

— Зачем ты развел такой огонь? — было его первым вопросом.

— Да ведь волки ходят кругом, волки! Я кричал тебе сколько раз, пока будил.

— А, волки! Ну и пусть себе ходят, сюда не придут. А разве было уже время будить меня?

Пао немного смутился.

— Нет, еще не совсем. В пятой кучке недостает только трех камней... но я испугался волков...

В эту минуту вой раздался опять, и совсем уже близко. Можно было подумать, что волк спустился в самую котловину. Несмотря на свою напускную храбрость, Хун вздрогнул, поглядел в ту сторону, откуда послышался вой, и потянулся за ружьем, лежавшим на щебне. Он поставил ружье на сошки, осмотрел замок и насыпал немного пороха на полку.

— Теперь твоя очередь спать, — сказал Хун, — ложись.

— У меня сон прошел с тех пор, как волки завыли, — сказал Пао.

Но едва он лег, растянувшись на щебне, как сразу уснул. Хун усмехнулся, поправил огонь, сгреб в сторону все кучки, приготовленные Пао, и начал в свою очередь считать, потому что дремота одолевала и его. Чтобы разогнать ее, он встал и начал ходить вокруг костра, считая шаги. После каждой сотни он останавливался спиной к костру и осматривал холмы, стараясь разглядеть, не сидит ли серый на одном из них. Вой не возобновлялся, и Хун, постояв немного, снова начинал кружиться.

После двадцатого камня он почувствовал усталость и присел на корточки. Поправляя огонь, он заметил, что куча хворосту заметно уменьшилась.

«Когда положу тридцать камней,— подумал он,— пойду ломать ближайшие кусты. А то Пао не догадается сделать это, у него не хватит топлива, и он опять разбудит меня раньше времени».

Скоро его опять стало клонить ко сну. Он лег на бок, опершись на локоть, и начал считать вслух. Но язык его заплетался, и Хун задремал. Хворост догорел, костер превратился в кучу тлеющих углей, которые стали подергиваться пеплом, освещая слабым красноватым светом двух спящих мальчиков и ружье, направленное на невидимого врага. А враг не дремал. Когда окраины котловины погрузились в темноту, из-за одного из холмов показалась голова с настороженными ушами, потом выдвинулось туловище, и зверь стал медленно спускаться в котловину, часто останавливаясь и всматриваясь в смущавшее его красное пятно, возле которого он видел добычу. Достигнув дна, он прилег за кустами, выжидая, когда исчезнет красное пятно, свет которого постепенно ослабевал.

Голова Хуна, опиравшаяся на ладонь подогнутой руки, вдруг соскользнула и больно ударилась о щебень. Мальчик проснулся, увидел погасавший костер, вскочил на ноги, подложил хворосту и стал усиленно раздувать огонь. Сухой хворост немного подымил на углях и вспыхнул. Весело затрещали веточки, по которым пламя стало перекидываться выше и выше.

Хун перестал дуть и сидел на корточках, глядя сонными глазами на огонь.

«Сколько же я успел насчитать, прежде чем заснул? — подумал он. — Две кучки и еще шесть. Четыре я, наверно, пропустил. Ну ничего, буду продолжать. Нет, лучше сначала наберу хворосту, а то опять засну».

Он поднялся с земли, потянулся, подбросил еще несколько хворостин и направился к ближайшим кустам, которые и стал обламывать. Он стоял спиной к огню и вдруг заметил, что недалеко, шагах в двадцати, в кустах двинулось что-то большое, серое. Мальчик замер и впился глазами в подозрительное место. Потом тихо стал пятиться назад, не спуская глаз с куста, где заметил движение.

Добравшись до костра, Хун осторожно повернул ружье, опустил на колени, прицелился в подозрительный куст и спустил курок. В этот раз он сильно прижал

приклад к плечу, и ружье хоть и ударило его, но не больно.

В ночной тишине выстрел прогремел очень громко, и тотчас же из кустов выскочил волк и пустился наутек наискось по склону холма. Хун, оглушенный выстрелом, заметил зверя уже на половине склона, где волк остановился, покачнулся, упал, снова вскочил, сделал еще два таких же странных прыжка и покатился вниз, смешно взмахивая лапами.

КУДА ИДТИ

Пао, разбуженный выстрелом, поднялся, сонный и недоумевающий.

— Что, что такое? — пробормотал он, обводя глазами костер и Хуна, стоявшего еще на коленях у ружья.

— Я... я... подстрелил волка! — прерывающимся от волнения голосом ответил юный охотник.

Хун рассказал, как дело было, умолчав только о том, что заснул.

— Теперь твоя очередь спать, — сказал Пао, — я больше не буду бояться, раз волк убит.

— Пойдем, посмотрим его.

Мальчики подбросили хворосту в костер и, когда он разгорелся, взяли пылающие ветки и осторожно направились к кустам, за которые скатился волк. Обогнув кусты, они увидели за ними на склоне неподвижную серую массу. Хун бросил тлеющую ветку к самой морде зверя. Волк не шевельнулся.

— Видишь, мертвый, — торжествовал Хун. — Живой отскочил бы от огня.

Он наступил босой ногой на вытянутые передние лапы зверя, потом нагнулся и ткнул тлеющей веткой ему в нос. Пао стоял возле и светил горячей хворостиной. Косматый волк лежал на левом боку, вытянув ноги вверх по склону и откинув голову назад. Пасть была открыта, обнажая острые белые зубы и красный язык. Зеленые глаза смотрели слепо, безжизненно.

Мальчики притащили волка к костру, где еще долго рассматривали его. Но постепенно сон опять подобрался к Хуну, и он заклевал носом.

— Ложись спать! Теперь у нас есть мягкая подушка. Положи голову на волка, — предложил Пао.

— Сперва нужно набрать хворосту, — вспомнил Хун. — Давай собирать вместе, теперь бояться нечего!

Они живо обломали оставшиеся кусты.

— Так-то лучше. Теперь никто не подкрадется незаметно. Кругом на сорок шагов все чисто,— сказал Хун, положив голову на пушистый хвост волка.

Пао, сидя у волчьей морды, начал свой счет, а камешки ради забавы складывал кучками вокруг головы и туловища зверя. Время его дежурства прошло без каких-либо происшествий; раза два он задремал ненадолго и терял счет, но, проснувшись, добросовестно начинал сначала прерванную сотню. Один раз его немного встревожил отдаленный вой, и он долго прислушивался; но вой не повторился. Уложив пять кучек камней, Пао разбудил Хуна и, в свою очередь, улегся на волчий хвост, еще теплый от головы товарища. Хун во время своего дежурства решил снять шкуру со зверя, потому что тащить всю тушу домой им было бы не под силу.

Когда Пао заснул, Хун достал нож, наточил его на бруске сланца, потом осторожно оттащил волка в сторону, высвободив его хвост из-под головы Пао, продолжавшего спать. Работа оказалась не такой легкой, как он думал, ему пришлось долго провозиться, тем более что нужно было еще следить за костром и подбрасывать в него хворост.

Покончив с этим делом, он разбудил Пао и с торжеством показал ему снятую шкуру.

— Ну, теперь я лягу спать,— сказал он.— А ты, когда заметишь, что на востоке светлеет, поставь чайник погреть, поджарь на пруте волчьего мяса, попробуем, какое оно на вкус. И когда все будет готово, разбуди меня.

Хун улегся теперь на мягкую шкуру, а Пао сел возле костра. Скоро он заметил, что на востоке небо посерело и стало отделяться от черных холмов.

«Утро близко»,— с радостью подумал мальчик.

Не жалея хвороста, он развел огонь побольше и, вооружившись ножом Хуна, нарезал от задней ноги волка маленькие кусочки мяса, которые нанизал на несколько прутьев, предварительно очистив их от листьев, шипов и веточек, потом воткнул прутья заостренным концом в землю, наклонно к огню костра, чтобы мясо поджаривалось, отгреб кучку углей в сторону и поставил на нее чайник, который долил остатком воды из фляги. Прутья с мясом требовали постоянного надзора: их нужно было поворачивать, чтобы кусочки обжаривались со всех сторон. Занятый этим, Пао и не заметил, как небо посветлело, а восток над холмами заалел.

Мясо поджарилось, вода закипела, и Пао разбудил Хуна. Они съели шашлык из мяса волка, оказавшийся жестким, с неприятным запахом. Зато горячий чай с сахарями показался им особенно вкусным, и они с трудом поддались голосу благоразумия и оставили немного воды на дорогу.

Когда кончили завтрак, стало уже совсем светло. Пока Пао укладывал корзину, Хун взобрался на вершину холма, чтобы посмотреть, где Катю. Солнцу уже надо бы взойти, но на востоке виднелось только красноватое пятно. Катю не было видно, и во все стороны, сколько мог охватить глаз, расстилались те же черные, однообразные, круглые вершины холмов.

Хун вернулся удрученный и сказал уныло:

— Катю все еще не видно. Нужно обсудить, в какую сторону нам идти.

— А солнце есть?

— Чуть заметно.

— Тогда я знаю, куда идти,— заявил Пао.— Мы пойдем так, чтобы оно оставалось у нас справа.

Хун заспорил, утверждая, что нужно идти спиной к солнцу. Но Пао стал объяснять ему, где оно восходит и заходит в разное время года, и ему удалось убедить товарища в том, что они заблудились, не приняв этого накануне во внимание.

— Вот увидишь! Когда мы пройдем несколько ли в ту сторону, как я говорю, мы уже увидим нашу долину.

Хун согласился, и они двинулись в путь. Пао нес корзину, Хун — ружье и волчью шкуру, которую он, как первый охотничий трофей, ни за что не доверил бы никому. Они шли теперь на север; солнце, поднявшееся уже над густым слоем пыли, имело вид красного круга без лучей. При этом освещении черные холмы пустыни казались особенно мрачными, зловещими. Мальчики пробирались то по извилистым долинам и котловинам, совершенно похожим на ту, в которой они провели тревожную ночь, то по седловинам между холмами, приводившим их в подобные же долины.

Прошел час с лишним; становилось уже жарко и душно в пыльном, застоявшемся воздухе, а холмы по-прежнему сменяли друг друга, и не было заметно, чтобы они становились ниже и были разбросаны реже, что указывало бы на близость долины Чий Чу. Пао приуныл, а Хун посмеивался. Жажда начинала мучить мальчиков, но они не решались еще выпить остатки чая, хранившегося во фляге.

— Не пора ли повернуть на запад? — спросил, наконец, Хун.

— Влезем на этот холм, — предложил Пао, — посмотрим, не видна ли уже долина.

Мальчики поднялись на холм, показавшийся им несколько выше остальных. С него открылся прежний вид на бесконечное море округленных черных вершин, простиравшихся во все стороны до пыльного горизонта.

Пао устремил взор на север и изучал даль.

— Долина там, и не очень далеко, — сказал он наконец.

— Я не вижу никаких признаков долины.

— А я вижу. Вот посмотри в другие стороны: там эти черные горбы стоят один за другим, точно спины огромного стада баранов. А здесь между двумя далекими вершинами не видно уже новых, таких же высоких. Там должна быть долина или более низкие холмы перед долиной.

— А это что? — вдруг воскликнул Пао, с недоумением указывая немного правее того промежутка, где вдали не было видно холмов. Сквозь пыльную завесу, как сквозь густой туман, чуть обрисовывалась какая-то темная масса.

— Это тучи!

— Нет, это Катту! Мы вчера прошли слишком далеко на запад, поэтому наш поселок остался позади, и нам нужно повернуть еще правее.

Хун засмеялся, но уверенность Пао смутила его.

— Если так, пойдем еще немного на север, тогда долина станет виднее, — решил он после некоторого молчания.

Двинулись опять в путь, снова по котловинам и долинам, которые теперь как будто становились шире. Скоро и холмы начали понижаться, раздвигаться, и через полчаса Хун должен был признать, что долина Чий Чу близко. Немного погодя мальчики увидели ее с невысокого холма, но она показалась им совершенно незнакомой. Начался спор, куда идти: Хун говорил — налево, а Пао — направо, основываясь на положении Катту, рисовавшегося уже немного яснее сквозь пыльную завесу.

И еще раз Пао удалось убедить своего упрямого товарища. Когда, выйдя в долину, он увидел вдали белеющие здания поселка, и не влево, а вправо, Хуну пришлось признать свою ошибку. Идти предстояло долго, потому что они вышли в долину Чий Чу много западнее

не только своего поселка, но и соседнего, носившего то же название и подчиненного тому же надзирателю.

Около полудня они достигли первых фанз и прошли через поселок во время обеденного отдыха рудокопов. Мальчуганы с ружьем и свежей волчьей шкурой обращали на себя внимание, и их постоянно задерживали расспросами, а в первом поселке знакомый рудокоп позвал их к себе и накормил обедом.

Когда они шли мимо мельницы, их увидел Ли Ю и сообщил, что только что Мафу прибежал за собакой, чтобы идти искать их. Мальчики поспешили домой, но не застали уже старших. С высоты ограды они увидели их идущими к холмам. Сбросив наскоро свою ношу, Хун и Пао побежали вдогонку и настигли их у начала холмов.

Обрадованные возвращением мальчиков, Лю Пи и Мафу ограничились выговором. Хун с гордостью сообщил, что убил волка.

Вернувшись домой, мальчики подробно рассказали о своих приключениях, а Лю Пи сообщил, что он получил хороший отвод на руднике Ван-Чжу-Ван-цзе, что надзиратель там не такой алчный, как здесь, местность гораздо веселее, а зимой теплее,— глубокая долина, защищенная от ветров, не то что Чий Чу, где зимние метели свирепствуют на просторе.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

На следующий день Лю Пи пошел к надзирателю.

— Лое,— заявил он,— я отказываюсь от отвода и иду из Чий Чу.

— А ты кончил его? Должен кончить сперва! — накинулся на него надзиратель, для которого, конечно, было выгодно, чтобы разрабатывалось побольше отводов.

— Такого закона нет, лое. Я — старый рудокоп и закон знаю. Не нравится жила — имею право бросить.

— Как знаешь! Но руду, которую ты уже добыл, надо же смолоть и промыть. Я назначу тебе, так и быть, день не в очередь, ну, скажем, через неделю.

— Я не могу ждать, лое. Пусть пропадает эта руда. Кто возьмет мой отвод, тот может получить и ее. Глаза надзирателя блеснули жадностью.

— Хорошо, я тебя отпущу сейчас, если ты доставишь эту руду на мельницу. Я возьму ее в казну за убытки, которые ты причиняешь отказом от отвода.

— Я согласен, лое. Сегодня к обеду сдам тебе все,

что добыто,— поспешил ответить Лю Пи, чтобы надзиратель не потребовал еще чего-нибудь.

Вернувшись домой, он вместе с Мафу стал пересматривать руду, сложенную у шахты, чтобы отобрать и не сдать ни одного куска с видимым золотом. В это время мальчики носили на мельницу все, что старшие отбрасывали.

К полудню дело было кончено, руда сдана, Лю Пи отдал надзирателю документы, содержавшие описание отвода и разрешение на его обработку, и получил документ, удостоверяющий, что казна не имеет к нему претензий. А после обеда рудокопы истолкли и промыли десятка два кусков руды с золотом, отобранных из кучи.

На следующее утро, взволнованные ожиданием предстоящего путешествия, мальчики проснулись чуть свет, быстро сварили жидкую кашу с волчьим мясом, кусок которого они принесли с охоты, и разбудили старших. Когда кончили завтрак, в фанзу вошел старый китаец с красными слезящимися глазами и седой бородкой.

— Кушали — не кушали, приятели? — сказал он и прибавил, заметив, что они еще едят: — Хорошо покушали, вижу. А скоро ли поедем?

— Садись, приятель Юнг, покушай и ты на дорогу. Немного каши осталось, хорошая, с мясом, — пригласил Лю Пи.

— Разбогател ты, Лю Пи, часто мясо кушаешь, — ответил Юнг, опускаясь на корточки возле кана и принимая полную чашку. — Небось, барашка купил у калмыков?

Мафу и мальчики рассмеялись.

— Этот барашек сам немало барашков съел на своем веку, — сказал Мафу.

— Уж не дохлой ли собакой вы угощаете меня? — спросил Юнг.

— Хуже, приятель! Волка кушаешь. Вот и сам охотник сидит, — засмеялся Мафу, указывая на Хуна, покрасневшего от гордости при этих словах.

— Что же, волк так волк, по крайней мере не дохлятина. Мне, когда я работал в Дагуне, приходилось есть волков, а один раз они меня самого чуть не съели, едва отбился.

— Соберите посуду, вымойте чашки! — приказал Лю Пи, заметив, что Юнг кончил еду. — Пойдем грузиться.

Лю Пи и Мафу стали вытаскивать на двор инструменты, мешки, постельные узлы. Мальчики проворно

сполоснули чашки, вытерли котел, вылили остатки чаю во флягу и понесли посуду на двор. Тут они увидели, что возле фанзы стоят два ишака. К седлу одного из них Мафу и Лю Пи прилаживали рудоносные корзины по паре с каждой стороны и сложили в них кирки, лопаты, ступку, промывальный таз, разную мелочь, а сверху увязали треногу, котел и мешки. На другого ишака Юнг навьючил постельные узлы и мешочки с мукой и крупой, всю мягкую рухлядь, а сверху положили свернутые циновки с кана и обеденный столик. Посуду и флягу с водой Мафу и Лю Пи взяли в свои котомки. Мафу нагрузился еще ружьем, а мальчики шли порожняком.

Позвякивая бубенчиками и подгоняемые криками Юнга, ишаки вышли со двора. Хун и Пао бросили последний взгляд в темную шахту, по ступеням которой они поднимались и опускались много сотен раз, достали из убежища в стене новую трубку и кисет с табаком и побежали догонять ишаков.

Когда маленький караван приблизился к мельнице, его остановили два солдата и вызвали надзирателя, который только что поднялся с теплого кана.

— Ну-ка, богачи, разверните ваши вещи! — сказал он. — Я должен посмотреть, не увозите ли вы утаенное золото или богатую руду.

— Не задерживай нас, пожалуйста, лое, — попросил Лю Пи с глубоким поклоном. — Путь наш далек, а золота и руды мы не везем.

— Не теряй времени на разговоры, снимай свои узлы! — рассердился надзиратель. — Когда я увижу, что золота нет, я отпущу тебя на все четыре стороны. Солдаты, стаскивайте все на землю!

Солдаты, державшие ишаков за морды, бросились развязывать вьюки. Обыск вносил развлечение в их однообразную жизнь, и они рады были стараться. Мигом узлы с постелями и одеждой очутились на пыльной дороге, были развернуты и перещупаны. Надзиратель смотрел и приговаривал:

— Ищите хорошенько, ищите везде. У них, наверно, припрятано золото!

Хотя время было рабочее, но сцена обыска привлекла несколько рудокопов и рудоносов, столпившихся поблизости. Надзиратель стоял впереди ишаков, загораживая им дорогу; вдруг один из них, почуяв близость ослицы на дворе мельницы, внезапно поднял хвост, вытянул морду и заржал перед самым лицом надзирате-

ля, обрызгав его слюной. Восторженное приветствие животного было грубо прервано и перешло в жалобные ноты, потому что Юнг схватил его за хвост, а надзиратель ударил кулаком по морде и, бормоча проклятия, начал вытирать рукавом свое лицо.

— Звонко кричит твой ишак, приятель, — воскликнул Мафу с насмешкой в голосе. — Ты поддержи лучше обоих за хвосты, чтобы они не мешали лое осматривать наши вещи.

Зрители, солдаты и мальчишки улыбались; надзиратель покраснел от злости и прошипел:

— Сними-ка свою котомку, болтун, и вытряхни. Солдаты, общитесь и одежду на них, загляните в кисеты с табаком, везде ищите.

Солдаты усердствовали, перебрали все вещи, прощупали швы, перемяли подушки-валики, заглянули даже во флягу с остатками чаю и вылили содержимое на землю, заставили рудокопов снять обувь, обыскали погонщика и седла ишаков. Но ни руды, ни золота не оказалось нигде. Ожидания надзирателя были обмануты.

— Эту старую шахтовую крысу не так-то легко накрыть! — проворчал надзиратель, указывая на Лю Пи. — Золото он унес, видно, раньше и припрятал в надежном месте.

Он повернулся и пошел к своей фанзе, а на пороге обернулся и крикнул:

— Отпустите их, пусть убираются хоть в преисподнюю!

— Ай, ай, нехорошо так говорить честным людям на дальнюю дорогу! — воскликнул Лю Пи, когда надзиратель скрылся в дверях. Мафу погрозил ему вслед кулаком. Солдаты засмеялись и, вынув из-за пояса трубки, попросили у Лю Пи табаку за свои труды.

Отсыпая им горсточку, рудокоп сказал, вздыхая:

— Если бы вы меньше старались, я поблагодарил бы вас иначе.

— Ну, приятель, ты знаешь, наш лое сердитый, нельзя не стараться. Но мы в рот вам не заглядывали и косичек не расплетали, а золото, может быть, там запрягано, — ответил один.

— Не может быть, чтобы такой старый рудокоп, как ты, уходил с рудника ни с чем, — прибавил другой.

— Можете и косу расплести и в рот, и в другие места залезть, — рассердился Лю Пи, — нигде ничего не найдете.

Солдаты присели на корточки и курили, рудокопы

складывали и вьючили свои вещи. Наконец все было готово, и маленький караван тронулся дальше по улице. Прохожие, лавочник Ван Ли и подошедший с мельницы Ли Ю провозжали уезжающих до последних домов поселка и пожелали им счастливого пути и удачи на новом месте.

Когда начался пустырь, Лю Пи сказал мальчикам:

— Вы идите не спеша, вперед с ишаками, а мы с Мафу посидим, покурим перед дорогой.

Когда ишаки скрылись за поворотом, рудокопы вернулись к развалинам последней фанзы на брошенном отводе и в уголке двора, под кучей мусора, откопали свое золото, предусмотрительно припрятанное там накануне в сумерки. Два небольших, но тяжелых мешочка исчезли в глубине котомок. После этого Лю Пи и Мафу быстро пошли вперед и вскоре нагнали караван.

Через два часа путники подошли к речке Ангирты, окаймленной узкой полосой прибрежных роц и зарослей. По мелкой гальке струилась чистая прохладная вода, к которой с жадностью припали животные и люди. Мальчики уже целый год не видели другой воды, кроме лужи в яме на дне шахты, не видели зелени, кроме печальных серо-зеленых кустиков пустыни. Им хотелось ползать по чаще, искупаться в речке, но Лю Пи сейчас же повел караван дальше, опять по дороге между почти голыми скалистыми горами. Она то переходила из одной долины в другую, то некоторое время шла по долине, местами суживавшейся в ущелье. Эти горы напоминали мальчикам Катунь, и Хун спросил Мафу:

— Тут, наверно, водятся куку-яманы и архары?

— Нет,— ответил рудокоп,— здесь для них слишком жарко, да и люди часто встречаются. Но хуан-янги могут попасться нам. Пожалуй, я пойду вперед, наш караван очень шумный, и животные слышат его издалека.

— И я с тобой! — воскликнул Хун.

— И я тоже! — попросил Пао.

Лю Пи отпустил их, и они с Мафу, приготовившим ружье, скоро исчезли из глаз. Действительно, через дватри ли, поднявшись на один из перевалов, они увидели в следующей долине нескольких антилоп, медленно шедших вдоль сухого русла. Мафу присел и стал наводить ружье, но мальчики не успели притаиться; чуткие животные заметили людей и сразу умчались вниз по долине крупными прыжками, вытянув шею.

— Ой, подождите немного! — в отчаянии крикнул Пао.

— Ты хотел насыпать им соли на хвост? — засмеялся Мафу.

Антилопы больше не попадались. Миновав еще несколько перевалов и бесплодных долин, охотники с последнего перевала увидели долину речки Дарбуты, которая извивалась широкой зеленой лентой между скалистыми горами.

Лю Пи подошел с ишаками и указал дорогу; стали спускаться в долину, направляясь по косогору вверх по течению. Там поблизости на склоне серели фанзы и белели отвалы кварца у шахт. Это и был рудник Ван-Чжу-Ван-цзе. Недалеко от него Лю Пи остановил ишаков у одной из фанз.

— Вот наше жилище, — сказал он.

— Фанза плохая, — заметил Мафу, окинув взглядом постройку. — В крыше дыра, труба обвалилась, двери нет.

— А ты думал, что нам здесь дворец приготовили? — усмехнулся Лю Пи. — В этой фанзе уже полгода никто не живет, поэтому она и неисправна. Но починить мы ее сумеем, а пока проживем на дворе, теперь еще лето, тепло.

Быстро развязали вьюки, сложили вещи на дворике. Юнг поставил ишаков в тени и ушел: на руднике у него были знакомые. Хун и Пао, несмотря на усталость, побежали вверх по склону, где видны были мелкие кусты, за топливом. Лю Пи достал котел, муку, соль и стал месить тесто. У них еще оставалась вода, взятая из Ангырты. Опорожнив флягу, Мафу пошел к речке за водой для чая. Скоро запылал огонь, и в ожидании обеда путешественники расположились в тени фанзы. Мафу уже успел осмотреть ее и нашел, что за день все можно починить; в обрыве у реки он видел глину, годную для починки кана, трубы и крыши.

— А как будет с дверью? — спросил он.

— Дверь у соседа, — ответил Лю Пи. — Он взял ее к себе вместо стола, но теперь должен вернуть.

К обеду возвратился Юнг, а с ним пришли два рудокопа из соседней шахты посмотреть на приезжих. Соседи жаловались на плохие дела; они работали на той же жиле немного дальше.

— Едва хватает на пищу, — заявил один из них. — Жила бедная, напрасно вы взяли этот отвод. Там повыше, говорят, есть получше.

Когда соседи ушли, а Юнг отправился на гору пасти ишаков, Лю Пи сказал Мафу:

— Соседи не очень довольны нашим приходом. Они потихоньку работали и в нашей шахте; здесь золота больше, чем у них. Они люди новые, не умеют выбрать отвода получше, а взяли то, что им предложил надзиратель, который старается сбыть новичкам самые плохие отводы.

— Как же узнать хорошую жилу? — поинтересовался Хун.

— В хорошей жиле всегда много охры, камень в ней не белый, а желтый или красный и легко отбивается от пустой породы; между ним и этой породой слой глины, и в ней часто сидит золото; сам камень не крепкий, его легко дробить. В бедной жиле — камень белый, как молоко, или прозрачный, как вода; он крепко сросся с боками и сам очень твердый.

— По твоим признакам, наша жила в Чий Чу была бедная, — удивился Мафу, — а сколько золота мы набили из нее!

— А сколько месяцев мы долбили ее, руки себе отбивали и только на пропитание добывали? И в бедной жиле попадаются богатые гнезда, но редко. Это большое счастье, что мы напали на такое гнездо.

— Так что эта жила лучше?

— Да ровнее, и работать легче будет.

— Почему ты раньше ушел отсюда, если здесь лучше? — спросил Мафу.

— Молод был, глуп был. Да и работал не на себя, а на хозяина. С ним не поладил и ушел в Дагун, — ответил Лю Пи.

РУДНИК ВАН-ЧЖУ-ВАН-ЦЗЕ

Рудокопы пообедали и занялись починкой фанзы. Они натаскали глины, нарезали камыша и могли уже ночевать под крышей, хотя и на холодном кане. Дверь была навешена, оконце заклеено бумагой.

После ужина вышли посидеть на дворе. Ночь была теплая, на небе мерцали звезды, серп луны висел на западе над цепью скалистых гор за рекой. Поселок уже спал, и в ночной тишине доносился однообразный, убаюкивающий шум реки. По временам в чаще уныло кричала маленькая сова «сплю-у-у, сплю-у-у». Иногда издали раздавался волчий вой.

На следующий день Мафу занялся починкой кана. Лю Пи привел в порядок ступени в шахте, а Хун и Пао

бегали по чаще, шлепали по воде речки, гоняясь за мелкой рыбой, объедались барбарисом.

С обеда началась работа в шахте. Рудокопы долбили жилу, мальчики выносили руду, которую складывали в фанзе; Лю Пи боялся, что со двора соседи могли ее ночью похитить. По незнакомому подъему рудоносам приходилось идти осторожно, изучая ступени. Впрочем, глубина шахты была меньше, чем в Чий Чу: вместо тридцати метров только около двадцати.

Время незаметно шло в однообразной работе. Раз в три дня, когда рудокопы ходили в кузницу наваривать кирки и клинья, мальчиков отпускали с обеда на речку.

В один из таких дней, в конце августа, Хун и Пао, изучившие уже все кусты и деревья на два ли вверх и вниз по долине, решили перейти речку и побродить на другом берегу в горах. Об охоте с ружьем теперь нечего было думать: со времени их экспедиции на холмы Мафу стал прятать порох и пули. Хуну удалось только стащить у него охотничий нож.

Перебравшись вброд через реку, мальчики прошли заросли и кусты и вскарабкались на правый каменный склон. Отсюда перед ними открылся целый лабиринт гор, убегающих на запад и юг, насколько хватал глаз. Спустившись немного ниже, они попали в сухую долину, которая шла, извиваясь, на юг, постепенно удаляясь от Дарбуты.

Местность имела здесь совсем другой характер, чем возле Чий Чу. Вместо однообразных унылых холмов, покрытых черным щебнем и похожих на опрокинутые чугунные котлы, здесь повсюду возвышались скалистые горки и гряды из розового гранита причудливых форм: то они состояли из огромных плит, нагроможденных друг на друга и полого наклоненных в ту или другую сторону, то представляли собой кучи громадных глыб, то спускались высокими уступами. Часто в глыбах и плитах виднелись странные впадины, ниши и даже галереи с дверями и окошечками, расположенные в несколько этажей. Казалось, что какие-то исполинские черви или жуки источили эти твердые камни. В щелях на склонах и дне долины попадались кустики седой полыни или пучки пожелтевшей травы.

Хун и Пао пришли в восторг от этих природных сооружений: карабкались на склоны, прятались в нишах, аукались. Их веселые голоса звенели то тут, то там, нарушая покой каменных гор.

Вдруг Пао заметил, что на склоне среди глыб заме-

тались какие-то маленькие серые птицы, перескакивавшие с камня на камень и скрывавшиеся между ними. С вершины холма раздавалось тревожное клохтанье матери; птицы шли на него, поднимаясь все выше. Пао бросился за ними, стараясь поймать хоть одну. Хун прибежал на помощь, но птицы были проворнее, и, когда мальчики поднялись почти до вершины, вся стая вспорхнула и шумно перелетела на противоположный склон, откуда опять послышалось клохтанье.

— Что это за птицы? — спросил Пао. — Они кричат, как куры, но непохожи на них.

— Это горные курочки, — объяснил Хун. — Я видел их уже. Они очень вкусные. Жаль, что нет ружья!

Мальчики опять спустились вниз и пошли по долине, которая вскоре повернула влево. Среди голых розовых холмов открылась веселая зеленая лужайка, на которой одиноко возвышался огромный камень в виде острой пирамиды с полукруглыми нишами на боках. Его странная форма привлекла к себе внимание мальчиков. У подножия камня протекал ручеек с чистой прохладной водой. Утолив жажду, Хун и Пао залезли в ниши на теневой стороне и развалились, точно в широких креслах.

— Пора уже домой, — сказал Пао, — смотри, какие длинные тени!

— Отдохнем немного и пойдем.

Вдруг Пао заметил, что на противоположном склоне, за лужайкой, шагах в тридцати от него, из глубокой расселины между глыбами показалась голова с острыми ушами. Осмотревшись, зверь вышел, и Пао узнал в нем волка. У мальчика от страха захватило дыхание. Он хотел было крикнуть Хуну, сидевшему в соседней нише лицом в другую сторону, но спохватился, что привлечет этим внимание зверя, и застыл неподвижно. Сердце сильно стучало у него, холодный пот выступил на теле.

Волк тихими шагами, слегка переваливаясь, стал пробираться вдоль подножия холма вверх по долине. Пао следил за ним и думал: «Заметит или нет, заметит или нет?» Вдруг рядом раздался пронзительный свист. Волк вздрогнул, на мгновение присел на задние лапы, озираясь по сторонам, но затем, когда свист повторился, понесся стрелой вверх по склону и скрылся.

— Волк! Волк! — закричал Пао. — Смотри, Хун!

— Я видел его! — сказал Хун слегка дрожащим голосом. — Я сначала подумал, что это собака, и потому свистнул. Но потом, когда он присел, догадался, что это

волк, и еще раз свистнул сильнее. Он трусливый, испугался. Ночью они храбрее.

Мальчики глотнули воды, чтобы смочить горло, пересохшее от волнения, и побежали вверх по долине, тревожно оглядываясь по сторонам. Уже надвигались вечерние тени. Ниши, галереи и расселины казались теперь черными. Солнце закатилось, когда они добежали до своей фанзы.

КАЛМЫКИ БЕГУТ ОТ ДУНГАН

Если бы мальчики остались в этот день в долине Дарбуты, им удалось бы увидеть картину большого переселения калмыков. Вскоре после обеда, когда Лю Пи и Мафу были на кузнице, находившейся почти на берегу реки, на дороге на дне долины появились всадники, верблюды, навьюченные юртами и разным скарбом с женщинами и детьми, табуны лошадей, стадо рогатого скота, баранов и коз. Эта движущаяся, кричащая, ржущая, мычащая и блеющая масса тянулась с верховьев Дарбуты. Для переселения с летовок на высоких лугах Джаира на зимовки в долинах время еще не настало, а в камышах по Манасу, где также зимует часть кочевников, было еще много воды, комаров, оводов и слепней, беспокоящих скот.

— Куда кочуете? Почему так рано? — спросили рудокопы, собравшиеся у кузницы и вышедшие на дорогу, когда появилась калмыцкая лавина.

— Лето кончилось, в горах холодно стало, снег, град идет, козам, баранам нехорошо! — отвечали калмыки.

Они спускались теперь с самых высоких летовок на высшей ступени Джаира, где участвовавшие грозы с градом были опасны для мелкого скота, но хотели провести несколько недель до начала зимы на хороших пастбищах средней ступени в бассейне реки Богуты. Большая кочевая дорога туда шла по верховьям Дарбуты мимо рудника.

Калмыки сообщили рудокопам также о приближающейся войне. У кочевников, как говорится, длинные уши. Кочевая скотоводческая жизнь, вся тяжесть которой ложится главным образом на женщин, оставляет мужчинам много свободного времени; они поэтому любят ездить по гостям, узнавать и передавать новости, скрашивающие их однообразный быт. Всякая новость очень быстро распространяется по степи от юрты к юр-

те добровольными вестниками, для которых проскакать двадцать — тридцать километров к соседям — пустяки. Если новость очень интересная, каждому хочется передать ее поскорее дальше.

Вот через это «длинное ухо» калмыки узнали, что дунганское восстание уже охватило всю область Бей Лу, то есть местность вдоль северного подножия Тянь-Шаня от Урумчи до Кульджи, что малочисленные китайские гарнизоны разбиты и разбежались, что китайское население прячется в горах и пустыне, что много беглых солдат бродит по дорогам и занимается грабежом.

Большой отряд дунган, разорив город Шихо, уже идет по тракту через Майли-Джаир, чтобы захватить Чугучак и Дурбульджин, оставшиеся еще под властью китайского правительства. Это была главная причина, побудившая калмыков спуститься немного раньше с летних пастбищ на осенние, где юрты ставят ближе друг к другу.

Читатель, не знакомый с историей Китая, спросит, конечно, кто такие эти дунгане, чем вызваны их ненависть к китайцам и все жестокости гражданской войны.

Дунгане, которых китайцы называют «хой-хой», — китайские мусульмане, отличаются от китайцев не только религией, но и внешностью. Скулы на лице у них не так сильно выступают; кос они не носят, но одеваются, как китайцы, и говорят на китайском языке. Они рассеяны по всему Китаю, особенно в западных провинциях, но живут также в Китайском Туркестане и в Илийской провинции, занимаясь в основном земледелием, садоводством, а также торговлей, содержат постоянные дворы.

Ненависть дунган к китайцам объясняется главным образом теми притеснениями и ограничениями в правах, которым они подвергались со стороны китайских властей, помещиков и купцов. Поэтому в местностях, где дунгане были многочисленны (в западных провинциях Китая, особенно в Ганьсу, а также в Джунгарии), они неоднократно поднимали восстания: три раза в XVII—XIX столетиях и в четвертый раз, в Ганьсу, в начале XX века.

Наиболее длительным было восстание во второй половине XIX века, охватившее западные провинции Китая, Туркестан и Джунгарию, начавшееся в 1863 году и окончательно подавленное только в 1877—1878 годах.

Дунгане овладели рядом городов и истребляли китайцев поголовно; спасались только те, которые соглашались стать магометанами. Подавление восстания китайскими войсками, потерпевшими ряд поражений, сопровождалось такими же жестокостями по отношению к дунганам. Европейцы, путешествовавшие по Западной Китаю в восьмидесятых и девяностых годах прошлого века, еще повсюду встречали развалины городов и селений, опустошенных во время восстания.

Рудокопы были очень встревожены этими вестями. Они опасались, что, заняв города Чугучак и Дурбульджин, последние оплоты власти Китая в Джунгарии, дунгане окажутся полными хозяевами страны, захватят и разорят золотые рудники в Джаире. Тогда пришлось бы скрываться в песках и горах, пока не подойдет войско из Китая, а это могло случиться только через много недель и даже месяцев ввиду отдаленности провинции Синьцзян, в состав которой входила Джунгария, от собственно Китая и плохих путей сообщения. Рудокопы же, пришедшие в Джаир из селений и городов вдоль подножия Тянь-Шаня, где оставались их семьи, тревожились за судьбу их, так как, по слухам, дунгане не щадили даже женщин и детей. Успели ли китайские семьи укрыться при приближении дунганских отрядов в предгорьях Тянь-Шаня на юге или в рощах Карагача к северу от большой дороги?

У Лю Пи семья жила в новых поселках по реке Манас, довольно далеко к северу от города Манас и тракта. Сюда дунгане могли и не забраться. Кроме того, вблизи этих поселков раскинулись большие леса, где легко укрыться от врагов. Поэтому Лю Пи не очень беспокоился, но все-таки заявил, что поработает месяцем другой в Ван-Чжу-Ван-цзе и пойдет домой проведать своих. Золото в отводе шло хорошее, и жалко было бросать его, потому что держать за собой отвод, не работая на нем, не разрешалось.

Мафу вполне согласился с этим планом. После удачи в Чий Чу у него собралось довольно много золота. Подработав еще в Ван-Чжу-Ван-цзе, он мог быть уверен, что соберет достаточно средств для обзаведения домиком и женой, особенно теперь, когда в связи с гражданской войной в области предвиделось много вдов и сирот.

«Пожалуй, домик и жену получу совсем даром,— соображал Мафу.— Но вот всякий скот— лошади, коровы, ишаки — будет очень дорог. Одних угнали подальше

в горы, других войска забирают в обоз. Хлеба теперь тоже дешево не купишь».

Ввиду возможности близкого отъезда Лю Пи и Мафу решили работать особенно усердно, а так как руда в жиле была мягкая, то набивали ее много, и мальчикам приходилось чаще спускаться в шахту. Зато не было надобности уходить далеко на холмы для сбора топлива, как в Чий Чу. Здесь рощи по долине Дарбуты давали много валежника, а на склонах гор вокруг рудника росли кусты.

Сравнительно с Чий Чу, где работы шли на нескольких жилах, рудник Ван-Чжу-Ван-цзе был небольшой; отводы тянулись по склону вдоль одной длинной жилы и другой короткой. Работали на пятнадцати отводах, а пять или шесть на дне долины были брошены из-за обильного притока воды.

Мальчикам приходилось отдыхать только раз в три дня после обеда, когда Лю Пи и Мафу ходили в кузницу чинить и точить свои инструменты. В один из таких дней они решили забраться подальше на холмы правого берега реки Дарбуты, где в прошлый раз видели горных курочек; они надеялись, что метким ударом камня удастся убить одну из них и тем скрасить однообразный ужин.

РУДОКОП ПРОВЕИВАЕТ ПЕСОК

Поднявшись на холмы, Хун и Пао пошли вверх по долине, открывавшейся к реке Дарбуты, немного выше рудника. Эта долина пролегала между голыми обрывами красноватого гранита, извиваясь то вправо, то влево. Обрывы гранита местами были совершенно ровные, гладкие, покрытые пятнами бурого загара, свойственного породам пустыни, а местами источены большими и малыми впадинами, расположенными ярусами один над другим в виде ниш или даже галерей, в глубине которых эти ниши соединялись между собой. По дну долины струился ручеек чистой воды, окаймленный густой травой и мелкими кустами. Иногда вода исчезала, уходя в трещину в граните, русло на некотором протяжении становилось безводным, и растительность вдоль него уже пожелтела и поблекла, а дальше снова появлялись вода и свежая зелень.

Долина закончилась у подножия высокого обрыва, из трещин которого выбивалась вода. Мальчики отдохнули, напились и полезли по обрыву. Он состоял из больших плит, наложенных одна на другую, словно ку-

ча огромных плоских подушек. Поэтому рудоносам, привыкшим к лестницам шахт, было нетрудно взбираться наверх.

Вершина горы оказалась плоской, и с нее открывался живописный вид. Справа и слева возвышались подобные же плоские красноватые горы, между которыми извивались долины, то расширявшиеся в котловины с зарослями кустов и пожелтевшей высокой травы, то суживавшиеся в маленькие ущелья.

Внимание мальчиков привлек большой камень, одиноко стоявший на одной из соседних вершин; он не лежал на пологом склоне, а стоял на четырех ножках, словно кто-то его нарочно поставил. Хун и Пао доставили себе удовольствие пролезть под камнем между его ножками. Отдельные плоские вершины гор соединялись неглубокими седловинами, и мальчики, перебегая с одной на другую, видели все новые и новые котловины, ущелья и странные нагромождения камней.

В одном месте куча из нескольких глыб напоминала двух неуклюжих животных, обращенных тупыми мордами друг к другу. Мальчики стали приближаться к ним с опаской.

— Какие это странные звери лежат там на горе? — сказал Пао, первым заметивший их.

— Они, вероятно, паслись и легли отдохнуть, — сказал Хун, всматриваясь. — Это быки, только без рогов, или лошади — не могу понять. Подойдем ближе.

— А если они бросятся на нас? Если это тигры?

— У тигра шкура с черными полосами, — заявил Хун, — а эти желтые. И они лежат слишком спокойно, хотя, наверно, увидели нас.

Не спуская глаз со странных животных, мальчики шаг за шагом приблизились к ним и, наконец, разглядели, что это куча больших глыб. Тогда они быстро подбежали к ним и уселись на их каменных шеях. Размахивая палками, которые они вырезали себе в долине Дарбуты, чтобы карабкаться на утесы, и покрикивая, мальчики воображали, что они едут верхом.

В поселке на реке Манас они видели, как китайцы пашут землю на паре быков, причем на одном из них сидит мальчик-погонщик с хлыстом в руках.

Вдруг их возгласы оборвались. Куча глыб хорошо была видна из соседней большой котловины среди холмов, изрытой ямами. Из одной ямы вылез полуголый человек в широкой соломенной шляпе и посмотрел в их сторону. Мальчики испугались и прижались к глыбам.

— Что он тут делает? — прошептал Пао. — Бежим скорее домой, может быть, это разбойник!

— Рудокоп, наверно, — ответил Хун. — Смотри, в руке у него лопата. Шахту копает.

— Дядя говорил, что вблизи Ван-Чжу-Ван-цзе другого рудника нет.

— Может быть, он ищет новое место для шахты или копает дикий лук? Подойдем, посмотрим.

— Нет, я боюсь. А если это худой человек, как тот вор, которого Мафу поймал в нашей шахте?

— Ну что он нам сделает? Золота у нас нет, и отнять у нас нечего. У меня на всякий случай есть ножик, — храбро заявил Хун.

В это время человек, очевидно не разглядевший мальчиков, прижавшихся к камням, поднял лопатой кучу земли и высоко подбросил ее в воздух, где она превратилась в тучку пыли, которую ветер отнес в сторону. Он проделал это раз десять и затем остановился.

— Работает, веет пшеницу, — заявил Хун.

— Но откуда здесь пшеница? Не видно никакого поля.

— Хлеб давно уже сажали. Зерно, вероятно, было спрятано в яме, из которой он вылез. Подойдем к нему!

Осмелевшие мальчики прыгнули с камней, потихоньку спустились в котловину и подошли к человеку, который, стоя к ним спиной, продолжал свою странную работу.

Когда мальчики подошли близко, он внезапно обернулся, увидел их, вздрогнул и опустил лопату.

— Здравствуй, приятель! — сказал Хун. — Мы пришли посмотреть, что ты делаешь.

— Ишь, это ребята Лю Пи, — ответил узнавший их человек. — Так это вы кричали там на камнях? А я подумал, что это кеклики. Чего вы шатаетесь по горам, почему не работаете?

— Наши рудокопы на кузнице, чинят кайлы, нам пока делать нечего, — заявил Пао.

Хун в это время заглянул в яму, оглядел место, на котором человек подбрасывал землю, и сказал:

— Мы подумали, что ты провеиваешь пшеницу. А тут никакого зерна нет. Один песок.

Человек рассмеялся:

— Какая пшеница! Тут зерна получше пшеницы. Это золото, как в шахтах на руднике. Я провеиваю золотоносный песок.

Он подхватил лопатой кучу песка, лежавшего рядом

с ямой, и подбросил ее вверх. Ветер отнес пыль в сторону, а на землю упали более крупные песчинки. Человек нагнулся и показал опустившимся на корточки мальчикам несколько мелких зерен золота, блестящих среди песка. Он тщательно выбрал их и сложил на тряпку, лежавшую в стороне, на которой блестело еще несколько зерен.

— А много ли золота наберешь так за день? — спросил Хун, никогда не видавший, чтобы золото добывали провеиванием песка.

— Как случится. Если попадется хорошее место — за день наберешь пять-шесть фынов. А иной день и двух фынов не получишь или проработаешь совсем даром.

— Как же ты догадался, что здесь есть золото?

— Я пришел сюда издалека. На южной окраине Синьцзяна высокие горы, не то что здесь. На них снег не тает, а превращается в лед, как в горах Боро-Хоро, которые иногда видны отсюда в ясную погоду.

— Да, да, это мы видели, — подтвердил Пао. — Там вершины и летом бывают белые от снега.

— Так вот, за теми горами много долин, в которых песок содержит золото. Этот песок копают и промывают водой, как руду на нашем руднике. Летом туда приходит много людей из городов и селений Синьцзяна. Но в иных долинах воды нет, а в песке золото есть. И люди придумали провеивать песок, как это делают с пшеницей, чтобы отделить зерно от мякины.

— Какие хитрые эти люди! Веять песок, как хлеб!

— Да, золото тяжелее мелкого песка и пыли, ветер относит их в сторону, как мякину. Но только вот что, ребята, не говорите никому, что видели меня здесь. Я открыл это место, а другие придут и захватят его. Это будет несправедливо. Я работаю тоже в Ван-Чжу-Ван-цзе, но в шахте темно и холодно, а я люблю солнце и тепло, поэтому иногда прихожу сюда погреться. Обещаете, малыши?

— Да, да, обещаем! — воскликнули мальчики. — Пусть это будет твой отвод и твоя тайна.

Рудокоп сказал мальчикам правду. Получение золота отвеиванием из золотоносного песка действительно применяется золотоискателями в некоторых безводных долинах в хребте Куэнь-лунь, который ограничивает с юга обширный бассейн реки Тарим, составляющий южную часть провинции Синьцзян. Этот способ описали некоторые путешественники, посетившие золотые прииски в Куэнь-луне. И в горах Джаира также есть безводные

долины, дно которых изрыто ямами шурфов, очевидно для добычи золотоносного песка, сохранившимися с того времени, когда в этих горах разрабатывались рудники.

Посмотрев некоторое время, как любитель тепла провеивает песок, мальчики заметили по положению солнца, что вечер уже близко. Они простились с золотоискателем и побежали назад — готовить ужин для рудокопов.

МАФУ В РАЗВЕДКЕ

В середине сентября лавочник рудника Ван-Чжу-Ван-цзе, ездивший в Чугучак за товаром, вернулся с полдороги и сообщил, что этот город уже осажден дунганами. Рудокопы сильно встревожились, так как нельзя было сомневаться, что, захватив долину реки Эмиль, дунгане проникнут и на золотые рудники в Джаире. Приходилось думать о бегстве. Но сначала следовало получить точные сведения о положении дел в долине реки Эмиль, так как в Чугучаке и Дурбульджине находились китайские гарнизоны, и можно было надеяться, что они отобьют дунган.

Поехать на разведку вызвались Мафу и другой рудокоп — Чин. Они сообща наняли у лавочника верховую лошадь, так как до Дурбульджина, ближайшего города, считали около 170 ли и пешие разведчики не могли бы скоро вернуться. Выехать решили на рассвете. Утром, когда мальчики проснулись, ни Мафу, ни Лю Пи в фанзе уже не было. Пока они варили еду, вернулся Лю Пи.

— Сегодня нам нужно хорошо поработать в шахте, — сказал он. — Надзиратель назначил мне завтра помол руды, и надо, чтобы ее было побольше. Нам, вероятно, придется бежать с рудника, а за золото мы везде купим пищу.

Он спустился в шахту и не жалея сил стал долбить жилу, чтобы наработать за двоих. Поэтому мальчикам приходилось много раз спускаться за рудой, и даже обещанный перерыв был сильно сокращен. Лю Пи вылез, когда уже совершенно стемнело, и Пао несколько раз пришлось звать его ужинать.

На следующий день наши рудокопы с утра стали носить руду на мельницу, а после обеда начался ее помол, который шел быстро, потому что руда была мягкая, окристая. Мальчики, дробившие ее, познакомились с местным надзирателем, тощим стариком с длинными усами

и козлиной бородкой, в больших круглых очках в роговой оправе. По виду он был суровый, но в действительности добрый и не алчный. Правда, за помол он брал немного дороже, чем надзиратель в Чий Чу, но не обвешивал рудокопов. Они охотно платили ему лишнее, понимая, что скудное казенное жалованье недостаточно и нужно вернуть расходы, связанные с получением должности.

К вечеру помол кончился, и для Лю Пи очистилось четыре лана золота — очень хороший заработок за две недели работы вдвоем, так что его мнение о качестве работы оправдалось. После ужина все трое, утомленные работой, уже ложились спать, когда в дверь ввалился Мафу.

— Вот, уже спать легли, лентяи, — воскликнул он, — и конечно, мне не оставили поесть. А я голоден, как самый худой волк.

— Еда осталась, — возразил Лю Пи, — только нужно согреть. Хун, разведи огонь!

Сон сразу соскочил с ребят. Быстро развели огонь, поставили котел, а Мафу, сбросив ружье и котомку, присел к огню, закурил трубку и начал рассказывать.

— Вчера я и Чин доехали к вечеру до края степи Долон-Турген, где калмыцкие зимовки. Уже смеркалось, место незнакомое, людей не видно, стало жутко. Давай, говорю, переночуем. Нашли зимовку. Место огорожено, трава для лошади хорошая, речка близко, топлива много — целая куча кизяка. Слезли, пустили коня на траву, а сами забрались в телячий хлевок, завесили дверь, развели огонь, поставили чайник, сидим и разговариваем, куда завтра ехать — прямо в Дурбульджин или в Чаабчи, на китайские займки. Чин говорит: «Едем в Дурбульджин, туда дорога прямая, а в Чаабчи все овраги да горы». — «Нет, — говорю, — лучше в Чаабчи, там китайцы знают, как дела, а в город поедem — можем прямо на дунган наткнуться».

Только я это сказал, а тут из темноты чей-то голос раздался, кто-то потник поднимает, в хлеве лезет. Мы испугались, я за ружье берусь, кричу: «Не лезь сюда, стрелять буду!» — «Не бойся, — говорит, — я не хой-хой. Хочу с вами ночевать». — «А ты кто такой?» — спрашиваю. «Я китаец из Чаабчи, — отвечает. — Нас двое от дунган убежали». — «Оружие у вас есть?» — «Ружья нет, один топор взяли». — «Подай его сюда, а потом можешь лезть сам». Он отдал топор, потом оба влезли к нам в хлевок, присели к огню, греются.

Достали хлеб, свой чайник к нашему подвесили. И вот что мы от них узнали. С их заимок под Уркашаром Дурбульджин виден. Прошлой ночью дунгане его взяли; город горел, слышна была стрельба. С заимок все китайцы уходят в горы; хлеб закопали в землю, лишнюю одежду, утварь тоже, а сами со скотом, женами, детьми в горах прячутся, надеясь, что дунгане вслед за ними не пойдут. По дороге к нам беглецы видели большой отряд дунган, человек двести, на конях, с ружьями, копьями, саблями, должно быть, едут в Темиртам и на рудники в Катуну — больше некуда.

От Чугучака до Дурбульджина и кругом до гор все уже разорено, ни одного поселка не осталось; там многих врасплох захватили. И у калмыков отнимают скот и лошадей, оттого те и бегут от них. В Дурбульджин, значит, ехать нам было уже незачем. Дунгане пошли на рудники Бель-Агач в Катуну, оттуда в Чий Чу рукой подать, а потом и к нам пожалуют.

Мы переночевали спокойно: дунгане ночью не рыскают по дорогам. Чуть свет поехали назад.

— Уходить нам нужно отсюда поскорее, — сказал Лю Пи. — Поедем домой на Манас.

— Там не лучше, говорят, везде дунгане, — заметил Мафу. — Не спрятаться ли в горах? Дунгане на пустом руднике долго не останутся.

— В горах скоро зима будет, да и есть нечего. Мы пойдем вниз по Дарбуты, долиной. Там везде вода и чащи густые, прятаться можно, да и дичь водится: утки, зайцы, фазаны, хуан-янги попадают; будем кормиться. А кончится твой порох — выйдем в Орху на Дям, там тоже роши, камыши и калмыки живут. Туда дунгане, пожалуй, не дойдут, там им делать нечего. Поживем месяц-другой, пока не станет спокойно. Золото у нас есть, калмыки баранов продавать будут, с голоду не умрем.

— Что ж, Орху — хорошее место, — сказал Мафу. — Я там был лет пять назад. К калмыцкому вану за лошадьми для амбаня ездил. А рядом с Орху — мертвый город, одни развалины. Только стены стоят. В случае чего, и там прятаться можно, никто не найдет.

КУДА БЕЖАТЬ!

На следующее утро Лю Пи и Мафу, спустившись к лавке на дно долины, застали там почти все население рудника, узнавшее от Чина о приближении дунган. Рудокопы закупали муку, пшено, соль, гуамянь, табак, а

также обувь, теплую одежду, котелки, чайники. За два часа лавочник расторговался и запер свою лавку. Мафу и Лю Пи успели получить все необходимое и, нагрузившись покупками, поднимались к своей фанзе, когда навстречу им попался запыхавшийся китаец.

Он крикнул, еле ворочая языком:

— Уходите скорее! Дунгане уже в Чий Чу! Спасайтесь, пока не поздно!

— А ты сам откуда, приятель?

— Из Чий Чу прибежал. Сегодня на рассвете дунгане захватили рудники. Я живу на самой окраине и чуть свет пошел на холмы за топливом, потому и уцелел. С холмов видел, как присакали всадники, и побежал сюда предупредить вас. Дайте мне поесть, у меня ничего нет, ни денег, ни золота, все дунганам осталось.

— Ты спустишься вниз к лавке,— сказал Лю Пи.— Там наши рудокопы собрались, расскажи им, а потом вернись сюда, у нас обед поспеет.

Китаец кивнул головой и поплелся вниз.

— Нужно уходить скорее! — заявил Лю Пи.— Дунгане к вечеру будут здесь. К обеду они расправятся с Чий Чу, отдохнут и к нам на ночлег пожалуют. В Чий Чу им долго оставаться нельзя, там ни воды, ни корма для лошадей нет. В лучшем случае переночуют на речке Ангырты и завтра рано прискачут сюда.

— Мы пойдем вниз по долине Дарбуты, как ты сказал? — спросил Мафу.

— Нет, сначала уйдем в горы на запад,— ответил Лю Пи.— Дунгане, наверно, знают, что в этой стороне больше рудников нет. Они или повернут отсюда назад в долину Эмиль, или поедут вниз по Дарбуты до брода Чапкан-Джол, где вправо отделяется прямая дорога в Шихо. В Джаире, после того как они ограбят рудники, им делать нечего. С калмыками они не воюют, а только берут у них скот на мясо, если попадутся, но искать их по летовкам не станут. Поэтому мы уйдем на день-другой в горы, а потом выйдем на Дарбуты ниже Чапкан-Джола.

Мальчишки принялись за приготовление обеда, а Лю Пи и Мафу начали собираться в путь. Приходилось оставить все инструменты, ступку, подушки, циновки, столик, большой котел, треногу. Все это спустили в шахту и сложили в дальнем углу, засыпав камнем. В рудоносные корзины нагрузили запасы пищи, одежду, одеяла, чайник и чашки, золото. Наскоро пообедали в последний раз из большого котла. Китаец из Чий Чу не при-

шел, его, очевидно, накормили другие. Спустив котел в шахту, сбили две верхние ступени, так что шахта казалась давно заброшенной. С окна фанзы содрали бумагу, дверь сняли и сбросили в шахту, а на полу перед котлом насыпали мусор. Лю Пи не терял надежды, что можно будет вернуться на рудник, когда придет китайское войско и восстановит порядок.

Рудокопы взвалили на себя корзины с имуществом. Мафу надел ружье, Лю Пи засунул за пояс топор, а мальчики вооружились кухонными ножами. Спускаясь к реке, они видели, что почти у всех фанз суетятся люди, собираясь в дорогу. Более проворные шли уже через долину, направляясь в горы правого берега. Туда же повернули с речки и наши беглецы, но, поднявшись на первые холмы, Лю Пи не пошел на запад, как другие рудокопы, намеревавшиеся пробраться к речке Богуты, к стойбищам калмыков, а повернул на юг. Миновали лужайку с дырчатым камнем, с которого Пао и Хун увидели волка, и пошли дальше, то поднимаясь на холмы, то спускаясь в лабиринты сухих логов и ущелий в красном граните, подобных тем, которые мальчики видели на последней экскурсии. К закату отшагали около тридцати ли и, поднявшись на более высокую вершину, чтобы обозреть местность, неожиданно увидели на севере часть долины Дарбуты с рудником, освещенным последними лучами солнца.

— Смотрите, дунгане уже там, наши фанзы горят! — воскликнул Лю Пи.

Действительно, в разных местах высоко вверх поднимались тонкие столбы черного дыма. Глинобитные фанзы не могли дать обильную пищу огню: горели только стропила и камышовый настил крыши.

— Вовремя мы убрались оттуда, — сказал Мафу. — Кто замешкался, тому конец пришел. Спасибо рудокопу из Чий Чу, который предупредил нас.

— Да, в Чий Чу дунгане, очевидно, нагрянули неожиданно и захватили всех, — заметил Лю Пи. — Пожалуй, попался и жирный лое с собранным у нас золотом. Его дунгане, наверно, убили. Они не щадят китайских чиновников.

— Ну, ему поделом! А вот беднягу Ли Ю, погонщика, и рудокопов мне жаль.

С той же вершины увидели впереди большую котловину, на окраине которой в одном месте яркая зелень выдавала присутствие воды.

— Это ключ Ак-Бастау,— сказал Лю Пи. — Здесь будем ночевать, вода хорошая, и топливо найдется.

— Жаль, что у нас нет хотя бы ишачка! Здесь и корм для него имеется,— заявил Хун.

— Вы бы навьючили на него ваши корзины, а сами шли бы порожняком, нахалы,— засмеялся Мафу.

— Может быть, поймем хуан-янга,— вздохнул Пао.

— Если поймем, так лучше съедем его, а корзины придется, видно, нести самим все время,— заметил Мафу.

— Вот когда минуем Чапкан-Джол, торопиться уже не будет надобности,— заявил Лю Пи. — Будем двигаться только на двадцать — тридцать ли в день в два приема, утром и вечером, а в обед отдыхать.

Разговаривая, спустились в котловину, расположились на чистом месте вблизи зарослей камыша и мелких кустов, окаймлявших воду; она выбивалась ключом в ямке среди глыб гранита и текла шагов двадцать, а затем исчезала в песке. Все с удовольствием сбросили с плеч корзины; мальчики побежали собирать сухие кусты, Лю Пи достал чайник и походный котелок, купленный в лавке.

— Сегодня сварим гуамянь,— сказал он. — Лук, наверно, найдется здесь, и мы сбережем свой запас.

Чтобы набрать достаточно топлива на ночь, мальчикам пришлось совершить несколько экскурсий в разные части котловины, так как кустов было немного. Они обратили внимание на то, что на дне котловины в разных местах торчали камни белого цвета, легко распадавшиеся на дресву, усеявшую все дно. Эти камни по форме напоминали разрушающиеся памятники мусульманского кладбища, наклонившиеся в разные стороны перед падением.

На склонах холмов, окружавших котловину, мальчики заметили, что порода в верхней половине красная, характерная для этой местности, а в нижней — белая, такая же, как на дне. Оно было кое-где изрыто довольно глубокими ямами, стенки которых уже осыпались, так что ямы напоминали воронки.

— Я думаю,— сказал Хун,— что и здесь рудокопы добывали золото, провеивая песок, как пшеницу.

У костра, пока варился ужин, они рассказали старшим о встрече с рудокопом, провеивавшим песок для добычи золота на холмах возле Ван-Чжу-Ван-цзе, и о том, что здесь, в котловине, должно быть золото. Мафу им не поверил, но Лю Пи подтвердил, что он слышал

об этом способе, который прежде применяли и в некоторых местах Джаира, где не было воды для промывки песка, но потом открыли жилы с золотом и нашли, что работать их выгоднее, чем провеивать песок.

— А почему здесь внизу все камни белые, а сверху красные? — спросил Пао и показал Лю Пи кусочки, собранные им на дне и на склонах.

Лю Пи осмотрел их и покачал головой.

— Не знаю, как называются эти камни. Знаю только, что ни на одном из рудников Джаира таких камней нет и что жилы с золотом в таких камнях не бывают.

КАК ОБРАЗУЮТСЯ ЗОЛОТОНОСНЫЕ ЖИЛЫ

Мы можем сообщить читателям, что мальчики сделали правильное наблюдение. Горы правого берега Дарбуты представляют собой огромный массив красного гранита. Он поднялся в расплавленном виде из глубин земли и затвердел на некотором расстоянии от поверхности в толще земной коры. Во время этого затвердения расплавленная масса разделилась на слои несколько различного состава и дала с поверхности до некоторой глубины красный гранит, а глубже белый, которые различаются главным образом по составу минерала полевого шпата, образующего главную часть этой породы и представляющего несколько видов.

Правильно было и замечание Лю Пи, что золотоносные жилы Джаира залегают в других породах, а не в граните. Они встречаются в осадочных породах — песчаниках и сланцах, образовавшихся на дне пород, которые слагали сушу по соседству с морем. Эти породы разрушались процессами так называемого выветривания на поверхности земли. Образовавшиеся при этом частицы песка и глины попадали в ручьи и реки и уносились ими в соседний морской бассейн, где отлагались слой за слоем, постепенно окрепли и превратились в твердые породы — песчаники и сланцы. Но жилы кварца с золотом, заключенные в этих породах, образовались позже и имели другое происхождение.

Золото и другие тяжелые металлы содержатся в большем или меньшем количестве в минеральных массах, залегающих в недрах земли в расплавленном состоянии и содержащих водяные пары и различные газы. Когда эти массы поднимаются из недр, проникая в слои

земной коры, близкие к поверхности, и начинают остывать и затвердевать, пары воды и газа, содержащие также соединения различных металлов в газообразном состоянии, постепенно выделяются и устремляются вверх, где давление меньше. Эти выделения называют эманациями. Они проникают по трещине в толще осадочных пород, которые лежат над расплавленной и остывающей массой, слагая поверхностные слои земной коры.

В трещинах отлагаются различные минералы, полученные из вынесенных парами и газами элементов. Одни из них переходят непосредственно из газообразного состояния в твердое, другие же попадают в растворенном виде в воду горячих источников, образующихся из паров воды, и постепенно осаждаются из раствора.

Так создаются жилы, заполняющие трещины и состоящие из кварца, который представляет собой кремнезем, находящийся в горячей воде в растворенном состоянии, и из руды различных металлов, в том числе и золота. Эти жилы представляют один из видов рудных месторождений, из которых человек добывает необходимые ему металлы.

Наиболее распространенными породами, внедрившись в земную кору из глубин, здесь затвердевшими и называемыми изверженными, являются разновидности гранита. Они состоят главным образом из кварца, разных полевых шпатов, черной слюды, а также (не всегда) роговой обманки и других более редких минералов. Поэтому с гранитами связано по своему происхождению и большинство рудных месторождений.

В Джаире с гранитом, образующим огромный массив Кожур-Тай на правом берегу Дарбуты, с которым познакомились Хун и Пао во время своих прогулок и теперь при бегстве с рудника, связаны золотоносные жилы Ван-Чжу-Ван-цзе. Они расположены непосредственно возле его окраины, тогда как жилы Чий Чу, находящиеся гораздо дальше на восток, связаны с каким-то массивом гранита, залегающим на некоторой глубине под поверхностью долины у подножия гор Катунь. Процессы выветривания и размыва атмосферными осадками, расчленяющие земную поверхность и создающие все разнообразие ее форм, еще не успели вскрыть этот гранит под долиной Чий Чу, тогда как гранит массива Кожур-Тай, поднятый значительно выше, уже весь обнажен этими процессами от покрывавшей его прежде толщи осадочных пород и глубоко размыт.

Теперь мы можем объяснить читателю, почему в долине Чий Чу так много золотоносных жил, а в Ван-Чжу-Ван-цзе только одна.

Эманации, выделяющиеся из расплавленной и застывающей массы гранита, устремляются главным образом вверх и осаждаются в толще осадочных пород, образующей кровлю над плоской поверхностью массива изверженной породы. Гораздо меньше этих эманаций проникает в ту часть осадочных пород, которая лежит над крутыми боками массива, уходящими вглубь. Рудник Ван-Чжу-Ван-цзе расположен в породах над крутым боком массива Кожур-Тай. Толщи, когда-то залегавшие в его плоской кровле и содержавшие много золотоносных жил, давно уже начисто уничтожены процессами размыва вместе с этими жилами; уцелела только жила Ван-Чжу-Ван-цзе над его боком. В долине Чий Чу массив остался еще на глубине, и сохранилась его кровля осадочных пород с многочисленными жилами.

Лю Пи сказал мальчикам, что в породе Кожур-Тая, то есть в граните, который они показывали ему, золотоносных жил не бывает. Это неверно. Когда застывает массив изверженной породы, его поверхностные слои разбиваются трещинами вследствие сокращения объема при переходе из расплавленного состояния в твердое. Эманации, продолжающие выделяться из глубины массива, могут отлагать в этих трещинах различные минералы. Поэтому и в самом гранитном массиве могут образоваться рудные жилы, между прочим и золотоносные. Лю Пи только не случилось видеть таких жил.

В ХОЛМАХ ИЗЪЕДЕННЫХ КАМНЕЙ

После ужина наши беглецы, утомленные хлопотливым днем и большим переходом, улеглись спать вокруг костра, который нужно было поддерживать из-за холода сентябрьской ночи, а также во избежание нападения волков. Каждому по очереди приходилось бодрствовать.

Первым дежурил Пао. Он сидел возле костра и разгонял сон, разламывая кустики на отдельные прутья, которые подкладывал в огонь. Было совершенно темно и тихо. Слабый свет то вспыхивавшего, то угасавшего костра освещал спящих, закутанных в одеяла, ближайšie кустики, торчавшие из почвы глыбы гранита и заросли камышей у воды. Холмы краев котловины чуть выступали горбами при вспышках огня. Ярко мерцали звезды на темном небе.

Тишину нарушало потрескивание прутьев и по временам всхрапывание Мафу. Изредка вдали завывал волк, и Пао, клевавший носом, вздрагивал и поспешно подбрасывал прутик в огонь. Но присутствие старших и ружья, которое стояло на сошках позади Мафу, успокаивало мальчика. Он хотел было прибегнуть к счету, как в памятную ночь на холме возле Чий Чу, но оказалось, что вблизи костра не было камешков, а находился только грубый песок, на который распадался при выветривании белый гранит дна котловины.

Тогда Пао придумал откладывать в сторону прутик после каждой сотни. Но счет нередко прерывался, и мальчик спал по несколько минут с очередным прутиком в руке, а костер превращался в кучку тлеющих углей, подернутых пеплом. Но в конце концов набралось много отложенных прутиков, и Пао решил, что пора разбудить Лю Пи. Последний, спавший всегда очень чутко, сменил мальчика, который моментально заснул, свернувшись калачиком под одеялом.

Лю Пи сначала побродил взад и вперед вблизи костра, чтобы разогнать сон, а затем занялся разбором провианта в своей корзине, пересчитал все головки луку и чесноку, пучки сухой зелени, переложил мешочки с гуамьяню и пшеном и, наконец, долго и тщательно пересматривал золото, увязанное в нескольких тряпках, и выбрал из него кусочки кварца, попавшие при спешном толчении и промывке на дне шахты.

Мафу, дежуривший после полуночи, провел время за чистой ружья и пересмотром запаса пуль; потом починил расшатавшися сошки, укрепив их ремешками, и в конце концов заснул, сидя и закрыв спину одеялом, так крепко, что если бы волки были поблизости, они смогли бы незаметно напасть на рудокопов, так как костер совершенно погас. Хун, продрогший под своим одеялом, проснулся, увидел, что огня нет, Мафу спит, а восток уже побелел, и сообразил, что его очередь караулить не только давно началась, но близка к концу; он разжег костер и занялся приготовлением завтрака, оставив Мафу спящим в сидячем положении с коварным намерением показать это Лю Пи.

Скоро звезды одна за другой стали меркнуть на посветлевшем небе, зарумянились легкие тучки, разбросанные веером на западе и предвещавшие ветреную погоду, и, наконец, над окраиной котловины блеснуло солнце и выкатилось красным шаром на гребень холмов, заливая теплыми лучами лагерь беглецов.

— Чай сварился, каша поспела, пора вставать! — провозгласил Хун, сдергивая одеяло с Пао.

Лю Пи приподнялся, протирая глаза, но Мафу продолжал спать.

— Посмотрите, как крепко караулит Мафу! — сказал Хун, помешивавший жидкую кашу в котелке.

— Здоров спать! — засмеялся Лю Пи, вылезая из-под одеяла.

— Он меня не разбудил, я сам проснулся, когда занялась заря и стало очень холодно, потому что огонь давно погас, — заявил Хун.

— Надежный караульный! Хорошо, что волки не бродили поблизости.

— А это что такое? — спросил Хун, указывая на нескольких крупных животных, которые спускались с холмов на северной окраине, направляясь, очевидно, к источнику. — Не дунганские ли лошади? Дунгане ночевали где-то по соседству!

— Сиди смиренно! — прошептал Лю Пи. — Это куланы, дикие ослы. Может быть, они подойдут ближе. Какая досада, что Мафу спит, он мог бы подстрелить одного. Мясо у них жирное, вкусное.

Но куланы, очевидно, почуяли врагов, лагерь которых был скрыт от них зарослями камышей у воды, остановились в сотне шагов от источника, подняли головы и насторожили уши. Они были ростом с небольшую лошадь, желто-бурого цвета, со светлой грудью, очень короткой черной гривой и ушами длиннее лошадиных.

Куланов называют дикими полуослами, хотя они похожи на домашнего мула, то есть помесь лошади и осла. Вдоль спины у них тянется черная полоса, как у ослон, и хвост жидкий, похожий на ослиный, но уши значительно короче, чем у осла, а рост и общий облик ближе к лошадиному. Куланы бродят большими стадами в пустынных долинах Тибета, Цайдама и Западного Нань-Шаня, встречаются также, но реже, в Хамийской пустыне и Джунгарии. Вблизи Джаира они живут в рощах и зарослях по рекам Кийтын и Манас, откуда летом иногда забегают и на холмы Джаира, спасаясь от докучливых комаров и слепней, которых очень много в зарослях в теплое время.

— Эх, если бы мы могли поймать одного или двух, — вздохнул Хун. — Мы бы навьючили на них свои вещи и шли бы налегке.

Лю Пи подполз на четвереньках к Мафу и начал его расталкивать.

— Мафу, Мафу,— шептал он. — Очнись! Твое ружье заряжено, здесь близко стоят куланы!

Рудокоп хотел вскочить, но Лю Пи удержал его за плечо:

— Тише, тише, спугнешь.

Куланам, видимо, очень хотелось напиться и пожевать зеленых камышей. Они стали опять подходить, но медленно, с перерывами, насторожившись.

Очнувшийся Мафу повернул ружье в их сторону, насыпал пороху на полку и присел за сошками. Сквозь вершины камышей ему были видны только головы куланов, представлявшие на таком расстоянии неверную цель для его ружья. Застывшие в одном положении Лю Пи и мальчишки следили за движениями животных. Последние окончательно остановились шагах в шестидесяти; жеребец-вожак нюхал воздух, раздувая ноздри, и в нетерпении бил копытом по дресве.

— Ближе не подойдут, убегут,— прошептал Мафу и нажал собачку.

Грянул выстрел. Все вскочили и увидели, что куланы неслись галопом к холмам; еще несколько секунд, и они были уже на склоне; слышался скрежет камня под ударами копыт и ржанье вожака.

Мафу побежал к тому месту, где они стояли, но мальчишки опередили его. Внимательно осмотрев белую дресвяную почву, на которой кое-где виднелись следы куланов, Мафу сказал с огорчением:

— Промахнулся, надо быть! Крови нигде не видно.

— Плохо целился, сон еще висел в глазах! — злобно заявил Хун. — Ты ведь проспал и свою очередь, и мою.

— Отчего же ты не разбудил меня раньше, нахал?

— Разбудил бы, если бы знал, что придут куланы проведать нас. Остались мы теперь без мяса.

Вернулись в лагерь, где Лю Пи уже разлил кашу по чашкам; стали есть, обсуждая происшествия — крепкий сон рудокопа, отсутствие волков, визит куланов. Мафу рассказал, что в песках к северу от Гучена, где он пас казенные табуны, живут не только куланы, но и настоящие дикие лошади с короткими ушами, длинной гривой и густым хвостом. Но охотиться на них очень трудно, они слишком осторожны, не дают подкрасться поближе.

Он говорил правду. В глубине песков Джунгарской пустыни водится дикая лошадь, открытая русским путешественником Пржевальским и получившая его имя.

Охотники изредка ловят ее. В некоторых зоологических садах имеются экземпляры дикой лошади. Она среднего роста, чалой, внизу почти белой масти; голова большая, рыжеватая, конец морды белый; шерсть слегка волнистая, зимой довольно длинная; грива короткая, стоячая, темно-бурого цвета; челки нет. От кулана она отличается меньшей длиной ушей, более волосистым хвостом и отсутствием вдоль спины черной полосы, характерной для ослов. Живет небольшими табунами в 5—15 голов кобыл и молодняка во главе с вожакom-жеребцом.

После завтрака собрались в дальнейший путь по Кожур-Таю. Лю Пи осмотрел ямы на дне котловины, найденные мальчиками, и сказал, что в них, вероятно, добывали золотоносный песок.

— Только золота мало нашли, потому что скоро бросили. Ведь здесь десятка два ям нарыто, не больше, — заявил он. — Вот по речке Ангьрты возле гор Катунских ям много. Там, говорят, находили довольно много золота и песок промывали, вода близко. И все-таки оставили, когда нашли золото в жилах Чий Чу.

До полудня шли по холмам Кожур-Тая. Местами холмы сближались, и путникам часто приходилось подниматься на седловины и спускаться в котловины. Везде был тот же красный гранит, утесы которого часто имели прихотливые формы, напоминая то кучи толстых подушек, наложенных одна на другую, то неуклюжие столбы из больших глыб, то полуразрушенные, растрескавшиеся стенки. В глыбах часто виднелись малые и большие углубления в виде карманов, ниш и даже галерей, в которых ниши в глубине были соединены друг с другом, а спереди разделялись толстыми или тонкими столбиками. Увидев в одном месте галерею больших ниш, Хун воскликнул:

— Вот бы ночевать здесь! Мы растянулись бы под этими навесами, впереди развели огонь; было бы тепло, а волки не могли бы напасть на нас сзади.

— Дядя, кто выдолбил эти ямы в камнях? — спросил Пао. — Неужели рудокопы искали в них золото?

— Не слыхал я, чтобы в этом красном камне родилось золото, — ответил Лю Пи. — Уже первые рудокопы, пришедшие на Ван-Чжу-Ван-цзе, нашли такие ямы в холмах за речкой Дарбуты и удивлялись им.

— Калмыки, может быть, сделали их?

— Нет, калмыки никогда золотом не занимались.

— Может быть, это норы каких-нибудь зверей, лисиц или волков? — предположил Хун.

— Волки, лисицы, тарбаганы роют норы в мягкой земле,— пояснил Мафу. — Камень — слишком твердый, когтями его не выскребешь. Хорошую кирку нужно, чтобы высечь такую нору.

— И укрыться зверь в ней не может, он весь на виду будет,— заметил Лю Пи. — Норы у лисиц и волков глубокие, размаха в два, не меньше.

— Я думаю, что бывают такие червяки, которые грызут камни,— сказал Мафу. — Я видел червяков, грызущих дерево, но только норки у них маленькие.

— Эти червяки едят дерево,— возразил Лю Пи,— а камень какой червяк станет есть!

В одном месте внимание мальчиков привлекла ниша огромной величины в громадной глыбе гранита, составлявшей вершину плоского холма; на дне ее могли усесться несколько человек; в тонком потолке ее была в одном месте довольно большая дыра, через которую солнечные лучи падали на заднюю стенку. Это было так интересно, что путники поднялись на холм и вошли в нишу, высота которой достигала роста человека.

— Вот бы сделать привал здесь! — воскликнул Хун.

— Да, почти что фанза,— заметил Мафу,— можно бы отдохнуть в тени, пока не спадет жара. Жаль только, воды у нас нет, чтобы сварить чай.

— Вода есть,— заявил Лю Пи. — Я налил на всякий случай нашу баклагу, потому что не знал, попадет ли еще ключ на холмах до вечера. На чай хватит.

— Как хорошо! Отдохнем, покушаем! — воскликнул Пао, сбрасывая корзину на дно ниши.

Его примеру последовали остальные. Старшие уселись выкурить трубочку, мальчики побежали собирать топливо. Скоро возле ниши в широкой трещине между глыбами гранита затрещал огонек, а котелок и чайник примостили над ним. Лю Пи достал муки, замесил крутое тесто для лапши. Хун нашел в соседней котловине несколько головок дикого лука. В похлебку прибавили сушеного мяса, купленного на руднике. Пообедав, развернули одеяла и улеглись в тени, чтобы поспать часа два-три.

Образование ниш в граните осталось загадкой для наших путешественников, но мы можем разъяснить ее читателю. Углубления подобного рода встречаются особенно часто в гранитах, но бывают и в других породах — не слишком твердых песчаниках. Они образуются не только в пустыне, где очень многочисленны и характерны, но и в местностях с более влажным климатом,

например на западной окраине Алтая, в окрестностях Кисловодска на Кавказе, в Саксонской Швейцарии. На Алтае такие ниши наблюдаются в гранитах, а в остальных указанных местах — в грубых песчаниках.

Ниши создаются процессами выветривания, главным образом химического, но при этом существенную роль играет и работа ветра. В какой-нибудь трещине породы собирается вода после дождя, а зимой набивается снег, который днем на пригреве тает. Зимние морозы, а также весенние и осенние ночные заморозки превращают воду в лед.

Вследствие увеличения объема льда по сравнению с водой мало-помалу нарушается связь между отдельными зернами гранита и песчаника. Вода, всегда содержащая некоторое количество углекислоты, растворяет известковый цемент, соединяющий зерна песчаника, и действует на полевые шпаты гранита, превращая их в глину.

Постепенно гранит и песчаник разрушаются по стенкам трещины и превращаются в дресву, выдуваемую порывами ветра. Трещина расширяется, образуется впадина, в которой воды и снега накапливается больше, и процессы механического (разъединение зерен давлением льда и колебаниями температуры) и химического (воздействие воды) выветривания действуют сильнее. Впадина постепенно, точно язва, расширяется вглубь, в бока и особенно вверх, где влага в тени держится дольше и где удалению отделившихся друг от друга зерен помогает сила тяжести; они падают на дно впадины, откуда их выметает ветер.

Так эти впадины превращаются в большие и малые ниши. Соседние ниши вследствие разрушения боковых стенок в глубине соединяются, и получается галерея из нескольких ниш, разделенных у поверхности скалы более или менее толстыми столбиками, которые разрушаются медленнее. Величина ниш ограничена в граните горизонтальными или пологими трещинами между глыбами, а в песчаниках — плоскостями наслоения; в толстых пластах и глыбах образуются большие ниши, в тонких — маленькие.

Огромные ниши, подобные той, в которой наши рудокопы нашли место для отдыха, встречаются редко — в особенно крупных цельных глыбах гранита или в очень толстых пластах песчаника (возле Кисловодска). Процесс разъедания потолка ниши в отдельно лежащей глыбе и в слое, образующем поверхность склона, может

дойти до того, что в нем появляется отверстие. Постепенно оно расширяется, разъедается весь потолок, и ниша превращается в подобие кресла, ручки которого с течением времени понижаются. Этот процесс может уничтожить целый холм гранита или песчаника, от которого в конце концов останутся только днища самых нижних ниш с остатками ручек и спинок кресел в виде бугорков и грядок. Такие остатки автор видел возле колодцев Мин-шуй в Хамийской пустыне на месте одних холмов гранита, тогда как другие еще представляли собой ниши разной величины в разных стадиях разъедания.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ДОЛИНЕ ДАРБУТЫ

Рудокопы хорошо отдохнули в тени ниши в граните и часа в три пополудни продолжили путь по холмам Кожур-Тая, которые имели такой же характер, как и встреченные ими раньше. Но через десяток ли путники вышли на окраину массива. Справа от них продолжались красные холмы, а слева появились черные, состоявшие из осадочных пород песчаников и сланцев той же громадной свиты¹, которая выступала вокруг рудников Ван-Чжу-Ван-цзе и Чий Чу. Как и в окрестностях Чий Чу, эти холмы были плоские, округленные, усыпанные щебнем, почерневшим от загара, и напоминали огромные опрокинутые чугунные котлы. Мальчики сразу обратили внимание на это, и Хун воскликнул:

— Мы не пришли ли по ошибке на холмы Чий Чу и не наткнемся ли на дунган?

— Не бойся, парень! — успокоил его Лю Пи. — Я дорогу знаю. Место похоже на Чий Чу, но далеко от наших рудников. Вот там, — он показал на северо-восток, — видишь вдаль горы Кату? А Чий Чу возле них.

На горизонте тянулась зубчатая гряда гор, в которой нетрудно было узнать хорошо знакомый Кату, а впереди них все пространство было заполнено черными холмами и грядами, похожими на морские волны.

— Среди этих черных холмов, недалеко от нас, лежит долина речки Дарбуты, — прибавил Лю Пи. — А от нее до Чий Чу почти день пути.

Немного дальше, на окраине Кожур-Тая, путники заметили холм очень странного вида. Он весь состоял из наваленных одна на другую черных глыб, большей ча-

¹ Свита — ряд пластов или жил.

стью правильной шарообразной формы. На некоторых из них можно было видеть, что поверхностный слой породы в один-два сантиметра толщиной был разбит трещинами. Куски его разной величины отделились от остальной массы, причем некоторые уже отвалились и лежали на земле.

— Эти камни — словно яйца, с которых лупится скорлупа! — воскликнул Хун.

— Кто наворотил эти шары друг на друга? Уж не калмыки ли? — спросил Мафу.

Действительно, встреченная рудокопами куча напоминала сооружения, называемые «обо», которые монголы-ламаисты воздвигают на перевалах и вершинах гор в честь горных духов. Каждый проезжий считает долгом сделать свое приношение духам в виде камня, подобранного поблизости и положенного на кучу, которая таким образом с течением времени все увеличивается. Если нет камня, можно воткнуть палку или привязать к торчащим в куче палкам лоскуток, оторванный от одежды, либо пучок волос, вырванный из гривы или хвоста коня. Но только это обо состояло из глыб, которых человек не смог бы поднять.

— Это место называется Шайтан-Обо, — пояснил Лю Пи. — Калмыки думают, что злой дух наворотил здесь камни, поэтому они такие черные. Тут поблизости есть маленький ключ.

— Где же? Не мешает напиться. Может быть, взять воды для ночлега? — спросил Мафу.

— Ночевать мы будем на речке Дарбуты, — сказал Лю Пи. — А напиться можно, до речки еще не близко.

Он направился к другому холму обычного вида, у подножия которого между глыбами гранита в маленькой впадине стояла вода. Ее трудно было заметить со стороны, так как вода небольшого ключа быстро уходила в дрсву и возле нее росло только несколько пучков зеленой травы. Напившись, мальчики побежали к черному холму, вскарабкались по его шарам на вершину и уселись на венчавшей его глыбе.

— Эй вы, ребята! — воскликнул Лю Пи, заметивший это. — Слезайте долой! Калмыки говорят, нельзя лазить на Шайтан-Обо, злой дух рассердится и сделает человека какую-нибудь пакость.

— И здесь злые духи шалят! — усмехнулся Мафу. — Везде они тебе мешают.

Мальчики уже спускались. Хун, вскочивший при спуске на один из шаров, вывел его из равновесия, и

шар покотился. Хун не удержался и полетел вверх ногами.

— Вот видишь! — воскликнул Лю Пи. — Хорошо, что он упал назад, а не вперед; шар раздавил бы его в лепешку.

Пао помог Хуну, завязшему со своей корзиной между глыбами, подняться. Мальчик изрядно ушибся, но, подходя к старшим, смеялся.

— Калмыцкий шайтан хотел тебя задавить и оставить на своем обо,— сказал Мафу, улыбаясь.

— И не успел, я слишком проворный! — ответил Хун.

Холм Шайтан-Обо может служить примером выветривания гранита другого характера, значительно отличающегося от красного гранита, слагающего главную массу Кожур-Тая; в нем больше темных минералов — черной слюды и роговой обманки, а полевые шпаты иного состава. При выветривании он распадается на крупные глыбы без образования ниш, причём глыбы округляются благодаря процессу шелушения.

В зависимости от большего содержания темных минералов поверхность этого гранита нагревается сильнее, чем красного, так как светлые тела преимущественно отражают лучи солнца, а темные поглощают их. Поэтому поверхностный слой темного гранита подвергается более сильным колебаниям температуры и, наконец, отслаивается, отделяется трещиной от глубже лежащего слоя, начинает шелушиться.

Отделившийся слой при колебаниях температуры разбивается поперечными трещинками на куски (скорлупы), которые порывами ветра и силой тяжести сбрасываются на землю. Раньше всего выветриваются выдающиеся части глыбы — углы и ребра, чем обусловлено образование шаров; под влиянием шелушения они мало-помалу, очень медленно, уменьшаются в объеме.

Обилием темных минералов в выступающем граните объясняется и развитие в нем сплошного пустынного загара, так называемого «лака пустыни»; он состоит главным образом из окислов железа и марганца и особенно густо развивается на твердых, темных и мелкозернистых породах, богатых этими элементами. На светлых породах, где таких минералов мало, загар развивается отдельными светло-бурыми и матовыми пятнами; это не блестящий лак, как на темных породах, а светло-бурый и матовый. Железо и марганец, по-видимому, извлекаются влагой (роса, дождь, тающий снег) в виде солей

из глубины породы и на поверхности превращаются в окиси благодаря сильному нагреванию лучами солнца. На красном граните Кожур-Тая, бедном темными минералами, загар светло-бурый, пятнами, а на темном граните Шайтан-Обо, богатом этими минералами, он сплошной и черный.

Солнце клонилось уже к закату, когда наши путники подошли по окраине Кожур-Тая к тому месту, где Лю Пи хотел повернуть на реку Дарбуты. Здесь пролежала большая дорога из Чий Чу в Шихо, пересекавшая речку на броне Чапкан-Джол и уходившая затем по окраине Кожур-Тая на юг через последние гряды Джайра. На этой дороге можно было неожиданно встретиться с отрядом дунган, пробиравшимся после разграбления рудников обратно к оазисам подножия Тянь-Шаня. Поэтому Лю Пи не пошел по ней, а свернул к черным холмам на восток. Пройдя по ним около одного ли, путники увидели перед собой долину реки с ее рощами, зарослями кустов и камышей, полянами, поросшими пучками чия, круто спустились, подошли к реке и прежде всего утолили жажду чистой, холодной водой.

— Чапкан-Джол совсем близко,— сказал Лю Пи.— Вы подождите здесь, а я пойду к броду, посмотрю, все ли спокойно.

Сбросив свою корзину, он осторожно пробрался по роще и зарослям к броду, где большая дорога пересекала реку; со стороны Чий Чу она выходила из широкого лога в горах, а к Кожур-Таю поднималась по короткому скалистому ущелью. На краю прогалины Лю Пи остановился и прислушался. Голоса, стук копыт, звяканье стремян приближающегося по дороге отряда можно было услышать издалека. Но все было тихо; чуть журчала вода по камням, шелестели камыши и листья деревьев. Солнце уже скрылось за береговыми холмами.

Вернувшись к своим спутникам, Лю Пи повел их скорым шагом, чтобы миновать опасное место. И тут у брода они увидели страшную картину. Возле кустов лежал ничком человек, уткнувшийся головой и руками в воду; его синяя ватная кофта была изорвана и покрыта пятнами крови, черная косичка, словно змея, извивалась в струях пробежавшей воды. Мафу оттащил труп и повернул его лицом вверх. На лбу оказалась длинная рана, нанесенная саблей, омытая водой и бескровная. Мафу осмотрел одежду мертвеца, снял с него туфли и за-

сунул их в свою корзину. Лю Пи укоризненно покачал головой и сказал:

— Напрасно взял у мертвого. Это приносит несчастье.

— Делать нечего,— объяснил Мафу.— Мои туфли износились, через два-три дня их придется бросить, а других у меня нет.

— Кто это, дядя, дунганин или китаец? — спросил Пао.

— Рудокоп из Чий Чу, наверно. Дунгане нагнали его здесь, прикончили и отняли золото, если у него было.

— Тише! — воскликнул Мафу. — Кто-то едет по дороге.

Все замолчали и прислушались. Со стороны холмов левого берега доносились стук копыт, позвякивание стремян и голоса людей.

— Скорее в кусты! — скомандовал Лю Пи.

Все четверо побежали к зарослям за бродом и притаились среди камышей. Едва они успели спрятаться, как из ущелья выехал к речке отряд вооруженных дунган в синих, белых и черных кофтах, серых войлочных шапках, с ружьями или копьями за плечами. Тяжело хлопая крыльями, взлетели орлы, уже усевшиеся возле мертвеца у брода, а лошади передних всадников захрапели и попятились. Послышались возгласы, удары нагаек, и отряд, не обратив внимания на мертвого, заехал в воду и остановился поить лошадей. Хун, подползший поближе, насчитал около сорока человек.

— На Манас идут,— шепнул Лю Пи. — С рудниками покончили, теперь новой поживы ищут...

Напоив лошадей, всадники рысью поехали дальше и скрылись.

— Нужно уходить отсюда скорее! — сказал Лю Пи. — От этих скрылись — другим в руки попадемся.

Двинулись дальше по тропе, бежавшей по опушкам рощ или по зарослям чия, иногда поднимавшейся на нижнюю часть склона долины, если рощи подступали к самому подножию. Но не успели путники отойти и сотни шагов от мертвеца, как в густых кустах возле тропы услышали какой-то шорох; вершины кустов колебались, словно кто-то возился среди них. Оставив свою ношу, Мафу полез в чашу, и тотчас же оттуда раздался его голос:

— Идите сюда скорее с топором и с ножами, тут крупная дичь, которую нам послало само небо!

ПОКИНУТЫЙ ЛОЕ

Лю Пи и мальчики, оставив корзины на тропе, пробрались через колючие кусты шиповника и барбариса и увидели ишака, навьюченного вещами. Животное приветствовало людей оглушительным ревом.

— Тише ты! — крикнул Мафу и ударил ишака по морде.

Животное рванулось назад, но тотчас же остановилось; сбившийся на бок вьюк его крепко застрял в колючей чаще. Кроме того, от спутанных передних ног животного шла веревка к кусту у тропы. Чтобы освободить ишака, пришлось вырубить несколько кустов и обломать ряд веток, вцепившихся своими шипами во вьюк. Ишака вывели на тропу. Лю Пи и Мафу принялись развязывать вьюк, чтобы поправить его. Возле кустов, где запутался ишак, они нашли сверток с одеялом и ватной кофтой.

— Я думаю, — заявил Мафу, — что хозяин этих вещей лежит вон там у брода и мы можем смело воспользоваться находкой.

— Ишак понесет и наши вещи. Теперь нам легче будет идти, — воскликнул Пао.

Лю Пи покачал головой.

— Мертвец у брода был простой рабочий, судя по одежде, — сказал он. — А эти вещи слишком хорошие для рудокопа. Смотрите, какие это красивые бамбуковые корзины. Их делают в Южном Китае, и сюда их мог привезти только какой-нибудь чиновник или купец.

— Куда же он девался? Зачем бросил своего ишака? Нужно открыть корзины и посмотреть, что в них.

— Это мы сделаем вечером. А теперь надо скорее уходить отсюда, это опасное место.

Поправив вьюк и прибавив к нему самые тяжелые вещи из своих корзин, беглецы пошли дальше, не переставая перебрасываться догадками о хозяине ишака и его судьбе. К сумеркам отшагали несколько ли от брода. Лю Пи успокоился и решил выбрать место для ночлега. Впереди виднелась большая роща у самой реки в стороне от тропы.

— Смотри-ка, тут свежие следы еще двух ишаков, — воскликнул Мафу, указывая на мягкую пыльную почву прогалины перед рощей.

— Пожалуй, мы скоро найдем хозяина ишака и вещей, — заметил Лю Пи.

Словно подтверждая это, ишак, которого вел Мафу,

вдруг остановился, поднял хвост и разразился протяжным ревом, на который из глубины рощи тотчас же отвел другой ишак.

Мафу на всякий случай начал снимать ружье, отпустив повод. Почувствовав свободу, животное двинулось вперед и помчалось рысью через заросли к роще. Мафу, Лю Пи и мальчики побежали за ним, но не могли догнать. Когда они вошли в рощу с ружьем и топором наготове, ишак стоял уже возле двух других, привязанных к дереву, и все трое чесали друг другу холки, словно обмениваясь приветствиями. Тут же из-за дерева выглядывал китаец, который при виде детей смело вышел навстречу пришельцам.

— Это наш лое! — воскликнул Лю Пи. — Добрый вечер, лое. Вот мы твоего ишака нашли и пригнали.

Надзиратель, радостно протягивая рудокопам обе руки, воскликнул:

— Где вы поймали моего ишака? И не видели ли моего работника? Он рано утром угнал ишака с вещами и скрылся. Я ждал его весь день, да так и не дождался.

— Не его ли это туфли, лое? — спросил Мафу, вынимая из корзины обувь, которую он снял с мертвого китаяца у брода.

— Ну конечно! Я отдал ему на дорогу пару своих туфель, потому что его изорвались, а новых в лавке уже не было. Вот по этому узору можно узнать, что их делали не в Синьцзяне, а в Кантоне, — сказал лое, указывая на белый цветок, вышитый на синей ткани туфли.

— Твой работник лежит мертвый у брода Чапкан-Джол. Я снял эти туфли с его ног, потому что мои худые, — сообщил Мафу. — Его, очевидно, убили дунгане.

— А ишака мы нашли недалеко от брода, он запутался в колючих кустах, — прибавил Лю Пи.

— Несчастный! — воскликнул надзиратель. — Справедливая судьба жестоко наказала его за кражу и за то, что он бросил меня, старика, одного в пустыне. Он надеялся, что меня съедят волки и никто не будет преследовать его за кражу. Вот он сделался жертвой дунган, а мне судьба послала вас. Куда вы пробираетесь?

— Вниз по Дарбуты, — отвечал Лю Пи.

— Поедем дальше вместе, — предложил надзиратель. — Вы можете облегчить свою ношу, переложив все тяжелое на моих ишаков, а зато будете помогать мне вьючить и пасти их.

— Хорошо, лое, — ответил Мафу.

— Ты справедливый человек, и мы тебя не оставим в беде,— прибавил Лю Пи.

Пришельцы сняли свои корзины, развьючили ишака и подошли к разложенному костру, на котором уже варился ужин. Мальчики набрали топлива на всю ночь.

Надзиратель был горожанин, неопытный в путешествиях, и не мог преследовать беглеца по его следам. Очувтившись один в дикой местности, без ружья, не зная дорог и с запасом еды только недели на две, он пришел в отчаяние. Весь день лое ждал своего работника, надеялся, что тот вернется, что он пошел только искать удравшего ишака, который, вероятно, побежал в свое стойло на руднике. Но когда солнце зашло, а работник все еще не появился, лое догадался, в чем дело, и остановился на ночлег. Ишаки за день достаточно наелись. Он привязал их к дереву и начал готовить себе ужин.

— Я представляю себе, как погиб мой работник,— сказал надзиратель. — Он скоро дошел до брода, привязал ишака поблизости и вышел на перекресток посмотреть, нет ли дунган. Может быть, он сам еще не решил, куда бежать, назад ли на рудник, или на Манас, или в Чий Чу, чтобы скрыться с золотом, которое спрятали в моей корзине на ишаке; это золото я взял с собой, чтобы сдать в казну в ближайшем городе. А у брода он сразу наткнулся на дунган. Они приняли его за рудокопа, бежавшего из Чий Чу, и прикончили, чтобы отнять золото, бывшее при нем, которое он добром отдать не захотел. Но просто чудом спасся мой ишак.

Надзиратель также принял участие в ночном дежурстве, так что на каждого пришлось меньше двух часов, и все могли выспаться. Ночь прошла спокойно, волков не было слышно. В горах на юге прошла гроза, но в долине шел небольшой дождик, от которого беглецы укрылись под деревьями.

На следующий день продолжали путь. Лое ехал на одном ишаке, а на двух других были навьючены вещи. Рудокопы шли с почти пустыми корзинами, что очень облегчало путешествие. Долина повернула на восток и стала более открытой. Хотя справа все время тянулись довольно высокие скалистые горы с дикими ущельями, но слева поднималась только плоская терраса. Взобравшись на нее, можно было видеть, что долину с этой стороны окаймляет широкая полоса каменистой пустыни, за которой на горизонте тянулись зубчатой стеной горы Катунь. В долине по-прежнему чередовались рощи,

чаши кустов и зарослей, но воды в речке стало меньше, и русло местами скрывалось среди высоких камышей.

Во время обеденного привала Мафу застрелил в зарослях молодого кабана, мирно дремавшего в яме с водой. Это была приятная прибавка к провизии путников, так как позволяла сдабривать пшеничную кашу салом и мясом.

Еще два дня подвигались, не торопясь, вниз по долине, которая оставалась безлюдной; встретившиеся кое-где калмыкские зимовки еще были пусты. Речка местами совершенно исчезала, оставляя сухое русло, потом опять появлялась. Рощи тополей встречались реже, появились большие, искривленные кусты тамариска. На правом берегу продолжалась та же скалистая цепь, на левом — каменная пустыня, но в двух местах внесли разнообразие группы пестрых скалистых холмов с лабиринтом ложбин. Эти холмы, расположенные в долине Дарбуты недалеко друг от друга, называются Чокмак-Тас и Найза-Тас.

Ночевали в роще возле Чокмак-Таса, и мальчики имели возможность осмотреть его. В центре группы возвышался черный холм в виде конуса с такими гладкими боками, что Хун и Пао после нескольких попыток вскарабкаться на вершину должны были отказаться от этого. Вокруг него среди извилистых рытвин и ложбин поднимались утесы самых разнообразных форм и различного цвета — бурого, желтого, зеленого и красного. Одни напоминали яйцо, поставленное на тупой конец; другие представляли собой столбы из одной или нескольких глыб, наложенных друг на друга; третьи имели вид каменных грибов различной величины. Из кустов, росших по ложбинам, то и дело выскакивали зайцы, которых мальчики безуспешно пытались поймать или хотя бы убить брошенным камнем.

Вернувшись в лагерь, они были в таком возбуждении от виденного, что Лю Пи и Мафу пошли осмотреть холмы, а надзиратель принялся мастерить лук из прута тальника с тетивой из кишок кабана и стрелами из твердых прутьев джигды (лоха). Он кончил работу, в которой мальчики приняли живое участие, уже при свете костра. Лю Пи и Мафу также были заинтересованы холмами; первый высказал предположение, что в них должно быть золото, второй — что гладкий конус состоит из железа. Он принес кусок очень тяжелой черной руды, которую удалось отковырнуть ножом на склоне конуса.

На рассвете надзиратель повел Хуна и Пао к холмам, чтобы показать им охоту на зайцев, которые кормились на лужайке в долине зеленой травой и молодыми побегами тальника. Надзирателю удалось подстрелить двух, а Хуну — остроносу ютку из небольшой стаи, плававшей в речке; зайцы были слишком проворны для неопытного стрелка.

Когда охотники принесли свою добычу в лагерь и Мафу похвалил их, Пао спросил его:

— Почему ты сам не стреляешь зайцев из своего ружья? Их так много.

— Видишь ли, нахал, у меня зарядов мало, и их жаль тратить на такую мелкую дичь; если моя пуля попадет в зайца — она его разорвет на куски, есть нечего будет. Другое дело — кабан, хуан-янг, кулан.

Это была правда. Но Мафу не прибавил, что он умеет стрелять только в неподвижную цель.

В этот день беглецы около полудня дошли до глубокого ущелья Тар, где речка Дарбуты врезалась в большой гранитный массив. Но перед ним они миновали перекресток второй большой дороги, которая вела с рудников Дагун и Цзагун, самых восточных в Джаире, на Манас. Здесь путники наткнулись на жуткую картину: на площадке, среди кустов, клочья ваты, лохмотья одежды, рваные башмаки и соломенные сандалии валялись вперемешку с человеческими костями и черепами. В одном месте почва была усыпана крупинками золота. Очевидно, у кого-нибудь из беглецов в одежде было зашито золото, оставшееся не замеченным настигшими их дунганями, а когда волки растерзали его труп, оно просыпалось на землю.

— Соберите это золото, мальчики, — сказал надзиратель. — На Манасе мы, наверно, найдем семью кого-нибудь из погибших рудокопов и отдадим ей золото.

Пока Хун и Пао осторожно сгребали желтые крупинки вместе с пылью, Мафу, внимательно осматривавший площадку, нагнулся и поднял что-то с земли. Это было серебряное кольцо-печатка с красным камнем, на котором были выгравированы китайские иероглифы.

— Похоже, что это кольцо надзирателя с Чий Чу, — сказал Лю Пи. — У него было точно такое же на большом пальце левой руки.

Подошел надзиратель, заинтересованный находкой, осмотрел кольцо и спросил:

— А как звали вашего лое на Чий Чу?

— Чжун Ю ванг, кажется,— ответил Лю Пи.

— Да, здесь написано: «Чжун Ю ванг»,— сказал лое. — Очевидно, несчастный погиб, и все золото, которое он вез с собой, казенное и собственное, попало в руки дунган.

Покинув площадку, караван вскоре вступил в ущелье Тар. Врезываясь в твердый гранит, долина Дарбуты сразу сужалась; с обеих сторон крутыми уступами поднимались розовые утесы попережку с осыпями щебня и дресвы. В русле, сухом выше ущелья, появилась вода, и речка быстро текла по гальке, окаймленной узкой полосой тополей и редкими кустами. Утесы часто подступали к самой воде, и каравану приходилось брести прямо по речке.

Ущелье, круто повернув вправо, кончилось. Путники опять вышли в широкую долину, которая тянулась до горизонта между отвесными обрывами справа и пологими откосами террасы той же пустыни слева. Местность стала здесь более открытой, рощи тополей почти исчезли, и русло речки, большей частью сухое, окаймлялось только густыми кустами, а по остальному пространству широкого дна долины сравнительно редко встречались большие кусты и корявые деревья тамариска, между которыми извивалась дорога. Местность была совершенно безлюдна. В изобилии попадались только зайцы, за которыми молодые охотники гонялись усердно и не без успеха.

Два дня шли по этому коридору, укрываясь на ночь и в полдень среди кустов вблизи русла там, где в нем появлялась вода. Волков ночью не было слышно; они, очевидно, ушли на пиршество к рудникам; ишаков можно было отпустить пастись и на ночь, спутав им только ноги. Из-за этого чуть не случилась катастрофа. Хун во время своего дежурства услышал в русле, в котором вода была только в большой впадине под берегом, какую-то возню и топот. При свете луны он увидел, что один ишак лежит на земле и мотает головой, а другие беспокойно топчутся вблизи. Оказалось, что животное увязло до брюха. Чтобы спасти ишака, пришлось срубить несколько кустов, перекрыть ими трясину и вытаскивать его с помощью веревок и кольев.

Если бы Хун не обратил внимания на топот и хрип ишаков, не покинувших своего товарища в беде, путники утром были бы удивлены бесследным исчезновением одного из своих длинноухих, так как трясина совершенно засосала бы его. За свою бдительность Хун получил

от надзирателя хороший монгольский нож в ножнах с кольцом, который можно было носить на поясе.

Еще день шли по речке, долина которой становилась все более бесплодной. Кусты и деревья росли только вдоль русла, образуя чащи там, где появлялась вода; вне этой узкой полосы широкое дно долины почти лишено было растительности; по правому берегу тянулись более низкие горы. Наконец, речка вышла из Джаира и повернула, в виде безводного русла, вдоль его подножия на юг.

Караван пошел на восток через ровную пустыню, протянувшуюся на двенадцать километров до берега реки Дям и усыпанную почерневшим щебнем. Эту реку, окаймленную большими рощами, можно было увидеть, только подъехав совсем близко, так как ее долина врезалась в пустыню метров на сорок — пятьдесят.

Переночевав в месте, где река прорывается через конец низкого кряжа Хара-Арат, караван пошел вниз по ее долине, которая окончилась в котловине Орху, составлявшей ближайшую цель путешествия. Здесь река делилась на два русла: одно шло на север, к озеру Улусту-нур, другое — на юг, к озеру Айрик-нур.

МЕРТВЫЙ ГОРОД ОРХУ

Котловина Орху между озерами, длиной в 20 и шириной в 3—5 километров, представляла собой большие и малые рощи тополей и заросли кустов, рассеянные среди обширных полей, поросших травой и бурьяном. Разбросанные по ней зимовки калмыков, очевидно, были еще пусты, так как нигде не замечалось признаков жизни: ни юрт, ни пасущихся животных. С запада котловину окаймляли такие же обрывы, как и долину реки Дям, из розово-желтых песчаников и глин; с востока к ней примыкала обширная площадь Мертвого города.

Так как дунгане могли пожаловать в Орху или с запада — из Джаира, или с севера — вниз по Дяму, то путники нашли более удобным для себя остановиться на восточной окраине, поближе к Мертвому городу, чтобы при первой же тревоге укрыться среди развалин. Поэтому они пошли на восток к холмам, на которых уже виднелись поднимавшиеся ярусами стены, башни различной формы, острые шпицы, купола, занимавшие огромную площадь, сплошь покрывая столовую гору вдаль и спускающаяся с нее по холмам и логам к котловине.

Путники с любопытством разглядывали эти развали-

ны, среди которых не видно было ни клочка зелени, ни признаков жизни.

— Кто жил здесь? Давно ли город покинут жителями? Почему это случилось? — спрашивали мальчики надзирателя.

— Вот придут калмыки на свои зимовки, — ответил надзиратель. — Они, наверно, знают больше, чем я. В китайской истории я ничего не читал об этом городе, вероятно потому, что он существовал гораздо раньше того времени, когда власть Китая распространилась на эту страну.

Недалеко от окраины Мертвого города, в небольшой роще старых тополей, путешественники наткнулись на признаки зимовки — изгородь для мелкого скота и кучи кизяка; тут же был и колодец.

— Здесь мы и остановимся, — сказал Лю Пи. — Есть вода, есть топливо, есть корм для ишаков, больше нам ничего не нужно.

Пока взрослые развьючивали ишаков, мальчики, захватив котелок и веревку, подошли к колодцу. Он оказался глубиной около четырех метров, и на дне его стояла вода. Зачерпнув ее котелком, мальчики захотели напиться, но после первого же глотка Пао выплюнул воду.

Понесли котелок с водой взрослым. Попробовав ее, надзиратель сказал:

— Ишаки, может быть, будут ее пить. Но у людей от нее живот заболит, а чай будет совсем невкусный.

— Вода в колодцах гнивает, — заметил Мафу, — если ее долго не черпают. Тут зимовка, и с весны, когда калмыки ушли, никто водой не пользовался. Вот она и стала вонючей и соленой. Нужно ее вычерпать, колодец вычистить, и тогда пойдет хорошая вода.

В тени тополей было прохладно, и в ожидании обеда все расположились на земле вблизи костра. Ишаки дремали, опустив головы, терпеливо ожидая, чтобы их пустили на пастбище.

После обеда все направились к колодцу, вооружившись котелками, веревкой и маленьким заступом, бывшим у надзирателя. Пригнали и ишаков, чтобы напоить их перед чистой, но вода им тоже не понравилась, и они выпили только по котелку. Мафу разделся догола и по веревке спустился в колодец; он наполнял котелки, а Лю Пи и мальчики вытаскивали их наверх и выливали. Скоро вода стала мутной, а потом пошла жидкая, черная грязь, пахнувшая тухлыми яйцами. Ее вытаски-

ли котелков двадцать. В глубине оказалась маленькая деревянная колода для водопоя, которую калмыки на лето спустили в колодец, чтобы она не треснула. Мафу тщательно оскреб лопатой стенки и дно колодца и заявил, что работа кончена. Когда его вытащили, он был вымазан грязью с ног до головы; мальчики смеялись, глядя на него. Обмыться было нечем, но Мафу сидел на солнце, и грязь, высыхая, отваливалась корочками с тела.

Когда опять набралась вода, ее попробовали; она была уже гораздо лучше, и ишаки напились вволю. По совету Мафу ее снова вычерпали до дна.

— Теперь пойдет совсем хорошая вода, — заявил рудокоп.

В этих занятиях время прошло до вечера. Надзиратель, бродивший по окрестностям в поисках другого колодца на случай, если первый не удастся очистить, вернулся с известием, что в соседней роще живут старый калмык с женой, которые караулят маленькую пашню с ячменем, оберегая ее от кабанов, зайцев и фазанов. Калмыки ничего не знают о дунганах, за лето не видели ни одного человека, но через неделю ждут возвращения своих. Старики понемногу молотят снопы и намолотили уже два мешка зерна. Это известие обрадовало наших путников, так как они надеялись купить ячменя или муки, а по приходе калмыков иметь мясо и молоко. Поэтому путешественники не поскупились на пшено, бывшее уже на исходе, для вечерней каши.

Утром отправились в гости к калмыкам. Старики жили в маленькой юрте, насквозь продымленной и настолько ветхой, что кошмы стен и крыши во многих местах просвечивали. Гости застали их за молотью. Разложив несколько снопов на маленьком токе, калмыки, сидя на корточках, били колосья гибкими прутьями, часто прерывая работу, чтобы подремать на пригреве. По соседству паслась на веревке коза — единственный скот старой четы, скудно снабжавший их молоком, которое с чаем и цзамбой (поджаренной ячменной мукой) составляло всю пищу отшельников.

Юрта стояла на окраине небольшой пашни, кое-как вскопанной и засеянной. Вокруг нее стеной высились сильно разросшийся бурьян, а за ним виднелась большая роща, над которой, словно уединенный форт, поднималась столовая гора из тех же желто-розовых слоистых пород, что и обрывы вокруг котловины.

Старики обрадовались неожиданным гостям (ведь

целое лето они провели только вдвоем со своей козой и собакой), повели их в юрту и попотчевали жиденьким чаем с молоком. Лое отдарил их несколькими кусочками сахара-леденца, а Лю Пи — горсточкой табаку, чем несказанно обрадовал калмыка, давно уже курившего какие-то сушеные листья. Вечером, когда солнце село и сумерки опустились на котловину, старик и старуха пришли к новым поселенцам с ответным визитом. Они явились к ужину и разделили скромную еду путников, которая показалась им роскошной. Когда котел с кашей уступил место чайнику и все закурили трубку, старый калмык, по просьбе лое, рассказал о Мертвом городе.

— Давно, давно, может быть тысячу лет назад или больше — кто их считал, эти годы, кто записывал! — в этом городе жили люди, и вера у них была иная. Так я слышал от стариков, когда был еще маленьким. Уйгурами, что ли, звали этот народ. И были они подвластны большому хану, который жил где-то под Алтаем, а здесь в городе управлял маленький хан. Жил он со своими близкими и разными начальниками на большой горе, что стоит на дальнем краю города, а под горой жили его подвластные и солдаты.

Здесь, внизу, земля ценная, и вся эта котловина, где теперь только тополя и кусты растут и наш скот пасется, в те времена была возделана; от края и до края тянулись поля и сады. Поэтому и построили город рядом, в пустыне, чтобы не занимать место, годное для посева.

Большой город был тогда. Теперь его пешком за день не обойдешь, пожалуй, дня два или три ходить будешь. Жителей в нем было много, но жилось им пехорошо. От зари до зари они трудились на полях и в садах, а жены их ткали дома ковры и шелка с утра до вечера. Весь урожай и всю работу они сдавали хану, а от него получали только скудное пропитание. Они же носили на себе в ханскую крепость воду из реки, доставляли топливо с Дарбуты и с гор, пасли ханский скот и лошадей вокруг озер Айрик и Улусту, где были луга и камыши, а сами не смели держать даже козу, никогда не видели ни молока, ни мяса. Надзиратели и солдаты держали их в повиновении и подгоняли на работе.

Хлеб, сушеные плоды, ковры и шелка хан отправлял на верблюдах к большому хану и получал от него разные товары, драгоценности для своих жен, оружие для солдат. Так и жили многие годы; такой порядок был и у предков хана.

Но однажды случилась беда. В горах, откуда течет река Дям, в конце лета, когда урожай с полей и садов еще не был собран, выпало много снега, а потом стало опять тепло, и он сразу растаял. Пришла большая вода и затопила всю долину, занесла поля песком и камнем, повалила деревья. Почти весь урожай пропал, и людям грозил голод.

И вот надумал хан: чтобы прокормить только здоровых рабочих людей,— всех лишних уничтожить; стариков и старух перебить, молодых женщин и девушек продать в рабство соседям, а на выручку купить хлеба для оставшихся и для сдачи большому хану.

Стали солдаты забирать женщин и детей в крепость, чтобы отправлять их караванами, стали прикалывать стариков и старух. И по всему городу пошел плач, и люди потеряли голову. Смирные земледельцы взбунтовались, вооружились лопатами, мотыгами и, защищая своих близких, перебили надзирателей, солдат и осадили ханскую крепость. А в крепости воды своей нет, только приносная из реки, которую наливали в большие сосуды.

Когда вода кончилась, хан увидел, что дело плохо. Собрал оставшихся солдат, навьючил драгоценности на верблюдов, поджег все запасы хлеба в складах и ночью, прорвавшись через осаду, ушел со своими женами на Алтай к большому хану. Рабы разгромили крепость, но хлеба не нашли, и зимой в городе начался голод: кто умер, кто бежал. А то, говорят еще, большая буря случилась, и жилища всех оставшихся в городе людей песком засыпало, и все они, обессиленные голодом, погибли. Так рассказывают люди, правда ли, нет ли — не знаю.

Старик замолчал и смотрел на огонь, словно видел перед собою картину гибели города. Молчали и слушатели, подавленные его рассказом о событиях, похожих на то, что было теперь: восставшие осаждали и грабили города, опустошали страну, и людям грозил голод...

Потрескивали сучья тополей в костре, бросая красноватый свет на смуглые задумчивые лица, на шероховатые стволы тополей, на трех дремавших ишаков, равнодушных к людским тревогам. Во мраке ночи тихо шелестели листья. По временам кричала сплюшка.

— Так с тех пор уже много веков пустует этот город,— заговорил опять калмык, очнувшись от раздумья.— Долго пустовала и долина, заросла рощами, кустами, не осталось и следа прежних полей и садов.

А потом с великим Чингисханом пришли наши предки и поселились здесь — место для наших зимовок хорошее, теплое. Только воды в реке стало меньше. Прежде, говорят, по всей долине текла вода канавками по пашням и садам, а теперь с половины лета и в самой речке только ямы с водой остаются...

— А вы свой хлеб разве не поливаете? — спросил Лю Пи.

— Весной два раза полили, — ответил калмык. — Весной вода из речки сюда доходит. А потом хлеб уже растет кое-как и без полива.

— А волков здесь много водится? — любопытно спросил Хун.

— Водятся, мальчик, водятся. Где волков нет? Где хуан-янг, там и волк, они друг друга стерегут. Живут они в городе, в развалинах прячутся, а по ночам и сюда забегают. Мы свою козу и собаку ночью в юрте держим, а то бы их давно съели. И вы за ишаками поглядывайте, ночью привязывайте возле себя.

Калмыки поднялись и стали прощаться.

— Тихо теперь здесь, совсем тихо, — сказал старик, удаляясь. — А вот скоро наши придут, тогда шумно и весело будет.

Рассказ старика о Мертвом городе — это лишь легенда, передаваемая калмыками из рода в род с разными прибавлениями. В действительности в нем нет развалин зданий, построенных руками человека, и никто никогда здесь не жил. Все разнообразие форм Мертвого города — замки, башни, стены, улицы и переулки, шпицы, столбы, памятники, часовни, гробницы — создано природными силами: выветриванием и размывом.

Весь город сложен из мягких песчаников, переслаивающихся с песчаными глинами зеленоватых, розоватых и желтоватых цветов, которые легко размываются водой и развеиваются ветром. В этих мягких породах много твердых конкреций, то есть стяжений, богатых известью, извлеченной грунтовой водой из пород и сосредоточенной вокруг определенных центров, которые стягивали к себе растворы. Эти конкреции имеют очень разнообразную форму и величину; одни из них представляют собой шары, похожие на пушечные ядра, другие яйце- или клубневидны, третьи состоят из многих клубней, спаянных друг с другом. Благодаря своей твердости они выступают при выветривании окружающей породы, об-

разуя карнизы, вершины шпигцев, столбы и т. д. Шаровидные конкреции, выступающие в стенах, очень напоминают старинные пушечные ядра, застрявшие при бомбардировке. В этих породах иногда встречаются также прожилки белого прозрачного гипса, которые выпадают из выветривающихся обрывов, дробятся на куски и создают иллюзию осколков оконного стекла.

Песчаники и глины залегают толщей в несколько сот метров. Они образовались очень давно, несколько миллионов лет назад, в виде осадков на дне огромного озера. Вот почему в глинах иногда попадаются отпечатки пресноводных раковин и окатанные косточки земноводных животных. Возможно, что многие конкреции в песчаниках включают остатки организмов, населявших озеро: раковины, косточки, даже скелеты, которые и вызвали стяжение к ним растворов, содержавших известь; внутри конкреций вообще нередко находят такие остатки.

Это озеро давно уже исчезло, и толщу его осадков постепенно размывали дожди, врезали в нее сеть рытвин, логов и оврагов, расчленившую осадки на крупные и мелкие части. В настоящий период климат Джунгарии очень сухой, дожди редки; но расчленению толщи, образованию новых башен, стен, столбов и прочих форм помогают ветры, дующие здесь часто и достигающие силы бурь. Они сдувают со стен песчинки и пылинки, отделившиеся от пластов благодаря процессам выветривания, о которых мы говорили, описывая образование ниш в граните. Этим рыхлым материалом засыпаны все улицы и переулки Мертвого города, и нога вязнет в нем до щиколотки.

Мертвый город Орху — замечательный пример красивых форм, созданных силами природы. Он поражает их разнообразием и сходством с человеческими сооружениями. Автор, открывший это место во время геологических исследований, так и назвал его «эоловым городом», то есть городом, созданным эоловыми, воздушными силами.

КАЛМЫКИ ПРИШЛИ

В ожидании прихода калмыков с баранами беглецам пришлось добывать пищу охотой, чтобы растянуть небольшое количество муки и пшена на более продолжительное время. Мальчишки бродили с луком и стрелами в рощах и зарослях, и им почти каждый день удавалось добыть неосторожного зайца или зазевавшегося фазана;

но на пять человек это было немного. Мафу берег свои заряды для более крупной дичи, но она не выходила в котловину. Мальчики уговаривали его сходить с ними в Мертвый город, где можно было встретить антилоп.

От рощи с колодцем, где стояли беглецы, Мертвый город был отделен довольно широкой полосой камышей, занимавшей впадину, которую весной затопляла вода из реки, вздутой таянием снега в горах. За ней сразу начинались плоские холмы с рыхлой почвой, в которую глубоко погружались ноги. Вскоре показались и первые развалины — полуразрушенные башни, одни низкие и широкие, другие высокие и узкие, и многочисленные стены глинобитных фанз, разбросанные то густо, то редко среди голых площадей с той же рыхлой почвой. Местами попадались впадины-солончаки с зеленеющими кустиками солянок, тамариска и хармыка. В одном месте путешественники заметили группу облупившихся памятников, похожих на надмогильные, напоминавших лежащих львов, саркофаги и урны. Потом началась широкая улица, окаймленная довольно высокими стенами больших зданий, чередовавшихся с башнями. Местами в изобилии валялись осколки какого-то твердого вещества, то бесцветного и прозрачного, то мутно-белого. Трудно поверить, что все это создано природой, а не человеком.

— Я думаю, — сказал Мафу, подняв и рассматривая какой-то осколок, — что это стекло.

— А что такое стекло? — спросили мальчики, никогда не видевшие стекла, не известного в этом районе Китая.

— Это твердая и совсем прозрачная бумага, которую умеют делать ян-гуйцзе¹. Ее вставляют в окна, и тогда в комнатах светло и тепло. Такую бумагу нельзя проткнуть пальцем или кончиком языка, как нашу, и сквозь нее все видно.

Хун и Пао взяли по куску стекла, чтобы показать Лю Пи.

Охотники пошли дальше, а город все время тянулся справа и слева, то поднимаясь на холмы, то опускаясь в широкие долины. Местами расстилались большие пустыри, представлявшие голую пустыню, песчаную или усыпанную галькой, или солончаки с кустиками и буграми наносного песка. Башни разнообразных форм чере-

¹ Ян-гуйцзе — «заморские черти», как в Китае часто называли европейцев.

довались со стенами, небольшими зданиями, похожими на часовни, огромными изваяниями каких-то чудовищных животных, острыми шпицами и обелисками. Все это было разрушено, обвалилось, облупилось. Мальчики, никогда не видевшие такого большого города, с удивлением разглядывали сооружения.

Наконец, дошли до обширной голой и ровной площади, за которой поднималась «крепость хана» — высокая, со множеством выступов, карнизов, башен, спускавшихся ярусами сверху донизу. Крепость с этой стороны казалась неприступной твердыней.

— Хан, видно, боялся своих рабов, — сказал Хун, — и построил свой дворец совсем отдельно.

Голая площадь у подножия вся была усеяна осколками камня разных цветов — зеленого, красного, белого, желтого, — гладкими на ощупь и блестящими под лучами солнца. Мальчикам они понравились, и они стали набирать целые горсти этих осколков.

— Это, верно, кусочки ханской посуды, которую перебили рабы, когда грабили крепость, — сказал Пао.

На пути по городу охотники не встретили ни одного живого существа, если не считать нескольких ящериц и жуков на солончаке. Все было мертво и пусто; могильная тишина царила среди этих бесчисленных сооружений.

На обратном пути с одного из холмов Мафу показал детям видневшиеся впереди вершины деревьев оазиса. На спуске они наткнулись на свои же следы и пошли по ним. На повороте Мафу заметил впереди трех антилоп, медленно переходивших через широкую улицу, направляясь на север. Он остановил своих спутников, повел их обходом наперерез животным в соседнюю улицу, где все трое притаились за песчаным бугром, увенчанным жидкими кустами. Рудокоп приготовил ружье, нацелившись через кусты. Немного погодя из промежутка между зданиями вышли уже пять антилоп и стали пересекать улицу, уверенные в своей безопасности, так как летом, когда калмыки были в горах, никто, кроме волков, не тревожил животных. Они были в полусотне шагов от охотников и остановилисьлизать соль на солончаковой площадке. Неожиданно грянул выстрел. Одна из антилоп пошатнулась, отскочила в сторону и упала; остальные стремглав, большими прыжками, понесли дальше и скрылись среди развалин.

Мафу и дети побежали к добыче. Животное еще дышало; на рыхлой почве виднелось пятно крови.

Удалив, хотя и с сожалением, желудок, кишки и брюшину антилопы, которые ведь тоже представляли пищу, Мафу взвалил тушу на плечо. Хотя ноша была тяжела и рудокоп обливался потом, но перспектива нескольких вкусных обедов и ужинов заставляла его бодро шагать вперед. К роще пришли уже в сумерки и обрадовали Лю Пи и надзирателя неожиданной прибавкой к ужину.

Прошло несколько спокойных и теплых осенних дней. Однажды под вечер Лю Пи, поивший ишаков у колодца, от которого видно было устье долины Дяма, заметил, что там появились какие-то люди.

«Уж не дунгане ли?» — с тревогой подумал он.

Скоро можно было различить верблюдов с вьюками, крупный и мелкий скот. На конях с обеих сторон гарцевали всадники с копьями.

— Это калмыки идут на зимовку, — сказал Мафу, влезший на дерево, чтобы лучше видеть.

Выйдя в котловину, караваны стали распадаться: одни уходили налево, другие направо, распределяясь по своим угодьям. К роще, где жили пришельцы, направились только два верблюда. На одном из них была навьючена юрта, на другом сидели две женщины с маленькими детьми. Старуха, ехавшая верхом на корове, гнала несколько голов рогатого скота и десятка три овец и коз. Мужчины и подростки скакали по сторонам, оберегая табунок лошадей. Заметив у рощи людей, наездники остановили свой караван, поскакали вперед и, не доезжая рощи, приготовили копыя и окликнули:

— Что за люди? Кто занял нашу зимовку?

Переговоры продолжались минут пять, в течение которых калмыки все выспросили, рассмотрели и, признав пришельцев неопасными, решились подъехать; они соскочили с коней и подошли.

— Амур сайн бейна! ¹ — сказал старший.

— Амур сайн, амур сайн! — ответил Мафу.

Калмыки тотчас же присоединились к костру беглецов, достали трубки и завели разговор о грозных событиях последнего времени.

— Мы опасаемся, что дунгане заглянут и сюда, — сказал один, имевший на своей черной круглой шляпе с загнутыми вверх полями и красной кистью медную шишку, указывавшую его звание маленького чиновника. — С Джайра все кочевники ушли на Куйтун, подаль-

¹ Монгольское приветствие.

ше от войны. Наши летовки — на горах Уркашара, и мы решили вернуться сначала сюда и выждать.

— И разузнать, где дунгане и куда еще собираются идти,— прибавил второй.

— Завтра пошлем разведку в Чумпацзы и на Хобук,— сказал третий.— После разграбления рудников, как сказывают люди, дунгане разделились. Одна часть ушла на Хобук, другая на Манас грабить китайцев, а третья осталась в Чумпацзы.

— Совсем разорили весь край,— продолжал первый.— Пожалуй, ни одной китайской заимки не осталось, весь народ разбежался, два города сожгли.

— Худо будет теперь, хлеба не стало, а сеять некому; придется и нам эту зиму жить без хлеба, как жили наши деды, пока китайцы не пришли сюда.

— А кому мы будем продавать шерсть, шкуры, баранов, лошадей?

— Вот дунгане лишнее отберут, и тогда продавать нечего будет,— успокоил калмыков Мафу.

— Пусть попробуют! Мы им накладем! — грозился младший калмык.

Пока мужчины разговаривали, женщины развьючили верблюдов и начали ставить юрту на окраине рощи: монгол не любил жить в тени, ему нужно солнце и простор. Раздвинули и поставили кругом решетчатые бока, водрузили верхний конус и привязали его жерди к решетке; покрыли войлоком бока и крышу. Меньше чем в полчаса юрта была готова. Женщины развели в ней огонь и стали варить чай; тогда и беседовавшие мужчины отправились к себе.

Эта ночь была не так спокойна, как прошлые. Отовсюду доносились лай собак, мычание и блеяние скота, рев верблюдов, людские голоса, песни. Котловина ожила.

Прошло еще два дня, в течение которых беглецы постоянно принимали гостей-калмыков, приезжавших с разных сторон поговорить, сообщить и узнать новости. Надзиратель сторговал у них жирного барана, чтобы отплатить рудокопам, которые до сих пор снабжали его мясом из охотничьей добычи.

К вечеру вернулись разведчики, посланные в Чумпацзы, и принесли весть о том, что дунгане собираются идти в Орху; у них кончился запас скота, взятого на заимках, и они рассчитывают поживиться у калмыков. Разведчики подкрались к самому лагерю дунган и под-

слушали их разговоры. Отряд состоит из сотни с лишним всадников.

Эта весть немедленно разнеслась по котловине. Взад и вперед скакали калмыки, собирались кучками и совещались. Молодежь была настроена воинственно и хотела отбить непрошенных гостей оружием, но старшие решились откочевать на юг в пески за озером Айрик в надежде, что туда дунгане не решатся идти и, не найдя в Орху никакой поживы, уйдут на Манас. Тогда можно будет вернуться на зимовки.

Беглецы вечером тоже обсуждали, как им быть,— идти ли с калмыками или укрыться в Мертвом городе.

— Здравствуйте, приятели, кушали — не кушали? — раздалось вдруг приветствие, и из темноты к огню подошли какие-то незнакомые люди.

Мафу бросился к ружью, Лю Пи и лое вскочили, рассматривая с недоверием пришельцев, которые были вооружены вилами, топорами и дубинами.

— Не бойтесь, приятели, мы не дунгане! — успокоил рудокопов один из пришельцев. — Мы беглецы из Хобука, нас двенадцать человек с женами и детьми. Мы едва спаслись от дунган, два дня шли через пустыню. Пустите нас ночевать здесь, дайте воды, мы с утра не пили, не ели.

— Положите ваше оружие на землю и тогда подходите, — разрешил Лю Пи.

Пришельцы исполнили приказ и ушли назад в темноту. Вскоре они вернулись с целым караваном из десяти ишаков, на которых был навьючен разный скраб, сидели женщины и дети. С ними были корова, две козы, две собаки.

— Вот мы теперь здесь все свои, китайцы, — заявил один из них.

— Располагайтесь в роще, места всем хватит, и вода близко, — пригласил Лю Пи.

— Только знайте, что завтра к полудню сюда придут дунгане из Чумпацзы, и мы сами уйдем отсюда, — предупредил Мафу.

— Завтра — что судьба даст, а сейчас нам нужно поесть и отдохнуть.

Выбрав место по соседству, пришельцы развьючили ишаков; мальчик показал им колодец. Наши беглецы помогли им начерпать воды, выделили топлива из своего запаса.

Запылал второй костер, забурлили котлы и чайники, усталые люди улеглись вокруг них. Некоторые мужчины

подсели к рудокопам и сообщили, что на Хобук дунгане нагрянули неожиданно. Они пришли по подгорной дороге из Дурбульджина, всего только полсотни конных. Китайцев на Хобуке живет много, одних мужчин больше сотни, но заимки очень разбросаны — в пяти, в десяти ли одна от другой, и в каждой людей немного. Дунгане и начали грабить их по очереди.

— Наши заимки на краю пустыни, в низовьях реки, и мы успели спастись. Увидели дым, услышали выстрелы, крики, догадались, наскоро собрались и ушли, — рассказывал один.

— Мало кто спасся с Хобука, — прибавил другой, — разве ушли на ту сторону или на солончаки в низовьях. А мы никого не видели.

— Мы шли сюда два дня, надеясь, что найдем здесь воду, корм и калмыков. Ночевали без воды в пустыне, топлива не хватило, ночью у нас волки задавили одного ишака, — сказал третий. — А куда идти теперь, куда бежать дальше?

Эта ночь была еще беспокойнее. У пришельцев плакали маленькие дети, по всему оазису лаяли и выли собаки, словно предчувствуя надвигающуюся беду, мычали коровы, блеяли овцы, ревели верблюды, перекликались люди. Тревога охватила зимовки мирных кочевников.

В МЕРТВОМ ГОРОДЕ

Калмыки с утра стали собираться к перекочевке на юг, и мимо роши один за другим потянулись обитатели северной части оазиса со всем своим скарбом и скотом, женами и детьми. Мерно покачиваясь, проходили верблюды, поднимая пыль с бурьяна, бежали лошади, тесной гурьбой семенили овцы и козы, взад и вперед скакали верховые. На высоком уступе между низовьем реки Дям и котловиной, с которого видна была и пустыня на западе, и долина реки, и спуск с гор Хара-Арат, был выставлен дозор; завидев издали дунган, он должен был подать весть всем замешкавшимся и подгонять отставших.

Расчитывая на это, рудокопы и китайцы, которым уходить в развалины было недалеко, не торопились с отъездом, чтобы дать своим животным время подкормиться плотнее перед предстоящим постом, а сами собирали дрова, нарезали камыш, женщины варили обед. Мафу с утра ушел в Мертвый город, чтобы выбрать подходящее укромное место для убежища.

Перед полуднем снялись и ушли калмыки, стоявшие у рощи. У рудокопов и китайцев все было готово, камыш и топливо связаны в вязанки, все фляги наполнены водой, животные напоены, люди пообедали. Мафу вернулся с известием, что нашел хорошее убежище.

Вскоре после обеда дозорные на уступе замахали и стали поспешно спускаться. Тотчас же тронулся в путь и караван наших беглецов. Мафу повел его сначала по полосе камышей вдоль оазиса, а потом повернул в выходившее из города сухое русло, густо усыпанное мелкой галькой, на которой животные не оставляли следов, могущих привести дунган к убежищу. Только пройдя два или три ли в глубь города, караван повернул в сторону, пересек несколько улиц с развалинами и подошел к месту, выбранному Мафу. Это был кривой тупик между высокими стенами, защищавшими от ветра и солнца. Выход из него на большую улицу почти загораживали развалины башни, оставившей узкий проход, который легко было оборонять от врагов и оберегать от волков. В тупике хватало места и для людей, и для животных.

Беглецы одобрили выбор и расположились в новом убежище; следы, которые вели к нему через улицу, по рыхлой почве, тщательно затерли. Был отдан строгий приказ не шуметь и не разводить огня до наступления ночи, так как первый день казался наиболее опасным. Дунгане, не найдя никого в Орху, могли послать разъезды по окрестностям для поисков. Шум или дым привлекли бы их внимание. Поэтому, выставив двух караульных у входа, все легли спать в тени; сытые животные также дремали, опустив головы.

До сумерек время прошло в полной тишине, караульные слышали несколько выстрелов, донесшихся из оазиса: дунгане, вероятно, охотились на какую-нибудь дичь или отбившийся у калмыков скот. Когда стемнело, развели огонь и стали варить ужин и чай. Костер бросал красные отблески на голые глинистые стены, из которых местами выдавались какие-то странные выступы, то шарообразные, словно ядра, засевшие при стрельбе, то напоминавшие головы фантастических животных, то казавшиеся костями замурованных людей. У подножия расположились хобукские китайцы; женщины кормили младенцев; дети постарше чинно сидели, устремив черные глазки на огонь. Ближе к выходу ишаки тесной группой жевали камыш, и над их серыми спинами выдавалась черная спина коровы. Рядом, свернувшись

клубком, спали собаки. Кучками лежали вещи, вязанки камыша и дров.

Ночь прошла спокойно. У входа сменялись караульные, оберегавшие лагерь от волков; звери выли по соседству и подходили совсем близко; их отгоняли палкой и головнями из костра. Когда солнце поднялось над «крепостью хана», видневшейся на востоке позади ближайших холмов, один из хобукских китайцев спросил Лю Пи:

— Не пора ли послать разведчика в Орху? Он заодно принес бы нам воды. Дунгане, наверно, уже ушли.

— Ты очень торопишься,— вмешался Мафу. — Обехать и осмотреть всю котловину они вчера не могли. Наверно, останутся еще денек и будут рыскать. Да и коням отдохнуть нужно.

— У нас воды не хватит до вечера,— настаивал китаец,— дети очень много пьют.

— Тише, тише! — заговорил подбежавший караульный. — По улице в нашу сторону едут два всадника.

— Далеко? — спросил Мафу.

— Чуть видны.

— Всем пританься, ни звука! — скомандовал лое. — Авось, не заметят, проедут мимо.

— Что делать? — слышались встревоженные голоса.

— А если случайно заглянут?

— Тогда нужно покончить с ними,— заявил Мафу,— иначе они ускачут и приведут всю шайку. Двое с вилами пусть спрячутся возле башни, я приготовлю ружье, еще двое с топорами должны быть наготове. Женщин и детей — назад, вглубь, ишаков — впереди них, чтобы не мешали нам. Лошадей не бить — они нам пригодятся. Людей на вилы — и долой с коня!

— Рысью едут, уже не так далеко,— сообщил караульный,— с ружьями.

— За хуан-янгами поехали. Ну, все по местам! — скомандовал Мафу.

Женщины и дети скучились в глубине тупика; впереди них поставили ишаков и корову, очистив у входа всю площадь для бойцов. Мафу установил на сошки ружье, направив его на вход на высоту груди всадника, насыпал на полку свежего пороха и присел рядом. Два китаец с вилами и два с топорами притаились за развалинами башни, остальные немного поодаль, кто с дубинкой, кто с заступом, Лю Пи со своим топором. Ка-

раульному велели отползти вглубь, как только всадники подъедут совсем близко.

В тревожном ожидании проходили минуты. Вот уже послышались голоса, и караульный прошмыгнул мимо засады вглубь. Все притаилось, с бьющимися сердцами устремив глаза на вход. Но всадники проехали мимо, не заглянув в тупик. Опасность миновала. Однако за охотниками, искавшими антилоп, могли последовать разведчики, осматривающие город в надежде, что в нем калмыки попрятались вместе со скотом. Поэтому караул у входа в тупик был оставлен, а беглецам лое запретил разводить огонь и шуметь.

Проходили часы, солнце поднялось высоко, и между голыми стенами стало душно. Дети плакали и просили воды, чтобы запить сухой хлеб, которым пообедали. Им пришлось отдать последнюю. Около полудня оба всадника рысью проехали обратно. Караульный, выглянувший вслед им, заметил, что у одного за седлом привязана антилопа. Услышав это, Мафу, томившийся от безделья, воскликнул:

— Пойду-ка и я на охоту. Мясо у нас кончилось.

— Смотри, на разъезд дунган наткнешься! — сказал Лю Пи.

— В жару они не поедут, отдыхают теперь. А если встречу одного-двух — я с ними справлюсь. Только надо бы взять ишака, тащить хуан-янга на своих плечах тяжело, придется оставить волкам часть мяса.

Один из хобукских китайцев предложил Мафу своего ишака.

— Только ты сам иди со мной, — заявил рудокоп. — Когда я стану скрадывать хуан-янга, ишака кто-нибудь должен держать, иначе он убежит. Привязать его здесь в городе не к чему, на улицах часто даже маленького кустика нет.

Китаец Си вооружился топором, Мафу взял ружье, и оба отправились по той же улице, по которой вернулись дунгане. Они бродили часа два по пустынному городу, останавливаясь на перекрестках.

Наконец, Мафу заметил в тени круглой башни группу отдохавших антилоп. При виде людей они вскочили, но остались на месте. Мафу велел Си спрятаться за ишаком и не двигаться, чтобы не пугать дичь, не привлекать ее внимание, а сам отполз назад, повернул в боковую улицу и подобрался к той же башне с другой стороны против ветра на верный выстрел.

Антилопы все еще стояли, разглядывая ишака, дре-

мавшего с опущенной головой. Мафу примостился позади остатков стены, направил ружье через отверстие в ней и выстрелил. Одна антилопа рухнула, другие скрылись, проскакав мимо ишака.

В этот раз не пришлось свежевать дичь и оставлять что-нибудь. Антилопу взвалили целиком на ишака и кратчайшим путем пошли к лагерю. Недалеко от места охоты они вышли на широкую площадь. По ней тянулись грядки низких холмов, цвет которых на общем желтом фоне пустыни резко бросался в глаза. Склоны холмов были усыпаны кусочками черного камня, а по гребню тянулась сплошная полоса такого же камня, который уходил жилой вглубь. Таких жил здесь встречалось много, одни в ладонь, другие больше локтя в толщину.

— Это похоже на земляной уголь,— сказал Си, осмотрев кусочки камня.— В Темиртаме, возле Джайра, наши китайцы добывают такой уголь в шахтах.

— Если это уголь, он должен гореть,— сообразил Мафу.— Нам в убежище топливо нужно, дрова кончаются, а это место близко от нас. Я наберу на пробу.

Рудокоп наломал из жилы целую кучу черного камня, оказавшегося очень хрупким и легким, завернул его в кофту и взвалил на плечо.

Солнце уже склонилось к закату, когда путники добрались до убежища. Их долгое отсутствие начало тревожить беглецов, хотя поблизости все было спокойно. Изредка слышны были отдаленные выстрелы в котловине, доказывающие, что дунгане еще не ушли; один выстрел, раздавшийся среди развалин, напугал Лю Пи. В убежище чувствовался недостаток воды, которой животным не давали. Корова от жажды мычала, и это тревожило китайцев: она могла выдать врагам убежище.

— Если покажутся опять дунгане поблизости, придется ее зарезать,— решил Лю Пи.

Спустился вечер. Красное, без лучей, солнце скрылось в пыльной дали, и ночью или наутро можно было ждать бури.

— Если задует хый-фын вечером, мы ночью пойдем к колодцу за водой,— заявил Лю Пи.— Дунгане будут спать, завернувшись с головой, и ничего не услышат.

Стемнело. Зажгли костер и, когда он разгорелся, наложили в него куски черного камня. Он скоро начал плавиться и горел огромным, сильно коптившим пламенем. Часов в десять вечера поднялся ветер. Стоявшая низко ущербная луна почти скрылась за пыльной завесой. Стены убежища защищали беглецов от бури, но

над их головами в воздухе проносились тучи пыли, сыпавшейся и в тупик. Ветер так стонал, выл, плакал на все лады среди башен и стен, что всем стало жутко.

— Ну-ка, ребята, собирайтесь за водой! — сказал Лю Пи. — Я возьму с собой только Пао, Хуна и одного из хобукских. Мальчикам легче подползти к колодцу и набрать воды во фляги.

ХУН В ПЛЕНУ

Скоро три мальчика и Лю Пи, вооружившийся на всякий случай ружьем, пустились в путь с корзинами за плечами. Они пересекли улицу, вышли на сухое русло, где было легче идти, чем по рыхлой почве в развалинах, и направились к оазису, борясь на каждом шагу с бурей, которая налетала порывами и засыпала глаза пылью.

Луна скрылась в тучах, было совершенно темно, и Лю Пи, шедший впереди, едва различал серую почву русла. Часто приходилось останавливаться и поворачиваться спиной к ветру, чтобы передохнуть и прочистить глаза, нос и рот. Поэтому путь до котловины занял целый час. Наконец добрались до камышей и остановились, чтобы прислушаться. В котловине не было видно огня, только ветер гудел в рощах, покрывая все другие звуки.

По окраине камышей осторожно прошли до знаковой рощи с колодцем и здесь, присев в камышовых зарослях, послали Хуна на разведку. Глаза привыкли уже к темноте, да и пыли в котловине было гораздо меньше; поэтому в серой мгле удавалось различать очертания деревьев. Хун медленно пополз к колодцу и вернулся с сообщением, что в роще нет никого, но дальше, среди котловины, виден маленький огонек, а возле него сидят люди и стоят лошади.

Хун и Пао спокойно пошли к колодцу с двумя флягами, котелком и веревкой. Они проворно стали черпать воду и наливать ее во фляги. Первую флягу наполнили, и Пао понес ее в камыши, а Хун налил вторую; она была полна, когда Пао вернулся с третьей, пустой. Так были налиты все четыре фляги, причем последнюю нес Хун. Но, сдав ее сидевшим в камышах, он спохватился, что забыл взять котелок и веревку. Пришлось идти еще раз. На обратном пути он немного сбился, взяв вправо по роще, и вдруг почувствовал, что его кто-то схватил за ногу и грубый голос крикнул:

— Эге, попался, вор! Ты чего тут шатаешься ночью? Хун стал вырываться, но его держали крепко, и тот же голос крикнул:

— Эй, вы, сони, засветите огонь, я поймал чужого, разведчика или вора!

Немедленно с земли поднялось несколько темных силуэтов, послышался скрежет стали о камень, загорелся трут и вспыхнул огонек в заготовленной кучке мелкого хворосту. При свете его Хун увидел, что попал в дунганский караул, расположившийся на окраине котловины. Тут было человек десять, но из-за бури они все лежали, укрывшись с головой, и караулили не очень усердно. Дунгане разглядывали Хуна с любопытством.

— Ты откуда, мальчик? — спросил державший его за ногу.

— Я калмык, — догадался ответить Хун.

— Куда ушли калмыки?

— Далеко, в пески Кобэ, от вас бежали.

— А ты почему остался?

— Меня забыли, я ходил по рощам, заблудился, а все в это время ушли.

— Отчего ты не пошел вслед своим? Дорогу, небось, знаешь?

— Я видел, как вы приехали, испугался и спрятался в камыши. Сутки высидел, не евши, не пивши, и вот пошел к колодцу за водой. Видишь, котелок и веревка у меня.

— А не хотел, кстати, обокрасть нас? — засмеялся державший Хуна.

— Отпустите меня, добрые люди, я хочу пить, очень хочу, — просил Хун.

— Врет он, негодяй, — вмешался другой дунганин. — Сразу видно, что врёт. Говорит, гулял по рощам. А откуда у него котелок и веревка? Что он, с ними все время гулял, что ли? Такой запасливый! Нет, он украл их у наших.

— Ничего я не украл! — возмутился Хун.

— Если это твои вещи, то, значит, тебя не забыли, как ты рассказываешь. Твои родные спрятались где-нибудь поблизости в холмах и послали тебя к колодцу за водой, вот что.

— Пожалуй, это так, — согласился первый.

— Его отпускать нельзя, — продолжал второй. — Мы от него узнаем, где спрятались калмыки со своими стадами.

— Ничего я не знаю! Ничего не могу сказать. Они ушли, меня забыли,— твердил Хун.

— Ну, завтра мы тебя настеем нагайками хорошенько, тогда ты вспомнишь, откуда пришел. Всю шкуру спустим с тебя, а узнаем!

— Нужно связать ему руки и ноги, чтобы не удрал в темноте. Давай-ка веревку!

— Вот он сам и веревку держит для себя! — засмеялся кто-то.

Хун сделал отчаянную попытку вырваться, но его быстро свалили на землю, связали ноги, а руки туго притянули к спине. Хун подумал было позвать на помощь Лю Пи с ружьем, но сообразил, что дунган много; схватка приведет только к гибели рудокопа и других мальчиков и к открытию убежища. Он решил выждать удобный случай к бегству, пользуясь бурей, темнотой и сном дунган. Так как похолодало, а Хун был босой и в летних штанах и куртке, то дунганин, легший возле него, прикрыл его краем своего ватного халата.

Хун лежал с открытыми глазами и ломал голову над тем, как ему освободиться. Дунгане курили трубки и разговаривали.

— Отчего вы так поздно вернулись с охоты? — спросил чей-то голос.

— Очень далеко заехали,— ответил другой. — Я подкрался к хуан-янгам, подстрелил одного. Мы погнались за ним, гнали, гнали по следам. Так и не догнали.

— А Янг и Чжан до сих пор не вернулись с охоты,— сказал другой,— наверно, заблудились.

Дунгане поговорили еще немного, но постепенно сон одолел их; огонек догорел и погас, в роще стало темно.

Лю Пи и оба мальчика, сидевшие в камышах в ожидании возвращения Хуна шагах в тридцати от дунган, слышали шум, голоса, увидели огонек и людей и догадались, что бедный мальчик попал в руки врагов. Лю Пи взялся было за ружье, но стрелять он умел плохо и понял, что стычка кончится не в его пользу.

«Хун — мальчик ловкий, он сам улизнет, ночь еще длинна», — подумал он и, взвалив себе на спину вторую корзину, назначенную для Хуна, поспешно ретировался со своими спутниками подалее в камыши, опасаясь, как бы дунгане не вздумали пошарить вокруг своей стоянки после поимки ночного гостя. Помедлив еще немного и видя, что огонь продолжает гореть и люди бодрствуют, он решил идти в убежище и посоветоваться с Мафу, как освободить пленника.

Обратный путь оказался не легче. Ветер повернул и дул не в спину, а в бок, по-прежнему засыпая глаза песком и пылью, сдуваемыми с развалин; дорога шла в гору, а за плечами был довольно большой груз. Наконец, прошагав вверх по руслу, вышли на улицу и увидели прямо против себя среди серой мглы темную массу, над которой висел красноватый отблеск; это костер в убежище освещал пыль, наполнявшую воздух. Тотчас же их окликнули караульные.

Свежая вода оживила всех. Сейчас же налили чайники и поставили на огонь. Но когда Лю Пи рассказал, что эта вода стоила свободы Хуну, лица у всех вытянулись, и многие подумали, что мальчик едва ли вернется. Особенно огорчился лое, успевший полюбить бойкого и смышленного подростка.

— Нужно освободить его до утра,— сказал он.— Нас тут девять мужчин, мы имеем три ружья, три топора, двое вил, две сабли. Если мы перед рассветом нападём на сонных дунган,— их человек десять только, говоришь ты,— мы их можем одолеть.

— Но по соседству их гораздо больше, и остальные прибегут на помощь. Без шума ведь дело не обойдется. Нет, лое, твое предложение не годится, мы только зря погибнем, а его не спасем,— заявил Лю Пи.

— Если Хун не вернется через час,— сказал Мафу,— я пойду прямо к ним, выдам себя за одного из них. В темноте они не разберут. Высмотрю, где Хун, и мы вместе удерем, когда они опять заснут.

Вода в чайниках вскипела. Мафу напился чаю и подкрепился еще шашлыком. Полночь, вероятно, уже миновала, но так как звезд не было видно, то определить время никто не мог. Хун не являлся. Мафу взял ружье и отправился. Лю Пи проводил его до русла и сообщил, сколько шагов насчитал Пао до камышей.

— Да пошлет тебе небо удачу!— пожелал он ему при расставании.

Хый-фын завывал по-прежнему, и его порывы чуть не валили с ног. Мафу надвинул шапку на глаза и шел ощупью по руслу, считая шаги, по временам останавливаясь и поворачиваясь спиной к ветру, чтобы отдышаться. Но вот под ногами зашуршали камыши; рудокоп осмотрелся и увидел впереди рошу, чуть выделяющуюся в серой мгле. Он пошел прямо к ней и, достигнув первых деревьев, начал кричать попеременно с дунганскими ругательствами:

— Где вы тут попрятались, шайтан бы вас взял, за-
снули, что ли, караульные!

Вскоре из темноты послышался сонный голос:

— Эй, кто там идет? — И одновременно Мафу услы-
шал поблизости испуганный храп лошадей, а в не-
скольких шагах дальше споткнулся о чье-то тело и вы-
ругался еще раз.

— На самой дороге лег, другого места не нашел!

Потревоженный тоже выругался и сонным голосом
спросил:

— Это кто, Чжан и Янг? С добычей? Где так долго
пропадали?

— Заблудились в этих проклятых развалинах, очень
далеко заехали, песок глубокий, кони пристали. Янг
еще идет, его конь совсем замотался.

— Добыли что-нибудь по крайней мере? — спросил
другой голос.

— Одного хуан-янга привез.

— Хорошо, завтра шашлык будет.

— Недурно бы сейчас, да ветер не даст жарить.

Во время этого разговора Мафу присел вблизи со-
беседника, достал трубку, высек огонь, закурил и при
слабых вспышках табака старался рассмотреть распо-
ложение спавших людей и узнать, где сидит Хун.

— А мы тут калмычонка поймали, — продолжал дун-
ганин, зевнув. — Завтра будем его сечь, чтобы он ска-
зал, где спрятались калмыки.

— Вот как! — сказал Мафу. — Я днем в развалинах
тоже наткнулся на одного, хотел подстрелить, да он ус-
пел спрятаться. Не этот ли самый? Где он?

— Он лежит возле десятника связанный. Завтра уви-
дишь.

Хун, все время не спавший, сразу узнал голос Мафу,
но не верил своим ушам. На всякий случай, чтобы по-
казать, где он лежит, он сказал громко и жалобно:

— Добрые люди, дайте поест, я уже больше суток
голодаю!

Дунганин фыркнул, а Мафу проговорил:

— Подожди до утра, мальчик! Мы тебя так накор-
мим нагайками, что ты станешь совсем красный¹.

Теперь Хун не сомневался, что Мафу пришел за ним,
и успокоился.

Мафу громко зевнул и сказал:

— Поспать нужно, очень я устал. Полночь, наверно,
миновала.

¹ По-китайски красный — «хун».

— Спи, спи! — проворчал дунганин. — В такую погоду никто не станет тревожить нас.

Рудокоп осторожно шагнул через несколько спящих и опустился возле Хуна. Рядом десятник храпел глубоко и равномерно. Мафу растянулся на земле, и тотчас же его рука стала ощупывать мальчика, чтобы найти узлы его пут. Медленно и осторожно они были развязаны, руки и ноги распутаны. Покончив с этим, он притянул к себе голову Хуна и шепнул ему на ухо:

— Полежи смиренно, пока руки и ноги не отойдут, у нас времени много. Пусть все опять заснут.

Кровь, приливавшая теперь в онемевшие, туго стянутые члены Хуна, сильно колола тело, и мальчик закусил губы, чтобы не стонать. Только через полчаса боль утихла, и он почувствовал, что может владеть своими руками и ногами. Он ждал теперь дальнейших указаний от Мафу — и вдруг услышал над самым своим ухом хорошо знакомый ему храп рудокопа.

«Ой, ой, Мафу заснул», — подумал Хун в ужасе. Он знал по опыту, что разбудить уснувшего рудокопа очень трудно.

«Что же делать? — тревожился мальчик. — Если я начну его тормошить, он станет громко ругаться сквозь сон, как всегда, и разбудит других. А не трогать — он проспит до утра, и мы оба пропали».

Он нашел руку Мафу и стал ее гладить, щекотать, но это не помогало. Рудокоп спал богатырским сном.

Чтобы самому не заснуть, Хун, вспомнив ночь на холмах вдвоем с Пао, начал считать до пятидесяти и опять до пятидесяти, загибая каждый раз по одному пальцу. Он не знал, что однообразный счет усыпляет. А он достаточно намаялся за последние часы, молодость взяла свое, и Хун, загнув только пять пальцев, крепко заснул.

Прошел час, другой, третий. Буря бушевала по-прежнему, но в роще между стволами толстых тополей чувствовалась не так сильно. То громче при сильных порывах, то слабее шумели их вершины; сухие ветки и полусохшие листья по временам срывались и падали на спящих, укрывшихся с головой от пыли, которую мело по земле. Ближился уже рассвет; серая мгла ночи стала чуть светлее.

ОГНЕННЫЙ СМЕРЧ

И вот Хуну приснилось, что он опять в шахте, стоит возле Мафу, который долбит жилу и ругается. Из-под кайлы сыплются огромные искры, брызжут кусочки

кварца, словно град. Вот отскочила огромная глыба и катится прямо на его ноги. Хун вскрикнул от ужаса, чувствуя, что не может сдвинуться с места... и проснулся. Он поднял голову, в недоумении оглянулся... и вспомнил, что с ним произошло.

«Я тоже заснул,— подумал он,— хорошо, что еще темно. Но теперь нужно будить Мафу».

Он стал щекотать руку рудокопа, потом полез к его лицу и хотел зажать ему нос: давно испытанное крайнее средство. В это время его ухо, лежавшее на земле, уловило глухой гул, словно топот многих скачущих лошадей.

«Что это? — подумал мальчик. — Новая шайка едет сюда или кони дунган сорвались и удрали?»

Топот усиливался, и вдруг, несмотря на гул ветра в листве, воздух задрожал от протяжного многоголосого рева. Вслед за ним послышались дикие крики и беспорядочные выстрелы.

— Эй, эй, на коней, на коней, живее, на нас напали! — раздался окрик возле Хуна.

В роще началась суматоха. Сонные люди вскакивали, толкая друг друга, наступая на лежащих. Хун приподнялся. С него сдернули халат; это десятник одевался, ругаясь. На соседнем лугу уже шел бой; на расположенную там часть главного отряда дунган наскочила какая-то конница, рубила и колола сонных, застигнутых врасплох людей. Дикие крики, ржание и храп лошадей покрывали голоса бури. Кто-то ткнул сапогом Мафу и крикнул:

— Поднимайся же, соня, шайтан ленивый, скорее на коня!

Мафу, наконец, проснулся и приподнялся, дико озираясь кругом.

— Мафу, очнись, нам спастись надо! На дунган кто-то напал, они все побежали к коням, очнись же, очнись! — говорил Хун, теребя его за одежду.

Рудокоп сразу пришел в себя, вскочил, схватил за руку Хуна, в другую руку ружье и побежал к камышам.

— Эй, куда тебя понесло? Коня направо! — раздался чей-то голос.

Но беглецы, перебежав через рощу, кинулись в камыши и притаились среди них.

Калмыки через разведчиков узнали, что дунган всего около полусотни, и решили напасть и перебить их. Сотня всадников, вооруженных копьями, саблями, ружьями, тихо подъехала к лагерю дунган и, как толь-

ко стало светать, атаковала их конным строем, быстро окружив и отделив от привязанных вблизи коней. Дунгане отчаянно защищались, но половина сразу же выбыла из строя, а остальные, сомкнувшись в кучу, отбивались от нападающих. В это время человек десять дунган, ночевавших в роще, подоспели на лошадях на помощь, и битва стала ожесточеннее. Теперь падали и калмыки.

Но бой скоро решился не в пользу дунган, и уцелевшие пустились в бегство, кто пешком, кто на коне, преследуемые калмыками. Уйти удалось очень немногим, скрывшимся в соседней роще. Один пеший беглец нырнул в камыши вблизи того места, где спрятались Мафу и Хун. В преследовавшем его всаднике они узнали калмыка и поняли, в чем дело. Калмык у них на глазах заколол дунганина.

В это время на севере, совсем близко и в нескольких местах сразу, появились огненные языки. Дунгане, чтобы остановить преследование и отомстить калмыкам, зажгли траву и бурьян. Почти вся растительность уже посохла, даже листья на деревьях свернулись от жары. Огонь, раздуваемый бурей, понесся ураганом на юг по котловине.

Началась паника. Спешившиеся калмыки, которые на поляне приканчивали раненых дунган и собирали оружие, вскочили на коней, подняли своих раненых и, окружив дунганских лошадей, помчались в карьер на юг, подгоняемые огнем. По зарослям бурьяна лились потоки пламени, клубы черного дыма извивались в воздухе, снопами летели искры, горящие ветки. Огненные шары падали на землю и зажигали бурьян; впереди общей линии огня то тут, то там сразу вспыхивало пламя.

Огонь охватил и рощу. Языки его, пожирая листву, взбегали по тополям до вершины, и в несколько минут вся роща представляла собой гигантский факел. Красные бичи извивались среди клубов дыма и снопов искр. Треск и вой пламени покрывал гул ветра. Потом огонь, спалив листву, падал, оставляя позади оголенные, дымящиеся скелеты деревьев, на которых в разных местах тлели и сыпали искры сухие сучья и ветки. Воздух, наполненный пылью и дымом, прорезался в разных направлениях красноватыми снопами света и точно сам раскалился и пылал.

Мафу и Хун сразу поняли, что не миновать огня и полузасохшим камышам, в которых они укрылись. Они бросились бегом к окраине Мертвого города, взобрались

на ближайший холм и здесь присели, переводя дух и наблюдая ужасную картину степного пожара. Беглецы ушли вовремя; едва они взобрались на холм, как загорелись камыши, и меньше чем через две минуты вся полоса, отделявшая рощу от города, представляла собой огненную реку; жар чувствовался даже на холме. Роща, где они провели тревожную ночь, также пылала. Еще минут пять — и все пожарище передвинулось стеной на юг, оставляя после себя голые, черные, дымящиеся площади, где в разных местах догорали толстые кусты и валежник. От того мгновения, когда Хун услышал топот лошадей, до момента, когда пожарище пронеслось на юг, прошло менее получаса. Стало уже совершенно светло, и буря начала ослабевать.

— Пропали все калмыцкие зимовки, — сказал Мафу, следя за удалявшейся стеной огня. — Теперь до весны, когда пойдет свежая трава, калмыкам здесь не жить, корма даже для козы не осталось.

— Нам тоже здесь не жить: у нас ведь ишаки, — прибавил Хун.

— Да, придется уходить куда-нибудь. Но сегодня мы можем спокойно пригнать сюда своих животных на водопой.

Огонь был уже далеко на юге, когда Хун и Мафу спустились с холма и направились в глубь города. В убежище они застали всех в сильной тревоге. Долгое отсутствие Мафу обеспокоило беглецов; потом они услышали стрельбу, увидели страшный огонь и дым над котловиной и не могли понять, что там случилось.

Отдохнув, Мафу вместе с Лю Пи и всеми взрослыми хобукскими китайцами погнали животных на водопой. Когда они были уже на половине пути, позади них вдруг послышались топот и ржание.

— Дунгане! — кричал Си и бросился в сторону, а за ним и остальные китайцы, чтобы укрыться в развалинах.

Мафу остался у ишаков. Он только что успел приготовить ружье, как из-за поворота показалась лошадь без всадника. Она весело заржала и, подбежав к Мафу, остановилась.

— Эй, вы, трусы! Вернитесь назад! — крикнул Мафу, смеясь.

Один за другим беглецы стали выходить из-за развалины.

— Это дунганская лошадь! — сказал Лю Пи. — Она нам пригодится.

Миновали камыши, представлявшие теперь черную впадину с остатками стеблей, с которых ветер сдувал пепел; уныло стояли тополя, голые, обгорелые. Куда ни глянь, кругом все было черно и мертво, а вдали, на юге, еще поднимались клубы дыма.

В роще валялись разные вещи, оставленные дунганами в суматохе: кисеты, мешочки с мукой и просом, несколько шапок. Пока поили животных, Мафу, Лю Пи и Си сходили к месту боя. Здесь лежали трупы дунган в обгорелой одежде с обожженными волосами и почерневшими лицами; валялись сабли, ружья, пороховницы, мешочки с пулями, сломанные копыя калмыков, котелки, чайники. Черной массой высилась мертвая лошадь с опаленной шерстью; между сморщенными губами ее зловеще скалились белые зубы. Среди мертвых находились два калмыка, которых их соотечественники, очевидно, не успели подобрать из-за надвинувшегося пожара.

При виде лошади Си просиял:

— Вот и мясо, на несколько дней хватит!

— Только нужно его теперь же забрать, иначе волки нам мало что оставят,— предупредил Лю Пи.

Вообще поживы было много. На месте, где почевали дунганы, лежали мешки с мукой и просом; они обгорели сверху и лопнули; желтые и белые струйки сползли на землю.

Беглецы привели животных и собрали все, что могло пригодиться, сняв с мертвых одежду и обувь. Для муки и проса нужны были новые мешки взамен сгоревших, и их делали из штанов дунган; такой двойной мешок прекрасно ложился на спину ишака.

Вскоре весь караван был нагружен такими вьюками. Мертвую лошадь разрубили на части и навьючили ишаков. Взяли ружья, сабли, пороховницы, мешки с пулями, трубки, кисеты с табаком, котелки, чайники. Не трогали только трупы калмыков, чтобы не оскорбить их соотечественников, которые могли приехать на место боя.

Тяжело нагруженный караван вернулся в убежище лишь к обеду. До вечера все были заняты пересмотром и дележом собранного имущества, а женщины — очисткой муки и проса, загрязненных золой и обгоревшей тканью.

Вечером решали, что делать дальше. Хобукские китайцы не хотели удаляться от своего местожительства, надеясь, что дунгане скоро уйдут с Хобука и они смогут вернуться в свои фанзы и к своим полям. Они решили

перекочевать в северную часть котловины, ближе к озеру Улусту, оставшуюся по ту сторону пожара и уцелевшую; там был и корм для животных, и вода. Но рудокопам это не улыбалось. Лю Пи хотел пробраться к своей семье в Манас, надзиратель мечтал об Урумчи, где он мог сдать казенное золото, а Мафу желал попасть в город, где можно было бы продать золото, купить домик и жениться. Поэтому на следующий день беглецы, сдружившиеся за несколько дней, пережитых вместе среди тревог и опасностей, разделились: хобукцы пошли на север, рудокопы — на юг. У последних теперь, кроме трех ишаков, была лошадь, на которой они ехали по очереди; все взрослые получили ружья, Хун — пистолет, а Пао — саблю. В случае нападения нескольких человек караван не был уже беззащитен. Пополнились также запасы табака, соли, муки и крупы.

Целый день караван шел по пожарищу, уничтожившему зеленый оазис Орху; почерневшие остатки рощ чередовались с выгоревшими дотла полянами и зарослями кустов, представлявшими теперь черную щетину. Сильно пахло гарью; каждый порыв ветра вздымал и крутил в воздухе столбы пепла, обуглившихся стеблей и листьев. Кое-где дымились, догорая, стволы сухих или упавших деревьев. Местами попадались трупы опаленных полевых мышей, мелких птиц, ворон, а также фазанов и зайцев, которых набрали больше десятка.

К вечеру через ворота — суженную котловину Орху — вышли к озеру Айрик-нур; пожар прекратился, не доходя до озера, за недостатком горючего, так как дно котловины представляло собой солончак с редкими кустами тамариска и вязкой почвой. Этот солончак окаймлял озеро, отделяясь от него широкой полосой зеленых камышей. Манили к себе зеркало воды и зеленый корм, но подступиться к ним оказалось невозможным. Мафу поехал было вперед, но через сотню шагов его лошадь начала вязнуть, и ему пришлось слезть, чтобы животное могло выбраться из вязкой грязи солончака.

Остановились возле сухого русла Дяма, где еще сохранились от огня отдельные площадки камыша. Чтобы добыть воду, начали копать яму в русле.

Мафу и Лю Пи чередовались в этой работе, пока мальчики бродили по окрестности, собирая скудное топливо, а лое караулил животных. Внезапно послышался топот, и десяток вооруженных калмыков окружили лагерь.

— Сдавайтесь, разбойники! — крикнул предводитель,

размахивая саблей. — Вы сожгли наши зимовки, и мы должны отвести вас к нашему хану; он расправится с вами как следует.

— Амур сайн бейна! — произнес Мафу, вылезая из ямы, монгольское приветствие. — Разве не видите, что мы не разбойники, а китайцы, и сами от дунган спасаемся? Мы стояли в Орху вместе с вами, когда пришли дунгане, а потом спрятались в Мертвом городе.

— Верно, это рудокопы, — воскликнул один из калмыков, узнавший Мафу.

Калмыки подъехали ближе, спешили и подсели к беглецам. Завязалась беседа.

— Там, на месте боя, двое ваших лежат, — сказал лое, — вы их похороните?

— Зачем? — удивился предводитель калмыков. — Мы своих мертвецов не хороним, как вы, а выносим их в степь и оставляем лежать. Таков у нас обычай. Душе не нужна мертвая оболочка, пусть тело ест, кто хочет. Душа сейчас же после смерти человека переходит в новорожденного младенца. Только святых людей, лам, хоронят, чтобы их оболочку не осквернили звери.

— Нельзя ли к озеру подойти, чтобы воды взять? — спросил Лю Пи.

Калмыки засмеялись.

— Видно, вы степи не знаете! В этом озере вода теперь соленая, даже верблюды пить не станут. Только весной, когда в Дяме течет много воды, а из озера она стекает дальше в Телли-нур, ее можно пить, — ответил один.

— Воду в русле вы найдете, — сказал предводитель. — До пояса опуститесь, вода ключом пойдет.

Калмыки, наговорившись, вскочили на коней и умчались на запад, огибая грязный солончак.

ОТШЕЛЬНИК ЧЕРНЫХ ХОЛМОВ

Оставив впадину озера, беглецы шли два дня по пустыне, среди которой попадались небольшие оазисы в низких местах или вокруг ключей. На второй день, миновав полосу рощ и зарослей, они подошли к берегу большого озера Айран-куль, в которое впадает река Манас. Это озеро было пресное, и в нем водилось много мелкой рыбы. Густые камыши покрывали его берега и заходили далеко в мелкую воду, образуя зеленые полуострова и даже острова, недоступные для человека, но служившие убежищем бесчисленным стаям водяной

птицы при ее перелетах на юг. Повсюду плавали, крикая на разные лады, различные породы уток, гоготали гуся, носились стаи куликов, турухтанов, чибисов, дупелей, бекасов, оглашая воздух своими криками. После безмолвия пустыни богатая жизнь на берегах озера поражала беглецов.

— Вот начался наш Манасский край,— сказал Лю Пи.— Теперь воды, корма и топлива всегда будет много. Только бы нам не напороться невзначай на какую-нибудь шайку! Ночью уже не придется разводиться огонь, на него худой человек как раз и набежит.

— Как же без огня? — спросил лое.— Волки могут съесть наших животных. Тут, говорят, даже тигры водятся.

На ночь устроились на берегу маленького залива, на чистом месте среди камышей. Хуну снились тигры, и он вскрикивал и просил дать ему ружье. Но все было спокойно.

Следующий день шли то вдоль окраины камышей, то по глинистым площадям с мелкими кустами, то поднимались на пустынную террасу, окаймлявшую низину реки, если камыши подступали к ее подножию. С террасы видно было с одной стороны зеленое море камышей, среди которого скрывалось русло реки, с другой — невысокие и голые горы южной цепи Джаира. К вечеру Лю Пи, ехавший впереди, свернул в сторону этих гор.

— Куда ты повел нас? — поинтересовался лое.— Нам пора бы свернуть ближе к реке для ночлега.

— На реке есть только одно чистое место, где можно ночевать,— ответил Лю Пи.— Это брод Тас-Уткель. Он лежит на большой дороге с рудников на Манас. Другого брода вблизи нет, и все дороги к нему сходятся. Поэтому ночевать возле него опасно.

Миновав ряд оврагов, врезанных в террасу, караван спустился в широкую, плоскую долину, которую с реки не было видно. Среди нее тянулись длинной цепью странные плоские холмы, местами совсем черные, местами желтые, местами зеленые от мелких кустов и камыша. С севера долину окаймляли откосы террасы, голые, усыпанные галькой. Лю Пи проехал между двумя из этих холмов к откосу и привел караван к маленькой фанзе, затерявшейся среди кустов.

— Вот здесь будем ночевать,— заявил он.

— А где же вода? — спросил Мафу.

— Вот там на холме,— засмеялся Лю Пи, указывая на вершину ближайшего холма.

— Если бы я не знал, что ты добрый человек,— сказал лое,— я бы подумал, что ты издеваешься над нами.

— А вот пойдем наверх, сами увидите,— сказал Лю Пи.

Животных привязали к кустам на чистой площадке у фанзы, и все взобрались на холм. Его склон поднимался неровными уступами из какого-то матово-черного камня, которые словно образовали лестницу среди желтой глины, тянувшейся рядом в виде откоса. Не доходя вершины холма, Лю Пи свернул с лестницы в сторону, но мальчишки, не отстававшие от него, не последовали его примеру. Вдруг Хун, а за ним и Пао вскрикнули — к одной из ступеней они оба прилипли.

— Ой, это какой-то черный клей! — сказал подошедший к ним Мафу.

Подхватив Хуна, а затем и Пао под мышки, он и лое отодрали их ноги от липкой ступени и стали с любопытством рассматривать ее, трогая пальцами черную массу. Лю Пи стоял уже на вершине и хохотал.

— Идите же сюда! — крикнул он. — Здесь тоже есть на что посмотреть!

Поднявшись на плоскую вершину холма, все четверо подошли к Лю Пи, который стоял на краю небольшого бассейна, наполненного водой; на ее поверхности плавали пленки какой-то черной густой жидкости.

— Вот вам и вода! — сказал Лю Пи.

— Неужели такую воду можно пить? — удивился Пао.

Мафу, привыкший во время своей скитальческой жизни пить воду гораздо более противного вида, нагнулся, осторожно зачерпнул пригоршню, стараясь, чтобы в нее не попала черная жидкость, поднес ко рту и хлебнул.

— Пахнет дегтем, но не соленая, пить можно,— сказал он.

В это время на неглубоком дне бассейна забурлило, и на поверхность воды поднялся ряд пузырей, которые лопнули, а на месте их осталась тонкая черная пленка.

— Но скажи же, Лю Пи, что это такое? — спросил надзиратель.

— Это каменное масло, которое идет из земли вместе с водой,— ответил рудокоп. — К нему мальчишки и прилипли; но когда оно загустеет, то делается твердым, как камень. Весь этот холм состоит из него и из песка, который принесен ветром.

— Весь этот холм из масла! — воскликнул Хун с изумлением.

— Да, целиком, как и другие холмы, которые вы видите по обе стороны. Все они выросли здесь в течение многих тысяч лет. Каждый раз, когда со дна ямы идут пузыри, они выносят немного масла. Оно накапливается здесь в воде, потом стекает через край, течет вниз и мало-помалу густеет и твердеет.

— Это масло вроде дегтя? — спросил Мафу.

— Да, им мажут оси у телег, сбрую, даже раны на спине у лошадей и ишаков. Его привозили и на рудники, чтобы смазывать ось мельницы.

— Вот оно что! — воскликнул надзиратель. — А я думал, что лавочник привозил мне деготь. Но кто же собирает его здесь?

— Прежде здесь летом всегда жил китаец, который каждый день ходил по холмам, собирал ложкой в ведро масло, набежавшее за сутки, и сливал его в бочку у фанзы.

Раз или два в месяц приезжал лавочник с рудников или из Дурбульджина и увозил масло.

— Если оно вроде дегтя, то должно гореть? — спросил Мафу.

— Да, оно горит, — ответил Лю Пи. — И этот черный камень тоже хорошо горит.

— А не был ли тот земляной воск, который я нашел в Мертвом городе, тоже из каменного масла¹? — догадался Мафу.

— Может быть, — ответил Лю Пи. — Но только там ни воды, ни жидкого масла ты не видел, а воск лежал жёлой в земле, словно кварц с золотом.

Путники принесли флягу, котелок, чайник, чашку, наполнили их водой и спустились с холма.

Расположились недалеко от фанзы, возле которой действительно стояла большая бочка с каменным маслом. Мальчики обмакнули в него сухие прутья, которые они набрали, и положили их в костер. Масло прекрасно горело, но давало сильную копоть, поэтому рудокопы решили употреблять его только для ночного костра, но не для варки пищи.

¹ Рудокоп высказал верную мысль: в Мертвом городе он видел жилы асфальта, а здесь путешественники встретили выходы густой нефти, которая на воздухе постепенно твердеет и превращается в кир, то есть тот же асфальт, но несколько другого вида.

Фанза казалась нежилой; дверь в нее была полуоткрыта. Возвращаясь с охапкой кустов, Пао заглянул внутрь и тотчас закричал:

— Ой, в фанзе мертвый человек!

На крошечном кане в глубине фанзы лежал китаец, прикрытый рваным халатом. Но когда Мафу и Лю Пи подошли к нему, он открыл глаза и зашевелил губами. Он был страшно худ, кожа да кости, глаза ввалились, сморщенные губы потрескались.

Лю Пи наклонился к нему и с трудом расслышал хриплый шепот:

— Воды, воды!

Принесли чашку воды и, приподняв несчастного, дали ему напиток.

— Дайте мне поесть,— прошептал китаец.— Я две недели уж ничего не ел...

— Скоро поспеет пшенная каша,— сказал Лю Пи,— мы принесем тебе, потерпи немного.

Оставив больного в фанзе, все вернулись к огню.

— Это, наверно, и есть сборщик масла,— сказал Лю Пи.

Больного опять напоили и кормили несколько раз небольшими порциями; в промежутках между приемами пищи он крепко спал. Лагерь перенесли на ночь к дверям фанзы, и дежурный продолжал время от времени давать ему воду или жидкую пищу. Ночью горело несколько костров из каменного масла.

К утру больной настолько окреп, что мог уже встать и разделить завтрак путников. Он рассказал им следующее:

— Я тут живу с весны, собираю масло. Каждые полмесяца за ним приезжали и привозили мне муки, пшена. Но уже больше месяца никто не приезжает. У меня еда кончилась, но я думал, вот-вот приедут, каждый день ждал; пил только воду. Потом начал слабеть, перестал собирать масло, все лежал и два раза в день выходил попить воды. Но и это стало трудно, едва ноги двигались. Вчера я уже совсем не мог встать, думал, что умру. А за маслом так никто и не приезжал.

— Теперь масло долго никому не понадобится, и тебе здесь делать нечего,— заметил лое.

— Мы возьмем тебя с собой,— сказал Лю Пи.— Мы пробираемся в Манас, а там какая-нибудь работа найдется.

Чунг (так звали китайца) поклонился Лю Пи до земли и сказал:

— Пойду с вами, куда хотите, только дайте мне еще день отдохнуть.

Рудокопы согласились остаться на день; хотя корм был небогатый, а вода имела плохой вкус, зато уединенность места позволяла дать отдых животным и людям, не опасаясь нападения врагов.

Рудокопы обошли все холмы, на вершинах которых выделялось каменное масло. Их было семь, и на каждом они нашли яму с водой и пленкой жидкого масла. Несколько дальше на восток высились еще три холма, и на одном из них, по указанию Чунга, нашли яму с более чистой водой, которой он пользовался, пока мог ходить.

Холмы, которые посетили наши путешественники у южного подножия Джаира, представляли собой месторождение нефти. Она поднималась здесь вместе с водой и газом по трещинам из более глубоких слоев, где залежала в большом количестве, заполняя все промежутки между зернами рыхлых песчаников. На воздухе нефть теряет свои наиболее летучие составные части, окисляется, густеет и, наконец, твердеет, превращается в кир. Так в течение многих веков из маленьких струек нефти, вытекавших на поверхность земли, выросли большие холмы, в которых к густевшей нефти примешивались носимые ветрами песок и пыль.

Нефть образуется в мелких морях и морских лагунах (заливах) из водорослей и планктона, то есть очень мелких морских растений и животных, плавающих в поверхностных слоях воды. Отмирая, они накапливаются большими массами на дне водоемов, где их перекрывают песок и ил, выносимые реками в море. Подобно тому, как на суше в болотах из мхов, отмерших кустов, упавших деревьев постепенно образуется торф, а позже (когда болото затопляется морем или озером, которые покрывают торф слоями песка и ила) из него получают пласты каменного угля, так и на дне морей из накоплений морских растений и животных со временем образуется нефть. Ее всегда сопровождает соленая вода, пропитывающая песок и ил, а также газы, выделяющиеся при образовании нефти. Эти газы своим давлением выталкивают нефть и воду на поверхность, если имеются трещины, проникающие сверху до нефтеносных слоев.

Жилы твердого асфальта, которые путешественники видели в Мертвом городе, также образовались очень

давно из густой нефти, поднимавшейся по трещинам на поверхность и постепенно заполнявшей их. Вероятно, и над этими трещинами прежде возвышались холмы из кира с выходами нефти, воды и газа. Но когда трещины совершенно заполнились, выходы были закрыты, рост холмов прекратился, а самые холмы уничтожены процессами выветривания и размыва. Остались только жилы асфальта, заполняющие трещины. В Мертвом городе таких жил около двенадцати, и они хорошо видны благодаря черному цвету асфальта, выделяющемуся среди желтых и розоватых песчаников и глин. Некоторые из них имеют около метра толщины, другие — только 10—30 сантиметров. Песчаники, пересекаемые этими жилами, пропитались нефтью во время ее выделения, отвердели («закированы», как говорят) и лучше сопротивляются выветриванию. Поэтому они и образуют гряды холмов, на гребнях которых выходят жилы асфальта.

Таким образом, пустынный хребет Джаир богат не только золотом, но и нефтью и углем, залегающим пластами у его северного подножия.

На следующий день отправились дальше. Мафу уступил Чунгу свою лошадь, а сам шел пешком. Пришлось вернуться на несколько километров назад к броду через Манас, который оказался нешироким, но довольно глубокоим, так что вещи перевозили на лошади, чтобы не подмочить вьюки.

За рекой началась местность другого характера: чередовались рощи тополей и джигды, заросли кустов, песчаные бугры, поросшие тамариском, и поляны; попадались сухие русла, заросшие камышом, весной затопляемые рекой. Чтобы не наткнуться невзначай на дунган, приняли меры предосторожности: Лю Пи и Мафу шли шагах в пятистах впереди каравана. Под вечер вдруг услышался топот. Тревога, впрочем, оказалась напрасной, так как пробежало только несколько лошадей, по-видимому одичавших.

На ночлег свернули с большой дороги в сторону реки, которая была заметна издали по кайме высоких деревьев. Остановились в роще, отделенной от воды полосой камышей.

Уже смеркалось, и потому прежде всего занялись сбором топлива на ночь. Потом рудокопы стали развьючивать животных, мальчики разводили огонь, а Чунг с

чайником и котелком пошел к реке за водой. Едва он успел скрыться в камышах, как оттуда раздался отчаянный крик, затем сильный плеск... и все стихло.

Бросив животных, побежали к реке. Через камыши шла узкая тропа, которая делала изгиб и затем, расширившись, упиралась в воду. Река, еще освещенная отсветом неба, быстро катилась, шевеля камыши, росшие в воде. Темной стеной стояли деревья и кусты противоположного берега. По одну сторону тропы в камышах лежал на боку котелок, по другую — чайник, а Чунг исчез бесследно. Берег не был обрывист, и, даже споткнувшись и упав в воду, легко было удержаться за камыши.

— Чунг, Чунг, Чунг, где ты? — закричал Мафу во все горло.

Все трое стояли в полном недоумении. На призыв никто не отзывался. Оглянувшись кругом, Лю Пи заметил, что слева, не доходя берега, в стене камыша чернела брешь, узкий темный коридор между высокими стеблями.

Мафу, наломав сухих стеблей, высек огонь, зажег их и при свете огня стал рассматривать следы на тропе. Почти у воды, на влажной почве все увидели отпечаток лапы величиной с небольшую тарелку, глубоко вдавшийся в ил. След был совершенно свежий, так как из ила еще выступала каплями и скоплялась в углублении вода.

Все трое поняли без слов, что случилось с несчастным, и с ужасом смотрели на зловещий след, пока не догорел пучок стеблей. Потом, подобрав посуду и набрав воды, они вернулись к месту стоянки, где в сгустившихся сумерках под сводом деревьев уже горел костер. Мальчики встретили их вопросом:

— Где Чунг? Что случилось?

— Тигр унес Чунга, — ответил Лю Пи.

— Так идем скорее спасать его! — воскликнул Хун.

— Пока мы найдем зверя ночью в камышах — от человека мало что останется, — сказал Мафу с досадой.

— Неужели ничего нельзя сделать? — сказал Хун со слезами в голосе.

Пао смотрел на взрослых глазами, расширенными от ужаса.

— Ночью и без собаки ничего нельзя сделать. Даже если бы тигр унес тебя, я бы не пошел отбивать. Вот

завтра мы его попробуем выследить, он будет сытый и сонный.

— Бедный, бедный Чунг! И зачем только мы взяли его с собой? Там в своей фанзе он был бы жив,— сказал Пао.

— Спасли его от голода, чтобы отдать на ужин тигру,— прибавил Хун.

— Но ведь нам нужно напоить животных на ночь,— заявил Хун.

— Как же быть?

— Мы пойдем с огнем, тогда он не тронет,— ответил Мафу.

Печальный и молчаливый ужин был в этот вечер у рудокопов. Даже Мафу лишился своего хорошего аппетита. Взоры всех невольно обращались к зловещей стене камышей у реки; так и казалось, что вот-вот раздвигнутся сухие стебли и появится страшная морда людоеда. При каждом шорохе от упавшей с дерева сухой ветки или от порыва ветерка в вершинах мальчики вздрагивали. Ночь была теплая, небо заволокло, по временам накрапывал дождь, и капли стучали по подсыхавшей листве тополей. Костер бросал красные отблески на толстые стволы, обступавшие площадку, а в промежутках между ними стеной стоял мрак, жуткий и непроницаемый.

После ужина все пятеро, вооружившись факелами, повели животных к реке. Мальчики с трепетом всматривались в темный коридор в камышах, по которому тигр унес злополучного отшельника.

Нарезали камыша, развели два костра с разных сторон, привязали животных к деревьям и сами улеглись в промежутке между огнями, а с двух других сторон протянули веревки и повесили на них седла, потники, тряпки, ветки, чтобы эти необычные для безлюдных мест предметы пугали ночных хищников. Мальчиков избавили от дежурства, опасаясь, что они поднимут ложную тревогу из-за пустяков и перепугают всех. Ночь, однако, прошла спокойно. Кричала сплюшка, чуть слышно журчала река, шелестели камыши, изредка накрапывал дождь. Лошади и ишаки с хрустом жевали корм; по временам лошадь переставала есть и, наострив уши, вслушивалась в ночные звуки, а затем, вздохнув, продолжала жевать.

НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Когда совсем рассвело, Лю Пи, Мафу и Хун, упрямивший старших взять его с собой, отправились выследживать тигра. Они пошли по тропе в камышах, по которой зверь унес Ёунга. Вскоре нашли один башмак отшельника, потом другой. Тропа извивалась по камышам вдоль реки и, наконец, отклонилась в сторону, где начались густые колючие кусты барбариса, шиповника, боярышника, джигды. Здесь, между стеной камыша и большой развесистой джигдой, было укромное убежище, в котором тигр ужинал: валялись окровавленные лохмотья синей бязи, клочья ваты, обглоданные и изгрызенные кости; в нескольких местах почва была темно-бурая, напитавшаяся кровью. Но самого зверя не нашли: на рассвете он, вероятно, унес остатки своего пиршества в более отдаленное место.

Искать его без собаки по чащам и зарослям было безнадежно, тем более что он мог переплыть на другой берег, где за узкой полосой деревьев расстилались огромные камыши с озерами и болотами. Пришлось вернуться назад ни с чем, к большому огорчению Хуна.

Еще три дня шли наши беглецы по такой же местности. Опасаясь тигров, они не решались пускать животных на ночь пастись; поэтому приходилось останавливаться днем на более долгое время, чтобы лошадь и ишаки успели покормиться. На второй день стали попадаться отдельные фанзы, а вокруг них возделанные и уже сжатые участки полей. Но людей не было, жилища пустовали, некоторые носили следы разрушения. Очевидно, здесь прошли дунгане, и земледельцы бежали при их приближении. Местами попадались свежобглоданные скелеты лошадей и быков, а также клочья одежды и кости людей. Вблизи фанз бродили одичавшие собаки и кошки, прятаясь при приближении каравана. Они, вероятно, так же, как волки, питались падалью и трупами.

Беглецы останавливались на ночлег в брошенных фанзах, выбирая те, которые стояли подальше от большой дороги. Осень вступала уже в свои права, перепали дожди, ночи стали сырые и холодные, и под крышей было теплее и суше, тем более что вблизи фанз находились остатки соломы для животных и запасы топлива, а огонек в фанзе не мог быть виден с большой дороги и привлечь незваных гостей. Все заимки (фермы) этой местности имели вид небольших крепостей:

двор огорожен глинобитной стеной метра в четыре вышиной с крепкими воротами, а жилая фанза и навесы или хлевы для скота всегда располагались внутри двора, где находился и колодец. Заперев на ночь ворота, можно было спать спокойно, не боясь неожиданного нападения хищников.

Вдоль реки, как и ранее, тянулись рощи, камыши, заросли кустов. Подальше от нее растительность редела; там начиналась сухая степь с колючкой, полынью, чием и отдельными рощами тополей или купами кустов. Опасаясь встречи с тигром, Мафу боялся бродить по зарослям вблизи реки и предпочитал ходить на охоту по степи; здесь попадались только зайцы, фазаны, тогда как в камышах можно было подстрелить и кабана. Но зайцы и фазаны были слишком проворны для кремневого ружья, и Мафу часто возвращался с пустыми руками. Между тем запасы муки и крупы таяли.

На третий день остановились пораньше в брошенной фанзе, недалеко от дороги, чтобы посвятить больше времени охоте. Мафу отправился с Хуном на восток к видневшимся в этой стороне большим пескам. На окраине их они заметили антилоп; им удалось подкрасться на выстрел и уложить одну. На обратном пути пришлось пересечь сухое русло, заросшее камышами; пробираясь через них, Мафу, шедший впереди с тяжелой ношей, вдруг воскликнул:

— Ой, меня кто-то укусил в ногу!

— Змея, змея! — воскликнул Хун, заметивший, как небольшая змея, на которую рудокоп, очевидно, наступил, обвилась вокруг ноги.

Прежде чем он успел выхватить нож из-за пояса, змея скрылась в камыше. До фанзы было уже недалеко, и охотники поспешили домой, чтобы прижечь рану. Но это не помогло, и к ночи вся икра покраснела и распухла. К утру у больного начался сильный жар и озноб, Мафу метался и бредил, нога распухла и походила на бревно. Пришлось отложить отъезд. Лое и Лю Пи очень встревожились, так как не знали, чем и как помочь товарищу.

Бред и жар продолжались несколько дней, Мафу ничего не ел и просил только воды, часто терял сознание. Фанза была недалеко от большой дороги, и пришлось принять меры предосторожности. С утра Лю Пи и один из мальчиков выгоняли лошадь и ишаков на пастбище, подальше от дороги, и пасли их до обеда. Лое сидел при больном, а оставшийся мальчик должен был сторо-

жить, сидя на ограде займки, с которой дорога видна была в обе стороны, чтобы предупредить о приближении подозрительных людей.

На случай такого посещения постарались придать фанзе нежилой вид; передняя комната оставалась пустой, с открытой дверью; жили в задней комнате, имевшей вход только из-под навеса для скотины и служившей владельцу фермы для хранения зерна и орудий. Она была полутемная, с маленьким окошечком под крышей, служившим и для выхода дыма при варке пищи. Больной лежал на земле, на подстилке из соломы. Дверь в комнату была прочная и запиралась на засов изнутри. К обеду возвращались пастухи и уже оставались дома, а лое с другим мальчиком отправлялись на пастбище до сумерек. Это делалось для того, чтобы в случае наезда дунган в хлеву не было животных и ферма казалась брошенной. В сумерки пригоняли скотину, запирали ворота и сами укрывались в комнатке. Так проходили дни.

Через неделю Мафу пришел в себя, жар прекратился, опухоль опала, но больной был еще слишком слаб для путешествия. В это утро караулил Хун. Незадолго до полудня он заметил на большой дороге отряд вооруженных всадников, человек десять. Убедившись, что они свернули к фанзе, он кубарем скатился с ограды и предупредил лое и Мафу. Они заперли дверь и притаились. Всадники заехали во двор и спешились. Двое заглянули в переднюю фанзу, затем в хлев.

— Никого нет,— сказал один.

— А сегодня люди были здесь,— ответил другой,— брали воду из колодца, в колоде налито, земля мокрая.

— Нет, фанза пуста, кан покрыт пылью и холодный. Здесь давно никто не живет,— ответил первый.

— А кто брал воду?

— Заезжали наши с дороги поить лошадей, как мы.

Мафу и лое на всякий случай приготовили ружья, опасаясь, что дунгане начнут ломиться в убежище. Слышен был скрип журавля, плеск воды; двое доставали воду, остальным зашли в фанзу, расположились на кане, курили и болтали.

— А не остаться ли нам здесь ночевать? — послышался вопрос. — Вода хорошая, кан исправный, дрова на дворе есть.

— Я бы не прочь,— ответил другой. — Да что скажет старший?

— Вот было бы несчастье,— шепнул лое Хуну,—

скоро обед, вернутся наши пастухи со скотиной и попадут в лапы разбойников.

Все трое с трепетом ждали решения вопроса, подумывая, как бы предупредить товарищей. Мафу посмотрел на окошечко под крышей, соображая, сможет ли Хун вылезти через него, проползти по крыше до ограды, чтобы выйти навстречу пастухам. Заметить его могли бы только тогда, когда он стал бы перелезать через ограду. Риск большой, но другого выхода не было.

В это время в фанзу вошел старший и сказал:

— Ну, покурили! Пора на коней.

— А вот тут думают, не лучше ли переночевать здесь? — слышался голос.

— В полдень стать на ночлег! — рассердился старший. — Впереди тоже фанзы найдутся.

— Ну что же, ехать так ехать!

Разговор прекратился. Через несколько минут слышался топот коней, и все стихло. Осторожно приоткрыв дверь, Хун выглянул — на дворе никого не было. Он сейчас же взобрался на свой наблюдательный пост и увидел удаляющийся отряд.

Через четверть часа явились пастухи, к счастью, в этот день немного запоздавшие. Им сейчас же рассказали, какой опасности они избежали.

— Мы узнали, — сказал лое, — что дунгане отступают перед китайским войском и калмыками.

— Поэтому и сегодня, и завтра может повториться наезд к нам, — заметил Мафу, — и пастухи должны, возвращаясь домой, посылать разведчика вперед, чтобы убедиться, что никого нет во дворе.

— Теперь нам нельзя идти дальше на юг, пока дунгане не пойдут обратно, — заявил лое. — Не лучше ли перекочевать на несколько дней к пескам подальше от дороги?

— Там нет воды, — сказал Мафу.

— Вчера я заметил у самых песков еще одну заимку, — заявил Лю Пи. — В ней, может быть, есть колодец.

— Это было бы хорошо. Пусть Хун сегодня осмотрит ее, и, если там есть вода и ограда в исправности, мы можем завтра перекочевать, — предложил Мафу.

Наскоро пообедав, лое и Хун угнали животных, а Пао полез на наблюдательный пост. Через полчаса он прибежал с известием, что снова видны дунгане, человек пять-шесть. Опять беглецам пришлось запереться в убежище.

Пришельцы заехали во двор, остановились у колод-

ца и стали поить лошадей. Один из них в поисках поживы зашел под навес и увидел запертую дверь. Он попробовал открыть ее,— она не поддавалась.

— Эй,— крикнул он остальным,— тут какой-нибудь склад запертый, должно быть, хлеб или солома осталась!

— Ну посмотри,— ответили ему.— Нашим коням пригодится.

Укрывшись, услышав это, сначала растерялись, но Лю Пи быстро смекнул, что делать.

— Заткнем скорее окно, чтобы стало темно, а потом откроем засов и спрячемся за дверь. Он войдет и увидит, что здесь пусто.

Пао схватил одно из одеял. Лю Пи подсадил его к окну,— и в фанзе сразу стало темно. Затем все трое спрятались в углу за дверью и осторожно отодвинули засов. Дунганин в это время, не найдя дверной ручки, налег плечом, чтобы высадить дверь. Она сразу поддавалась, и он кубарем покатился на пол.

— У, черт! — выругался он, поднимаясь. — Я думал, она заперта. Темно! И ничего нет, кроме пучка старой соломы,— прибавил он, пошарив в глубине и наткнувшись на солому, на которой раньше лежал Мафу.

Он сгреб ее в охапку и вышел на двор.

— Только это нашел? — раздался возглас у колодца. — Стоило стараться!

— Если бы было больше, мы бы, пожалуй, остались ночевать,— сказал другой.

Притаившись за дверью, рудокопы опять слышали разговор о наступлении китайских войск, о неудачных для дунган стычках с ними.

— Нам нужно убегать на Хобук, туда солдаты не пойдут через пустыню,— сказал один из приезжих.

Тревожное ожидание кончилось, дунгане вскочили на коней и усаkali.

Немного погодя прибежал запыхавшийся Хун.

— Я осмотрел заимку у песков,— заявил он,— она совсем исправна и колодец есть. Лое говорит, что можно было бы сейчас перекочевать, если хотите.

— Конечно! — обрадовался Лю Пи. — Сейчас опять были дунгане, а к ночи, наверно, приедут еще и уже останутся на ночлег.

Через четверть часа все четверо покинули заимку, спасавшую их целую неделю от осенних холодов и дождей и давшую Мафу возможность перенести бодлезнь. Теперь он шел, опираясь на Лю Пи, а мальчики

гнали навьюченных ишаков. Пришлось пройти пять-шесть ли по полянам, рощам и кустам, которые совершенно скрывали новое убежище, отделяя его от большой дороги. По пути захватили лое, пасшего остальных животных, и Мафу мог взобраться на лошадь, так как уже устал.

Ферма на окраине песков имела обычный вид, но только двор и фанза были небольших размеров. В одном углу двора находилась отдельная загородка, внутри которой земля была густо усыпана овечьим пометом. Владелец фермы, очевидно, занимался разведением баранов. Фанза оказалась тесной, но уютной. Провалившись целую неделю на холодной земле, беглецы обрадовались исправному кану, который на ночь можно было топить овечьим пометом, дающим сильный жар и мало дыму. Для животных нашелся крытый навес в углу между фанзой и оградой. Ворота из ивовых прутьев с целой стеной колючих ветвей на гребне (очевидно, для защиты от волков) оказались достаточно прочными. Ночь великолепно провели на теплом кане.

Теперь не приходилось отгонять животных подальше на пастбище; они находили корм по соседству, а с дороги их не могли заметить.

Среди ближайших песчаных холмов повсюду во впадинах росли мелкая трава, песчаный овсец, верблюжья колючка, которыми лакомились ишаки.

— Вот только охотиться несколько дней нельзя, — заявил Мафу. — С большой дороги могут услышать выстрелы и приехать к нам.

— У мальчиков есть луки и стрелы, — напомнил лое. — Они могут вспомнить свою удачную охоту в Дарбуты.

— Лук и стрелы остались на той заимке, я совсем забыл о них, — сказал Хун.

— Завтра утром мы сбегает туда и принесем их, — предложил Пао.

ПОДЗЕМНЫЙ СКЛАД

Рано утром мальчики побежали на первую заимку за своим охотничьим вооружением. Когда ограда была уже в виду, из ворот выехал большой отряд всадников, очевидно, ночевавших там. Хун и Пао быстро нырнули в кусты и выждали некоторое время, потом осторожно подкрались к воротам и заглянули во двор. Внутри не было никого. Ночлежники оставили ясные следы своего

пробытия: обе двери в фанзу и чулан исчезли, вероятно, изрубленные на дрова. В чулане на полу еще тле- ла куча углей, показывая, что ночевали и здесь.

— Хорошо, что мы вчера ушли отсюда,— сказал Пао. — Они бы нас всех убили.

Едва успел Пао сказать это, как послышались топ- пот, звяканье стремян, и в воротах появилось несколько всадников. Мальчики стояли в фанзе у дверей и едва ус- пели отскочить в сторону.

— Вот мы и попались,— прошептал Пао в ужасе.

Хун окинул взглядом фанзу, ища места, чтобы ук- рываться. Взор его упал на черневшее топочное отверстие под каном.

— Лезь скорее туда, а я за тобой!

Пао полез в топку, Хун вслед за ним.

Было так тесно, что лезли боком, кроме того, дунган- не ночью топили, и топка еще не совсем остыла.

— Ой, я задыхаюсь,— пищал Пао, забравшийся за поворот дымового хода головой вперед.

— Тсс... — прошептал Хун, поджавший ноги в самой топке.

В фанзу вошли два человека и уселись на краю ка- на; ноги одного из них приходились вблизи головы Хуна.

— Дай-ка табаку,— слышался голос,— покурим, здесь спокойно. Сегодня очень ветрено, и из трубки вы- дувает.

— На, бери! А тут, видно, кто-то ночевал, кан еще теплый.

— Наши, должно быть; у колодца и на дворе много конского помета.

Вошел третий и тоже присел покурить.

— Мой конь совсем устал,— заявил он. — Не знаю, дотянет ли до вечера. А нового раздобыть нельзя, все китайцы скрылись.

— В этом самом дворе,— сказал первый,— я двух китайцев прикончил и хотел бросить в колодец, да стар- ший запретил: может быть, и нам еще вода понадобится, сказал.

— А теперь нам головы рубят, и наше дело проиг- рано, должно быть.

— Кто знает? Вот подойдут наши из Кульджи, опять будем наступать. Китайских войск, говорят, немного.

— Эй, эй, на коней! — раздался окрик со двора.

Дунгане вышли, послышались возня у колодца, то-

пот. Потом все затихло. Хун вылез из топки и выглянул на двор.

— Пао, вылезай, уехали!

Но Пао не откликнулся.

— Скорее, Пао! Заснул ты там, что ли!

Не получив ответа, Хун полез в топку, схватил ноги Пао и с трудом вытащил его на пол фанзы; мальчик, весь перепачканный, лежал без движения. Хун начал поднимать его за руки, щекотать подошвы, дуть в лицо, дергать за уши — ничего не помогало.

— Что такое? Он задохся, что ли, в топке? Вот беда! — проговорил растерявшийся мальчик.

Он повторил свои попытки привести Пао в чувство, и опять без успеха. Тогда он схватил Пао на руки и потащил к колодцу. В колоде было много воды, и Хун начал поливать целыми пригоршнями лицо и голову мальчика. Через некоторое время тот глубоко вздохнул, открыл глаза и пробормотал:

— Что ты со мной делаешь? Я весь мокрый.

— Ну, очнулся! Ты в топке начал умирать. Вставай, нам нужно бежать отсюда, не то опять придется лезть под кан.

Когда Пао совсем пришел в себя, Хун побежал в хлев, достал запрятанные под ясли лук и стрелы и вернулся. Пао встал с трудом, и Хуну пришлось вести его под руку.

Дотащившись до нового убежища, мальчики рассказали о своем приключении и подслушанных разговорах дунган. Лое объяснил им, что в глубине топки, наверно, остался угар, от которого Пао и потерял сознание.

Весть о близости китайских войск, подслушанная мальчиками, заставила снова поднять вопрос о продолжении путешествия на юг.

— Я хорошо знаю наших солдат, — сказал Лю Пи. — Они не так жестоки, как дунгане, но попасться им в руки тоже нехорошо: своих же китайцев грабят, отнимают лошадей, берут муку, хлеб, требуют табаку, денег.

— Хороши защитники! — возмутился Пао.

— А ты забыл нашу пословицу: «Из хорошего железа не делают гвоздей, из хороших людей не делают солдат»¹? — сказал лое.

— Наш солдат — полунитый, полуголодный, лентяй,

¹ Эта пословица характеризовала солдат императорского Китая, которые вербовались из бездельников, лентяев и разных неудачников.

который на войне норовит удрать из боя, а в мирное время почти ничего не делает. Я думаю, что нам с солдатами лучше не встречаться. Они отнимут у нас лошадей и ишаков, а если пороются в вещах и найдут золото, так, пожалуй, убьют или в тюрьму отведут, скажут, что мы украли его на рудниках.

К вечеру мальчики принесли зайца, которого подстерегли в котловине среди песков, спрятавшись на гребне бархана и выждав в течение получаса, пока зверек не вышел из кустов на чистое место. После антилопы, добытой Мафу перед болезнью и давно съеденной, беглецы уже не видели мяса, и шашлык из зайца с приправой из дикого лука, собранного в песках, показался им очень вкусным.

После ужина Лю Пи вышел проведать животных и дать им немного корма. Ночь была темная и бурная; тяжелые тучи неслись по небу, накрапывал дождь, но изредка на несколько секунд показывалась молодая луна. В один из таких просветов Лю Пи, возвращавшийся уже к фанзе, заметил в одном из углов двора что-то темное, притаившееся.

— Уж не волк ли забрался сюда? — подумал он и, выхватив толстый сук из кучи топлива, направился к подозрительному углу. Но едва он сделал несколько шагов, как темная масса выпрямилась, с проворством кошки полезла прямо на ограду и исчезла за ней, прежде чем Лю Пи успел подбежать.

— Как будто это был человек! — проворчал рудокоп. — Как же он влез на гладкую высокую стену?

Вернувшись в фанзу, он рассказал о виденном.

— Какой-нибудь бездомный китаец, беглец, вроде нас, забрался во двор, — предположил лое. — Надеюсь на ночлег. Ты в это время вышел во двор, вот ему и пришлось спрятаться.

— Или дунганин, оставший от своих и потерявший коня, — заявил Мафу.

Утром осмотрели тот угол двора, где Лю Пи видел подозрительную тень. В ограде оказались небольшие выемки, по которым при известной ловкости можно было влезть наверх, что Пао и Хун проделали немедленно. На противоположной стороне снаружи также были подобные выемки.

Этот угол отделялся от двора загородкой из жердочек, и на земле густо лежал овечий помет. На нем Мафу заметил следы человека. В одном месте помет, очевидно, разгребали. Под ним оказалась рыхлая почва.

Попробовали покопать и на небольшой глубине обнаружили деревянную площадку, закрывавшую вход в подземелье. Спустили на веревке Хуна. Подземелье имело форму кувшина с узким горлом; в нем были сложены лопаты, кетмени, топоры, грабли, несколько мешков с просом, два мешка с мукой, какой-то мягкий узел, корзина с луком и запертый замочком сундучок.

— Все это принадлежит хозяину фермы, — сказал лое. — Он спрятал свои запасы от дунган, а сам бежал с семьей и, если жив, вернется. Верно, он и приходил сюда проведать, цело ли его добро.

— Возьмем из склада немного муки и пшена, а хозяину положим золото по хорошей цене за эти припасы, — предложил Лю Пи.

Лое подсчитал, сколько должны стоить припасы по ценам лавочников на рудниках, затем пошел в фанзу отвешивать золото. Хун бросили мешки, и он наполнил их мукой и пшеном. Лое принес золото, завязанное в тряпочку, которую Хун привязал к замочку сундучка. Затем мешки и мальчика вытащили из подземелья, закрыли дверь и тщательно засыпали ее землей и пометом.

ПАО И ХУН В ПЕСКАХ

Через несколько дней мальчики, тщетно потратив утро на преследование зайцев и фазанов по зарослям вблизи фермы, после обеда отправились в пески, так как лое, пасший там ишаков, сказал им, что видел много зайцев. Но они не давали застать себя врасплох. При приближении охотников заяц, сидевший где-нибудь под кустиком, неожиданно выскакивал и, прежде чем мальчики успевали пустить стрелу, перемахивал через песчаный холм в следующую котловину, где повторялась та же история. Иногда зайцы выскакивали по два и по три, разбегаясь в разные стороны. Охотники разгорячились при виде такого обилия дичи и, поднимаясь с холма на холм, пересекая котловины, отошли далеко от фермы, потеряв ориентировку.

Наконец, Хуну удалось пустить стрелу в зайца, пришедшего из любопытства на гребне холма.

— Вот у нас и ужин! — воскликнул мальчик с торжеством, поднимая добычу за уши.

Он забросил зайца на плечо, и оба охотника двинулись в путь, но через несколько шагов остановились в нерешительности.

— Куда нам нужно идти? — спросил Пао. — Со всех сторон одни и те же песчаные холмики.

— Нужно идти на запад, — ответил Хун. — Пески тянутся на восток от нашего жилища, утром солнце всходит из-за них.

— А где запад? Солнца уже не видно!

Действительно, солнце, светившее довольно ярко в начале охоты, исчезло в какой-то серой мгле.

Мальчики взбежали на вершину холма и стали осматриваться. В этот день воздух с утра был уже пыльный, и теперь даль совсем скрылась. Потонули в пыли и темные рощи Манаса, которые должны были быть видны на горизонте; исчез, конечно, и высокий хребет Тянь-Шаня, видимый вдали лишь после дождей, очищавших воздух. Вблизи со всех сторон поднимались однообразные желтые песчаные холмы, на гребне которых только кое-где темнел пучок травы или кустик.

Котловины с более густой растительностью остались позади, скрытые холмами.

— Ничего не видно, кроме песка, Хун! — воскликнул с отчаянием Пао. — Мы опять заблудились, как тогда на охоте возле Чий Чу.

У Хуна тоже защемило сердце при виде унылой песчаной пустыни, но он храбрился и сказал, смеясь:

— Помнишь, как лое рассказывал нам, что если человек заблудится, то стоит только поймать палочника — знаешь, это странное тоненькое насекомое, похожее на веточку или соломинку, — и он лапкой покажет, куда нужно идти. Они должны тут водиться, я на днях видел одного. Поищем тут внизу, где растет трава.

В котловине им удалось поймать палочника, желтого, как стебель чия, на котором он сидел. Осторожно держа его в руке, они поднялись опять на вершину холма, и здесь Хун приоткрыл руку. Готовясь к прыжку, насекомое повернулось и подняло передние лапки в одну сторону.

— Вон туда надо идти! — воскликнул Хун и посмотрел вдаль.

А там, сквозь мглу, чуть виднелось на небольшой высоте над горизонтом какое-то светлое пятно.

— Видишь, видишь, там солнце! Палочник показал верно. Мы спасены.

Выпустив насекомое, мальчики пустились в путь скорым шагом; им приходилось то спускаться в котловины, то подниматься на холмы, и это вскоре утомило их. Пробежав с полчаса, они остановились для отдыха на

одном из холмов и уселись лицом к путеводному светлomu пятну. Хун был занят разглядыванием своего зайца, но Пао смотрел на пятно и обратил внимание на то, что оно стало светлее и как будто стояло выше, чем раньше.

— Слушай, Хун! — воскликнул он с тревогой. — Мне кажется, что солнце не заходит, а поднимается. Между тем теперь не утро, а вечер.

— Какой вздор! — рассердился Хун. — Тебе это только показалось.

Он вскочил и побежал дальше, Пао за ним. Но теперь и Хун стал следить за светлым пятном и через четверть часа убедился, что оно действительно поднимается выше. Он еще не верил себе и продолжал идти, хотя медленно и с остановками.

Прошло четверть часа, и из-за серой завесы выплыл тусклый ущербный лик луны.

— Хун, — воскликнул Пао, — теперь ты видишь? Это не солнце, а луна, и твой глупый палочник только спутал нас.

— Вижу, — ответил Хун сердито, — но теперь я и сам знаю, куда нам нужно идти.

Он круто повернул и пошел назад, почти побежал, так что Пао едва поспевал за ним.

Пока мальчики шли на восток, поднявшийся ветер дул им в спину, теперь же он дул в лицо и быстро усиливался: начинался хый-фын. На высоте холмов против него было уже трудно идти, и мальчики останавливались в каждой котловине, чтобы передохнуть.

Уйдя на восток, они перебрались в совершенно бесплодную песчаную пустыню, где не только на холмах, но и в котловинах не было никакой растительности. Холмы превратились в настоящие барханы — песчаные волны с пологим наветренным и крутым подветренным склоном; на последнем песок был совершенно рыхлый и осыпался под ногами, пока мальчики с большим трудом поднимались вверх.

Когда они шли на восток, то поднимались по пологим наветренным склонам, на которых песок был уплотнен, так что ноги не оставляли следов, а катиться вниз по крутым подветренным склонам вместе с теплым песком им доставляло даже удовольствие. Теперь же, с трудом карабкаясь вверх по этим рыхлым откосам, они встречались на гребне и пологом склоне с напором бури, которая несла мелкий песок, засыпая глаза, рот и уши. Губы быстро обсохли, на зубах скрипели песчин-

ки, глаза начинали болеть. С острого гребня барханов ветер срывал струйки песка; барханы задымились, мгла стала желтой, и сумерки начали сгущаться. Повернувшись на одной из останков спиной к ветру, путники заметили, что исчезла в желтой мгле и луна.

Чем дальше, тем медленнее шли они. Каждый подъем на крутой склон бархана продолжался минут пять, а на гребне они отвоевывали каждый шаг, нагнувшись вперед и борясь с ветром. Быстро темнело, а старые следы уже совершенно замело.

— Нет, мы не дойдем сегодня до фермы! — заявил, наконец, Хун, остановившись в котловине. — Мы еще не дошли до места, где поймали этого проклятого палочника. Видишь, нигде нет ни кустов, ни травы. Только промучились даром все это время.

— Что же нам делать? — прошептал Пао, еле ворочая языком.

— Дождемся утра, отдохнем.

— Но мы замерзнем, ветер холодный, а топлива нет. И я страшно хочу пить.

— Зароемся в песок, он еще теплый, и будем спать.

— А волки?

— В такую бурю волки не станут рыскать, да и не найдут нас, если мы зароемся.

Мальчики быстро зарылись в песок на дне котловины, где ветер налетал только порывами сбоку. Они легли рядом, лицом в сторону ветра, надвинув свои войлочные шапочки на глаза, а на грудь поверх песка положили зайца, который защищал их лица от песчинок и давал возможность свободно дышать. От ходьбы они сильно согрелись, песок был еще совсем теплый, только давил им ноги и живот, где они нагромодили его кучей. Пао быстро заснул. Хун сначала боролся со сном, но усталость взяла свое. В песке было тепло и мягко, ветер как будто ослабевал. Стало совершенно темно, и Хун тоже заснул.

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ

На ферме в этот вечер тоже было приключение. Когда солнце скрылось во мгле, Лю Пи сразу понял, что будет хый-фын, и пошел искать лое, пасшего животных по соседству. Мафу проводил большую часть дня на кане, поправляясь после болезни. Загнав животных под навес, Лю Пи занялся приготовлением ужина, пока еще

не стемнело, так как освещать фанзу им было нечем, кроме огня, горевшего под каном.

— Что-то наши ребята замешкались,— заметил Лю Пи, поставив котелок на огонь и принявшись за приготовление теста для лапши. — Надо бы сходить на вершину холма, посмотреть, не идут ли. Скоро хый-фын налетит.

Лое пошел на разведку и взобрался на ближайший высокий холм, чтобы обозреть окрестности. Мальчиков он не увидел, но сам в синей курме хорошо выделялся на желтом фоне песков. Собираясь спуститься, он вдруг заметил двух всадников, ехавших по направлению к ферме. На них нетрудно было различить дунганские шапки и ружья за спиной.

Лое стремглав помчался вниз и едва успел закрыть ворота и заложить их толстой жердью, служившей прочным запором, как подъехали всадники. Их головы виднелись над стеной колючки, которая венчала плетень ворот. Лое успел присесть у ограды и не был виден дунганам.

— Эй ты, китайская морда! — закричал один из них. — Открывай сейчас ворота!

Мафу и Лю Пи в это время находились в фанзе, дверь которой была открыта и обращена прямо к воротам.

— Ну скорее, черепашьи яйца, поворачивайтесь, встречайте гостей! — сердились всадники.

Мафу приготовил ружье, поставил его на сошки в глубине фанзы и насыпал свежего пороху на полку.

— Если они начнут ломиться, я буду стрелять,— заявил он.

— А если их много? — спросил Лю Пи.

— Поди скажи им, что у нас нет ни корма, ни воды, а вот возле дороги другая ферма, где все ночуют.

Лю Пи вышел на порог и крикнул дунганам:

— Идите в соседнюю фанзу, у нас нет ничего!

— Врешь, черепашье яйцо! Открывай ворота!

— Скажи, что будем стрелять, если они начнут лезть,— раздался из фанзы приказ Мафу.

— Уезжайте дальше! — крикнул Лю Пи. — Я не один, здесь солдаты, и они будут стрелять!

В ответ дунгане рассмеялись, выхватили сабли и начали рубить колючки, мешавшие им перелезть через ворота. Но после первых же взмахов из фанзы грянул выстрел, и один из всадников с простреленной головой склонился на луку седла, выронив саблю. Второй, испу-

стив проклятие, схватил повод лошади товарища и ускакал.

Лое поднялся ни жив ни мертв, подбежал к воротам, открыл их и выглянул. Всадники уже скрывались за поворотом дороги вдоль песков. Вернувшись, лое сообщил, что дунгане уехали, один, видно, тяжело ранен, лежит на седле, и второй все время поддерживает его на скаку.

— И хый-фын начинается,— прибавил он.

— А детей все еще нет! — обеспокоился Лю Пи. — Уж не заблудились ли они? Посмотрите тут за огнем, положите лапшу, когда вода закипит. Я пойду на холм.

Через четверть часа он вернулся.

— Никого не видно, ни детей, ни дунган, а хый-фын разыгрывается не на шутку, все следы заметет, так что искать по следам нельзя будет.

После ужина, когда уже совершенно стемнело, Лю Пи вышел на караул. Буря бушевала вовсю, кругом шумели деревья; только привыкнув к темноте и стоя под защитой фанзы, можно было различить гребень ограды на фоне ночи. Лю Пи сменил лое, потом дежурил Мафу.

После полуночи, когда караулил опять Лю Пи, ветер почти затих и пошел снег. Это обеспокоило Лю Пи.

— Мальчики в легкой одежде и ушли босиком. Того и гляди, замерзнут.

Между тем Пао и Хун спокойно спали в теплом песте до полуночи. Потом хлопья снега, падавшие им на лица и таявшие, разбудили их; но влага освежила пересохшие глотки, и оба, раскрыв рты, жадно ловили снежинки. Утолив жажду, они зарылись глубже и опять уснули.

За ночь песок намок и остыл под снегом, а на рассвете замерз. Пао, стуча зубами от холода, проснулся первый.

— Хун, Хун! — закричал он. — Вставай, нужно бежать, иначе мы замерзнем.

Закоченевшие дети с трудом высвободились из-под песка и начали прыгать и махать руками, чтобы согреться. Кругом все побелело. На чистом небе уже розовели мелкие барашки туч. На юге, вдали, темной стеной тянулся Тянь-Шань, а острые белоснежные вершины его, обращенные на восток, горели алым цветом. Дети невольно залюбовались этой величественной картиной и

смотрели, как все ярче пылали горы, как яснее выступали глубокие темные ущелья между крутыми отрогами, на которых зеленели леса. На севере плоской волнистой массой белел Джаир: там ночью тоже выпал снег.

Вот на востоке показалось солнце, и белые склоны барханов заискрились мелкими блестками так, что стало больно глазам. Солнце сразу начало греть, и мальчики, взобравшиеся на гребень бархана, подставляли ему то спину, то грудь, поворачиваясь и перепрыгивая с ноги на ногу, потому что босиком в снегу было холодно. Снег лежал на целых два пальца.

— Теперь мы найдем дорогу! — радовался Хун. — Там солнце, тут горы, а вот и рощи видны.

Когда солнце поднялось немного выше и начало освещать котловины, мальчики, подобрав замерзшего зайца, может быть, спасшего им жизнь, пошли на запад. Они все время шли туда, куда падала их тень, и поэтому постепенно уклонялись на северо-запад. Скоро в котловинах появились отдельные кусты, потом целые группы их и трава, барханы превратились в бугры, тоже поросшие кое-где кустами и травкой. Снег под лучами солнца быстро исчезал, становилось тепло.

Пройдя ли три-четыре, мальчики вдруг увидели в котловине среди кустов и травы десятка два пасшихся баранов и коз. Едва дети пришли в себя от изумления, как на них с лаем бросилась большая черная собака, и Хуну пришлось отбивать зайцем ее яростные нападения.

На выручку им из-за соседнего бугра появился китаец; он отозвал собаку и спросил:

— Откуда вы взялись, мальчуганы? Куда идете? Кто вы такие?

Хун и Пао объяснили, что заблудились и идут на ферму возле песков.

— А давно ли ваши поселились на этой ферме?

— Дней пять живем там, ждем, пока не уйдут дунгане, чтобы идти дальше, к Манасу, — сказал Хун.

— В городе живут мои родители, — прибавил Пао.

— Может быть, и живут, если дунгане их пощадили, — заметил китаец.

— А до фермы еще далеко? — спросил Хун. — Не знаешь ли, как туда пройти?

— Как не знать! Ферма-то моя. Я от дунган ушел в пески а теперь, пожалуй, можно вернуться. Ну, пойдем ко мне, я вас покормлю, молоко найдется и еще что-нибудь, — прибавил китаец.

Он повел мальчиков через несколько бугров, за которыми оказалась большая котловина. В ней стояла плохонькая калмыцкая юрта, в которой и жил по-калмыцки, без мебели и кана, китаец с женой и двумя детьми. В юрте горел огонек и варилась просяная каша на козьем молоке. Но она еще не была готова, и хозяйка угостила мальчиков чашкой молока и мучными лепешками, жареными на сале.

За едой мальчики рассказали хозяевам все свои приключения, начиная от бегства с рудника. Китаец жил уже полтора месяца в песках, не видя людей, и жадно слушал новости, а его дети смотрели, разинув рты, на гостей, которые пережили столько приключений.

Во время разговоров поспела каша, все поели, и потом хозяин, послав жену сторожить овец, повел мальчиков к ферме, которая была в одном километре прямо на юг от убежища в песках. Приближаясь к ней, они увидели на вершине бугра фигуру лое, который размахивал руками, словно ветряная мельница: это он подавал сигналы Лю Пи, бродившему в песках в поисках потерявшихся детей.

Китаец с удовольствием увидел, что его ферма в порядке. Рудокопам пришлось признаться, что они нашли его склад и взяли из него припасы. Ночной посетитель был, конечно, он сам; он пришел, чтобы взять себе муки, не подозревая, что в фанзе уже поселились люди, а когда он увидел приближавшегося к нему человека, то испугался и убежал, приняв его за дунганина.

Беглецы провели еще три дня на ферме и посетили китаецца в его убежище, чтобы купить у него барана. Собравшись, наконец, в дальнейший путь, они подарили ему одно из ружей с зарядами и расстались друзьями.

Еще целую неделю шли беглецы на юг, пробираясь по рощам и брошенным фермам, частью разоренным, держась в стороне от большой дороги. Без особых приключений они добрались, наконец, до города Манаса, уже очищенного от дунган, но сильно пострадавшего. Китайское население, не ушедшее заблаговременно в горы на юге и в леса на севере, погибло; погибли и родители Пао. Семья Лю Пи спаслась в горах и теперь вернулась. Беглецы поселились все вместе, кроме лое, уехавшего в Урумчи сдавать казенное золото, но потом возвратившегося к рудокопам, с которыми он сдружился за время скитаний в пустыне. В компании с ними он

открыл постоянный двор. Хун и Пао, конечно, тоже остались у них.

Но еще ряд лет жизнь была беспокойной: восстания то затихали, то снова разгорались, и два раза всем приходилось убегать от дунган в горы и, вернувшись, восстанавливать разрушенные постройки. Добыча золота в Джаире заглохла совершенно, потому что отдельные отряды дунган еще долго укрывались в этих горах и на рудниках было опасно жить. Многие рудокопы погибли, остальные разбрелись по всей стране и занялись другими делами.

**В ДЕБРЯХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

МОЕ ЗНАКОМСТВО С КЛАДОИСКАТЕЛЕМ

В мае 1905 года я приехал в Чугучак, небольшой китайский городок, расположенный недалеко от границы Семиреченской области. Я собирался начать изучение соседней части Джунгарии, почти не известной в то время в геологическом и даже в географическом отношении обширной области Китая, несмотря на ее близость к нашей границе и легкую доступность.

Через Джунгарию проходили экспедиции Пржевальского, Потанина, Певцова, Роборовского и Козлова, направлявшиеся в глубь Центральной Азии или в Тибет или возвращавшиеся оттуда на Родину. Но отважные путешественники либо торопились в эти далекие края, либо возвращались оттуда усталые. В том и другом случае они уделяли мало внимания этому преддверию главной области своих работ, и оно оставалось слабо изученным.

Для моей экспедиции нужно было купить верховых и вьючных лошадей, нанять переводчика и проводника, заготовить седла, сухари и другую провизию и получить от китайских властей паспорт на свободный проезд по области. Поэтому я прежде всего отправился к русскому консулу Сокову, с которым познакомился еще десять лет назад, возвращаясь из китайской экспедиции. Он был тогда секретарем консульства в Кульдже, а теперь сделался консулом в Чугучаке, и я предварительно списался с ним об условиях работы в Джунгарии.

Соков уже ждал меня и даже нанял для экспедиции квартиру в торговом предместье Чугучака, недалеко от консульского дома. Когда я пришел к нему, он вызвал местного жителя русской колонии, татарина Мусина, для помощи в закупках и снаряжении, а относительно паспорта уже начал переговоры с китайским даогаем — начальником уезда.

— А в качестве проводника и переводчика я могу рекомендовать вам здешнего старожилу Кукушкина. Он совершил уже целый ряд экспедиций по Джунгарии, по-

бывал в Урумчи, в Турфане, в пустыне Такла-Макан и на Лобноре. Он говорит по-монгольски и по-киргизски, немного даже по-китайски.

— Это было бы великолепно! — воскликнул я. — Но такой опытный проводник, пожалуй, запросит очень дорого, а у меня средств на экспедицию не так много.

— О, нет! Он очень скромный человек и большой любитель путешествий и приключений. Мы называем его кладонскателем.

— Какие же клады он искал в пустынях и горах Азии?

— Искал и находил золото в старых рудниках, древние монеты, утварь, драгоценности в развалинах древних городов. Живет безбедно в собственном домике. Боюсь только, что он не поедет. Ему далеко за семьдесят, и он уже лет семь никуда не ездил. Но попытаемся. Во всяком случае, он даст вам хорошие сведения о дорогах, интересных местностях, поможет найти проводника.

Я, конечно, согласился и спросил, где живет кладонскатель.

— Сперва я узнаю, в городе ли он, — сказал консул. — За городом он арендует займку с садом и огородом и летом большей частью живет там.

Весь день я был занят с Мусиным закупкой лошадей, а вечером опять посетил консула.

— Завтра Кукушкин будет дома. Я предупредил его, что мы придем, — сказал мне Соков.

На следующий день мы пошли к кладонскателю. Он жил недалеко. Через калитку в довольно высокой глинобитной стене мы попали в обширный двор, затененный несколькими старыми деревьями карагача. В глубине двора стоял одноэтажный домик из желтого кирпича с плоской крышей, покрытой не глиной, как у большинства домов в предместье, а листовым железом. По обе стороны входной двери было по два небольших окна с цветными наличниками и ставнями с букетами ярко-красных роз, придававшими домику нарядный вид. Справа вдоль стены двора стоял солидный амбар, а дальше вглубь — навес, под которым виднелись телега, небольшой тарантас и большая поленица дров — свидетельство запасливости хозяина.

Слева в глинобитном скромном домике, очевидно, помещались кухня и жилье прислуги, а из будки возле него выскочила и залаяла большая собака, гремя короткой цепью. Подальше у той же стены виден был навес

с яслями и конюшня. Лай собаки вызвал хозяина, появившегося в дверях домика.

— Здравствуйте, Фома Капитонович! — приветствовал его Соков, протягивая руку.

Кукушкин был среднего роста, худощавый и немного сутулый. Лицо бронзового цвета имело монгольский облик: узкие и чуть косые глаза, плоский нос, выдающиеся скулы, тонкие седые усы и жиденькая борода. На голове — китайская черная шапочка с красной шишкой, на плечах — поношенный халат китайского фасона из синей дабы и на ногах — войлочные туфли на толстой подошве. Встретив Кукушкина на улице, я бы, несомненно, принял его за старого китайца.

Консул представил меня, и мы вошли в комнату, расположенную справа от небольшой полутемной прихожей. Это был кабинет хозяина. Простой письменный стол, покрытый зеленой клеенкой, пузырек с чернилами, несколько листов бумаги. Справа — кучка книг квадратного формата в странных переплетах из дощечек, скрепленных желтыми лентами, — тибетских рукописных, как я узнал позже. Слева — большая бронзовая статуэтка какого-то буддийского божка с круглым улыбающимся лицом и цветком в поднятой руке. Возле стола несколько тяжелых китайских кресел, в которые мы и уселись. У задней стены небольшой кан, то есть китайская теплая лежанка, но из цветных кафельных плиток и неширокая, на двух человек, покрытая хотанским ковриком с геометрическим узором. На кане — китайский ватный валик вместо подушки. На стене над каном висели две длинные китайские картины из сильно потемневшей шелковой материи с вышитыми на ней пейзажами, домами и людьми. Справа от кана — большая этажерка с книгами в переплетах и без них. На окнах белые кисейные занавески и горшки с какими-то странными, неизвестными мне цветами.

Я успел рассмотреть всю обстановку комнаты, пока Соков рассказывал Кукушкину, кто я такой и с какой целью приехал в Чугучак.

— Вот бы вам, Фома Капитонович, вспомнить старые годы и провести бы русскую экспедицию по Джунгарии. Наконец-то обратили внимание на то, что мы совсем не знаем эту пограничную область, — сказал Соков. — Вы ведь изъездили ее вдоль и поперек и могли бы оказать большую помощь.

Кукушкин вздохнул и покачал головой:

— Поздно, Сергей Васильевич! Лет пять назад я бы

поехал с большим удовольствием. Но одолел ревматизм. Сказались старые похождения. Вспомните, как долго я хворал зимой, не мог даже поздравить вас со светлым праздником.

— Знаю, знаю,— ответил консул.— Но я думал, что вы поправились к лету и сможете поехать. Не так ведь далеко — в соседние горы.

— Я на коня-то уже не взберусь, Сергей Васильевич! Даже на заимку, совсем близко от города, в тарантасике езжу. В горы в нем не поедешь. И спать могу только на теплом кане, в палатке не усну, всю ночь буду охать и стонать! Где же мне ездить, наездился!

— Очень жаль, Фома Капитонович! Теперь бы ваши знания здешних гор очень пригодились. А ваш компаньон Лобсын не вернулся ли из Урги? Он ведь тоже знаток нашего края.

— Нет, еще не вернулся. Зимой с паломниками прислал мне письмо. Еще на год решил остаться в Урге,— он для нашего консула тибетские книги переводит.

— А кого вы могли бы указать профессору из здешних бывалых людей в качестве проводника и переводчика?

Кукушкин задумался.

— А вот, татарин Мусин подойдет. Он по нашим горам много ездил, подряды у русско-китайской компании брал, уголь, лес, муку возил на их рудники.

— А как он насчет языков?

— По-киргизски хорошо объясняется, монгольского, правда, не знает. Но в наших горах больше киргизы живут.

— Я уже послал его к профессору помочь в покупке лошадей. А вы не сможете ли профессору указать, что знаете про здешние богатства, про золото, уголь, асфальт, про древний город? Он этим очень интересуется.

— С удовольствием, все, что смогу. Вечером зайдите ко мне, господин ученый, я приготовлю записку и покажу вам свою рукописную карту. А Мусин знает дороги ко всем этим местам.

Соков поговорил еще с Кукушкиным насчет его заимки и сада, затем мы простились и вернулись в консульство. Вечером я посетил еще раз кладоискателя, получил список известных ему месторождений золота, угля и асфальта и даже с их оценкой, довольно фантастической, как мне показалось. Он показал мне и свою карту. Горы были нанесены на ней по китайскому методу в виде маленьких конусов друг возле друга по на-

правлению их длины. Были показаны и дороги, и месторождения, но масштаба не было, и расстояния указаны приблизительно вдоль дорог в верстах. Эту карту он согласился дать мне до следующего утра, и я успел ее скопировать. В дополнение к списку она была полезна для ориентировки.

Консул во время наших свиданий по делам и за беседами сообщил мне следующие сведения о Кукушкине.

Фома Капитонович был родом с Алтая, куда его отец был сослан по делу декабристов, менее видных и потому не удостоенных ссылки на каторжные работы в Нерчинский край. Поселившись в живописной долине реки Бухтармы, он женился на торговке монгольского племени, от которой его сын унаследовал монгольский облик и знание языка. Отец завел там пчельник и маральник, оставлявшие ему много свободного времени для чтения и размышлений. Он дал своему единственному сыну хорошее образование, приучил его к чтению книг по естествознанию и о путешествиях, которые получал с родины. Мальчик помогал ему в работах, в уходе за пчелами и маралами, осенью сопровождал его в Семипалатинск, куда они сплавливали по Иртышу партию меда и маральих рогов, привык к передвижению, к наблюдению явлений природы. Когда отец умер, Фоме было лет около двадцати; его мать с двумя дочерьми продала пчельник и маральник и уехала на родину, к озеру Маркаколь, вернулась к кочевой жизни, по которой тосковала в деревне.

Фома нашел место приказчика в Усть-Каменогорске у купца, торговавшего красным товаром в Монголии, сделался у него подручным и привык к путешествиям. Но сидение в лавке в течение весны и лета оставляло много свободного времени, и он продолжал заниматься чтением книг, которые брал в библиотеке, а у купца вел всю переписку и отчетность. Несколько лет спустя он перебрался в Чугучак, где служил также переводчиком в консульстве при разборе торговых дел между монголами и китайцами.

— Поэтому я его хорошо знаю,— заметил консул Соков. — Он образованный человек, берет у меня газеты и журналы, которые я получаю, а сам покупает книги, когда ездит в Семипалатинск за товарами, даже выписывает их из Москвы. На старом руднике в горах он откопал золото, забытое во время дунганского восстания, построил себе домик, который вы видели, сам развозил товары по монгольским улусам и монастырям с по-

мощью молодого монгола¹, сбежавшего в детстве из буддийского монастыря, куда отец отдал его в науку к ламам. Фома его воспитал и обучил даже русскому языку, вдвоем они совершили уже много путешествий, во время которых занялись также поисками разных кладов в развалинах древних городов. При моей помощи Фома отправлял свои находки в музеи Петербурга и Москвы и сделался знатоком этих древностей буддийского культа и китайской старины вообще.

Через несколько дней я снарядил свой караван и уехал в горы на юг от Чугучака, вернулся оттуда в июле и направился через северные горы в Зайсан, где и закончил в этот раз экспедицию, не побывав еще раз в Чугучаке. Список и карта Кукушкина почти не касались той части Джунгарии, которую я изучил в этом году.

В начале лета 1906 года я снова приехал в Чугучак, чтобы продолжать исследования, и в этот раз в той части гор, которые были на карте Кукушкина. У консула я спросил, как он поживает.

— Кукушкин умер нынче весной,— сообщил Соков.— Перед смертью он вызвал меня и передал толстую тетрадь с описанием своих путешествий. Последние годы он все время писал их, вспоминая старое.

«Возьмите это сочинение,— сказал мне старик,— жена моя по-русски неграмотна, и у нее тетрадь пропадет. А вы, может быть, найдете в ней интересные вещи, поправите и напечатаете рассказы о том, как Фома Кукушкин в пустынях Азии искал и находил клады. Ведь я больше искрестил глубину Азии, чем генерал Пржевальский, хотя не побывал в Лхасе, столице Тибета, куда и Пржевальского не пустили. А разных кладов я вывез немало, как вы хорошо знаете».

Записки Кукушкина заинтересовали меня, я взял их у консула, просмотрел и нашел, что после литературной обработки они могут быть опубликованы. Они содержали много сведений о природе, людях и приключениях кладонскателя в разных частях обширной Внутренней Азии.

Возможно, что он кое-что присочинил, кое-что приукрасил, восстанавливая по памяти встречи и события за двадцать лет своих путешествий.

Я сообщил Сокову свое мнение о записках Кукушкина.

¹ Русские в Джунгарии местных монголов называли также калмыками.

— Возьмите их с собой,— сказал он. — Вы опытный путешественник и умеете описывать свои наблюдения, как показывают ваши труды. А я, кроме консульских донесений в министерство и протоколов по разбору торговых тяжб и мелких преступлений, ничего никогда не писал и писать не умею. Вы обработаете эти записки, и какое-нибудь ученое общество напечатает их.

Таким образом записки Кукушкина попали в мои руки. Я начал обрабатывать их в свободное время. Но такого времени у меня было очень мало, и обработка затянулась на много лет. Наконец она завершена, и я передаю это произведение молодым читателям в надежде, что оно заинтересует тех, кому нравятся описания путешествий и приключений в малоизвестных странах в глубине Азии.

ЗОЛОТО НА СТАРОМ РУДНИКЕ

Это было мое первое путешествие не по торговым делам и недалеко, верст 150 от Чугучака в Джаирские горы.

Я незадолго перед тем рассорился с московскими купцами, у которых служил приказчиком по торговым делам с Монголией. Они были недовольны тем, что я слишком мало продавал их красного товара, и написали мне выговор с предупреждением. А я сгоряча отписал им, что их товар плоховат и дорог, что в Монголию стал поступать товар из Индии, цветистее и дешевле московского. Советовал улучшить качество и снизить цену, иначе конкуренции не выдержать и сбыт из года в год пойдет на убыль. Ну, толстосумы обиделись: привыкли сбывать монголам всю свою заваль. Прислали мне отставку и приказ сдать остаток товара и лавку приказчику, которого назначат вместо меня.

Ну вот, сижу я в своей лавке в ожидании приезда преемника, которому должен сдать дело. Все привел в ясность, подсчитал наличность, подвел баланс, и больше делать нечего. Сижу и думаю, как быть дальше, чем заняться? Самому начать торговлю в Монголии не под силу. Накопил я за семь лет торговой службы тыщонки две. Этого мало, чтобы снарядить караван хоть из пяти верблюдов. А взять в кредит московскую заваль — новый приказчик, пожалуй, откажет, и будет обидно вдвойне. Лицо потеряешь, как китайцы говорят. Самому наняться к нему в подручные и вести его караван — еще обиднее.

Сижу и ломаю голову. Другого дела не знаю, с молодых лет по торговому делу работал на Алтае в Усть-Каменогорске и в Чугучаке десять лет.

И вот пришел ко мне монгол Лобсын, который не раз водил наши московские караваны по Монголии и заслужил полное доверие. Он, так сказать, мой воспитанник. С юных лет он отцом был отдан в монгольский монастырь в ученики к ламам. Но так ему тибетское богословие опротивело, что он накануне посвящения в ламы сбежал из монастыря и в Чугучаке нищенствовал.

Я его приютил, взял подручным в лавку, приучил к работе; оказался понятливым и прилежным. Потом стал брать его рабочим при торговом караване. Он скоро запомнил все дороги и начал заменять проводника. Помирился с отцом, вернулся в свой улус, женился, но службу у меня при караване не оставил. Полюбилась ему кочевая жизнь: полгода дома, полгода в дороге.

Так вот, Лобсын, узнав, что я получил расчет и больше не буду снаряжать караваны, очень огорчился.

— Пришел конец моим странствиям! — говорит он со вздохом.

— Вот приедет новый приказчик, — говорю ему, — поступишь к нему, я тебя хорошо аттестую.

— Какой будет человек еще? С тобой у нас никогда ссоры не было. Всегда все в порядке, и я, что полагаюсь, получал без спора. А другой обсчитает и еще обругает или побьет.

Я его уговариваю, обнадеживаю.

— А сам ты что будешь делать? — спросил он. — Уедешь к себе на Алтай, что ли? И мне грустно будет. Сдружились мы с тобой, Фома, ты меня человеком сделал.

И предложил он мне работать сообща так: я должен достать товар, а он в улусе наймет верблюдов.

— Денег у меня мало! — говорю.

Он ушел огорченный. Дней пять спустя пришел опять и показывает мне старую китайскую книжку.

— Вот, — говорит, — здесь написано, где найти деньги, чтобы купить товар и снарядить караван.

Я повертел книжку.

— Ничего не понимаю, по-китайски читать не умею. Объясни толком.

Лобсын показал мне последнюю страницу. На ней что-то нарисовано и сбоку написано на тибетском языке. И написано, говорит, вот что: «Горы Джаир, старый рудник, здесь закопано золото».

— Я знаю, что в горах Джаир были золотые рудники. Сам могу написать такое,— говорю ему.

— Нет,— отвечает,— тут и место указано точно. Вот, смотри. Нарисована китайская фанза; от одной стены ее идет стрелка к надписи насчет золота, а от крыши в две стороны идут стрелки к горным вершинам. По этому рисунку можно найти фанзу, в которой золото спрятано.

— Откуда достал ты эту книжку?

— У отца взял. Вспомнил, что у него во время дунганского восстания спасался китайский чиновник, бежавший от дунган из Джаирских гор. Жил он у отца лет пять, все ждал, когда восстание кончится, да так и умер, не дождавшись. Он говорил, что на руднике у него осталось золото. Это его книжка. Я тогда учился у лам, и отец велел мне написать по-тибетски об этом золоте. «Покажи, научился ли тибетской грамоте?» Вот я и вспомнил об этой книжке и нашел ее. Не поможет ли она приятелю Фоме, думаю.

— И ты уверен, что там в горах у какой-то фанзы золото закопано?

— Наверно, так. Для чего китаец берег эту книжку и отцу велел хранить ее? «Пригодится тебе когда-нибудь, как настанет мирное время»,— сказал он как-то.

— Золото, пожалуй, было закопано, но давно уже взято: дунгане искали, горнорабочие вернулись за ним. А фанза-то, наверно, сгорела или развалилась.

— Чего ты боишься?— рассердился Лобсын.— Судьба тебе клад посылает в самое нужное время, а ты сомневаешься. Поедем поищем. Работа твоя кончена, делать тебе нечего. Я приведу коня, возьмем припасу на неделю. Я дорогу знаю, старый рудник недалеко от нашей джайляу (так летняя кочевка называется).

— Ну ладно, убедил!— говорю ему.— Приедет новый приказчик, сдам ему лавку и товар, тогда буду свободен и поедем твое золото искать. Наведайся через две недели.

Недели не прошло—прибыл новый приказчик и привез пять телег с московским товаром из Зайсана—города, откуда хозяева перевели его мне на смену. Ну и склоку он завернул мне. Весь товар, оставшийся у меня в лавке, он собственноручно перемерил, моим записям не поверил. Даже штуки с московским ярлыком, петронутые, на выбор проверял. Аршин тридцать недостаичи у меня обнаружил, и пришлось мне полностью заплатить за них. Квартиру, которую я занимал при лав-

ке, велел освободить, хотя другая рядом, где жил подручный, которого я уже уволил, была свободна.

— Не полагается, чтобы при лавке жил посторонний человек,— объяснил он.— Или занимайтесь ко мне в подручные сопровождать караван, или выселяйтесь.

Пришлось мне перебраться по знакомству в плохонькую фанзу во дворе одного китайского купца.

Едва мы покончили все дела по сдаче остатков, приехал Лобсын и насилиу разыскал меня на новой квартире. Зашел ко мне в фанзу и говорит:

— Вот ты где приютился, Фома! Грязно, темно, очага нет, окна нет, кровать на кан поставил от тесноты. Видишь, так жить нельзя, нужно поехать и счастье свое искать. Запас готов ли?

Я за это время уже заготовил сухарей и баурсаков на 10 дней, кирпич чаю, топленого масла, сахару. Наскоро собрал одежду. Лобсын привел мне хорошего коня. Привязали за седлами весь припас. Я взял двустволку с патронами и револьвер на всякий случай. Котелок, чашки, конечно, и каелку, чтобы землю ковырять.

Выехали из города на восток по дороге в Дурбульджин степью по долине реки Эмиль. Местность здесь такая: на севере слева по дороге темнеет хребет Тарбагатай, гребень у него ровный, склон на юг крутой, весь зеленый от кустов; снега на вершинах нет. На юге подалше хребет Барлык ступенями поднимается, на них леса темнеют, а вдали на главной цепи Кертау белеют снега. Широкая долина Эмили еще зеленеет, лето вначале, трава не выгорела. Впереди долину замыкают горы Уркашара, тоже зеленые, крутые. Простор, солнце печет, небо чистое, жаворонки взлетают, заливаются.

Ехали мы то шагом, то хлынько до заката. Ночевали на речке Маралсу; она из гор Уркашар бежит, в Эмиль впадает. Вдоль нее лужайки, хорошар трава. Стреножили коней, отпустили на корм, собрали аргалу, развели огонек, сварили чай, закусили. Стемнело. Мы коней привели, возле себя к колышкам привязали, травы на ночь нарвали им немного и легли спать. Я, конечно, городской житель, сильно устал, целый день в седле, ноги ломит, уснуть не могу. Лежу с открытыми глазами и люблюсь: небо чистое, звезды мерцают, друг с другом перемигиваются. И все это, как ученые люди полагают, солнца, подобные нашему, а вокруг них незаметные глазу планеты кружатся, и какие-то живые существа на них обитают. Но я издавна при виде звездного неба о

великой загадке мироздания подумывал. И начинаешь соображать, где же тот рай, о котором попы рассказывают, где он приютился — на звезде или на планете? Звезды — это солнца, на них, должно быть, страшно жарко, там уж скорее мог бы быть ад для грешников, где их поджаривают. А рай, может быть, на какой-нибудь планете? Но все они страшно далеко. Ведь до нашего солнца считают сотни миллионов верст. Сколько же времени души умерших должны лететь до рая или ада — целые столетия? И начинаешь сомневаться в достоверности библейского сказания о сотворении мира, о всемогущем и вездесущем творце. И вспомнил я своего отца, который был неверующим, и попа, который изредка приезжал в нашу глухую деревню из далекой станции для похорон, крестин и бракосочетаний, но к нам не заходил и называл отца безбожником. Отец говорил, что, если бы на небе был всеведущий и вездесущий творец, он не потерпел бы, чтобы на сотворенной им грешной земле происходило столько преступлений и господствовало неравенство людей.

Наша Русь, рассуждал отец, все еще стоит на трех китах — самодержавии, православии и народности. Мы, декабристы, задумали было низвергнуть самодержавие, но это не удалось сделать, потому что было преждевременно. Православие само захиреет и упразднится, когда народ делается образованным, а народность останется как единственный наш кит, когда народ проснется и делается хозяином своего государства и своей судьбы, самодержавным и всемогущим. Я, конечно, не доживу до этого времени, размышлял он, а ты, может быть, доживешь.

Долго лежал я, размышляя об этих трех китах. Слышал, как кони траву жуют, как на недалекой китайской займке собаки лают, а еще дальше в степи волки воют. Подумал даже, не подберутся ли они к нам. Но собака Лобсына лежала спокойно возле нас. Наконец, сон пришел.

Проснулись, конечно, на заре, потому что под халатами продрогли. Вскочили, развели огонь, коней отпустили на росистую траву. Сидим у огня в ожидании чая, греемся.

И вздумалось мне спросить Лобсына.

— Что тебе говорили ламы в монастыре о душе человека и будущей жизни?

— По нашей вере, — ответил он, — душа человека после его смерти переселяется в другое существо — в но-

ворожденного младенца, если покойник был хороший, или в животное — быка, барана, собаку, змею, червяка, если он был плохой. И сам Будда, творец мира, перевоплощается во многих людей одновременно. Ты ведь знаешь, Фома, что почти в каждом монастыре есть гэген, почитаемый как новое воплощение Будды, как духовный глава монастыря. А хамбо-лама в Лхасе — самый главный из этих воплощенцев. И когда какой-нибудь гэген умирает, ламы его монастыря по тибетским книгам и разным приметам узнают, в какого младенца душа гэгена переселилась, отыскивают его и привозят в монастырь.

— Знаю я это! Привозят младенца, а пока он вырастет, старшие ламы сами управляют монастырем, как вздумается. И после взрослый гэген у них больше как кукла, для показа народу, а управляют ламы.

— Правду говоришь! Вот потому я и убежал из монастыря. Видел, как старшие ламы обижают учеников, заставляют работать на себя, а гэген ни во что не входит, ест, спит, молится и народ благословляет.

Позавтракали, оседлали коней и поехали дальше голый степью на юг, повернули между горами Уркашара и окончанием хребта Барлыка. По этому проходу невысокие горки разбросаны, Джельдыкара называются, что значит «черные, ветренные».

— Почему их так окрестили? — спрашиваю.

— Потому что зимой здесь по временам страшный ветер дует, Ибэ-ветер, холодный. От него весь снег на этих горках тает, и стоят они голые, черные. А рядом на Уркашаре и Барлыке снег лежит себе, белеет. Про Ибэ-ветер ты, наверно, слышал.

— Слышал рассказы. Говорят, что он дует не только здесь, но еще сильнее за горами Барлык, в проходе, где озера Алаколь и Эби-нур лежат. Там, говорят, ни киргизы, ни калмыки не живут потому, что летом очень жарко, травы плохие, корма мало, а зимой Ибэ часто дует такой сильный, что устоять нельзя, завьюченных верблюдов уносит, словно сухие кусты перекаати-поле, а люди замерзают.

— И еще говорят, — сказал Лобсын, — что на озере Алаколь есть остров с каменной горой, а в горе большая пещера. Из этой пещеры Ибэ-ветер со страшной силой вылетает. Однажды киргизы целым аулом собрались в тихий день, вход в эту пещеру заложили бычачьими шкурами и завалили камнями, чтобы Ибэ больше не вылетал оттуда. Очень надоел им этот Ибэ.

Но пришло время, и Ибэ расшвырянул, вырвался, камни отбросил, шкуры разметал и дует по-прежнему.

— Ну, это уже басни! — говорю ему. — Мне консул как-то рассказал, что лет сорок назад какой-то ученый из России приехал, чтобы осмотреть эту пещеру на острове, про которую такие слухи ходят. И никакой пещеры в горе не оказалось, гора каменная сплошная. А Ибэ вовсе не с острова начинается, а дует по всей широкой долине от озера Эби-нур. Это холодный воздух из Джунгарской пустыни по долине между горами Майли и Барлык, с одной стороны, и Алатау, с другой, на север стекает в виде Ибэ.

— Здешний ветер называют Кулусутайский Ибэ, — пояснил Лобсын. — Из-за него в горах Джельды кочевники также не живут. Только у самого подножия Уркашара прячутся китайские заимки. Там и идет зимняя дорога из Чугучака, чтобы путник, застигнутый Ибэ, мог укрыться от него. Только непонятно мне, почему люди от Ибэ замерзают, а снег тает.

— Потому что ветер хотя не морозный, но холодный и при своей силе пронизывает человека до костей; человек не замерзает, а коченеет, — пояснил я, в свою очередь, Лобсыну.

Часа два мы ехали по этому проходу черных ветренных гор, а затем выбрались в широкую долину, где трава стала выше и гуще.

— Это место называют Долон-Турген, — сказал Лобсын.

— Здесь зимние пастбища хорошие. Как только кончится Ибэ и сгонит снег со степи, сюда со всех окрестных улусов пригоняют скот кормиться.

— А я думал, что Ибэ дует всю зиму.

— Нет, он дует в холодные месяцы день, два, три, редко — неделю, а потом несколько дней погода тихая.

Впереди уже выступал хребет Джаир в виде длинной, почти ровной стены, далеко протянувшейся с востока на запад. Справа от нашей дороги вскоре показался длинный красный яр; вдоль его подножия серебрилась речка.

— Это Май-кабак, — пояснил Лобсын.

«Сальный откос», — мысленно перевел я и спросил, почему его называли так.

— Не так давно здесь погибло целое стадо баранов. Они паслись в степи над этим ярком. Налетел сильный буран, стадо бросилось по ветру вниз по откосу, завязло в глубоком снегу и замерзло. Весной снег стаял,

солнце пригрело трупы, из курдюков стало вытапливаться сало и пропитало всю землю. С тех пор и зовут это злополучное место Май-кабак.

— Что же, многие калмыки потеряли всех своих баранов и обнищали? — спросил я.

— Нет, стадо принадлежало богатому баю. Разве у рядового кочевника может быть столько баранов! А бай заставил своих пастухов, когда снег стаял на откосе, снять с дохлых баранов шкуры с шерстью и подобрать протухшее мясо, чтобы кормить своих собак.

По мере того как мы приближались к Джаиру, по степи Долон-Турген, его ровная стена начала распадаться на отроги, разделенные глубокими долинами. Мы спустились в одну из них. По дну струился чистый ручей; вдоль него росли кусты тала, черемухи, боярки, кое-где тополя. Одна лужайка манила к себе для отдыха. Развели огонек, повесили чайник; коней, немного выдержав, пустили пастись, а сами прилегли в тени переждать жаркие часы.

Потом поехали дальше вверх по этой долине. Местами она представляла ущелье между красно-лиловыми скалами. Одна скала походила на огромную голову с пустыми глазницами, из которых вылетела пара диких голубей. Дальше на склонах появился молодой лес, подъем стал круче, и долина превратилась в широкий плоский луг с хорошей травой и журчащим ручейком. Пологие склоны представляли хорошие пастбища. Это были джайляу — летовки.

Впереди несколько киргизов развьючивали верблюда. Женщины в белых колпаках ставили решетчатые основы кибитки (юрты). По склону уже рассыпалось стадо овец, несколько коров и лошадей. Кричали и бегали дети, лаяли собаки.

Когда мы подъехали к киргизам, прибывшим на летовку, пришлось начать обычный разговор, обмен новостями, спросить о здоровье скота, сообщить, откуда и куда едем. Я, конечно, не сказал, что мы едем искать золото, а сказал, что едем на охоту за архарами в горы Кату.

Из верховьев этой долины мы выехали на поверхность Джаира. Я был удивлен, что этот хребет имел совершенно ровный, широкий гребень, сплошь покрытый мелкой, но довольно густой травой. Нигде не было скал, и по этому гребню можно было ехать не только верхом, но даже в телеге в любом направлении. Лобсын повернул на восток, и мы ехали около часа по

гребню, местами представлявшему плоские холмы и ложбины. Потом гребень свернул на юг, и мы спустились в плоскую широкую долину, подобную той, на которой застали прибывших на летовку, но только расположенную на южном склоне Джаира.

В этой долине стояли три юрты, и Лобсын направился к ним.

— Вот и мои перекочевали на джайляу,— сказал он.— Мы у них переночуем, а завтра поедem на ближний рудник. Но, Фома, не говори, зачем поехали!

— Само собой, болтать нечего! — согласился я.

Одна из юрт принадлежала семье Лобсына, другая — его родителям. Нас встретили приветливо, окружили, засыпали вопросами.

— Вот, я приехал к вам со своим хозяином Фомой,— сказал Лобсын родителям,— мы завтра поедem дальше на охоту, а сегодня погостим у вас.

Юрта Лобсына была чистая и хорошо обставлена благодаря его заработкам у меня. Войлоки были белые, толстые. Вдоль стен стояли сундучки, а в одном месте полочка с бурханами и медными перед ними стаканчиками для курительных палочек. На стенках висела одежда, бурдюки с маслом, тарасуном, чурой (сухим творогом).

Посреди юрты — очаг с чугунной треногой, на которой в большом котле варился чай, заправленный молоком, солью и маслом в виде супа. Мы достали сухари, сахар и баурсаки, чайные чашки. Нам предложили вареную баранину на деревянном блюде, сушеные пенки на другом.

Население всех трех юрт собралось в юрту Лобсына, и разговоры за чаепитием были очень оживленные. Потом курили маленькие монгольские трубки, а меня угощали нюхательным табаком, который из маленького пузатого флакона высыпают на ноготь большого пальца, чтобы поднести к носу.

Ночевали в этой юрте на войлоках, разостланных вокруг очага. Но ночь не была такой спокойной, как накануне в степи. Рядом храпели люди, снаружи доносилось блеяние овец, лай собак, фыркание лошадей, рев верблюда. Проснулись рано, но нас не отпустили без чая, который варили целый час.

Долина, в которой стояли юрты, составляла верховье одного из истоков реки Дарбуты. Мы поехали вниз по этой долине; она мало-помалу врезалась в горы глубже и, наконец соединившись с другой, подобной

же, вышла к старому золотому руднику Ван-Чжу-Ван-цзе.

— Это был самый западный из рудников Джаира,— сказал Лобсын. — Попробуем проверить приметы, которые в книжке написаны.

Правый склон долины был крутой и скалистый, а левый — более пологий и поросший травой. В нескольких местах на нем серели стены брошенных фанз рудокопов, все без крыш, оконных и дверных колод, давно уже взятых кочевниками на топливо. На дне долины среди галечных площадок и зарослей кустов извивалось русло довольно большой речки Дарбуты; там же белели кучи песка. Это были отвалы размолотого кварца золотоносных жил. Рудокопы добывали его в шахтах на склоне и носили вниз к реке, где его дробили и промывали в воде.

В самой нижней из фанз мы сложили свои вещи, расседлали лошадей и пустили их пастись по склону. Я встал внутри фанзы, достал книжку с планом и, поворачивая его, смотрел, не попадут ли нарисованные на нем две стрелки на горные вершины, похожие на изображенные. По направлению одной стрелки на гребне склона была видна плоская вершина, но форма ее не такая, как на плане; по направлению второй стрелки никаких вершин не было видно.

Лобсын стоял возле меня и с большим вниманием следил за моими действиями. Он быстро сообразил, в чем дело, и мы согласились, что в фанзе, в которой мы находились, золото не зарыто. Затем мы обошли развалины десятка фанз на склоне, в каждой прикидывали план, но ни одна не оправдала ожиданий; по направлению то одной, то другой стрелки, а иногда и обеих, не было вершин, похожих на нарисованные.

— Лобсын,— заявил я на самой верхней фанзе,— этот рудник, очевидно, не тот, который нам нужен. Где находятся другие рудники?

— Три ближайšie — это Чий Чу. Они недалеко отсюда, за речкой Ангырты под горами Кату. Потом в горах Кату были рудники Бель-Агач. Эти я тоже знаю. А на самых дальних я не бывал: там ни воды, ни корма нет.

— Поедем на рудники Чий Чу.

— Сперва надо пообедать. На Чий Чу речки нет, пришлось бы брать гнилую воду в старой шахте. И корм там плохой для коней. Пусть они попасутся здесь.

Совет был правильный. Мы спустились к нижней

фанзе. Лобсын побежал к речке за водой, я набрал ар-галу и хвороста. Пока грелся чайник, мы осмотрели разработки возле этой фанзы.

По жиле белого кварца, которая тянулась наискось по склону, чернели друг возле друга глубокие ямы. Это и были китайские шахты. Они уходили вглубь круто и далеко, а отделялись друг от друга стенками кварца, то есть участками жилы, оставленными для того, чтобы поддерживать висячий бок жилы от обрушения. Никакого крепления не было, как не было и чего-либо похожего на лестницу. Только в лежачем боку, то есть в породе под кварцем жилы, были выбиты выемки или площадки; ставя на них ноги, рудокопы спускались в глубь шахты и так же поднимались вверх с грузом выломанного кварца в мешке или корзине на спине.

Ямы-шахты были так глубоки, что дно их скрывалось в темноте. Камень, брошенный туда, катился несколько секунд, прежде чем мы услышали плеск от его падения в воду. Судя по этому, шахты имели не менее 10 сажен глубины.

Я внимательно осмотрел кварц жилы в стенке, оставленный между двумя соседними ямами, но не нашел в нем видимого золота. Очевидно, рудокопы углубляли свои ямы по тем участкам жилы, где в кварце было видимое золото, оставляя участки, где его не было видно, хотя и в них, наверно, тоже было золото, только невидимое неопытному глазу.

Напившись чаю и отдохнув, мы поехали дальше. Тропа поднялась по левому склону мимо шахт и перевалила в сухой лог, который открывался в долину Дарбуты ниже рудника. Мы проехали вверх по этому логу, еще два раза переваливали в другие лога, кое-где видели неглубокие старые ямы. Но фанз при них не было. Часа полтора спустя мы выехали в довольно широкую долину с лужайками, рощами, зарослями по берегам чистой речки Ангырты.

— Здесь надо напоить коней,— заявил Лобсын.— На руднике Чий Чу речки нет. Мы там до ночи, может, и не управимся, и придется ночевать без воды.

Мы напоили коней, напились сами и наполнили еще большую бутылку, которую Лобсын захватил из своей юрты. За речкой пошли плоские, почти голые холмы. Слева от них поднимались крутые склоны гор Катун; видны были ущелья, скалистые вершины. Горы тянулись вдоль дороги на восток.

— Вот первый рудник Чий Чу!— сказал Лобсын,

указывая на развалины фанз, белевшие на плоских холмах, когда мы проехали версты четыре от речки.

Местность здесь была малопривлекательная. На холмах росла только полынь и другой бурьян мелкими кустами, травы почти не было. Вдоль и поперек тянулись китайские шахты, то есть те же ямы по жилам, а возле них то тут, то там стены фанз, опять без крыш и с пустыми оконными и дверными отверстиями.

Мы остановились у первой попавшейся фанзы и спешили. Коней нельзя было отпускать — в поисках корма они могли уйти далеко. Лобсын держал их, а я, вынув книжку, начал прикидывать план с рисунком фанзы и стрелками. На плане не было стрелки, указывающей полуденную линию. Я, конечно, держал его перед собой так, чтобы фанза стояла крышей вверх, и при этом сам смотрел на север.

При таком положении плана в моих руках стрелки от фанзы шли на юго-запад и юго-восток. Но в этих направлениях никаких заметных горных вершин не было. Местность к югу от рудника Чий Чу представляла однообразные плоские холмы.

— Ничего не выходит! — сказал я Лобсыну, стоявшему рядом. — Видишь, никаких гор в той стороне, куда идут стрелки, нет. И в других фанзах будет то же самое. Видно, золото не на руднике Чий Чу.

— А горы Катуты ты не видишь? — воскликнул Лобсын, указывая на цепь скалистых гор, которая закрывала весь северный горизонт и тянулась недалеко от рудника. — Поверни план, и стрелки укажут тебе горы Катуты.

Я повернул план, оставаясь в том же положении. Стрелки теперь действительно шли к горам Катуты — на северо-запад и северо-восток. Но фанза была на плане передо мной крышей вниз. Странно!

И тут я вспомнил, что китайцы всегда ориентируют свои планы и карту так, что север обращен к наблюдателю, а юг от него — в противоположность тому, что делаем мы, европейцы. Мы кладем карту перед собой так, что север находится сверху, а юг внизу. И если повернуть планы в книжке по-китайски, то есть югом от себя и смотреть на юг, то фанза на нем будет стоять как следует, крышей вверх, а стрелки будут направлены на горы Катуты.

По направлению одной стрелки теперь в Катуты хорошо была видна двуглавая вершина, показанная и на плане, но по направлению второй стрелки в Катуты виден

был склон какой-то горы, а на плане — острая вершина и рядом ущелье.

— Это фанза не та, которую мы ищем, — сказал я, и Лобсын согласился, взглянув на план и на Катую.

Мы пошли дальше по руднику на восток, переходя от фанзы к фанзе, причем приходилось обходить зиявшие устья шахт. У каждой фанзы останавливались и прикидывали план. Двуглавая вершина все время видна была в Катую по направлению одной стрелки, но острая вершина и ущелье не появлялись. Так мы дошли до последней фанзы, у которой и двуглавая вершина почти спряталась за другой, более близкой горой.

— Первый рудник Чий Чу обманул нас! Попытаемся на втором, он тут недалеко, — сказал Лобсын.

Мы сели на коней и поехали дальше на восток по таким же пустынным холмам с жалкой растительностью. Солнце уже опускалось к гребню гор Катую. Я подумал, что мы не успеем кончить осмотр, и сказал это Лобсыну. Но тот был охвачен азартом и заявил:

— Второй Чий Чу близко! — и поскакал вперед.

Действительно, через несколько минут мы подъехали к этому руднику, совершенно похожему на первый. Такие же холмы, линии ям-шахт и остатки фанз вдоль них. У первой фанзы мы спешили и прикинули план. Одна стрелка тянулась на северо-запад, опять к двуглавой вершине, но не той, которую мы видели с первого рудника, а какой-то другой. Вторая стрелка на северо-восток показала острую вершину, но без ущелья рядом.

— Опять что-то не так! — сказал я.

— Нет, по-моему, близко! — заявил Лобсын. — Скоро найдем.

Мы опять стали переходить от фанзы к фанзе. У стой, стоявшей не у самой линии шахт, а немного в стороне и возле небольшого холмика, обе стрелки точно показали то, что было изображено на плане: одна — двуглавая вершина, другая — острая и рядом с ней, на южном склоне Катую, глубокое ущелье, которое раньше закрывалось от нас каким-то отрогом гор.

— Ну вот видишь, Фома! План правильный. В этой фанзе закопано золото! — воскликнул Лобсын.

— Пожалуй, было закопано! — сказал я. — А лежат ли еще? Ведь уже минуло тридцать лет с тех пор. Многие могли за это время шарить тут по фанзам, искать, не осталось ли что от рудокопов. Смотри — двери, окна и крыши растащили дочиста.

— Крыши, двери, окна могли сгореть. А рыть землю в фанзах искателям золота было некогда и не к чему. Рудокопы прятали золото в своих шахтах, а не в фанзах. Да и много ли золота могло быть у каждого рудокопа?

А в этой фанзе,— продолжал Лобсын,— жил не рудокоп, а чиновник китайский, мандарин, который принимал золото от рудокопов для сдачи в казну. Вот у него и могло быть золота побольше. Китаец, который жил у моего отца, был не простой рудокоп.

Фанза действительно отличалась от остальных, в которых жили рудокопы. Последние были меньше, все в одну комнату, половину которой занимал кан, с одним окном и дверью. А в этой было две комнаты и кан только в задней, которая имела два окна и дверь в первую. Мандарин, принимавший золото, спал в задней комнате, а в передней принимал рудокопов.

— Где же начнем рыть? — спросил я.

— В задней комнате,— сказал Лобсын.— Там чиновник спал, там и прятал золото.

Кан в этой комнате уже осел и превратился в кучи глины с щебнем. Но где было зарыто золото? В топке кана или в полу комнаты возле него? Я предложил прорыть канавку поперек всей задней комнаты вдоль кана. Нужно было торопиться, солнце уже скрылось за горами Кату.

Мы привязали лошадей в первой комнате и принялись за работу. Я дробил кайлой затвердевшую почву, а Лобсын выгребал ее маленькой саперной лопаточкой, которую я взял у консула. Эту канавку, глубиной и шириной в четверть, мы провели от двери из первой комнаты вдоль кана до окошка во второй. Вырытую почву выбрасывали через стену фанзы. Почва была очень твердая, глина со щебнем, и работа подвигалась медленно.

В канавке, кроме глины с мелким щебнем, ничего не вскрыли, пока не подошли к самому окошку в боковой стене задней комнаты. Здесь я откопал несколько кусков белого кварца, хотел их выбросить, но вспомнил, что золото в жилах рудника сидит в кварце. Поднял один кусок, обтер его от глины и увидел, что весь кварц был пронизан жилочками и крапинами ярко-желтого цвета. Это было золото. Я показал кусок Лобсыну.

— Вот тебе и клад мандарина! Он, видно, отбирал у рудокопов куски кварца с богатым золотом,— сказал я.

Из этой части канавки мы выбрали восемь кусков такого же богатого кварца, но в общем по оценке на глаз в них могло быть фунта два золота, не больше.

«Неужели это весь зарытый клад? — подумал я. — Но где же искать дальше? Взрывать ли весь пол перед каном?»

Между тем солнце уже село, и стало ясно, что до ночи мы не успеем кончить эту работу. Я сказал это Лобсыну.

— Останемся здесь ночевать, — ответил он, очевидно увлеченный добычей. — Воды для чая мы привезли. Завтра чуть свет кончим и поедем на Ангырты отдыхать.

— А что же кони? Они всю ночь простоят голодные. Отпустим их, что ли?

— Никак нельзя. Корм плохой, они уйдут далеко. А волков здесь много, они в старых шахтах живут, норы готовые для них. Коней нельзя отпустить, волки загонят их. Поятся до утра в фанзе подле нас. И вот что. Пока еще видно, наберем побольше хворосту, чтобы всю ночь огонек держать, а то волки и до коней, и до нас доберутся.

Ночевка не обещала ничего приятного. Но и мне не хотелось уезжать. Между тем никто, конечно, не мог заехать сюда ночью и закончить раскопки. За целый день мы не встретили ни одного человека во всей этой местности и могли бы спокойно уехать ночевать на речку Ангырты и утром вернуться.

Мы поспешно начали собирать топливо, вырывая кусты караганы, полыни, эфедры, попадался кое-где и аргал. Наворотили возле фанзы целую кучу, нашли в соседней фанзе несколько полусгоревших жердей от крыши.

Кони стояли у нас в первой комнате фанзы, а мы расположились в ее дверях, развели огонь, поставили котелок. Ночь уже наступила, на небе засверкали звезды между легкими облачками, надвигавшимися из-за гор Кату.

Чай поспел, достали чашки, баурсаки, сухари. Сидим у маленького огонька, пьем чай, закусьваем. И вдруг недалеко от нас раздался протяжный и низкий вой, на который кони ответили храпом.

— Волк, — сказал Лобсын. — Подает сигнал другим, что нашел добычу, с которой в одиночку не может справиться.

— Созывает их на помощь, — подтвердил я. — Сколь-

ко их набежит? Нужно приготовить ружья, у меня десять патронов с картечью и пять с крупной дробью.

— А ливорвер не забыл? — спросил Лобсын, который никак не мог запомнить слово «револьвер».

— С собой, шесть пуль и столько же в запасе.

— Хватит, пожалуй! Не сотня же соберется.

Двустволку и при ней патронташ я оставил в углу фанзы, а револьвер в седельной сумке. Принес и то и другое, зарядил двустволку картечью и поставил под рукой, револьвер положил возле себя.

— Придется нам, видно, не спать всю ночь! — заявил Лобсын. — Коням дадим по две горсти сухарей и несколько баурсаков. Кормушки у меня с собой.

Вой повторился, но в отдалении и с перерывами, в трех-четырех местах.

— Отзываются на призыв. Но пока горит огонь — близко не подойдут.

При свете огонька мы насобирали еще вокруг фанзы все, что могло гореть, вплоть до самых мелких кустарников. При этих сборах Лобсын отошел немного дальше и возле ямы-шахты увидел волка, который быстро скрылся в шахту.

— Я бросил вслед ему большой камень и, должно быть, попал, он завизжал там в шахте, — сообщил калмык, сбрасывая охапку хвороста.

Мне очень хотелось спать, и я сказал:

— Нам обоим караулить не нужно. Будем по очереди, один у огонька, другой вздремнет.

— Ладно. Я еще не хочу спать. Покараулю.

Я прислонился к стенке фанзы и сразу заснул. Пришлось мне, что мы опять роем землю в фанзе при каком-то странном красном свете и нагребли уже целые кучи кварца. Повернуться некуда в фанзе, а все еще попадают целые глыбы, и я ворочаю их легко, словно куски хлеба. А Лобсын роет рядом и что-то приговаривает, и вдруг вместо него, вижу, роет волк, лапами землю разгребает, а зубами хватается кварц и рычит. Повернулся ко мне, широко раскрыл пасть, высунул язык — и зубы у него все блестят, золотые. И внезапно бросился на меня, сильно толкнул в грудь лапами, а золотыми зубами щелкнул перед самым носом.

Тут я проснулся, потому что Лобсын теребил меня за плечо,

— Погляди-ка, Фома! Караульщики клада собрались, хотят помешать нам взять золото.

Я протер глаза. Наш маленький огонек освещал только несколько сажен впереди фанзы, а дальше, шагах в двадцати, в темноте светилось несколько пар волчьих глаз. Когда пламя вспыхивало, охватывая новый кустик, положенный на огонек, я различал морды, настоженные уши и контуры тел. Я насчитал девять пар этих глаз в охватившем нас полукруге.

Вдруг наши кони захрапели, затопали, и Лобсын, вскочивший на ноги, едва успел схватить уздечку и остановить своего коня, который напирал на меня, стараясь выскочить из фанзы. Очевидно, какой-нибудь волк подобрался к задней стене фанзы, остававшейся в темноте, и напугал коней, может быть, старался перелезть через стену. Я схватил горящий куст и перебросил его через фанзу.

Расчет волков был ясен. Если бы им удалось выгнать коней из фанзы, животные в панике бросились бы куда попало. В холмах, пересеченных в разных направлениях линиями глубоких ям-шахт, кони легко могли споткнуться, попасть при бешеной скачке передними ногами в яму и немедленно сделаться добычей хищников, преследующих их целой стаей.

Я зажег другой кустик, обошел с ним фанзу и заметил еще пару волков, которые скрылись в темноте.

Нужно было разогнать осаду, которая становилась угрожающей. Я велел Лобсыну подкинуть топлива и, когда можно было различить, кроме глаз, и контуры тел, приложился и выстрелил картечью в волка, стоявшего боком шагах в тридцати.

Он подскочил и упал, светящиеся глаза исчезли, стая отбежала. Но немного позже волки вернулись и стали оттаскивать убитого подальше, чтобы его растерзать. Это дало мне возможность выстрелить еще раз в кучу тащивших свою жертву, и они разбежались. Некоторое время было тихо, но потом с той стороны, куда утащили труп, послышалось чавканье, ворчанье и хруст костей.

Затишье позволило нам беречь топливо. Но через полчаса в темноте опять в нескольких местах полукруга засветились глаза. Первая жертва только раздражила аппетит. Я вынул часы: было четверть первого и до рассвета оставалось часа три. Куча топлива у нас сильно сократилась, хотя куски жердей еще остались.

— Подкинь кустик, Лобсын! — сказал я, приготавливая ружье.

Огонь вспыхнул и озарил волков. Я целился в двух,

сидевших друг возле друга на задних лапах. Один, очевидно раненый, отскочил с визгом, второй, убитый наповал, покатился по склону холмика и свалился в устье шахты у подножия.

Остальные сначала скрылись, но потом один за другим пробрались в шахту, чтобы разделаться с убитым. Это опять позволило нам сберечь топливо.

Но тут кони снова захрапели, и мы оба вынуждены были вскочить и загородить собою дверь фанзы, чтобы напуганные животные не выскочили из нее. Они, храпя, напирали на нас. За ними над задней стенкой фанзы я различил глаза волка, очевидно стоявшего на задних лапах. Момент был критический. Хотя револьвер был у меня в кармане, но рвавшиеся кони не давали возможности высвободить руку, и даже если бы это удалось, я не мог бы прицелиться и выстрелить возле самой морды лошади. От этого она бы совершенно обезумела.

К счастью, конь Лобсына вскинул задом и обеими ногами ударил по задней стенке. Глаза волка исчезли. Мы с трудом успокоили коней, и, пока Лобсын держал их, я подкинул топлива, взял в левую руку горящий куст, в правую револьвер с взведенным курком, обогнул фанзу и выстрелил в убежавшего волка, когда он был еще шагах в семи от меня. Он упал, но тотчас же вскочил и на трех ногах ускакал. Я, видимо, перешиб ему заднюю ногу.

Во избежание новых попыток волков пробраться в фанзу с задней стороны мы развели там второй маленький огонек и поддерживали его все время. Но из-за этого уже не было возможности подбрасывать по временам больше топлива в костер спереди, чтобы видеть силуэты волков и вернее целиться в них. Пришлось изредка стрелять в темноту, целясь ниже светящихся глаз, крупной дробью, сберегая патроны с картечью.

Наконец, уже в половине третьего, когда рассвет был близок, мы разожгли костер остатками топлива, и я сделал два выстрела один за другим по волкам, собравшимся кучкой вокруг одного, вероятно издыхавшего. Всем, очевидно, хорошо попало, так как они отбежали и больше не появлялись.

Но вот стало светать. Из темноты мало-помалу выступали холмики, ближайшие фанзы, отвал белого кварца у одной из шахт, а звезды меркли и исчезали. Кони успокоились. Мы насыпали в кормушки по хорошей порции сухарей и повесили их на морды. У нас осталось еще немного холодного чая, который поставили

на догоравший огонь. После такой тревожной ночи подкрепиться чашкой горячего чая было очень приятно.

Как только совсем рассвело, мы возобновили раскопку. Канавку, доведенную накануне до боковой стенки фанзы под окошком, мы повернули вдоль нее, к передней стенке, и сразу же откопали еще десяток кусков кварца с золотом и, наконец, в самом углу у передней стенки нашли глиняный горшочек с узким горлышком. Он лежал на боку, а горлышко было закрыто кожаной пробкой, залитой воском. Горшочек был очень тяжелый.

— Вот это самый настоящий клад! — воскликнул я, когда Лобсын отгреб разрыхленную землю и вынул горшочек.

Я поднял его: на воске пробки видна была печать с китайским иероглифом. Горшочек весил около десяти фунтов.

— Не будем открывать его здесь, — предложил Лобсын. — В нем, конечно, чистое золото, которое чиновник получил от рудокопов и не мог увезти в город, опасаясь, что по дороге туда дунгане остановят его и золото отберут.

— Нужно еще покопать, — предложил я, — чтобы потом не каяться.

Мы продолжили канавку вдоль передней стенки, но ничего не обнаружили. Точно так же раскопка в другом углу комнаты и в двух местах среди нее не дала ничего, кроме мелкого щебня, такого же, как и вообще в почве холмов.

— Ну, какво, Фома? — спросил Лобсын, закончив последнюю ямку и бросив лопатку. — Видишь, я тебя не обманул. Старый китаец оставил здесь золото, а в книжке правильно записал, где оно закопано. Теперь у тебя будут деньги, чтобы купить хорошего товара и отправить меня с караваном.

— А у тебя будут деньги, чтобы купить хороших верблюдов и нанять себе в помощь погонщика, — сказал я.

— Мне не нужно это золото! — возразил Лобсын. — У меня хорошая юрта, немного скота, жена. Я буду водить твой караван, ты будешь платить мне больше за работу, и я буду жить еще лучше, чем до сих пор. Ведь ты меня из нищего и бродяги человеком сделал, и всем, что у меня есть, я тебе обязан.

Очень удивил меня Лобсын своим бескорытием и обрадовал своей преданностью. Но я не мог согласиться взять себе все золото и заявил ему решительно:

— Половина этого клада принадлежит тебе. Ты купишь хороших верблюдов, коней, быков, баранов и сделаешься большим баем. У тебя будет несколько хороших юрт...

— И как только наш князь Кобук-бейсе,— прервал меня Лобсын,— узнает об этом богатстве, он все отнимет, а меня посадит в тюрьму при монастыре. Ты не знаешь этого человека. Я не могу сразу разбогатеть, а богатым бездельником быть не хочу.

— Чего же ты хочешь, Лобсын?

— Я люблю водить караваны по нашим степям и горам, люблю быть хозяином каравана, смотреть новые места, новые города, людей.

— Понимаю! Ты хочешь, чтобы твое богатство объявилось не сразу, а получалось мало-помалу при торговле. Хорошо. Твое золото я буду хранить у себя и отдавать тебе понемногу, когда захочешь. Ты согласен?

— Если ты так хочешь, Фома, чтобы половина клада была за мной — считай меня своим компаньоном по караванной торговле и распоряжайся золотом, как торговым капиталом. Будем вдвоем работать, как раньше. Никогда у нас ссоры не было, жили мы с тобой дружно, друг другу помогали, так и будем дальше, чтобы это золото нас не разделило. Не то я буду жалеть, что нашел книжку и затеял это дело.

Рассуждения Лобсына были разумны. Я уже знал условия жизни в провинции Синьцзян, слышал о произволе китайских амбаней и монгольских князей. Я, как русский подданный, имел защиту в лице консула, а Лобсын был вполне во власти своего князя. Если бы Лобсын покупкой скота и вещей обнаружил, что у него завелись деньги, князь начал бы вымогать их под разными предложениями и разными мерами. Сообщить китайской или монгольской власти о нашей находке мы не намеревались, так как это вызвало бы просто конфискацию золота. Ведь мы не знали, являлся ли китаец, зарывший золото, чиновником, собиравшим его у рудокопов для сдачи в казну, или же арендатором рудника, получавшим золото от своих рабочих. В первом случае золото принадлежало китайскому государству, а во втором — китайцу, жившему и умершему у отца Лобсына. Не мог бы выяснить это и амбань Чугучака, и в лучшем случае, при вмешательстве консула, он завел бы переписку с Пекином для решения этого вопроса, что затянулось бы на несколько лет.

Поэтому наиболее благоразумным было не говорить никому о находке и использовать ее мало-помалу и осмотрительно.

Закончив раскопки, мы заровняли канавки, вырытые в фанзе, оседлали лошадей, куски кварца и горшочек разложили по нашим заседельным сумам и уехали назад. Через час мы остановились на реке Ангырты, отпустили голодных коней на корм, развели огонь, сварили чай, плотно позавтракали, а затем по очереди поспали часа по два.

Хорошо отдохнув, около полудня мы поехали дальше. Лобсын направился не по прежней дороге, а вверх по Ангырты.

— Мы разве не заедем ночевать на твою летовку? — спросил я.

— Нет, едем прямо в Чугучак. В юрте мы бы сняли сумы, ребятишки любопытные, увидели бы кварц с золотом, пошли бы расспросы, где были, откуда накопили. А степное ухо, Фома, сам знаешь, длинное. Сегодня сказал в одной юрте или одному встречному человеку, а завтра будут знать на сто верст кругом, что Лобсын и Фома нашли золото в Джаире. Меня потребует князь к себе, а тебя — амбань через консула, чтобы выяснить, где и что нашел. Ведь копать золото без разрешения нельзя.

Пришлось признать, что Лобсын поступил правильно, не заезжая к своим. В Чугучаке мы могли лучше сохранить тайну о находке.

Речка Ангырты, вверх по которой мы поехали через северную цепь Джаира, сначала извивалась по ущелью между рощами тополей, тальника и разных кустов, окаймленными зарослями чия. Мы миновали уединенную зимовку киргизов в виде глинобитной фанзы среди огороженной лужайки. Возле фанзы высилась пирамида из черных кусков, вылепленных из овечьего и козьего навоза; это был запас топлива на зиму, заготовленный заботливым хозяином.

Теперь здесь было пусто, хозяева ушли на летовку выше в горы, фанза проветривалась, дверь ее была открыта.

Дальше кусты и рощи по речке поредели, ущелье перешло в долину. На одном из ее склонов я заметил странные углубления вроде небольших пещерок и ниш, которые тянулись друг над другом в несколько ярусов на протяжении сотни шагов.

— Что это, тоже зимовки? — удивился я.

Лобсын засмеялся:

— Таких нор в Джаире много найдешь, но никто в них не живет.

— Кто же вырыл их? Люди или звери?

— Кто их знает. Камень какой-то гнилой, должно быть. В норах, если потрогать его, он рассыпается, а ветер выметает мелочь. В таких норах бараны и козы зимой от пурги укрываются.

Я рассматривал с удивлением эти странные впадины в желто-розовом камне склона. Они походили на ячеи, которые жуки выгрызают в старом дереве, но были гораздо больше. В одних человек мог бы свободно сидеть, в других даже стоять сгорбившись. Иногда две или три ниши находились рядом, разделенные только каменным столбиком, а в глубине соединялись, и человек мог бы расположиться на ночлег, вытянувшись во всю длину. И всего удивительнее было то, что на самом склоне в трещинах камня укрепились мелкие кустики, пучки травы, какие-то цветочки, а в нишах их совершенно не было. Нельзя было поверить, что ни люди не вырубали, ни животные не вырыли эти норы в сплошном твердом камне¹.

Часа два мы ехали по долине Анггырты, поднялись в ее верховьях на ровную поверхность Джаира, описанную выше, спустились с нее в долину северного склона и выехали по ней опять на степь Долон-турген между Джанром и Уркашаром. Заночевали на речке Ушеты в черных ветреных холмах и на следующий день к вечеру прибыли в Чугучак.

Всю дорогу меня мучил вопрос, где спрятать наш клад в Чугучаке. Нанятая мною фанза во дворе лавочника плохо запиралась, не имела окна, и днем пришлось бы держать дверь открытой. Во дворе бегали дети, ходили разные люди. Кварц с золотом нужно было истолочь и промыть, делать это на людном дворе, добывая воду для промывки из колодца, было невозможно. Нужно было спешно искать себе более уединенную и удобную квартиру. Выручил случай. Едва мы въехали во двор, расседлали лошадей и зашли в фанзу, пришел хозяин дома и сказал:

¹ Кукушкин видел ниши и ячеи выветривания в твердом граните, часто встречающиеся не только в Джаире, но и во многих странах с континентальным климатом. Их создает механическое и химическое выветривание, а ветер выметает мелкие продукты выветривания — зерна минералов, потерявшие связь друг с другом. Ниши особенно часты в гранитах и в некоторых песчаниках.— *Прим. автора.*

— Тебя три раза спрашивал новый приказчик, ему по спешному делу нужно видеть тебя.

Я, конечно, сейчас же пошел на свою старую квартиру, оставив Лобсына караулить фанзу. Во дворе старой квартиры застал суету. Тюковали товар, чинили верблюжьи седла. Под навесом стояло десятка два верблюдов. Приказчик при виде меня обрадовался.

— Слава богу, что вы объявились, Фома Капитонович! — воскликнул он. — Не хотите ли вернуться на свою квартиру? Я не нашел надежного помощника и сам поведу караван, месяца два буду в .отсутствии, а при складе некого оставить. Вы поживете тут, пока я не вернусь назад, и склад будет под надзором. На вас я могу положиться!

Забыл, негодяй, как он спешно выселил меня десять дней тому назад из квартиры, хотя мог дать мне время для приискания новой. Однако это предложение меня очень устраивало, и я сказал ему:

— Ладно, могу вернуться на старое пепелище. Только склад ваш принимать не стану. Вы его запирайте и запечатайте, я буду жить как караульный.

Он поморщился.

— Я рассчитывал, что вы могли бы пока и продавать товар посетителям. Два месяца лавка будет на запоре. Хозяевам убыток!

— Нет уж, увольте! Принимать от нас наличность, потом сдавать вам. Опять будете перемеривать весь товар. Слуга покорный!

Он начал уговаривать меня, но я не уступил, и ему пришлось согласиться.

— Если так, приходите завтра с утра, я в обед хочу уехать, — закончил он разговор.

На следующий день я вернулся утром на свою старую квартиру. Караван уже начали выючить. Приказчик при мне запер склад и, кроме замков, привесил на скобах еще веревочки и припечатал их на бумажках своей печатью. Распрощались дружески, караван ушел, а через четверть часа Лобсын привел наших коней, навьючив на них мое скудное имущество.

Мы заперли ворота и расположились во дворе. Двор имел ту особенность, что через него протекал маленький арык, то есть ручей, отведенный из русла одной из горных речек, которые стекают с гор Тарбагатая и орошают весь оазис Чугучака — его улицы, окружающие сады и огороды, а также пашни окрестностей города. Таким образом, вода для промывки золота была под рукой, и

мы могли не торопясь и без свидетелей выполнить эту работу. Но нужно было раздобыть еще большую ступку, чтобы размельчить куски золотоносного кварца. Я нашел ее у хозяина постоянного двора по соседству, который употреблял ее, чтобы дробить горох. В Китае лошадей и мулов кормят не овсом, а полевым горохом, который дробят и распаривают горячей водой.

Мы спокойно устроились в моей бывшей квартире при складе. Сначала вскрыли горшочек, привезенный с золотого рудника. В нем оказалось мелкое золото, добытое китайскими рудокопами из кварцевых жил Чий Чу. Они размалывали кварц в больших чашах, составленных из нескольких обделанных глыб твердого гранита. Я забыл упомянуть раньше, что на первом руднике мы видели такую чашу. Она имела около двух аршин в диаметре и по окружности борт высотой в четверть. Размол мелких кусков кварца выполнял каменный вал диаметром в пол-аршина и длиной в аршин, который катался в чаше вокруг вертикальной оси. Он был прикреплен к этой оси одним концом, а к другому концу его, в который была вставлена деревянная жердь, припрягали лошадь или осла. Бегая по кругу вокруг чаши, животное приводило в движение вал, который катился вокруг оси и давил кварц. В чашу по желобу поступала вода и затем вместе с кварцевым песком и золотом выливалась через отверстие в борту на наклонную плоскость, представлявшую то, что называется вашгердом золотоискателей, на котором под постоянно текущей водой более тяжелые частицы золота остаются у верхнего края, а более легкий кварцевый песок сносится дальше.

На руднике Чий Чу мы видели такую же каменную чашу, состоящую из четырех больших камней; возле нее лежал и вал с остатком деревянной оси, а в стороне возвышался порядочный холм из желтоватого кварцевого песка, перемытого на этой примитивной золотоизвлекательной фабрике.

Нам, конечно, не нужна была такая фабрика, чтобы перемолоть восемнадцать кусков кварца, которые мы откопали в фанзе. Раздробить их в песок мы могли в большой чугунной ступке, а промыть возле арыка в простом медном тазу, приводя таз с водой и кварцевым песком во вращательное движение и сливая осторожно воду с кварцем и оставляя золото на дне.

Этим мы и занимались несколько дней. Лобсын толк кварц в ступке, а я промыл его у арыка, так как еще в детстве в Южном Алтае видел, как промывают в

тазу золотиносный песок вольные старатели, и сам принимал в этом участие.

В квартире приказчик оставил большой безмен, так что мы могли взвесить свое богатство. В горшочке оказалось тринадцать с четвертью фунтов золота, а из кварца мы добыли еще семь фунтов с лишком, так что в общем клад составил почти двадцать один фунт с половиной золота довольно высокой пробы, судя по его цвету. За него можно было выручить почти 10 тысяч рублей. Половины этой суммы было достаточно, чтобы купить или выстроить себе домик и склад в пригороде Чугучака и иметь оборотный капитал для закупки товаров, а на вторую половину, причитавшуюся Лобсыну, купить десяток хороших верблюдов, две-три лошади и начать вдвоем караванную торговлю в Монголии.

За время отсутствия приказчика нужно было организовать все это. В Чугучаке я знал китайского купца, который тайком покупал золото от золотоискателей, работавших в Тарбагатае. Я посетил его и условился, что буду приносить золото небольшими порциями, чтобы получать деньги на расходы.

Вблизи двора, в котором мы жили, был пустырь достаточной площади с несколькими большими деревьями и полуразвалившейся фанзой. Его владелец, проживавший в городе, согласился продать его недорого, а консул провел эту покупку. Я нанял нескольких рабочих и построил домик, службы и склад, все это, конечно, без затрат, из сырцового кирпича с простой крышей, так что к половине лета все было готово. Лобсын уехал на свою летовку и, не торопясь, при случае покупал хороших верблюдов; изредка приезжал ко мне за деньгами.

Когда вернулся приказчик со своим караваном, я переселился в свой дом, а затем съездил в Семипалатинск, где продал в отделении Сибирского банка часть оставшегося золота, закупил разных товаров за наличные, поэтому с большой скидкой, и обозом увез их в Чугучак. К этому времени, в половине августа, летняя жара спала. Верблюды в начале лета линяют, слабеют, и хорошие хозяева берегут их, так как в это время спины у них легко портятся при перевозке тяжестей; в половине августа они уже покрыты новой шерстью.

Верблюды, закупленные Лобсыном, отдохнули, подкормились. Мы снарядили караван из семи хороших верблюдов и в конце августа, наняв еще погонщика-монгола, отправились втроем в глубь Монголии. Мы не стали сбывать товар русским и китайским фирмам в городах

и крупных монастырях, а повели торговлю непосредственно с монголами на их кочевьях и в небольших монастырях.

Через два с половиной месяца мы вернулись в Чугучак, распродав весь товар и закупив вместо него на местах частью за деньги, частью в обмен шерсть, кожи, циновки. Сырье я отправил обозом в Семипалатинск, где нашел посредника, скупавшего это сырье для отправки в Россию.

Вот я и описал свое первое путешествие не по торговым делам. И невольно поставил себе вопрос: для чего и для кого я сделал это описание? Должен признаться, что мысль об этом подал мне Сергей Васильевич, консул Соков. Давно уже, после первой нашей с Лобсыном поездки на Алтай к запрещенному руднику, о которой я ему рассказал подробно за стаканом чая, он сказал мне:

«А почему бы вам, Фома Капитонович, не записывать свои дорожные впечатления? Вы так хорошо умеете рассказывать о них, что вас хочется слушать еще и еще и задавать вопросы о том или другом из ваших приключений. Попробуйте записывать на стоянках по вечерам при свете костра или днем во время дневки все, что видели по дороге в новых местах, что наблюдали, какая местность, каких людей встречали, что испытывали по поводу той или другой встречи или события в пути. А вернувшись домой и перечитывая эти беглые записи в карманной книжке, вспоминать все день за днем, что видели и слышали, о чем думали при разных приключениях, и записать подробнее. И на старости лет вам самому будет интересно перечитывать свои описания и вспоминать о былом или даже обработать эти записи как следует и напечатать описание своих путешествий. Ведь этот край, где мы живем,— мало известный, никем как следует не описанный, а вы изъездили его уже вдоль и поперек и знаете его хорошо».

Уговорил он таки меня, и я начал вести записи во время переездов с места на место, а зимой и весной, сидя в лавке, куда за целый день зайдет только десяток покупателей, я эти записи пополнял и переписывал в тетрадку. Так и накопились с годами десятка три тетрадок, и на старости лет, когда я перестал искать приключений и клады древностей, я их решил обработать, переписать и пополнить.

ВОСКРЕСШИЕ РУДОКОПЫ СТАРОГО РУДНИКА

Зимой я съездил опять в Семипалатинск и отвез туда скупленное в Монголии сырье, получил за него деньги, продал часть еще оставшегося золота, закупил разных товаров и привез в Чугучак. Теперь амбар на моем дворе был наполнен, и я мог торговать понемногу в нашем пригороде. Лобсын был у меня агентом, объезжал зимовки киргизов и калмыков в Джаире, Барлыке и Уркашаре, показывал образцы товаров и сообщал, что все это можно купить у меня в амбаре.

Но пора, наконец, сообщить, какой облик имеет этот мой приятель и компаньон, выращенный мною из беглого ламского воспитанника, нищенствовавшего в Чугучаке.

Ему было лет тринадцать, когда я взял его к себе, весной 1875 года. Он был одет в лохмотья, сам грязный, исхудалый донельзя. Он сидел вместе со стариком китайцем у ворот консульской усадьбы, читал молитвы и протягивал руку прохожим. В сильные морозы приходил иногда в мой амбар погреться. Я стал его расспрашивать, узнал, почему и как он сбежал из монастыря в долине Кобу, обнаружил, что он еще не испорчен нищенством, сметлив, услужлив, и решил приютить его. Вымыл, одел, приучил к работе в амбаре, доставать тюки, разворачивать их, отмерять аршином. Покупателей было немного, и я стал учить его русскому языку, а сам практиковался с ним по-монгольски. Он откормился у меня, подрос, и в конце лета я взял его с собой подручным в торговом караване. Эта работа ему понравилась, и он оказался прекрасным помощником, привязался ко мне, как к родному отцу, а я его также полюбил.

Через несколько лет он сам начал водить караван, выучился русской грамоте и счету, отлично вел торговлю с монголами, часто заменял мне проводника. Я узнал, где живет его отец, съездил к нему и помирил с сыном. С тех пор Лобсын стал самостоятельным, вернулся в улус, женился, но каждый год осенью обязательно работал в моем торговом караване вместе со мной или же вел часть его по моему поручению в другие места. В остальное время года также нередко посещал меня.

Ростом он был повыше меня, плечистый, сильный, а лицом даже менее монголистый, чем я, — унаследовал от бабушки тангутскую кровь и потому имел мало выдаю-

щия скулы, почти прямой нос и довольно густые волосы, небольшие усы и бородку.

Так вот, в половине весны следующего года после описанной находки золота Лобсын приехал ко мне и говорит:

— Знаешь, Фома, я узнал еще одно место, где можно накопать много золота.

— Ишь ты, жадный какой стал! — смеюсь. — У меня еще много твоей доли осталось. Что тебе еще нужно?

— Если хочешь знать, не в золоте самое дело, а в поисках его. Опять поедем с тобой налегке, новые места увидим, людей посмотрим и поищем.

— Шатун ты этакий! Не сидится тебе в юрте. Жену, ребят имеешь, юрту хорошую, скотину всякую. Жил бы себе припеваючи.

— Скучно жить так, без дела. Видно, душа у меня бродяги. Потому и по зимовкам езжу без особой надобности.

— Ну подожди, осенью опять с караваном поедем.

— С караваном это не то, работа все одна и та же, а дороги и места уже знакомые. А вот налегке с тобой, как в прошлый раз, куда-нибудь по новым местам и подалее.

— А новый клад этот далеко зарыт?

— Далек, в Алтайских горах.

— Опять план с описанием раздобыл?

— Нет, не план, а в разговоре узнал. К отцу приехал за подаянием старый лама и разговорился. Отец ему сказал про золотые рудники в Джаире, и он тут вспомнил: вот, говорит, недалеко от моего монастыря на речке Алтын-Гол в Алтае богатый золотой рудник имеется. Прежде в нем золото добывали, но богдыхан запрет положил, а наш князь рудокопов прогнал, строгий караул поставил, чтобы никто не мог брать это богдыханское золото.

— Как же мы туда полезем, если рудник караулят?

— Ловкий человек обойдет караул. Вот мы с тобой не испугались волков, которые караулили золото в Чий Чу, а добыли его. Поедем, Фома, попытаемся.

— Сколько же времени нам понадобится?

— В месяц, пожалуй, не обернемся. Клади шесть недель. Станет тепло, съездим, новые места увидим. Ты в Алтайских горах не бывал, а я их мало-мало знаю.

— Если так далеко — нужно взять палатку, запас всякий, значит, целый вьюк и верблюда.

— Нет, верблюда не нужно, время будет теплое, спину ему испортим. И в случае погони с завьюченным верблюдом далеко не уйдешь. Возьмем пару выючных коней и поедем налегке.

Уговорил-таки Лобсын меня. Вспомнил я, как скучно в Чугучаке летом — духота, пыль, работы почти нет, торговля плохая, а у кочевников на летовках ни денег, ни сырья еще нет на обмен. Порешили — в половине мая поедем.

— Заготовь чаю, сахару, сухарей себе на два месяца, — наказал Лобсын. — Я привезу баурсаки, масло, пенки сушеные (чура), мясо вяленое. И вот еще — сшей два черных халата себе и мне.

— На меху или на вате? — рассмеялся я. — На что они? Время будет теплое!

— Нет, халаты самые легкие, из миткаля, что ли, но с колпаком для головы. И разрисуй их красками, как полагается для представлений на празднике Цам.

Я вспомнил, что во время этого праздника ламы маскируются, изображают фантастических животных, свирепых божеств и дают большие представления для развлечения богомольцев, стекающихся на праздник и жертвующих монастырям продукты и деньги.

Лобсын рассказал, как нужно разрисовать халаты, но на мой вопрос, для чего они понадобятся нам, ответил с усмешкой:

— Там узнаешь! Может, и не понадобятся. А на всякий случай нужно иметь их.

В половине мая у меня было все готово. Я нашел надежного старика, который должен был поселиться в моем домике и караулить двор и склад. Товар в складе и дом были застрахованы, а оставшееся золото зарыто в укромном месте на дворе, так что в случае пожара в мое отсутствие я не рисковал потерять свои богатства. В назначенный день приехал Лобсын и привел двух верховых и двух выючных коней и собачку-караульщика.

Мы выехали ранним утром по большой дороге на восток вверх по долине реки Эмиль. Как и в первую поездку, слева от нас тянулся крутой южный склон Тарбагатая, а справа подальше цепь Барлыка. Но мы ехали в этот раз ближе к подножию Тарбагатая по дороге на перевал через этот хребет. Степь уже зеленела молодой скудной травкой и польнью, среди которых алели, словно пятна крови, чашечки мелко степного мака. Хохлатые жаворонки то и дело взлетали впереди нас и зали-

вались в синеве неба под лучами солнца, поднявшегося из-за темных мрачных отрогов Уркашара, разрезанных крутыми ущельями.

В одном из логов, которые тянулись с Тарбагатая и которые пересекала дорога, я увидел небольшое глинобитное здание и возле него лужу воды, окруженную грязью, истоптанной копытами многих животных. Людей и домашних животных не было видно.

— Что это за дом? — спросил я.

— Это аршан, целебный источник, — сказал Лобсын. — Сюда из Чугучака в жаркие дни приезжают лечиться больные.

— Что, в этой грязной луже купаются или воду из нее пьют? — воскликнул я с ужасом.

— Нет, там в домике яма есть вроде колодца. Зайдем, поглядим.

Мы подъехали к зданию; оно не имело окон, а только узкую дверь, загороженную толстой жердью. Я заглянул внутрь и увидел возле боковой стены квадратную яму с грубым срубом из толстых досок, доверху наполненную водой. Ничего больше на земляном полу не было, здание не имело и крыши.

Этот примитивный курорт заинтересовал меня, я спешил и вошел в здание. Вода в яме, глубиной около аршина, была почти чистая, на вкус чуть-чуть кисловатая, довольно холодная. Минеральная вода, очевидно, выбивалась со дна этого колодца и, проникая под стену здания, образовала возле него лужу, из которой пили животные.

— Вот из этого колодца больные воду пьют, — пояснил Лобсын, — а иные только окунаются в нем, потому что вода очень холодная, купаться нельзя.

— А от каких болезней лечатся?

— Которые желудком страдают, рвотой, печень если болит — тоже помогает, говорят. Поставят по соседству палатку в степи и живут недели две-три. А иной приедет с бочкой, наберет воды и увезет к себе в город и там пьет, стаканов десять в день. Помогает вода также тем, у кого глаза болят, слезятся; водой этой глаза каждый час моют и тоже пьют.

Позже консул объяснил мне, что при надлежащем благоустройстве вода этого источника — углекислого — сделалась бы более крепкой.

В китайский город Дурбульджин мы приехали уже вечером и завернули на постоялый двор, сберегая свои запасы.

— Далеко ли поехали, хозяева? — спросил китаец, подавший нам блюдо с горячими пельменями и чайник.

— В Зайсан по торговым делам, — сказал Лобсын.

— За перевалом на русской границе ваши вещи будут осматривать в таможенном карауле. Теперь за китайский шелковый товар большую пошлину берут.

— Ну, у нас, кроме припаса, ничего нет. Мы в Зайсан за товаром едем, — сказал я.

Китайца, очевидно, смутили наши объемистые, хотя не тяжелые вьюки. До Зайсана только три дня езды с двумя ночевками, так что много припасов не нужно возить с собой.

За Дурбульджином мы вскоре свернули с дороги в Зайсан и поехали дальше вверх по долине реки Сарыэмил, которая составляет правую вершину реки Эмил и течет между Тарбагатаем и Уркашаром. Дорога пересекала отроги Тарбагатая, а справа за речкой Сарыэмил тянулся длинный и узкий гребень со странным названием Джилантель, то есть «змеиное жало». Его действительно можно было сравнить с жалом змеи, вытянутым вдоль огромной пасти, челюсти которой составляли с одной стороны Тарбагатай, с другой — Уркашар, поднимающиеся выше. Этот гребень Джилантель поднимался на восток зелеными уступами, на которых паслись кое-где бараны и коровы, обнаруживая присутствие зимовок, разбросанных по долинам как реки Сарыэмил, так и реки Караэмил, которая течет между Джилантелем и Уркашаром, составляя левую вершину реки Эмил.

Часа два мы ехали в виду этого «зменного жала», которое затем, круто поднимаясь вверх, превратилось в высокий хребет Коджур, примыкающий с севера к Уркашару. К долине Сарыэмил Коджур спускался крутым склоном, прорезанным узкими логами с круглыми купами казацкого можжевельника, похожими на большие зеленые клумбы; по дну логов белели еще остатки зимнего снега. Этот выпуклый склон совершенно скрывал от нас скалистые вершины Коджура, которые, по словам Лобсына, были еще покрыты снегом. Тарбагатай по-прежнему тянулся слева от нашей дороги, но был уже невысок. Долина Сарыэмил сузилась, речка превратилась в ручеек, извивавшийся по болотистым лужайкам, пестревшим желтыми цветами.

Мы миновали ворота Бай-мурза, где Тарбагатай круто обрывается утесами к широкой долине, которая отделяет его от Саура. В этой долине невдалеке белели до-

мики русского таможенного поста Шаганоба, а за ним вдаль поднимался Саур, похожий на огромную ровную ступень, над которой ползли темные тучи, алевшие в лучах заходившего солнца.

Мы были у самой русской границы, но сейчас же повернули вправо и вверх по долине небольшого ручья стали подниматься на горы Тепке, которые соединяют Коджур с Сауром. Здесь на лужайке остановились почевать. Разбили палатку, развели огонь. Лобсын выбрал это место потому, что увидел рядом оставленную зимовку, вокруг которой была огорожена площадка с хорошей травой. Там можно было оставить на ночь лошадей, не опасаясь, что они уйдут. Палатка была поставлена возле изгороди, и собачка Лобсына могла сторожить и нас, и лошадей.

На следующий день мы поднялись на горы Тепке, которые отделяют впадину реки Шаганоба от обширной долины реки Хобук. С перевала на западе мы увидели вершины Коджура, покрытые снегом, через которые проглядывали крупные глыбы. Судя по этому, Коджур возвышался над Уркашаром и Тарбагатаем, на которых снег уже исчез.

С перевала мы спустились в широкую долину Кобу, которая отделяет высокий Саур от хребта Семистай, составляющего продолжение Уркашара.

Слева, подобно темной ровной стене, тянулся Саур; его склон кое-где рассекали глубокие ущелья, а выше среди пелены облаков белели острые вершины, сплошь покрытые снегом. Я долго любовался ими, вспоминая Алтай и его вечноснеговые вершины, и спросил Лобсына, остается ли снег на них все лето.

— Круглый год лежит! Потому и горы называются Мустау, то есть снеговые. Эти семь вершин высоко поднимаются над Сауром.

Из первого ущелья в стене Саура выходила и тянулась далеко в долину Кобу узкая лента леса, которая кончалась у какого-то белого здания.

— Это что за дом здесь? — спросил я.

— Кумирня Матеня называется. Но при ней монастыря нет. В начале весны сюда приезжают ламы из нашего монастыря и служат молебствие о хороших кормах и благополучии скота по всей долине. Долина Кобу — моя родина, здесь киргизов нет, живут только калмыки. Там дальше под Сауром монастырь, в котором я учился, и ставка нашего князя Хобук-бейсе.

Меня удивила лента леса, тянувшаяся из ущелья

Саура до кумирни Матени в долине Кобу, где леса больше нигде не было видно. Я спросил Лобсына, какой это лес.

— Лиственница, она по всему Сауру растет.

— Как на Алтае! — вспомнил я.

— А здесь это последние деревья лиственницы. В Тарбагатае, который подходит близко к Сауру, лиственницы нет, растет только казачий можжевельник; то же в Коджуре и Уркашаре, а в Барлыке лес хороший, но только еловый.

Позже консул подтвердил, что лиственница перебрасывается из Алтая на юг через широкую долину Черного Иртыша и образует леса в Сауре, оканчиваясь у кумирни Матени в долине Кобу, а тяньшанская голубая ель от Тянь-Шаня распространяется на север в Джунгарский Алатау и Барлык, но не дальше. В промежутке между Сауром и Барлыком в горах нет ни лиственницы, ни ели, а встречаются казачий можжевельник и немного березы, осины и вербы.

Вид из долины Кобу на юг был интереснее. Хребет Семистай тянулся здесь как высокая зубчатая полуразрушенная стена. Острые вершины гор обрывались к северу высокими скалами красного цвета; к ним примыкали более низкие скалистые горы, как будто состоявшие из обрушившихся сверху громадных глыб. В разных местах высились отдельные крутобокие скалы, похожие на развалины башен и замков. Узкие ущелья круто поднимались вверх, а внизу открывались на покатую равнину, составлявшую как бы подножие этой стены. Она представляла сухую пыльную степь и резко отделялась от зеленых лужаек дна долины Кобу.

Мы долго ехали по окраине этого подножия, любясь скалами Семистая справа и зеленой долиной слева, замкнутой на севере темной стеной Саура, над которой сверкали под лучами солнца снеговые поля на пиках Мустау.

— Красивое место твой родной край, Лобсын! — сказал я.

— И богатое, — прибавил он. — Здесь хорошие луга для зимних пастбищ, в Сауре много леса для дров и хорошие летовки.

— А в Семистае летовки есть?

— Нет. Это совсем дикие горы: везде камень, скалы, ущелья, травы мало, и места для скота неудобные. Но у нас холоднее, чем в Чугучаке, хороший хлеб сеять нельзя, ячмень и тот иногда замерзает, не дозрев.

— А Ибэ-ветер зимой тоже дует?

— Нет, такого ветра здесь нет. Видишь, кругом горы: Саур с одной стороны, Семистай — с другой, а Коджур — с третьей. Долина Кобу — тупик, ветру выхода нет, и зимой у нас тихо.

По мере того как мы ехали на восток по долине Кобу, она становилась менее ровной. Плоские холмы среди нее стали выше и потом слились в длинную цепь скалистых гор Караадрык, которая закрыла от нас северную часть долины вдоль подножия Саура, где, по словам Лобсына, была ставка князя Хобук-бейсе и монастырь, куда отец сдал его ламам в науку.

Цепь Мустау кончилась, но стена Саура своим продолжением по-прежнему закрывала вид на север. С другой стороны Семистай стал значительно ниже, оставаясь скалистым и диким.

— Здесь тоже летовок нет, — заявил Лобсын на мой вопрос. — Но зато легко перевалить на ту сторону, дороги есть. А там через высокий Семистай только горные козлы и архары могут перебраться.

— И много их там водится?

— Много. Семистай — самое лучшее место для охоты на этих животных. И наши калмыки добывают их по-немногу.

Вечером мы остановились на большой лужайке вблизи того места, где река Хобук поворачивает на юг, врезается в дно долины и прорывается через Семистай. Меня поразило, что в течение целого дня, пока мы ехали по долине Кобу, нам не встретилось ни одного человека. Я спросил Лобсына, где же его соплеменники калмыки, почему их не видно.

— Все наши зимовки стоят под Сауром, и их с этой дороги не видно. Нашим калмыкам здесь делать нечего. Видишь, какая сухая степь под Семистаем. А под Сауром много ключей, ручьев, трава жирная, и летовки в горах тоже недалеко. Встретиться нам мог здесь только охотник на козлов по дороге в Семистай.

На следующий день мы продолжали ехать на восток по долине Кобу и видели зимовки калмыков под Сауром, потому что цепь Караадрык кончилась и вся долина открылась перед нами. К закату горы с обеих сторон распались на холмы, а долина уперлась в обширную впадину большого озера Улюнгур. Мы остановились на его западном берегу. Корма здесь было достаточно в виде камышей в воде и травы на берегу. Но вода озера нам не понравилась для чая: она была чуть солоно-

ватая. Нам и нашим лошадям сильно досаждали комары, которые кружились огромными роями.

Улюнгур — очень большое озеро, длиной около 40 верст. В общем оно имеет форму треугольника; берега во многих местах окаймлены большими зарослями камышей, в которых ютятся кабаны и утки. Еще поздно вечером оттуда доносилось криканье, хлопанье крыльев, а издали визг свиньи, на которую, очевидно, напал какой-нибудь хищник. Но наша собака лежала спокойно вблизи огня и только по временам, прислушиваясь, наостряла уши. Лошади на ночь были привязаны близ палатки, мы нарезали им по снопу молодого камыша.

На следующий день мы обогнули южный конец озера по окаймляющей его равнине с солончаками и болотцами с кустами тамариска и пришли в китайский городок Булунтохой в низовьях реки Урунгу, впадающей в озеро. Это было последнее поселение на нашем пути, и мы пополнили свой запас муки, купили китайских булочек и баранины на два дня.

Город еще не оправился после дунганского восстания, внутри его стен видно было много пустырей и мало людей, кроме главной улицы, вдоль которой тянулись жалкие лавки и мастерские, чередуясь с развалинами фанз. Жители жаловались, что и летом им не дают покоя тучи комаров, налетающих с озера и болот. Возле города виднелись небольшие китайские огороды и пашни, на которых трудились земледельцы. День был жаркий, и они работали обнаженные до пояса, с большими соломенными шляпами на головах.

Миновав город, мы повернули вверх по долине Урунгу — большой реки, шириной в 35—40 сажен, с быстрым течением в извилистом русле и песчаным дном.

В нижнем течении дня на два пути долина ее очень широка, верст пять—десять. Вдали по обе стороны видны обрывы, разрезанные оврагами. По дну долины рассеяны большие рощи карагача, тальника, тополя, джигды и заросли тростника.

Корма и топлива везде достаточно, но населения мы не встречали: как только начинается жаркая погода, монголы откочевывают за Иртыш в предгорья Алтая, так как на Урунгу летом много комаров и оводов, которые мучают животных и людей. Поэтому мы видели только места зимовок в виде голых площадок круглой формы, на которых зимой стояли юрты, и изгородей из жердей и хвороста для скота. Они всегда были на южной окраине рощ: монгол любит солнечный свет и тепло.

Этот и следующий день мы ехали по широкой долине нижнего течения реки, а затем началось среднее течение, на протяжении еще пяти дней пути.

Местность в обе стороны от реки представляла резкую противоположность дну долины. Это была почти пустыня, то ровная, усыпанная щебнем, то в виде глинистых бугров и каменных холмов с небольшими пучками травы, кустиками саксаула, бударганы, рассеянными кое-где, часто далеко друг от друга.

Но на полуденную остановку и на ночлег мы всегда спускались в долину, где можно было найти не только воду, но и корм и топливо, а также попадалась дичь; в часы дневного отдыха или вечером мне почти всегда удавалось подстрелить какую-нибудь птицу или зайца, так что мы не оставались без свежего мяса.

Во время одной ночевки на среднем течении реки Урунгу случилась неприятность, которая чуть было не заставила нас вернуться назад ни с чем. Мы уже поужинали, собрали коней и привязали их к дереву недалеко от палатки, нарвав им достаточно травы на ночь. Легли спать, оставив, как всегда, собаку возле палатки. На рассвете разразился короткий, но сильный ливень с крупным градом. Я проснулся и увидел, что собака забралась в палатку, спасаясь от ударов крупных градин. Когда дождь кончился, я выгнал ее наружу; она стала визжать и царапать полу палатки. Это меня обеспокоило, и я выглянул. Коней не было! Отвязаться они не могли, а от града их защищала листва большого дерева, под которым они стояли.

— Лобсын, — крикнул я, — кони удрали или их увели.

Лобсын выскочил и побежал к дереву.

— Увели какие-то жулики! — донесся его голос. — Поводки остались на дереве, перерезаны. И свежие следы на земле видны, два человека были здесь!

Очевидно, конокрады следили за нами еще с вечера и ночевали по соседству, но присутствие собаки мешало им совершить кражу ночью. Я вспомнил, что собака ночью раза два ворчала: видимо, чуяла подбиравшихся к нам воров. Ливень с градом, загнавший собаку в палатку, сопровождавшийся сильным шумом и раскатами грома, позволил похитителям быстро выполнить свое намерение. Второпях они перерезали поводки и умчались на лошадях.

Мы оба стояли в унынии возле дерева. Выследить воров было не трудно. Собака Лобсына была приручена

к этому, а следы на намокшей земле оставались ясные. Но что же мы могли сделать, оставшись без коней? Тащить на себе четыре седла и два вьюка, выслеживая воров пешком, конечно, не имело смысла — и никаких шансов на успех. Я мог бы остаться в палатке, а Лобсын с собакой преследовать воров налегке. Но и это было безнадежно, хотя они не могли еще уехать далеко. Пеший конному не товарищ, как говорится.

— Видно, придется тебе, Фома, караулить наш стан,— сказал Лобсын.— А я пойду искать где-нибудь поблизости монгольские зимовки, чтобы нанять нам коней и погнаться за ворами.

— А если не догонишь их? Пока что они уедут далеко, перемахнут за Иртыш и через Алтай на летние кочевья, продадут коней кому-нибудь, ищи ветра в поле!

— Ну, найду зимовки, купим коней, чтобы ехать дальше. Денег у тебя хватит?

— Смотря по тому, сколько запросят монголы. Может быть, придется только нанимать коней от улуса до улуса и ехать обратно в Чугучак несолоно хлебавши.

Вдруг собака залаяла и бросилась в сторону реки, откуда раздался топот копыт по гальке. Из густых зарослей тальника вырвалась лошадь и прибежала к нам, сопровождаемая нашей собакой, которая с визгом и ворчанием подскакивала на бегу, стараясь схватить коня за гриву.

— Это мой конь! — воскликнул Лобсын.— Он меня любит и всегда подбегает, возвращаясь с пастбища ко мне, лишь только увидит. От воров вырвался и прибежал назад. Ну, теперь дело иное! Я сейчас в погоню за ними с собакой, а ты останься при палатке.

Лобсын побежал к палатке, вынес потник, седло, уздечку. Я оседлал подбежавшего коня, пока калмык одевался и наскоро собирал кое-что в суму, очевидно немного провизии и чашку.

— Возьми мое ружье! — предложил я.

— Не нужно, лучше дай ливольвер, он неприметный в кармане, а вытащишь — страху нагонит больше.

Я достал револьвер, который Лобсын засунул за пазуху. Стрелять я выучил его давно, и, сопровождая караваны, он всегда имел револьвер с собой на всякий случай.

— Ну, будь здоров, Фома! Если не к вечеру сегодня, то утром завтра вернусь непременно. Воры еще недалеко, и я скоро догоню их.

Он привел собаку к дереву и показал ей следы ко-

нокрадов, очевидно монголов, судя по острому углублению от каблука и отсутствию следа от задранного вверх носка монгольских сапог. Собака взвизгнула и побежала по следу. Лобсын вскочил на коня и умчался за ней. Я смотрел, как он ворвался в чащу тальника по узкой тропе и исчез. Было уже совсем светло, грозовая туча ушла на юг, вершину дерева осветило всходившее солнце. Легкий порыв ветра встряхнул листву и обдал меня обильными каплями воды, что было неприятно, так как я стоял в одной рубашке и кальсонах, как вскочил из палатки.

«Вот неожиданная дневка! — подумал я. — Спать уже не хочется, оденусь, разведу огонь и буду чаевать не торопясь». Набрал хворосту, который намок и не скоро загорелся. Позавтракал, потом от нечего делать пересмотрел наш запас провизии, седла и сбрую, кое-что починил; разложил потники проветрить на траве, немного подмокшие сухари рассыпал на мешке для просушки; отвязал обрезанные поводки от дерева, из четырех сделал два и достал еще два, бывших в запасе. Палатку пригрело и высушило поднявшееся уже высоко солнце. Так прошло несколько часов. Захотелось есть, опять развел огонь, повесил котелок, чтобы разварить вяленое мясо. Сажу возле него и вижу: с востока едут два монгола, очевидно, заметили дымок и палатку.

Обменялись приветствиями. Они спросили, куда и по каким делам еду. Я сказал, что еду в Кобдо по торговому делу.

— Ты что же, один и пеший? — удивились они.

— Двое моих спутников поехали купить барана. Далеко ли отсюда до каких-нибудь юрт? — спрашиваю.

— Полчаса хорошей езды будет, — ответили, — ближе зимовок нет. Не угостишь ли чаем, мы с утра из дому. Вижу, хотят погостить, и пригласил их.

Они спешили, привязали коней. Котелок у меня кипел, но вместо мяса я настрогал кирпичного чая, заварил, принес и развернул мешочек с сухарями. Они присели у костра, вынули из-за пазухи деревянные плоские чашки, без которых монгол даже к близкому соседу не поедет. Закурили свои маленькие трубки, предложили мне затянуться. Я сказал, что не курю. Огонек у меня был вблизи палатки, а полы последней раскинуты, так что хорошо видно, какие вещи в палатке лежат. Замечаю, что гости очень внимательно поглядывают туда. «Не захотят ли они меня ограбить, — думаю, — я один, их двое, у каждого у пояса острый нож в ножнах

повешен, как всегда у монголов в дороге, а у меня ружье в палатке и не заряжено».

Но опасения были напрасны. Я им сказал ведь, что мы едем по торговым делам, и вот они разглядывали, нет ли у меня товара, и, наконец, спросили, не могу ли продать им дабы или ситцу. Пришлось объяснить, что мы едем в Кобдо налегке принимать караван и что никаких товаров не везем.

Они вместе со мной выпили весь котелок, распростлились и уехали. В разговоре с ними я, между прочим, спросил, пошаливают ли в этой местности конокрады, и узнал, что да, что из-за Алтая нередко приезжают и угоняют коней. В районе Кобдо прошлым летом была сибирская язва и много коней пропало, вот теперь тамошние монголы и делают набеги за конями в чужой аймак.

Гости рассказали мне также о нашествии в 1878 году киргизов, бежавших в пределы Китая из Усть-Каме-ногорского уезда в числе нескольких тысяч. Часть их провела зиму на реке Урунгу и испытала страшные бедствия из-за бескормицы для скота, которого у них было много. Скот съел дочи́ста всю траву, тростник зарослей и молодой тальник, после чего киргизы обрубали сучья всех деревьев в рощах, а потом стали даже рубить деревья; кора их шла на корм баранам, а щепками древесины кормили лошадей и коров. От такой пищи скот издыхал во множестве, особенно бараны, и даже волки не успевали поедать многочисленные трупы.

Этот рассказ объяснил мне то, что мы заметили на пути по среднему течению: обезображенные стволы деревьев, которые успели частью уже выпустить молодые короткие сучья на месте отрубленных, множество гнилого хвороста в рощах и скелеты или кости животных, разбросанные повсюду. Мы думали, что здесь был сильный падеж от какой-нибудь болезни, но вида деревьев объяснить не могли.

Проводив гостей, я опять повесил котелок, чтобы как следует пообедать. Это заняло часа полтора. Время перевалило за полдень, делать нечего, клонит ко сну, а уснуть боюсь из-за конокрадов, которые могут и на наши вещи позариться. Сажу возле палатки и клюю носом, а ружье на всякий случай зарядил картечью и возле себя положил. И вдруг слышу, где-то поблизости хрюканье раздалось и визг поросятчий. Я встрепенулся, поглядываю. Недалеко от палатки — заросшая камышом ложбина, должно быть, старая протока реки Урунгу.

Там и визжат, очевидно, кабаны, а камыши колышутся. Схватил ружье, подполз осторожно между кустами чия поближе и залег. Немного погодя из камышей вышел кабанок годовалый, поднял морду и нюхает: должно быть, запах дыма почуял. Я приложился и выстрелил, он отскочил с визгом назад, очевидно был подбит. Я побежал к камышам и нашел его в нескольких шагах, прикончил прикладом, взял за задние ноги и притащил к палатке. Вот и дело нашлось — опалить, выпотрошить, разрезать и побольше сварить, а окорока присолить. Так до вечера и провозился. Хороший ужин Лобсыну приготовил и сам наелся. Потом набрал хворосту и валежника в роще побольше, чтобы ночью хороший огонь поддерживать — и от волков защита, и Лобсыну маяк в темноте.

Стемнело. Сижу возле огня, ружье под рукой, прислушиваюсь и сон разгоняю. Недалеко на дереве маленькая сова заунывно кричит: «Сплю, сплю», — ее потому сплюшкой называют. Где-то далеко волк воет, а еще дальше чуть слышен собачий лай, — очевидно, юрты, и, конечно, ближе, чем сказали монголы. Полчаса хорошей езды — это верст восемь, а так далеко собак, пожалуй, не услышишь. По временам порыв ветра налетает, и листва рощи вдоль реки шумит. В первый раз пришлось одному проводить ночь в пустыне, и немного жутко. Звезд не видно, небо обложило, порой накрапывает. Вот, думаю, пойдет дождь, огонь погасит, придется в палатку спрятаться. Лобсына собака приведет по следам, а как насчет волков? Неужели они осмелятся залезть в палатку, свежую свинину почуяв?

Наконец, часов в одиннадцать слышу топот вдали. Но не с востока, куда уехал Лобсын, а с севера. Не конюкрады ли опять? Топот все ближе, едут рысью, и несколько коней. Я зашел в палатку на всякий случай, чтобы не быть на виду. Слышу: «Фома-а-а!» Лобсын весть подает, чтобы я с перепугу не выстрелил. Я выбежал и вижу — из зарослей тальника выскочила собака наша, а через полминуты Лобсын верхом и трех коней за собой на аркане ведет. Очевидно, отбил их, молодчина!

Подъехал, соскочил с коня, поздоровался, я его поздравила с успехом. А собака повертелась вокруг меня, землю кругом нюхает, нашла поблизости внутренности кабана и давай их пожирать. Намаялась, бедная.

— Придется коней арканом привязать! — говорит Лобсын. — А корму им на ночь хватит ли?

— Я наготовил,— говорю,— а поводки уже починил. Привязали коней, чтобы выстоялись пока. Котелок с супом и свиной стоял у меня возле огня горячий. Уселись. Лобсын уплетает суп прямо из котелка, заметил свежее мясо вместо вяленого и спросил, откуда. Я ему объяснил. Пospел и чайник. За чаем он и рассказал о своих похождениях.

— Собачка хорошо по следам повела. Заминка вышла только за рекой Урунгу: перебродив ее, они сразу повернули на запад еще по воде, поэтому собака долго искала их след за рекой, но все-таки нашла. Догнал я их только около полудня, верстах в тридцати отсюда. Они остановились чаевать: ведь всю ночь не спали и проголодались. Расположились в чаще тальника возле реки. Я издали заметил дым от их костра, отозвал собаку, привязал ее в укромном месте в чаще и дал ей сухарей, чтобы не визжала. Сам объехал чащу, где они засели, большим кругом и подъехал к ним с запада. Они, видно, не ждали погони, не знали, что моя собака — следопыт. Видят, приехал к ним человек, безоружный, не встревожились. Поздоровались. Я сказал, что везу почту из Зайсана в Кобдо русским торговцам нарочным. Расспросил про дорогу, про перевал через Алтай. Они пригласили чай пить, я достал свои сухари, сахар, чтобы они видели, что я из русского места еду. Их было двое, монголы из-за Алтая. Я спросил, не по пути ли им со мной ехать дальше вместе. Нет, говорят, они едут в монастырь Тулта на праздник. Собираются еще часа четыре побыть, пока жар не спадет, едут с раннего утра, кони устали. Я сказал, что тоже подожду, лошадь отдохнет. Расседлал коня, пустил пастись к их коням, которые по соседству кормились; при этом рассматривал, что наши угнанные тут же, но один из них, вьючный вороной, который вчера чуть прихрамывал, совсем плох, на трех ногах передвигается, четвертая опухла. Они его, видно, не щадя гнали. И думаю: «Как же мне с ним быть?» Вернувшись к конокрадам, спросил: «Что же, у вас один конь совсем хромой. Как же дальше поедете?»

«Тут недалеко улус есть, там его оставим»,— ответили.

Я надеялся, что они всю ночь не спали и теперь на стоянке вздремнут и я успею увести коней. Но они, видно, мне не доверяли, и один прилег, а другой сидит и разговаривает и за конями присматривает, а спать ему, видно, сильно хочется. Так прошло часа четыре. Я ви-

жу, время к вечеру, говорю, что пора бы ехать, а перед тем еще чаю попить. Тот согласился, котелок согрел, второго разбудил. Я пока что своего коня заседлал. Выпили чаю, они стали собираться. Я достал из своей сумы бутылочку и как будто приложился к ней, глотнул. Они спрашивают: «Ты что это пьешь?» Это, говорю, русская водка, бальзам называется, она шибко сон разгоняет, человека бодрит. Мне сегодня до полуночи ехать нужно. Они и обрадовались: «Угости ты нас, нам тоже долго ехать придется».

Особенно просит тот, который не выспался, настаивает. Ну, я ему налил полчашки, он выпил, говорит: «Вкусная какая, сладкая!» Второй также просит, я и ему даю, но как бы нехотя.

Тут я не выдержал, прервал Лобсына:

— Чем же ты их угощал и для какой надобности?

— А это у меня было хорошее тибетское лекарство, крепкий сон дает, быстро человека с ног валит.

— Вот оно что! Теперь я понимаю. А то все невдомек, как ты надеялся коней выручить.

— Ну вот,— продолжает Лобсын.— Они выпили и присели еще у огонька последнюю трубку перед дорогой выкурить, и тут один за другим и свалились, заснули. Я немного выждал, не проснутся ли, а потом побежал со своей сумой к коням, взяв у конокрадов аркан, чтобы трех наших вести, собрал их, а вместо нашего хромого взял одного из их, такого же вороного. Сел на своего, а трех на аркане за собой веду, освободил собачку и рысью назад; но только сразу повернул к реке и перебрел ее на нашу сторону, чтобы след не скоро нашли, если проснутся раньше времени.

— Ну и молодчина,— сказал я, выслушав рассказ Лобсына.— Но откуда это у тебя тибетское сонное лекарство было и зачем ты его с собой взял?

— Это для караула при золотом руднике было приготовлено на всякий случай. А получил я его у знакомого ламы. Только теперь из-за этих конокрадов мало у меня осталось, не хватит, пожалуй, на всех караульных.

— А я думал, что ты пристрелишь конокрадов из револьвера!

— Ну зачем напрасно кровь проливать! Вот коня хромого я у них увел взамен хромого, это им поделом.

— Представляю себе их злобу, когда они проснутся!— воскликнул я.— Краденых коней у них увели и оставили хромого, так что и в погоню только один из

них может поехать. А скоро ли они могут проснуться?

— После этого лекарства часов восемь крепко спят. Они только теперь проснулись, ночь глубокая, следа не видно, будут сидеть до утра и ругать друг друга за свою оплошность. Но давай спать ложиться, время позднее.

Эта ночь прошла у нас спокойно, утром поехали дальше и конокрадов больше не видели.

В верхнем течении река Урунгу образуется из трех рек — Чингила, Цаган-Гола и Булган-Гола; первые две текут с южного склона Алтая, а третья с востока уже среди предгорий, и в нее справа впадает речка Алтын-Гол — цель нашей поездки. Поэтому мы направились вверх по долине Булгана. По сравнению с Урунгу, приходилось думать, что мы поднялись уже довольно высоко; там было полное лето, а здесь еще конец весны и ночи прохладные. Рощ больших деревьев не было, берега реки были окаймлены только высоким тальником, заросли тростника и чия попадались не везде. Горы, обрамляющие долину, были уже высоки и бедны растительностью. Встречались и юрты монголов, которые еще не откочевали на летовки, так как было не жарко и комары не беспокоили. На Булгане их вообще мало.

Мы ночевали вблизи одних юрт и узнали, что до Алтын-Гола еще половина перехода и что рудник находится вверх по его долине, недалеко от впадения ручья в Булган, что возле рудника живут караульные, которые никого в рудник не пускают.

На следующий день под вечер мы дошли до устья Алтын-Гола. Вверх по его долине шла тропа, и мы легко нашли рудник. Долина ручья была не широкая, склоны же очень крутые и безлесные, даже кустов нет. Караульные, очевидно, постепенно извели все на топливо. По долине бежал порядочный ручей, вдоль него лужайки, но сильно потравлены скотом караульных, так что ночевать в соседстве с ними не хотелось. На лужайке у подножия горы стояли три юрты, довольно худые, в них с семьями жили караульщики. Позади юрт на нижней части склона был виден вход в рудник. Жердями, прислоненными к скале, он загорожен, жерди арканом перехвачены, друг с другом связаны, так что пробраться внутрь незаметно и быстро днем невозможно, а ночью собаки голос подадут. Три большие собаки лежали возле юрт и, когда мы подъехали, встретили нас свирепым лаем.

Монголы, конечно, были рады гостям. Живут они в

стороне от караванных дорог, скучно, не с кем словом перемолвиться, степные новости узнать. Других юрт по соседству нет. Мы спешили, зашли в юрту спросить, где поблизости можно переночевать, чтобы был подножный корм. Говорят — поедете немного дальше по Булгану, там другая долина справа будет, вода есть и трава порядочная. Засветло успеете доехать. Нас, конечно, спросили, откуда, куда и зачем едем. Говорим, из Зайсана по торговым делам в Улясутай. Думали на Алтын-Голе ночевать, а оказалось, что здесь вся трава отравлена.

— Из Зайсана едете! — воскликнул монгол, хозяин юрты. — Русского приказчика Первухина не знаете ли?

— Знаю! — отвечаю ему, потому что этот Первухин, который меня в Чугучаке сменил, раньше в Зайсане проживал.

— Так вот Первухин, — говорит хозяин, — мне два года назад в Улясутае очень плохой товар продал в русской лавке. Я для своих женщин целую штуку цветного ситца у него купил, хорошие деньги отдал. А ситец вот какой оказался.

Монгол вскочил, порылся в сундучке, стоявшем у стенки юрты, и поднес мне сверток желтого ситца с крупными цветами.

— Вот, попробуй сам, весь гнилой!

Я развернул сверток, взял в обе руки за край и растянул, как полагается пробовать прочность материи. Ситец и разорвался, гниль настоящая.

— Чего же ты, — говорю, — смотрел, покупая, не пробовал сам, что ли?

— Пробовал, как же! Приказчик развернул мне несколько локтей, они были хорошие. Я и поверил, что весь такой же. А перемерил он всю штуку сам на моих глазах.

Эти фокусы мне были знакомы. И мне из Москвы иной раз присылали гнилой товар. Пришлют аршин десять — пятнадцать хорошего ситца для видимости снаружи, а остальной в штуке или брак с пятнами и полосами, или прямо гнилой. И приходилось гнилой обменивать покупателям, а брак продавать по дешевке и в Москву отписывать жалобы.

— Ты едешь в Улясутай, — монгол говорит, — увидишь там Первухина, обменяй мне эту дрянь на хороший. А может быть, у тебя с собой есть товар, так обменяй здесь.

— Нет, мы с собой никакого товара не везем, только почту,— объясняю ему.

— А скоро ли обратно поедете?

— Через месяц или два. Но, может быть, поедем не этой дорогой, а через Кобдо. Как же быть тогда с обменом?

— Ну все равно, бери с собой, мне он ни к чему.

Пришлось взять ситец, с тем чтобы в Чугучаке Первухину нос утереть им, а монголу вернуть при первой возможности хороший, хотя бы из своего склада.

Распросили мы караульных и насчет рудника, узнали, что он уже лет десять — двенадцать не работается, но раньше работался довольно долго. А жила идет далеко в глубь горы и высоко вверх по склону. Там местами также копано, но золота мало, а вглубь, говорят, богатое было. Караульные сами не работали, они ежегодно меняются: монгольский князь наряжает их по очереди на год. Прежде бывали попытки хищничества: забирались в рудник добывать потихоньку золото. Двух хищников караульные в первый же год закрытия рудника, когда эти попытки были, даже застрелили и оставили в глубине нижней штольни. С тех пор попытки прекратились.

Выпили мы за разговорами чаю, вышли садиться на коней. Я присмотрелся, вижу — вверх по склону наискось от заслона из жердей беловатая жила тянется, то шире, то уже, и местами ямы в ней видны, а в одном месте довольно высоко даже отверстие чернеет, и через него, может быть, можно в глубь рудника пролезть.

Мы сели и поехали; скоро встретили скот караульных, который с пастбища пастушонок гнал, — три коровы, десятка три овец и коз, сам на старой коняге едет. Ясно, что бедняки в карауле служат. Выехали из долины Алтын-Гола в долину Булгана и повернули вверх, на восток; проехали немного и увидели другую долину, из которой ручеек выбегает. Очевидно, в этой долине удобное место для ночевки, которое караульные указали. Свернули в нее, вдоль ручейка появилась трава, но мало, пробираемся дальше и видим, что долина в горах круто на запад повернула. «Вот это хорошо, — думаю, — она нас назад поближе к руднику подведет». Проехали по ней с полверсты, пока она опять в глубь гор не отвернула. Тут нашлось место для ночевки хорошее, травы достаточно, кустики для огонька есть, и аргал попадает. Раскинули палатку, набрали топлива, коней пустили пастись. Солнце уже заходит. Сидим у огонька и видим: по долине сверху бредет к нам мальчишка. По-

дошел. Весь оборванный, босой, худой, лет десяти или двенадцати. Протянул руку и шепчет:

— Дайте поесть, я три дня не ел.

— Садись,— сказал Лобсын.— Покормим, скоро чай будет.

Он сел у огня. Ноги у него в ссадинах и царапинах, грязные. Голова гладко остриженная, смотрит пугливо.

— Ты чей, мальчик? — спрашиваю. — Откуда и куда идешь один?

Он молчит: видно, боится сказать, нас опасается.

— Ты не бойся. Мы тебя не обидим, накормим, отдохнешь и завтра пойдешь, куда тебе нужно.

Чай поспел. Мы у караульных немного молока купили и сварили настоящий монгольский — с солью и молоком. Налили ему чашку — у нас запасная была, — дали баурсаков. Он ел жадно, чаем запивал. Вторую чашку попросил, выпил, потом держит ее в руке пустую и, видно, боится попросить еще.

Лобсын налил ее и говорит:

— Больше не дам, после голодовки нельзя сразу много есть, заболеешь.

Он кивнул головой и спрашивает:

— Вы не в наш ли монастырь едете?

— А как называется твой монастырь, где стоит?

— Залхачин-Сумэ зовут, стоит на большой речке Дзабхан-Гол. Пятьсот лам живут там. И гэген есть, старый, чуть живой.

— Знаю я этот монастырь,— сказал Лобсын.— Мы туда не едем, и нам он не по пути. Он за Алтаем находится. Так ты возле этого монастыря у родителей жил?

На этот вопрос мальчик не ответил, а спросил:

— Далеко ли до речки Шара-Гол?

Лобсын рассмеялся:

— Шара-Гол речек в Монголии сотни две будет, если не больше. Которую из них ты ищешь? Нет ли возле нее какой-нибудь горы с именем?

— Горы Баин-Нуру близко стоят. На них большое обо есть, а на речке пять деревьев.

— Ну, гор Баин-Нуру и обо больших в Монголии также много, а деревья тоже на разных речках встречаются,— говорит Лобсын.

Мальчик, видимо, смутился и всхлипнул.

Мало-помалу мы из него вытянули, что отец привез его прошлой осенью в монастырь и отдал в обучение ламам, чтобы он сам, подросши, ламой сделался. Ехали они туда три дня через горы. У лам ему не понрави-

лось, плохо кормят, заставляют полдня аргал собирать, а полдня учить непонятные молитвы, писать и заучивать какие-то знаки. Пришла весна, стало тепло; он убежал от лам и пошел через горы домой. Шел уже четыре дня, на первый день имел еще с собой кусок мяса и немного дзамбы (поджаренной ячменной муки, заменяющей хлеб у монголов), а потом голодал, только воду пил, когда попадалась речка или ключ, и ел зеленую траву. Юрты кое-где видел, но обходил стороной, боялся, что задержат и отведут назад в монастырь.

— Ведь он такой же, как я, беглец! — сказал Лобсын. — И очень мне его жаль.

— Что же мы будем с ним делать? — спрашиваю. — Как найти его родителей, если Шара-Голов и Баин-Нуру много, а имена родителей, которые он назвал, тоже часто одни и те же у монголов?

Мальчик в это время уже крепко заснул, забравшись в палатку. Я постлал ему потник и укрыл ситцем, который дал караульный для обмена.

— Завтрашний день он побудет у нас, — говорю. — Пока мы сделаем попытку пробраться в рудник, он вместе с собакой будет наш стан и лошадей караулить, а там посмотрим, поедем назад и как-нибудь разузнаем про родителей.

Ночь прошла спокойно. Утром мальчик с нами завтракал, стал доверчивее, рассказал, что родители у него бедные, юрта плохая, скота мало, детей несколько, старший сын пасет их скот, а отец служит пастухом у богатого соседа, получает молоко, иногда барана, живут скудно, а все-таки лучше, чем в монастыре у лам. Зовут его Очир.

Оставив его у палатки с поручением караулить ее и лошадей, мы полезли вверх по правому склону долины, довольно крутому и высокому. Поднявшись на гребень отрога Алтая, который отделял эту долину от долины Алтын-Гола, мы увидели внизу под собой немного ниже по течению ручья, у рудника, юрты караульных, а пройдя по гребню шагов сто на юг, наткнулись на выход самой жилы в виде глыб желтоватого кварца. Мы прилегли, чтобы караульные не заметили нас на гребне, высмотрели, что немного ниже по склону виден небольшой отвал породы, уже заросший бурьяном, и чернеет отверстие старой выработки. Через него, очевидно, можно пробраться в выработки рудника, когда стемнеет и караульные не смогут увидеть нас.

Вернулись к палатке и провели почти целый день,

варили обед, пасли коней выше по долине, чтобы к ночи оставить им траву ближе к стану; собирали аргал и кусты. Под вечер приготовили все, что нужно было взять с собой в рудник: каелку, зубило, молоток, пару свечей, мешок, веревку, черные халаты, разрисованные по указанию Лобсына. При разборе вещей в суммах я нашел сверток хорошего ситца, аршин двенадцать, который взял с собой на всякий случай для подарка или обмена на барана, если понадобится. «Вот, кстати,— думаю,— можно будет потом оставить караульному, который дал гнилой для обмена»; решил захватить его с собой в рудник. Перед закатом напилсь чаю, потом пригнали коней к палатке, привязали, посадили мальчика возле палатки у огонька, велели ему поддерживать огонь и смотреть за конями; привязали собаку, чтобы она не увязалась за нами. Мальчик с ней уже познакомился, обещал приготовить чай часа через три.

Чуть солнце закатилось, мы полезли опять на гору и на гребне отдохнули, дожидаясь, чтобы стемнело и караульные не смогли разглядеть, как мы спустимся к верхней выработке. Спустились и пролезли в нее, отошли осторожно несколько шагов вглубь и зажгли свечи. Верхняя штольня по жиле оказалась неглубокой, всего шагов десять. Но к самому забою, в котором белела жила кварца в пол-аршина толщиной, нельзя было подойти — перед ним шла прямо вниз шахточка во всю ширину штольни. На веревке опустили свечу до дна — оказалось сажен пять глубины. Зацепив веревку за выступ камня, мы спустились вниз, осматривая жилу по пути. Кое-где в кварце блестело золото крупными зернами, но добывать их на весу было слишком трудно.

Со дна этой шахточки шел штрек по жиле в глубь горы без выхода на поверхность, длиной шагов тридцать. Прошли по нему к забою. Жила была здесь уже почти в аршин. Кое-где в ней желтело золото, полосками в палец шириной и гнездами в ноготь. Зубилом и каелкой наломали кварца с золотом в разных местах по жиле, стараясь стучать меньше. Набрали несколько горстей, сколько могли отбить с поверхности; золото уходило в глубь забоя, но там оно уже было нам недоступно. Поэтому решили спускаться дальше. В начале этого штрека круто вниз шла наклонная шахточка, но на ней были вырублены ступеньки; мы спустились осторожно и попали в следующий глухой штрек сажен на десять ниже первого. Он также шел по жиле в глубь горы шагов на 30—35. В его забое мы снова наломали не-

сколько горстей кварца с золотом. Здесь жила была в пять четвертей аршина и также богатая. И снова в начале штрека шла наклонная шахточка вниз сажен на десять ниже, а из нее в глубь горы — штрек, где в забое мы еще наломали кварца. То же повторялось еще два раза, пока мы не спустились в самый нижний штрек, который имел уже выход, загороженный жердями и виденный нами от юрт караульных. Этот штрек уже представлял штольню. Он шел в глубь горы шагов на сто, а в забое жила была в два аршина и очень богатая. Набрали в ней немного больше горстей, сколько можно было зубилом, по которому стучали, завернув его головку в тряпку, чтобы караульные не услышали. У этого забоя уселись отдохнуть.

Я стал соображать, почему это все штреки выше нижней штольни глухие, а из самого верхнего к верхней штольне ведет отвесная шахточка. Очевидно, это было сделано для полного надзора за рудокопами, добывавшими золото. Они могли выходить из рудника только по нижней штольне, у устья которой их и осматривали и обыскивали, чтобы не выносили золота. Из верхнего штрека нельзя было вылезти по отвесной шахточке без лестниц. Эта шахточка и верхняя штольня нужны были для проветривания рудника естественной тягой согретого воздуха вверх по наклонным и по отвесной шахточке, тогда как свежий поступал по нижней штольне. Отвесная шахточка у самого забоя верхней штольни мешала подняти к нему, чтобы тайком ковырять золото.

Но и нам вылезти обратно через отвесную шахточку было невозможно: веревку, которая помогла нам спуститься, мы наверху не оставили, не думая, что она понадобится на обратный путь. И теперь приходилось выйти по нижней штольне прямо к караулу. Жерди, которыми был закрыт выход, не представляли препятствия: они были только прислонены и перевязаны веревкой, которую легко было разрезать и проделать себе проход, отодвинув несколько жердей. Но дальше? Собаки у юрт обязательно почуют нас и поднимут тревогу.

Я изложил эти соображения Лобсыну и говорю:

— Как нам быть? Неужели лезть назад наверх?

Он рассмеялся:

— А черные разрисованные халаты у нас для чего взяты с собой? Чтобы испугать караульных. Наденем их, возьмем в руки свечи, только обернем их бумагой, чтобы не ярко светили, и выйдем, опрокинув все жерди сразу, чтобы был большой шум. Караульные перепуга-

ются и спрячутся в юрты, когда увидят, что из рудника два мертвеца выходят.

Я не сказал еще, как были разрисованы черные халаты. На них белой краской были нарисованы полные скелеты человека, и при слабом свете свечей ночью люди, одетые в эти халаты, действительно могли показаться идущими скелетами. Лобсын заказал мне эти халаты будто бы для маскировки на празднике Цам, а в действительности мой сообразительный друг тогда уже придумал такой способ напугать суеверных монголов, чтобы пробраться в запрещенный рудник.

И вот мы, разложив добытый золотиносный кварц в два мешка, в каждом фунтов по двадцать, прикрепили их себе на спину, надели халаты и капюшоны (на которых были намазаны черепа), прошли по штольне к выходу и здесь обернули свечи зеленой прозрачной бумагой, которой, как оказалось, запасся Лобсын. Он теперь сказал мне:

— Выйдем из штольни немного погодя после того, как опрокинем жерди, чтобы караульные на лай собак и шум выскочили из юрт. А выйдя, запоем буддийскую молитву «ом-мани-пад-ме-хум» и пойдем прямо на юрты, в одной руке свеча, в другой у тебя каелка, у меня молот, как будто мы восставшие рудокопы.

И так, сговорившись, мы подошли к жердевому щиту и, налегши вдвоем, легко опрокинули его наружу. Собаки уже ворчали, чуя нас, а тут бешено залаяли. В юртах раздались окрики — люди еще не спали, потом караульные выбежали. И тут мы рядом, как условились, выступили из глубины штольни в виде скелетов, слабо озаренных зеленым светом, протяжно завывая: «Ом-мани-пад-ме-хум».

Что тут за суматоха поднялась у юрт, трудно себе представить. Возгласы ужаса, визг детей, крики мужчин и женщин: «Мертвые рудокопы из горы выходят, убегайте скорее!» И все бросились бежать. Бежали не только взрослые и дети, но и собаки, коровы, бараны и козы, которые ночевали вблизи юрт. Все понеслись вниз по долине с визгом и криками, толкая и опрокидывая друг друга.

А мы, дойдя до первой юрты, в которой были накануне, положили там на видном месте ситец, который я принес с собой, в обмен на гнилой, взятый у караульного. Потом мы полезли вверх по склону вдоль жилы, причем свечи помогли нам ориентироваться. Немного поднявшись, мы их потушили, халаты скинули и полез-

ли уже в темноте, чтобы караульные, если остановились не так далеко для наблюдения, не могли проследить, куда исчезли мертвецы.

Взобравшись мы, не торопясь, на гребень отрога и остановились передохнуть. С высоты видны были обе долины; в долине Алтын-Гола, где стояли юрты, было темно и тихо, беглецы, очевидно, еще не вернулись. В долине, где была наша палатка, виднелся огонек, и при свете его можно было различить палатку, коней и мальчика у костра. Там все было благополучно.

— Ну и напугал ты бедных караульных своей выдумкой, Лобсын, — сказал я. — Мне просто совестно, люди до смерти перепуганы, будут ночевать где-то под открытым небом, и скот у них разбежится. Нехорошо вышло!

— Я не думал, что они такую суматоху устроят и убегут, — оправдывался мой калмык. — Я полагал, что выглянут только караульные, увидят мертвецов и спрячутся в юрты, начнут там молитвы читать. А мы бы повернули от рудника вверх по долине и, отойдя немного, потушили свечи, чтобы в темноте лезть на гору. И караульные, выглянув из юрт, могли бы заметить, что мертвецы пошли вверх по речке и скрылись. Я же не виноват, что они так струсились! Ну, переночуют немного ниже, скот свой соберут и завтра вернуться.

— И пойдет теперь по всей Монголии рассказ, что в золотом руднике на Алтын-Голе мертвые рудокопы воскресли и по ночам бродят, караул пугают! А князь зовет к себе караульных и начнет допрашивать с пристрастием, в тюрьму посадит или сменит.

— Смене они будут только рады. Кому охота целый год в этом глухом месте сидеть на карауле. Ведь жалованья от князя они не получают, сидят по наряду и бездельничают.

— А что подумают они о ситце, который я положил в юрте?

— Пожалуй, напрасно оставил его. Они подумают, что положили его мертвецы, и отдадут в монастырь ламам, побоятся оставить себе.

— Ну, попадет ситец бездельникам ламам, а не бедным аратам! — сказал я.

— Неужели ты, Фома, считаешь всех лам бездельниками? — удивился Лобсын, очевидно обиженный моим восклицанием.

— А какую пользу монгольскому народу приносят ламы? Бормочут целые дни свои молитвы, зажигают

лампады и курительные свечи перед статуями Будды и других богов. И так изо дня в день всю свою жизнь, прославляя Будду и перебирая свои четки, вместо того чтобы выполнять какую-нибудь работу, ну хотя бы разводить огороды при кумирнях, учить аратов косить траву на удобных сырых местах в долинах вдоль речек и ключей! Ведь сколько у вас каждый год гибнет скота от бескормицы зимой, от джута.

— Конечно, немало, а в иные годы очень много и всегда у самых бедных, у которых скот захудалый,— подтвердил Лобсын.

— И ламы могли бы учить аратов сенокосению, устраивать орошение, где возможно, чтобы трава росла пышнее, а для скота строить из хвороста, из земли загоны, укрытия от зимних холодов и пурги, вместо того чтобы распевать молитвы с утра до вечера, бормотать «ом-мани-пад-ме-хум» в кумирнях и в своих фанзах.

— Ну, иные из них занимаются врачеванием, лечат бедных аратов, другие переписывают богослужебные книги для новых кумирен.

— От врачевания лам, я полагаю, больше вреда народу, чем пользы, даже если учесть только прокорм и деньги, которые они от больных получают. И врачуют лишь немногие, которые этому где-то подучились, а большинство занято только богослужением. Ты сообрази, ведь третья часть мужского населения у монголов в ламском сословии состоит и живет полностью за счет труда остальных двух третей! Зачем настроили столько монастырей и кумирен с десятками и сотнями лам? Какая польза народу от них?

— Развлечения, праздники народу с песнопениями и представлениями устраивают! — защищался Лобсын.

— Вот именно, праздники и представления всякие, чтобы привлечь аратов и выманить у них подаяния и пожертвования на обстановку кумирен, на украшение богов, на богослужебные книги и, главное, на себя, на свое пропитание. Ведь ламам тоже каждый день есть-пить нужно, а сами они ничего не вырабатывают.

Этот разговор как-то неожиданно возник у нас, когда мы поднялись по крутому склону долины и уселись передохнуть на гребне, с которого чуть видны были в сумраке ночи юрты караульных на дне одной долины и огонек у нашей палатки на дне другой, поближе. Раньше мне как-то не приходилось поговорить с Лобсыном так откровенно и резко насчет буддизма и ламского со-

словия, его существования за счет бедных монголов: я обыкновенно шадил его религиозные убеждения.

Отдохнув наверху, спустились потихоньку к своей палатке. У Очира чай был готов, мы поели и улеглись спать, усталые после работы в руднике и подъема в темноте на горѹ. Ночь прошла спокойно. Утром направились в обратный путь той же дорогой. Мальчика посадили на одну из вьючных лошадей поверх вьюка. Он начал привыкать к нам и помогал при сборе топлива. За пятнадцать дней по той же дороге без особых происшествий мы вернулись в Чугучак.

По пути спрашивали во всех улусах относительно родителей мальчика, но ничего не узнали. Я решил оставить его у себя, как когда-то приютил Лобсына.

В августе мы опять снарядили большой караван и отправились с Лобсыном вести его. Очира взяла с собой на случай, если найдем его родителей. И в этот раз хорошо торговали и вернулись с прибылью.

Кварц с золотом, добытый в старом руднике, мы истолкли, промыли и извлекли из него фунта четыре золота. Зимой я опять съездил в Семипалатинск с сырьем и продал это золото в банке, закупил новый товар и вернулся в Чугучак. С приказчиком московских купцов Первухиным у меня было резкое объяснение. Я предъявил ему гнилой ситец, полученный от караульного, и потребовал обменять на хороший. Он, конечно, отказался, божился, что это не он продал гниль, что такого товара у него не было и нет. Я сдал ситец консулу и заявил ему о жалобах на приказчиков московских купцов. Он обещал написать в Москву и пригрозил довести до сведения министерств торговли и промышленности и иностранных дел об этих проделках.

КЛАДЫ В РАЗВАЛИНАХ ДРЕВНЕГО ГОРОДА КАРА-ХОДЖА

Весной следующего года консул пригласил меня по спешному делу и сказал:

— Фома Капитонович, вы ведь теперь как будто полюбили путешествия с приключениями?

— Пожалуй, что так, Сергей Васильевич. Но откуда вы знаете о приключениях?

— Как не знать, слухом земля полнится, говорят. О ваших путешествиях с особыми задачами в Чугучаке поговаривают, вероятно, очень преувеличивают. Вот да-

же китайский амбань спрашивал меня: правда ли, что вы в Алтайских горах запрещенный золотой рудник посетили?

— Но, Сергей Васильевич, я же по торговым делам путешествую, узнаю, где лучше сбывать красный товар.

— Я так и сказал амбаню. Но на золотом руднике вы тоже по торговым делам были?

— А как же! Караульные рудника мне жаловались, что приказчик Первухин, который меня сменил у московских купцов, продал им гнилой товар. Помните, я вам об этом докладывал и даже гнилой ситец показывал, который караульные отдали мне, чтобы я обменял его на хороший.

— Как же, помню. Я в Москву и в министерство об этом писал.

— Ну вот! И приключения разные в путешествиях, конечно, случаются. То волки нападут, то конокрады накажут, то верблюд заболит,— без этого не обойдешься.

— Так-так. Вы любите путешествовать, и даже с приключениями. И вот сейчас хороший случай представляется. Сюда приехал один немецкий ученый, который раскопками разных древностей занимается. Он хочет проехать в Турфан, раскопать развалины какого-то древнего города. Ему нужен хороший переводчик и проводник для помощи в этой работе.

— Как же я с ним объясняться буду? Я по-немецки не понимаю.

— Он русскую речь понимает, и сам кое-как говорит по-русски.

— А надолго ли ехать с ним? К половине августа я должен вернуться сюда, чтобы снаряжать свой караван.

— Ну, значит, три месяца времени у вас есть. Он идет на два-три месяца.

— Он по своей воле приехал или по чьему-либо поручению?

— Послан какой-то немецкой академией. Имеет рекомендацию от нашего министра иностранных дел с просьбой оказать ему всяческое содействие. Поэтому он и явился ко мне.

— Он один или с прислугой? Старик или молодой?

— Средних лет. С ним молодой человек, секретарь, что ли. Этот по-русски — ни слова, но по-китайски говорит.

— Ну что же, я поеду, если сойдемся в условиях. Я в Турфане не бывал, интересно поглядеть, что он будет раскапывать! — сказал я и спохватился, что намекнул на свои приключения с раскопками.

Консул рассмеялся. Он, очевидно, знал больше о моих предприятиях, чем сказал мне.

— Где же мне искать его? Как его зовут? — спрашиваю.

— Зовут его профессор Шпанферкель. Странная фамилия, только у немцев такие бывают. По-русски это значит «поросенок-сосунок». Приходите ко мне после обеда, и мы пойдем к нему. Он по соседству на постоялом дворе остановился, а сейчас к амбаню пошел представляться, получить паспорт и распоряжение на отпуск лошадей по почтовому тракту в Урумчи.

После обеда пошли мы с консулом к профессору-сосунку. Нашли его на постоялом дворе в номере, то есть просто в одной из комнат в глинобитной фанзе, занимающей одну сторону большого двора. Как во всех постоялых дворах Китая, пол в номере земляной, заднюю половину занимает лежанка — кан. Дверь прямо со двора, рядом с ней окно, белой бумагой заклеено вместо стекла. Мебели — только простой стол и два табурета. Стены небеленые, потолок из хвороста, сверху покрытого глиной. На кане у немца был разложен багаж — несколько чемоданов, саквояж, кровать складная расставлена, пуховым одеялом покрыта. Сам он сидел у стола, бумаги просматривал.

Консул меня представил. Немец говорит:

— Прошу извиняйт, каспадин консуль, принимайт вас такой перлоге, где я только два табуретка имею. Прошу сесты!

Консул занял второй табурет, я присел на край кана.

— Ошень примитив китайски отель! Я думаль, такой стари культур отеля лучше. Зачем эта гора, — он указал на кан, — половина комната занимайт!

— Это кан, лежанка. Зимой ее топят, и она теплая, на ней китайцы спят как на кровати, — сказал консул.

— На этой пыли! Ушасно!

— Дальше хуже будет. Здесь есть окно, а на станциях тракта в Урумчи комнаты без окон.

— О, майн гот! Нужно сидеть в темноте.

— Или держать дверь открытой!

— Ешше лючше! И китайсы стоять у дверь и смотреть, что ми делают целый день.

— Они смотрят и через бумажное окно. Высунет

язык, намочит бумагу, делает дырочку и смотрит одним глазом в комнату. Потом другой, третий, так всю бумагу продырявят. Все хотят посмотреть ян-гуйцзе, заморских чертей, как-называют иностранцев. Поэтому даже лучше без окна. Заперли свою дверь — и сидите спокойно.

— Но китайсы начинают дверь открывают. Вот мой дверь, ключ или забор совсем нет!

— Ваш помощник выйдет и попросит любопытных не мешать. Скажет им, что вы работаете или спите. Китайцы — вежливый народ. А где же ваш секретарь?

— Другая комнат возле. Спит. Очень уставал раскаваривать амбань. Моя помощник знайт китайси нанкин диалект, южный, амбань знайт пекин диалект. Друг другу плёхо понимайт, долго каварили.

— Вам нужен второй переводчик, знающий пекинское наречие, на котором говорят маньчжуры. Наш амбань маньчжур, и в Урумчи генерал-губернатор тоже маньчжур. Вот я привел вам переводчика, господина Кукушкина. Он знает и тюркский язык. В Турфане народ таранчи, тюрки, и вам придется иметь дело с ними.

— Очень карашо! Ешше нужно кароший шеловек нам помогайт, обед готовляйт, чай варит, лавка провизион покупайт, вещи караулит. Ошен прошу находит такой шеловек.

— Фома Капитонович, — обратился консул ко мне, — не согласится ли ваш подручный и компаньон Лобсын также поехать? Он человек надежный, и вам с ним легче будет, чем одному, с иностранцами.

— Со мной он поедет куда угодно! Он тоже любит путешествия с приключениями, как вы изволили называть их.

— А как его вызвать из гор сюда? Нужно скоро, профессор через два-три дня хотел бы выехать.

— Он каждый месяц в это время приезжает ко мне за товаром. Я жду его сегодня или завтра.

— Ну и отлично. Теперь будем говорить насчет жалованья и других условий. Профессор хочет нанять две китайские телеги до Турфана и поедет на сменных лошадях по станциям, так что вам своих верховых брать не нужно.

Мы столкнувались с профессором. Жалованье я себе и Лобсыну спросил небольшое, но на харчах нанимателя. Это немцу сначала не понравилось: он хотел, чтобы мы кормились на свой счет. Но консул разъяснил ему, что мы же будем покупать провизию и для профес-

сора с секретарем и готовить для них еду, так что проще и выгоднее иметь общий стол. Наконец немец согласился, но с условием, что чай и сахар у нас будет свой. Он, очевидно, боялся, что мы будем пить много сладкого чая в ущерб его запасам. Я уступил, мы с Лобсыном привыкли к кирпичному чаю по-монгольски с солью и без сахара при наличии молока.

Условие было заключено на три месяца со дня выезда, чтобы мы могли вернуться в Чугучак к началу августа для организации своего каравана.

Вечером ко мне приехал Лобсын и охотно согласился принять участие в экспедиции. Но он должен был сначала увезти товар в свой улус, и я отправил с ним своего приемыша Очира, чтобы он жил в семье Лобсына во время моего отсутствия, а не оставался один в городе без надзора. Через четыре дня Лобсын должен был выехать на станцию тракта, ближайшую к его улусу, и ожидать там проезда экспедиции, чтобы присоединиться к нам.

Я сопровождал профессора при его прощальном визите к амбаню и показал, что умею говорить на пекинском наречии и знаком с китайским этикетом. Амбань и профессор были довольны мной. Для экспедиции я нанял две телеги, одну легкую для профессора и секретаря, вторую большую для багажа и нас двоих. В назначенный для выезда день телеги были рано поданы на постоялый двор, я уложил багаж. Консул пришел провожать немцев; они очень благодарили его за помощь и высказали надежду, что будут довольны мною.

Часов в десять утра мы выехали и на ночлег остановились на станции Сары-Хулсын в черных ветреных холмах, знакомых мне по первому путешествию за золотом. Эта станция стоит у самого восточного конца хребта Барлык, где этот кряж, сильно понизившись, обрывается утесами к долине реки Куп, отделяющей его от черных холмов.

Лобсын уже ждал нас на станции, привез целый мешочек баурсаков. Немцам отвели комнату на станции, без окна, как предсказал консул. Мне пришлось в первый раз показать свое поварское искусство, сварить суп из мяса, взятого в Чугучаке, поджарить картофель на сковороде. У немцев была дорожная посуда — тарелки, ложки, ножи и вилки. Они ужинали в комнате на маленьком столе, а мы — на дворе.

К чаю я подал профессору на тарелке кучку свежих баурсаков.

— Это што за маленьки колбас? — спросил он.

Я объяснил, что они делаются из крутого теста и жарятся в бараньем сале и что это лучший сорт хлеба для дороги. Но им баурсаки не понравились.

— Опять баран! — возмутился профессор. — Суп из баран, жаркой баран и хлеб бурсак тоже баран. Ви би еше компот из баран подавайт!

— В Китае и Монголии почти единственное мясо — это баранина, — объясняю ему. — Говядину очень редко можно найти, и всегда будет подозрение, что это мясо больного или даже издохшего животного.

— А свиной мясо покупайт мощно? Свин, каварят, у китайса много!

— В Южном Китае свинины, как я слышал, много, а здесь нет. Монголы свиней не разводят, у них нет корма для свиней, степной корм свиньи не едят, а помоев в монгольском хозяйстве не бывает. Здесь главный скот — это бараны, и вам, профессор, придется привыкать к баранине. А свежие баурсаки к чаю — хороший хлеб, и мы будем иметь их не часто.

— Забирайт ваш бурсак, — рассердился немец. — Мы еше имеем хороший немецкий печенье, домашни гебек!

Я думал угостить профессора нашим чайным печеньем, а получил выговор. Ну что же, нам с Лобсыном больше останется. А немца угощу при случае ослиатиной или верблюжатиной под видом говядины.

После чая была еще стычка из-за постели. Немцы не захотели раскладывать свои дорожные матрацы прямо на кане и потребовали, чтобы мы достали из багажа их складные кровати. Нам пришлось рыться в темноте в багажной телеге, вытаскивать кровати, нести их в фанзу и разбирать при тусклом свете свечи на кане. Мы оба никогда не видели таких кроватей и не сразу сообразили, как их раскладывать. Они были стальные и обе различной конструкции. Профессор сердился, когда мы втыкали ножки не туда, куда надо, а его указания по-немецки, когда он не находил русского термина для ремня, пряжки или гайки, мало помогали. Секретарь, который мог бы помочь нам показом, дремал у стола.

Наконец мы расставили кровати, положили матрацы и подушки, пожелали покойной ночи и сами отправились ночевать в багажную телегу.

Утром я разбудил ученых еще на заре. Пока они одевались, мы уже напильсь чаю, а пока они пили свой кофе со сгущенным молоком и домашним гебек, мы разо-

брали кровати и уложили в телеги весь багаж. Часов в шесть утра выехали.

Нужно заметить, что хотя мы меняли лошадей на каждой станции, но ехали не быстро, только семь-восемь верст в час. На ровных участках ехали мелкой рысью, но на всех подъемах, даже небольших, шагом. В легкую телегу были впряжены две лошади, в багажную — три. Ямщики сидели на оглобле позади крупа коренника, так как козел у китайских телег нет. На подъемах они соскакивали и шли пешком.

Тракт из Чугучака в Шихо поворачивает от станции Сары-Хулсын вверх по широкой долине реки Куп, которая отделяет Барлык, остающийся справа, от хребта Джаир, знакомого нам по первому путешествию. Это долина степная, местами занята холмами. Кое-где видны были юрты киргизов и их зимовки в устьях боковых долин. В степи паслось довольно много скота, поправлявшегося на молодой весенней траве от зимнего поста.

На следующей станции Толу переменяли лошадей и поехали дальше по той же долине. Барлык тянулся по-прежнему справа, но поднялся выше, представляя цепь плоских вершин и высылая в долину короткие отроги. В боковых долинах его южного склона, укрытых от холодных ветров, по словам Лобсына, растут дикие яблоны с небольшими, но вкусными плодами. Слева к дороге обрывались крутые склоны Джаира, а в боковых долинах кое-где были видны рощи тянь-шаньской голубой ели. Семена ее, вероятно, были занесены северными ветрами с Барлыка, где эта ель образует целые леса. Далее же на восток в Джаире, а также в Майли, составляющем продолжение Джаира на запад от тракта, ели уже нет, так объяснил мне Лобсын.

Вскоре долина Куп сделалась неровной, холмистой, и дорога повернула к станции Ямату, расположенной среди холмов Джаира.

На станции Ямату решили обедать. Варка супа заняла бы слишком много времени, и я предложил им удовольствоваться бараниной, поджаренной мелкими кусочками на сковороде, и чаем.

— Опять баран! — проворчал профессор. — Лучше открывайте банка консерв.

— Нужно употреблять мясо, взятое в Чугучаке, — говорю ему, — к вечеру оно может испортиться и пропадет.

Это подействовало. Я сдобрил баранину головкой лука и залил парой яиц, которые нашлись у смотрителя

станции. Немцы покушали с аппетитом, мы не отставали от них.

От Ямату тракт поворачивает на юг и пересекает горы, которые в этом месте значительно ниже.

Тракт идет сначала по довольно узкой долине ручья Ямату. Слева обрываются красные скалы Джаира, на которых высоко вверху видны ели, рощицами и порознь; справа зеленеют травой склоны хребта Майли.

За низким перевалом тракт подходит к станции Кульденен, а затем идет небольшими подъемами и спусками среди невысоких и плоских гор до станции Оту, расположенной в обширной котловине, окруженной подобными же горами. За этой станцией дорога выходит из котловины и между низкими горами и холмами спускается к станции Сарджак, расположенной у южной окраины гор. Солнце уже садилось, и профессор решил ночевать здесь. За день мы проехали пять станций по довольно неровной долине Куп и через широкий хребет.

Комнаты для проезжающих на станции, конечно, были без окон. Шаткий стол взяли у смотрителя, а стулья заменили своими чемоданами. На кане расставили кровати, с которыми мы справились уже быстрее. На ужин удалось купить у смотрителя мясо кулана, то есть дикого осла. В обширных степях и солончаках широкой впадины, которая отделяет Джаир-Майли от Восточного Тянь-Шаня, водятся стада не только антилоп дзеренов, которые попадают и в Джаире, но и куланов. В громадных зарослях камышей в рощах вдоль реки Куйтун, которая течет с Тянь-Шаня и, повернув на запад, орошает часть этой впадины и впадает в озеро Эби-Нур, водится много кабанов и встречается даже тигр.

Поэтому смотритель и ямщики станции Сарджак, расположенной на окраине этой впадины, имели ружья и в свободное время занимались охотой на антилоп и куланов. Но профессору я, конечно, не сказал, что суп и жаркое их ужина изготовлены из мяса кулана. Подавая котелок с супом, я заявил, что удалось купить говядину. Профессор внимательно рассмотрел ребра с мясом, бывшие в супе, попробовал мясо и сказал:

— Ошшень карашо, что вы варили не баран. Это, видно, молодой коров, кости не толстые.

Покушали и хвалили, а мы с Лобсыном, ужиная на дворе, с трудом удерживались от смеха. Но только мы, напившись чаю, собирались устроиться на ночлег в на-

шей телеге, как открылась дверь и раздался голос секретаря:

— Огэ, Кукушка, Фома, шнелль, шнелль!

Я прибежал в комнату и застал такую сцену. Профессор стоял возле своей кровати со свечой в левой руке, а дрожащей правой указывал на стену, которую пересекала широкая трещина. Вдоль трещины спускались вниз одна за другой две крупные фаланги.

— Фома, это какой гадкий насекомый? Я читаль, Туркестан живет каракурт, смертельни кусак!

— Нет, профессор, это фаланга, паук.

— Он тоже кусайт? Восемь ног, как у паук! Противный.

— Кусает, и больно, если его придавить или тронуть. Рука пухнет, сильный жар будет.

— Донерветтер! Ешше один бегайт! — вскричал профессор, указывая на другую стену, по которой из-под камышового потолка выскочила и быстро побежала фаланга средней величины.

— Это ушасно! Сдесь спайт нельзя. Ночью эти паук искусайт нас. Вынимайт наша палатка, разбивайт на дворе, пожалста!

В багаже на нашей телеге действительно был большой тюк с палаткой, которую экспедиция взяла с собой. Пришлось нам перевернуть весь багаж, вытащить и развязать тюк и ставить палатку незнакомого нам фасона. Профессор держал свечу, к счастью, было тихо и огонь не задувало. Секретарь показал нам, как ставить стойки, натягивать полотноща, покрывать брезентом пол, где забивать колышки. Палатка имела форму домика с низкими отвесными боковыми стенками и высокой крышей; к передней стойке прикреплялся маленький столик. Внутри поместились обе кровати вдоль боковых стен, и между ними остался еще проход в аршин шириной.

В общем, провозились мы с полчаса, пока не устроили ученых палатку и не уложили в телеге остальной багаж, на котором спали сами. Немцы, вероятно, спали плохо, во-первых, с непривычки в палатке и, во-вторых, потому, что на дворе станции ночью не было тихо. По соседству под навесом жевали солому и фыркали лошади, в поселке лаяли собаки, иногда слышались голоса. И когда мы по привычке проснулись на заре, в палатке уже разговаривали.

Выглянув из телеги, я увидел на юге великолепную картину. На горизонте тянулся Восточный Тянь-Шань в

виде длинной темной стены, разрезанной глубокими ущельями и увенчанной рядом крупных зубцов, словно гигантская пила. Эти зубцы сверху донизу были покрыты снегом, который алел в лучах восходившего солнца. Я впервые видел такой высокий снеговой хребет на всем его протяжении и с такого расстояния и любовался им вместе с Лобсыном, который, впрочем, видывал и другие снеговые хребты, но не такие высокие и длинные.

Немцы, выйдя из своей палатки, заметили нас стоящими на телеге и смотрящими на юг и обратили на это внимание.

— Этта какой большой гор? — спросил профессор.

— Это северная цепь Восточного Тянь-Шаня. Она называется Ирен-Хабирга, также Боро-Хоро, — ответил я.

— Турфан город там, за этим гор?

— Нет, мы поедем вдоль этих гор, пока они не кончатся.

Секретарь принес из палатки карту и большой бинокль, затем вытащил из фанзы стол, они разложили карту и поочередно смотрели в бинокль и на карту, оживленно разговаривая. От консула я также получил карту, на которой был виден весь наш путь и названия всех станций, чтобы я мог называть их профессору.

Я перечислил ему по порядку названия вчерашних станций, а он следил по своей карте и кивал головой со словами: ист, ист, рихтих.

В этот день мы проехали шесть станций благодаря ровной дороге, пересекающей эту широкую впадину Джунгарии. Местность была однообразная, часто по солончакам, местами не совсем просохшим после зимы и довольно грязным. По серой и голой поверхности их были рассеяны плоские бугорки, поросшие зеленеющими кустиками различных солелюбивых растений. Солончаки сменялись плоскими повышениями сухой степи с полыньей или пучками чия.

Хотя мы все время приближались к Тянь-Шаню, но он уже с восьми часов утра был виден хуже, чем рано утром; вокруг белых зубцов начали сгущаться тучи, которые после полудня совершенно закрыли их, повиснув курчавой пеленой над темной стеной хребта. На последней можно было уже различить хвойные леса, прерываемые светлыми и темными гребнями скал.

К закату солнца мы поднялись уже на подножие Тянь-Шаня и на ночлег остановились в пригороде горо-

да Шихо, или Кур-кара-усу, на большом постоялом дворе. Здесь тракт из Чугучака сомкнулся с большим трактом Бей-лу, который идет вдоль подножия Тянь-Шаня из Урумчи в Кульджу и потому гораздо более оживлен, чем первый, на котором мы редко встречали легкие и грузовые телеги с товарами и людьми.

Постоялый двор был просторнее и лучше, чем на том тракте. В комнате, отведенной господам, были окно, стол и кресла; в стенах не видно было трещин, в которых могли бы прятаться фаланги, и ученые решились спать в комнате. На дворе им было бы беспокойно — кроме нас были и другие проезжие: разговоры, разные возгласы нарушали тишину до полуночи.

Ужин пришлось готовить опять из баранины, но чаю я достал свежие китайские паровые булочки. На вид они не очень аппетитны — в тонкой корочке цвета теста, так как они не пекутся в горячей печке, а варятся на пару; тесто их крутое.

— Это какой хлеб, опять бурсак? — спросил профессор, разрезав и обнюхав булочку.

— Это китайский хлеб, — объяснил я, — мо-мо называется, он бараном не пахнет, потому что варится на пару, а не жарится в сале, как баурсак. Я думаю, что он понравится вам. У вас есть масло или мед, чтобы помазать это мо-мо?

Мед у немцев был еще в запасе, они попробовали и остались довольны.

— Это мо-мо покупайте каждый день! — последовало решение.

Утром оказалось, что у секретаря под подушкой переночевал большой желтый скорпион.

— Ешше один гадкий насекомый! — воскликнул профессор при виде его. — Это тоже ядовита кусак?

— Вроде фаланги! — утешил я его.

— Ужжасны этта сторона! Не понимай, как китайсы живут. Может, и ядовита змей в их домах ведутся?

— Нет, змеи в домах не живут, а фаланги и скорпионы водятся, — пояснил я и хотел было прибавить, что бывают еще ядовитые многоножки, но раздумал заранее огорчать профессора. При изучении развалин в Турфане он сам с ними познакомится.

Впрочем, секретарь показал себя менее пугливым. Он достал из багажа стеклянную баночку и при моей помощи посадил в нее скорпиона, к негодованию профессора, который что-то спросил у него по-немецки, а затем выпалил:

— Молодой шеловек желайт увозит домой этта на-секомый, жена показайт, какой бывайт опасный экспедицион!

В этот день мы ехали по тракту Бей-лу на восток. Чередовались китайские селения, поля с зелеными всходами хлебов и другие, на которых копали или пахали крестьяне в широких соломенных шляпах, но обнаженные до пояса и босые.

Дорога пересекала арыки, по которым струилась вода, выведенная из горных речек для орошения полей. Но больше места занимали пустыри со степью, небольшими рощами деревьев, зарослями чия или кустов. Справа тянулись гряды предгорий, а за ними стена Тянь-Шаня. Рано утром над ней ненадолго показались снеговые пики, позже скрывшиеся в облаках.

Встречались часто легкие телеги с пассажирами, грузовые с товарами, небольшие караваны верблюдов, ишаки, навьюченные вязанками хвороста, мешками, корзинами с углем, всадники на лошадях и ишаках.

В селениях мы видели китайянок, ковылявших осторожно на своих изуродованных ножках, полуголых и голых детей, игравших в пыли, стариков, гревшихся на солнце.

Вечером нам пришлось остановиться в небольшом поселке на берегу большой реки Манас, вместо того чтобы попасть в город на другом берегу этой реки. Большая и быстрая река эта течет с высот Тянь-Шаня, и брод через нее весной и летом возможен только рано утром. Днем вода сильно прибывает от таяния ледников и снегов, а за ночь таяние очень сокращается и можно проехать, но не всегда, только в сухую погоду. Постоялый двор был забит проезжими, ожидавшими утра, и профессору с трудом удалось выхлопотать грязную и темную комнату. На дворе не было места для палатки из-за многих телег, да и было бы слишком беспокойно.

Я пошел на поиски провианта для ужина и возле единственной лавки увидел толпу покупателей: продавали мясо верблюда, который будто бы сломал себе ногу на броду через реку, почему и пришлось его заколоть. Мясо было свежее, но не жирное — весной верблюды тощие после зимней работы. Но другого не было, я купил, сварил суп и поджарил мясо ломтями, подал его под названием баранины, так как запах не позволял выдать его за говядину. Костей я, конечно, не подал — они могли выдать мой обман.

Профессор был уже недоволен плохой комнатой и, попробовав мясо, проворчал:

— Опять баран, ошшен старый, сухой, как щепка!

Все-таки они поели его; но когда я потом принес чайник, профессор сказал сердито:

— Моя секретар каварил соседни китайса, которая ушинал и сказайт — этта мьясо не баран, а камель, русски язык верблюом называйт. Купец вас обманывайт, или ви меня обманывайт. Другой раз секретар ходить с вами покупайт мьясо.

— Никакого другого мяса не было,— возразил я,— и если бы я не купил его, вы бы остались без ужина.

— Почему ми не ехать дальше, за река большая город, каварят, баран покупайт мошно было!

Пришлось вторично объяснить, что река вечером не позволила доехать до города.

Опасаясь фаланг и скорпионов, появлением которых угрожали трещины в стенах комнаты, ученые легли спать не раздеваясь, на руки надели перчатки, а головы укутали полотенцами. Спали, очевидно, плохо, так как чуть рассвело, они уже встали и потребовали чаю.

Еще до восхода солнца мы выехали дальше. Все проезжие, ночевавшие на этом дворе, также торопились, и несколько телег поехали одна за другой. Река текла здесь несколькими широкими рукавами, разделенными голыми галечными островами. Это позволяло перебродить ее, так как даже в рукавах течение было быстрое и вода доходила почти до кузова телег.

Мы проехали благополучно, если не считать, что брызгами воды, вздымавшейся у колес, подмочило матрасы и ботинки профессора и секретаря. На броду мы встретили целый ряд телег и караван верблюдов, ночевавших в городе. Гортанные крики возчиков, понукавших своих животных, стоя на оглоблях, шум воды, скрежет колес по гальке, рев верблюдов, которые не любят глубокий брод и иногда даже ложатся на дно, если вода оmyвает их брюхо,— все это очень оживляло переправу в течение получаса, понадобившегося для переезда через все рукава реки.

В городе телега профессора, ехавшая впереди, остановилась у мясной лавки, и секретарь подозвал меня. Вывешенные у лавки бараньи туши, очевидно, понравились профессору; он велел купить мяса, чтобы гарантировать себе обед и ужин хотя бы из ненавистой баранины.

В этот день мы продолжали ехать по Бей-лу. Тракт

шел теперь на юго-восток, а под вечер повернул даже на юг — в разрыв гор. Слева вблизи осталась одинокая горка с прилепившимися на ее склонах красивыми зданиями буддийского монастыря.

Уже в сумерки мы приехали в Урумчи и остановились в северном предместье. Постоялый двор был хороший. Отвели чистую комнату с окном, столом и креслами; кан был покрыт циновками, стены выбелены и без трещин, и наши немцы остались довольны. В мясной лавке нашлась даже говядина, хотя и тощая на вид; секретарь велел купить ее на два дня для них (в Урумчи предполагалась остановка), а баранину, купленную в Манасе, отдал нам. Купили мы также паровые булочки мо-мо и коробку с китайским печеньем, которое на вид понравилось секретарю, но потом было забраковано профессором. За чаем он обнюхал его, попробовал несколько штук разного фасона, поморщился и сказал:

— Это гебек имеет запах баран и противни гешмак (вкус)!

Секретарь тоже попробовал и что-то сказал по-немецки, по-видимому не соглашаясь с оценкой профессора. Но последний отдал коробку мне со словами:

— Убирайт этта гадки гебек и больше не покупайт нам!

Мы с Лобсыном не были в претензии и с удовольствием съели печенье вместо своих уже довольно черствых баурсаков. Нужно заметить, что в китайское печенье входит сахар из сахарного тростника, плохо очищенный, который дает всем сортам один и тот же вкус; к нему присоединяется еще запах кунжутного масла, на котором пекут печенье.

В Урумчи профессор должен был посетить генерал-губернатора этой большой провинции на западе Китая, чтобы получить разрешение на раскопки в Турфане. Русского консула в городе временно не было, и свидание пришлось нам организовать самим. Утром Лобсын, облачившись в новый халат и взяв у хозяина постоялого двора китайскую черную шляпу и верховую лошадь, повез в ямынь визитные карточки профессора и секретаря, заготовленные в Чугучаке. Это были полоски красной бумаги, длиной в четверть и шириной в полчетверти, на которых черной тушью были написаны иероглифами фамилии в китайском произношении. Фамилия Шпанферкель была изображена пятью иероглифами, которые читались Ши-пан-фа-эль-кей. Секретарь Венцель превратился в Ве-ни-са-эль, а я в Гу-ги-ши-ки.

Вместе с карточками были посланы и паспорта, полученные в Чугучаке.

Лобсын вернулся часа через два вместе с приехавшим на ишаке китайским чиновником невысокого ранга, который привез назад паспорта и пригласил нас прибыть в три часа дня. Он объяснил, что амбань встает рано и обычно принимает представляющихся в восемь часов утра, но для ян-жень (заморских людей) приезжих делает исключение и примет после обеда. Он обедает в полдень и потом отдыхает два часа.

Чиновник по секрету сообщил, что за любезный прием нужно отплатить подношением, и сказал, что амбаня интересуют часы бу-бу-бу (будильники), револьверы (карманное ружье, шесть раз стреляй) и бинокли (черная труба далеко смотреть). Он осведомился, есть ли у нас такие предметы. Таким образом условия аудиенции были заранее оговорены.

Профессор имел с собой два бинокля и один мог отдать, как равно и довольно старый револьвер Лефощэ. Но с небольшим будильником ему жаль было расстаться. Я убедил его обещанием, что мы всегда просыпаемся рано и будем будить их, когда назначат, а подарить часы необходимо ради успеха просьбы о разрешении раскопок.

Из чемоданов извлекли парадный мундир профессора с орденом; секретарь облачился во фрак, а я в качестве переводчика надел новый халат и парадную шляпу, взятую у хозяина. Лобсын остался в своей монгольской одежде, так как должен был сопровождать нас только до двора ямыня и обратно.

Для поездки взяли легкую телегу профессора, а мы поехали верхом: Лобсын впереди, а я позади телеги. Подарки были уложены в красивую коробку из-под немецкого печенья с большой картинкой на крышке, изображавшей дородную немку в бальном декольте с букетом в руках. Профессор полагал, что эта картинка очень понравится амбаню.

В воротах городской стены проверили наши паспорта и взяли небольшой сбор «на мощение улиц», установленный амбанем для всех проезжих. Главная улица действительно очень нуждалась в этом. Ямы, заполненные грязью или грязной водой, чередовались с буграми. Мы ехали очень медленно, пробираясь через толпу, сновавшую взад и вперед или стоявшую у лавок и у лотков уличных торговцев. Из одних лавок доносился стук молотков, визг напильников, из других — скрежет жерно-

вов, молотивших зерно, из третьих пахло чесноком, кунжутным маслом, пригоревшим салом. Крики разносчиков, торговцев, покупателей, встречных ямщиков и всадников не прекращались. К счастью, наш проезд не возбуждал любопытства — иностранцы в глубине телеги не были видны толпе, а мы двое походили на монголов и не привлекали к себе внимания.

С главной улицы свернули в боковую, которая вела в ямынь, стоявший у городской стены, подальше от уличного шума. Ямынь был огорожен низкой стеной с широкими воротами, вернее разрывом, впереди которого на небольшом расстоянии тянулась стенка с изображенным на ней в красках фантастическим драконом, как это принято у въезда в китайский ямынь. Объехав эту стенку, мы попали в первый двор, где спешили по приглашению солдат, вышедших из своих фанз, расположенных по обоим бокам. Лобсын остался здесь при телеге и лошадях, а мы трое пошли пешком дальше. Во втором дворе нас встретил чиновник, который утром приезжал к нам, и повел в третий двор, в глубине которого стоял дом амбаня. Дом был в обычном китайском стиле — одноэтажный, с черепичной крышей, края которой были слегка загнуты вверх. Большие квадратные окна были заклеены бумагой. К входным дверям вели несколько ступеней, на которых нас встретили еще два чиновника повыше рангом, судя по цвету и сорту шариков на их шляпах. Они провели нас в большой приемный зал, почти пустой, видно было несколько кресел и маленькие квадратные столики возле них.

Мы остановились недалеко от дверей и вступили в разговор с одним из чиновников, пока другой пошел доложить амбаню о нашем приезде. Немного погодя из двери в глубине зала вышел амбань, человек средних лет, довольно тучный, в халате фиолетового шелка и черной куртке, на груди желтым шелком был вышит фантастический тигр. Красный шарик на его шляпе свидетельствовал о высоком чине. Его сопровождало несколько мандаринов разного ранга и с десяток слуг.

Мы подошли ближе и поклонились, амбань ответил легким наклоном головы и рукой указал нам на кресла, а сам сел в парадное кресло в некотором отдалении. Два кресла по обе стороны его заняли чиновники с синими шариками. Слуги тотчас же подали всем чай в небольших фарфоровых чашках без ручек, покрытых блюдцем с вырезом, через который можно было пить, не приподнимая блюда. Чашки поставили каждому на

столик возле его кресла и тут же для нас на маленьких блюдечках сахар крошечными кусочками. Китайцы пили чай без сахара.

После двух-трех глотков, сделанных для приличия по китайскому этикету, начался разговор. Амбань спросил, откуда мы приехали и с какой целью. Он говорил на пекинском наречии, но вопрос сейчас же повторял один из чиновников на нанкинском, так что секретарь профессора понимал все и отвечал; поэтому в моем участии надобности не было.

В дальнейшем я понимал вопросы амбаня, но плохо разбираю ответы секретаря, так как на нанкинском наречии часть звуков произносится иначе.

Амбань спрашивал о задачах экспедиции и раскопок, говорил, что в развалинах городов у Турфана на стенах нарисовано много буддийских божеств, попадаются также черепки посуды и вещицы более древние. Он сказал, что разрешает срисовывать картины, но копать можно не глубже одной четверти. За исполнением этого будет следить уездный начальник Турфана.

Затем следовали вопросы о способе путешествия через Россию, о Германии, ее императоре и дворе (довольно наивные), о Чугучаке и дороге в Урумчи. Время от времени амбань прихлебывал чай, и мы следовали его примеру; пользуясь этими перерывами, профессор что-то говорил секретарю вполголоса.

Потом слуги подали всем кальяны — небольшие металлические коробки с длинной трубкой, которую брали в рот, а слуга зажигал табак в устье другой короткой трубки, погруженной нижним концом в воду, заполнявшую коробку. Таким образом табачный дым проходил через воду. Профессор курил сигары, но для приличия ему также пришлось сделать три затяжки, пока не сгорела маленькая порция табаку, положенная в трубку. Секретарь был некурящий и после первой затяжки так закашлялся, что вызвал улыбку амбаня, который покачал головой.

Я привык к кальяну и курил с удовольствием. Амбань заявил, что табак самый лучший, привезен из Ланьчжоу в Ганьсу.

Коробку с подарками чиновник, встретивший нас во втором дворе, взял там же и отнес к амбаню.

После курения амбань встал и в заключение, выражая благодарность за подношения, спросил с улыбкой, все ли женщины в Германии такие толстые, как нарисовано на коробке, и всегда ли ходят полураздетые. Что

ответил секретарь, я не понял, но амбань рассмеялся и, сложив кулаки, поднял вверх большие пальцы, что у китайцев выражает большое одобрение. Затем он поклоном отпустил нас и направился со свитой в глубь зала. Мы раскланялись и вышли, сопровождаемые одним из чиновников до третьего двора, где тот, прощаясь, пожелал нам счастливого пути.

На следующее утро тот же чиновник привез нам ответные подарки — тушу баранины, при виде которой профессор поморщился, несколько коробок китайского печенья и маленькую головку сахара — все это в качестве провизии на дорогу. Он спросил, нет ли у нас туалетного мыла и стеариновых свечей — для жены амбаня. Профессору пришлось выдать из дорожного запаса пачку свечей и кусок мыла. Получив это, чиновник пригласил секретаря поехать с ним в ямынь, получить приготовленное разрешение на раскопки в Турфане. Секретарь и Лобсын поехали с чиновником, и через час Лобсын вернулся с паспортами и разрешением.

Профессор отдал переднюю часть барана хозяину постоянного двора, а заднюю оставил в запас на дорогу вместе с печеньем и сахаром. Немецкий гебек у них кончился, и он примирился с мыслью, что придется кушать китайское печенье.

Этот день ушел на переговоры с китайскими возчиками относительно переезда в Турфан, куда можно было проехать в три дня на долгих, то есть без перемены лошадей на станциях. Мы наняли двух крепких лошадей для легкой телеги и трех мулов для грузовой. Секретарь с моей помощью купил четыре китайские лопаты, две кайлы, оберточной бумаги и ваты для завертывания мелких вещей, добытых при раскопках, кроме того — провизии на дорогу. Профессор велел также купить бутылку китайской водки, очень крепкой, но плохо очищенной, с запахом сивушного масла.

Дорога в Турфан идет на юго-запад по глубокому понижению в Восточном Тянь-Шане, в северной части которого расположен Урумчи. Миновав оживленные улицы города и его южного предместья, пригородные сады и огороды, мы выехали в степь и вскоре поднялись на плоский перевал через низкие гряды Дуншань. Справа от нашей дороги уходили вдаль на запад цепи Тянь-Шаня, поднимаемая чем дальше — тем выше. Там были расположены долины рек Каш, Текес и Хайду-Гол и плато Юлдус, населенные кочевниками. Слева высились скалистые отроги горной группы Богдо-Ула, самой вы-

сокой в этой части Тянь-Шаня к востоку от Урумчи. Две вечноснеговые вершины этой группы временами показывались из-за отрогов и облаков.

С перевала дорога спустилась в длинную и широкую впадину с озерами Сайопу и Айдынкуль, окаймленными зарослями камышей.

По этой впадине мы ехали до заката солнца. Богдо-Ула все время видна была слева, и ее снеговые вершины манили к себе путников, томимых жаром. Вне зарослей дно впадины представляло пустыню, усыпанную щебнем и галькой.

Ночевали на станции Ту-Дун, где воду дают хорошие ключи. Но комната была грязная и темная, так что профессор предпочел спать в своей телеге. Его сну очень мешали комары, пробиравшиеся через щели, тогда как секретарь в фанзе выспался хорошо.

На второй день дорога шла вблизи озера Айдынкуль по солончакам и зарослям, приближаясь к хребту Джаргес, который круто обрывается к впадине озер, окаймляя ее с юга. Вскоре показалась зелень обширного оазиса Даванчин у подножия хребта, и я думал, что его орошают речки, стекающие с гор. Но оказалось, что вода выходит обильными ключами из dna впадины, образуя несколько речек, которые к подножию хребта Джаргес сливаются в целый поток, прорывающийся через этот хребет по дикому непроходимому ущелью.

От станции Даванчин дорога поднялась на перевал через хребет, а затем долго шла по живописным ущельям его южного склона до станции Хукулу. От последней мы ехали то между разноцветными желтыми и красными голыми холмами, то по участкам черной щебневой пустыни и поздно вечером добрались до станции Куурга.

Последний день был удручающий. Долго ехали по голой пустыне без всякой растительности, спускаясь все ниже и приближаясь к обширной впадине южного подножия Тянь-Шаня, расположенной ниже уровня океана. Солнце пекло невыносимо. Только после полудня начались цветные холмы, овраги и, наконец, цепь невысоких гор Ямшинтаг, через которую мы ехали по долине с садами и огородами таранчей. Появились деревья, которые были незнакомы нам,— туовые, ореховые, пирамидальные тополя, туя и виноградники; все доказывало очень теплый климат. Остановились на постоялом дворе в предместье китайского Турфана.

Нужно сказать, что Турфан состоит из двух городов: китайского, в котором живут амбань, маньчжурские

солдаты и китайские торговцы и ремесленники, и мусульманского, в котором живут таранчи, то есть турки, составляющие коренное население Восточного Туркестана, и их князь. Оба города отдалены друг от друга на две-три версты и окружены садами, виноградниками, огородами и полями, которые орошаются арыками из речек, образующихся из обильных ключей в долинах, прорывающих Ямшинтаг.

По поручению профессора я расспрашивал хозяина постоялого двора и других китайцев относительно развалин древних городов. Мы узнали, что к западу от мусульманского Турфана находятся верстах в пятнадцати развалины большого города Яр-Хото, что к югу от китайского Турфана в пяти верстах — старый Турфан, также в развалинах, а на востоке у подножия той же цепи гор Ямшинтаг в нескольких местах развалины Кара-Ходжа, Идыкут-Шари, Астана, Муртук и др. Мы узнали также, что эти развалины сильно пострадали во время последнего мусульманского восстания, так как таранчи уничтожали изображения буддийских божеств — статуи и фрески, а штукатурку храмов они издавна употребляют для удобрения своих полей, в почве которых мало извести.

Эти сведения очень огорчили профессора, который из старых книг знал об обилии древних городов в этой местности, еще никем не изученных, и надеялся поэтому на богатую добычу древностей. Но осмотреть развалины все-таки было необходимо, а раскопки могли обнаружить многое, уцелевшее от расхищения. Поэтому нужно было получить разрешение местного китайского амбана, которого нельзя было обойти, хотя разрешение генерал-губернатора уже имелось.

Визит состоялся в том же порядке, как и в Урумчи, но обстановка была проще. Амбань был старый маньчжур и нанкинским наречием не владел. Поэтому роль переводчика пришлось выполнять мне. Амбань заявил, что ближайшие к городу развалины в старом Турфане и Яр-Хото совершенно уничтожены мусульманами, и советовал осмотреть развалины Кара-Ходжа и соседние, которые лучше сохранились.

Впрочем, позже мы узнали, что все развалины были примерно в одном и том же состоянии и что амбань просто хотел сплавить нашу экспедицию подальше от себя. Он боялся, что иностранцы и их работы привлекут к себе внимание китайцев Турфана, которые будут собираться толпами и возле жилья янгуи-цзе, и на месте

раскопок; придется посылать солдат для охраны от слишком любопытных зрителей, могут возникнуть конфликты и т. п. А в Кара-Ходже, куда он сплавлял нас, население исключительно таранчи, которые буддийскими древностями не интересуются и тревожить иностранцев не будут.

Амбань очень настаивал на нашем переезде в Кара-Ходжа и дал разрешение на раскопки только в этой местности. Профессору пришлось уступить, и мы на следующий день отправились в Кара-Ходжа.

Дорога шла сначала по Турфанскому оазису, а затем по каменистой равнине с очень скудной и мелкой растительностью вдоль подножия гряды Булуектаг, которая тянулась сплошной стеной, круто оборванной на юг и словно гофрированной мелкими рытвинами. У южного подножия Булуектага начиналась голая пустыня, и только там, где эта гряда была разорвана поперечными ущельями, из последних вытекали ручьи, вдоль которых тянулись дома и сады небольших поселков.

Из одного из ущелий этой гряды вытекала речка Кара-Ходжа, которую мы искали.

В селе Кара-Ходжа мы остановились у мусульманина на постоялом дворе, который отличался от обычного китайского типа рядом тополей, затенявших фанзы и навесы от жгучих лучей солнца. Так как экспедиция собиралась прожить здесь месяц или два, нужно было найти для нее квартиру более спокойную, чем постоялый двор. Мы с Лобсыном отправились на поиски, но в целом селе не нашли ничего подходящего. Ни один из поселян не имел двух приличных комнат, которые мог бы освободить для приезжих. Нам пришлось пойти в соседнее село Астана на другом берегу речки Кара-Ходжа. Там местный старшина, имевший большую усадьбу, согласился отвести отдельную фанзу с двумя комнатами для экспедиции.

Здесь устройство фанз отличалось от китайских отсутствием кана, который заменялся небольшим возвышением глинобитного пола. На нем таранчи раскладывают на ночь ковры или тонкие ватные матрасики своих постелей. Окна были заклеены бумагой. Для профессора раздобыли стол и два табурета, а для разбора добываемых древностей — несколько досок и жердей, из которых Лобсын смастерил полки. Складные кровати немцы поставили на возвышении, и в комнате осталось так мало места, что чемоданы и ящики экспедиции пришлось поставить в первой комнате, где мы с Лобсы-

ном разложили свои постели на возвышении; никакой мебели здесь не было.

Устроившись, мы отправились осматривать развалины Идыкут-Шари в двух верстах к югу от селения Астана. Этот древний город был окружен стеной в семь-восемь сажен высотой и занимал площадь длиной около версты и шириной в три четверти версты. На высоте пяти сажен на внутренней стороне стены были видны гнезда, в которые когда-то были вставлены балки висячей галереи. На наружной стороне кое-где имелись камеры в сажень глубиной и полсажени шириной, вероятно для помещения наружной стражи. Здания города внутри стен были сильно разрушены, и большие площади заняты были возделанными полями с проведенными к ним арыками. Кое-где попадались кучи обломков и стены отдельных домов, в том числе и двухэтажных, содержащих ряд комнат со сводчатыми потолками, судя по их остаткам. На стенах кое-где еще остались штукатурка и следы фресок.

К северной стене города изнутри был прислонен целый ряд фанз, а в юго-западной части города мы увидели массивное двухэтажное квадратное здание, высотой более шести сажен, которое как будто лучше сохранилось, но, конечно, без крыши. Когда мы подошли ближе, оказалось, что второй этаж по площади меньше нижнего, отступает уступом назад. Отверстия, которые издали казались окнами, представляли просто глубокие ниши, в которых уцелела часть штукатурки и остатки статуй буддийских божеств. Но ни с одной стороны не было входа внутрь здания, и приходилось думать, что это здание — сплошная масса сырого кирпича, воздвигнутая ради этих ниш для статуй богов.

Профессор объяснил нам, что в Индии, где много буддийских храмов, такие сооружения называются «ступа», хотя некоторые из них внутри стен содержат большую статую Будды.

Вне городских стен, с восточной стороны, мы увидели несколько лучше сохранившиеся сооружения, при виде которых Лобсын воскликнул: «Это субурганы, такие же, как в наших монастырях!»

Я перевел профессору эти слова, и тот сказал, что индийская ступа представляет то же, что субурган у монголов, и является или надмогильным памятником, или сооружением для установки статуй божеств и каких-нибудь реликвий.

Эти субурганы состояли из квадратного основания в

шесть футов высотой, увенчанного плоским куполом такой же высоты. Мы насчитали их более двадцати. Некоторые были разрушены, и оказалось, что внутри они представляли круглую камеру со сводом и остатками штукатурки, прежде, вероятно, покрытой фресками.

Осмотр развалин показал профессору, что предстоит большая работа по раскопкам и гораздо меньшая по срисовке и фотографированию остатков статуй и фресок на стенах и в нишах.

Я забыл упомянуть, что экспедиция привезла с собой большую фотографическую камеру и сухие фотопластинки, уже изобретенные к тому времени. Перед тем в Семипалатинске я уже слышал о фотографии и даже снимался у приезжего фотографа. Но последний сам готовил себе фотопластинки в темной комнате перед съемкой, поливая стеклянную пластинку желатином со светочувствительными солями. В путешествии такой способ, конечно, невозможно было применять.

Со следующего дня началась наша работа по изучению развалин Идыкут-Шари. Хотя мы не занимались раскапывать землю, но профессор упросил нас делать это, ссылаясь на то, что таранчи, нанятые для раскопок, будут утаивать монеты и все ценные находки, так что доверять им нельзя. Нам он предложил отдельную плату за эту работу для начала, чтобы увидеть, что попадает в развалинах, и затем уже нанимать таранчей для раскопок, но под нашим постоянным надзором. Мы согласились, так как и нам было интересно узнать, какие клады имеются в древних городах.

Итак, мы, вооруженные кайлами и лопатами, пошли в развалины вместе с профессором и в одном из зданий, от которого сохранились только стены, начали копать почву в комнатах. Сначала убрали обломки свода, обвалившегося на пол в виде больших куч глины, осколков кирпича, всякого мусора. Затем повели раскопки пола тонкими — в полчетверти — слоями по всей площади комнаты. Этот пол был земляной, но очень твердый, и пришлось работать кайлой. Нашли несколько осколков фарфоровой посуды в самом верхнем слое, а глубже — ничего. Но в мусоре, выброшенном из комнаты, попались несколько медных монет, сильно позеленевших, осколки глиняной и фарфоровой посуды, статуэтка Будды из обожженной глины и обрывки бумаги с китайскими иероглифами.

Эта работа показала, что нужно тщательно раскапывать мусор, покрывающий пол комнат, который и дает

разные находки, тогда как пол нужно проверять, не является ли он насыпным, позднейшим, и только в последнем случае копать его.

Первым днем работ профессор остался доволен и поручил нам раскапывать комнаты всех зданий одну за другой, а сам с секретарем начал подробный осмотр и опись развалин. Они наняли еще таранчу, который носил тяжелый фотоаппарат и мольберт для срисовки фресок красками. Последнее делал сам профессор, а секретарь был занят фотографированием, обмером зданий и комнат и составлением плана города. Он заходил раза два в день к нам, забирал то, что мы откопали, и записывал, в какой комнате что было найдено.

Несмотря на то что шел еще только конец мая, жара была очень сильная. Обширная впадина у южного подножия Тянь-Шаня, в которой стоят города Турфан и Люкчун,— настоящее пекло в течение теплого полугодия. Тянь-Шань защищает ее от северных холодных ветров, а низкие цепи гор Ямшинтаг, Булуектаг и Туектаг, окаймляющие впадину с севера, сами накаляются, словно печи, и ночью от них веет жаром. На юге поднимается хребет Чолтаг, совершенно голый, по словам таранчей, а с востока впадину замыкают песчаные горы Кумтаг, состоящие целиком из сыпучего песка, который еще больше накаляется солнцем и ночью отдает этот жар впадине. Последняя представляет почти пустыню за исключением оазисов, которые тянутся ленточками вдоль речек, питаемых подземными водами Тянь-Шаня. Среди впадины прямо на юг от нашего местопребывания синело большое озеро с горько-соленой водой, окруженное широкой белой каймой соли, издали казавшейся пеленой снега, который манил к себе путника, изнывавшего от жары¹.

Поэтому после первого дня работы в развалинах, когда мы все изнемогли, было решено установить такой порядок: вставать с зарей и с восходом солнца идти на работу, выполнять ее до десяти часов утра, когда солнце начинает уже сильно припекать, возвращаться домой, обедать, отдыхать часов до четырех и потом ра-

¹ Эта впадина у южного подножия Тянь-Шаня, по позднейшим данным русских путешественников, является наиболее низкой на всем материке Азии и расположена на 30—100 метров ниже уровня океана. Экспедиция Роборовского и Козлова 1893—1895 годов устроила в городе Люкчуне метеорологическую станцию, которая почти два года вела наблюдения. Понятно, что в такой впадине в теплое время очень жарко.— *Прим. автора.*

ботать до заката. В сумерки ужинать и спать до расвета.

Воскресные дни были днями отдыха для меня и Лобсына, но профессор и секретарь работали дома, пересматривали, описывали и укладывали вещи, добытые при раскопках; секретарь вычерчивал планы города и зданий, снятые за неделю, а профессор подправлял красками свои зарисовки фресок и переписывал начисто свои наблюдения.

Нужно заметить, что работы у них было не так много. Статуи божеств были большей частью разбиты, без голов и часто без всей верхней половины туловища, а иногда и без ног. Штукатурка, на которой когда-то были нарисованы фрески, во многих комнатах и нишах отсутствовала, отвалилась, или искрошилась от времени, или была отбита таранчами в качестве удобрения для полей. Таранчи растащили также много кирпича из развалин в качестве готового материала для своих домиков. Поэтому уцелевшие фрески представляли только обрывки; полные встречались очень редко.

В одном из наиболее сохранившихся зданий профессор обнаружил на уцелевшей части свода изображение птицы Гарудэ в виде человека с крыльями, с птичьими ногами с когтями и со стрелами в руках, а под ней фигуру женщины, падающей вниз головой. В другом здании часть фрески изображала свирепого злого гения индийского культа Махакала — с четырьмя руками и свиной мордой, восседающего на трупах своих поверженных врагов. Части фресок представляли цветы, разные узоры, головы птиц, фрагменты людей в одеянии, вероятно украшенном драгоценными камнями, также Бодисатву, сидящего в цветке лотоса. Профессор сказал нам, что все эти изображения имеют много общего с искусством индийского буддизма и, очевидно, выполнены мастерами индусами.

Наши раскопки дали монеты медные, серебряные, редко золотые, обломки глиняной и фарфоровой посуды, пуговицы, маленькие глиняные, изредка бронзовые статуэтки божеств и обрывки исписанной бумаги с китайскими, уйгурскими и санскритскими письменами. Надписи кое-где сохранились и в нишах на штукатурке, и на подножиях статуй, и секретарь аккуратно копировал их буква за буквой.

Мусор в зданиях нам приходилось, выбросив кирпичи и их обломки, перебирать руками, а мелкий просеивать через сито, чтобы не потерять какую-нибудь ма-

ленькую вещь. Поэтому раскопки шли медленно, и каждая комната в зависимости от площади и количества навала требовала от двух до четырех или даже пяти дней работы.

Один раз с нами приключилась довольно неприятная история. Мы работали в здании, возле которого протекал небольшой арык для орошения поля, занимавшего часть площади города. На поле уже созревала пшеница. Выкидывая мусор через стену, мы неосторожно запрудили арык и не заметили этого. Вдруг нас окружили пять таранчей с серпами в руках и обвинили нас в затоплении поля, которое они пришли жать. Они назвали нас ворами, которые ищут клады, зарытые в городе. Мы оправдывались, говорили, что мы рабочие экспедиции, которая имеет разрешение турфанского амбана на раскопки. Но таранчи не поверили нам, заставили сначала убрать мусор, запрудивший арык, а потом повели нас к старшине, но не селения Астана, где была наша квартира, а села Кара-Ходжа. Здесь во двор старшины собралась толпа таранчей, которые, услышав о поимке воров, требовали, чтобы нас отправили под конвоем к люкчунскому вану как начальнику всего округа. Перспектива прогуляться в Люкчун, отстоявший в сорока верстах, в самое пекло по пустынной дороге была довольно-таки неприятна, тем более что время было позднее и мы собирались идти домой отдыхать.

К счастью, старшина оказался сговорчивым. Узнав, что мы живем в селе Астана, он отправил нас к старшине этого села, который знал о работах и видел уже всех нас, посещая нашу квартиру. У него дело быстро уладилось. Оказалось, что поля в развалинах Идыкут-Шари принадлежат частью жителям селения Кара-Ходжа, которые еще ничего не знали об экспедиции,— случилось это в начале наших раскопок. Старшина, конечно, отпустил нас домой.

Во время пребывания в селении Астана я узнал из разговоров с таранчами, что они применяют очень оригинальный способ получения воды, необходимой для орошения полей в сухом и жарком климате впадины, где дожди очень редки и без полива ни хлеба, ни овощи, ни сады расти не могут. Таранчи проводят длинные галереи, которые начинаются в виде канавы в том месте, где хотят разделить поля и сады, а затем, постепенно углубляясь, становятся подземными, то есть штольнями, и, подвигаясь все дальше на север и соблюдая только небольшой уклон, необходимый для тока воды, наконец

достигают в толще рыхлых наносов, составляющих почву впадины, водоносного слоя; из него вода по штольне и канаве вытекает и орошает поля. Эти штольни называют кярыз, длина их достигает двух-трех верст и больше. Проведение их представляет большой труд, так что его предпринимают силами целого селения. Работу ведут посредством простейших шахт, углубляемых на известном расстоянии друг от друга до уровня будущей штольни, а затем из каждой шахты проводят участки штольни в обе стороны, вверх и вниз, навстречу с такими же штольнями из соседних шахт. Ввиду дороговизны леса, необходимого для крепления шахт и штолен, обходятся минимальным количеством его, и кярызы почти на всем протяжении ничем не креплены. Поэтому в них нередко случаются обвалы, кярызы требуют надзора и частого ремонта, но зато дают возможность увеличивать посевную площадь за счет пустыни.

По словам таранчей, в этой впадине дожди так редки, что они привыкли говорить: «У нас дождь бывает один раз в десять лет». Они считают даже, что дождь приносит вред, так как после дождя на винограде и хлебах появляется плесень, что уменьшает урожай. Но еще вреднее горячие ветры, которые в июле и августе дуют с юга с пустынных гор Чолтаг и Куруктаг. А весной и осенью неприятны ураганы, которые приносят много песка. Судя по этим рассказам, можно думать, что песчаные горы Кумтаг, замыкающие впадину с востока, созданы этими ветрами.

Мы сами наблюдали еще одно явление, которое характеризует эту впадину, — пыльные туманы, которые случились несколько раз в июне и июле. При полном затишье воздух наполнялся мельчайшей пылью, настолько густой, что даже близкие горы Булуектаг, верстах в двух-трех от нас, не были видны, а солнце светило так тускло, что можно было смотреть на него, не щуря глаз. Эта пыль поглощала столь много солнечного тепла, что в пыльные дни вместо обычной жары чувствовалась прохлада.

В общем же климат этой впадины нам всем не понравился: ночью мы плохо спали из-за духоты, а дневному отдыху мешали бесчисленные мухи. У секретаря все тело покрылось сыпью и сильно чесалось. Профессор уверял, что даже в Африке, где он вел раскопки в долине реки Нила у пирамид Египта, не было так жарко. Он называл впадину: «Ушасно адски яма».

Но у него и секретаря была интересная и спокойная

работа, а мы с Лобсыном занимались раскапыванием мусора и в особенности просеиванием его, отчего поднималась едкая известковая пыль. Это нам скоро надоело, тем более что попадались все те же предметы, потерявшие интерес новизны.

Поэтому, когда в конце июля приблизился срок окончания нашего договора, я заявил профессору, что нам пора кончать работу, чтобы вернуться в Чугучак для снаряжения каравана. Он ответил, что раскопки для него так интересны, что он хочет пробыть здесь до сентября или даже октября. Он уговаривал нас остаться, обещая увеличить нам вознаграждение. Но нам было бы слишком невыгодно отказаться от торгового каравана из-за тяжелой работы по раскопкам, и мы не согласились. Профессор настаивал, даже грозил, что пожалуется люкчунскому князю и турфанскому амбаню на то, что мы оставляем его до окончания работ без переводчика, несмотря на договор. Мне пришлось напомнить ему, что договор мы заключили только на определенный срок, который на днях кончается, что мы выполнили больше, чем было обусловлено, так как все время занимались раскопками, заменяя рабочих, что вовсе не входило в наши обязанности. В заключение я заявил, что в день окончания договора мы прямо поедem домой отсюда и этим делаем большую уступку ему, так как в этот день мы, по договору, должны были быть доведены экспедицией обратно в Чугучак. Тогда он уступил, но попросил найти ему двух рабочих и показать им, как мы ведем раскопки.

Это было не трудно. Таранчи были свободны от полевых работ. Первый урожай на полях (пшеница) был уже убран, а второй (кунжут, гаолян) еще не поспел. Я нашел двух таранчей, и мы за два дня обучили их ведению раскопок. Но так как профессор не был уверен, что они будут сдавать ему все найденное, особенно монеты и металлические вещицы, ему пришлось прикомандировать к ним для надзора секретаря. Он отомстил нам тем, что при расчете уплатил только жалованье за все время, согласно договору, и прибавку за раскопки, но не оплатил нам обратный проезд в Чугучак, ссылаясь на то, что в договоре об этом ничего не было сказано отдельно. Однако мы были рады расстаться с немцами, с тяжелой работой и с жарким климатом впадины. На полученные деньги мы купили пару хороших лошадей с седлами и поехали налегке, делая по 50 верст в день в среднем, ночуя на постоянных дворах, чтобы получать

хороший корм для лошадей и не заботиться ночью об их пастьбе и о своей пище. Поэтому мы ехали несколько дольше, чем с немцами на сменных лошадях, но 20 августа были уже дома, а в начале сентября отправились со своим караваном по Монголии.

Вернулись мы только во второй половине ноября и узнали, что профессор прибыл в конце октября в Чугучак и привез пять телег с сокровищами, добытыми в развалинах. С таким грузом он ехал, конечно, на долгих, а не на сменных лошадях и довольно медленно. Консулу он пожаловался на нас и заявил, что мы его бросили и вообще плохо обслуживали. Впрочем, я побывал у консула тотчас по приезде в Чугучак и рассказал ему обо всем, так что тот был осведомлен и заставил профессора заплатить деньги за обратный проезд в Чугучак, выполненный нами на свой счет.

Это наше третье путешествие дало нам обоим мало заработка, но зато мы имели возможность видеть новые интересные места, познакомиться с таранчами и их жизнью и узнать, что можно найти в развалинах древних городов. Это пригодилось нам в дальнейшем: я научился снимать планы зданий снаружи и внутри и вести раскопки почвы их тонкими слоями с тщательным просмотром всего извлеченного из каждого слоя, его упаковке и регистрации.

КЛАДЫ В ГОРОДЕ НЕЧИСТЫХ ДУХОВ

Зимой пришлось опять побывать в Семипалатинске с сырьем и за товаром, а также по особому делу. Приказчик московских купцов Первухин был очень недоволен моей конкуренцией, так как я предлагал лучшие товары, которые сам выбирал, и продавал их дешевле, чем он. Ему приходилось торговать тем товаром, который ему присылали из Москвы, и продавать по ценам, которые ему назначали, да еще с надбавкой в свою пользу. Поэтому он сообщил своим хозяевам в Москву, что вот в Чугучаке некий Кукушкин, не имея звания и прав купца, торгует с монголами, сбивает московские цены и вредит русской торговле.

Московские купцы на основании его письма просили консула обратить внимание на эту «недозволенную конкуренцию» и запретить Кукушкину самостоятельную торговлю в Монголии.

Консул пригласил меня, показал мне это заявление

и посоветовал получить в Семипалатинске временное свидетельство и права купца хотя бы второй гильдии. Тогда он сможет ответить в Москву, что Кукушкин — купец, а не самозванец и имеет право вести торговлю с монголами. Он же выдал мне отзыв о пользе моей торговли и моей добропорядочности, что должно было помочь мне получить права временного купца.

В Семипалатинске я все выполнил и вернулся с правами купца, а Лобсына, который для защиты от начавшихся посягательств монгольского князя на его имущество уже принял русское подданство, я заявил своим компаньоном.

Весной этого года Лобсын приехал как-то ко мне и говорит:

— Прошлым летом мы с немцами ездили в Турфан, работали как землекопы в развалинах, а много ли получили? Ведь все, что мы выкопали из земли, немцы увезли.

— Это потому, что они знали про эти развалины, знали, что возле Турфана имеются древние города, в которых разные клады сохранились. Это было их открытие, а нас они наняли для работы,— ответил я.

— А ты знаешь ли, Фома, что развалины очень старого города совсем недалеко от Чугучака стоят? Там, наверно, тоже разные сокровища остались.

— Неужели? Откуда ты узнал?

— Я зимой разных калмыков и киргизов при случае спрашивал, нет ли в наших горах каких-нибудь развалин. И мне не один человек, а несколько и каждый в отдельности рассказывали, что они такие развалины знают.

— Где же они, далеко, близко ли?

— Немного дальше старых рудников Чий Чу, где мы три года назад золото выкопали. Уркашар-хребет помнишь?

— Как же, помню хорошо.

— Из Уркашара большая речка Дям в полуденную сторону течет и в озере Айрык-Нур кончается. Так вот, не доезжая этого озера на восток от реки, развалины большого города стоят. По низовью речки большие рощи и пастбища хорошие имеются. С калмыцких зимовок развалины видны — разные башни, стены, улицы, гораздо больше, чем в Турфане.

— И никто в этом городе не живет?

— Нет, в самом городе ни воды, ни подножного корма, никакой зелени нет. Место совсем голое, песок сы-

пучий, солончак. Волки и дзерены водятся, а калмыкам там делать нечего.

— Давно ли этот город разорен?

— С незапамятных времен, говорят. Никто не знает, когда там люди жили и какие люди. А город большой — версты три поперек, пожалуй, пять верст вдоль реки Дям, и развалины до черных гор Хараарат доходят. Эти горы — тоже пустое место: ни воды, ни травы нет, и никто в них не живет. А за черными горами настоящая пустыня Гоби, Сырхын-Гоби называется. Она почти до Семистая протянулась, до того хребта, который мы из долины Қобу видели, когда на Алтын-Гол на запрещенный рудник ездили.

— Это ты все расспросил, а сам по соседству не бывал?

— В Сырхын-Гоби бывал и Хараарат издалека видел. Только город не мог видеть, его Хараарат заслонил.

— Что же, я вижу, ты подбиваешь меня ехать туда, сокровища раскапывать?

— Почему бы нет? Мы каждый год в это время куда-нибудь ездим, новые места смотрим, отчего не поехать в этот город? Не так далеко, отсюда езды пять-шесть дней только. Долину Мукуртай между Джаиром и Уркашаром помнишь? По ней мы проедем до реки Дям, а потом вниз по этой реке. Приедем, попробуем покопать в развалинах. Если найдем что-нибудь хорошее — останемся, а не найдем — вернемся скоро назад.

— Так! Что же, если мы что-нибудь найдем — можно будет каждый год туда ездить и понемногу добывать. Только вот что! Ты говоришь, что на реке Дям недалеко от развалин живут калмыки. Они увидят, что мы копаем развалины, арестуют нас и потащут на расправу к своему князю. Помнишь, как нас таранчи повели из турфанских развалин?

— На Дяме стоят только калмыцкие зимовки, и в конце весны калмыки откочевывают в горы, потому что на реке летом жарко, да и траву нужно беречь на зиму, не травить ее летом.

— Ну хорошо! Поедем, когда станет теплее, заготовим сухарей и баурсаков на целый месяц.

— Повезем лучше муку и сало, баурсаки сами будем жарить, всегда будут свежие. Палатку возьмем с собой и твоего парнишку-приемыша.

— А его зачем?

— Палатку поставим в роще на окраине развалин, в тени. Коням корм нужен, в городе ни травы, ни воды

нет. Парнишка будет стеречь коней и палатку, пока мы работаем в городе.

— Ты, вижу, все уже обмозговал?

— Само собой, дело немудреное.

— Парнишке скучно будет одному сидеть по целым дням и даже жутко.

— Собачку, конечно, возьмем. А если хочешь, и я своего парнишку возьму. Он чуть моложе твоего. Пусть оба приучаются к работе. Ты своего уже обучил русской грамоте, он поучит моего. Оба будут нам чай и ужин варить.

— Значит, поедем вчетвером, и на четверых пужно провиант заготовить. Пожалуй, два вьючных коня не поднимут всего.

— Двух коней мало. Парнишки ведь поверх вьюков сядут. Возьмем трех вьючных коней, у меня их достаточно, золото мы не зря добывали.

Итак, мы сговорились окончательно, что в конце мая Лобсын с сыном, пятью лошадьми, запасом масла, вяленого мяса и сухих пенок приедет в Чугучак. Я к тому времени заготовлю сухари, муку, чай, сахар, соль, посуду.

Когда я рассказал консулу, что мы опять собрались путешествовать, он спросил:

— Новую авантюру задумали? В каком роде и далеко ли поедете, неусидчивый человек?

— Если такие раскопки, которые мы с немцами вели в развалинах возле Турфана, можно назвать авантюрой, Сергей Васильевич, вы угадали.

— Неужели вы в Турфан собрались? Немец, поди, там все дочиста обобрал!

— Нет. Лобсын узнал про развалины древнего города в наших горах гораздо ближе, на реке Дям. Вот мы и хотим попробовать, нет ли там чего интересного.

— Что же, это хорошо. Только условие: все, что найдете, покажете мне. Такие древности нельзя разбазаривать по мелочам. Наша Академия наук и музей Эрмитажа все купят с удовольствием. Я им напишу, приложу список находок, и они пришлют знатока, который все оценит, заплатит вам и вещи отправит в Петербург. Со-сунок ведь для германской академии раскапывал, а вы будете для нашей искать.

— Правильно, Сергей Васильевич! И нам тоже приятнее будет поработать для отечественной науки и отсылать добытые древности нашим ученым людям для изучения и выставки в русских музеях.

— У немца вы научились раскапывать. А он, наверно, записывал, где, что и на какой глубине найдено. Не так ли?

— Да, все записывали и профессор, и его секретарь, но что писали — не знаю, они вещи по-немецки называли. Секретарь еще план каждого здания снимал и где что найдено отмечал.

— Вот и вы делайте так же. Я дам вам клетчатую бумагу, линейчку с масштабом, циркуль и покажу, как нужно план здания снимать. А если на стенах найдутся какие-нибудь раскрашенные картины, которые фресками называются, вы их не пытайтесь сбивать, — испортите. Попробуйте срисовать, хотя бы грубо, примерно. Я дам вам цветные карандаши. Всякие статуи, лепные фигуры большие, карнизы, украшения на стенах, — не трогайте, только отмечайте на плане. Все такие вещи требуют знатока, чтобы их снять без порчи и уложить для увоза.

— Ну, такие вещи мы на вьючных конях и увезти не могли бы.

— То-то же. За такими вещами, если окажутся, потом пришлют особую экспедицию.

— Понимаю! Мы будем только раскапывать землю внутри зданий и возле них. Все, что выкопаем, привезем вам, а также планы и все записи и рисунки, если выйдут.

— А вдруг откопаете какую-нибудь большую стую, тяжелую вазу или большой сундук?

— Увезти такие вещи мы не сможем.

— Конечно. Оставляйте на месте, только засыпав опять землей и отметив на плане и в описи.

Консул назначил мне день, когда я должен был прийти к нему, чтобы поучиться снимать план и взять обещанные инструменты.

Собственно, я посетил его приличия ради, чтобы сообщить о своей отлучке, а вышло очень хорошо. Он научил, что делать, а я нашел в нем советчика и даже посредника по сбыту древностей. Без его советов мы могли бы много напортить, а теперь сделались с его ведома и благословения разведчиками по древностям для родины.

Два раза я побывал у консула, научился снимать план здания консульства снаружи и внутри. Для измерения длины он велел мне взять с собой тонкую веревку, отметив на ней узлами сажени, а краской аршины и вершки. Для обмера глубины при раскопках он ве-

лел взять из лавки складной аршин, выдал бумагу, циркуль, мерную линейку и цветные карандаши¹.

В конце мая Лобсын приехал на пяти лошадях со своим сыном, собакой и заготовленной провизией. Мои сборы также были закончены; я взял пару лопат и пару кайл, а для перевозки мелких, но хрупких вещей, которые могли попасться в развалинах, заказал столяру пару небольших вьючных сундучков, которые послужили для размещения запасов муки, сахара, крупы, чая и пр.

Консул пришел проводить нас и принес паспорт, выданный амбанем, и разрешение раскапывать развалины старых городов, подобное тому, которое амбань в Урумчи выдал немцам. Таким образом, мы ехали уже в качестве разведочной русской экспедиции.

За первые два дня мы прошли по знакомой уже дороге по долине реки Эмиль и черным ветреным холмам до степи Долон-Тургень между Уркашаром и Джаиром, а на третий день повернули на восток по широкой долине Мукуртай. Она представляет сначала неровную степь, а далее появляются рощи тополей, тала, тамариска и разных кустов с лужайками, занятыми зимовками киргизов и калмыков. Слева долину окаймляли крутые склоны Уркашара то черного, то красного цвета, разрезанные короткими ущельями. В одном месте бросалась в глаза отвесная стена огромной высоты. У подножия ее лежала куча громадных глыб, а на вершине видно было маленькое здание вроде буддийской часовни. На дне долины против этого места был небольшой калмыцкий монастырь.

— Это скала Кызыл-гэген-тас (камень красного гэгена), — пояснил Лобсын. — С ее вершины когда-то гэген монастыря бросился вниз. Он уверил лам, что Будда поддержит его в воздухе за его подвижническую жизнь и он встанет внизу на ноги живой и невредимый. Все ламы поднялись вместе с ним в большой процессии по длинной окольной дороге на вершину скалы и совершили там богослужение. Внизу к подножию скалы съехалось много калмыков и киргизов из окрестностей, чтобы видеть чудесный прыжок гэгена. После богослужения гэген в своем красном халате, расправив его широкие рукава, подобно крыльям, прыгнул вниз и, конечно, разбился насмерть. С тех пор эту скалу и называют Кы-

¹ Как уже отмечено в предыдущей главе, в те годы портативных фотоаппаратов небольшой величины для съемки зданий, фресок и т. п. еще не было. — *Прим. автора.*

зыл-гэген-тас, а в память события на ее вершине построили часовню.

Я с интересом смерил на глаз высоту скалы и определил, что она не менее полуверсты.

— А другие говорят,— продолжал Лобсын,— совсем не то. В этом монастыре жил одно время молодой гэген, который влюбился в красавицу калмычку. Жениться ламы, и тем более гэгены, не могут, а взять себе любовницу, как теперь нередко делают ламы и даже гэгены, в те времена еще нельзя было. И вот гэген долго тосковал, наконец, ушел из монастыря тайком, поднялся на скалу и прыгнул вниз.

И еще рассказывают,— закончил Лобсын,— что сами ламы сбросили гэгена вниз потому, что он был очень строптивый, не желал им подчиняться, а хотел управлять монастырем по-своему. Как-то случился сильный падеж скота у калмыков, и ламы уговорили гэгена совершить богослужение на вершине скалы, откуда молитва скорее доходит до Будды. После службы ламы и сбросили гэгена вниз, а людям рассказали, что он прыгнул сам, похваляясь поддержкой Будды.

— Какому же рассказу верить? — спросил я. — Ты ведь жил в этом монастыре и знаешь, что делают ламы и как они управляют.

— Жил я не в этом монастыре, Фома, а в том, который стоит в долине Кобу,— вспомни, мы ехали мимо него на запрещенный рудник. Но в этом я бывал позже и тут слышал первый рассказ о прыжке гэгена. А я думаю, что последний рассказ о том, что его сбросили, будет самый правильный.

Высокий склон Уркашара особенно привлекал внимание, хотя и Джаир, ограничивавший долину Мукуртай с юга, имел живописный вид. Сначала там тянулась зубчатая цепь Кату, которая напомнила нам о золотом руднике и фанзе, которую мы искали, руководствуясь записками на вершины этих гор, и о жуткой ночи с нападением волков, хранителей клада.

— Знаешь, Фома,— сказал Лобсын, указывая на восточный конец этой цепи,— в Кату есть еще одно место, где добывали много золота; оно называется Бель-Агач. Нам нужно как-нибудь посмотреть его.

— Какой ты жадный стал! — воскликнул я. — Мало у нас золота, что ли? Вот найдем древний город и выкопаем в нем клады. Это интереснее, чем ковырять золото в старой шахте, в темноте и сырости.

Горы Кату кончились, их сменили более низкие и

плоские, конец Джаира превращался в холмы. А впереди, ближе к рощам Мукуртая, поднимались широкие и плоские увалы.

— Это место Темиртам называется,— пояснил Лобсын.— Тут китайцы копают земляной уголь для амбана, в Чугучак возят, чтобы его кан зимой топить. А прежде на этом угле железо плавил, в старину мечи и копья ковали, как люди рассказывают. Отсюда и название этого места — Темиртам, это значит — железный завод.

Холмы, поднимавшиеся в этом месте над долиной Мукуртай, показались мне очень интересными. На их склонах ясно выступали разноцветные слои горных пород — желтые, красноватые, серые, местами черные, и можно было видеть, как один и тот же слой поднимается по склону холма вверх, потом изгибается дугой и опускается вниз. А все другие слои выше и ниже его повторяют тот же самый изгиб. И, глядя на этот склон, я понял, что такое складки горных пород, о которых читал в книжке. До этого дня мне не приходилось видеть в горах подобные складки. На Алтае и здесь при наших путешествиях случалось видеть, что в одном месте слои горных пород лежат плашмя друг на друге с наклоном в одну сторону, в другом месте наклонены в другую сторону, в третьем даже поставлены на голову.

Я показал Лобсыну этот изгиб слоев и объяснил ему, как мог, что такое складки и как они образуют целые горные хребты. Лобсын внимательно слушал меня и говорил:

— Так, так, понимаю теперь, как из-под земли поднимаются маленькие и большие горы, словно земля морщится, как одеяло на постели, когда его толкаешь ногами в одну сторону.

— А вот,— вскрикнул он, указывая пальцем на черный слой, делавший такой же изгиб,— это, должно быть, земляной уголь, который в этой же горе, но в другом месте добывают для нашего амбана.

Вместе с холмами, на которых видны были изгибы слоев, кончились рощи Мукуртая, и мы выехали на открытое место. Слева до подножия Уркашара расстилась равнина, почти совершенно голая, густо усыпанная мелкими черными камешками. К Уркашару она поднималась полого, а на восток уходила до горизонта, где чернели низкие горы. Я впервые видел такую полную пустыню. Лучи солнца, близкого к закату, отражались яркими огоньками на черных камешках, блестящих,

словно маленькие зеркальца, и вся пустыня впереди нас сверкала. Я был поражен этим зрелищем и спросил Лобсына, что это за странное место.

— Это Сырхын-Гоби начало! Эта гоби уходит на восток почти до речки Хобук. А там вдали слева — горы Харасырхэ и справа горы Хараарат.

— И гоби эту следовало бы называть Кара-Гоби, потому что она такая же черная, как и эти горы,— заявил я.

— Сырхын-Гоби ее называют потому, что среди нее стоят горы Харасырхэ, а она их окружает,— пояснил Лобсын.

Справа от дороги видны были еще холмы, которыми кончался Джаир. Они также были черные, сплошь усыпанные черными камешками, совершенно голые и округленные, похожие друг на друга, как близнецы. Но вдоль их подножия виднелись рощицы тополей и заросли чия на песчаных бугорках.

Мы выбрали лужайку с травой и остановились на ночлег. Парнишки с визгом соскочили с коней и побежали собирать аргал, радуясь возможности размять ноги после долгой езды на вьюке. Мы раскинули палатку, развели огонь, сварили ужин. Ночь прошла спокойно, даже волков не было слышно. Черная гоби и черные холмы Джаира, очевидно, не представляли удобств для волчьих нор.

Вода ручья своим однообразным тихим журчанием убаюкивала нас. Почти полная луна ярко освещала черную гоби, расстилавшуюся от самой палатки на север. Бесчисленные гладкие камешки, усеивавшие ее поверхность, отражая лучи ночного светила, блестели синеватыми огоньками. Я долго любовался этой слабо светящейся пустыней, за которой на севере невысокой стеной поднималась цепь гор Салькентай, составляющая пониженное продолжение Уркашара. Слабый и теплый порыв ветра доносил по временам оттуда какой-то глухой ровный шум.

— Это шумит Дям, который вырывается ущельем из Салькентая и течет поперек Сырхын-Гоби,— пояснил Лобсын, сидевший рядом со мной у входа в палатку возле потухшего огонька.

— И разве ночью здесь не лучше, чем в юрте, где возле тебя сопят и храпят женщины, поблизости чешутся бараны, ворчат и перекликаются собаки, топчутся и вздыхают коровы,— прибавил он, помолчав. Я не мог согласиться с ним. Обаяние пустыни, освещенной лу-

ной и погрузившейся в ночную тишину, очаровало и меня. Наши ребята, уставшие за день, давно уже спали, обнявшись в глубине палатки.

На следующий день мы пошли дальше по черной гоби вдоль ручья, окаймленного зарослями чия, кустов и отдельными деревьями. Последние холмы Джаира, видневшиеся за кустами, вскоре кончились, и там началась та же черная гоби, убегающая на юг до горизонта. Теперь, когда солнце было еще не высоко на востоке и светило нам в глаза, гоби при взгляде вперед казалась совсем черной и мрачной. Но, оглянувшись назад, я опять увидел, как ее поверхность сверкает синими огоньками, отраженными зеркальцами камешков. Я обратил внимание ребят на это зрелище, и они долго оглядывались и восхищались видом пустыни.

Часа через два ручей начал врезаться в почву гоби, и мы по зарослям кустов незаметно спустились к реке Дям. Ее широкое русло, усыпанное галькой и валунами, было окаймлено рощами тополей, джигды, тальника и разных кустов, зарослями чия, лужайками. Местами густые заросли камышей окружали какую-нибудь старицу в виде озера или полностью занимали ее место.

Эта широкая лента зелени вдоль реки не была видна издали и не нарушала мрачного величия черной пустыни, так как она была врезана на несколько сажен в поверхность гоби и окаймлена крутыми обрывами. Река проложила свою долину и питала своей водой ее растительность, создав этот оазис среди пустыни и поддерживая его существование.

Мы ехали теперь на юго-восток вниз по этой долине Дяма. Тропа шла то по рощам, то по голым площадкам, усыпанным галькой, изредка пересекала русло реки, переходя в ее извилинах с одного берега на другой. В кустах и на деревьях пели и щебетали мелкие птички; несколько раз мы вспугивали фазанов, которые ютились в зарослях; красиво оперенные самцы с длинными хвостами взлетали со своим характерным криком. Ребята, никогда не видевшие этих птиц, очень интересовались ими, но еще больше изумились, когда мы, огибая заросли камыша, наткнулись на нескольких диких свиней с поросятами, которые разлеглись на песчаном откосе у воды и при виде нас с визгом вскочили и скрылись в зарослях так проворно, что я не успел снять с плеча свой дробовик.

Долина Дяма мало-помалу расширялась и достигала уже почти ста сажен в ширину. Ограничивавшие ее

обрывы стали выше, сажен до семи-восьми, и в них видны были слои светло-розовых, желтых и зеленоватых пород. Обрывы изредка разрывались узкими и крутыми промоинами, по которым можно было пешком, а иногда и верхом выбраться на поверхность пустыни.

Через несколько часов езды слева над обрывами показались черные и голые холмы цепи Хараарат, а немного далее долина быстро сузилась. С обеих сторон вместо пестрых обрывов подступили темные скалы, и Дям, собрав свои воды в узкое глубокое русло, скрылся в маленьком ущелье, заваленном крупными глыбами, среди которых пробивалась вода. Ущелье было непроходимо, и тропа поднялась на левый берег и обогнула ущелье по холмам Хараарата. Дям здесь прорывался через одну из гряд этого кряжа, выдвинутую дальше всего на запад.

Спустившись опять в долину, мы в тени рощицы остановились на обед. Пока Лобсын разводил огонь и варил чай, я пошел с ребятами назад к ущелью, в конце которого между глыбами камней русло реки представляло достаточно глубокие места для купанья. Хотя монголы вообще никогда не купаются, но ребята последовали моему примеру и с удовольствием полезли в теплую чистую воду.

Отдохнув часа три, мы поехали дальше. Долина реки с рощами и зарослями была опять ограничена справа полосатым розово-желто-зеленоватым обрывом, а слева — холмами Хараарата. Долина имела здесь уже больше полуверсты в ширину, русло и рощи тянулись вдоль обрыва, а остальная площадь была занята зарослями чия и голыми галечными или глинистыми площадками. Слева же долину ограничивали черные холмы Хараарата, по которым шла тропа.

Через некоторое время с высоты этих холмов мы увидели впереди довольно большое озеро, по берегам которого кое-где зеленели заросли камыша.

— Это озеро Улусту-Нур, — сказал Лобсын, — в него впадает один рукав Дяма, а другой идет дальше в озеро Айрык-Нур. И вот уже видны развалины древнего города, — прибавил он, указывая на восток.

В эту сторону озеро уходило довольно далеко, и вдали за ним видны были желтоватые массивные здания, плоские башни и между ними улицы. Я думал, что мы повернем на восток вдоль берега озера, но Лобсын, обгибая озеро с запада, повел нас дальше на юг.

— В озере вода соленая, — пояснил он, — а поднож-

ный корм на берегах плохой. Мы едем к зимовкам калмыков, где корм хороший и вода имеется в колодцах.

Мы поехали вдоль западного берега мимо песчаных холмов, поросших кустами тамариска. На озере не видно было никаких плавающих птиц, а вдоль берега тянулась белая лента густых выцветов соли. Хотя в озеро впадала часть воды Дяма, но стока оно не имело, и вода, испаряясь в нем, мало-помалу осолонялась. Верблюды, вероятно, стали бы пить эту воду, но наши лошади попробовали ее и отвернулись.

Немного дальше озеро кончилось: оно имело около версты в ширину и вдвое больше в длину. Мы перебрались через песчаные холмы, окаймлявшие озеро с юга, и пошли дальше по долине реки Дям, которая была здесь еще шире и представляла сплошные луга с рассеянными среди них рощами и зарослями. Справа долину ограничивал все тот же высокий обрыв со слоями розоватых и желтоватых пород, а слева вдали видны были стены древнего города, над которыми кое-где поднимались башни, острые шпицы. А вдали эти развалины как будто взбегали на плоскую гору, сливаясь в целое кружево карнизов, башен, лестниц, похожее на старинную крепость, стены которой уже сильно рассечены и изъедены промоинами, щелями и другими углублениями.

Лобсын повел нас наискось по лугам к восточному краю долины, где в одном месте видна была порядочная роща. На ее окраине мы увидели голые круглые площадки, вокруг которых трава была почти выбита. Обилие мелкого помета баранов и коз на этих площадках показывало, что здесь зимой стояли юрты калмыков, а следовательно, поблизости должна быть вода. Река Дям по-прежнему держалась правого берега долины, и до нее отсюда было далеко.

Действительно, недалеко от этого места на окраине рощи мы нашли колодец — просто яму, глубиной сажени две, с отвесными стенками, вверху закрепленными плетнем.

У нас, конечно, были с собой веревка и порядочное ведро, служившее для варки чая. Мы зачерпнули воды — она оказалась пресной, но немного затхлой и мутной, неприятной на вкус.

— Это ничего, — заявил Лобсын. — Калмыки уочевали отсюда уже недели две-три, воду из колодца никто не брал, и она застоялась. Мы вычерпаем всю воду сегодня, и за ночь набежит свежая.

Роща была на окраине долины, совсем близко от развалин; корм в изобилии, топлива в виде аргала и сухого хвороста достаточно, вода тут же,— следовательно, место для нашего лагеря прекрасное. Мы раскинули в роще палатку. Солнце уже садилось. Среди кустов недалеко от юрт наши парнишки при сборе топлива обнаружили выдолбленную из тополевого ствола колоду, из которой обычно поят скот, спрятанную калмыками в тени. Мы притащили ее к колодцу, так как без нее пришлось бы поить лошадей из нашего ведра для варки чая и супа.

Настроение за ужином у всех было радостное. Нашли прекрасное место у самых развалин, где парнишки и собака будут пасти и стеречь лошадей, пока мы ведем раскопки. Но с наступлением темноты в развалинах в разных местах начали завывать волки, и пришлось привязать лошадей вблизи палатки и поочередно поддерживать огонь и караулить.

Утром, оставив ребят, трех лошадей и собаку у палатки, мы вдвоем с Лобсыном верхом направились в древний город для его общего осмотра. Миновав неширокую впадину с редкими зарослями тростника, в которой оканчивалось сухое русло, тянувшееся в глубь города, мы поехали вверх по нему. Вскоре с обеих сторон потянулись стены массивных зданий, частью уже прорезанные промоинами или даже превращенные в холмы. То тут, то там между ними в обе стороны уходили улицы или узкие переулки, прямые и извилистые. В одном месте мы увидели на высоком фундаменте высеченную из камня статую какой-то странной птицы с длинной шеей и головой, сильно обветренную. В другом месте возвышалась острая игла, вероятно остаток сторожевой башни. Еще дальше высоко поднимались две башни, внизу соединенные друг с другом, напоминая большое седло. Затем выехали на площадь, среди которой стояли три башни разной высоты и формы, омытые дождями; по соседству мы с удивлением заметили башню, которая, накренившись, угрожала падением. За площадью опять пошли стены, улицы, переулки, и мы выехали на северную окраину города. Здесь нас поразила огромная квадратная башня, а возле нее большое изваяние какого-то лежащего зверя. Упомяну, что зимой, заинтересовавшись после раскопок в Турфане древними городами, я выпросил у консула описание древностей Египта и видел там снимки пирамид, сфинксов, обелисков и огромных статуй фараонов. Изваяние возле башни было по-

хоже на огромного сфинкса; хотя оно очень обветрилось, но еще различимы были лапы, туловище и голова.

С этой окраины мы опять повернули в глубь города и по одной из улиц выехали на обширную площадь; ее песчаная почва была усыпана разноцветными полированными камешками, а с одной стороны тянулось огромное высокое здание с башенками, выступами, карнизами, размытыми дождями, но совсем без оконных отверстий. Мы остановились и долго смотрели на это здание.

— Думаю, что это был главный дворец начальника города или даже владетельного хана всей этой земли, — сказал Лобсын.

— Почему не видно оконных отверстий? — заметил я. — Это, пожалуй, главная крепость среди города, в которой мог проживать и какой-нибудь царь.

У подножия этого здания, вдоль которого мы ехали довольно долго, стояла огромная квадратная башня. Хотя она была высотой сажен двадцать, но казалась маленькой по сравнению со зданием, которое было раз в пять выше.

Потом мы стали огибать конец этого сооружения, сильно разрушенного и занесенного как будто песком, и здесь увидели огромное изваяние сидящего человека, также очень пострадавшее, а далее — длинную низкую стену, оканчивавшуюся сторожевой будкой.

Повернули в другую сторону за площадью перед дворцом. Опять пошли улицы и переулки, стены с выступающими башнями. В одном месте отдельная башня поразила нас своей формой, — она походила на женщину на коленях, закутанную в широкий халат и с чепцом на голове. Но, может быть, это было огромное изваяние.

Потом мы выехали на другую окраину города, и я не мог не воскликнуть:

— Вот здесь городское кладбище!

Среди обширного пустыря с редкими кустами возвышались в разных местах надмогильные камни — саркофаги разных форм, то в виде больших лежащих животных, то в виде массивных плит. А по соседству возвышалась низкая башня, напоминавшая часовню.

Прошло уже несколько часов, солнце пекло, мы устали и повернули назад к своей стоянке. Нужно заметить, что все улицы и переулки были покрыты толстым слоем пыли, в которую ноги лошадей погружались выше копыта. На этой пыли, очевидно снесенной дождями и ветрами со зданий, ничего не росло — поверхность была

совершенно голая. После нашего проезда оставались глубокие следы коней. Местами мы заметили следы дзенов и волков. Но некоторые улицы вблизи залива озера Улусту-Нур представляли солончаки с бугорками вокруг кустиков хармыка и солянок.

Мы заметили также, что в стенах зданий кое-где торчали круглые каменные ядра разной величины — очевидно, город когда-то подвергался обстрелу из пушек. А у подножия стен иногда попадались осколки довольно толстого белого стекла, вероятно из прежних окон, хотя оконных отверстий в зданиях мы нигде не видели. Может быть, они были маленькие и заплыли, засыпались? Эти ядра в стенах указывали, что город не очень древний. Ведь порох изобретен только в XV веке, а пушки, стрелявшие каменными ядрами, позже. Впрочем, я вспомнил, что китайцы знали порох гораздо раньше, чем в Европе, а греки и римляне бросали каменные ядра из особых машин — катапульт — при осаде городов.

Выехав к палатке, мы долго за обедом обменивались впечатлениями о виденном и рассказывали ребятам об этом городе, лишь часть которого мы успели объехать за несколько часов. Потом стали обсуждать вопрос, в каком месте начинать раскопки.

— Видели мы много зданий, стен, башен, проехали много улиц и переулков, а нигде не заметили отверстий прежних окон и дверей, — отметил я.

— Оконное стекло мы кое-где видели, — сказал Лобсып. — Может быть, в то время окна делали очень маленькие и они заплыли.

— Положим, что так. Но двери-то не могли же быть такие же маленькие, — возразил я. — Неужели жители этого города лазили в свои дома и башни сверху, через крыши, по приставным лестницам?

— Боялись постоянных нападений врагов, потому не делали дверей, сидели смиренно в своих домах, убрав лестницы!

— А враги стреляли из пушек каменными ядрами, чтобы развалить дома и выгнать жителей? — предположил я.

— Так ли было дело здесь? Ничего больше не придумаешь!

— Я читал в какой-то книжке, что в старинных замках рыцарей окон было очень немного и все маленькие, но двери все-таки были, хотя бы одна на весь замок. А иногда бывали только потайные подземные выходы из замка в какой-нибудь овраг, в лес или кусты.

— Ну вот так, очевидно, было в этом городе,— воскликнул Лобсын, ухватившись за этот пример.

— Только тут место ровное, оврагов нет,— продолжал я рассуждать.— Впрочем, и потайные ходы могли завалиться, видел ты, сколько песку на улицах?

— Как же быть? Лестницы у нас нет, чтобы приставить к какой-нибудь стене дома или к башне и посмотреть, что внутри, есть ли пустота или же все завалилось.

— Не попробовать ли пробить стену в какой-нибудь башне, чтобы забраться внутрь? Я подметил, что дома построены не из тесаного камня или обожженного кирпича, а из мягкого материала слоями — желтого, зеленого, розового, который, вероятно, тут же по соседству копали. Пробить ход через мягкий грунт кайлой и лопатой, может быть, не трудно будет.

— А сначала не попробовать ли нам покопать прямо на улице возле какого-нибудь дома? Должны найтись какие-нибудь вещи, осколки посуды, монеты, кости. В Турфане такое место на улице мы раскопали, немец нам указал его. Это будет легче, чем стены пробивать.

— Пожалуй, попытаемся,— согласился я,— с этого и начнем.

Отдохнув часа три после обеда и дождавшись, что сильный жар этого дня немного спал, мы вдвоем опять поехали в город, захватив кайлы и лопаты. Хотели выбрать место недалеко от стоянки, но увлеклись и браковали одно место за другим. Возле стены поверхность улицы очень поднималась, очевидно от осыпи материала сверху, так что пришлось бы глубоко копать. Наконец, отъехав примерно с версту в глубь города, наткнулись на узкий тупик между двумя зданиями, как будто более ровный.

— В таком тупике, пожалуй, скорее откопаем что-нибудь,— сказал я.— Сюда, наверно, выбрасывали какой-нибудь мусор.

— И не так жарко копать, весь тупик в тени,— отметил Лобсын.

Спешились, поставили коней друг возле друга в тени в глубине тупика и принялись за работу. Пошли канавкой вдоль стены, глубиной в лопату, друг другу навстречу. Грунт оказался рыхлый, кайла не понадобилась. Прошли каждый по две сажени, встретились; ничего не попало, сплошь мелкий пыльный песок, совсем сухой. Вернулись назад и пошли вторично еще на

лопату глубже; опять ничего, только копать было труднее, песок тверже, видно, очень слежался. Повторили то же еще раз, и пришлось взять кайлы, лопата врезалась на один-два пальца с трудом. Все-таки провели канавку во всю длину и опять на глубину лопаты, в общем, значит, на три четверти аршина, и ровно ничего не нашли.

— Ну, знаешь ли,—заявил Лобсын, утирая пот,— это грунт не насыпной сверху, а коренной, и глубже копать незачем.

— Попробуем у противоположной стены,—предложил я.

Перешли на другую сторону, но стали копать канавку покороче, чередуясь друг с другом, так как изрядно устали. И снова на глубине третьей лопаты грунт пошел твердый, коренной. Ничего, кроме мелкого песка, не обнаружили. Смотрим друг на друга, отдуваясь и разочарованно.

Увлечшись работой, мы не заметили, что тучи заволкли небо. А теперь услышали свист ветра, и на нас с высоты зданий посыпались песок и мелкие камешки.

— Смотри, что там делается! — воскликнул Лобсын, который стоял лицом к улице; тупик был длинный — шагов тридцать. Я повернулся. По улице неслась сплошная туча песка и пыли, поднятых бурей с рыхлой почвы. В тупике воздух также заполнялся пылью. Лошади храпели и начали пятиться. Пришлось их взять за поводки, чтобы они не удрали.

Продолжать работу невозможно — нечем было дышать. А ехать домой против пыльной бури, налетевшей с запада, также невысказано. Пришлось стоять, зажмурив глаза и закрывая рукой рот и нос, чтобы не дышать пылью, а другой рукой держать лошадь, которая старалась засунуть морду между моими ногами.

Так продолжалось минут двадцать, а потом сразу хлынул ливень. Во время работы мы сбросили верхнее платье и стояли в рубашках, которые промокли в несколько секунд. Зато воздух очистился, дышать стало легче. Со стен тупика полились мутные ручейки, срывающиеся водопадами с карнизов и обдававшие нас грязью. В обеих вырытых нами канавках быстро накопилась грязная вода.

— Вот, смотри, Лобсын,—сказал я.— Канавки мы дорыли до твердого грунта. В рыхлом навалу вода бы ушла.

Ливень минут через десять сменился мелким дожди-

ком, а еще немного — и небо очистилось. Мокрые до нитки, мы вскочили на коней и поехали к стоянке. Сухая пыль улиц превратилась в липкую грязь, которая налипала на копыта и комьями разлеталась по сторонам; но под ней на глубине копыта почва оставалась сухой. По главной улице, полого спускавшейся к нашей стоянке и представлявшей перед тем сухое русло с мелкой галькой, тек грязный ручей, впадавший в ложбину, превратившуюся в целое озерко желтой воды, которое пришлось объехать. Солнце уже ярко освещало рощу, и мы заметили, что нашей палатки нет и не видно ни ребят, ни лошадей. Это заставило нас погнать коней, объезжая озеро.

В роще мы увидели, что палатку порывом ветра сорвало с колышков и снесло в сторону. Ребята не догадались укрепить ее, когда начался ветер. Все наши пожитки были основательно промочены и испачканы, так как перед ливнем их засыпало пылью.

— Где же ребята и кони? — вскрикнул я. — Неужели они перепугались бури и ускакали в город к нам?

— Вот они, едут сюда, — ответил Лобсын, указывая на соседнюю рощу.

Оттуда действительно ехали оба верхом, без седел, и вели третью лошадь. Подъехав, скатились с коней и начали, перебивая друг друга, рассказывать. Когда налетела пыльная буря, они спрятались в палатку. Сильный порыв снес ее через их головы, и они увидели, что лошади, которые паслись недалеко, ускакали, хотя и с путами на ногах, по ветру, под защиту соседней рощи. Они побежали за ними, а в это время разразился ливень, который они вместе с лошадьми пережидали под деревьями. А потом долго возились, снимая намокшие путы с лошадиных ног, чтобы вести их назад. Промокли они, конечно, с головы до ног, но были в восторге от этого приключения и оттого, что вернули лошадей.

Бранить их за то, что они оставили все пожитки под дождем, вместо того чтобы покрыть их палаткой, конечно, не пришлось. Но Лобсын объяснил им, что в другой раз, видя приближение пыльной бури, нужно укрепить палатку, забив глубже колышки и придавив полы седлами со стороны ветра. А лошадей нужно было тогда же пригнать к стану и привязать к деревьям в роще.

Вечер этого неудачного дня ушел на просушку вещей. Баурсаки, пропитанные салом, не пострадали от ливня, но сухари в мешке намокли и превратились в кашу, ко-

торую пришлось разложить тонким слоем для просушки, иначе они бы заплесневели через два-три дня. Кошмы, на которых мы спали, и халаты, которыми укрывались, досушивали у большого костра.

Неудача раскопок в тупике заставила нас на следующий день попытаться пробить отверстие в стене одной из башен города, чтобы пробраться внутрь ее и покопать там. Мы выбрали одну из трех башен, стоявших вблизи друг друга среди площади, именно квадратную, которая имела сажени три в стороне квадрата и казалась менее разрушенной, чем две другие, круглые. Одну из стен расчистили от поверхностного выветренного слоя и начали пробивать отверстие в пол-аршина в квадрате, чтобы можно было пролезть внутрь. Пришлось работать кайлой обоим поочередно. До глубины в ладонь материал поддавался довольно хорошо, кайла крошила его на крупные куски, но затем он стал твердым, кайла погружалась в него с трудом на глубину пальца и отрывала маленькие кусочки. Проработав без отдыха часа два, мы углубили отверстие только на четверть и сели в тени отдыхать.

— Ну и прочный же камень строители этого города клали,— сказал Лобсын.— Стена, наверно, в аршин толщиной, и мы до вечера не пробьем ее. Чем дальше, тем труднее бить кайлой.

— Придется увеличить высоту отверстия или укоротить ручку у кайлы,— заметил я.— Но ты посмотри, как они делали кладку. Швов между камнями нигде нет, а все идет слоями, то желтыми, то розоватыми кругом всей башни. Они как будто делали из этой глины с песком густое тесто и клали его по всем четырем стенам слой за слоем.

— Ну, китайцы строят свои фанзы так же, если не из сырого кирпича, то слоями из глины с песком и мелким камнем,— ответил Лобсын.— Но только их стены проламывать кайлой гораздо легче, чем эти.

Отдохнув, мы укоротили ручку кайлы до пол-аршина и до полудня в поте лица углубились еще на четверть. Но кайла уже изрядно иступилась.

Поехали на стоянку обедать усталые и недовольные. Отдыхали часа три и вернулись к башне на других конях, чтобы первых пустить на корм; привезли новую кайлу. До заката солнца пробили еще пол-аршина.

— Скоро должен быть конец!— сказал Лобсын.— Не может быть, чтобы стены были толще аршина.

— Если бы конец был близко— было бы слышно по

стуку кайлы,— заметил я. — Но на сегодня хватит. Завтра со свежими силами попробуем еще.

Мы вернулись в стан усталые. Вечером я осмотрел обе кайлы и сказал:

— Завтра кайл нам хватит ненадолго, и если стена толстая, мы не пробьем ее.

— А я надумал вот что,— заявил Лобсын. — Попробуем покопать на кладбище, которое мы видели. Там легче будет подрываться под какой-нибудь могильный камень. Увидим, кого там хоронили, и найдем какие-нибудь вещи.

— Отлично! — воскликнул я. — Как это раньше не пришло нам в голову. Мы бы за день успели две-три могилы раскопать, вместо того чтобы ковырять толстую стену и притуплять свои кайлы.

На следующее утро мы поехали прямо на окраину города, где находилось кладбище с различными изваяниями на могилах и маленьким зданием вроде часовни. Осмотрели все изваяния. Они стояли на подножиях аршина в два-три высотой из такого же слонстого камня, из которого были сложены здания города, и представляли крупные фигуры, похожие на сфинксов, на странных птиц без крыльев, на лежащих людей, но все сильно обветрились, облупились. Некоторые представляли массивные гробницы, обтесанные камни формы большого гроба или прямоугольного ящика. А в промежутках между этими большими надмогильными изваяниями, очевидно поставленными на могилах знатных людей и начальников города, были разбросаны маленькие холмики в две-три четверти высотой, большей частью поросшие кустами хармыка, тонкие и колючие ветви которого, уже одевшиеся мелкими свежими листочками, не скрывали могильную насыпь. Попадались также могилы, на которых лежала нетолстая плита камня, целая или распавшаяся на куски. Это, очевидно, были могилы простых граждан.

Чего-нибудь, напоминающего кресты христианских кладбищ или отвесные плиты еврейских и мусульманских кладбищ, мы не нашли. Не было также никаких надписей, букв, чисел, вообще знаков на саркофагах и постаментах изваяний. Можно было подумать, что жители города сплошь были неграмотные, не имели никакой письменности.

Для раскопки мы выбрали могилу с нетолстой плитой, так как могилы с простыми холмами внушали некоторое подозрение. Дело в том, что в Монголии в об-

ширных впадинах нередко встречаются такие холмики, поросшие хармыком, занимающие в общем целые десятины и очень похожие на могильные насыпи, но представляющие просто скопления сыпучего песка под защитой этого куста. Следовательно, и здесь, наряду с могильными насыпями, могли быть и такие холмики, которые раскапывать, конечно, не имело смысла. Могильная же плита из камня гарантировала, что работа наша не будет бесполезна.

Мы сдвинули плиту в сторону и, взявшись за лопаты, начали раскапывать могилу. Но лопаты не уходили в грунт глубже, чем на два-три пальца, и, выбросив этот верхний слой, пришлось взяться за кайлы и разбивать грунт, очевидно сильно слежавшийся за несколько сот или тысяч лет со дня похорон. Еще на четверть удалось углубиться довольно быстро, но следующая четверть досталась уже с трудом. Грунт, заполнивший могилу, оказался таким же твердым, как и образовавший стену башни; только работать кайлой в яме было удобнее, чем в отверстии стены. Прошли еще четверть и присели на краю могилы передохнуть.

— Здорово отвердела земля с тех пор, как могилу засыпали,— сказал я, отдуваясь.

— А ты взгляни-ка, Фома,— заявил Лобсын.— В стенках могилы такие же слои, как в стене башни,— желтые, розовые, зелененькие, одни в два, другие в три, иные в четыре пальца толщиной. Неужели они и могилы такими слоями закладывали? Чудно что-то. Понять не могу, как и зачем они это делали!

— Да, совсем непонятно,— согласился я.— Может быть, это только сверху так делали, чтобы волки не могли свежую могилу раскопать и покойника сожрать. Попробуем пройти глубже!

Отдохнув, углубились еще на две четверти с таким же трудом. Выемка имела уже почти полтора аршина глубины, а слои разных цветов продолжались.

— Знаешь ли, Лобсын,— сказал я, утирая обильный пот с лица,— попробуем раскопать самую простую могилу. Может быть, знатных людей так прочно закапывали, а бедняков засыпали рыхлой землей.

— И то правда! — согласился калмык.

По соседству был холмик с хармыком; лопатами мы живо разбросали песчаный грунт холмика, и только корни куста немного затрудняли работу. Но под холмиком грунт оказался такого же качества, как под плитой, и опять пришлось взяться за кайлы. Углубились на чет-

верть и убедились, что те же цветные породы идут слоями. Лобсын бросил кайлу и воскликнул:

— Везде тот же грунт! Я думаю, что это шайтан нас морочит. Где бы мы ни начали копать, он превращает мягкий грунт в камень. Может быть, весь этот город заколдован нечистой силой. Больше не стану копать! Смотри, опять пыльная буря надвигается с заката.

Я взглянул на запад. Там горизонт действительно потемнел, серая мгла затянула его.

— Да, пожалуй, что так!

— Вчера шайтан мешал нам работать, засыпал нас пылью, полил ливнем, и сегодня то же будет. Этот город заколдованный!

— Ну, поедem скорее назад!

Мы подошли к коням, которые стояли поблизости, спрятав головы от солнца и мух в куст тамариска, возле гробницы. Поехали назад. Проезжая мимо часовни, Лобсын остановил коня и сказал:

— А это башня низкая! Встав на седло, я взберусь на крышу и посмотрю, есть ли внутри пустое место.

— Молодчина! Это выяснит нам что-нибудь.

Мы подъехали к самой часовне. Я спешил и взял коня Лобсына под уздцы, а калмык взобрался стоймя на седло и, пользуясь выбоинами в стене, взобрался наверх. Часовня была круглая, в поперечнике сажени две. Первоначально она должна была иметь хотя бы плоскую крышу, которая, конечно, давно разрушилась.

Лобсын прошелся взад и вперед, вернулся к краю и крикнул:

— Никакой пустоты нет, сплошной камень неровный, буграми. Ни одной щели или провалины нет.

Он слез с часовни, и мы поехали рысью, чтобы добури выбраться из города. Буро-серая туча заняла уже половину неба, но солнце еще ярко светило. Было часов одиннадцать. Через четверть часа мы достигли уже окраины, объехав ложбину с тростником, и подскакали к палатке. Ребята уже развели огонь, повесили котел и были заняты укреплением палатки. Лошади стояли в роше, привязанные к дереву.

Пыльная туча скоро закрыла солнце, которое чуть виднелось в виде красного круга. Но было так же тихо, как и раньше.

Обедать мы уселись в палатке, потому что ветер уже налетал порывами. С лужаек и роц долины Дяма он поднимал немного пыли, но над городом пыль уже вилась столбами, там ведь не было растительности, а рых-

лая почва улиц, обветренные стены зданий из песчаного камня давали много материала для ветра. Но в этот раз ветер был менее сильный и дело обошлось без дождя, только покряпало минут пять.

— Ну, как думаешь, Лобсын,— начал я после обеда,— что нам делать дальше? В башне стену не пробили, две могилы до дна не раскопали, а часовня оказалась не часовней, а простым столбом без сердцевины. Выходит, что наша поездка ни к чему! Что же, завтра уедем домой, что ли?

— Не торопись, Фома, очень ты прыткий,— ответил Лобсын. — Обсудим дело не спеша. Мы осмотрели уже весь город или еще нет?

— Большую часть осмотрели как будто.

— И осмотрели очень наскоро. А ту часть, что за кладбищем лежит, совсем не видели. Там, может быть, в домах окна и двери найдутся, и мы, покопав, найдем что-нибудь.

— Правильно! Нужно съездить и туда, посмотреть весь город и только тогда решать, что делать дальше.

— И еще вот что. Часовня оказалась не часовней, а столбом. Часовней мы сами назвали ее, по ее форме. А она, может быть, такой же памятник над могилой, как другие там звери разные, или без могилы, для украшения просто.

— Нам нужно еще проверить в самом городе, не башню, а два-три дома, пустые они внутри или нет. Башни в городе могли ведь быть строены не пустые, а как столбы, для караула, что ли, с высоты.

— Правильно, Лобсын,— сказал я, и стало мне немного стыдно, что я так скоро отказался от раскопок, а мой калмык обдумал дело со всех сторон. — Что же, попробуем пробить отверстие в какой-нибудь стене? Во дворце, например, очень он мне нравится по наружности.

— Нет, сначала попытаемся залезть наверх, на стену какого-нибудь здания. И если увидим, что внутри пусто, тогда спустимся внутрь или пробьем вход.

— Но лестницы у нас нет, а здания высокие, как же мы влезем на стену?

— Я заметил, что есть дома сажени в две-три высотой. Таковую лестницу нетрудно смастерить. Я съезжу к Дяму, там найдутся тонкие тополя, срублю и приволоку сюда. А завтра увезем в город и поглядим.

После отдыха Лобсын, захватив сына, поехал на конях к реке, а я взял двустволку и пошел по рощам

на охоту. Вяленое мясо, взятое с собой, очень приелось, да и немного осталось его у нас. Мой парнишка остался при палатке, а собаку я взял с собой.

Я направился из нашей рощи к следующей, дальше на юг, по лужайкам и зарослям кустов. В зарослях вдруг закричал и выпорхнул фазан. Я рассчитывал на зайца и не успел вскинуть ружье. Но фазан, пролетев немного, опять сел в кусты. Теперь я шел наготове и действительно, как только фазан взлетел, выстрелил: собака нашла птицу в чаще.

В следующей роще я, к удивлению, увидел, что среди деревьев возвышается целое подворье в китайском стиле — довольно высокая, сажени в три, стена квадратом, с башенками по углам, но без зубцов. Китайские города всегда окружены такой стеной, но более высокой, с зубцами, по углам массивные башни. Ворота в стенах также защищены башнями, так что въезды в город идут через башни, а ворота у них двойные, снаружи и внутри. Иные селения также окружены стенами, но попроще, по углам башни не толстые и ворота без башни. Вокруг Чугучака отдельные фермы я также видел окруженными стеной, внутри которой — фанзы, амбары, навесы для скота. И вот то, что я встретил в роще, напоминало такую защищенную ферму окрестностей Чугучака. Я обошел ее кругом, но ни в одной из четырех стен не нашел ни ворот, ни даже чего-нибудь похожего на двери; окон, конечно, не было, но их нет и в городских стенах. Таким образом, это сооружение было в том же роде, как и остальные в этом странном городе. Единственная разница, которую я заметил, состояла в том, что одна из стен сверху была украшена большим обо из хвороста. Его, конечно, нагромодили там калмыки, обитавшие зимой в этой долине. Но как они попадали туда без лестницы?

В этой роще мне удалось подстрелить зайца, а на обратном пути другого, так что, считая фазана, мы были обеспечены свежим мясом дня на два. Собачка очень помогла при охоте на зайцев: она шныряла по кустам и выгоняла их на лужайку.

Вернувшись к палатке, я освежевал дичь и поставил в одном котелке суп из фазана, а в другом — тушить зайцев. Парнишки утром, бегая по лужайкам, набрали дикого лука, что было очень кстати. Скоро вернулся и Лобсын с сыном; они ехали рядом, а в промежутке между конями волокли два тонких тополя, сажени три длиной, привязанные комлями к жерди, которую они по-

ложили на свои седла. У обоих тополей ветки были обрублены так, что оставались их основания длиной в четверть, и по ним, приставив оба ствола круто наклонно к стене, не трудно было взобраться наверх.

— Хорошую добычу привез, Лобсын, молодчина,— сказал я.— Но и я пришел не с пустыми руками, видишь, в двух котлах ужин готовится вкусный.

На следующий день мы поехали в город втроем, с сыном Лобсына, которому очень хотелось увидеть улицы и здания, а нам он, легкий и проворный, мог служить помощником. Вблизи тупика, где мы провели раскопки, нашлось здание высотой в две с половиной сажени. Мы приставили к стене оба ствола, соединив их вверху и внизу веревкой, чтобы они не могли разойтись при лазании. Мальчик легко вскарабкался наверх и побежал куда-то по крыше. Немного спустя он вернулся и сообщил:

— Никакой пустоты нет. Крыша идет ступенями еще вверх.

Это было не совсем понятно, и я решился слазить сам, что было не очень легко. Я давно забыл искусство лазить по деревьям, которым так хорошо владеют мальчишки, но все-таки добрался до верхнего края стены. Наверху я увидел, что поверхность здания действительно поднимается плоскими ступенями еще выше; никакой впадины, которая должна была бы быть, если это была постройка человека, не оказалось. А под ногами чувствовалось, что я стою не над пустотой внутри здания, а над сплошным каменным массивом. Мы захотели проверить это на других зданиях, поехали дальше и повторили то же еще раза три на зданиях, доступных по высоте стен. Результат был такой же; поверхность была или ровная, или с плоскими возвышениями в виде бугров. Один раз и Лобсын лазил наверх.

Теперь оставалось осмотреть южную часть города за кладбищем, куда мы и направились, захватив на всякий случай свою импровизированную лестницу. В этой части встретили сначала плоские бугры, кое-где сильно разрушенные башни, но также без пустоты внутри, а затем очутились среди более высоких холмов странного вида. Их желтые песчаные склоны местами были усыпаны совершенно черным щебнем, а на гребнях среди скал песчаной породы тянулась лентой, то узкой, в четверть, то широкой, в три-четыре четверти, черная блестящая порода, похожая на каменный уголь. Местами было видно, что пласт этой породы, или жила, уходил круто в

глубь холма. Черные ленты по гребням можно было проследить в обе стороны на десятки шагов. Мы насчитали более десяти таких пластов, или жил, и заметили еще, что песчаная порода по обе стороны каждой ленты была очень прочная и выступала гребнями, а местами выдвигалась на несколько аршин на седловине между холмами, подобно длинным плитам или балкам. В одну из гряд холмов врезалась вершина глубокой промоины, упираясь в целую стену этой твердой породы с выступами в виде плит из зубцов. Ученый человек сумел бы разъяснить эту странную картину, но мы остались в полном недоумении, решили только на обратном пути набрать побольше этого черного камня из пластов, чтобы испробовать на остроте, горит ли он.

Впереди, за этими холмами, поднимались высоко длинной чередой большие здания, похожие на то, которое в другой части города мы назвали дворцом хана. Но здесь они были более неуклюжие, с меньшим числом карнизов, башенок, промоин. По пути к ним мы попали в ложбину, занятую буграми сыпучего песка, по которым и поднялись к подножию ряда зданий. Они были слишком высоки для нашей лестницы; оконных или дверных отверстий также нигде не было видно. Приходилось думать, что они также не пустые внутри, а сплошные, как в ранее осмотренной части города, и что нигде нет надежды на успех раскопок.

На обратном пути мы набрали целый мешок черного камня из разных жил, увезли его в стан, а стволы тополей за ненадобностью оставили у этих холмов.

У палатки мы застали неожиданных гостей — двух калмыков, сидевших у огонька, на котором варился наш обед, и беседовавших с моим приемышем; последний сказал мне по-русски (я уже выучил его родному языку):

— Они меня очень испугали! Прискакали к палатке и кричат: как ты смел остановиться на нашей зимовке и травить наш корм! Складывай свои пожитки и уезжай, откуда приехал. Грозили забрать лошадей. Насилу я уговорил их подождать, пока вы вернетесь к обеду. Я сказал им, что мы только вчера прибыли сюда и что русский купец поехал осматривать развалины города.

Мы спешили, поздоровались с гостями и ответили на обычные вопросы, откуда, куда и зачем. Я успокоил хозяев этой зимовки — следы их юрт мы и видели возле роши — заявлением, что мы сегодня уезжаем.

— Вот мы захотели увидеть развалины этого большого старого города,— закончил я, указывая на его окраину.

Калмыки рассмеялись:

— Никакого города здесь нет и никогда не было. Если бы когда-то здесь был город, мы бы это знали от наших предков и от лам нашего монастыря. Кто рассказал вам, что здесь был город, тот обманул вас.

— Но как же,— возразил я.— Ведь здесь много домов, башни, целый дворец, большое кладбище с памятниками.

— И оконные стекла валяются везде, а в стенах сидят ядра, которыми стреляли неприятели, которые завоевывали город и, вероятно, убили всех жителей,— прибавил Лобсын.

— Нет, люди здесь никогда не жили,— ответил один из калмыков.— Эти здания, башни, улицы, дворцы — все это творения нечистых духов подземного мира. Мы живем близко и слышим, как эти духи воют и плачут, когда бушует ветер в зимнюю ночь.

— Ну, вот видишь, Фома,— заявил Лобсын.— Я вчера уже сказал тебе, что это нечистые духи сделали подобие людского города.

Неудача наших раскопок согласовывалась с объяснением калмыков.

Мы, конечно, угостили приезжих чаем и баурсаками, не поскупившись даже на несколько кусочков сахара.

После угощения я вспомнил, что мы привезли с собой мешок черных камней из города, чтобы попробовать, не уголь ли это. Я принес из палатки несколько кусков, показал их калмыкам и спросил, что это такое, знают ли они, что этих камней много в городе?

— Это мы знаем,— ответили они,— это горючий камень, такой же, как тот, который китайцы копают в Темиртаме. Но мы его не употребляем, он очень сильно дымит и воняет, когда горит в юрте; видно, что это тоже творение нечистых духов.

Я положил куски на костер. Они очень скоро вспыхнули, загорелись длинным пламенем с густым черным дымом и при этом сами стали плавиться и растекаться. Запах дыма действительно был неприятный, но как топливо в печах этот уголь, конечно, годился. Я сказал это калмыкам.

— В нечистом городе этого камня немного,— ответил один из них,— а до Чугучака отсюда далеко. Если тебе

нужен такой камень — копай его в Темиртаме, там его много, а возить в город гораздо ближе.

— А вот у южного подножия Джаира, недалеко от брода Тас-Уткель на реке Манас, такого земляного угля целые горы, — сказал другой.

— Верно, верно, — подтвердил первый, — и там из этих холмов течет что-то жидкое черное, вроде масла. Его наши ламы собирают для лекарства. Оно так же горит и воняет, как этот камень.

Лобсына это сообщение очень заинтересовало, и он расспросил гостей, как туда проехать. Оказалось, что до этой местности хороший день пути, а оттуда до Чугучака через Джаир всего пять-шесть дней, то есть даже ближе, чем от нашей стоянки на реке Дям.

— Ну вот, Фома, — сказал Лобсын, когда гости уехали, получив обещание, что мы сегодня же оставим их зимовку, — поедем теперь туда. Здесь, в этом нечистом городе, мы никаких кладов не нашли, только зря копали и время потеряли. Посмотрим там горы черного камня и черное масло — ведь это тоже клады. Горючий камень будем возить в Чугучак продавать и масло тоже.

Я, конечно, согласился. Времени у нас было еще много, а неудачу раскопок возместить находкой чего-нибудь интересного, конечно, было заманчиво. Переждав жаркие часы, мы свернули свой стан и поехали. Лобсын повел нас через луга и рощи долины Дяма прямо к ее правому берегу, где, по указанию калмыков, в крутом обрыве был удобный подъем по глубокому оврагу. Поднявшись, мы очутились опять на черной щебневой Гоби; но здесь она была не так широка, как севернее, и через полчаса езды мы миновали ее; начались заросли чия, кусты, кое-где рощицы, перемежаясь с сухими руслами.

— Это — низовье реки Дарбуты, — сказал Лобсын, — той самой речки, в верховьях которой стоят мои юрты и первый золотой рудник, где мы с тобой были. Эта речка течет по всему Джаиру, сначала поперек, а потом вдоль, и тут, выйдя из гор в Гоби, разливается по рукавам и пропадает. Вода здесь бывает только весной, когда снег тает, но ключи попадают, и колодцы есть.

По такой местности мы к вечеру прошли до озера Айранкуль у восточного конца Джаира и остановились на его берегу, выбрав чистую площадку возле залива, окаймленного большими зарослями тростника.

Вода в озере была пресная; в него впадала река Манас, знакомая нам по поездке в Урумчи; там это был могучий поток, через который брод был возможен только рано утром. Но на длинном пути поперек широкой Джунгарской впадины он потерял много воды и впадал в озеро в виде небольшой реки. Но при этом небольшом притоке вода в озере должна была непременно стать хотя бы солоноватой, если бы не было стока в виде речки, текущей из этого озера дальше и впадающей в то же озеро Айрык-Нур, в котором кончается река Дям. Это Лобсын узнал от калмыков, расспрашивая их о дороге к горам угля и масла.

На воде не видно было плавающих птиц, хотя из зарослей по временам доносилось кряканье уток. Очевидно, они уже сидели в гнездах и выплывали на открытое место только рано утром. Зато в воде мальчики обнаружили много мелкой рыбы, и им удалось поймать с помощью мешка несколько штук. Я предложил было сварить уху, но Лобсын запротестовал — монголы не ловят и не едят рыбу. Мне пришлось поджарить рыбок, наткнув их на палочки, как шашлык; они оказались вкусными, но очень костлявыми.

После душных вечеров в роще у развалин, которые до полуночи дышали жаром, ночлег на берегу озера был очень приятен. Выплыла луна в начале ущерба, и вдоль всего залива потянулась серебристая лента вдаль. Легкий ветерок шелестел в камышах, окаймлявших темными стенками водную гладь, поднимая на ней мелкую рябь, и вся лента дрожала и переливалась. В зарослях порой крякали утки, а с холмов подножия Джаира, позади палатки, иногда доносилось заунывное завывание волка, на которое наши лошади, привязанные вблизи и жевавшие с аппетитом зеленый тростник, отвечали всхрапываньем. Где-то далеко чуть слышно кричала сплюшка, а ближе на озере ухала выпь. По небу в стороне от луны медленно плыла широкая пелена мелкокурчавых облаков, похожая на распластанную шкуру белой мерлушки. Мальчики после ужина скоро улеглись в палатке и что-то шепотом рассказывали друг другу, пока не уснули, а я и Лобсын долго еще сидели у потухшего огонька и любовались красотой тихой ночи на берегу озера. Собака, лежавшая вблизи лошадей, растянувшись и положив голову на передние лапы, избавляла нас от караула. При малейшей тревоге она подала бы сигнал, и Лобсын, по привычке спавший очень чутко, проснулся бы сразу.

Утром мы с сожалением расстались с этой стоянкой и поехали по горной тропе, вдоль подножия Джаира, на запад. Слева все время, то отступая, то приближаясь к самой тропе, тянулись высокие заросли тростника, скрывавшие от взора русло реки Манас; кое-где среди них выдвигались отдельные деревья. Справа поднимались откосы невысокой террасы, представлявшей Черную Гоби, усыпанную щебнем и галькой; она уходила до высот Джаира, ограничивавших горизонт своими скалистыми голыми грядками.

Часа через два русло реки и заросли отступили подалее от тропы, и теперь слева от нее расстилались то голые площади такыров с серой почвой из глины, разбитой тонкими трещинами, гладкой и твердой, как паркет, то песчаные холмы, поросшие кустами тамариска; на некоторых тамариск уже засох, а самые холмы разрушались.

— Видишь, Фома,— сказал Лобсын,— река от холмов отошла, зелень сохнет, а ветер раздувает песок.

Местами чий образовал густые заросли, в которых то и дело впереди нас выскакивали и быстро скрывались зайцы; местами попадались хаки — плоские впадины, в которых ранней весной стояла вода, а теперь красноватое глинистое дно их высохло, разбилось глубокими трещинами на пяти- и шестиугольники, по окраинам которых верхний слой глины загнулся вверх или даже завернулся трубками. Но вот показались большие кусты тальника, деревья, и тропа неожиданно приблизилась к самому берегу реки Манас; река текла здесь очень тихо и имела всего шагов 50—60 в ширину. Тропа уходила в воду, и на противоположном берегу видно было ее продолжение.

— Это должен быть брод Тас-Уткель, как описали калмыки,— воскликнул Лобсын,— единственное место, где можно перебрести на тот берег. А везде в других местах чаща камышей на болоте, нельзя проехать к реке, а вода в ней глубокая, выше седла.

— В камышах кабаны, наверно, живут? — спросил я.

— Много кабанов, и тигры, говорят, попадают.

— Что же ты мне не сказал вчера у озера, что тут тигры есть? А мы так спокойно ночевали там возле камышей!

— Мало ли что говорят люди! Может быть, кто-то пять — десять лет тому назад видел этого зверя. А я вот сколько мест объездил и нигде не видел его. Только

шкуру видел один раз у монгольского князя, красивый зверь, желтый с черными полосами поперек.

— От этого брода, сказывали, нужно повернуть вправо в холмы, и там скоро увидим горы с углем. Только здесь нужно напоить лошадей, там воды мало будет,— прибавил он.

Мы заехали в реку, и лошади напились. Затем нашли тропу, которая от брода потянулась в глубь холмов подножия Джаира. Скоро на их склонах появились светло- и темно-красные слои глины, чередовавшиеся с желтыми и зелеными, и около полудня мы увидели довольно высокий плоский холм серого цвета с неровными склонами, на которых в разных местах зеленели кусты, указывавшие на присутствие воды.

— Вот это должен быть холм из черного угля,— заявил Лобсын. — Таких, говорят, тут семь или восемь — один за другим недалеко. А вода, говорят, тут не в ключе или колодце на дне долины, а на самой вершине холма вытекает.

— Надо посмотреть! Если вода есть, мы тут же возле холма палатку поставим. Но только это чудно что-то — вода на вершине холма, а не у подножия!

Мы спешили и полезли на холм. Он весь состоял из пластин почти черного камня, наложенных ступенями друг на друга, частью засыпанных песком, в котором укрепились зеленевшие кусты. На плоской вершине оказалась яма в полтора-два аршина в поперечнике и в две четверти глубиной, заполненная чистой водой, местами покрытой черной пленкой. Мы, конечно, сейчас же зачерпнули горстью воду и попробовали. Она оказалась пресной, но только с заметным привкусом чего-то смолистого, с запахом сургуча.

— Сойдет,— сказал Лобсын. — С кирпичным чаем пить можно. И лошади будут пить.

— А это что такое? — спросил я, указывая на поднимавшиеся в одном месте со дна ямы темные пузыри, которые на поверхности воды расплывались в густую черную пленку. Я обмочил палец в эту пленку и понюхал — она имела ясный запах керосина.

— Вот это, видно, тот жидкий уголь, который ламы на лекарство собирают, как монголы сказали,— заявил Лобсын.

— Какой же уголь керосином пахнет? И не слышал я про жидкий уголь. Уж не нефть ли это сырая, из которой керосин гонят? Вот так клад мы нашли! В Чугучак привозят керосин издалека, из Баку на Кавказе,

а его можно получить поблизости. Это будет повыгоднее золота!

— Верно, Фома! Ты мне как-то рассказывал, как на Кавказе добывают эту самую нефть, как из нее на заводах керосин выгоняют, и я тогда понял, почему это самое горючее масло в Чугучаке так дорого продают.

Обойдя яму с водой, мы увидели, что в одном месте ее край был немного ниже; сюда собиралась черная пленка и медленно стекала ручейком в палец шириной на склон холма, который в этом месте был не темно-серый, а черный и блестящий. Ручеек тек еле-еле, расплывался и немного ниже застывал. Я ступил на это место, и подошва сапога прилипла, точно к густому вару или дегтю.

— А знаешь ли, Лобсын, я думаю, что весь этот холм не из угля сложен, как монголы говорят, а из этой застывшей нефти. Вот посмотри, по всей стороне, куда стекает нефть, камень не серый, а черный и гладкий, но идет такими же ступеньками, как в других местах, и кусты на нем не растут. Это все свежая, недавно застывшая, затвердевшая нефть.

— А почему в прочих местах камень не черный, а серый и не гладкий, точно песком посыпан? — спросил Лобсын.

— Потому, я думаю, что там он очень старый, выветренный, а песком его ветры заносят. Вот мы попробуем на огне, как будет гореть свежий черный и серый старый. Если серый не уголь, а та же загустевшая нефть, он будет гореть и пахнуть, как черный.

— Попробуем, Фома! Это интересно!

Спустившись с холма, мы выбрали поблизости ровное место на дне долины, поставили палатку и расседлали коней. Мальчики живо набрали сухих веток, чтобы развести огонь, а мы с Лобсыном, захватив кайлу и лопату, взобрались на холм и лопатой набрали черной густой нефти в том месте, где сочился ручеек, а кайлой выломали в другом месте несколько пластин серого камня. Положили на огонь сначала черную густую массу, похожую на полузасохший деготь; она быстро загорелась большим пламенем с густым черным дымом и запахом керосина, растопляясь и растекаясь по хворосту. Когда все прогорело, положили куски серого камня. Они загорелись не сразу, но горели так же и плавились медленнее.

— Ну вот видишь, Лобсын, это не уголь, а та же нефть, затвердевшая с песком. И я вспоминаю, что та-

кую затвердевшую нефть называют асфальт, или кир. Ее растопляют в котлах, прибавляют песку и делают из нее полы в домах, даже заливают улицы в городах вместо мостовой.

— Вот хорошо бы, Фома, в Чугучаке все улицы так замостить! И тогда бы на них ни пыли в сухое время, ни грязи в мокрое не было.

— Понимаешь, какой клад мы нашли! И нефть для керосина, и асфальт для полов и улиц. Даже ты в своей юрте можешь себе сделать асфальтовый пол вместо земляного. Будет всегда чисто, и блохи не будут водиться, а то у вас в юртах эти кровопийцы часто спать мешают.

— Но как же тогда огонь в юрте разводить? Ведь асфальт загорится под очагом!

— Под очагом и не делай асфальта, а только кругом, вот и все!

На огонь мальчики захотели повесить котелок для чая, они уже сбегали на холм и набрали чистой воды в яме. Но Лобсын не позволил вешать котел.

— Его кругом закоптит, и мы все перепачкаемся, как трубочисты,— поддержал я.

— Хворосту наберите, ребята, здесь кустов сухих много. А асфальт будем жечь ночью, в этих логах, наверно, волки водятся.

Коней мы пустили пастись, но корм в долине был плохой, кое-где мелкая трава небольшими щетками, кое-где пучки чия. Долго стоять на этом месте не приходилось.

После обеда мы пошли пешком дальше по долине, чтобы осмотреть другие холмы. Они тянулись в ряд на некотором расстоянии один от другого, одни были немного больше и выше, чем первый, другие меньше и ниже, но все того же, в общем, вида. На вершине двух или трех мы также видели яму с водой и пленкой густой нефти, стекавшей ручейком, а на других таких ям не было, хотя они состояли из того же темно-серого асфальта. На них выделение воды с нефтью давно прекратилось, канал из глубины, по которому поднималась вверх вода с газом и нефтью, очевидно, закупорился,— они были мертвые. На них не было и таких свежих зеленых кустов, как на тех, где выделение еще шло, а только кусты обычного вида, как на дне и склонах долины.

Последний холм этой цепи, поднимавшийся там, где долина сильно расширилась и почти исчезла на пологом подножии Джаира, оказался очень плоским, но высо-

ким, не менее 35—40 сажен высотой, тогда как остальные поднимались только на 5—7 сажен над дном долины. Он также был мертвый, без выделений воды, но зато представлял огромный запас асфальта — в сотни тысяч пудов.

Обойдя холмы, мы пошли назад к палатке. По дороге я заметил несколько дзеренов, которые паслись в боковом логу и при виде нас отбежали в сторону. Двустволка у меня была на спине, и я решил добыть свежего мяса. Место было удобное, чтобы подкрасться поближе. Я пошел быстро по следующему логу и взобрался на гребень, отделявший его от лога, в котором были антилопы, а Лобсын остался на прежнем месте, чтобы отвлекать на себя внимание животных. Их было пять. Они подвигались медленно, то пощипывая траву, то останавливаясь, чтобы посмотреть, не преследует ли их Лобсын. Я лежал на гребне за кустом и выжидал, когда они подойдут на верный выстрел. Ружье было заряжено крупной картечью. Когда передовой дзерен остановился против моей засады, я выстрелил; он подскокил, сделал несколько прыжков и упал. Остальные понеслись огромными скачками на противоположный склон лога и исчезли. Я подошел к упавшему: это был старый самец с большими рогами. Скоро подбежал Лобсын, и мы потащили добычу к палатке. Ужин вышел на славу — густой суп и шашлык.

— Сегодня счастливый день для нас, Фома,— сказал Лобсын,— и клад нашли, и мяса добыли на весь обратный путь до города.

Когда стемнело, мы развели большой костер из кусков серого асфальта. Костер пылал так жарко, что нам пришлось сидеть подальше от него, а весь холм, долина и ее склоны были ярко освещены. Мальчики приняли большое участие в питании костра, выламывая и притаскивая новые куски асфальта. Было тихо, и столб черного дыма поднимался высоко вверх.

— А знаешь ли, Лобсын,— сказал я,— я полагаю, что черный камень, который мы взяли из жил в Городе Нечистых духов, тоже асфальт. Он горит и дымит, как этот, и воняет точно так же. Это не уголь, как думают калмыки.

— Они ведь и этот называли земляным углем. И если этот будет асфальт, так и тот, конечно, также. Только там его немного и возить в Чугучак дальше, а здесь много и возить ближе,— заявил Лобсын.

— И там его нужно добывать из глубины горными работами, а здесь бери его прямо из холмов и наваливай в телеги или на верблюдов,— прибавил я.

— Пожалуй, караулить не нужно сегодня, Фома. Огонь такой, что волки близко не посмеют подойти. Только время от времени нужно подбрасывать камень в огонь.

Я согласился с этим, и мы легли спать — мальчики в палатке, а мы вблизи костра, чтобы, просыпаясь, поддерживать огонь. И хорошо, что сделали так. После полуночи начался ветер; горевший спокойно костер стало раздувать, и хотя он был шагах в пяти от палатки, но пламя, извиваясь, начало угрожать ей. И если бы Лобсын не проснулся от хлопанья палатки и не отбросил горящие плиты в сторону, мы могли лишиться и палатки, и всех наших вещей, а мальчики — обгореть.

Утром мы наломали еще несколько плит, чтобы загрузить одну вьючную лошадь полностью асфальтом, и поехали вдоль цепи холмов на запад. Когда серые холмы кончились, местность стала более живописной; миновав еще холмы со слоями ярко-красных, желтых и шоколадно-бурых цветов, мы выехали в широкое сухое русло, которое тянулось из Джайра, и повернули вверх по нему. Его окаймляли сначала длинные яры с теми же цветными слоями, а дальше бросились в глаза две отдельные скалы, похожие на башни, поднимавшиеся среди русла; на каждой из них виднелся ясный, довольно толстый черный слой, словно пояс.

— Смотри, Фома, еще асфальт! — крикнул Лобсын, ехавший впереди каравана, тогда как я замыкал его.

Мы подъехали к башням, спешили и осмотрели черный слой.

— Это, пожалуй, настоящий земляной уголь,— сказал я, осмотрев кусок, выломанный из слоя. — Он не похож на тот, который мы взяли в городе; он не такой блестящий и легко щепится, как гнилое дерево.

Мы взяли несколько кусков этого угля на пробу.

— Только немного его! — заметил Лобсын. — Слой не толстый, всего две-три четверти, и много ли в этих башнях — десятка два-три пудов, не больше.

Дальше вверх по руслу пошли в берегах менее яркоцветные слои, которые, размытые водой и обвеваемые ветрами, образовали разные интересные формы — в одном месте косую башню желтого цвета, разные карнизы, фигурки, кочки. Мальчики восхищались разнообразием форм, но по сравнению с тем, что мы видели в Го-

роде Нечистых духов, здесь все было живописно, интересно, но мелко.

А затем эти пестрые яры сменились холмами самого Джаира, и в русле появился ручеек, который привел нас к небольшому оазису — роще тополей и кустов с зарослями тростника вокруг нескольких ключей, вытекавших из ямок среди зелени.

— Это — ключ Турангы-Бастау (то есть топольный ключ), — сказал Лобсын. — Здесь я один раз был. Нужно остановиться — пообедать и подкормить коней, которые вчера у асфальта остались почти голодными. Дальше до позднего вечера ни воды, ни корма не будет.

Мы, конечно, остановились и развели огонь, развьючили коней, пустили их пастись. После сытного обеда мы развесили оставшееся мясо дзерена вялиться на солнце. Мальчики побежали по роще и по окружающим холмам в надежде увидеть зайцев или дзеренов. Когда они вернулись, мой приемыш Очир сообщил:

— Видели только двух зайцев и еще одно огромное обо. Его, вероятно, великаны или нечистые духи сложили из огромных камней. Пойди посмотри, это недалеко.

Мы отправились втроем, сын Лобсына остался при палатке и лошадях. Среди холмов вблизи русла, ниже рощи, у ключей один холм действительно имел странный вид. На его склонах были рассеяны валуны, большей частью круглые, как шары, и в поперечнике около аршина, совершенно черные и слегка блестящие, а вершина холма представляла кучу из нескольких таких же валунов, похожую в общем на обо, которые монголы сооружают на перевалах и на вершинах некоторых гор и холмов. Каждый монгол, поднявшись на перевал или такую вершину, считает долгом увеличить кучу еще одним камнем, поднятым поблизости, либо воткнуть в кучу палку и навязать на нее или на торчащие уже палки тряпочку, оторванную от одежды, или пучок волос из хвоста своей лошади. Все это — жертва горным духам за благополучный подъем на перевал либо вершину. Но это обо, конечно, не могли соорудить люди: каждый валун, из которых оно состояло, даже несколько человек не могли бы поднять, не то что унести на холм. И Лобсын подтвердил слова мальчиков, что это обо сложено нечистыми духами.

— Недаром же мы видели по дороге башни, карнизы, кочки странной формы, похожие на то, что было в том городе нечистой силы. И здесь нечистые духи шалили, чтобы смутить проезжего человека, — сказал он.

А я не мог объяснить ему толком, как образовались это обо и эти формы камней¹.

После отдыха мы поехали дальше вверх по тому же сухому руслу.

— Это русло,— объяснил Лобсын,— режет всю южную цепь Джаира, которую к востоку от него называют горы Чингиз, а к западу — горы Кыр. Последние тянутся до станции Сарджак на тракте из Чугучака в Шихо, по которому мы ехали с немцами.

Русло представляло ленту, усыпанную песком и галькой, шириной от 20 до 50 шагов, врезанную в горы Джаира, образовавшие его берега. По бортам русла местами росли мелкие и крупные кусты, но воды нигде не было. И казалось странным, как это длинное русло могло образоваться без помощи текучей воды.

— Неужели здесь никогда не течет вода? — спросил я.

— Ранней весной, когда тают снега, здесь воды довольно много бывает,— ответил Лобсын.— И летом, если разразится очень сильный ливень, вода бежит бурным потоком, но недолго, сбежит вся и опять сухо.

Действительно, на пути по руслу я заметил, что некоторые кусты в его бортах повалены и частью засыпаны песком и галькой; это было доказательством того, что по руслу протекает вода со значительной силой.

Мы ехали часа три или четыре по этому руслу; наконец, оно кончилось вместе с южной цепью Джаира. Солнце уже садилось, когда мы добрались до небольшого ключа Ацилы-Бастау в верховьях русла между холмами, принадлежавшими уже второй средней цепи. Здесь был кое-какой корм для лошадей и топливо в виде кустиков по склонам гор.

— Ребята, нужно набрать побольше хвороста и аргала,— сказал Лобсын.— В этой местности могут быть волки. Сюда, говорят, иногда забегают куланы из равнины к югу от Джаира, а за ними может прийти к нам в гости и тигр.

— Зачем ты нас пугаешь! — заметил я.— У озера Айранкуль, где были большие камыши и где тигр действительно мог бы жить, ты ничего не сказал о нем. А здесь в эти голые холмы зачем он придет?

¹ Массивный гранит при выветривании иногда распадается на большие шары, которые в условиях пустыни покрываются черным блестящим «лаком пустыни», как и щебень, отражающий лучи солнца и луны, что уже отмечено несколько раз в этой книге.— *Прим. автора.*

— За куланами, он их очень любит,— оправдывался Лобсын.

— Ну, надеюсь, ни куланов, ни тигра мы не увидим,— возразил я.— А костер, конечно, ночью будем поддерживать по очереди. Волки могут напугать наших коней.

Мы так и поступили. До полуночи по очереди по одному часу караулили мальчики, а потом до рассвета по полтора часа один из нас. Огонь поддерживали небольшой, однако когда вой волка раздавался ближе, лошади начинали похрапывать, а собака лаять, подбрасывали топлива. Но в начале лета ночи короткие, и в три часа уже светает. Мне пришлось караулить с двух часов, и через час я уже отпустил лошадей пастись, а сам оставался вместе с собакой вблизи них, имея наготове ружье. Это оказалось не лишним, так как на вершине соседнего холма показался волк, подбирившийся к лошадям. На посветлевшем уже фоне востока я различил его силуэт, собака залаяла. Я вскинул ружье и выстрелил, но было далеко, и картечь, вероятно, только шлепнула по шкуре на исходе полета, и волк скрылся.

На следующий день к вечеру прибыли к юртам Лобсына в верховьях этой реки Дарбуты. Лобсын оставил там сына и одну лошадь. Вся его семья и соседи целый вечер слушали его рассказ о наших приключениях, о городе и обо нечистых духов, возбуждившем большой интерес и разнообразные объяснения, о холмах и жилах асфальта и жидкой нефти. Я забыл упомянуть, что, пока мы ходили осматривать холмы, мальчики набрали бутылку этой нефти, терпеливо собирая ложкой черную пленку, когда она всплывала на поверхность воды в яме на вершине первого холма. Эта бутылка теперь переходила из рук в руки, нефть нюхали и пробовали пальцем на вкус. Асфальт из города и из холмов также был осмотрен и опробован как топливо.

Два дня спустя по знакомой дороге мы прибыли в Чугучак и явились к консулу, чтобы рассказать о полной неудаче раскопок в городе и показать образчики асфальта и нефти. Описание города показалось ему сначала выдумкой, и он несколько раз переспрашивал и заставлял повторять некоторые подробности для проверки, пытаясь поймать нас на противоречиях. Но мы описывали так подробно и согласно, что ему пришлось поверить. Объяснение форм города силой нечистых духов он поднял на смех, чем очень смутил Лобсына, который,

несмотря на многолетнее общение со мной и другими русскими, в глубине души все еще сохранял веру в добрых и злых духов и в их власть над человеком. Консул высказал предположение, что этот город — редкое по своеобразию создание сил природы, а не человека, чем вполне объясняется неудача наших раскопок.

Открытие асфальта и нефти его очень обрадовало, и он сказал, что в будущем оно получит большое значение. Он посоветовал мне испробовать, годится ли привезенный асфальт для заливки пола в моем доме. А в случае удачи обещал дать нам заказ на доставку партии асфальта, чтобы залить весь двор консульства и пол казармы его казаков.

Поэтому я раздобыл старый котел вместимостью в два ведра и растопил часть асфальта из холмов, прибавив, по совету консула, еще песка, покрыл расплавленной массой пол в моей кухне, предварительно выровняв его. Пол вышел не совсем ровный, так как мы не сумели выгладить массу как следует, пока она не затвердела. Но консул после осмотра остался доволен и заказал Лобсыну доставку асфальта. Так как лето было еще в разгаре и времени до снаряжения нашего торгового каравана было достаточно, Лобсын нанял в Чугучаке несколько телег и проехал по китайскому тракту в Шихо до станции Сарджак, откуда вдоль подножия Джаира можно было пробраться к асфальтовым холмам. Это было дальше, чем наш обратный путь через Джаир, но зато по колесной дороге. Проезд туда и обратно, включая добычу и нагрузку асфальта, занял две недели, и доставленного материала хватило на выполнение заказа консула. Когда у последнего вся работа была выполнена удовлетворительно, консульство посетил и амбань Чугучака, прослышавший о новом способе; он остался доволен и заказал Лобсыну доставку асфальта для двора и служб своего ямыня. Лобсын выполнил и это до отправки торгового каравана. Таким образом, наша «авантюра с раскопками», как ее назвал консул, послужила на пользу Чугучака и Лобсыну дала хороший заработок.

Мы открыли довольно большое месторождение не совсем чистого (с примесью песка, нанесенного ветрами) кира, или асфальта, на южной окраине горной цепи Джаир и там же выходы густой жидкой нефти в нескольких местах на вершинах холмов, сложенных из этого кира, и второе месторождение жильного асфальта в Городе Нечистых духов на берегу реки Дям. В обоих

местах, как объяснил мне консул Соков, можно было предполагать присутствие нефти на глубине¹.

Эти наши открытия асфальта, которые были сразу использованы для благоустройства города, а также нефти, которая могла обеспечить ему в будущем лучшее освещение, чем сальные китайские свечи, заставили меня задуматься над вопросом: а что же ты, Фома, до сих пор сделал для других за многие годы своей жизни? Много лет занимался ты развозом красного товара по улусам и монастырям Монголии и Синьцзяна, снабжал им бездельников лам и тружеников аратов и зарабатывал деньги московским толстосумам и, конечно, себе и семье своего компаньона Лобсына. Вот и вся твоя работа на пользу общую! Ну, еще помогли мы немцам раскопать древности в развалинах близ Турфана и этим доставили какую-то пользу науке, хотя только немецкой. А вот для своей родной России, за лучшие условия жизни народа которой пострадал твой отец, сделал ты что-нибудь, Фома? Как будто ничего. Поселился на китайской земле и, кроме доставки красного товара и всяких житейских мелочей монголам, ничего еще полезного не сделал. Только эту находку асфальта и нефти, которую консул так расхвалил! И впредь нужно будет не только древности раскапывать в развалинах древних городов и отправлять их в Академию на пользу отечественной науки, но и присматривать, не попадутся ли опять какие-нибудь клады разных ископаемых, асфальт, уголь земляной, руда железная или медная на благо людям.

Эта мысль меня успокоила, и я решил заняться при развозе красного товара собиранием сведений не толь-

¹ Предположения консула были совершенно обоснованные. Выходы густой нефти у подножия Джаира в нескольких местах, превращавшейся при затвердевании в кир, или асфальт, доказывают присутствие на глубине, в толще горных пород, месторождений жидкой нефти, которую и добывают, проводя в толщу пород буровые скважины и выкачивая по ним насосами эту нефть. По появлению нефти на поверхности земли в разных местах были открыты уже давно первые месторождения нефти на Кавказе, в Северной Америке. Жилы чистого асфальта в Городе Нечистых духов, открытые Фомой и Лобсыном, также доказывают наличие на глубине нефти, которая поднималась по трещинам пород в нескольких местах до земной поверхности, заполняя эти трещины и превращаясь при затвердевании в асфальт, более чистый, без примеси песка, который ветер приносил на холмы у южного подножия Джаира. Последние мне указал мой проводник Гайса Мусин, знавший их потому, что монголы собирали вытекавшую из них густую нефть в качестве лекарства и для смазки осей у телег, а жилы асфальта мы открыли при изучении эолового города на реке Дям.— *Прим. автора.*

ко о древностях в развалинах, интересных для русской науки, но и об ископаемых всякого рода, которые пригодятся народу. А на старости лет — вернуться на родину и там устроить что-нибудь полезное, построить школу, что ли, либо больницу на окраине Алтая, где их почти нет.

КЛАДЫ В МЕРТВОМ ГОРОДЕ ХАРА-ХОТО

До этого времени мы в компании с Лобсыном водили свой торговый караван не дальше городов Кобдо и Улясутай и продавали товар главным образом у монгольских монастырей, к которым постоянно приезжают монголы-богомольцы. Торговали также непосредственно в улусах, где и скупали сырье для доставки на обратном пути в Чугучак.

Мы ездил обычно вверх по долине реки Эмиль, переваливали в долину Кобу, по которой шли до озера Улюнгур и затем вдоль реки Урунгу, за которой переваливали через Монгольский Алтай по большой караванной дороге в Кобдо. В рассказе о нашей поездке к закрытому золотому руднику я описал значительную часть этого пути, так как впервые увидел его днем. Это может показаться удивительным, но дело в том, что торговый караван совершает свои переходы главным образом ночью, так как короткие осенние и зимние дни почти полностью заняты пастьбой верблюдов. Выступает караван вскоре после заката и идет всю ночь почти до рассвета; днем каравановожатые спят, готовят себе пищу, а верблюды после отдыха пасутся. Ночью в поисках корма они бы разбрелись далеко по степи, могли бы подвергнуться нападению волков или конокрадов, тогда как днем они всегда на виду и их можно быстро собрать для вьючки.

После доставки груза асфальта из открытых нами холмов в Джаире по заказу амбана Чугучака Лобсын зашел ко мне и сказал между прочим:

— Знаешь, Фома, надоело водить караван все по тем же местам. Поведем его в этот раз еще куда-нибудь.

— Ну, брат, водить караван с товаром по незнакомым местам и дорогам рискованно. Это не то что наши поездки налегке, где мы рискуем только нашими конями.

— Ишь ты, какой боязливый! Мало мы с тобой объездили мест, всякие приключения испытали! — возразил Лобсын.

— Куда же ты надумал ехать?

— Поведем караван так: с большой дороги вдоль Алтая повернем через Гоби на юг в город Баркуль, а оттуда пойдём прямо на восход к реке Эдзин-Гол в кочевья торгоутского вана. Увидим много новых мест, заведем знакомства.

— На реке Эдзине, слышал я, живут очень бедные монголы, у них скота мало, а их ван захудалый. Мы наш товар не продадим там полностью.

— Видишь ты, это — монголы моего племени. Наши прадеды с Эдзина пришли сюда с Чингисханом; поэтому нас и называют калмыками. Мне охота свою настоящую родину посмотреть.

— Вот оно что! А я и не знал, что ты не из здешних монголов.

— Здешние все оттуда пришли. Но еще я узнал, что вблизи Эдзина в пустыне, среди песков, развалины большого города Хара-Хото находятся.

— Полюбились тебе раскопки, что ли? Ведь на реке Дям в развалинах, куда ты меня водил, мы ничего не нашли. Может быть, и на Эдзине такой же обман окажется.

— Нет! Хара-Хото настоящим городом был. Это мне объяснил секретарь амбана. В китайских книгах этот город описан, люди жили там шестьсот лет тому назад, и из города шла большая дорога на восход к реке Хуанхэ и в Пекин. В книгах написано, почему город запустел. Он стоял на одном из рукавов реки Эдзин, и во время какой-то войны неприятели запрудили реку и отвели воду в другой рукав. Город остался без воды, а население разбежалось или вымерло. Там, наверно, много хороших вещей осталось, которые люди не смогли унести с собой.

— Ну что же, если так, рискнем. Часть товара продадим по дороге туда, остальное на Эдзине. Обратное повезем, что накопаем. А сколько времени пробудем в пути?

— Как всегда, месяца два с половиной — три, не больше. Возьмем с собой обоих парнишек, пусть приучаются к работе, а нам веселее будет.

Уговорил меня компаньон, любитель новых мест и приключений. Время было уже в конце июля, и можно было начинать сборы. Лобсын уехал домой, с тем чтобы недели через две прибыть с десятью верблюдами, провиантом и сыном.

Я побывал у консула и сообщил ему о нашем пла-

не. Он напомнил о планомерности раскопок, отдал мне инструменты, которые я вернул ему после неудачи в городе на Дяме, посоветовал заказать пару бочонков для воды, чтобы иметь запас ее для людей и коней.

— На вашем пути теперь безводные места будут,— сказал он,— придется несколько раз ночевать без воды.

Десятого августа вернулся Лобсын, а пятнадцатого мы выступили. Но так как дни были еще жаркие и длинные, мы решили переходить к ночному передвижению постепенно: выступать с ночлегов около полуночи и идти часов до одиннадцати утра; таким образом, мы были в пути только в утренние, более прохладные, часы, чтобы не утомлять верблюдов, у которых в конце лета новая шерсть еще короткая и при движении в жаркие часы с тяжелыми выюками на спинах легко образуются ссадины и затем раны.

Наш караван имел такой вид: впереди на лошади ехал Лобсын и вел цепочку из одиннадцати хороших верблюдов. Девять из них были навьючены товарными тюками, десятый — головной — нес бочонки для воды, палатку и одежду; на нем ехал сын Лобсына Омолон; последний верблюд вез запас провианта и наши вещи во выючных сундучках; на нем восседал мой приемыш Очир. Я ехал на лошади то сзади всего каравана, то сбоку, то подъезжал к Лобсыну для беседы, — это днем, а ночью всегда ехал позади. На шее последнего верблюда висел большой колокольчик, так называемое ботало, издававший при движении верблюда равномерный нечастый глухой звон. Поэтому Лобсын всегда слышал, идет за ним весь караван или же часть почему-либо остановилась, и тонкая шерстяная веревочка, которая одним концом привязана к палочке, продетой через ноздри верблюда, а другим — к седлу идущего впереди него, оборвалась. Как только прекращается звон, вожак останавливается и ждет, чтобы его спутник, едущий сзади или сбоку, восстановил связь. Время от времени вожак сам останавливается на несколько минут, чтобы дать верблюдам отдохнуть, чтобы перекинуться словами со спутником насчет времени, дороги, погоды, близости остановки, выкурить трубку.

В таком порядке без особых приключений и затруднений мы шли день за днем по 40—50 верст в зависимости от характера дороги, прошли долины Эмиля и Кобу, обогнули озеро Улюнгур и вдоль подножия Алтая по долине реки Урунгу до речки Алтын-Гол, где остановились раньше обычного. Лобсын уговорил меня съездить

вверх по этой речке к запрещенному руднику. Ему хотелось узнать, как вспоминают караульные ночное происшествие, которое мы устроили им три года тому назад, и какую легенду они сочинили.

Оставив мальчиков в стане у палатки, мы съездили к руднику. Караульные были уже новые, а вход в рудник закрыт не жердями, как раньше, а прочно и сплошь бревнами. Угощая нас чаем, караульные рассказали, что те, которых они сменили год назад, с ужасом описали им воскрешение двух хищников, убитых когда-то в руднике и вышедших к ним ночью. Они были так напуганы, что два дня не возвращались к своим юртам, а ночевали со скотом у караванной дороги. Один из них ездил к монгольскому князю сообщить о происшествии и вернулся с приказом прочно заделать вход в штольню рудника. Поэтому им пришлось добывать бревна, вырубая их в лесу в глубине Алтая на расстоянии целого дня пути, и вывозить их волоком по одной штуке к руднику. Эта работа заняла у них целый месяц.

— Теперь мертвецы уже не выйдут из рудника, что бы пугать нас! — закончил рассказчик.

— А через верхний вход они разве не могут выбраться? — спросил я нарочно.

— Откуда ты знаешь, что в рудник можно попасть и с гребня горы? — с тревогой спросил караульный.

— Лет пятнадцать назад, когда караула еще не было, я бывал здесь и лазил по всему руднику, сверху до низу. Видел много золота. Жаль, что оно лежит здесь без пользы для людей.

— Это золото принадлежит богдыхану, и он бережет его на случай большой войны с иностранными чертями, — заявил монгол наставительно.

Он, конечно, прежде всего спросил нас, кто мы, откуда, куда и зачем едем, и при прощании сказал:

— Вы едете по дороге в Гучен? А знаете ли вы, что недалеко от нее, отсюда в одном переходе, лежит священный камень, упавший с неба? Многие люди, едущие по этой дороге, свертывают с нее, чтобы поклониться этому камню.

Эти слова, конечно, очень заинтересовали нас, и мы расспросили подробно, как найти камень. Узнали, что камень огромный, величиной немного меньше юрты, что над ним выстроена крыша и стены, так что его снаружи не видно. Лежит он среди равнины недалеко от горы Ошке, мимо которой проходит дорога в Гучен, и называется он Кумыс-Тюя (то есть серебряный верблюд).

Мы поблагодарили караульных за эти сведения и вернулись в свой стан.

На караванную дорогу из Кобдо в Гучен мы вышли немного выше впадения речки Алтын-Гол в Булган и повернули по ней на юг. Дорога из долины Булгана поднималась постепенно все выше по северному склону цепи Кутус-Алтая и после плоского перевала спустилась полого к источнику Кайче. Со спуска можно было уже увидеть на южном горизонте снеговую цепь Тянь-Шаня, еле видную невооруженным глазом. Нужно заметить, что этот первый переход по незнакомой дороге мы делали днем. Освещенная лучами заходящего солнца, на цепи Тянь-Шаня резко выделялась высокая конусообразная вершина Богдо-Улы.

Следующий переход мы сделали днем, чтобы не пропустить поворот к камню Кумыс-Тюя. Дорога шла по щебнистой пустынной равнине, шириной в 6—8 верст, ограниченной с запада кряжем Аржанта, а с востока — грядой Джаманты. Почва была покрыта мелкой травой, плоские впадины представляли солончаки с мелкими кустиками солянок и хармыка; кое-где видны были и крупные кусты тамариска; некоторые впадины белели от соли, покрывавшей почти все дно их. Очевидно, сюда еще попадала весенняя вода при таянии снегов на Алтае и пропитывала почву. Кое-где поднимались небольшие холмы, и возле них я, к удивлению, различил стены небольших фанз и загородки из хвороста для скота. Но не видно и не слышно было ни людей, ни животных.

— Это — зимовки наших монголов-торгоутов, — пояснил мне Лобсын. — Здесь зимой можно жить, кормов довольно и есть соль, которую скот любит.

— А где же вода, где колодцы? — спросил я.

— Зимой воды не нужно. Снег под Алтаем выпадает часто, во впадинах долго держится. Вот тебе вода для людей и для скота. Люди живут здесь полгода, с ноября до апреля. Когда снега сойдут, монголы перекочевывают на Булган.

Я вспомнил, что уже слышал о том, как кочевники зимой живут в безводных местах с хорошим подножным кормом, используя вместо воды снег, если он выпадает не слишком редко и в достаточном количестве. Такие места чаще всего бывают у южного подножия какого-нибудь горного кряжа или в долине среди его гряд.

Дальше на той же равнине зоркий глаз Лобсына усмотрел какое-то небольшое строение, и вскоре мы уви-

дели тропу к нему, отделившуюся от большой дороги. Она представляла несколько параллельных дорожек, вытопанных верблюдами и ясно выделявшихся более светлым цветом и значительно меньшим количеством щебня на темном фоне равнины.

Часовня или постройка над священным камнем представляла деревянный с конической крышей сруб, в котором было вырезано отверстие более квадратного аршина. Оно и позволило рассмотреть камень, лежавший прямо на земле. Он имел больше сажени в длину и немного меньше в ширину, крутые и неровные бока и поднимался над землей на восемь-девять четвертей. В нескольких местах у него были оббиты, вероятно, более острые края или уголки, и можно было видеть, что он состоит из блестящего серебристо-белого металла, тогда как вне этих мест он имел темно-бурый цвет и мелкошероховатую поверхность. Таким образом, было ясно, что этот будто бы упавший с неба камень состоит из какого-то металла, но только не серебра, так как цвет на оббитых частях был не серебряный, а скорее стальной. Я кое-что читал о падающих с неба камнях, называемых метеоритами, и потому вынул свой карманный компас, который консул дал мне для ориентировки при съемке плана зданий на раскопках, отпустил стрелку и увидел, что камень сильно притягивает ее к себе. Куда я ни поворачивал компас, стрелка сейчас же одним концом показывала на камень. Следовательно, камень был магнитный и, очевидно, представлял железный метеорит, состоящий, как установлено наукой, из никелистого железа.

Когда я по возвращении рассказал об этом камне консулу, он справился в книгах и сообщил, что метеорит такой огромной величины (я его приблизительно обмерил) ни в одном музее Европы и Америки не имеется и вообще неизвестен в науке. Отбить от него хотя бы небольшой кусочек не удалось; у нас с собой была только кайла, а никаких выступов или углов, по которым можно было ударить, на камне не было,— все, что возможно, было уже сбито. Я, конечно, объяснил Лобсыну, что это за камень, и потом, когда мы ехали дальше, еще с полчаса мы рассуждали о падающих с неба камнях.

Возвращаясь к дороге, мы ехали теперь мимо горы Ошке, которая стояла одиноко среди равнины и была похожа на фигуру лежащего животного вроде большой собаки, но с головой, более похожей на человеческую.

За незаметным перевалом через плоскую грядку Туркара у южного подножия этих черных гор мы нашли несколько колодцев с пресной водой, глубиной только в полтора аршина и, к удивлению, с деревянным прочным срубом. Здесь мы остановились.

Следующий небольшой переход в восемь верст проходил сначала через пустыню Ламын-Крюм-Гоби, усыпанную черным щебнем, а затем по ущелью в низких горах Намейчю; среди него были колодцы, скорее ямы в полтора аршина глубиной, некоторые с деревянным срубом, с горьковатой водой, пахнувшей тухлыми яйцами. Здесь пришлось заночевать, так как дальше был большой безводный переход верст в шестьдесят.

Чтобы дать верблюдам хорошо отдохнуть, мы простояли в этом месте, несмотря на скверную воду, следующий день до трех часов пополудни и вышли с запасом воды в бочонках, напоив всех животных. Часа через полтора горы Намейчю кончились, и дорога пошла по черной пустыне, густо усыпанной мелким щебнем и почти без всякой растительности. Кое-где в плоских впадинках желтел небольшой кустик. Местами равнина горбилась маленькими гривками или поднималась низкими ступеньками. В одном месте, уже в сумерки, мы заметили вблизи дороги какие-то бревна длиной в пять-шесть сажен и толщиной больше аршина. Они были разбросаны по поверхности пустыни.

— Сделаем здесь привал часа на два, — предложил Лобсын. — Мы уже прошли третью часть перехода, сварим чай, дрова есть.

Мы уложили верблюдов возле одного из этих бревен, к другому привязали лошадей и, пока еще можно было рассмотреть, обошли это интересное место. Бревна оказались окаменевшими, мы надеялись развести огонек из этих неожиданно найденных в пустыне дров и сварить себе чай. Но они совершенно не горели, а под ударом кайлы рассыпались на крупные осколки, а не на щепу. Пришлось запивать сухари горьковатой водой из бочонка, высказывая догадки об этих странных огромных деревьях, которые когда-то выросли среди пустыни и потом почему-то погибли и окаменели.

Верблюдам и лошадям мы дали по пучку зеленого тростника, которым запаслись еще на Булгане на всякий случай, лошадям по ведерку воды и перед полночью пошли дальше. Убывающая луна светила довольно ярко, и можно было видеть, что часами двумя позже дорога спустилась в широкую котловину Бортень-Гоби,

усыпанную тем же черным щебнем, который местами был наметен бурями в маленькие грядки. Тремя часами позже слева от дороги остались плоские горы Паташань. Они оканчивались обрывчиками из розовых, зеленых и малиновых глин, очень красиво переслаивавшихся друг с другом. Мы могли разглядеть их потому, что уже светало. Мимо них мы шли часа четыре и заметили в одном месте толстый пласт черного земляного угля.

— Это уже не обман, как те дрова! — сказал Лобсын. — Наберем его немного, чтобы чай сварить!

Мы набрали несколько крупных кусков угля, так как боялись, что на следующей стоянке в пустыне топлива опять не будет.

Дорога скоро поднялась на невысокий яр и вступила в большие пески Гурбан-Тунгут, которые тянутся широкой полосой с востока на запад. Мы шли по пескам еще часа полтора и, наконец, остановились у колодца Хан-са-ху с солоноватой водой. Было уже часов десять утра, и солнце начало припекать.

После этого трудного безводного перехода нужно было дать хороший отдых нашим животным, и мы решили простоять здесь до следующего вечера, несмотря на плоховатую воду.

Уголь не понадобился, потому что на песчаных холмах росли мелкий саксаул, кусты байкалыча и трава абэлза, как назвал Лобсын эту растительность, которая дала нам достаточно топлива и нашим животным хороший корм. Но нам пришлось присматривать за ними, так как пески представляли длинные неровные гряды, между которыми тянулись ложбины, и пасущиеся животные могли незаметно уйти далеко от палатки. Очередной караульный взбирался на гребень гряды, достигшей от трех до пяти сажен высоты, и отсюда наблюдал за животными, пригоняя их назад, когда они уходили слишком далеко. Вечером мы, конечно, пригнали их к палатке, верблюдов уложили, лошадей привязали к кустам.

На рассвете я проснулся и вышел из палатки, чтобы пустить животных на пастбище. Недалеко от стоянки в ложбине я заметил трех пасущихся лошадей и удивился. Подумал, что ночью пришли какие-то путники, не заметили нашей палатки, прилегли где-нибудь среди кустов чия, а лошадей выпустили. Но почему наша собака не лаяла ночью? Неужели не почуяла чужих? Вернувшись в палатку, я сообщил Лобсыну, который

уже проснулся и обувался, что по соседству, очевидно, ночуют какие-то люди и что я поэтому не отпустил лошадей, так как недалеко пасутся чужие.

— Лошади! — воскликнул Лобсын. — А людей не видно? Если бы чужие люди были так близко, моя собака лаяла бы все время или хотя бы ворчала. Ты видел, наверно, диких лошадей. В этих песках они водятся, как мне сказывали. Бери ружье, может быть, удасться подойти на выстрел.

Мы вышли из палатки, но лошади за это время отошли дальше, вероятно услышали наши голоса. Лобсын, разглядев их, сказал:

— Наверно, дикие. Все три той же самой масти, небольшие, гривы короткие, хвост жидкий.

— А не куланы ли? — заметил я.

— Издали их нетрудно спутать, — подтвердил Лобсын. — Попробуем подкрасться ближе.

Говорили мы, конечно, шепотом и теперь стали пробираться почти ползком между кустами саксаула и пучками чия и, наконец, остановились шагах в сорока под защитой большого куста. Дальше прятаться было негде — местность открытая, кустики мелкие.

— Это не куланы, — прошептал Лобсын. — У кулана уши длинные, хвост совсем жидкий, как у осла, а вдоль спины по хребту идет черная полоса. А у этих полосы нет, хвост больше похож на конский. Должно быть, дикие лошади! Стреляй скорее!

— Но не домашние ли это, в самом деле? — сказал я, прицеливаясь. — Не наделать бы неприятности кому-нибудь.

Лошади уже почуяли близость врага, подняли головы, наострили уши и упорно смотрели в нашу сторону. Одна даже похрапывала, раздувая ноздри. Другая стояла почти боком, и я выстрелил в нее. Она сделала большой скачок и помчалась галопом, за ней обе другие.

— Промазал! — сказал с сожалением Лобсын.

— Нет, попал, но только второпях, наверно, по ошибке сунул в ружье патрон не с пулей, а с дробью. Пойдем, посмотрим.

От круглой пули должна была быть большая рана и на песке остаться много крови.

Мы тщательно осмотрели место, где лошади паслись, нашли свежий помет и только несколько капель крови. Очевидно, я выстрелил дробью и только немного поранил бок или ногу.

Так из-за торопливости нам не удалось добыть это редкое дикое животное Джунгарской пустыни¹.

Перед закатом мы пошли дальше и шли всю ночь по этим пескам, а утром вышли к небольшому китайскому селению Байдацао, расположенному на окраине песков, уже на ровной степи. Это был маленький оазис с сухими руслами, деревьями, зарослями чия и камышей. Сюда весной доходит снеговая вода из Тянь-Шаня, который теперь был уже хорошо различим на юге в виде высокой зубчатой стены. Над ней западнее поднималась двуглавая вершина Богдо-Улы, увенчанная полями снегов. Но и весь гребень стены был посыпан свежим снегом.

В селении удалось купить свинину, свежие булочки мо-мо и даже молоко. Китайцы подтвердили, что в песках Гурбан-Тунгут водятся дикие лошади. Они показали нам шкуру одной из них. На ней черной полосы вдоль хребта не было, как правильно сказал Лобсын.

От этого села оставалось еще верст двадцать до города Гучена. Но мы решили туда не заходить, а повернуть на восток и выйти там на большую дорогу в Баркуль. Ехали мы теперь без дороги по той же равнине с щебнем, на которой потом стали попадаться пригорки и грядки холмов, среди них ложки и котловины, кое-где небольшие ущелья. Попадались ключи с небольшими зарослями тростника, чия, шиповника, таволги, а в ущельях под защитой от ветров росла даже дикая яблоня с мелкими, но вкусными плодами. По этой местности без дороги пришлось идти только днем. На ключах мы

¹ По описанию Н. М. Пржевальского, дикая лошадь, открытая им в Джунгарской Гоби, несколько отличается от домашней, и поэтому нельзя думать, что это просто одичавшая домашняя. Рост ее средний, голова сравнительно велика, уши короче, чем у ослов, грива короткая прямостоячая темно-бурая, челки, характерной для домашних лошадей, нет; спинной ремень, то есть черная полоса вдоль хребта, характерная для ослов и куланов, отсутствует. Верхняя половина хвоста мохнатая без длинных волос, нижняя покрыта длинными черными волосами. Туловище чалого цвета, на нижних частях почти белое, а голова рыжеватая, конец морды белый. Зимняя шерсть довольно длинная, слегка волнистая. Ноги сравнительно толстые, передние в верхней половине беловатые, над коленями рыжеватые, далее вниз черноватые и возле копыт черные; задние ноги беловатые и возле копыт также черные; копыта круглые и довольно широкие. Держится в самых диких частях Джунгарской пустыни небольшими табунами от 5 до 15 экземпляров, пасущимися под присмотром опытного старого жеребца (*Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет на верховья Желтой реки. Изд. Русск. Геогр. общ. СПб., 1883, с. 41, с табл., Географиз. М., 1948, с. 47—48*).— *Прим. автора.*

два раза ночевали, а на третий день среди таких же горок начали попадаться люди. Возле каждого ключа можно было увидеть одну или две китайские фанзы, жители которых занимались земледелием — возделывали поля по дну долин и орошали их водой из ключа. Но чаще, чем обитаемые фанзы, встречались развалины, так как дунганское восстание не пощадило и этих колонистов на окраине пустыни.

В этот день мы вышли на большую дорогу из города Гучен в Баркуль, которая тянется вдоль подножия Тянь-Шаня по его мелким предгорьям, и повернули по ней на восток. Высокий хребет теперь был виден уже гораздо ближе, верстах в тридцати от дороги, и снега его манили к себе путника, которого донимала еще дневная жара, тем более что эти предгорья оказались более бесплодными, чем пройденная местность с ключами, здесь и вода попадалась гораздо реже. Но снега на хребте были не вечные, видно было, что они выпали недавно. Летом весь этот конец Тянь-Шаня лишен снегов. Дорога постепенно приближалась к нему, и на пятый день пути от первого китайского селения Байдацао, которое мы встретили на всем пути от Булунтохоя на озере Улюнгур, она резко повернула на юг к хребту, у подножия которого стоит Баркуль. Но проживать с караваном верблюдов в китайском городе невыгодно — нужно платить за корм всех животных. Поэтому мы остановились, три версты не доехав до Баркуля, на постоялом дворе небольшого селения, где была возможность выгонять верблюдов каждый день на пастбище в степь и покупать корм только для лошадей.

Скажу несколько слов о Баркуле. Он состоит из двух частей — восточной Чин-Син-фу, населенной маньчжурским войском, и западной китайской, или торговой, ее китайцы называют Паликон (переиначивая по-своему слово «Баркуль»). Каждая часть обнесена глинобитными стенами в виде четырехугольников с воротами, зубцами и башнями на углах и над воротами. Снаружи торговый город кажется больше, но внутри не все застроено, много пустырей. В центре — высокая башня с воротами, от которой идут три главные улицы на запад, север и восток. Восточная улица — самая длинная и представляет сплошной ряд лавок; бойко идет торговля и со столов на улице. В лавках много разных товаров, есть богатые лавки, каких я не видел ни в Кобдо, ни в Улясутае. Но на улицах и в переулках кучи мусора, лужи грязи или воды. Во всем городе нет ни одного дерева,

но вокруг него рассеяны фанзы с садами среди обширных огородов. К югу и востоку от военного города громадное кладбище и посреди него кумирня.

На постоялом дворе я расспросил хозяина, свободен ли въезд в город с караваном верблюдов для торговли. Я знал, что при въезде в китайские города с купцов взимают пошлины, размер которых определяется местным амбанем по его усмотрению.

— Я очень советую тебе не везти товар в город,— сказал хозяин.— Наш амбань очень алчный человек. С тебя возьмут большую пошлину, и, кроме того, когда ты там займешь лавку и разложишь товар, амбань придет к тебе, выберет все, что ему понравится, и заплатит за него сколько захочет или даже ничего не заплатит.

Это было досадно. Я знал, что в Баркуле русского консула нет, что это большой, но захолустный город на окраине огромной Гоби, и полагал, что именно поэтому амбань должен был поощрять торговлю. Но так как консула не было, я не мог найти никакой защиты от произвола амбаня.

— Вот что ты можешь сделать,— продолжал хозяин.— Поезжай в город налегке, я укажу тебе одну китайскую лавку хорошего человека. Ты расскажи ему, какой товар хочешь продать, и он придет сюда, отберет его и увезет в город как свой товар небольшими партиями. Но он много не купит, в городе товаров достаточно.

Слова хозяина очень нарушали мои планы, но предложение казалось мне приемлемым, и на следующий день я поехал с Лобсыном в город, отстоявший в нескольких верстах. Нужно заметить, что я во всех путешествиях носил монгольскую одежду и только сапоги русские, и так как лицо мое мало отличается от монгольского типа и я говорил по-монгольски свободно, то меня всегда принимали за природного монгола. Поэтому в воротах города, где останавливают приезжих и берут пошлину, нас свободно пропустили, убедившись только, что мы ничего не везем; очевидно, приняли за местных монголов, приехавших по делам. Указанную мне лавку на грязной и многолюдной улице города мы скоро нашли и сговорились с купцом, купили свежего мяса, китайских булок, печенья, винограда, яблок и слив и к обеду вернулись на постоялый двор.

Тюки с товарами занимали отдельную фанзу. Они были у меня так подобраны, что в каждом тюке были все сорта мануфактуры — ситец, сатин, миткаль, фла-

нель, даба, сукна разных сортов по одной-две штуки, чтобы не нужно было распаковывать сразу все тюки. Поэтому мы перенесли в фанзу, где жили сами, только два тюка, то есть верблюжий выюк, и развернули их.

Вскоре после обеда приехал купец, пересмотрел разложенный товар, отобрал все, что ему было нужно, сторговался за чаепитием и угощением и поехал в город за деньгами, обещая вернуться вечером с несколькими шаками, на которых он хотел привезти товар в город.

Но часа через два к нам в фанзу вбежал перепуганный хозяин и сообщил:

— Сюда едет сам амбань. Он, видно, как-то узнал про приезд русских купцов с товаром и хочет посмотреть его. Вот беда!

— Ты не говори про товар в другой фанзе,— попросил я.— Пусть он увидит только тот, что разложен здесь.

Наши верблюды, к счастью, были не на постоялом дворе, а паслись в степи под надзором мальчиков. По числу их амбань мог бы, конечно, заключить о крупной партии, потребовать показать весь товар, и сколько бы он ни захотел взять себе по дешевке или бесплатно, я бы ничего не мог сделать.

Немного погодя в ворота постоялого двора въехали два верховых солдата, за ними парадные носилки в виде будки на длинных палках, которые несли четыре человека, и еще два верховых, вслед за которыми нахлынуло все население поселка — мужчины, женщины и дети. Из будки вылез амбань — дородный китаец средних лет в парадном халате и курме с вышитым на ней фантастическим тигром, в черной шляпе с синим шариком, соответствовавшим его рангу начальника уездного города. Хозяин встретил его глубокими поклонами. Мы стояли у дверей фанзы и также поклонились.

Амбань вошел в фанзу, где уже было приготовлено кресло, в которое он и уселся; его сопровождал один из всадников, по-видимому, являвшийся секретарем, так как он принес сверток бумаги, кисть и бутылочку с тушью. В фанзу вошел также хозяин и остановился у дверей, которые снаружи заслонили собой солдаты, но-сильщики и любопытные, так что стало почти темно — в фанзе окна не было. Начался допрос.

— Кто вы такие и зачем приехали сюда?

Я подал наши китайские паспорта и заявил:

— Мы торговали в Урумчи и Гучене и продали там

почти весь товар. Остатки привезли сюда, чтобы сбыть их и ехать по монгольским кочевьям закупать сырье.

— На чем вы приехали? Где ваши животные?

— Мы привезли товар на китайской телеге из Гучена, а наши две лошади здесь, на дворе.

— Это правда? — обратился амбань к хозяину.

— Совершенная правда, далое (большой господин), они приехали вчера вечером, а телега сегодня утром уехала назад.

— Почему вы не приехали в город, а расположились с товаром здесь, в поселке?

— Мы думали, что продадим часть тут, а остальное привезем в город.

— Кто купит здесь дорогой русский товар? Может быть, десять — двадцать локтей купят, а в городе вы можете продать все. Ну-ка, покажите, что у вас есть!

Мы начали подносить амбаню по одной штуке всех сортов тканей. Он шупал и осматривал каждую, спрашивая, сколько аршин в штуке и какая цена, находил, что мы слишком дорого хотим, что товар неважный.

— Так и быть, я помогу вам расторговаться здесь, — заявил амбань наконец. — Отложите мне по две штуки каждого сорта. За привоз товара в город нужно уплатить десять процентов его стоимости, и еще десять процентов вы должны уступить мне.

— Подсчитай, сколько следует уплатить со скидкой двадцать процентов, — сказал он секретарю.

Последний начал записывать. Я приносил по две штуки каждого сорта и говорил, сколько в каждой аршин и какая цена. В общем он выбрал 12 сортов тканей, что составило 24 штуки — половину вьюка верблюда, причем более дешевые сорта браковал. Со скидкой в 20 процентов секретарь насчитал 400 китайских лан (то есть унций серебра), или на наши деньги 800 рублей с небольшим.

— Деньги я пришлю вам завтра утром, а товар возьму с собой, — заявил амбань, поднялся с кресла и величественно медленным шагом вышел из фанзы. Секретарь сказал солдатам:

— Собирайте товар, выбранный амбанем.

У солдат нашлись мешки и веревки, и они быстро составили три легких вьюка по два мешка с товаром в каждом и перекинули их через седла лошадей. Амбань, стоя возле носилок, проследил за этим, разговаривая с хозяином, затем уселся в будку. Носильщики подняли ее на свои плечи, и процессия в прежнем порядке вы-

ехала со двора. Любопытные еще остались и оживленно обсуждали происшествие, расспрашивая хозяина о нас.

Лобсын в фанзе вполголоса выражал свое возмущение произволом амбаня, а я утешал его тем, что мы еще дешево отделались.

— А если этот плут не пришлет деньги? — заявил Лобсын.

— Я думаю, что придет, побоятся обидеть русских купцов, которые через консула могут пожаловаться генерал-губернатору в Урумчи.

Под вечер приехал с четырьмя ишаками китаец, с которым мы сторговались. Он уже узнал о посещении амбаня, и, думаясь мне, сам сообщил ему по секрету о приезде русских купцов с товарами, чтобы быть у него на хорошем счету, не страдать от разных придирок этого вымогателя. Часть отобранного им ранее товара была забрана амбанем, но он согласился купить все, что осталось, с небольшой скидкой. Подсчитали и получили от него серебром еще 400 лан с небольшим. В сумерки он уехал, нагрузив своих ишаков, и сообщил мне на ухо, что, когда стемнеет, провезет товар в город, дав взятку караульным в воротах, которая, конечно, меньше пошлины, взимаемой днем, когда у ворот дежурит китайский чиновник.

К ночи вернулись с пастбища наши мальчики с верблюдами, и после тревожного дня мы спокойно поужинали пельменями с подливкой китайского черного острого соуса, изготовляемого из соевых бобов.

Утром амбань прислал со своим секретарем деньги, но не серебро, а бумажки. В то время в Китае государственных бумажных денег не было, но во многих городах крупные торговые фирмы и банки выпускали сами бумажные деньги, которые были в ходу только в данном городе и ближайших окрестностях; нередко среди них попадались фальшивые. Лобсын был возмущен, но я отнесся спокойно к этому поступку вымогателя, так как был почти уверен, что он не пришлет ничего.

Бумажные деньги нужно было израсходовать в городе. У нас освободился от вьюка один верблюд, и я решил закупить зерно для подкармливания лошадей и верблюдов, имея в виду плохой подножный корм в пустыне Гоби, которую нам предстояло пересечь на пути к Эдзин-Голу. Кроме того, не мешало купить китайских булочек, сухих фруктов, печенья, китайского сахара и зеленого чая для себя. В расчете на лавки Баркуля мы везли мало всего этого из Чугучака.

Поэтому я отправил Лобсына с одним из мальчиков в город за покупками, а зерно сторговал у хозяина постоянного двора в виде четырех мешков полевого гороха. В Китае не кормят лошадей и мулов овсом или ячменем; овса там вообще не сеют, а ячмень идет на изготовление дзамбы — поджаренной муки, которая у монголов заменяет хлеб. Это зерно животным заменяют горохом, который дают распаренным в горячей воде и часто пересыпают им мелко нарубленную солому, так как сено в Китае не известно из-за отсутствия лугов.

К обеду вернулся Лобсын с покупками. Паровые булочки мы немедленно разрезали на небольшие кубики, которые хозяин превратил в сухари на своей плите. На все покупки и зерно мы израсходовали меньше половины бумажных денег. Остальные приходилось сберечь в расчете, что мы обратно поедem опять через Баркуль и тогда израсходуем их или, если в этот город не попадем, спишем в убыток.

Теперь нам предстояло резко повернуть на восток и идти несколько дней еще вдоль подножия Тянь-Шаня, а затем пересечь горный узел кряжа Мэчин-Ула, который тянется на северо-запад, все более отдаляясь от Тянь-Шаня. Мы выступили утром, не заходя в Баркуль.

Дорога была ровная, твердая, справа виден был Тянь-Шань; покрытый свежим снегом, его гребень резко выделялся над темными лесами северного склона. Слева тянулась равнина вплоть до гор Мэчин-Ула, замыкавших горизонт. По дороге часто попадались обработанные поля, на которых кончали уборку второй жатвы, отдельные фанзы и селения, но последние большей частью представляли развалины после дунганского восстания. Дунгане не смогли взять Баркуль, но разорили окружающую страну.

Ночевали у развалин селения Хойсу на одноименной речушке, текущей с Тянь-Шаня и кончающейся болотцами и солончаками, недалеко от дороги. Такая же местность продолжалась и на следующий день, но вскоре от нашей дороги отделилась большая главная в город Хами, которая пошла правее и ближе к Тянь-Шаню и вела к перевалу через хребет. К востоку от перевала хребет немного возвышается, несет небольшие вечные снега и называется Карлыктаг. Мы продолжали идти вдоль подножия; фанзы, поля и селения попадались реже, а Мэчин-Ула уже значительно приблизился. Ночлег был близ деревушки Почжан на небольшой речке.

От нее дорога начала постепенно подниматься на плоский перевал; с юга тянулись горы Джанджан, передовая гряда Карлыктага, покрытые хвойным лесом, а с севера — скалистые безлесные горы совсем близкой цепи Мэчин-Ула, и на перевале между теми и другими осталось только пять верст промежутка. Но это не был перевал через какую-нибудь горную цепь; здесь только соединились «бэли» обоих хребтов. Бэлем монголы называют пологий длинный откос, точнее подножие, над которым поднимаются скалистые склоны каждого хребта пустыни. Эти подножия часто гораздо шире хребта, достигают пяти — десяти и больше верст в поперечнике и в разрезе похожи на плоскую крышу, над которой резко поднимается ее зубчатый конек.

Бэль состоит из продуктов разрушения хребта, вынесенных из него временными потоками, и представляет ровную степь с плоскими руслами этих потоков.

На перевале сомкнулись бэли Мэчин-Ула и передовой цепи Карлыктага, а за перевалом они начали расходиться, и дорога пошла вниз по бесплодной степи к обширной впадине озера Туркуль, где мы разбили палатку. Озеро соленое, без стока, по берегам даже садится соль, которую собирают монголы и таранчи Баркуля и Хами. Вдоль берегов — заросли чия, а там, где из-под откосов берега вытекают пресные ключи, образуются лужайки, густые чащи тальника. Мы остановились у ключей северного берега. На южном берегу за озером видны были юрты и пасшийся скот, а на восточном — фанзы селения таранчей.

По мелким горам хребта Мэчин-Ула и передовой цепи Карлыктага мы шли еще два дня через селение Тугурюк в селение Бай, где те и другие горы еще понизились и распались на группу холмов. Бай — последнее к востоку селение Баркульского округа на маленькой речушке, текущей с конца Карлыктага. Дальше до самого Эдзин-Гола совершенно безлюдная Гоби, бедная водой и растительностью. По ней кое-где разбросаны низкие гряды и группы холмов, а на продолжении Карлыктага, то есть Тянь-Шаня, тянутся скалистые кряжи гор с запада на восток, но не сплошной цепью, а разорванной, с более или менее широкими промежутками. В них или вблизи них попадаются небольшие оазисы.

От селения Бай мы уже намерены были перейти к ночным переходам и потому провели в нем целые сутки.

Лобсын в этом селе расспросил людей о предстоящем длинном пути через Гоби, о названиях гор, колод-

цев, характере дороги. Но на первый переход мы наняли в поселке проводника, чтобы в темноте не сбиться, так как от нашего пути ответвлялись еще дороги к Алтаю, на север, и в Сачжеу, на юг. Проводник ехал вместе с Лобсыном во главе каравана и по временам затягивал длинную заунывную песню, в которой он описывал все, что видно по сторонам, конечно, по памяти, так как в темноте решительно ничего нельзя было различить, кроме нескольких параллельных тропинок, вытопанных караванами в почве степи и чуть выделявшихся при свете звезд на более темном фоне. Ночью проводник ориентируется по звездам, помня их расположение в небе в разное время года.

Ночь была тихая и довольно холодная. Мальчики спали спокойно, укачиваемые равномерным шагом верблюдов и прикинув к мягкому выюку. Я тоже привык дремать, сидя в седле в хвосте каравана, просыпаясь при каждой остановке, когда ботало последнего верблюда замолкало. Так проходили часы в равномерном движении. Наконец, на востоке небо просветлело, и на его фоне стали ясно выделяться фигуры верблюдов. Утренний холод разогнал дремоту, я соскочил с седла и пошел пешком. Вскоре справа вдали вырисовалась низкая скалистая гряда гор; ровная степь с мелкими кустиками тянулась к их подножию, а слева она же растилалась до горизонта. Звезды начали уже меркнуть. Мало-помалу становилось светлее, восток порозовел; на гряде справа уже выяснились темные ущелья, седловины, обрывы скал. Взошло солнце прямо впереди каравана среди полосчатых тонких облаков, золотистых и розовых с зубчатыми краями. Тропинки нашей дороги тянулись до горизонта прямо к солнцу и упирались в его красный диск, словно в светлые ворота. Восходы и закаты в пустыне всегда чаровали меня своей красотой и сочетанием разных форм и красок облаков.

Становилось теплее по мере того, как солнце поднималось выше. Проводник опять запел, и, вслушиваясь в слова песни, я понял, что он просто фантазирует. По сторонам дороги, кроме почти ровной пустыни и скалистой гряды на юге, не было ничего того, что он описывал в своей песне. Так мы прошагали еще часа три, пока слева не появилась группа холмов, у подножия которых зеленая полоска выдавала наличие воды и корма. Проводник свернул к ней, и мы подошли к лужайке, на краю которой у склона холмов вытекал из трещины в камне большой ключ, заполняя впадину аршина два в

диаметре и в две четверти глубины, и извивался затем еще несколько шагов среди травы. Большое старое дерево поднималось по соседству, и вокруг него почва была опалена, усеяна пометом верблюдов и, очевидно, служила местом стоянок караванов. Мы расположились тут же на отдых на весь день, раскинули палатку, развели огонь, сварили чай, хорошо позавтракали. Потом отпустили животных на пастбище под присмотром мальчиков, которые выпались за ночь, а сами легли спать до послеполудня. Мальчики сварили обед и разбудили нас. Проводник после обеда уехал назад: едучи рысью, он мог поздно вечером вернуться домой.

После обеда мальчики, в свою очередь, прикорнули, а мы сидели возле палатки, греясь на солнце теплого сентябрьского дня.

— Проводник рассказал, — сообщил Лобсын, — что на этой дороге небезопасно. В одном месте в горах живет шайка разбойников, которая грабит китайских купцов. Ее начальник, как тебе покажется, Фома, лама, беглый, конечно; Черным ламой его называют. Монголов он не обижает, а у китайцев отнимает часть товаров, которые ему понравятся, и все деньги, сколько есть. Людей не убивает, если они не сопротивляются. Китайцы теперь боятся ездить по этой дороге, делают большой крюк в обход его логовища, но он их иногда настигает и там. Ездят эти разбойники на хороших скакунах — одногорбых верблюдах, от которых и добрый конь не убежит.

— Разбойник лама — это интересно, — сказал я. — Но если он монголов не трогает, то нам бояться нечего. Мы ведь оба все равно что монголы, а на китайских купцов совсем не похожи.

— Кто знает, Фома? Увидит, добрый караван, много товара, хороших верблюдов — пожалуй, захочет поживиться.

— Ну, бог не выдаст, свинья не съест, как говорится. Ехать нам нужно, объезда мы не знаем. Авось поладим с ламой, откупимся деньгами, которые получили в Баркуле.

В сумерки мы пошли дальше. Лобсын вел караван уверенно; дорога шла на восток прямо, как стрела; справа все время тянулись с перерывами скалистые низкие гряды.

На ночьлег остановились раньше, часов в восемь утра, у колодца, вырытого в сухом русле: корм был плохой, только для верблюдов, а лошадям пришлось дать

хорошую порцию гороха, подмешав к нему мелкой сухой травы и стеблей чия, которые мальчишки с трудом насобирали вокруг стоянки.

Предстоял первый большой безводный переход в пятьдесят верст, который трудно было сделать без остановки для отдыха. Поэтому мы снялись в четыре часа, наполнив бочонки водой и напоив животных. Шли до одиннадцати часов, затем остановились в пустыне, уложили верблюдов, не развьючивая их, сварили чай на привезенном аргале, дали верблюдам и лошадям порцию гороха, а последним также по ведру воды, и немного поспали, не разбивая палатки, растянувшись на земле. Ночь была тихая и холодная. Я долго лежал с открытыми глазами, любуясь звездным небом. Не слышно было никаких звуков, кроме тихого хруста гороха, который жевали животные, и изредка их фырканья. В этой пустыне, очевидно, не было ни волков, ни ночных птиц.

В два часа ночи поехали дальше. Несколько тропинок дороги хорошо выделялись даже ночью светлыми ленточками на черном фоне Гоби, которую мы увидели в ее мрачно величии, когда рассвело. Это была равнина, густо усыпанная мелким черным щебнем; она растилалась впереди и позади нас до горизонта. На юге она была ограничена вдали плоскими черными же холмами, а на севере уходила как будто до самого Алтая, который чуть виднелся на горизонте, выделяясь на темном еще фоне неба полоской снега на гребне. Нигде не видно было ни малейшего кустика. Это была такая же черная пустыня, как та, которую мы пересекли на пути от Алтая в Баркуль, но еще более обширная, так как там мы видели все время позади себя высоты Алтая, а впереди — снеговой гребень Тянь-Шаня.

Взошло солнце, но пустыня впереди не осветилась синими огоньками, так как мы шли против солнца, и она казалась еще мрачнее. Только оглянувшись назад, можно было видеть, как сверкали солнечные лучи, отраженные гладкими зеркальцами черного щебня. Наконец, часов в семь утра впереди показались пригорки, появились небольшие сухие русла и по их бортам отдельные кустики. К восьми часам дорога втянулась в плоские холмы и вышла в небольшую долину с лужайкой и кустами вокруг маленького источника. Трудный переход был окончен.

На этой стоянке мы несколько раз видели прилет бодуруков на водопой. Эта птичка, называемая так-

же пустынный, живет в пустынях Азии большими стаями в десятки и сотни штук. Она величиной с голубя, оперение буро-желтое с черными крапинами, брюшко белое. Особенно замечательны ноги, которые кончаются тремя короткими пальцами с мелкой чешуей и короткими когтями, похожими на копытца. Стая летит очень быстро, подобно урагану, резко приземляется, и птицы бегают, собирая семена пустынных растений, которыми кормятся. За день несколько стай прилетали, быстро пили воду из ручейка и разбегались по холмам и лужайке. На желтом с черным щебнем фоне пустыни их трудно заметить, если они прижмутся к земле. Все-таки мне удалось застрелить несколько штук, пока стая приземлялась. Это дало нам вкусный обед.

На следующем переходе дорога за холмами повернула на юго-восток и пересекла продолжение Тянь-Шаня по широкому промежутку между двумя грядками.

Около полуночи мы встретились с шайкой Черного ламы. Она внезапно вынырнула из темноты и состояла из пяти человек на сухопарых верблюдах. Они окружили Лобсына и, несмотря на его слова, что караван монгольский, повернули весь караван вверх по долине, взяв у Лобсына поводок первого верблюда. Двое подъехали ко мне и конвоировали справа и слева. Я завел с ними беседу, рассказал, кто мы, куда едем, какой товар везем. Один ответил: «Темно, не видно ни вас, ни товара. Поедем в наш стан, там лама, наш начальник, посмотрит вас».

Мы ехали с полчаса вверх по долине. Горы по склонам ее становились выше, долина суживалась и превратилась в ущелье, по дну которого струилась вода небольшого ручья. Потом мы въехали в довольно широкую котловину среди гор, повернули на запад (судя по звездам) и вскоре оказались у какой-то стены и через узкие ворота, едва пропустившие завьюченных верблюдов, попали в небольшой двор. Мне и Лобсыну предложили спешиться, верблюдов и лошадей увели в глубину двора, а нас повели внутрь здания.

Мы попали в комнату, тускло освещенную сальной свечой, стоявшей на низеньком столе, поставленном на широком кане, покрытом прекрасным хотанским ковром. Заднюю часть кана занимала постель Черного ламы, который уже проснулся и сидел возле столика. Высокий лоб, мало выдающиеся скулы, почти прямой разрез глаз и прямой нос с горбинкой выдавали, что это не монгол, а тюрк или тангут. Это подтверждала и до-

вольно большая и густая черная борода на смуглом лице.

Войдя в фанзу, мы молча поклонились; мальчики, испуганные ночным нападением, держались за нами, выглядывая сбоку. Лама кивнул головой и сказал:

— Садитесь, почтенные купцы!

Впереди кана на двух глыбах камня лежала кривая доска, на которую мы с Лобсыном уселись; мальчики стояли за нами.

— Кто вы такие, откуда и куда едете, какой товар везете? — спросил лама.

Я сказал, что мы русские купцы из Чугучака, едем на Эдзин-Гол, везем мануфактуру для обмена на сырье.

— Какие вы русские! Вы — монголы по лицу, по одежде! Почему вы выдаете себя за русских? Думаете, что Черный лама русских не обидит?

Я растегнул свой теплый халат и достал наши паспорта, выданные консулом и написанные по-китайски и по-монгольски с печатями чугучакского амбана.

Лама внимательно просмотрел их и сказал:

— Вижу, вы русские купцы. А зачем вы едете на Эдзин-Гол? Там монголы бедные, а товаром снабжают их китайцы из Сачжеу. Вы там мало что продадите! Вы бывали уже там когда-нибудь?

— Нет, мы едем в первый раз. Мы уже десять лет ездим с товарами по монгольским монастырям и кочевьям, захотели посмотреть и Эдзин-Гол.

— Оттуда можно попасть и в Куку-Хото и в Дын-Юань в Алашани, если не расторгуетесь у монголов. Только туда далеко и дорога трудная.

Отворилась дверь, и два человека втащили в фанзу один тюк с нашим товаром, быстро вспороли холст, в котором мануфактура была зашита, и подали ламе несколько штук ситцев, дабы, далембы.

— Есть ли у вас красное и желтое сукно для одежды лам, хорошая бумазея и китайские шелковые ткани? — спросил лама.

— Сукно такое и бумазею имеем, но шелковых тканей не возим, ими снабжают монголов китайские купцы, — сказал я.

— Несколько штук сукна и бумазеи я у вас возьму, достаньте их.

— Они в другом вьюке, который назначен для монастырей, а в этом их нет. Ночью трудно будет найти тот тюк.

— Ну, так вы, русские купцы, переночуйте у меня.

Фанза у меня есть, как чистый. Утром достанете, что нужно. Отведите гостей в другую фанзу и дайте им чаю,— приказал лама своим помощникам.— Вы не опасайтесь ничего, русские купцы! Черный лама не разбойник,— прибавил он.— Можете спать спокойно. Только у нас нет корма для лошадей. До утра они постоят, вы бы все равно до рассвета ехали, не так ли? Идите.

Мы поклонились и вышли вместе с обоими помощниками. Они провели нас по двору, открыли дверь и впустили в небольшую фанзу. Один из них начал высекать огонь, раздул фитиль и зажег огарок сальной китайской свечи, которую вынул из кармана. Фанза была чистая, как также был покрыт ковром.

— Нам надо бы достать наши вещи с вьюка,— сказал я провожатому.

— Пойдем, достанем все, что вам нужно.

При свете свечи мы увидели, что один из разбойников — типичный монгол, а другой — тангут или тибетец.

— Фома, останься здесь с мальчиками, а я пойду с ними за вещами,— заявил Лобсын.

Он ушел с тангутом, а я остался с монголом и спросил:

— Нам говорили, что вы монголов не обижаете, правда ли это?

— Наш начальник монголов не трогает, а китайским купцам спуску не дает. Он мстит им за старые обиды. А вот русских купцов мы в первый раз видим.

Я рассказал ему, кто мы, зачем и куда едем. Спросил, давно ли они живут в этой пустыне.

— Четвертый год живем здесь.

— Китайские начальники в Хами и Баркуле, конечно, знают о вас. Они не посылали отряд солдат, чтобы поймать вас?

— Найти нас трудно. Мы останавливаем караваны ночью в разных местах дороги, сразу берем, что нужно — верблюда с вьюком, деньги,— и исчезаем в темноте. А проводники у китайцев — монголы, и они не станут рассказывать, где нас искать. Место пустынное, людей на двести ли близко никого нет.

— А почему вы нас привели в свой дом? Мы вот узнали теперь дорогу к вам.

— Черный лама знал, что вы пойдете по этой дороге, и велел вас привести к себе в гости. А гости никому не выдадут тот дом, в котором их хорошо принимали. Это — старый закон гостеприимства.

— Откуда лама знал о нас?

— У него в Хами и Баркуле и во всех селениях и кочевьях друзья есть, и о ходе торговых караванов мы вперед знаем.

Вернулся Лобсын с нашими вещами, а монгол ушел, заявив: «Сейчас принесу вам ужин».

Мы разложили вещи на кане. Мальчики сейчас же улеглись спать. Сначала они были очень встревожены ночным приключением и испуганно смотрели на чужих людей, которые остановили караван и про которых они слышали, что это — разбойники. Теперь, видя, что никто нас не обижает, они успокоились.

— Наши верблюды развьючены и уложены во дворе, лошади стоят под навесом, товар тоже сложен под навесом, — сказал Лобсын. — Эти люди, которых называют разбойниками, помогли мне найти вещи среди тюков и говорят, что мы — гости Черного лама, а не пленники.

— И мне это сказал один, который остался со мной, — подтвердил я. — Нам бояться нечего, а Черный лама, наверно, даже заплатит за товар, который выберет.

Отворилась дверь, и монгол принес блюдо с горячим пилавом, а тангут — большой чайник с чаем, заправленным по-монгольски молоком и солью.

— Кушайте на здоровье, — сказал он, уходя. — Ложитесь спать, пока горит свеча. У нас другой нет, запас кончился.

Мы плотно поужинали и даже мальчиков разбудили ради пилава и чая с молоком.

— Даже молоко есть у них, — удивлялся Лобсын. — Неужели они корову держат здесь, в пустыне, и сами доят ее?

— Может быть, и женщины живут с ними и ведут хозяйство? — предположил я.

Остаток ночи мы спокойно проспали и, вероятно, спали бы долго, потому что в фанзе не было окна. Но нас разбудил вошедший монгол.

— Солнце уже поднялось, — сказал он. — Лама ждет вас у себя. У нас на дворе есть вода, кому нужно помыться.

Уходя, он оставил дверь открытой. Мы быстро вылезли из-под халатов и вышли во двор.

Он был окружен со всех сторон стеной, аршин десять вышиной, словно крепость. Одну сторону внутри занимали четыре фанзы, судя по числу дверей; вдоль другой шел навес, под которым лежали наши тюки, но верблюдов и лошадей не было видно. У третьей стены сто-

яла отдельная фанза, очевидно кухня, судя по дыму, поднимавшемуся из трубы. Возле нее протекал ручеек чистой воды, выходящей из ямки в углу двора. Это показывало, что в случае осады крепости кем-либо население было обеспечено водой. В четвертой стене находились небольшие ворота с прочными створами, которые были открыты. Вдоль стены в нескольких кучах были сложены стволы саксаула, снопы чия, полыни и колочки — запасы топлива и корма для верблюдов.

— Хорошие хозяева здесь, — заметил Лобсын. — Все у них запасено в крепости, даже вода есть.

— А это что? — сказал я, указывая на кучу черного камня возле кухни. — Неужели земляной уголь?

Мы помылись у ручья и пошли к дверям одной из фанз, возле которой стоял монгол, очевидно ожидавший нас.

— Ваши лошади и верблюды пасутся тут за стеной, — сказал он. — Только корм для лошадей у нас плохой, они не наедятся.

— У нас с собой есть горох, мы их подкормим, — пояснил я.

Мы вошли в фанзу ламы; она имела окно, заклеенное китайской бумагой, так что было светло. Лама сидел на кане возле столика, на котором дымилось блюдо с пилавом, стоял большой медный кувшин, очевидно с чаем, и несколько чашек.

Войдя, мы поклонились и остановились у дверей.

— Доброе утро! — сказал лама. — Садитесь на скамью поближе ко мне, нужно позавтракать. Вы спали хорошо, надеюсь?

Я поблагодарил за ужин и за уход за нашими животными. Во время еды лама расспрашивал нас о Чугучаке, о наших торговых путешествиях, о России и русских обычаях и порядках. Я рассказал ему о раскопках в Турфане с немцами и о неудаче раскопок на реке Дям, о вещах, которые можно добыть в развалинах старых городов. Это его заинтересовало, и он сказал:

— Возле Эдзин-Гола в пустыне также есть развалины большого города, только до них трудно добраться, кругом сыпучие пески; воды возле города нет. Просите монгольского вана, чтобы он дал вам проводника, иначе вы города не найдете. Если вы побываете в нем, будете копать и найдете тибетские или китайские книги, привезите мне несколько, я люблю читать старые сочинения. В Баркуле и Хами книг достать почти нельзя.

После завтрака мы разыскали среди наших товаров

тук с красным и желтым сукном и бумазеей и притащили его в фанзу, развязали и показали ламе. Он остался доволен товаром, отобрал несколько штук и сказал:

— Тут, в пустыне, не так далеко есть небольшой монастырь. Гэгена в нем нет, богомольцев приходит мало, ламы совсем обнищали, ходят в лохмотьях. Я хочу послать им эти материи, чтобы они к зиме оделись теплее.

Потом он спросил цену, быстро подсчитал итог на китайских маленьких счетах и сказал:

— Если я заплачу вам сразу все серебром, вы делаете уступку, как полагается при наличном расчете?

Лама, очевидно, хорошо знал условия торговли русских купцов с монголами. При отдаче товара в кредит до будущего посещения через год цена, конечно, другая, чем при уплате сразу. Я сказал, что при наличном расчете уступаю 30 процентов монголам и 20 процентов китайцам.

— Почему ты уступаешь китайцам меньше?

— Потому что они покупают для перепродажи, а монголы для себя. А тебе, так как ты покупаешь ткани для подарка бедным ламам, я уступлю еще двадцать процентов и отдам по той цене, по которой покупаю его сам в России.

— Что же, я принимаю эту уступку и передам ламам, что ты пожертвовал им часть материала для одежды,— сказал Черный лама с улыбкой.— Но лучше будет, если ты возьмешь с меня, сколько следует, а прибавишь товара на эти двадцать процентов.

Я удивился деликатности этого человека. Мы были в его полной власти, он мог взять все, что ему понравится, и ничего не заплатить. Поэтому я, конечно, согласился и отобрал еще несколько штук того сорта, который указал лама.

Подсчитав все, что следовало, лама достал из ящика, стоявшего на кане, мешок со слитками серебра и китайские весы и аккуратно отвесил мне стоимость купленного.

— Вам нечего торопиться с отъездом,— заявил он.— Проведете день у меня, а под вечер поедете, я дам вам проводника до хорошей воды и корма в двадцати ли отсюда, в месте, которое мы одни знаем. Там вам нужно будет переночевать и пробыть завтра до послеполудня, потому что дальше опять большой переход через Гоби и нужно подкормить животных.

— А можно ли посмотреть окрестности вашей крепости, чтобы найти ее на обратном пути? — спросил я.

— Конечно можно, если вы ручаетесь за вашего монгола, что он не сообщит никому о нашем доме.

— Это — мой компаньон по торговле, — сказал я. — Я знаю его с детства, он убежал из монастыря и был нищим, я его приютил и приучил к работе; он — прекрасный проводник. Вот мы шли по этой дороге, по которой он раньше не ходил, а ведет нас уверенно, только в Баркуле и Бае расспросил насчет воды и корма и характера местности.

Лобсын во время моего расчета с ламой вышел, почему я мог говорить о нем свободно. Лама заинтересовался его биографией.

— Я расспрошу его о монастыре, в котором он учился, — сказал он. — А теперь пойдем, посмотрим наши горы.

Мы вышли из фанзы. Лобсын разговаривал на дворе с двумя из людей Черного ламы. Мальчиков он уже после завтрака послал присматривать за животными на пастбище, а теперь присоединился к нам. Выйдя из ворот, мы очутились в неширокой, но довольно длинной долине между голыми скалистыми грядами. По дну долины росли кустики полыни, колючки, кое-где пучки чия, так что верблюды находили себе пищу, и только лошади с унылым видом переходили от пучка к пучку и обрывали более тонкие верхушки уже совершенно пожелтевшего чия, стебли которого очень жестки, как твердая солома. На самой высокой вершине южной гряды, недалеко от крепости, я заметил черную кучу и спросил ламу, что это за обо.

— Это — наш караул, — сказал он. — С этой вершины далеко видно в обе стороны и можно заметить издалека караван. Китайские купцы стали теперь проходить эту местность днем во избежание наших нападений ночью. Поэтому их надо высмотреть своевременно.

Пройдя немного дальше вверх по долине, я заметил на склоне отверстие, похожее на устье штольни, и спросил о нем.

— В этих горах есть земляной уголь, — сказал лама, — и мы добываем его понемногу для отопления наших фанз. Аргала у нас мало, саксаул, который ты видел во дворе, приходится привозить издалека, и мы берем его на всякий случай.

— Лошадей у вас, вероятно, нет? — спросил я. — В этой долине корму мало.

— Очень мало; у нас только одnogорбые верблюды-бегуны. И чтобы сберечь для них корм в долине на зиму, мы летом, когда караваны почти не ходят, пасем их за горами в степи. У вас, конечно, есть зерно для лошадей?

— Конечно есть, горох. Только его нужно распарить в горячей воде.

— Скажите моим людям, они сделают.

Погуляв по долине, мы вернулись к крепости, и я заметил, что она была выстроена в таком месте, что ее трудно было бы обстрелять из пушек. Она занимала весь восточный конец долины, почти замыкая выход из ущелья в южной гряде. Из этого выхода завьюченный верблюд еле-еле проходил к воротам крепости, расположенным немного левее, а за воротами скалы подступали так близко к стене, что оставался только проход для человека или верблюда без вьюка, который вел в остальную часть долины. Таким образом, даже легкую пушку нельзя было бы протащить через этот проход в долину, чтобы с этой — западной — стороны издали обстрелять крепость. Ворота были совершенно защищены от обстрела, а крутые склоны и зубчатые гребни обеих гряд, окаймлявших долину, делали очень трудным, если не невозможным, втаскивание пушек даже на седловины, чтобы обстрелять крепость сверху. Следовательно, оставалось только обстреливать крепость навесным огнем издали, с окружающих равнин, не видя ее, что было весьма сомнительно по состоянию китайского войска в это время. От обстрела из ружей с вершин обеих гряд крепость, конечно, не была гарантирована, но пули гладкоствольных ружей не могли бы пробить даже глинобитные стены фанз, не говоря уже о толстых стенах самой крепости, на гребне которых были бойницы для стрелков.

Около полудня нас пригласили на обед к лама. Подали опять блюдо пилава и чай с молоком и солью. Во время прогулки по долине я заметил несколько пасущихся баранов и коз, вместе с верблюдами, и теперь спросил хозяина, как он достает мясо и молоко.

— Иногда отнимаем у китайцев, когда они гонят с Эдзин-Гола в Баркуль и Хами гурты баранов и коз, иногда доставляет нам баранов один хороший монгол, — сказал лама. — Но молоко это — верблюжье, у нас есть хорошая верблюдица.

К чаю мы захватили с собой своих сухарей и китай-

ского печенья, так как заметили, что у хозяев имеется только дзамба.

— У нас бывает иногда даже свежий хлеб,— заметил лама по поводу нашего угощения,— но сейчас запас муки кончился. Нет ли у вас лишней, я вижу, вы люди запасливые?

Я сказал, что мы возьмем муку для баурсаков и лапши и что фунтов пятнадцать я смогу уступить в расчете, что у монголов на Эдзин-Голе мука найдется.

— Это будет очень приятно,— ответил лама.

За чаем я спросил, чем обусловлена его ненависть к китайцам.

— Пять лет назад я дал обет мстить китайским купцам и чиновникам за своего отца, сестер и брата и отнимать у них деньги, чтобы выкупить сестер и брата из неволи. Тебе я могу рассказать, как это случилось.

Семья моя родом из Наньшаня; там в горах живут рядом монголы хара-ёгуры и тангуты шира-ёгуры, и отец у меня тангут, а мать монголка. Семья наш была бедная, и отец охранял табун коней китайского амбаня города Ганьчжоу, которые паслись возле нашего улуса. Меня, старшего сына, отец отдал в большой монастырь Чертынтон на реке Тэтунг, и я стал ламой. Вместе с монгольскими богомольцами я поехал в Лхасу и пробыл там в обучении в монастыре далай-ламы два года. Вернувшись оттуда, я посетил свою семью, но не застал никого. Оказалось, что амбань получил место начальника в Улясутае и взял туда моего отца вместе с семьей и табуном для той же службы. Полгода спустя меня послали в один из монастырей Хангая, так как я хотел жить ближе к своей семье. Я побывал в Улясутае у амбаня и от его чиновников узнал ужасную историю. В первую же зиму после переселения отца случилась страшная гололедица в той местности, где он пас табун амбаня. Ты, конечно, знаешь, что в Монголии гололедица зимой — ужасное несчастье. Скот пасется и зимой на подножном корму, потому что сена монголы не имеют. Когда трава покрыта толстым слоем льда, скот не может добывать себе пищу и гибнет в большом количестве от голода. Слой льда в этот раз был такой толстый, что даже кони не могли разбивать его своими копытами. Мороз держался, кони худели, начали падать. Отец пришел в отчаяние и погнал табун в Улясутай, где у амбаня был запас сена. Но было далеко, и по пути пало еще много лошадей. В Улясутай отец пригнал только треть табуна. Амбань рассвирепел, и хотя отец

был невиновен в несчастии, его посадили в тюрьму, в грязную яму, где он вскоре умер, а двух сестер и брата, красивого мальчика, амбань отправил в Пекин и продал богдыхану — сестер в гарем, а мальчика в рабство, — чтобы покрыть убытки, причиненные отцом. Когда я узнал об этом, то дал обет: взять у китайских купцов силой деньги, чтобы выкупить пленников у богдыхана. В монастырь, куда меня послали, я не вернулся, а мало-помалу составил отряд из монголов и тангутов, также так или иначе обиженных китайскими властями, и построил с ними эту крепость близ караванной дороги. Вот с тех пор, четвертый год, мы и живем здесь, в пустыне. Но через год или два у меня может быть, будет довольно денег, чтобы ехать в Пекин и снабдить своих помощников небольшими деньгами для обзаведения юртой, скотом и семьей.

Мы выслушали этот рассказ с большим вниманием и не могли не извинить деятельности Черного ламы, пострадавшего от такого произвола китайского амбаня.

— А много ли у тебя помощников? — спросил я.

— Немного, ты почти всех видел. Их шесть человек, но один старый и большей частью остается дома, готовит нам пищу, пасет верблюдов.

— Где же вы сбываете товары?

— В Баркуле и Хами у меня есть доверенные купцы, которые принимают от нас товар, конечно, с большой уступкой.

— А выдать тебя амбаням они разве не могут?

— Не посмеют, а место нашей крепости они, конечно, не знают. И товар им привозят не мои люди, а посторонние монголы, которые получают его от нас в условленных местах в пустыне.

Часа в три пополудни лама сказал нам, что пора отправляться. Лошади были уже накормлены горохом, верблюды наелись. При помощи людей ламы мы быстро навьючили их; один тюк с товаром заметно уменьшился, и мы положили его на верблюда, который обнаруживал признаки усталости.

Мы очень дружески простились с ламой, благодарили его за гостеприимство и обещали вернуть к нему на обратном пути и привезти книги, если найдем их в Хара-Хото, и муки с Эдзин-Гола. Верблюдов вывели по одному через ворота в начало ущелья, где построили караван, во главе которого рядом с Лобсыном поехал на своем скаковом верблюде один из монголов ламы.

С четверть часа мы ехали вниз по ущелью, и я при

дневном свете заметил, что оно делает несколько зигзагов, что удобно для отражения нападающих из засад. Лобсыну монгол-вожак сообщил, что он открыл и указал это прекрасное место для тайной крепости в пустыне; в этих диких бесплодных горах никто не мог предполагать наличие воды и корма так недалеко от караванной дороги. Вода, вытекавшая из-под стены крепости, быстро исчезала в паносе дна ущелья, которое ближе к караванной дороге было сухое, расширялось и ничем не отличалось от других соседних ложбин.

Выйдя на караванную дорогу, мы ехали по ней часа два в виду все той же скалистой гряды продолжения Тянь-Шаня, то имевшей вид холмов, то представлявшей живописные острые вершины. Потом вожак неожиданно свернул влево вверх по малозаметной сухой ложбине, тянувшейся из группы острых вершин той же гряды. Ложбина углублялась и на окраине группы перешла в ущелье, в котором появились кусты тальника, доказывавшие присутствие воды. Ущелье привело нас в небольшую котловину среди гор с прекрасной лужайкой, кустами и даже несколькими тополями — отличное место для ночлега, также совершенно незаметное с караванной дороги, но для больших караванов неудобное своими малыми размерами. Для нас же корма было довольно, тем более что трава не была отравлена, а топлива достаточно.

Солнце уже садилось, и проводник простился с нами, хотя мы предлагали ему остаться на ночлег.

— Начальник велел мне вернуться к ночи назад, — сказал монгол. — Он ждет ночью китайский караван из Хами, и все люди ему нужны. На своем скакуне я через час буду уже дома.

В этом уютном скрытом уголке мы спокойно переночевали. На рассвете Лобсын взобрался на одну из вершин, с которой видна была караванная дорога; его разбудил отдаленный звон ботало, и ему захотелось посмотреть караван, который ночью подвергся нападению Черного ламы. Он действительно увидел его и насчитал 80 верблюдов и человек 12, частью ехавших на верблюдах, частью на ишаках, но издали не мог определить, ехали ли монголы или китайцы.

Мы провели на этом месте большую часть дня, лошади и верблюды хорошо подкормились на лужайке перед трудным переходом, а мне удалось поохотиться. На скалистых склонах котловины, редко посещаемой людьми, ютилось несколько стаяк кекликов, горных ку-

рочек; птенцы уже совершенно выросли, но все еще слушались голоса матери. Они бегали по склону между камнями, поклевывая зерна. Когда я поднимался к ним, мать, вскочив на камень, подавала тревожный клекот, и все птенцы разбегались и прятались под камнями или за ними. А когда я подходил ближе, вся стайка по другому призыву вспархивала и перелетала на противоположный склон котловины. Мне пришлось несколько раз перебегать с одного склона на другой, выслеживая птиц, в чем мне с азартом помогали оба мальчика, тщетно пытавшиеся поймать какого-нибудь кеклика руками. За два часа охоты все-таки удалось подстрелить десяток. Лобсын предложил мне взять в помощь нашу собачку, но она только мешала, бегала слишком быстро и вызвала переполох в стайке и быстрый взлет ее.

Поздно вечером к ключу, сочившемуся по лужайке, вероятно, приходили на водопой горные козлы кукуяматы, которые встречаются в таких скалистых пустынных горах. Но мы не могли ждать до ночи и в три часа тронулись в путь, в трудный переход через Гоби. Наполнили животных, наполнили бочки и выехали на караванную дорогу. Этот переход мы выполнили, как и прошлый, с ночной остановкой на три часа в пустыне без развьючки и разбивки палатки, но для лошадей привезли несколько пучков тростника, срезанного на лужайке, а для огня — хворосту. На следующий день только часам к десяти мы закончили переход и остановились в широкой ложбине с большой луговиной по берегам ручейка, но сильно потравленной шедшим впереди нас караваном, следы стоянки которого были еще свежи. Пройденная Гоби имела такой же характер черной мелкощелбеновой пустыни, как описано выше.

На дальнейшем пути до Эдзин-Гола, продолжавшемся еще семь дней, больших безводных переходов уже не было, но местность имела тот же унылый характер. Слева, на севере, тянулись скалистые гряды продолжения Тянь-Шаня с более или менее широкими перерывами. Справа, на юге, появились вдали отдельные группы гор или целые гряды Бейшаня, который отделяет Тянь-Шань от пояса оазисов подножия Наньшаня и на западе доходит до Эдзин-Гола.

Промежуток между теми и другими горами, по которому шла караванная дорога, представлял в общем пустынную равнину, всхолмленную плоскими увалами ближе к северным горам, со скудной растительностью, покрытую черным щебнем. Несколько раз дорога пере-

секала еще полосы черной Гоби, совершенно бесплодной, но не такие широкие, как две уже пройденные, так что мы проходили их в один ночной переход.

Один раз нас застигла сильная буря. На рассвете легкий ветер, дувший почти в спину нам в течение ночи, быстро усилился и налетал порывами, приносящими с собой целые тучи пыли и песка. Мелкий щебень, покрывавший почву Гоби, при этих порывах приходил в движение, перекатывался, перепрыгивал по земле, даже взлетал невысоко в воздух. Мы ехали, конечно, в шубах, а теперь пришлось защитить уши и глаза от пыли клапанами наших монгольских шапок. Мальчики, укрывшись шубами, совсем скрылись между бьюками.

Небо было безоблачно, но совершенно серо от пыли, заполнившей воздух, и поднявшееся солнце еле было видно на горизонте в виде красного круга без лучей. Но так как ветер дул сзади, он не задерживал нашего движения, даже подгонял животных, и к девяти часам утра мы закончили переход и остановились в небольшом оазисе среди голых холмов. Быстро развьючили верблюдов и уложили их среди зарослей чия спиной к ветру, лошадей оставили под седлами, а сами, укрывшись шубами, приютились между тюками, из которых устроили стенку, защищавшую от ветра. Разбить палатку и развести огонь не было возможности, и мы проспали часа два или три, пока буря перед полуднем не затихла. Тогда животные были отпущены на пастбище, палатка разбита и на огне варилась сразу и чай, и обед.

Под вечер, захватив ружье, я пошел побродить по холмам вокруг оазиса в надежде подстрелить зайца или кеклика. Вскоре склоны холмов обратили на себя мое внимание. На них темнели такие же большие ниши, которые я впервые увидел у реки Аргалты в Джаире во время поездки за зарытым золотом, но потом наблюдал не раз на гранитных холмах. Одна ниша уже лишилась своего свода и представляла как бы глубокое кресло с высокой спинкой и боковыми ручками, словно нарочно приготовленное для отдыха путника. Я уселся в него и в своем желтом монгольском халате, очевидно, сделался незаметным, так как немного погодя по ложбине между холмами ко мне спокойно подошли три антилопы, направлявшиеся на вечерний водопой к источнику. Когда я пошевелился, вскидывая ружье к плечу, они остановились на мгновение шагах в двадцати от меня, подняли головы и растопырили уши. Я, конечно, воспользовался этим и выстрелил; первая антилопа упала убитая напо-

вал, остальные скрылись большими скачками через холмы.

Если бы я не уселся в нишу, а продолжал идти по ложбине, антилопы заметили бы меня издали и не дали бы подойти. Довольный удачной охотой, я потащил добычу к палатке. Лобсын, рассмотрев антилопу, воскликнул:

— Это не дзерен, это хара-сульта!

— А какая между ними разница? — спросил я.

— Смотри, у этой кончики рогов только немного загнуты внутрь, а у дзерена загнуты больше. Хвостик у дзерена желтый, как все тело, а у этой — черненький. Поэтому ее и зовут — чернохвостая.

— А мясо у них одинаковое, надеюсь?

— Одинаковое, но хара-сульту монголы почему-то больше уважают, может быть, потому, что она попадается реже.

Антилопу пришлось освежевать и положить на вьюк. Рога я взял себе, а шкуру спрятал Лобсын со словами:

— Вот тебе будет коврик к кровати, когда мы выделаем его дома.

Из-за этой задержки мы выступили в путь немного позже, когда солнце уже село.

Этот переход был, впрочем, небольшой, и после ночного отдыха без развьючки мы уже на рассвете пришли к месту следующей стоянки, где обед и ужин у нас были замечательные — суп с диким луком, жареная печенка, шашлыки.

На последнем ночлеге перед поворотом дороги на юг к озерам в низовьях Эдзин-Гола нас чуть не посетили нежданные гости.

Мы только что прибыли на место, развьючили верблюдов, расседлали лошадей, но еще не отпустили их на пастбище. Палатку не поставили, а развели огонек, чтобы скорее сварить чай и согреться после ночного холода. Солнце еще не взошло, чуть рассветало. Мы сидели у огонька, верблюды лежали, лошади стояли среди высокого чья, так что издали мы совсем не были видны. Вдруг оба мальчика и Лобсын подняли головы и прислушались.

— Сюда скачут кони с востока, — сказал Лобсын. — Не дикие ли?

Теперь и я слышал топот многих копыт по щебню пустыни, схватил ружье, проверил, заряжены ли оба ствола пулями, и притаился за ближайшим снопом чья. По пустыне рысью бежало штук тридцать животных,

но как раз на фоне ярко освещенного восходящим солнцем горизонта, так что видны были только темные силуэты. Они были еще шагах в трехстах от меня.

— Ну, это куланы! — воскликнул подошедший Лобсын.

— Почему ты знаешь?

— Дикие лошади такими табунами не бегают. Жеребец ведет за собой пять—семь кобыл, редко — десять. А куланы ходят табунами в двадцать — тридцать голов и больше.

Но куланы, очевидно, уже почуяли запах дыма от нашего костра, перешли на шаг и, наконец, остановились шагах в шестидесяти от нас, подняли головы и уши. Вожак храпел, бил копытом, очевидно сердился, что нельзя подойти к водопою, вблизи которого мы расположились. Теперь можно было различить, что уши у них длиннее, чем у лошадей, а хвосты, которыми они размахивали, очень жидкие. Хотя расстояние было велико для моего ружья, я все-таки выстрелил. Весь табун шарахнулся и круто повернул вправо, на север, где поднимались высокие холмы. На месте, где он стоял, кружился только столб пыли.

— Не подойдут ли они позже еще раз? Им ведь хочется пить, — спросил Очир.

— Наверяд ли! Если бы Фома не стрелял, они бы, может быть, пришли, а теперь напуганы и попытаются прийти разве что ночью.

Остаться на ночь мы не могли. Нам предстоял большой безводный переход на юг от холмов, где мы стояли, к нижнему течению Эдзин-Гола.

Еще днем с вершины высокого холма возле стоянки мы с Лобсыном осмотрели характер местности, по которой предстояло идти ночью. Холмы оканчивались недалеко на юг, и дальше тянулся огромный бэль — черная пустыня, понижавшаяся мало-помалу и избороденная желтыми лентами сухих русел. Вдали бэль упирался в гряду мелких холмов, за которыми едва можно было различить в двух местах серебристую поверхность озер — справа Гашиун-Нура, слева Сого-Нура, в которые впадали рукава реки Эдзин-Гол. У озер ночевать нельзя было: вода в них горько-соленая; и подойти к воде нельзя: берега окаймлены широкой полосой вязкого ила, как сообщили нам монголы Черного ламы. Мы должны были пройти между озерами к тому рукаву реки, который впадал в Сого-Нур, и только там могли найти воду, корм и топливо. Выступив после заката, мы

должны были идти по бэлю, около полуночи добраться до холмиков, сделать там привал часа на два и затем на рассвете пройти между озерами и после восхода солнца добраться до реки.

Так мы и сделали. В сумерки вышли из холмов нашей стоянки, отшагали верст двадцать пять по черной бэли, медленно спускаясь по ней, остановились среди холмиков, где весной, по расспросам, могли бы найти воду маленького источника, летом пересыхавшего, и кое-какой корм, потом продолжали спускаться в обширную впадину обоих озер, на рассвете были в промежутке между ними и часов в девять утра остановились на берегу небольшого потока грязно-желтой воды, окаймленного кустами тамариска и зарослями тростника. Топлива в виде засохших кустов тамариска на песчаных буграх в стороне от русла было довольно; тростник, еще зеленый, давал достаточно корма, но вода, хотя и пресная, была так переполнена желтым илом, что нам пришлось устроить фильтр из чистого платка, чтобы получить сносную по чистоте воду для чая и супа.

Так как наши мальчики, сидя на выюках, прекрасно выпалились ночью, они на стоянке сразу же после чая отправились пасти животных, а мы с Лобсыном легли в палатке спать, доверив собачке караулить весь стан.

Нам теперь нужно было найти монголов, узнать у них, где ставка их князя, посетить последнего, чтобы распродать товары, узнать точно, где расположены развалины города Хара-Хото, и выяснить возможность раскопок. Искать монголов ночью в незнакомой местности не имело смысла; следовательно, отпадала надобность в почных переходах, и мы могли отправиться на поиски днем.

Спустя часа два после полудня мы, выспавшись, начали готовить обед, для которого имелось еще мясо хара-сульты. Вдруг собачка залаяла, послышались голоса, и к палатке подъехали два монгола, поздоровались, конечно, спешили и присели возле нашего огонька, на котором уже висел котел с супом. Начались обычные расспросы, и мы, удовлетворив их любопытство, узнали, что река, у которой мы стоим, называется Ихэ-Гол и впадает в озеро Сого-Нур, которое имеет не очень соленую воду,— верблюды пьют ее, конь неохотно,— потому что весной из него образуется небольшой сток в озеро Гашиун-Нур — самое главное и большое, то есть вода отчасти освежается. Ставка князя — на берегу Ихэ-Го-

ла — не так далеко, в день легко доехать. Развалины Хара-Хото находятся среди песков к востоку от Ихэ-Гола, в одном переходе от ставки князя; там близко воды нет. Прежде, когда в городе еще жили люди, вода была, туда протекал самый восточный рукав Эдзин-Гола — Кундулен-Гол. Монголы боятся ездить в развалины города: нечистые духи живут там.

Гости долго сидели у нас; пришлось угостить их обедом и чаем, но зато мы узнали, что народ на Эдзин-Голе не так беден, как о нем говорили, однако князь очень скупой и обирает своих подданных. Товары доставляют им китайские купцы из Ганьчжоу поздней осенью, когда скот нагулялся за лето и имеются также шерсть и кожи для обмена.

Удивили нас монголы сообщением, что в Сого-Нуре водится даже рыба с красными плавниками, как у карася. Монголы ее не ловят и не едят, но зимой приезжают китайцы из города Момин, ловят ее сетями из-под льда и увозят, мороженую, домой.

Перед закатом гости уехали — их юрты стояли выше по реке, откуда они и заметили наших пасшихся верблюдов и, конечно, поехали разведать, что за народ появился на их земле, поговорить, узнать всякие новости.

Ночью, пригнав животных к палатке, мы поочередно караулили. Хотя монголы Эдзин-Гола были такие же торгоуты, как и Лобсын, но никто не мог поручиться, что ночью они не попытаются ограбить приезжих, прежде чем последние передвинутся к ставке князя и, так сказать, под его защиту в качестве гостей. Но ночь прошла спокойно, и утром один из вчерашних монголов приехал к нам, чтобы показать прямую дорогу к ставке князя. Это было нелишне, потому что рукав Ихэ-Гол местами делал извилины, которые можно было спрямлять, а местность по его берегам представляла много песчаных холмов, заросли тамариска и саксаула, кое-где чия — по ним пролегало много троп, и без проводника легко можно было сбиться с прямого пути.

По такой нервной и заросшей местности мы ехали часов пять; потом холмы стали низенькие и редкие, деревья и крупные кусты исчезли, пучки чия были обглоданы — мы приближались к ставке князя. Проводник поспешил вперед, чтобы предупредить о нашем приезде. Вскоре мы увидели четыре хорошие юрты друг возле друга и немного в стороне еще одну. Проводник вернулся к нам и повел нас к этой юрте, которую князь велел поставить для приезжих. Оказалось, что наши вче-

рашние гости уже успели сообщить своему князю о чужестранцах.

В юрте было, конечно, удобнее, чем в палатке; мы уложили в ней все тюки с товаром. Разгрузившись, я и Лобсын почистились, надели новые халаты и отправились к князю, оставив вещи и животных под надзором мальчиков.

Князь принял нас в парадной чистой юрте из белых войлоков с ковровой дверью. Пол был устлан коврами, привезенными из Хотана в Синьцзяне, судя по их цветам и узорам. Князь сидел на небольшом возвышении — толстой ковровой подушке; это был юноша лет восемнадцати — двадцати, не больше, хорошо упитанный, румяный; на голове китайская шляпа с голубым стеклянным прозрачным шариком, что указывало на сравнительно невысокий его чин. Возле него на ковре сидел старенький лама со сморщенным лицом и большими китайскими очками — очевидно, советник молодого князя и бывший его учитель.

После поклонов до пояса, как полагалось у монгольских князей для гостей, не подчиненных им, мы поднесли князю большой шелковый хадак (длинный платочек), ламе — поменьше, и подарки: бинокль, часы-будильник и игрушку — калейдоскоп, которые были у меня запасены для такого случая. Нас усадили на плоские подушки против князя, поставили возле нас низенький столик и подали всем чай в китайских чашках с крышками. У дверей встало несколько монголов.

После обычных вопросов о здоровье скота и людей, благополучной дороге, князь спросил о цели нашего посещения. Я рассказал, что давно уже торгую русской мануфактурой в Монголии, побывал в Кобдо, Улясутае, Баркуле, Урумчи, во многих монастырях и, наконец, решил посетить кочевья торгоутов на Эдзин-Голе.

— Мои монголы бедные, — предупредил князь, — и я также небогатый человек, и вы здесь продадите немного. А путь на Эдзин-Гол — длинный и трудный, и вы, конечно, захотите получить хорошую цену за ваши товары.

Я разъяснил, что приехал в его владения также с целью посмотреть древний город Хара-Хото, порыться в развалинах, и, если я найду там интересные вещи, это окупит мою дорогу и слабый сбыт товара.

— А какие вещи ты особенно ищешь в древнем городе? Конечно, золотые монеты, драгоценные камни, ожерелья, браслеты, серьги и другие дорогие женские

украшения! — воскликнул князь, переглянувшись с ламой. — Такие вещи люди уже не раз искали в Хара-Хото, но находили очень и очень редко, большей частью уезжали с пустыми руками, затратив много труда на раскопки. Это я слышал от моего отца и старых людей.

— Меня больше всего занимают старые печатные книги и рукописи тибетские, тангутские и китайские, — заявил я, — а также старые картины на шелковой ткани, рисунки богов на стенах, изображения их из камня, глины и металла. Эти вещи у меня покупают ученые люди, которые изучают старинные верования и жизнь древних людей.

Я рассказал князю о русских музеях и библиотеках, об экспедициях Академии наук на развалины Каракорума на реке Орхон, о немецком ученом, раскапывавшем развалины в Турфане. Это заинтересовало князя, и он сказал, что такие вещи мы, может быть, найдем в Хара-Хото, но так как мы ими торгуем сами, то правильно будет, если заплатим ему за право их вывоза с Эдзин-Гола.

После довольно длинных разговоров князь согласился дать нам проводника в Хара-Хото и право раскопок, за что я должен был передать ему верблюжий вьюк мануфактуры бесплатно, а остальной товар, сколько он захочет купить, уступить ему со скидкой в зависимости от ценности вещей, которые мы добудем раскопками. Князь заявил, что золотые монеты и драгоценные камни нетрудно оценить как следует, а книги, посуду, бурханов он будет расценивать нам недорого.

Пришлось согласиться на эти условия, так как мы всецело были в руках князя и могли получить доступ в Хара-Хото только при его помощи. Ведь, в сущности, он мог забрать весь наш товар бесплатно, а нас просто выгнать из своих владений.

Когда мы сторговались, лама посоветовал поехать в Хара-Хото только с верблюдами, оставив лошадей у князя.

— Каждая лошадь пьет воды столько, сколько пьют четыре человека, — заявил лама. — В Хара-Хото воды нет, и придется вам привозить ее туда для себя издалека. Верблюды будут ходить один раз в три дня к реке за водой для вас, и при этом сами напьются вволю.

Совет был правильный, и мы решили выступить на следующий день на верблюдах, оставив весь товар в от-

веденной нам юрте, а лошадей — в табуне князя. Это гарантировало наше возвращение к нему для расчета за товары по результатам раскопок.

На следующий день мы выехали вчетвером в сопровождении монгола, знавшего дорогу в Хара-Хото, который поехал на княжеском верблюде. Везли с собой воду в своих бочонках и по второй паре, которую взяли у князя, а также лопаты, кайлу, палатку, запас сухарей, баурсаков, муки, крупы, масла, чая на две недели. В качестве живой провизии погнали с собой четырех баранов. Для вывоза выкопанных вещей князь дал нам несколько больших корзин, сплетенных из прутьев тальника, а для упаковки их у меня были сверток китайской оберточной бумаги и штука коленкора низшего качества. Корзины монголы изготовляли для китайцев, приезжавших зимой за рыбой на Сого-Нур; в корзинах они увозили мерзлую рыбу. Без этого счастливого обстоятельства нам пришлось бы книги и вещи, добытые при раскопках, увозить в простых мешках. Последние также пришлось взять с собой, так как корзин хватило только для семи верблюдов. В корзинах и мешках мы везли кроме провианта одежды и инструменты, а также пучки свежего тростника для верблюдов, так как подножный корм возле Хара-Хото, по словам монголов, был очень скудный.

Против ставки мы перешли вброд через Ихэ-Гол, который был здесь неширок, всего шесть-семь сажен, и неглубок — до колена верблюда; но дно было довольно вязкое, илистое, а вода — густая и бурая, как кофе с молоком. В ставке воду для питья брали не из реки, а из колодца в наносах; просачиваясь через них, речная вода становилась почти бесцветной. За бродом мы пошли почти прямо на юг по бугристым пескам со скудной растительностью, что объяснялось соседством ставки, требовавшей много топлива. С удалением от нее кусты становились крупнее, появились деревья тамариска и саксаула. До Хара-Хото от реки шли почти пять часов, миновали, наконец, бывшее русло последнего восточного рукава Эдзин-Гола, не шире Ихэ-Гола. По руслу валялись сухие стволы деревьев, засыпанные песком. Уже приближаясь к нему, мы вдаль увидели стены Хара-Хото с отдельными башнями; те и другие довольно сильно пострадали от дождей, ветров, морозов и жары. Зубцы на стенах почти исчезли, башни округлены. Из-за стены видны были высокие субурганы, также сильно обветренные. Субурганы, похожие на цилиндрические сужив-

вавшиеся кверху башни, мы встретили уже у самой дороги, не доезжая прежнего русла. Северная стена города в разных местах была засыпана песком до самого гребня, так что мы легко поднялись на нее и по песчаному же откосу спустились внутрь Хара-Хото.

Выбрав более ровную площадку среди города, под защитой стены какого-то дома мы устроили свой стан, разбили палатки, сложили вещи, бочонки с водой укрыли мешками от солнца и от верблюдов, которые могли их опрокинуть.

В городе повсюду были плоские песчаные бугры, наметенные под защитой остатков стен домов и поросшие кое-где травой и кустами; но и корма и топлива было мало. Поручив мальчикам варить чай, мы втроем обошли развалины для общего обзора.

Стены высотой в три-четыре сажени и толщиной двести сажени внизу и одна-полторы сажени вверху окаймляли прямоугольник длиной с запада на восток в 200 сажень и шириной с севера на юг в 180 сажень, вмещавший внутреннюю часть города. Видны были продольные и поперечные улицы, вдоль которых тянулись развалины глинобитных домов в виде стен или плоских бугров. В последних сохранились еще остатки плоских крыш из соломы, циновки и деревянных стропил с подпорками, покрытых глиной и более или менее засыпанных песком. Кое-где поднимались субурганы и остатки более высоких и крупных домов, но также глинобитных, и основания храмов, сложенные из желтого тяжелого обожженного кирпича. Улицы и внутренности домов были усыпаны песком, разным мусором, обломками кирпича и черепками глиняной посуды. Вне городских стен также были субурганы и развалины отдельных домов, особенно на западной и южной сторонах.

Вернувшись к палаткам, мы пообедали, а затем мальчики под моим руководством составили общий план города, а Лобсын с ламой осмотрели развалины вне городских стен. Этой работы нам хватило до заката солнца. Верблюды в это время паслись среди развалин. На ночь мы уложили их внутри стен одного дома с выходом только в одну сторону, мимо наших палаток, так что они не могли выйти, не потревожив нас.

На следующий день мы начали раскопки. Для систематического обследования, подобного тому, какое немцы делали в Турфане, времени у нас не было, и мы решили копать наугад в разных частях города, разделившись на две партии: я — с Очиром, Лобсын — со сво-

им сыном. Лама помогал то одной, то другой: ведь его задачей было видеть, что мы добываем.

Так мы проработали два дня с утра до вечера с наибольшим перерывом на обед. Погода была не жаркая, тихая, небо облачное, что способствовало работе. На третий день лама с сыном Лобсына и всеми верблюдами отправился кратчайшим путем к Ихэ-Голу, чтобы напоить животных, привезти нам воды в бочонках и нарезать тростника. До реки прямо на запад оказалось около десяти верст, так что, выехав с восходом солнца в семь часов, они к полудню вернулись назад. Поездки за водой потом повторялись через день.

Раскопки в разных местах города дали разнообразные предметы: бурханы буддийских божеств бронзовые; многочисленные «цацы» — глиняные обожженные изображения этих божеств трех видов; бумажные китайские деньги (ассигнации); книжки и рукописи китайские, тибетские, тангутские и персидские; черепки фарфоровой и глиняной посуды; медные китайские монеты (чохи); металлические чашечки для жертвоприношений и курений; изображения буддийских божеств красками на шелковой и полотняной ткани. Подобные же изображения (фрески) на стенах храмов, конечно, нельзя было увезти; с них Очир, научившийся у меня рисовать цветными карандашами, сделал несколько неплохих зарисовок. Нашли несколько золотых легковесных монет грубой чеканки и десятка два серебряных и медных браслетов и серег. В общем, все наши верблюды были загружены корзинами и мешками с этими предметами, но довольно легко, так что в случае надобности мы могли увезти на них еще часть нашей мануфактуры, если не сторгуемся с князем и его монголами о продаже.

Пробыли мы в мертвом городе семнадцать дней, так как дважды во время нашего пребывания разыгрывалась такая сильная песчаная буря, налетавшая с северо-запада, что невозможно было работать на воздухе. Воздух был наполнен пылью и песком, мы прятались в палатках, укрепив их полы наваленными кирпичами и глыбами глины. Пробыть дольше на раскопках мы не могли — кончилась вся взятая провизия, включая и живую, а также дзерена, которого удалось подстрелить среди развалин. Становилось холодно — начался ноябрь, нужно было возвращаться домой.

На восемнадцатый день к вечеру мы прибыли к ставке князя, а на следующий день разложили перед кум все добытое и тюки с мануфактурой. Целый день

ушел на оценку и переговоры. Из наших семи верблюжьих вьюков, которые мы привезли, один полностью пошел в уплату за разрешение раскопок, а пять князь взял со скидкой в 40 процентов, уплатив китайским серебром. Последний вьюк мы выменяли его подданным на хорошую верблюжью и овечью шерсть, которой получили два добрых вьюка. Все это заняло еще три дня, так что в общем мы провели у ставки и в Хара-Хото три недели.

Во время бесед с князем Лобсын рассказал ему о своем племени монголов-торгоутов, родиной которых также является долина Эдзин-Гола и которые ушли оттуда вместе с войсками Чингисхана в его походе XIII века на запад, а затем поселились вперемешку с киргизами в степях Джунгарии. Лобсын спросил князя, когда же его предки вернулись на свою родину на Эдзин-Гол. Князь сообщил, что это случилось 450 лет назад и что он слышал от своего отца передаваемую из рода в род жалобу на то, что те, которые устроили это возвращение на родину, ошиблись, так как последняя по своей природе оказалась хуже, чем долина Кобу между Сауром и Семистаем, где торгоутские князья осели после походов с Чингисханом; Лобсын рассказывал князю о горах Саура, Семистая, Барлыка, Джаира, о прекрасных летовках на их прохладных высотах, удобных зимовках в долинах и соглашался, что на Эдзине гораздо хуже: хороших летовок нет, весь год проводят на берегах реки, где много насекомых, песчаные бури и природа гораздо беднее.

Обратный путь в Чугучак продолжался больше месяца; мы шли большей частью по той же дороге и без особенных приключений, так что описывать путь не имеет смысла. Упомяну только, что в одно утро после ночного перехода мы свернули к крепости Черного лама, чтобы завезти ему обещанные книги. На стук в ворота нам открыл после переговоров старик монгол и сообщил, что Черный лама захватил у китайского каравана крупную сумму серебра, которую везли в Урумчи, и счел, что у него довольно денег для выкупа брата и сестер. Поэтому в сопровождении четырех своих соратников он поехал в Пекин, а старика оставил караулить крепость на случай, если денег не хватит, чтобы выкупить всех трех детей, и придется вернуться и продолжать свой промысел. Верблюдица, бараны и козы были оставлены старику, чтобы поддержать его существование.

Мы провели день у него, оставили ему муки и пше-

на, взятых на Эдзин-Голе для Черного ламы, и вечером отправились дальше. Вторая остановка была возле Баркуля на том же постоялом дворе; здесь я израсходовал оставшиеся бумажные деньги на покупку муки, пшена, мо-мо для людей и гороха для лошадей. Последний участок нашей обратной дороги был иной. Мы прошли в Гучен и оттуда прямо через пески Гурбан-Тунгут к солончакам в низовьях реки Хобук, минуя более длинный маршрут к Алтаю и по реке Урунгу. Это было возможно потому, что наступила зима, выпадал снег и мы могли обходиться без колодцев и ключей, пользуясь снегом для себя и животных; в песках между Гученом и Хобуком имеется несколько больших безводных переходов, которые делают этот участок пути недоступным в теплое время года.

Мы благополучно перешли через пески к озеру Айрык-Нур в низовьях реки Дям мимо Города Нечистых духов и по долине Мукуртай проехали в Чугучак.

Все добытое в Хара-Хото я передал консулу. Он отправил экспонаты в Академию наук и получил за них деньги, которые покрыли мне все убытки по мануфактуре с небольшим излишком, что я считал достаточным, так как занимался раскопками не с целью обогащения, а из чистого интереса. От консула я узнал также имеющиеся в литературе сведения о причинах гибели города Хара-Хото.

Народное предание говорит, что последний владелец города, богатый Хара-цзянь-цзюнь, считая свое войско непобедимым, собирався отнять престол у китайского императора. Поэтому китайское правительство выслало большой военный отряд. Целый ряд битв между ним и войском богатыря близ границ Алашанского княжества в горах Шарцза был неудачен для Хара-цзянь-цзюня. Китайские войска заставили его отступить и, наконец, укрыться в городе Хара-Хото, который они обложили. Не решаясь идти на приступ, китайцы задумали лишить город воды. Река Эдзин-Гол в то время текла вокруг города. Китайцы запрудили русло мешками с песком и отвели реку на запад. Говорят, что запруда эта видна до сих пор в виде вала, в котором торгоуты находили еще недавно остатки мешков. Осажденные, лишившись воды, начали рыть колодец в северо-западном углу города, но, хотя прошли уже около 80 чжаш (по 5 аршин), воды не нашли. Богатырь решил дать врагам последнее сражение, но на случай неудачи заранее использовал вырытый колодец, в который сва-

лил все свои богатства: не менее 80 арб — по 20—30 пудов в каждой — одного серебра, не считая других драгоценностей. Затем умертвил двух своих жен, сына и дочь, чтобы над ними не надругались китайские офицеры, приказал пробить брешь в северной стене вблизи места скрытых богатств и через брешь во главе своего войска напал на неприятеля. В схватке он был убит, войско разбито, неприятель разграбил город, но зарытых богатств не нашел. Говорят, что они лежат до сих пор в колодце, несмотря на поиски китайцев соседних городов и окрестных монголов. Неудачу объясняют тем, что богатырь сам заговорил место. В это верят потому еще, что в последний раз искатели клада открыли вместо него двух больших змей с красной и зеленой чешуей.

В этом рассказе неправдоподобно то, что осажденные в городе не могли добыть в колодце воды. Если раньше вокруг города протекала река, то более вероятно, что в слоях наносной почвы, на которой стоял город, была вода и даже на небольшой глубине. Возможно, что эти колодцы скоро были исчерпаны. Столь же неправдоподобно отсутствие воды на глубине 400 аршин, то есть 280 метров. В обширной долине с озерами и низовьем Эдзин-Гола, в толщах наносов этой реки, наверно, есть грунтовая вода на небольшой глубине, а глубже — артезианская.

Добытые нами древности XIII века в Хара-Хото оказались очень интересными и выяснили много деталей жизни и быта китайского города на окраине пустыни, в котором побывал итальянский посланник Марко Поло. Но можно было спросить, чего ради люди основали этот город в низовьях реки Эдзин-Гол, так далеко к северу от культурной и населенной полосы Китая, которая тянется вдоль всего северного подножия горных цепей Куньлуня и Наньшаня, где проходила известная «шелковая дорога» и происходило издавна сухопутное сообщение между Южной Европой и Китаем в средние века, когда морские пути еще были плохо изучены и опасны. Можно надеяться, что изучение древностей, добытых нами в Хара-Хото, выяснит условия существования этого города и причины его основания в местности, не представлявшей никаких красот и удобств, а только берега реки с грязной водой, богатой илом, с кустами тальника, тамариска, тополей среди пустыни, вдали от гор. Признаков каких-либо полезных ископаемых мы вблизи этого города не нашли.

Найденные в городе бумажные деньги, среди кото-

рых были ассигнации годов правления династии Юань, показали, что в 1280—1284 годы новой эры город еще существовал. Эта монгольская династия царствовала в Китае с 1280 по 1368 год.

СОКРОВИЩА ХРАМА ТЫСЯЧИ БУДД БЛИЗ ГОРОДА ДУНЬХУАН

Богатые результаты нашей поездки в мертвый город низовий реки Эдзин-Гол окончательно укрепили мое стремление отыскивать развалины древних городов и добывать сохранившиеся в них сокровища, спасая их от гибели и расхищения. Поэтому Лобсын во время своих поездок по кочевьям киргизов и калмыков постоянно собирал у них сведения о развалинах селений и городов, я занимался тем же в Чугучаке у китайских местных и приезжих купцов, а консул просматривал старые китайские географические труды и литературу по Китаю и Индии, которую получал из посольства в Пекине.

В конце зимы в мою лавку зашел китайский купец, приехавший из города Дуньхуан, самого западного в провинции Ганьсу. Он намеревался ехать дальше через Сибирь в Москву и даже за границу в поисках каких-то товаров особого рода, о которых он не распространялся, а только осведомился, занимаюсь ли я их сбытом. Между прочим в разговоре он упомянул, что недалеко от Дуньхуана, более известного под именем Сачжеу, в пещерах предгорий хребта Алтынтаг находится большая буддийская кумирня, содержащая будто бы тысячу статуй божеств. Ламы этой кумирни бедствуют, так как монгольского населения вблизи совсем нет и храмы привлекают очень мало посетителей и жертвователей. Поэтому ламы охотно продают богомольцам статуэтки богов, которые сами лепят из глины, а также старые буддийские книги, сохранившиеся от прежних времен, когда кумирня процветала. Часть пещер уже обрушилась и недоступна. Он упомянул, что купил там несколько буддийских сочинений и везет их в Париж, где имеется знаток санскритской литературы, который может оценить значение этих книг.

Интерес, который возбудило у ученых небольшое количество старых книг, привезенных нами из развалин Хара-Хото и отправленных в библиотеку Академии наук, заставил меня принять к сведению это сообщение купца и поговорить потом о нем с консулом. Последний

подтвердил наличие храма с тысячью будд вблизи Сачжеу, известного в китайской литературе, и посоветовал мне при случае посетить его и собрать более подробные сведения. Вскоре после этого и Лобсын, расспрашивая очень старого монгола, бывавшего в молодости даже в Лхасе, также слышал от него о храме с тысячью будд, который очень славился в старое время, но теперь посещается редко, так как лежит слишком далеко в стороне от главных путей монгольских богомольцев, пробирающихся на поклонение как в монастыри Гумбум, Лабран на северной окраине Тибета, так и в Лхасу. Прежде, лет сто и двести назад, особенно в то время, когда в Джунгарии правил независимый от Китая хан, монголы этой области, а также западной заалтайской части Монголии направлялись в Лхасу через Хами и Сачжеу, и кумирня с тысячью будд на пути этих богомольцев являлась первой и самой крупной, расположенной, так сказать, в преддверии Тибета. Подле нее караваны богомольцев останавливались для отдыха и молились богам о благополучном пути через суровые нагорья Тибета, где караваны нередко подвергались нападениям тангутов и тибетцев.

Я рассказал об этой беседе консулу, и он, развернув передо мной карту Центральной Азии, показал наглядно, что для Джунгарии и Западной Монголии путь в Лхасу через Хами и Сачжеу значительно короче, чем путь через Алашань, Синин, Куку-Нор и восточный угол Цайдама, по которому ходят в Лхасу из Восточной Монголии.

— Но в Западной Монголии и Джунгарии монголы и теперь еще живут,— заметил я.— Почему же они перестали ходить в Лхасу этим кратчайшим путем?

— В самой Монголии за последние сто—двести лет появилось довольно много новых монастырей, а в старых появилось больше гэгенов, то есть перерожденцев Будды, привлекающих богомольцев. Поэтому количество богомольцев из Монголии в Лхасу вообще уменьшилось, что обусловлено также обеднением монголов вообще, эксплуатируемых ванами, князьями и китайскими торговцами. Чтобы идти в Лхасу на богомолье, нужно взять с собой подарки далай-ламе и всем кумирням Лхасы, провизию на много месяцев, верховых и выючных животных — рядовому монголу это уже не под силу, и большинство предпочитает молиться и жертвовать в ближайшей к месту жительства кумирне или идти не

так далеко — хотя бы в Ургу, где много кумирен и имеется гэген, считающийся заместителем далай-ламы.

Так консул объяснил мне вероятные причины обеднения кумирни Тысячи будд на пороге Тибетского нагорья.

Сведения о многочисленных пещерах и изображениях божеств, а также о старой литературе, которую голодные ламы охотно продавали желающим, очень заинтересовали меня, и я наметил посещение Сачжеу и этой кумирни как задачу ближайших лет. Лобсын поддерживал мой интерес к этой кумирне и ее богатствам и как-то весной размечтался за чаем, когда мы стали обсуждать вопрос, куда поехать в этом году с торговым караваном.

— Знаешь, Фома, — сказал он, — я начал подумывать о путешествии в Лхасу. Столько разных местностей мы с тобой уже посетили, и когда я при встречах с разными монголами рассказываю о наших поездках и приключениях, меня не раз уже спрашивали, почему я до сих пор не побывал в Лхасе, не осмотрел чудесные храмы этой столицы, не поклонился далай-ламе и не получил его благословения, которое делает человека счастливым на всю жизнь и приносит вечное блаженство.

— А ты разве не счастлив без благословения далай-ламы? — рассмеялся я. — Живешь не нуждаясь, имеешь хорошую жену, детей, юрты, много скота. Путешествуешь, куда хочешь, видишь новые места, новых людей.

— И все-таки хочется собственными глазами увидеть святого далай-ламу, его храмы и город, где живут многие тысячи лам и куда каждый год приходят на поклонение люди из всех стран, в которых почитают великого основателя нашей религии.

— Ну, я с тобой туда не поеду! Слишком это далеко и трудно, слишком много подарков нужно взять туда и средств затратить на них и на длинную дорогу. А в пути еще нападут тангуты и ограбят, отнимут даже вьючных животных, так что в Лхасу если и доберешься — так с пустыми руками; к далай-ламе и в храмы тебя даже не допустят.

— О Лхасе я пока только мечтаю, — заявил Лобсын, немного огорченный моими возражениями. — Но в этом году поведем наш караван в этот Дуньхуан, побываем в пещерах с тысячей будд, посмотрим их, закупим интересные вещи и книги. А у лам я узнаю о дороге в Лхасу, по которой прежде ходили паломники, побывавшие у тысячи будд.

Против этого плана я не мог ничего возразить, так как других предположений на текущий год у меня еще не было. А путешествие в Дуньхуан давало возможность видеть новые места, новых людей. Мы решили, что пойдем кратчайшим путем по тракту в Урумчи, оттуда в Турфан и Лукчун по знакомой дороге, а далее вдоль Тянь-Шаня и через Хамийскую пустыню по новым местам до подножия Алтынтага. Время, оставшееся до августа, давало возможность выяснить у людей, бывших в этих новых местах, какие товары подобрать для продажи населению и ламам в кумирне Тысячи будд и для обмена у них на старые книги, картины, статуэтки божеств и пр.

И вот в середине августа, снаряжаясь в эту новую экспедицию, я отобрал подходящие для лам кумирни Тысячи будд мануфактурные и мелкие скобяные товары, не забыл также товары, интересные для таранчей южного подножия Тянь-Шаня, через селения которых мы должны были проходить. Лобсын прибыл с верблюдами и лошадьми и с запасами баурсака, сушеных пенок, творожного сыра из овечьего молока, который в его семье научились делать. Я добавил сухарей, сахару, разных круп и в конце августа мы двое, мой воспитанник Очир и старший сын Лобсына, получивший русское имя Олег, тронулись в путь. Двенадцать дней мы шли по большому тракту в Урумчи, не торопясь, затем еще четыре дня до оазиса Лукчун по дороге, знакомой по поездке с немцами, так что описывать этот путь еще раз незачем. Отмечу только, что мы ехали гораздо спокойнее, чем в тот раз с немцами, и большей частью ночевали на воле в своей палатке, а не на постоянных дворах, где пришлось бы платить за фураж для нашего большого каравана.

Из Лукчунского оазиса можно было идти дальше до Хами двумя дорогами. Более длинная шла через селения или города Пичан и Чиктам на северо-восток к подножию Тянь-Шаня и далее вдоль него; это большой тракт Нань-лу со станциями для перемены лошадей, по которому едут все чиновники, а также идут возы и караваны с товарами. Более короткая и прямая дорога идет прямо на восток, вдоль южного края больших песков Кумтаг, и далее мимо озера Шонанор в Хами. Эта дорога имеет странное название — Долина бесов и когда-то являлась государственным трактом со станциями, но затем была упразднена, даже запрещена из-за опасности проезда по ней.

Меня, конечно, более интересовала эта Долина бесов, но, отправляясь по ней со всем караваном, я рисковал и животными, и товарами; имея же в виду посещение храма Тысячи будд как главную задачу экспедиции этого года, было бы неблагоразумно вести караван по Долине бесов. Поэтому я решил разделить его и отправить Лобсына с мальчиками и верблюдами с грузом по кружной дороге, а самому, взяв проводника, познакомиться с Долиной бесов.

Лобсын, конечно, также хотел бы пройти по этой дороге, но согласился со мной, что вести весь караван по ней слишком рискованно, судя по тем рассказам, которые мы слышали от таранчей Лукчуна. Я обещал ему рассказать подробно свои приключения, и он, наняв себе в помощь проводника, повел вместе с мальчиками караван по тракту. А я, взяв двух запасных верблюдов, с легким грузом поехал в селение Дыгай на восточной окраине Турфанской впадины, где можно было найти проводника в Долину бесов.

Груз моих верблюдов состоял из двух бочонков для запаса воды, легкой палатки на двух человек самого простого устройства, провианта на неделю, постели и шубы. Я поехал на своей лошади и верблюдов вел в поводу. Из Лукчунского оазиса я прошел на юго-восток. Общий вид Турфанской впадины уже описан в рассказе о путешествии с немцами.

Обширная впадина Турфан — Лукчуна представляет замечательное сочетание полной пустыни и густонаселенных цветущих оазисов в непосредственном соседстве. Пустыня занимает большую южную часть впадины, вмещающая в самой глубокой части соленое озеро, окруженное кочками солончака. От этой южной части на север выдаются еще полосы пустыни в промежутках между оазисами, которые расположены вдоль речек, вытекающих из разрывов в горных грядках Булуектаг и Ямшинтаг и приносящих сюда воду, выбивающуюся из наносов южного подпожия Тянь-Шаня, и вдоль кярызов, подземных каналов, выведенных из этих наносов. В оазисах пышная растительность — пирамидальные тополя, карагач, фруктовые деревья, виноградники и поля, засеянные разными хлебами и хлопчатником. Турфан славится своими плантациями, дающими лучший сорт хлопка, и виноградниками с мелким виноградом без косточек, из которого готовят мелкий зеленый изюм, известный под названием кишмиш. Хлопок и изюм из Турфана вывозят даже в Россию, и изюм мы всегда по-

купали в Чугучаке поздней осенью и зимой, когда его доставляли китайские купцы, занимавшиеся торговлей с Россией через Кульджу, Чугучак и Зайсан.

По тропинке, извивавшейся между кочками солончака, я и ехал часов пять-шесть из садов Лукчуна в селение Дыгай. Хотя была уже середина сентября (или даже конец его, по новому стилю), но в Турфанской впадине под 43° широты, представляющей самое низкое место материка Азии, вдавленное на 100—150 метров ниже уровня океана, было очень душно. Накаленные солнцем бурые гипсовые кочки, совершенно лишенные растительности, дышали жаром, и я был рад, когда в селении Дыгай мог слезть с коня и укрыться в сакле таранчи, аксакала, то есть старшины, к которому заехал.

Мы уже испытали жару Турфанской впадины три года назад во время разведки с немцами древностей возле Лукчуна, когда приходилось прерывать работу с 10—11 часов утра до 4 часов дня. Консул рассказал мне, что еще в конце X века посол китайского императора Тхай-цуна доносил о невыносимой летней жаре в Турфанском округе, от которой жители этой страны укрываются в подземельях, а птицы в самый зной не могут летать. Но, проведя лето в этом округе на открытом воздухе, я думаю, что посол очень преувеличил жару, чтобы заслужить благодарность императора в виде награды за перенесенные им тягости. Я не слыхал от жителей Лукчуна, чтобы они прятались от жары в подземельях, которых вообще в селениях нет. Может быть, посол слышал о кярызах: в этих подземных галереях, где течет вода, конечно, гораздо прохладнее, и туда, может быть, какие-нибудь большие спускаются в жаркие часы.

Селение Дыгай оказалось довольно крупным — с полсотни домов на восьми кярызах, то есть штольнях, выводящих грунтовую воду из наносов, описанных мною раньше. Жители разводят прекрасные дыни, которыми славится это селение, и я, конечно, лакомился ими, обсуждая с аксакалом дальнейший путь. Оказалось, что жители занимаются не только бахчеводством, но являются также прекрасными охотниками и промышляют в пустынном хребте Чолтаг, скалистые вершины которого закрывают вид на юг. В этих горах, совершенно безлюдных и бедных водой, водятся дзерены и сайги, горные бараны (архары), козлы (куку-яманы), а за ними, в пустынях между Чолтагом и Куруктагом, — даже дикие верблюды. Эта пустыня, как говорят, самая трудно-

доступная, и ни один европейский путешественник в ее пределах еще не бывал, как позже сообщил мне консул. Аксакал сказал мне, что на южной окраине впадины, недалеко от подножия Чолтага и на юго-запад от селения Дыгай, находятся развалины города Асса, очень древнего, до которого, вероятно, когда-то добежала речка из Чолтага. Впадину к югу от Лукчуна иногда называют Асса по имени города. Это указание я записал себе на всякий случай, полагая, что придется еще посетить данное место.

Аксакал помог мне найти проводника из местных охотников. Еще вечером пришел ко мне пожилой таранча, и мы сговорились в цене. Он обещал довести меня до озера Шонанор, до которого считали 200 верст, за 4—5 дней, если не задержит сильная буря. Он предупредил, что поедет на верблюде и что мой конь может не выдержать больших безводных переходов, несмотря на запас воды, который будет у нас в бочонках, и добавил, что необходимо взять с собой для коня вьюк сухого клевера, так как по дороге подножный корм только верблюжий, да и то скудный. Эти предосторожности немного смутили меня, но не мог же я отказаться от попытки пройти по дороге, которая когда-то была казенным трактом, на которой были станции и по которой возили даже серебро в Урумчи, Кульджу и Кашгар.

Так как было еще достаточно жарко, проводник предложил выехать на следующий день уже под вечер, идти до полуночи, сделать небольшой привал часа на три и затем продолжать путь до позднего утра, чтобы выполнить первый большой безводный переход вдоль песков Кумтаг.

На следующий день после обеда явился проводник со своим верблюдом; аксакал снабдил меня вьюком хорошего сена из люцерны и клевера. Мы напоили животных, наполнили мои бочонки и покрыли их сеном. Я сел на второго верблюда, несшего легкий вьюк из легкой палатки, постели и провизии, чтобы не утомлять сразу своего коня.

Пошли из селения почти прямо на восток вдоль небольшого ручья, который выходил из подножия Чолтага и тек несколько верст до селения. Впереди уже видны были желтые барханы песков Кумтаг. Справа поднималось с небольшим уклоном подножие Чолтага. Слева громоздились барханы песков, становившиеся постепенно все выше и быстро закрывшие ближайший горизонт. Их крутые подветренные склоны из рыхлого песка

были обращены на запад и местами поднимались в два и три яруса друг над другом. Растительность вскоре совсем исчезла — началась абсолютная пустыня, но дорога была ровная. День выдался хотя жаркий, но тихий и ясный, солнце медленно склонялось к закату, и наш маленький караван двигался размеренным шагом на восток.

Мы вышли из селения около пяти часов дня и прошагали шесть с лишним часов с одной короткой остановкой. Солнце закатилось, на юго-востоке показалась добрая половина луны и осветила наш путь, который, впрочем, трудно было потерять, так как две или три дорожки, пробитые верблюдами, вероятно, уже в те далекие дни, когда по дороге ходили караваны, были еще хорошо заметны. Когда луна стала закатываться, мы остановились, сняли вьюки, уложили верблюдов на отдых, сварили себе чай, закусили; моя лошадь получила хороший сноп люцерны, а верблюды дремали, пережевывая свою жвачку.

Пока мы чаевали, проводник рассказал мне, что население Дыгая, вероятно и всего Лукчуна, убеждено, что пески Кумтаг засыпали какой-то древний город за неуважение божьих заповедей. Город был большой и языческий, и жители развращены, не признавали никаких родственных отношений, братья женились на сестрах, отцы на своих дочерях. В городе был только один праведник, и ему ночью явился ангел и объявил, что в следующую ночь город будет погребен под тучей песка, которую принесет ветер в наказание за распутную жизнь жителей города. Ангел велел праведнику взять большую палку, воткнуть в песок и бегать вокруг нее все время, пока будет сыпаться с неба песок. Но палку будет также засыпать, поэтому нужно ее время от времени выдерживать, опять втыкать и бегать кругом, тогда песок не засыплет. Когда настала ночь, праведник выполнил указание ангела и бегал вокруг палки, пока с неба сыпался песок, по временам вытаскивая свою палку. Когда наступило утро, на месте города оказались огромные горы песка, а праведник остался один со своей палкой и, как говорят, ушел в город Аксу, где до сих пор еще имеется его могила, почитаемая таранчами. Место, где был город, и теперь еще называют Кетек-Шари, то есть наказанный город.

По словам проводника, поперек песков Кумтаг ходить очень трудно: пески поднимаются целыми горами на сто и более размахов, а при сильных ветрах вздыма-

ются тучами. Растительности на них почти никакой нет. Так как мы шли не через пески, а по их окраине, тропой, проложенной вдоль хребта Чолтаг, я мог видеть при свете луны лишь высокие холмы песка, остававшиеся в стороне, а на тропе попадались только местами небольшие наметы песка, в виде длинных грядок. Не раскидывая палатки, мы проспали часа три или четыре, закрыв лицо платком, так как при слабых порывах ветра в воздухе носился песок. Проснулись, как только показались первые признаки рассвета, быстро собрались и поехали дальше. Тропа постепенно поворачивала немного на северо-восток. Справа по-прежнему тянулись глинистые площадки Чолтага, а слева вздымались высокие песчаные холмы Кумтага. Так мы отшагали часа два с половиной, стало светло, затем появилось и солнце, но в какой-то желтой дымке без лучей, и я заметил, что местность начинает меняться: песчаные горы становятся мельче и мало-помалу уступают место красноватым глинистым площадкам, бугоркам и длинным выступам. А вместе с тем поднялся ветер, и проводник посоветовал остановиться на отдых, заявив, что в Долине бесов днем почти постоянно дует ветер, песок слепит глаза и очень трудно идти против ветра, тогда как ночью ветер часто слабеет.

Чтобы немного защититься от ветра, который усиливался, мы зашли в ложбину довольно причудливой формы, сняли вьюки, уложили верблюдов и дали им и лошади по снопу люцерны, разбили палатку и легли спать. Проспали часов до десяти утра, потом согрели чай, позавтракали, лошади дали полведра воды и сноп люцерны. Ветер дул порывами, то ослабевая и почти затихая, то усиливаясь, так что приходилось закрывать лицо от переносимого им песка, который он сметал с красных бугров и грядок.

Когда тускло светившее сквозь пыль солнце склонилось к закату, мы, подкрепившись холодным мясом, чуреками и несколькими глотками чая, завьючили верблюдов и поехали дальше на северо-восток. Местность становилась все более и более неровной: ложбины, то узкие, похожие на глубокие рытвины, то широкие, чередовались с зубцами, гребнями, рогами, часто самых причудливых форм, сложенными из красного и бурокрасного твердого песка, содержавшего мелкие камешки. Ветер, ослабевший к закату, сносил с этих скалистых выступов немного песка. Чем дальше по дороге, тем разнообразнее становились формы.

— Вот это началась Долина бесов,— сказал проводник. — Нечистые силы забавляются здесь, и когда ветер усиливается, они воют, визжат, свистят, стонут, стараясь напугать путников, сбить их с дороги, засыпать им глаза песком, свалить с ног, выбить из сил и погубить.

Фантастические формы скал, по которым, извиваясь, пересекая ложбины, шла дорога, действительно производили впечатление чего-то сверхъестественного, а попадавшиеся изредка отдельные кости, черепа верблюдов и других животных и целые скелеты их, отполированные песчинками до блеска, усиливали мрачный вид местности, лишенной какой-либо растительности.

Когда совершенно стемнело и только тусклая луна освещала наш путь, жуткое впечатление от пустыни еще более усилилось. То и дело появлялись какие-то странные формы скал и сочетания их: то с грозющим пальцем, то зажатый кулак, то уродливая фигура с кривым носом, зияющей пастью, то скорчившаяся в комок, сгорбленная крючком фигура. К нашему счастью, ветер был слабый, и завыванье его среди неровностей почвы не удручало. Но можно было представить себе, что делалось в этой Долине бесов при сильном ветре, не говоря уже об урагане, который заставил бы лежать неподвижно людей и животных в течение долгих часов.

Когда луна, опустившись, скрылась в пыльном воздухе, проводник остановился, заявив, что в темноте в такой расчлененной местности очень легко потерять дорогу и лучше дожидаться рассвета. Мы выбрали ложбину поглубже среди выступов и гребней, уложили верблюдов, забрались между тюками нашего багажа и, укрывшись халатами, заснули.

Такая же местность, то более, то менее сильно расчлененная ложбинами и причудливыми формами, продолжалась еще двое суток. Проводник рассказал мне, что, будучи мальчиком, он участвовал во время дунганского восстания в бегстве детей и женщин таранчей из Хами по Долине бесов в Лукчун. Бежали второпях, без должных запасов, и многие погибли от жажды. Бури до сих пор отрывают в долине скелеты людей, части одежды и обуви, седла.

По рассказам старых людей, закрытие старинного пути по Долине бесов по повелению китайского императора случилось в начале XIX века. Из Пекина в Кашгарию шел караван, везший казенное серебро под охраной войска и чиновников. Разразившаяся сильная буря разметала людей, животных и все имущество по пусты-

не. Люди, посланные для розысков погибших, не могли найти ничего. Тогда по повелению богдыхана все станции по этой дороге были разрушены, колодцы завалены камнем, а дорога наказана — ее бичевали цепями и били палками, и было запрещено кому бы то ни было ходить по этой дороге. Это запрещение долго соблюдалось, и про существование дороги начали забывать. Но мало-помалу отдельные смелые люди — охотники в поисках дичи — стали заходить все дальше и дальше по старой дороге, и, наконец, ею стали пользоваться смельчаки в месяцы осени, когда бури более редки, а в некоторых колодцах появляется вода; кроме того, редкое выпадение обильного снега дает возможность проехать этим путем зимой.

Когда я в течение трех дней познакомился с тем, как страшные бури глубоко изрыли, источили красные породы, выступающие в Долине бесов, я понял, почему ее называют также Сулк-ассар, что значит «фантастический город». Это было нечто совершенно поразительное, трудно описуемое, и я подумал, что если бы нашелся художник, который захотел бы изобразить все формы этого города, ему пришлось бы поработать много дней, чтобы нанести их красками на бумагу, и многие позавидовали бы ему.

Я забыл еще упомянуть, что в течение ночей, которые мы провели в Долине бесов, я явственно слышал отдаленный звон колокольчиков, иногда как бы ржание лошади или рев ишака, а иногда как будто отдаленную музыку. Проводник, которому я сказал об этих звуках, подтвердил, что и он слышал их, но что на них не нужно обращать внимания. Опытный охотник не слушает их, тогда как неопытные, по его словам, иногда ходили выяснять причину этих звуков, которые завлекали их все дальше и дальше, пока обманутые люди не теряли дорогу и не погибали, так как это поют и плачут нечистые духи пустыни. Я думаю, что эти звуки создаются слабыми порывами ветра в этой пустыне, представляющей такие разнообразные и сложные формы поверхности.

На четвертый день к вечеру нас обрадовало появление скудной растительности. Резкий рельеф начал сглаживаться, ложбины, выдутые ветрами, стали оканчиваться замкнутыми котловинами, на дне которых дожди создали гладкие блестящие площадки глины, которые называют хаками. Довольно большое озеро Шонанор занимало более крупную впадину. Вода озера была соле-

ная, но в него втекала небольшая речка Курук, где наши верблюды после трех с лишним дней поста могли полностью утолить свою жажду. Здесь уже начались заросли хармыка, камыши, а на озере плавали утки и турпаны, вероятно из пролетных стаек. На кустах я заметил саксаульную сойку, пустынную славку, чекана. За озером Шонанор, где началась уже растительность, все деревья тограка, то есть разнолистого тополя, были наклонены на юго-восток, а сторона их стволов, обращенная на северо-запад, лишена коры, которую, очевидно, сдирают переносимые ветром песчинки. О силе ветра свидетельствует и наклон стволов, показывающий также, что господствуют бури с северо-запада. Попадаете много искалеченных мертвых деревьев, истертых песком и галькой. У дороги попадались гряды, сложенные из мелкой гальки и гравия, величиной с лесной орех и высотой до трех аршин. Эти гряды, очевидно, были наметены ураганами и доказывают силу последних. Легко себе представить, как метет буря, которая в состоянии переметать по земле камешки величиной с лесной орех и даже подбрасывать их при сильных порывах до лица человека.

На следующий день, повернув на север, мы к полудню встретились с караваном Лобсына и сделали привал. Лобсын приехал сюда не по большой караванной дороге с казенными станциями, а по расспросам в Пичане и Чиктаме узнал, что имеется более короткая и прямая дорога без станций, но вполне удобная для путников, не нуждающихся в крове и имеющих запас хлеба и фуража. Он прошел по ней, выиграв один день во времени и довольно много в расстоянии.

Лобсын рассказал, что после оазиса Лукчуна, протянувшегося на несколько верст на восток вдоль арыков, выведенных из реки, караван вступил в долину между скалистыми горами, составляющими продолжение Ямшинтага, и песчаными горами Кумтаг. Он ехал по ней до селения Кичик, где Ямшинтаг отошел в виде низких холмов в сторону. Миновали глиняную крепость Пичан с китайским гарнизоном, не заходя в нее. Ночевали на окраинах таранчинских поселков, покупая зеленый корм для животных, так как подножный был слишком скудный. Миновали селения Чиктам, Сарыкамыш, Огур и Кара-Тюбе; из последнего повернули на юг, где и встретились со мной.

Так как Лобсын, избрав более прямую дорогу, оставил далеко в стороне город Хами, я решил продолжать

путь на восток вдоль северной окраины Чолтага, до выхода на большой тракт, идущий из Хами в Сачжеу.

Соединившись с Лобсыном, я, конечно, отпустил проводника Ходжемета, который поехал назад не по Долине бесов, а по той дороге, по которой пришел Лобсын, чтобы на полученные от меня деньги купить кое-что в Чиктаме. Мы же шли еще три дня прямо на восток, а затем повернули на юго-восток через Хамийскую пустыню. Но на этом пути до Сачжеу я не буду описывать пройденную местность так подробно, как в Долине бесов, потому что она была более однообразна.

От автора. Любитель приключений Кукушкин мог только отметить частоту и чрезвычайную силу бурь на своем пути из впадины Турфана — Лукчуна на восток, вдоль южного подножия Тянь-Шаня, известную также из описаний других путешественников, но объяснить это явление не мог. Автор может заполнить этот пробел, чтобы удовлетворить любознательность читателей.

Центральная Азия вообще отличается обилием ветров и бурь, что обусловлено устройством поверхности этой обширной страны, занимающей внутреннюю часть материка Азии. Рассматривая хорошую рельефную карту Азии, легко заметить, что Центральная Азия в общем представляет обширную впадину, окруженную почти со всех сторон горными странами: с севера, с места слияния рек Аргуни и Шилки, образующих Амур, ее окаймляют горы Забайкалья, Восточного и Западного Саяна и Алтая, поднимающиеся местами выше снеговой линии и потому несущие ледники. На западе, вдоль границ Центральной Азии, тянутся горные цепи и нагорья Джунгарского Алатау, Тянь-Шаня и Памиро-Алая. На юге цепи Куньлуня, Наньшаня и Цзиньлиншаня образуют высокий барьер, южнее которого еще выше поднимаются горы Тибета и Гималаи. Лишь на востоке нет такого сплошного и высокого ограждения. Здесь на севере тянется до 44° хребет Большой Хинган, поднимающийся только до 1200—1800 метров абсолютной высоты, а южнее его расположены только высокие цепи Шаньсийских гор; и влажный воздух с Тихого океана имеет наиболее свободный доступ в глубь Центральной Азии и приносит туда влагу, необходимую растительности.

Обширная впадина Центральной Азии не является ровной: ее бороздят в разных направлениях горные цепи и нагорья — на севере Кентей и Хангай, немного юж-

нее их — Монгольский и Гобийский Алтай, еще южнее цепи Восточного Тянь-Шаня, Куруктага, Бейшаня, Алашанского хребта и Иньшаня и, кроме того, многочисленные гряды гор и холмов разной высоты. Но в общем значительные площади Центральной Азии опускаются до высоты 1200 и даже 600—800 метров над уровнем моря, поднимаясь в отдельных грядах до 1800—2000 метров, редко до 4000—5000 метров и понижаясь до 300—400 метров в Джунгарии, Ордосе, Таримском бассейне, а в Турфанской впадине даже до 100—150 метров ниже уровня океана.

Открытие такой глубокой впадины у южного подножия Восточного Тянь-Шаня оказалось неожиданным и было сделано русскими экспедициями Певцова и Грумм-Гржимайло в 1890—1891 годах, подтверждено последующими исследованиями и объясняет нам также существование Долины бесов. Но так как Центральная Азия в общем, как сказано выше, представляет обширную впадину материка, окруженную со всех сторон более значительными высотами, то есть выпуклостями суши, то не удивительно, что в эту впадину с этих высот устремляются потоки более холодного воздуха и что Центральная Азия вообще отличается частыми и сильными ветрами и имеет беспокойный климат. В Центральной Азии редко бывает тихо, особенно днем. С восходом солнца просыпается и ветер, дует, постепенно усиливаясь к полудню, целый день и стихает только после заката солнца, и то не всегда. А сильные ветры, переходящие в бури, случаются осенью, особенно же зимой и нередко весной и только летом не так надоедают путешественнику. Сильные ветры, переходящие в пыльные бури, вообще характерны для климата этой страны, а некоторые области ее особенно известны в этом отношении. Таковы именно области по южному подножию Восточного Тянь-Шаня и пограничная Джунгария. Первой из них нужно отнести первое место, что вполне объясняется ее рельефом.

В Турфанской впадине поверхность земли вдавлена плоской ямой до 50—100 метров ниже уровня океана на площади около 90 километров с востока на юго-запад и около 40—50 километров с севера на юг, то есть около 4000 квадратных километров, и представляет плоскую пустыню, в которую узкими ленточками вдаются оазисы вдоль речек, текущих с Тянь-Шаня. С севера впадину ограничивают невысокие, но совершенно оголенные скалистые горные гряды Туектаг, Ямшинтаг и

другие, обращенные к впадине крутым склоном, изрезанным оврагами и логами, лишенными растительности, так что на них везде видны горные породы — песчаники, сланцы. Севернее этих гряд поднимается к подножию Тянь-Шаня пустыня, усыпанная галькой, в которой очень быстро исчезают речки, текущие из снегов хребта. Вода, ушедшая в толщи этого галечника, появляется опять у северного подножия голых гряд Туектаг, Ямшинтаг, образуя речки, которые прорывают эти гряды ущельями и питают оазисы Турфана и Лукчуна.

Можно себе представить, как накаляется в ясные дни, которых там много, галечная пустыня подножия Тянь-Шаня и дна впадины. А на востоке впадину замыкают пески Кумтаг, занимающие площадь около 50 километров в длину и 20—30 километров в ширину; они образуют барханы высотой до 40—50 метров, почти лишенные растительности.

На севере, на расстоянии около 40—50 метров от края впадины, поднимаются скалистые горы Тянь-Шаня, увенчанные вечными снегами и достигающие 4500—5000 метров абсолютной высоты, а на юге впадину ограничивают невысокие цепи хребта Чолтаг, почти лишенные растительности. В общем получается протянутая вдоль Тянь-Шаня плоская яма, почти оголенная, сильно накаляемая солнцем, нечто вроде гигантской жаровни. Здесь и создались такие контрасты высоты и накаливания, что они должны вызывать сильную тягу воздуха на восток вдоль по впадине и тягу, постепенно усиливающуюся с запада на восток, которая и представляет бури Долины бесов. Эти бури и создали к востоку от песков Кумтаг в выступающих здесь сравнительно непрочных горных породах разных третичных, меловых и юрских песчаников и конгломератов те разнообразные формы выветривания и развевания, которые наблюдали путешественники, но никто подробно не описал, вероятно потому, что в бурную погоду, когда ветер валит с ног, а пыль слепит глаза, смотреть и записывать, рисовать или фотографировать очень трудно. А судя по тем различным формам, которые я видел в эоловом городе Орху на реке Дям и Джунгарии, в Долине бесов они должны были быть еще более своеобразными и разнообразными.

Экспедиции Козлова и Роборовского сообщили о Долине бесов в своих отчетах такие же скудные сведения, какие приведены в описании маршрута Кукушкиным. В дополнение к ним приведу еще то, что сообщил Г. Е. Грумм-Гржимайло, по-видимому, по расспросам.

На станции Кыркортун, расположенной на большом тракте из Лукчуна в Хами, за большим селением Чиктам, близ богатого водой ключа, сходятся два пути из Хами — колесный окружной и вьючный прямой. По последнему ездят редко на колесах и рассказывают о нем так: когда в Кыркортуне едва ощущается слабый ветер с востока, там, в ущельях, по которым бежит эта дорога, свирепствует настоящая буря, и никто не в состоянии удержаться на ногах, даже арбы опрокидывает и уносит на десятки шагов. Главная опасность этого пути, однако, не в этом: уложил ишаков и верблюдов, укрылся как-нибудь сам среди вещей и — стихла погода — опять продолжай свой путь. Опасность грозит сверху, со стороны гор, с которых ветер срывает и несет щебень, иногда в таких массах, что кажется, идет каменный дождь. Тогда шум и грохот заглушают рев верблюдов и крики человека и наводят ужас даже на бывалых людей.

В дополнение к этим сведениям приведу еще те, которые можно извлечь из китайских сочинений.

Монах Иакинф Бичурин, проведший много лет в Китае, изучая старую литературу, приводит китайское описание ураганов в местности к востоку от города Пичана: три станции Саньцзянфан, Шисаньцзянфан и Буинтай — суть места ураганов. Ветер всегда поднимается со стороны северо-запада. Перед ветром слышен глухой шум, словно перед землетрясением. Мгновение спустя налетает ветер, срывает крыши с домов, наполняет воздух камнями с яйцо величиной, опрокидывает самые тяжелые телеги и разносит рассыпавшиеся из них вещи, наконец, уносит и телеги. Людей и скот, застигнутых бурей, уносит так далеко, что и следов их не найдешь. Такие ветры случаются всего чаще весной и летом, а осенью и зимой весьма редки. В горах зеленые плоскопродолговатые камни, похожие на яшму, движимые ветром, издают звук, подобный металлическому. Песчаные камни, занесенные ураганом на горы, всегда лежат беспорядочными кучами в странных видах и никогда не составляют холмов. Если утро над северными и южными горами ясно и чисто, в тот день не бывает ветра, а если мрачный туман мало-помалу скроет горы, в тот день непременно будет сильный ветер и не следует пускаться в дорогу. Эта местность и есть Долина бесов («Вань-янь-дэ», Описание Джунгарии, с. 229).

В заключение можно привести общие данные о Турфанской впадине и особенностях ее климата на основании наблюдений станции, устроенной экспедицией Робо-

ровского вблизи города Лукчуна и действовавшей два года — с октября 1893 по сентябрь 1895 года.

Впадина имеет около 150 верст длины и около 70 верст ширины; с севера ее ограничивают южные предгорья Тянь-Шаня, с юга — невысокий кряж Чолтаг, с востока — пески Кумтаг. Впадина представляет лёссово-солончаковую, а в середине болотистую местность, поросшую кое-где камышами, отчасти тамариском. Окраины орошаются речками с Тянь-Шаня и кырызами, выведенными от подножия гор. Метеорологические наблюдения станции Лукчун показали, что годовой ход давления равняется почти 30 миллиметрам, величина, вероятно, крайняя для всего земного шара. Температура летних месяцев очень велика, в среднем для июля она приравнивается к Сахаре, предельная высокая в 48° — также наибольшая для всей Азии (на солнце — 64°). По сухости и бедности осадков впадина также представляет крайность. Число ясных дней (147) превосходит крайний возможный предел линий карты Шенрока (100—140), а число пасмурных дней (20) составляет нижний возможный предел (40—20).

По таблицам наблюдений видно, что среднее давление зимой 780, летом 762, то есть зимой наибольшее, как и по всей Центральной Азии, а летом наименьшее. Ветры преобладают восточные и западные, но сила их небольшая, наибольшая в апреле, мае и июле. Температура зимой падает до -13 , -15° , редко до -20° , а летом держится $+35$ — 40° и до 48° . Морозных дней в году 130—140.

После этого отступления, которое иные читатели могут пропустить, если Долина бесов показалась им малоинтересной, вернемся к изложению дневника Кукушкина о путешествии на восток от места его встречи с главной частью каравана, немного восточнее озера Шонанор.

Первые три дня мы шли вверх по долине речки Курук-Гол, которая вытекает из снегов Карлыктага, той вечноснеговой группы, которая поднимается над самым восточным участком Тянь-Шаня. Курук-Гол течет на юг, орошает большой оазис Хами, в котором расположен город Хами — столица восточной части Синьцзяна, где живут и таранчинский (мусульманский) ван и китайский амбань. Верстах в двадцати ниже города речка резко поворачивает на запад вниз по долине, расположенной вдоль северного подножия хребта Чолтаг, кото-

рый мы уже не раз вспоминали, огибая оазис Лукчун и Долину бесов. Эта речка дает орошение долине. Поэтому мы встречали на своем пути от озера Шонанор, в которое речка впадает, поселки таранчей, расположенные то гуще, то реже, а в промежутках заросли камыша (где речка весной затопляет дно долины), тамариска, тополей. На юге все время тянулись высоты Чолтага, поднимавшиеся от дна долины пологим склоном, разрезанным многочисленными логами и оврагами, и местами увенчанные плоскими скалистыми вершинами. Это продолжалась Долина бесов, пустынная, безводная, посещаемая только охотниками в поисках антилоп и диких верблюдов, которые живут еще там в горах Чолтага и Куруктага.

Затем мы повернули на юго-восток и юго-юго-восток, в общем шли 260 верст до реки Сулэхэ, единственной на этом пути через Хамийскую пустыню (последняя на западе представляет скалистые гряды Чолтаг и Куруктаг, а на востоке — подобные же гряды, называемые уже Бейшань, то есть северные горы, в противоположность цепям Наньшань, то есть южным горам, расположенным южнее реки Сулэхэ и оазисов Сачжеу, Юймынь и Сучжеу. В сущности, Чолтаг, Куруктаг и Бейшань — это одна и та же горная страна, протянувшаяся с запада на восток между Тянь-Шанем на севере и Наньшанем на юге. Ее условной границей на востоке считают течение реки Эдзин-Гол, которая течет с Наньшаня на север и впадает в озеро Сого-Нур и Гашиун. В этих грядах высоких вершин нет, они достигают 1600—2000 метров абсолютной высоты, а в долине реки Сулэхэ абсолютные высоты падают уже до 1000—1200 метров).

На протяжении первых 150 верст пути через Хамийскую пустыню можно было заметить, что местность в общем повышается, но неравномерно и медленно, местами даже незаметно; она представляет то ровную голую пустыню, усыпанную галькой, то поросшую скудными кустами саксаула, тамариска, эфедры, хармыка. Кое-где во впадинах, где могла задержаться дождевая или снеговая вода, попадались заросли камыша, что позволяло нашим верблюдам и лошадям на ходу подкармливаться, так как места наших ночлегов далеко не всегда были обильны подножным кормом, хотя мы выбирали для ночлега те места, где корм был лучше, и останавливались даже раньше, если попадалось место с лучшим кормом. Часто встречались большие площади, сплошь усыпанные толстым слоем щебня и, конечно, бесплодные.

Далее местность стала более неровной; дорога шла по каменистым холмам, огибая крутые горки, на которых часто выступали толстые пласты каких-то сланцев. Встречались сухие русла с зарослями камыша, еще зеленого, тогда как в других местах он был уже засохший. Почти каждый день мы видели то справа, то слева нескольких диких верблюдов, которые при виде нашего каравана отбегали очень быстро подальше и, очевидно, были знакомы с человеком. На севере долго еще оставался в виду Карлыктаг с его снежной шапкой, иногда совершенно скрывавшейся во мгле, когда воздух становился пыльным. Но потом его заслонили зубчатые скалы и склоны Чолтага. Последний на пятый день во время безводного перехода порадовал нас выпадением снега при налетевшей с запада бури. Снег валил довольно густо около получаса, и этого было достаточно, чтобы не только наши животные, захватывая на лету хлопья или подбирая их с кустов полыни и хармыка, утолили свою жажду, но и мы сами смогли набрать снега в большую клеенку, которая была у нас в запасе на такой случай.

Через Чолтаг проходят две дороги. Одна — трактовая, с небольшими станциями, на которых содержались верблюды и лошади для проезжающих китайских чиновников, имеющих право на сменных лошадей. По этой дороге видны были даже столбы телеграфа с тремя проволоками, нередко кривые либо наклонившиеся в ту или другую сторону. Это был тракт из города Хами в город Аньси, который вскоре за станцией Куфи начал отклоняться к востоку и исчез из вида. На его станциях мы не останавливались, так как не имели права на это и нам пришлось бы платить дорого за корм животных, привезенный издалека.

Вторая дорога — караванная — за станцией Куфи отделяется от первой и идет прямо на юг в Сачжеу; на ней станций нет. По этой дороге на последних 150—160 верстах уклон местности стал обратный — на юг. Мы пересекли длинное ущелье каменного хребта, вероятно Куруктага, чрезвычайно пустынного и дикого, с серыми, черными и белыми камнями, которые торчали в разные стороны, словно чешуи каких-то диковинных чудовищ. За этим ущельем горы начали расходиться в обе стороны; но в общем мы еще больше одного перехода шли среди холмов с очень скудной растительностью, затем миновали обширное камышовое урочище, местами с сухими руслами и красной глинистой почвой,

за ним — колодец, разрушенную фанзу и маленькую кумирню и поднялись по узкой долине в широкое ущелье, по которому перевалили через главную цепь Куруктага и шли еще целый день по горам.

После спуска с этих гор растительность стала более обильной, попадалось много верблюжьих следов, встречались антилопы, зайцы, сороки, вороны. Хамийская пустыня кончалась, и вдали на юге уже показались горные вершины Наньшаня, скрывавшиеся в облаках. Становилось теплее, и мы, наконец, остановились в обширных зарослях камышей, окаймляющих русло и разливы реки Сулэхэ, текущей с Наньшаня. Эта река резко поворачивает на запад, протекает мимо городов Юймынь и Аньси и затем, еще дальше на западе, впадает в озеро Хара-Нур, или Халачи.

В зарослях этой реки мы остановились, сделали дневки, чтобы после скудных кормов и больших переходов через пустыню дать всем отдых. Здесь оказалось много фазанов, и я успешно охотился. Эти заросли составляли северную окраину большой впадины, верст 30—35 в поперечнике, которая отделяет южное подножие Куруктага от северной цепи Алтынтага. В этой впадине мы далее встретили реку Данхэ, которая также течет из Алтынтага и затем поворачивает на запад. Продолжались камыши, заросли разных кустов, рощи тополей, чередуясь с площадями серых солончаков, по которым то гуще, то реже рассеяны бугры с кустами тамариска, голые участки гладких и блестящих такыров и разбросанные в беспорядке фанзы и пашни китайских поселков.

Наши верблюды то и дело на ходу обрывали кусты колючки, своей любимой закуски, которая получила название верблюжьей колючки¹, и отправляли ее в пасть, корешком вперед; при этом положении длинные и гибкие колючки ложатся острием вперед и не впиваются в глотку и горло. А тут же на полях китайских крестьян часто видны были фазаны, бродившие спокойно, словно домашние курицы в богатом помещицьем хозяйстве или на промышленной ферме. Наша собачка носилась с лаем взад и вперед, вспугивая фазанов, которые перелетали с места на место. Самцы громко хлоптали на взлетах, призывая за собой куриц. За два дня перехода по этой впадине я настрелял десятка четыре фазанов, и вечером даже пришлось устроить примитив-

¹ *Alhagi camelorum*. — *Прим. автора.*

ную коптильню, чтобы заготовить впрок излишек добычи; оба мальчика были заняты ошипыванием перьев, и самым мелким пером мы обновили содержимое китайских валиков, заменявших нам подушки.

Большая дорога в Сачжеу, иначе называемый Дуньхуан, часто терялась среди зарослей и полей, разветвлялась, и нам приходилось расспрашивать поселян, чтобы не терять общее направление пути. Китайцы были заняты молотьбой разных злаков на зиму и для вывоза на восток в Ганьсу, так как впадина, орошенная разветвлениями рек Данхэ и Сулэхэ, считается плодородной и удобной для орошения полей. Поселяне при виде наших завьюченных верблюдов, конечно, спрашивали, куда и зачем мы направляемся, и многие интересовались нашими товарами. На обоих ночлегах пришлось вскрывать один из тюков с разной мануфактурой, чтобы удовлетворить поселян. Приходили также торговцы — мелкие перекупщики, — но получали ответ, что наши товары назначены для храма Тысячи будд в Дуньхуане.

На месте первого ночлега росло довольно много тополей, частью посохших, и мы, конечно, нарубили немного дров для своего костра. Когда жители соседнего поселка увидели, что мы рубим дрова, несколько человек подбежали и также стали рубить деревья. На наш вопрос, почему они занялись этим, они сказали, что эти деревья казенные, то есть государственные, и их вообще запрещено рубить. Они воспользовались нашим примером, чтобы потом заявить, если власть заметит порубки, что они сделаны проезжими по незнанию запрета.

В общем в оазисе Сачжеу считается около 35 000 жителей, а в самом городе Дуньхуан — 7000. Город состоит из двух частей — старой и новой. Каждая, конечно, окружена глинобитной толстой стеной с зубцами и несколькими воротами каменной кладки, запираемыми на ночь. Новый город с лучшими постройками вмещает начальство и отряд маньчжурского войска, а старый — всю торговую часть. Он очень грязен, улицы узкие и кривые, за исключением двух главных — продольной и поперечной, которые идут прямо и немного чище. Но вообще, как и в других китайских городах, главные улицы торгового города сплошь заняты лавками, мастерскими, харчевнями и постоянными дворами. Собаки и свиньи являются единственными санитарями, занимающимися чисткой улиц от съедобных отходов. Выбоины, заполненные грязью, просыхающие, вероятно, только летом, попадают на обеих улицах, как и всякий

мусор. К нему присоединяются запахи харчевен и передвижных кухонь, в которых жарят на сале и кунжутном масле и варят разную снедь, потребляемую тут же на улице прохожими.

В городе мы узнали, что пещеры тысячи будд расположены в нескольких местах в 25 и более верстах от Дуньхуана. Поэтому мы только переночевали на постоялом дворе в предместье, закупили провизии и утром пошли дальше, чтобы устроить свою стоянку вблизи пещер, в спокойной обстановке, вдали от города с его вонью, любопытными посетителями и властями.

Главные пещеры, называемые Чен-фу-дун, расположены на юго-восток от города в обрывах голой возвышенности, составляющей одну из передовых гряд Алтынтага. Они были построены при династии Хань, разрушены монголами, потом несколько раз восстанавливались и снова разрушались. Мы нашли только часть их в состоянии, доступном для осмотра, и узнали от лам-хранителей, что пещеры привлекают богомольцев с первого по восьмой день 4-й луны (то есть весеннего месяца) в количестве нескольких тысяч.

Вместе с водой реки Данхэ кончилась и зелень оазиса Сачжеу, и дорога к пещерам шла по пустыне, разрезанной логами, вдоль желтой оголенной цепи холмов и горок. Вдоль дороги растительность очень скудная, хотя время от времени попадались купы тополей, кусты тамариска, эфедры, хармыка и возле них развалины фанз или небольшие жилища.

После пяти часов пути по такой скучной местности мы увидели, что на крутом склоне однообразной цепи, обращенном в нашу сторону, появились на высоте от трех до десяти сажен над подножием остатки стен, и среди них чернели отверстия, издали казавшиеся норами мелких и крупных животных. Далее среди таких развалин появились восстановленные фанзы порознь или по несколько друг возле друга. Это и были группы пещер тысячи будд Чен-фу-дун. В одном месте у подножия гряды оказалась довольно большая роща не только тополей, но и карагача, джигды, с зарослями чия и верблюжьей колючки на окраине. В роще было несколько развалин, а в одной из пещер у подножия гряды мы увидели группу лам. Переговорив с ними, мы получили разрешение разбить свой лагерь в этой роще, где соломинки, остатки аргала и мелкий мусор показывали, что здесь ночуют иногда люди.

Места для нас и наших животных было достаточно,

но в отношении материала для огня и в особенности подножного корма условия были трудные. Мелкий ва-лежник, кусты полыни и аргал можно было собирать кое-где, но корм был плохой, только для верблюдов и в малом количестве, так что пришлось подумать о доставке его со стороны. Вода в виде небольшого ключа протекала поблизости у подножия возвышенности. Мы устроились на чистой площадке в тени деревьев, а вечером нашу палатку посетил старший лама пещер — хэшан. Он сообщил нам, что пещеры были сооружены при династии Хань, царствовавшей с 202 года до нашей эры по 220 год новой. Затем были разрушены монголами и восстановлены при династии Тан (с 618 по 907 год), но позже также не раз разрушались, в последний раз — дунганями в середине XIX века. Богомольцы собираются с 1-го по 8-е число 4-й луны, до 10 000 человек. Главная статуя изображает великого бога Да-фу-яна в сидячем положении высотой в 13 сажен с лишним. Хэшан жаловался, что китайское правительство не принимает никаких мер для восстановления пещер, надеясь, что это сделают на средства богомольцев. Поэтому удалось пока восстановить только небольшую часть, наиболее доступную и вмещающую изображение Да-фу-яна, которая своей величиной привлекает богомольцев.

Хэшан узнал, что у нас имеются в продаже ткани для одежды лам, мелкие принадлежности буддийского культа — курительные свечи, масло для лампад, медные чашечки и др. — и житейского обихода, и был очень рад этому, а возможность обмена товаров на старые рукописи и книги увеличила его восторг по случаю нашего прибытия. Но разные намеки в его речах давали понять, что торговаться с ним придется упорно. Он был очень доволен, узнав, что мы в китайском ямыне Дуньхуан еще не были и вообще китайским властям о прибытии и своих целях не говорили. Очевидно, китайские и буддийские начальники здесь соперничали друг с другом по скупке иностранной мануфактуры.

На следующий день мальчики погнали животных на пастбище в сторону от пещер, Лобсын остался у палатки, а я со старшим ламой и несколькими другими ламами отправился в обход пещер, которых оказалось гораздо меньше тысячи. Они расположены несколькими ярусами на крутом склоне гряды, сложенной из довольно мягких пород, в которых не так трудно было выкапывать или вырубать большие подземные комнаты, выбрасывая материал, вынимаемый из них, вниз по скло-

ну. Не трудно было заметить, что в пещерах сочетаются сооружения различной давности. Крутой, нередко почти отвесный, склон этой гряды в одних местах содержал ряды келий или комнат разной величины с совершенно открытыми дверными отверстиями, но различной степени сохранности, тогда как в других частях перемежались пачками желтоватые неровные пласты горных пород толщиной в два-три аршина, выступая карнизами и отделяя друг от друга остатки келий и зал с зияющими дверными отверстиями и стен с отчасти сохранившейся штукатуркой, побелкой и цветными фресками.

Это, по-видимому, были самые древние пещерные жилища буддийских лам, молитвенные помещения и галереи с фигурами божеств, уцелевшие еще в виде части внутренних стен, тогда как передние или наружные почему-то обрушились. Горная порода, слагавшая эту гряду горизонтальными пластами разной толщины, очевидно, выветривалась довольно быстро. Вероятно, сначала разрушались наружные стены (отчасти, может быть, возведенные людьми на естественных уступах обрыва) и вскрывались комнаты и залы, которые в дальнейшем приходилось оставлять, выкапывая вместо них новые глубже в горе, так как видно было, что зиявшие отверстия дверей вели еще дальше вглубь, в залы, ставшие уже недоступными без приставной лестницы. В других же местах всего обрыва или только в отдельных ярусах среди таких необитаемых уже келий видны были отверстия вполне сохранившихся келий, и в них различимы фигуры разных божеств, святителей и героев разной степени сохранности.

Я обошел для беглого осмотра целый ряд зал и келий в доступных ярусах пещер и условился со старшим ламой, что он будет давать мне еще дневного проводника, знающего помещения и могущего также называть имена фигур и их религиозное значение. Некоторые из них были целы, раскраску сохранили свежую и полную,— это, вероятно, были те, которые наиболее интересуют богомольцев или почитаются ими. Большинство же фигур находилось в разной степени разрушения, раскраска их полиняла или исчезла, штукатурка крошилась или совсем отпала, равно как и часть их одеяний и даже членов.

В буддийских фигурах настоящая скульптура — редкость. Немногие высечены из мрамора или другого прочного материала либо отлиты из металла. Большинство же изготавливается художниками из соломы

(крупные фигуры) или другого легкого материала и затем облицовывается слоем гипса или даже глины, которые и раскрашиваются. Эта легкость изготовления объясняет обилие фигур (которые скульптурой назвать, конечно, нельзя) во всех буддийских и китайских храмах. Мелкие же фигуры отливаются из бронзы и обычно являются пустотелыми, или же вырезаются из дерева, или лепятся из глины и обжигаются и, если нужно, раскрашиваются.

Пещеры имеют 4—5 сажен длины, 3—4 сажени ширины и столько же высоты. Против входа в нише стены сидит крупная фигура, сам Будда, а сбоку от него стоят еще три фигуры второстепенных лиц или божеств, которые в разных пещерах различны. Кроме этих пещер, называемых малыми, имеется несколько вдвое более крупных; в них фигуры стоят не в нишах, а посередине, и дополнительные стоят позади и по бокам стен. Самая большая фигура называется Да-фу-ян и имеет 12—13 сажен вышины; ступня ее ноги 3 сажени длиной, а расстояние между обеими ногами внизу 6 сажен. Вторая по величине — Джо-фу-ян — вдвое меньше, находится в другой пещере. Кроме того, имеются две лежачие фигуры, одна Ши-фу-ян, окруженная 72 детьми; ее голова, кисти рук, сложенные на груди, и босые ноги вызолочены, а одеяние красное. Другая лежачая фигура изображает женщину. Перед входами в большие пещеры и внутри их поставлены фигуры разных героев часто со зверскими лицами, в их руках мечи, змеи, одни сидят на слонах, другие на драконах. У больших пещер и некоторых малых висят чугунные колокола, а в пещерах стоят барабаны. Речка, текущая у пещер, называется Шуйго и образуется из ключей, выбивающихся в верховьях непроходимого ущелья, прорезавшего конец пещерной гряды гор.

В некоторых пещерах попадались очень хорошо сохранившиеся фрески на стенах и сводах зал с раскрашенными фигурами, разными узорами и целыми сценами. Изучение их специалистом по буддийскому культу, конечно, обнаружило бы много интересного. Но у меня не было ни умения срисовывать фрески, даже менее сложные, ни фотографического аппарата, чтобы снимать их. Поэтому мне пришлось ограничиться описанием некоторых сцен на фресках и объяснением их, которое мне давали ламы пещер, в лучших случаях старшина; поэтому за точность и правдивость объяснений я ругаться не мог. Я делал также грубые рисунки интерес-

ных фигур, записывая объяснения лам, в надежде, что специалисты в Эрмитаже разберутся в том, что их интересует. Этот материал дополнял те предметы, рисунки и рукописи, которые я хотел приобрести в пещерах и увезти с собой.

Осмотр этой группы пещер занял целую неделю, причем два раза меня сопровождал Лобсын, который, меняясь с мальчиками, попеременно караулил наш стан и гонял на пастбища животных. А по вечерам — темнело уже в шесть часов вечера — я дорисовывал эскизы фресок и фигур, часто с помощью кого-нибудь из лам. Ламы знакомились с нашими товарами — мануфактурой, мелкими вещами для культа и домашнего обихода — и отбирали все, что хотели бы купить.

После этого старший лама повел меня в одну из камер, которая была на замке, и показал мне рукописи и книги, которые соглашался продать или, вернее, обменять на наши товары. Место хранения рукописей находилось в одном из верхних этажей пещерных галерей и не в камере, имевшей через дверь сообщение с наружным воздухом, а в такой, в которую можно было проникнуть, лишь миновав три камеры одну за другой, то есть в самой глубине пещер, где воздух в течение столетий не освежался и содержал только влагу, сохранившуюся со времени сооружения пещер около 1000 лет назад, как уверял старший лама. Он говорил, что такое содержание древних рукописей при неизменных условиях температуры и влаги и отсутствии дневного света необходимо для их сохранности. Самое главное хранилище он мне даже не показал, а привел в небольшую темную залу, где на деревянных полках лежали свертки рукописей разной длины и толщины, очевидно отобранных из главного хранилища самим старшим ламой и предлагаемых для продажи. По словам старшего ламы, само хранилище состоит из пяти больших, совершенно сухих комнат, в которые никогда не просачивается вода, всегда бывает та же прохладная температура. В комнатах на простых деревянных полках, в некотором отдалении от потолка, пола и стен, лежат свертки рукописей в определенном порядке. В хранилище лама ходит очень редко и только рано утром в тихие дни, причем последовательно сначала в первую снаружи камеру, где ждет несколько минут, необходимых для произнесения определенных молитв, затем во вторую с таким же выжидающим и, наконец, в последнюю, где также ждет некоторое время, не прикасаясь к рукописям.

— Эти правила выжидания, — сказал лама, — установлены с давних пор, чтобы входящий успел освободиться от теплого или холодного воздуха и влаги, которые несет на своей одежде и на себе, а также от дурных мыслей.

— Но как же тыходишь? — спросил я его. — В камерах ведь темно?

— Я несу с собой маленький фонарь, из тех, которые у нас употребляются в праздники нового года. Он из промасленной бумаги с написанными на ней тушью молитвами, которые нужно прочитать в каждой камере, чтобы отогнать злых духов, стремящихся пробраться вместе со мной в хранилище благочестивых мыслей и великих изречений Будды.

Я воспользовался случаем и сказал, что могу уступить ему маленький фонарь со стеклами, которые не могут загореться и вызвать пожар в хранилище, как промасленная бумага, и поджечь сухие свертки рукописей, опасные в пожарном отношении.

— А что горит в этом фонаре? — спросил лама.

— Твердое белое горючее вещество, называемое стеарином, которое у нас делают из бараньего сала, — объяснил я ему. — Оно не плавает, не пачкает рук, как сало китайских свечей, не проливается, когда несешь фонарь в руках, как масло в светильниках, горящих перед изображением Будды в ваших кумирнях.

Ламы еще никогда не видели русских стеариновых или восковых свечей. Им стеариновые больше понравились, и они обрадовались тому, что я могу продать, вернее обменять на рукописи, полсотни таких свечей. Нужно сказать, что я — согласно спросу монгольских и китайских покупателей — возил с собой стеариновые свечи, и не обыкновенные тонкие и длинные известной у нас фабрики Жукова, а более короткие и толстые, употреблявшиеся для фонарей в железнодорожных вагонах, а для монгольских кумирен также толстые церковные восковые свечи и маленькие парафиновые, изготавливаемые для детских елок.

В принесенных мне для обмена двух больших тюках рукописей оказалось следующее: китайские — нескольких династий, монгольские, тибетские, санскритские, тюркские, в том числе несколько уйгурских в форме небольших книжек, центральноазиатские и браминские. В связи с различным происхождением и возрастом некоторые рукописи имели бумагу разного качества, толщины и даже цвета и представляли толстые и тонкие сверт-

ки разного формата. Все они были писаны тушью на перечисленных разных языках, некоторые имели оттиски каких-то печатей, другие представляли свертки, которые нужно было разворачивать, чтобы читать их сверху вниз и одни — справа налево, другие — наоборот или по горизонтальным строкам. Один сверток представлял с одной стороны центральноазиатскую браминскую рукопись, а с другой — китайскую, но были ли они одного содержания, то есть представляла ли китайская перевод браминской, лама не мог сказать. Попалось несколько рукописей в форме книжек, возможно печатных, а не рукописных, а один длинный и узкий листок представлял отрезок листа какой-то пальмы, исписанный по-санскритски.

Старший лама заявил, что все рукописи — древние в большей или меньшей степени. Приходилось верить этому, так как проверять я не имел возможности по незнанию, а Лобсын мог только подтвердить, что в числе их есть монгольские, тибетские и, кроме того, на разных незнакомых ему языках. Цвет и качество бумаги, характер свертков подтверждали их различный возраст. В дополнение к рукописям лама предложил нам несколько китайских шелковых платков с фигурами и надписями, несколько бумажных и шелковых картинок в виде свертков с деревянными линейками сверху и внизу, чтобы удобнее было разворачивать и подвешивать на стене. Это были картинки буддийского культа. В общем все предложенное нам старшим ламой в обмен на материал для ламских одежд — религиозные и бытовые объекты и в виде свертков с древними рукописями и картинками — составило только два не очень тяжелых вьюка, а мы должны были отдать за них шесть хороших вьюков. Мелкие деревянные, металлические и глиняные фигурки божеств и героев, а также мои рисунки фресок составили еще небольшой вьюк. В общем же я никак не мог поручиться не только за выгодность обмена в том смысле, что он оправдает наши затраты товарами, работой и временем хотя бы с небольшой прибылью, но не мог быть уверенным в том, что он окупит стоимость одних товаров, оставленных храму Тысячи будд. Только прошлогодний опыт с рукописями и древностями, вывезенными из Хара-Хото и окупившими наши расходы с небольшой выручкой, позволял надеяться, что и в этот раз наше предприятие не будет убыточным.

Правда, в Хара-Хото мы вели раскопки в развалинах, оставленных людьми и не являвшихся ничьей собствен-

ностью, разве что китайского народа в целом, и добыли там кроме рукописей монеты разного возраста и ценности, остатки тканей, одежды, посуды и других вещей, тогда как в пещерах с тысячей будд нам не позволили раскапывать завалившиеся и обрушившиеся пещеры, вообще производить какие-нибудь раскопки, а только разрешили осмотреть храмы, срисовать фрески и фигуры и увезти с собой лишь рукописи и мелкие изделия самих лам в виде фигурок божеств и героев.

После трех недель пребывания в Дуньхуане я убедился, что больше ничего мы достигнуть не можем. Нужно было быть знатоком литературы и истории Индии, Тибета и вообще Внутренней Азии и ее народностей, чтобы судить правильно о значении этих храмов Тысячи будд, изображений в них и предлагаемых рукописей. Я мог только догадываться, что разнообразные по языку, возрасту и качеству рукописи должны представлять большую ценность, если только они не являлись подделкой, которой занимались ламы храмов для продажи паломникам под видом старинных. Но подделывать рукописи санскритские, уйгурские, браминские и даже китайские было, конечно, нелегко, и разнообразие по языку, бумаге и общему виду предлагаемых рукописей устранило подозрение в этом. Мелкие фигурки божеств из глины, металла и камня ламы, естественно, изготавливали, и я брал эти изделия, просто чтобы не обидеть их. То же можно было сказать и относительно картинок на шелке и на бумаге, казавшихся мне современными. В общем, мы расстались со старшим ламой вполне дружелюбно, и он приглашал нас приехать еще раз через год, обещая достать для нас рукописи из самых древних камер.

Октябрь близился к концу, когда мы распростились с ламами пещер и пустились в обратный путь. Лобсын использовал наше пребывание здесь, чтобы подробно расспросить у некоторых лам, бывавших в Лхасе, условия паломничества, снаряжения, самого пути по Тибету и Цайдаму, а также пребывания в Лхасе, тамошней жизни и о нравах святого города. Старший лама побывал в Лхасе лет двадцать назад, но оживлял свои воспоминания ежегодно беседами с паломниками, возвращавшимися оттуда. Лобсын, беседуя с ним, укреплялся в мысли, что лет через пять—десять он должен побывать в Лхасе и поклониться далай-ламе. На обратном пути, который мы совершали с небольшими вьюками, то есть без больших хлопот по развьючке и вьюч-

ке, я часто слышал, как Лобсын просвещал наших мальчиков в отношении буддизма и знакомил их с его принципами. Мои не слишком почтительные замечания в отношении перевоплощения душ, всепрощения, созерцательной и, в сущности, самоудовлетворенной и малодейственной жизни буддийского духовенства он скромно оспаривал, но чаще уклонялся от обсуждения, повторяя слова буддийской молитвы «ом-мани-пад-ме-хум».

От пещер мы направились не в город Дуньхуан, а прямо на северо-запад к броду через реку Сулэхэ, так как я опасался, что китайские власти, конечно, знавшие о нашем пребывании у пещер и торговле с ламами, захотят проверить, что мы увозим оттуда, и могут наложить запрет на вывоз старых рукописей, задержать нас под предлогом просмотра этих рукописей, а может быть, просто чтобы получить с нас мзду за пропуск покупок.

Мы пошли по равнине с пустырями, зарослями чия, камышей, рощами тограков и тамарисков, разветвлениями реки Данхэ и через Шицуэр и какие-то развалины старинных городов, представлявших башни из сырцового кирпича, ограды, стены фанз различной величины. Возможно, что раскопки в иных местах дали бы что-нибудь интересное, но я боялся задержаться здесь, в районе властей Дуньхуана, по изложенной выше причине. День отъезда мы скрывали от лам и населения пещерного города и, простившись только со старшим ламой вечером, снялись со стоянки ранним утром и пошли не по большой дороге в город, а прямо к броду через реку Сулэхэ.

Этот брод не представил затруднений, так как летнее таяние ледников на Алтынтаге и Наньшане уже прекратилось и ежесуточной прибывали воды в реке не было, ее можно было переходить в любое время дня и ночи там, где она разливалась несколькими рукавами, тогда как по дороге в Дуньхуан нам пришлось бы ждать спада воды ранним утром. От брода мы пошли по большой дороге через Хамийскую пустыню в горные гряды Куруктаг и Чолтаг, как описано выше.

Характер местности, очень однообразный по своим то скалистым, то округленным, сглаженным грядам, плоским широким понижениям, щебневым полям и глинистым такырным площадкам в понижениях, временно затопляемых водой, представлял мало интереса. Ученый геолог, может быть, нашел бы много разнообразных горных пород и минералов, обнаружил бы среди них осо-

бенно интересные. Но для меня все они представляли то, что мы, необразованные мальчишки долины реки Бухтармы на Алтае, когда-то называли «собаками» и «швыркитами», соответственно главному назначению этих камней для нас. Облик местности в виде общего поднятия от реки Сулэхэ к северу, к грядам Куруктага и Чолтага, разделенным понижением, и затем общего понижения на север к городу Хами уже описан выше.

У брода через реку Курук-Гол, текущую из Карлыктага, мы свернули с большой дороги, идущей дальше к Хами, так как посещать этот город не было надобности. Пополнить нашу провизию хлебом, мясом, дынями, виноградом после длинного пути через пустыню мы смогли уже в селении на упомянутой речке и направились теперь почти на запад, приближаясь к большому тракту из Хами в Лукчун и Турфан. Мы могли бы пойти и несколько более короткой дорогой, по которой в сентябре из Лукчуна пришел с нашим караваном Лобсын. Но в селении Елмек, где от этой дороги отделялась та, по которой нам нужно было выйти на большой тракт, нам сказали, что уже начался период очень сильных ветров в Долине бесов и сообщение по дороге через Кара-Тюбе, Опур и Сарыкамыш дней на десять—пятнадцать прекратилось. Поэтому мы повернули на северо-запад и у селения Тогуча вышли на тракт, по которому и следовали в Лукчун и Турфан.

Этот тракт идет от Хами, постепенно приближаясь к подножию Тянь-Шаня, который на протяжении почти трехсот верст между меридианами Хами и Чиктама значительно понижен и не несет вечных снеговых вершин. Дорога неровная, пересекает многочисленные понижения, лога и овраги, идущие из Тянь-Шаня на юг; по ним расположены казенные станции, небольшие постоянные дворы, селения таранчей, отдельные фанзы, поля, рощи. В одном месте, за ключами Джигды возле тракта, находятся копи, в которых почти у самой поверхности земли добывают каменный уголь хорошего на вид качества, вывозимый в Хами и по всему тракту в Сачжеу для отопления станций, где и мы три раза пользовались им.

За этой копью на пути к станции Лодун ветер, усилившийся до бури, заставил нас остановиться раньше времени, так как порывы ветра, направленные прямо навстречу, останавливали даже груженых верблюдов. На станции Лодун пришлось с большим трудом разбить

палатку, которая выдержала уже немало ветров во время наших путешествий. Но здесь к вечеру буря усилилась до того, что разорвала палатку по швам, и нам пришлось укрыться на постоялом дворе и платить за воду для чая и супа и за корм для животных.

На следующий день, несмотря на сильный встречный ветер, мы все-таки пошли дальше, но дошли только до станции Чоглучай, где опять пришлось укрыться на постоялом дворе, так как в поле невозможно было развести огонь и вскипятить чай: ветер задувал пламя, а чайник раскачивало так, что вода выплескивалась. Здесь нам рассказали, что лет двадцать назад на эту станцию в начале бури прибыл обоз из пятнадцати китайских телег, то есть двухколесных и очень высоких. Возчиков предупредили, что надвигается очень сильная буря и лучше переждать ее на станции. Но они очень торопились, заявили, что в телегах буря им не страшна, и уехали. На следующую станцию они не прибыли, очевидно, буря подхватила высокие и не очень тяжелые телеги и унесла их, людей и животных.

Станция расположена в устье ущелья, в самом начале небольшого кряжа голых скалистых гор, который тянется на юго-запад, отгораживая с юга обширную впадину, вытянутую вдоль главной цепи Тянь-Шаня. Вокруг станции нет никакого подножного корма, и нам пришлось купить для лошадей и верблюдов по довольно высокой цене соломы и несколько снопов сухой люцерны. За станцией дорога пошла по длинной впадине Дуниенчже вдоль Тянь-Шаня; она представляла обширный солончак с рощами тополей, тамариска, разных кустов и чия и отдельными холмами сыпучего песка. Но тополя в этой впадине вымирают, очевидно от засоления почвы, так как стока воды из нее нет и почва все больше насыщается солью; а разнолистый тополь (тограк) не выдерживает сильного засоления, хотя и растет на солончаках. По сторонам дороги видны были мертвые деревья, иные еще с тонкими молодыми ветвями, а другие в виде пней разной высоты и толщины, со спирально закрученной древесиной и остатками толстых сучьев, вероятно засохших уже давно. Лобсын удивлялся тому, кто так небрежно рубил эти деревья: одни под самую крону, другие на половине высоты, оставляя так много дров на корню в этой безлесной стране, и мне пришлось объяснить ему, что такое засоление почвы во впадине, лишенной стока вод. Но все-таки было странно, почему эти сухие стволы так близко от станции Чоглучай, ко-

нечно нуждавшейся в дровах, не срублены. Очевидно, они так были пропитаны солью, постепенно губившей их, что очень плохо горели.

В этой впадине на дороге имеются три станции, и мы шли по ней три дня, так как вне станций нет ни колодцев, ни ключей. Пришлось опять покупать воду и корм для животных, а также хлеб и похлебку для себя. Третья станция представляла просто маленький пикет, в котором жили два солдата, и мы могли бы миновать ее и остановиться на следующей, если бы не буря, которая разразилась, когда мы приближались к пикету. Ветер был такой силы, что трудно было держаться в седле, а завьюченные верблюды при порывах бури останавливались под напором ветра. Я пробовал бросать вверх плоские плитки камня, и буря сносила их в сторону, не давая падать им вертикально вниз. У пикета пришлось остановиться и под защитой горы раскинуть палатку в самом ущелье. Здесь наши животные поголодали, так как на пикете не было корма на продажу. В ущелье было сравнительно тихо, но над палаткой слышен был гул и рев ветра, по временам налетали шквалы с той или другой стороны, и на палатку сыпался песок и мелкие камни.

На дне этой впадины я заметил кое-где голые грядки высотой до полуаршина, состоявшие из мелких камешков, величиной с кедровый и лесной орех. Они, очевидно, были наметены ветрами, уносившими пыль и песок куда-то дальше. Во время бури перед третьей станцией воздух во впадине посерел от пыли, которая поднималась столбами с солончака и песчаных холмов. Этот день дал нам понятие о том, что происходит во время самых сильных бурь в Долине бесов.

За пикетом, у которого мы остановились из-за бури, тракт перевалил в другую впадину меньших размеров, но также с солончаком в средней части. А по окраинам ее на склонах гор голые скалы обратили на себя мое внимание тем, что все они были совершенно черные и блестящие, словно их вымазали дегтем или каким-то лаком. Это меня заинтересовало, я подъехал к одной из скал и потрогал рукой ее блестящий бок — он оказался совершенно сухим. Чтобы узнать, чем он вымазан, я достал из череседельной сумы, в которой возил то, что нужно было иметь под рукой на всякий случай, молоток и попробовал отбить углы нескольких черных скал. Оказалось, что черными они были только сверху, а внутри некоторые были темно-зеленые, серые, буро-красные, и

действительно казалось, что их кто-то вымазал черным лаком или краской¹.

Но рядом с этими черными скалами видны были маленькие холмики из грязно-желтого песка, не покрытые этим лаком, и контраст холмов и скал рядом был поразительный².

Из этой впадины мы выехали по длинному и сухому ущелью через передовую цепь Тянь-Шаня на его южное подножие, по которому медленно спускались до вечера. Это была полная пустыня, усыпанная галькой и щебнем, также сплошь черного цвета и блестящим. Только местами, где в поверхность врезались плоские ложбины и сухие русла, кое-где видны были жалкие и редкие кусты. Мы ехали и ехали, не видя впереди и позади ничего, кроме черных камней, усеивавших серую почву. Подобные площади вспомнились в Черной Гоби на пути из Баркуля на Эдзин-Гол в Хара-Хото, где мы встретились с Черным ламой. Выбрал ведь он для своего убежища эту черную пустыню! Только под вечер сухие русла и ложбины стали попадаться чаще, и мы, наконец, остановились ночевать среди каких-то развалин, где обнаружили глубокий колодец. Пришлось снять с вьюка веревку, чтобы достать воды. Но животным пришлось опять поголодать. Мы могли дать им только остатки сухарей, крошки хлеба, а верблюдам — последнюю муку.

На следующий день эта пустыня скоро кончилась до-

¹ Фома не знал, что покрывает эти черные скалы. Это так называемый «лак пустыни», состоящий из железа и марганца и покрывающий очень тонким, в доли миллиметра, но прочным слоем, который нельзя отбить от камня, поверхность многих горных пород в пустынях. Однако он не везде одинаковый. На мелкозернистых темно-зеленых, серых, бурых породах он черный, сильно блестящий, на розовом граните он представляет только бурую пленочку, слабо блестящую, а на белом кварце — желто-бурю пленку, также блестящую. Образование лака еще не разъяснено точно: полагают, что влага в виде росы, дождя, снега, проникая в глубь камня, извлекает из него растворимые соли железа и марганца и отлагает их на его поверхности, образуя эту тонкую корочку, а пыль, содержащаяся в воздухе пустынь, полирует ее. Черный лак образуется только на породах, содержащих в себе железо и марганец; на известняках получается лишь бурая, почти не блестящая корочка, но если в известняке имеются прожилки кварца, на них можно видеть буро-черную блестящую корочку, и эти прожилки тогда резко выделяются на светло-буром фоне. — *Прим. автора.*

² Фома правильно отметил и это. В этой впадине на южной окраине Тянь-Шаня действительно у подножия черных скал в холмиках выступают рыхлые глины и песчаники, которые, конечно, не покрываются лаком, развитым только на твердых породах, тогда как рыхлые породы ветры развевают. — *Прим. автора.*

вольно высоким откосом, местами с обрывами, здесь из галечника выбивались ключи, а немного далее было большое таранчинское селение Чиктам, где мы очень рано остановились, чтобы дать отдых животным и подкормить их после нескольких тяжелых и постных дней. Корм, конечно, пришлось купить. Но можно было удивляться тому, что здесь пролегал большой тракт из Хами в Турфан, Урумчи, Кульджу. Сопоставляя природу этого участка тракта с остальной его частью и с тем, что я видел в Долине бесов, а Лобсын на своем маршруте, можно было понять, почему по Долине бесов все-таки некогда проложили большую дорогу из Хами в Лукчун и пытались ездить по ней, хотя бы в спокойные месяцы. Дорога эта все-таки была прямее, короче и ровнее, чем современный тракт, по которому мы теперь шли.

После Чиктама местность потеряла свой безотрадный характер: ее оживила вода, выбивавшаяся многими ключами из галечников подножия Тянь-Шаня. Здесь были рощи, поля, отдельные фанзы, поселки таранчей, заросли тростника, кустов. Мы шли целый день по населенной местности с разбросанными среди нее холмами отрогов последней цепи Тянь-Шаня. При виде этой жизни рядом с голой пустыней, по которой мы шли накануне, я удивился полному отсутствию предприимчивости у таранчей. Галечники пустыни содержали в глубине много воды, о чем свидетельствовали вытекавшие из-под них обильные ключи. Но воду ведь можно было бы получить при помощи бурения в самой верхней части этой пустыни и превратить последнюю в оазис. Попытку найти и использовать подземную воду представляли и каррызы, которые мы видели в Лукчунской впадине и о которых я упомянул в описании ее; но это были жалкие попытки с несовершенными средствами.

На следующий день мы вышли в оазис города Пичан и остановились на южной окраине. Город и его сады и рощи лежали справа, а мы выбрали пустырь, где наши животные могли пастись в зарослях чия и кустов. На юг от нашей стоянки, вдали, видны были высокие желтые холмы с довольно пологими склонами. От проезжавшего таранчи я узнал, что это Кумтаг, то есть песчаные горы. Это были те же большие пески, мимо которых я проехал с юга из селения Дыгай перед вступлением в Долину бесов. Таким образом, я увидел их теперь с другой стороны, с севера, и отсюда они казались выше, чем с юга. Вдоль их северной окраины тянулась цепь песчаных барханов обычной высоты в 3—5 сажен, но с на-

шей стоянки эти барханы казались просто холмиками по сравнению с высокими Кумтаг, которые были раз в десять выше, то есть достигали 30—50 сажен над равниной Пичана, представляя настоящие песчаные горы.

Мне захотелось рассмотреть их ближе, и я под вечер съездил к ним верхом. Это действительно были целые горы голого песка, поднимавшиеся полого над равниной, поросшей довольно хорошей травой и полынью. Кое-где на них видны были пучки песчаной травы и кустики саксаула, но они мало смягчали вид этой песчаной пустыни. Меня занимал вопрос, откуда же нанесло сюда эту массу песка, и, сопоставляя с направлением ветров Долины бесов, я подумал, что песок приносило с запада из Лукчунской большой впадины, дно которой представляло пустыню, за исключением полосы вдоль рек, вытекавших из гряды гор, окаймлявших впадину с севера. Да и эти совершенно голые гряды, состоящие из песчаных пород, должны были давать ветрам много материала для уноса на восток.

Из Пичана мы пошли дальше на юго-запад. За рощами и садами города дорога вступила в долину, вернее в широкий проход между песчаными горами Кумтаг и холмами из красных, желтых и зеленых песчаных пород, составлявших конец гряды Ямшинтаг, окаймляющей с севера впадину Лукчуна. Этот проход понижался понемногу, как бы углубляясь, словно сток вод, в Лукчунскую впадину, и, наконец, открылся в нее, расширяясь. Краина Кумтага отодвинулась влево, а холмы Ямшинтага повысились и превратились в ту голую скалистую гряду, которая была нам знакома по раскопкам в Лукчуне, ограничивавшая с севера рощи, сады и улицы таранчинского города, орошаемые водой реки, вытекавшей из прорыва в этой гряде.

Уже в сумерки мы прошли через этот оазис и остановились у того старшины, у которого нанимали квартиру для немцев во время раскопок. Старшина встретил нас хорошо, и мы целый вечер рассказывали ему о своих приключениях за истекшие годы, а он сообщил, что после нашего отъезда у него были неприятности с немцами из-за незнания ими языка.

Прибытием в Лукчун закончилась интересная часть нашего путешествия, так как дальше шли знакомые уже места. Через Турфан, Урумчи и Шихо, а затем через Джунгарскую впадину и горы Майли и Джаир мы вернулись без неприятностей в Чугучак в декабре, испытав довольно сильные морозы. Мы убедились, что кли-

мат в Дуньхуане гораздо теплее, чем в нашей местности.

В Чугучаке консул с большим интересом выслушал мое описание Долины бесов, Хамийской пустыни и пещер тысячи будд. Он помог мне составить список привезенных оттуда рукописей, заглавия которых пришлось аккуратно копировать, чтобы специалисты-языковеды могли определить их содержание и выяснить, стоит ли их высылать в Академию наук, заслуживают ли они оценки, которую пришлось им дать на основании стоимости путешествия и товаров, которые я отдал за них старшему ламе. Этот список я составлял при помощи Очира целый месяц. Несколько первых выписок на разных языках консул отправил в Петербург и получил оттуда известие, что рукописи тщательно изучаются на предмет определения их научной ценности. Консул отправлял их понемногу небольшими казенными посылками во избежание потери на простой почте¹.

Весной я получил извещение, которое меня очень огорчило. Мне сообщали, что все прибыло, рассмотрено, но часть рукописей оказалась подделанной, а остальные не представляют какой-либо исторической ценности. Просто-напросто хлам привезли мы с Лобсыном из Дуньхуана. Обманули нас ламы кругом.

¹ Пещерные храмы Тысячи будд вблизи города Дуньхуан (Сачжеу), основанные при династии Хань около 2000 лет назад, были посещены итальянским посланником и купцом Марко Поло в 1273 году, давшим в отчете о своем многолетнем путешествии из Венеции в Китай первое описание их. Венгерская экспедиция графа Бела Сечени осматривала эти храмы и пещеры в 1879 году, и участник ее, лейтенант Г. Крейтнер, дал очень беглое описание их в своем популярном труде 1881 года.

Несколько больше сведений о них находим в описании третьего путешествия Н. М. Пржевальского (на с. 100—102), который называет это место Чен-фу-дун и говорит, что пещеры выкопаны в громадных обрывах наносной почвы западного берега ущелья и расположены в два яруса, а в южном конце даже в три и сильно пострадали во время дунганского восстания. Он указывает размеры некоторых пещер и высоту самых больших статуй Да-фу-ян и Джо-фу-ян, высеченных в горной породе (не твердой). Самая большая статуя по рисунку Роборовского изображена на таблице и имеет около 12—13 сажен вышины. Роборовский в отчете об экспедиции 1893—1895 годов упоминает также о них кратко. Наиболее подробные сведения об этих пещерах с многочисленными фотографиями можно найти в сочинении английского исследователя А. Стейна «Ruins of desert Kathai», т. II, который изучал их подробно и вывез обширные коллекции рукописных книг на разных языках, картин, фресок и других предметов.— *Прим. автора.*

ПУТЕШЕСТВИЕ К ОЗЕРУ ЛОБНОР И В ПУСТЫНЮ ТАКЛА-МАКАН

Неудача нашей экспедиции к храмам Тысячи будд близ Дуньхуана не отбила у меня охоты к поискам разного рода кладов, находимых в развалинах древних городов и в библиотеках буддийских монастырей. Консул разъяснил мне, что в старые времена, когда морской путь из Западной Европы в Китай был еще мало известен и считался очень далеким, трудным и даже опасным, главный путь из Южной Европы в Китай был сухопутный и пролегал по Малой Азии и Персии, откуда караваны через Бухару, Самарканд и Фергану переваливали в пределы Китая, в Джиты-Шар, населенный такими же тюркскими племенами, как и Туркестан и Иран. Караваны шли через Яркенд, Кашгар, Нию и Керию вдоль северного подножия громадной горной цепи Куньлуня; за оазисами в низовьях реки Черчен пролегал самый трудный участок пути до Сачжеу, где уже начиналось китайское население, большие и малые города и сообщение было нетрудное.

Этот путь назывался большой шелковой дорогой, потому что по нему шли все караваны, которые везли из Китая шелк, особенно ценимый в Византии и Италии, а также чай и другие китайские товары на запад, и обратно доставляли европейские товары, имевшие спрос в Китае. По этому пути в XIII веке в качестве итальянского посла в Китай прошел купец Марко Поло, проживший несколько лет в Китае и составивший первое описание шелковой дороги, хорошо известное всем востоковедам. Об этом путешественнике я уже упоминал в описании нашего путешествия в мертвый город Хара-Хото, где побывал Марко Поло. Пещеры и монастырь с тысячей будд находились именно на этой шелковой дороге и в том месте, где кончался самый трудный и безлюдный участок ее и начинались китайские города. Но западнее Сачжеу в Джиты-Шаре в городах таранчей также находились развалины с буддийскими кумирнями, потому что на тот же шелковый путь выходили путешественники из глубины Индии через Белуджистан и Афганистан в Фергану или же по более короткой, но трудной дороге через верховья реки Инда и горы на восточной окраине Памира. И всего более по этому пути буддийские монахи и проповедники пробирались из Индии в Центральную Азию, проникая до Кобдо, Улясутая и Урги и даже дальше в Южное Забайкалье к монголо-

бурятам, распространяя и здесь религию Будды.

— Вот почему в городах вдоль этой шелковой дороги также можно было находить развалины буддийских храмов и остатки индийской культуры,— сказал мне консул и прибавил:— Если вы, Фома Капитонович, еще не устали от ваших приключений, сходите в Джиты-Шар, побывайте на южной окраине, по которой пролегает шелковая дорога, и разузнайте, нет ли и там интересных развалин. И туда, пожалуй, будет не дальше, чем в Сачжеу, и, конечно, ближе, чем в Хара-Хото.

Он развернул передо мной карту Внутренней Азии, и, рассмотрев ее, мы сразу же пришли к выводу, что нужно ехать от Урумчи прямо на юг и юго-запад через Карашар и Курля к нижнему Тариму и вниз по нему до реки Черчен и вверх по последнему до Керии и Нии.

— Вот по этим двум рекам, текущим с высот Куньлуня на север, в прежние времена населенные пункты тянулись дальше на север, чем в настоящее время,— пояснил мне консул.— Пески Такла-Макан подвигаются на юг, засыпают оазисы и заставляют людей уходить. В этих засыпанных оазисах, наверно, найдутся оставленные храмы и дома, а в них клады для вас,— прибавил он, смеясь.

Этот разговор происходил в конце весны, после того как мы получили из Петербурга неблагоприятный ответ из Академии о вещах и рукописях, вывезенных нами из Сачжеу. А дней десять спустя в мою лавку зашел таранча, по-видимому купец, возвращавшийся из Москвы. Он осматривал мой товар, интересовался его ценами и, между прочим, сообщил, что в города Джиты-Шара московская мануфактура завозится через Фергану и Ош, а не через Кульджу или Урумчи, а цены только немного выше, чем в моей лавке.

Это замечание позволило мне сделать вывод, что возить свой товар туда, пожалуй, не стоит. Я, конечно, спросил его, что же можно продать там из мануфактуры с некоторой выгодой.

— Я бы посоветовал вам,— сказал он,— завезти в Черчен, Нию, Керию хорошую китайскую мануфактуру, особенно шелк ярких расцветок для женских нарядов, а также чесучу. Эти товары туда редко попадают, и спрос на них всегда есть.

— Да ведь Черчен, Ния, Керия— это знаменитая шелковая дорога старого времени! — удивился я.

— Именно старого времени, когда шелка шли из Китая по этой дороге вдоль Куньлуня в Ташкент, Буха-

ру и дальше в Европу через Персию и Турцию, — сказал купец. — Но теперь по этой дороге ничего не везут. Шелка из Китая в Европу давно возят уже гораздо более легким и дешевым путем — по морям. По старой дороге все станции давно заброшены, и там большие безводные переходы. К нам китайский товар привозят теперь кружным путем через Хаами, Турфан, Курля, Карашар, а в Керию и Черчен он попадает через Кашгар и Яркенд.

Эти сведения были для меня интересны, и я рассказал о них консулу, который подтвердил их правдоподобность и спросил, где же я буду закупать китайский шелк, неужели в Чугучаке.

— Конечно нет! — заявил я. — Мы собираемся идти в Китайский Туркестан через город Урумчи. Там и придется покупать китайский товар. Оттуда мы прямо повезем его через Карашар и по долине нижнего Тарима в Черчен, Нию и Керию.

— А нельзя ли найти этот товар в Токсуне или Турфане? — предложил консул. — Из Токсуна идет большая дорога в Карашар и на Тарим, и китайский товар там должен быть дешевле, чем в Урумчи. Я запрошу об этом нашего агента в Урумчи. Но все-таки я бы посоветовал вам не делать весь расчет на китайский товар. Возможно, что вы на нем в Черчене, Керии и Нии ничего не заработаете. Лучше повезти из Чугучака отборный русский товар тех расцветок, которые особенно в ходу в Джиты-Шаре, и занять им половину выюков, а вторую половину оставить для китайского, который закупите в Урумчи или Турфане, смотря по тому, что узнаем от агента.

Этот совет я, конечно, признал самым благоразумным. Но в общем я решил не загружать товарами весь свой караван и не затрачивать много времени на его продажу, чтобы оставалось время и на раскопки, которые могли дать более интересные вещи. Кроме того, не следовало утомлять верблюдов сразу полной нагрузкой, а беречь их силы для вывоза выкопанных ценностей.

Лобсын вполне одобрил эти соображения, и во второй половине лета мы начали организовывать караван, закупили хороший русский товар: галантерею, крючки, пуговицы, хорошие нитки и другую мелочь и мануфактуру, имеющую особый спрос у мусульманских женщин. От консула я получил справку, что китайский шелк можно закупить и в Токсуне или Турфане дешевле, чем в Урумчи, куда завозят очень мало шелков тех цветов

и сортов, которые в большом ходу в мусульманских городах. Из Токсуна такой товар везут прямо через Карашар в Кашгар. Поэтому из Чугучака половина наших верблюдов могла идти без груза, а остальные везли неполную нагрузку, так что ежедневно можно было чередовать их.

В середине августа мы выступили в обычном составе: я, Лобсын и оба мальчика, которым было уже по шестнадцать лет; они стали хорошими помощниками нам не только в отношении сбора топлива, ухода за костром и чайником и пастбы животных, но и при выючке и других работах. Мы шли ночными переходами, чтобы не утомлять верблюдов.

В конце августа мы выступили из Урумчи по знакомой и уже дважды пройденной дороге в Турфан. В Турфане я нашел хороший выбор китайских шелков и закупил их в количестве, достаточном для загрузки половины верблюдов, но не полностью. Отсюда начиналась незнакомая нам дорога, а следовательно, и мое описание ее.

В Турфане, на северной окраине глубокой впадины между Тянь-Шанем и Чолтагом, большая дорога из Восточного Китая в Синьцзян делится на две ветви: правая идет в Урумчи, Чугучак и Кульджу, левая — в Токсун, Карашар и Кашгар. Правая была нам хорошо известна, по левой нам предстояло идти впервые. Но нас интересовали не Карашар и Кашгар, расположенные на северной окраине пустыни Такла-Макан, а Черчен, Ния, Керия, Яркенд на южной окраине той же пустыни, и я старался узнать, нет ли прямой дороги туда из Турфана или Токсуна. Оказалось, что большая дорога идет на запад в города Карашар и Курля вблизи большого озера Баграчкуль, откуда можно проехать вниз по реке Тарим к озеру Лобнор и вверх по реке Черчен в Нию и Керию. Но при этом пришлось бы сделать большую петлю на запад, лишних дней десять пути. А по карте, которую я скопировал у консула, было ясно, что из Токсуна можно идти прямо на юг, к нижнему Тариму, срезая эту петлю. По расспросам в Турфане я не мог узнать, ездят ли этим прямым путем вообще. Нам, привыкшим в своих путешествиях с товарами ко всяким дорогам через пустыни, достаточно было знать, есть ли на этом прямом пути подножный корм и вода, как велики безводные переходы, нет ли высоких и трудных перевалов, чтобы рискнуть пройти. Об этом можно было узнать в Токсуне.

От Турфана до Токсуна около 60 верст, и дорога идет по северо-западной окраине Лукчунской впадины. Справа возвышаются плоские холмы и увалы красноватого цвета со скудной растительностью пустыни, а слева расстилается окраина этой впадины с поселками, садами и полями таранчей на кярызах и ручейках, сбегających с окраинных высот. Они тянутся узкой лентой вдоль подножия этих высот, а немного далее на юго-восток уступают место заброшенным площадям полей, поросшим уже полынью и колючкой и доказывавшим, что прежде воды для орошения хватало на большую площадь. А еще дальше в этом направлении видны совершенно голые бурые кочки с белыми налетами солей, напоминающие грубо вспаханное поле и уходящие до горизонта. Это пропитанные солями и гипсом сухие отложения дна Лукчунской впадины, среди которых на юго-востоке синела поверхность соляного озера Боджанте.

За пикетом Дадун поселки и поля попадались чаще, так как сюда доходили арыки и разветвления реки, текущей со стороны кряжа Даванчин, который мы пересекли с немцами на пути из Урумчи в Турфан. Он тянется дальше на юго-запад, отделяя впадину Лукчуна от впадины Урумчи, и протягивается от вечноснеговой группы Богдо-Улы в Тянь-Шань, к высотам Кара-Узень, также увенчанным снегами на юго-западе. В начале этих полей и садов Токсунского оазиса мы ночевали у края сжатого поля кукурузы, оставшиеся стебли которой дали нам материал для костра, но корм для животных пришлось купить в поселке. На следующий день мы уже к полудню пришли в Токсун и остановились в предместье на постоялом дворе, который нам рекомендовали еще в Турфане.

В Токсуне мы с удовольствием узнали, что прямой путь на юг к Лобнору и Тариму вполне доступен, что на нем имеются селения, вода, даже речки, а первые два перехода совпадают с трактом в Карашар. Надо только запастись сухарями, чтобы иметь запас на случай ночлегов вдали от селений. Ради этого мы остались лишней день в городе.

Первые два дня мы шли по тракту с пикетами. Сначала дорога поднималась по каменистой подгорной равнине северного склона хребта Чолтаг, затем миновала тесное и угрюмое ущелье, где она извивалась между отвесными скалами, в которых каждый стук копыт наших лошадей вызывал громкое эхо. На первом пикете среди

скал можно было купить дрова и фураж, хотя очень дорого, но мы имели запас того и другого и ночевали, миновав пикет, в верховьях ущелья у ключа. На следующий день дорога вышла из скал, поднялась на плоский гребень хребта за пикетом Агабулак и спустилась к пикету Узьмедьянь; на всем этом протяжении растительность была очень скудная — мы перевалили через Чолтаг; здесь тракт ушел на запад, а мы продолжали спускаться по пологому холмистому склону на юг, в пустынную долину, отделяющую Чолтаг от хребта Караксыл, более низкого. В долине — следы высохшего озера, песчаные холмы с тамариском, солончаки, заросли камыша, солянок, саксаула. Ночлег был у колодца Шорбулак, где в зарослях моя охота оказалась очень успешной — я подстрелил дзерена, а Очир, наловчившийся в стрельбе из лука, добыл зайца, пока я ходил по зарослям в поисках дичи.

Недалеко от ночлега, вдоль северного подножия Караксыла, тянулась длинная гряда мелкого песка, в 30—40 сажен высотой, накопившегося вокруг каменных и глинобитных хорошо сохранившихся стен какого-то укрепления. Но в долине не видно было жилья, и не у кого было спросить, каких времен эти постройки. Впрочем, степень их сохранности позволяла думать, что им не более сотни-другой лет, а следовательно, интересных для нас кладов они не содержат.

Горы Караксыл мы обогнули с запада и шли дальше на юг по бесплодной долине целый переход до хребта Игерчитаг. Спустившись с него, прошли через заросли камыша, тамариска с отдельными деревьями тополя вдоль небольшого ручья. В зарослях, судя по многочисленным следам, водятся кабаны. На берегу ручья мы с удивлением заметили большую печь, в которой прежде что-то обжигали; судя по куче шлака поблизости, это, вероятно, была свинцовая руда, но остатков жилья по соседству не было; очевидно, рудокопы жили в палатке. Дальше мы встретили группу горок и возле них источник, орошающий площадь длиной около пяти верст. Здесь мы встретили семью монголов-торгоутов и остановились на ночлег по соседству, так как у них можно было достать молоко. Лобсын, конечно, разговорился с ними, узнав, что они того же племени, что и он. Они, по его словам, когда-то отбились от орд Чингисхана и остались кочевать в Куруктаге, промышляя диких верблюдов. Лобсын узнал от них, что вблизи одного из источников этой долины, называемой Тунгузлык, име-

ются стены старинного укрепления и возле них древние могилы. Я на всякий случай записал эти сведения.

С юга долина Тунгузлык ограничена плоским хребтом Куруктаг, на котором возвышается группа высоких гор. По словам торгоутов, у подножия этой группы имеются источники и пастбища, а при них зимовки торгоутов. Склоны этой группы гор будто бы так круты, что даже звери не могут взбираться на них. В горах часто слышны раскаты грома, пальба из пушек, звон колоколов, музыка, пение. Эти горы считаются буддистами священными. Какой-то святой поднялся когда-то на вершину, недоступную для людей, устроил на ней обо, помолился и исчез. Группа называется Сайхан-Ула. По словам других, святой остался в горах и по временам совершает молитвы, вызывая те звуки, которые слышатся людям. Эти рассказы после моего посещения Долины бесов, находящейся в тех же горах далее на восток, заставляют думать, что в этой высокой, скалистой и труднодоступной группе сильные ветры и бури, очевидно, и создают различные звуки, замеченные людьми. Я записал эти сведения в дополнение к другим, которые собираю о страшных ветрах Ибэ.

Встреченные нами торгоуты кочевали в долине вдоль северного подножия Куруктага, занимаясь преимущественно охотой; добытые шкуры они сбывали в Токсуне и о дальнейшей дороге к Тариму ничего определенного не знали; они посоветовали нам идти на юго-восток, через старый рудник в поселок Кызылсенир, где найдется проводник до Лобнора. Мы так и сделали; первый переход привел нас к старому руднику Кантбулак в северных предгорьях Куруктага. Здесь мы нашли только семью сторожа, который сообщил нам, что в руднике работает несколько человек в зимнее время, свободное от полевых работ; рабочие дунгане приходят осенью из Токсуна и добывают свинцовую руду, которую весной плавят под надзором китайского чиновника, приезжающего из Урумчи, куда он и увозит выплавленный свинец. Но рудник, по словам сторожа, очень старый, и некоторые шахты имеют более ста сажен глубины.

На следующий день мы прошли дальше, до поселка Кызылсенир. Это маленький оазис у подножия Куруктага, с зарослями камыша, тамариска, рошей тограка, джигды, саксаула и даже фруктовых деревьев, которые развели переселившиеся сюда из Лукчуна гаранчи-охотники лет тридцать назад. Один из них согласился провести нас к реке Тарим, до которой оставалось еще около

120 верст. Дорога шла через плоские высоты Куруктага, над которыми поднимались выше отдельные горы. Проводник называл мне их имена, но я не записал их сразу и потом забыл. Местность была мелкогористая и пустынная, однако на третий день пути мы встретили целый лес тополей, ограниченный зарослями тамариска и камыша; здесь сохранился еще рукав реки Кончедарья, который течет из Южного Тянь-Шаня и вдоль южного подножия Куруктага отклоняется от остальных рукавов этой реки дальше на восток. Недалеко от нашей стоянки на берегу русла видны были стены крепости и развалины фанз старинного города Эмпень. Проводник сообщил нам, что кто-то раскапывал эти развалины, но будто бы ничего интересного не нашел; я на всякий случай записал это название. Однако реки здесь уже не было, тянулось широкое сухое русло, засыпаемое песком невысоких — полторы-две сажени — барханов, обращенных пологими наветренными склонами на северо-восток. По старому руслу были разбросаны сухие стволы тополей, некоторые еще стоят отвесно, наполовину засыпанные песком. Нужно думать, что господствующие северо-восточные ветры, засыпая русло реки песком, заставили ее отодвинуться на запад.

При виде этих следов прежней жизни и наличия воды я вспомнил, что консул перед отъездом дал мне перевод выписки из старой китайской летописи Ханьской династии середины I века до нашей эры. Он сказал, что в ней упомянут город на озере Лобнор, развалины которого могут оказаться на моем пути и побудить сделать раскопки.

Я достал выписку и прочитал следующее:

«Царство Шаньшань иначе называется Лоу-Лань. Город Юши, его столица, лежит в 1600 ли от ворот Янг (Великой стены) и в 6100 ли от города Чангань (Сианьфу, современная столица Шеньси). В ней живут 1570 семейств, 14 100 человек, 2912 воинов. Находятся следующие чиновники: наместник для отражения ху; главный комендант Шаньшаня, главный комендант для ведения войны против Гюши (Турфан), правый и левый князья, князь для войны с Гюши, два главных толмача.

На северо-запад до места жительства генерал-протектора 1785 ли, до царства Шань (к юго-востоку от Карашара) 1365 ли и на северо-запад до Гюши (Турфан) 1890 ли.

Почва песчаная и соленая. Поэтому мало земледелия и жители зависят от продуктов соседних царств, откуда

доставляют хлеб. Царство имеет яшму и много камыша, тамариска, тальника, тополей и белой поросли. Жители со своим скотом ищут орошаемые и заросшие места. Разводят ослов, лошадей и много верблюдов. Умеют изготавливать оружие, похожее на таковое из Джецзяня (северо-восток Тибета)».

Слова в скобках, очевидно, вставил консул в старый текст для пояснения. Мера «ли» — больше 500 метров.

Судя по этой выписке, где-то здесь, по реке Кончедарье, вероятно ниже по течению, около 1900—1950 лет назад стоял большой город, столица какого-то государства, воевавшего с каким-то ху (гуннами?) и с турфанцами.

Найти местоположение города Лоу-Лань царства Шаньшань и начать здесь раскопки было бы очень интересно, и, может быть, дальнейший путь в Нию и Керию становился ненужным, хотя мне после знакомства с Долиной бесов и песчаными горами Кумтаг очень хотелось поглядеть еще знаменитую песчаную пустыню Такла-Макан.

Мы стояли на берегу старого русла Кончедарьи у какого-то колодца, который, по словам нашего проводника с Кызылсенира, был выкопан жителями этого селения для ночлегов по дороге к живому руслу этой реки. Там немного дальше были селения и городок Дурал, где они сбывали шкуры диких верблюдов, архаров и дзеренов в обмен на хлеб, ткани и обувь. Я стал расспрашивать этого проводника, не знает ли он чего-нибудь о древнем городе Лоу-Лань на Лобноре. Он сразу заявил мне, что Лобнор гораздо дальше на юг, большое озеро среди болот и зарослей камыша, и жители там живут на берегах и островах в хижинах из камыша, занимаясь рыболовством. Я напомнил ему, что он рассказывал мне о старинном городе Эмпень здесь, на старом русле Кончедарьи, где кто-то произвел неудачные раскопки. Тогда он вспомнил, что на этом старом русле верстах в десяти—двенадцати выше, то есть восточнее, он во время охотничьих разездов видел полузасыпанные песком остатки каких-то жилищ, не каменных или глинобитных, а деревянных, но думал, что это столбы камышовых хижин, подобных хижинам на Лобноре, оставшихся здесь со времен, когда по Кончедарье текла еще вода.

— Когда это было? — спросил я. — Ведь, может быть, старинный город Лоу-Лань стоял на Кончедарье?

— Люди на берегах этой реки жили не так давно,

лет сто пятьдесят—двести назад,—ответил он.— Мой отец, умерший двадцать лет назад в возрасте около восьмидесяти лет, рассказывал, что в детстве он еще помнил о воде в русле реки, в которой купался летом, когда прибывала вода с гор; а зимой в русле вода была только в отдельных глубоких ямах, и ею пользовались немногие, оставшиеся еще жить на умиравшем русле.

— Нельзя ли съездить посмотреть эти остатки жилищ? — спросил я.— В день можно обернуться?

— Конечно можно, если поехать налегке, оставив караван здесь,— сказал проводник.

Так мы и условились, и на следующий день, оставив весь караван под надзором Лобсына и его сына на месте ночлега, мы поехали верхом — проводник, я и Очир (на лошади Лобсына), захватив пару лопат, кайлу и провиант на два дня, чтобы в случае надобности можно было переночевать, хотя бы без палатки, если раскопка даст что-нибудь заманчивое.

Мы выехали рано утром. Был конец сентября, и солнце вставало уже немного позже шести часов утра. Проводник повел нас на восток прямо по старому руслу реки, где ехать было легче по плотному песку, местами сменяемому солончаками, старыми такырами. В русле нередко были наметены барханчики рыхлого песка, но их легко можно было объехать. Иногда они, впрочем, преграждали все русло и достигали до двух сажен высоты; их крутые подветренные склоны были обращены на запад, очевидно, последние ветры дули с востока: взбираться на крутые и рыхлые подветренные склоны лошадям было бы трудно, и приходилось объезжать барханы или выбирать место смычки двух и подниматься по их слившимся рогам, где высота не превышала одной сажени.

Мы ехали вдоль русла то рысцой, то шагом, объезжая барханы или пересекая их по месту соединения рогов. По руслу и на его берегах кое-где попадались стволы засохших тополей и прутья сухих тамарисков, но засохших зарослей камыша почти не было; они, вероятно, были истреблены населением вдоль умиравшей реки прежде всего на топливо. Часа через два проводник поднялся из русла на террасу правого берега, где видны были какие-то торчащие палки и бревна, очевидно остатки поселка. Они занимали сажен тридцать в длину и две-три сажени в ширину и представляли стволы тополей, или расколотые вдоль, или молодые, лишенные коры, которые торчали из почвы на различную высоту,

но не выше роста человека с поднятой вверх рукой. Между стволами местами видны были остатки плетня из хвороста — стеблей камыша, прутьев тамариска и тальника; они поднимались на одну, две, три четверти над поверхностью земли и, очевидно, представляли уцелевшие нижние части стенок хижин или домиков, в которых когда-то жили обитатели этого города Шаньшань. Кое-где валялись отдельные колья или палки, может быть из кровли хижин, которой не было вовсе. Вокруг остатков плетня были наметены грядки и косы песка.

Сохранность этих остатков не позволяла думать, что это жилища I века до нашей эры, когда существовал Шаньшань, судя по выписке консула. Даже принимая во внимание сухость климата этой пустыни, этим бревнам и плетню не могло быть 2000 лет; мы могли дать им сто — двести лет, не больше.

Проехав еще с версту дальше и обнаружив еще две группы таких же остатков, я решил попробовать раскопать почву возле них. Мы спешились, привязали коней к столбам, развели огонек из остатков плетня, которые горели прекрасно, повесили чайник, налитый взятой с собой водой, и в ожидании его готовности начали копать почву одной из хижин, — я у одной стенки, проводник у другой. Очир караулил чайник.

Почва была довольно плотно утопанной, но заступ уходил сравнительно легко вглубь; каждую глыбу мы разбрасывали и разбивали заступом, чтобы обнаружить все посторонние предметы. Их оказалось немного — обрывки одежды, тряпки, прутьи, осколки глиняной и фаянсовой посуды; я выбросил насквозь проржавевший обломок ножа, проводник — медную сильно позеленевшую монету с квадратным отверстием, то есть самый обыкновенный китайский чох стоимостью в $\frac{1}{7}$ копейки на наши деньги. На глубине одной четверти с небольшим почва стала более твердой. Расчистив площадку в квадратный аршин у задней стенки, где копал проводник, мы стали по очереди работать кайлой, углубляясь в твердую почву на одну ладонь, но на всей площадке нашли только в одном месте и в самом начале несколько ржавых рыболовных крючков и каменный шарик со сквозным отверстием, вероятно, грузило от рыболовной сети.

Приходилось думать, что остатки жилья принадлежат не древнему городу Шаньшань, а хижинам рыболовов того времени, когда по руслу Кончедарьи текла еще вода, то есть лет 80—100 и не более 200 лет назад. А древний город находился где-то дальше по низовьям

этой реки либо по другому руслу реки южнее или немного дальше на восток. Но чтобы найти его развалины, нужно было бы организовать целую экспедицию с топографами и в разных подозрительных местах проделать раскопки. Мне это предприятие казалось непосильным, я не мог тратить свое время на поиски Шаньшаня в пустыне к югу от Куруктага.

В проводнике не было надобности, я отпустил его, а мы, вернувшись к вечеру на место ночлега, на следующий день пошли дальше на юг и верстах в десяти вышли к живой реке Кончедарье, окаймленной густыми зарослями камышей, тамариска, тополевыми рощами, солончаками по низинам. В одном месте нам попались свежие следы кабанов и поверх них следы тигра, который, очевидно, преследовал их; вспугнули фазанов, два из которых попали в наш запас. Дорога то отдалялась от реки по зарослям и рощам, то приближалась, и можно было видеть, что река достигает около 30 сажен ширины и 2—3 сажен наибольшей глубины. Кое-где встречались поселки, жители которых занимались рыболовством.

Еще два дня мы шли вниз по этой реке, и фазаны доставляли нам хороший завтрак и ужин. На третий день начался район низовий, где смешивались, переплетаясь рукавами, воды Кончедарьи и Яркенда, составляя реку Тарим и область его низовий. Обе реки несут в своей мутной воде много ила, осаждают его, заиливают свои русла, разливаются по окружающей низменности, создают озерки и новые протоки. Возникает целая сеть русел, стариц, озерков среди зарослей камыша на широкой площади низовий, где сменяют друг друга широкие и узкие протоки, озерки, заросли камышей, разных кустов и рощи тополей. Среди них рассеяны и жилища в виде хижин из камыша, населенных жителями, промысляющими рыболовством и охотой на птиц, кабанов и даже маралов, которые водятся в чащах зарослей. Это уже район озера Лобнор, куда впадают воды двух рек, в совокупности называемых также Таримом.

При виде этих разливов я вспомнил, что консул перед нашим отъездом рассказал мне, что несколько лет назад наш путешественник полковник Пржевальский прошел впервые по Тариму и убедился, что озеро Лобнор находится не там, где его показывают китайские карты, а на два градуса широты южнее, почти у подножия Алтынтага. По поводу этого завязался даже спор. Немецкий ученый защищал точность китайских карт и

думал, что Пржевальский открыл не Лобнор, давно известный в географии Азии, а какое-то другое озеро, а Пржевальский доказывал, что китайские географы могли неверно определить положение Лобнора или же последнее переместилось с тех пор на юг.

Теперь я мог бы рассказать, что в этом споре обе стороны были правы. Я видел у южного подножия Куруктага старые русла Кончедарьи в том месте, где китайские карты показывают озеро Лобнор и где, очевидно, когда-то было озеро, теперь исчезнувшее. А потом, пройдя вниз по Кончедарье верст 120—140 на юг, то есть около двух градусов широты, я встретил озеро, в которое впадает река Тарим, на том месте, где его видел Пржевальский. Старый Лобнор, который китайцы когда-то нанесли на карты, исчез, высох, а река, питавшая его, передвинула свое устье на юг и образовала там новое озеро, которое и открыл Пржевальский¹.

Еще два дня шли мы по этой области разлива и умирания главной реки южного Туркестана — Тарима, объединившего воды Южного Тянь-Шаня в русле Кончедарьи и Куньлуня в русле Яркенда. Мы пробирались через заросли и кусты, солончаки и рощи тополей, песчаные барханы, маленькие поля и поселки лобнорцев и перемещались постепенно к западной окраине. По берегам нижнего течения Тарима, а также его рукавов расположены заросли тростника, болота и озера. Оказалось, что последние часто устраивают сами жители, отводя воду из главной реки в соседние низины; с водой

¹ Фома не мог объяснить сущности этого вопроса, которую выяснили уже позднейшие русские и иностранные экспедиции. Лобнор оказался кочующим озером, которое образуется то у северного подножия Алтынтага, где его видел Пржевальский, то у южного подножия Куруктага, где его нанесли китайские географы. Озеро питают обе реки — Кончедарья и Яркенд, в совокупности образующие Тарим. Своими наносами они сами преграждают путь в северное озеро, после чего устремляются в южное, заполняют его, начинают заливать южные русла и отступают назад в северную впадину, где восстанавливают свое прежнее озеро. Экспедиции начала XX века уже видели восстановление озера на месте, показанном на китайских картах, тогда как озеро, открытое Пржевальским, умирало, зарастало камышом, заносилось осадками. На берегах Лобнора китайских карт найдены остатки больших поселений: под именем Лоу-Лань они описаны и в китайской литературе; большая шелковая дорога пролегла то мимо северного, то мимо южного озера в связи с их восстановлением и умиранием. Вопрос о блужданиях Лобнора изложен подробно во введении Э. М. Мурзаева «Лобнорское путешествие Пржевальского и загадка Лобнора» к книге Н. М. Пржевальского «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор». Гос. изд. геогр. литературы. М., 1947, с. 3—23.— *Прим. автора.*

уходит и рыба, и ловить ее в мелких озерах и затопленных луговинах удобнее, чем в быстром, широком и глубоком главном русле Тарима. Вот эти озера и разливы в течение жаркого времени года испаряют много воды, и в этом одна из причин, что в низовьях Тарим все больше мелеет. По словам берегового населения, вода быстро прибывает в Тариме летом, когда на Куньлуне тают снега, и убывает осенью, всего больше к концу ноября, когда река замерзает.

Мы прошли по правому берегу Тарима до того места, где он резко повернул на восток и начал разливаться в большое озеро Кара-кошун. Легко было увидеть, что этот поворот реки вызван тем, что здесь поднялись плоские высоты гор, которые тянутся с запада на восток и представляют первую низкую гряду Куньлуня; но эти низкие холмы увеличены песком, наносимым ветрами с севера и образующим тут цепи барханов. Жители этого места у поворота реки, где начинаются болота и заросли западного конца озера Кара-кошун, в которое впадает Тарим, сказали нам, что осенью и зимой, когда в реке воды мало, многие рукава ее почти обсыхают и ветры уносят сухой песок по обсохшим руслам на юг, увеличивая здесь цепи барханов. Тут же, вдоль подножия этих высот, ветвится и разливается в своих низовьях река Черчен, впадающая с запада в озеро Кара-кошун, и ее разливы и обсыхающие русла дают еще много материала для песчаных заносов.

Мы шли целый переход по окраине разливов реки Черчен, где тянулись обсохшие русла, заросли тростника, тамариска, песчаные барханы и косы. На возделанных участках, с которых хлеб был уже убран, судя по оставшимся стеблям, были пшеница, ячмень и кукуруза. Ночевали возле селения Чарклык, расположенного на речке, вытекающей из расположенного уже недалеко отсюда Алтынтага. Это селение было основано только в середине текущего века охотниками из города Керии, которые, преследуя диких верблюдов, наткнулись здесь на разрушенные стены небольшого города, среди которых валялись изломанные прялки; следы другого города нашлись по соседству, судя по чему эта местность была удобна для поселения. Сюда и переселились некоторые семьи из Керии и назвали свое поселение Чарклык, от слова «чарк» — по-тюркски «прялка». Развели поля и огороды, насадили фруктовые деревья и живут очень хорошо, почва мелкая, глинистая и при

орошении очень плодородная; но неудобство составляет пыль, которую поднимают ветры, особенно весной.

Дальнейший путь пролегал по песчано-галечной равнине, которая тянется вдоль реки Черчен, окаймленной буграми песка и зарослями кустов, и поднимается постепенно к Алтынтагу, который еле был виден или совсем скрывался в тучах пыли, составляющей особенность климата всей этой южной окраины бассейна Тарима. Жители этой окраины жаловались, что горячие летом и холодные зимой ветры пустыни приносят постоянно пыль, переветывая пески, и вся почва здесь пыльная. Она очень плодородная при орошении и бесплодная без него; корм плохой даже для верблюдов, которых приходилось подкармливать, покупая снопы сухой люцерны или клевера в селениях. Воду на ночлегах добывали из колодцев, но ее было мало, и река Черчен оставалась далеко в стороне от нашей дороги, на которой попадались небольшие селения, а также развалины. По такой местности мы шли три дня до селения Ваш-Шари.

За этим селением пески пустыни Такла-Макан, оставшиеся до сих пор на левом берегу Черчена, перебрались и на правый берег, и дорога в течение двух дней пересекала их; они представляли то удлиненные увалы или гряды, то невысокие холмы, в 3—9 сажен высотой, настоящие барханы с пологим наветренным склоном, обращенным на северо-восток.

Миновав эти пески, мы вышли уже к среднему течению Черчена, который в борьбе с песками то течет широким плесом, в 30—35 сажен шириной, по зыбучему песчаному дну, то разбивается на узкие рукава со спокойными заливами и участками мокрого песка, покрытого слоем липкой глины. Глубина в широком русле меньше аршина, но местами есть омуты. Эти русла с промежутками имеют до 200 сажен ширины. Вода грязная, переполненная мелким песком и илом, дно зыбучее, нога вязнет глубоко, а там, где течение тихое и осаждается жидкий ил, перейти вброд совсем нельзя. Главное русло часто перемещается в месяцы высокого уровня летом, как показывают в малую воду перерывы тропинок.

Берега реки окаймлены полосой бедной древесной и кустарниковой растительности, шириной то в две-три, то восемь-десять верст; из деревьев всего чаще тограк, уродливый и корявый, с растресканной корой, покрытой пылью или белой солью, часто иссохший, без сучьев, с дуплами. Видны также тамариски, облепиха, кендырь,

солодка, изредка джигда, тростник. Кусты густо покрыты пылью, а почва то рыхлая, песчаная, то твердая, с соляной коркой. Везде валяются обломанные сучья, ветки, кучи сухих листьев. Вездых желто-серый от густой пыли. В такой обстановке мы шли по среднему течению реки до города Черчена четыре дня; в воде и топливе не было недостатка, но корм животных был скудный, и лошадям мы каждый день давали немного размоченного гороха, закупленного в Чарклыке.

Черчен оказался довольно большим городом, в 600 дворов на небольшой площади глинистой почвы, окруженной сыпучими песками, которые на левом берегу реки Черчен засыпали площадь двух древних городов; один из них будто бы уничтожен около 3000 лет назад богатырем Рустем-дагестаном, а другой разорен уже 900 лет назад монголами Алтамышом. Жители Черчена иногда раскапывают остатки, чаще же осматривают развалины после сильных бурь, сметающих песок, и находят монеты, украшения, бусы, железные вещи, медную посуду, даже битое стекло, а при раскопках попадают склепы и отдельные деревянные гробы, в которых трупы хорошо сохранились, очевидно благодаря особой сухости воздуха. Об этом нам рассказывали на постоялом дворе, где мы провели два дня, и я записал эти сведения для будущих поисков. Указывали, что следы древних поселений имеются и по всему среднему течению Черчендаря, которое теперь совсем безлюдно.

Когда я, уже вернувшись домой, рассказывал консулу об обилии развалин городов в Таримском бассейне, начиная с севера, с Турфана и Лукчуна, особенно же по южной окраине вдоль современного подножия Куньлуня и Алтынтага, он подтвердил это и объяснил его переменной климата и развитием песков пустыни Такла-Макан в историческое время; он сказал, что и Пржевальский уже отмечал это ухудшение климата всей области Центральной Азии и ее усыхание¹.

¹ Пржевальский, ссылаясь на Рихтгофена, полагал, что усыхание Центральной Азии началось в третичный период после того, как исчезло море Хан-Хай, занимавшее ранее Внутреннюю Азию. Но, по новым данным, внутреннее море исчезло уже в конце пермского периода и с тех пор началось усыхание, сначала очень медленное. Еще в юрский период в Центральной Азии были многочисленные озера и на их берегах пышная растительность, судя по присутствию пластов угля в юрских толщах. В начале мела также были озера и растительность, оставшая после себя угли; но уже в отложениях верхнего мела и третичных угля нигде нет; можно думать, что тогда и начался степной период, постепенно перешедший в пустынный. — *Прим. автора.*

От Черчена до Нии нам оставалось пройти еще около 300 верст по прямой дороге вдоль окраины песков; кроме нее, имелась и другая дорога, длиннее верст на сто, вдоль подножия горной цепи Алтынтага. Эту верхнюю дорогу, по распросам, предпочитают летом, когда на нижней очень жарко и много насекомых. Но теперь была уже осень, и мы, конечно, предпочли более прямую, хотя, как говорили, там вода хуже и много песка; зато она короче и гораздо ровнее; по верхней дороге много глубоких ущелий, неудобных для верблюдов, и корма меньше. У нас с собой была пара бочонков, чтобы возить с собой хорошую воду, а дорога через пески менее утомительна для верблюдов, чем крутые подъемы и спуски.

По нижней дороге мы шли десять дней по окраине больших песков пустыни Такла-Макан, надвигавшихся с севера; высокие барханы, целые горы песка в 30—40 и более сажен высотой, видны были справа, а вдоль дороги приходилось преодолевать более низкие, в три-пять сажен, редко до десяти сажен, выбирая промежутки между ними.

Вода попадалась в виде колодцев в достаточном количестве, но иногда затхлая; кроме того, мы пересекли на своем пути пять русел рек, текущих с Алтынтага, несущих воду только летом, когда тают снега, а теперь, осенью, уже безводных; колодцы были вырыты в ложбинах их русел на самом краю.

Два раза мы испытывали песчаные бури с северо-востока, то есть почти попутные и не слишком сильные. В общем этот путь совершили вполне благополучно, но почти не встречали людей. Поселения таранчей расположены ближе к подножию гор, куда еще добегают вода, где песчаных заносов гораздо меньше и возможно хлебопашество с орошением, без которого в этом жарком климате хлеб не растет. На окраине песков попадались только развалины прежних поселений, оставленных жителями в связи с надвиганием песков, засыпавших поля и здания.

Оазис Ния расположен на обоих берегах одноименной реки, верстах в пятидесяти от подножия Алтынтага, откуда вытекает эта река, называемая в горах Улуксай. Оросив оазис, она течет дальше еще верст семьдесят, прорываясь через окраину сыпучих песков, пока не иссяхнет в борьбе с ними. Только летом, когда тают снега и ледники, воды в реке много и она убегает и дальше, в глубь пустыни Такла-Макан. Но в зимнее полу-

годие воды в оазисе Нии уже немного и жители пользуются водой из хаузов, то есть прудов, которые имеются почти в каждом дворе в тени больших деревьев; летом эти пруды являются проточными, но к октябрю приток в них почти прекращается; в помощь хаузам имеются еще колодцы, действующие круглый год.

Нам сказали, что в Нии числится более 1000 дворов и население доходит до 6000. Главное его занятие — земледелие и садоводство. В садах растут груши, яблоны, персики, абрикосы, тут, виноград, гранаты. На полях разводят пшеницу, ячмень, кукурузу, бобы, арбузы, дыни, морковь, лук, люцерну, клевер. Все поля орошаются и тщательно обработаны. Жители жалуются, что весной вредят поздние морозы и пыльные бури: морозы губят цвет плодовых деревьев, а бури засыпают песком поля и арыки. Прежде, по их словам, обширные поля и сады тянулись гораздо дальше вниз по реке, но в борьбе с песчаными заносами они мало-помалу отступали, сокращались. И теперь уже каждая семья на своем участке земли разводит только то, что ей нужно для пропитания, и на продажу остается очень немного. Это мы испытали на себе: на базаре можно было купить мало, и в запас для увоза на место разведки пришлось закупать понемногу в течение нескольких дней.

Кроме земледелия и садоводства жители Нии занимаются еще добычей золота в горах. На зимние месяцы молодые мужчины уходят вверх по реке в глубь Куньлуня, где имеются прииски, на которых добывают и промывают россыпное золото.

В Нию мы прибыли уже в начале октября и остановились в караван-сараях таранчи Мухамед-шари. Он стоял на берегу арыка, выведенного из реки, и представлял довольно большой двор, огороженный глинобитной стеной и затененный с южной стороны линией пирамидальных тополей, стоявших вдоль этого арыка. Около одной стены двора располагались небольшие фанзы для приезжающих, часть которых имела каны: очевидно, для китайцев, любящих спать на теплой лежанке; другие вместо кана имели обычное у таранчей возвышение, на котором на коврах располагались приезжие для трапезы, а ночью спали. Здесь, на южной окраине бассейна Тарима, в начале октября было еще очень тепло, даже жарко, и мы, конечно, выбрали фанзу без кана и побольше, чтобы в ней же разместить свои выюки с товаром. Во время длинного пути от Турфана мы понемногу торговали, и у нас, в сущности, осталось только два

неполных верблюжьих вьюка с шелками, которые на пути сюда в селениях таранчей не привлекли покупателей. Мухамед, узнав, кто мы такие и с какими товарами прибыли, уверил меня, что сейчас покупателей будет мало, так как урожай винограда, гранатов, смоквы и олив еще не реализован населением и нужно подождать недели три-четыре. Меня это вполне устраивало, так как я сначала хотел съездить вниз по реке к развалинам селений, о которых мне говорили, и провести раскопки. Хозяин, узнав об этих планах, обещал вызвать ко мне известного ему проводника, выходца из Узбекистана или Бухары, который знает все места вокруг Керии, Нии и до Яркенда.

На следующий день он привел ко мне этого человека. Это был пожилой худощавый узбек, среднего роста, с жиденькой седой бородой и жгучими черными глазами. Я заказал хозяину угощение, и за чаем в присутствии хозяина он рассказал мне, что по долинам рек Керии и Нии в настоящее время таранчи живут только на протяжении одного-двух переходов, так как дальше воды, текущей с гор Куньлуня, уже мало и орошение невозможно. Но прежде, лет 300 назад, воды было больше, и селения таранчей тянулись еще на три-четыре перехода дальше. Теперь там никого нет, фанзы развалились, деревья засохли или засыхают, а пески пустыни Такла-Макан надвинулись и частью уже засыпали брошенные селения. В этой местности по реке Нии прежде был довольно большой город, окруженный садами, которые еще орошались последней водой реки; дальше воды не было. В этом городе во дворах и в домах, от которых еще остались стены, но без крыш, дверей и оконных рам, растащенных населением вышележащих селений после вымирания города, попадают золотые и серебряные монеты, разные металлические вещи, а в большом буддийском храме сохранилось много статуй богов.

Этот человек рассказал, что лет шесть или семь назад он был проводником какого-то иностранца, как будто англичанина, который ездил с ним до этого города в сопровождении своих слуг, провел там несколько дней, кое-где копал землю, нашел несколько старых индийских книг и заявил, что приедет опять с десятком рабочих для раскопок, так как место очень интересное. Но пока он больше не приезжал. После угощения узбек ушел, заявив, что может провести меня в этот старый город.

Мне и Лобсыну этот человек не очень понравился, хотя производил впечатление знающего, показал несколько старых медных монет с индийскими буквами, найденных в городе, и обрывок листа из книги с санскритским текстом, который, по его словам, англичанин бросил из-за грязи и измятости. Поговорив еще с Мухамедом и узнав биографию проводника Ибрагима, мы решили отправиться с ним для осмотра города и раскопок, если место понравится. Хозяин сообщил, что, если я не найду ничего интересного для себя по реке Нии, можно будет поехать и вниз по реке Керии, где также много оставленных селений, а проводник знает и эту долину.

Вызвав проводника, мы срядились с ним. Везти с собой в пустыню два вьюка с товарами, конечно, не имело смысла. Если раскопки окажутся удачными, свободные верблюды для увоза всего добытого будут нужны. Товары можно было оставить у хозяина постоянного двора. Я сходил к аксакалу, который удостоверил, что проводник Ибрагим давно известен ему, а Мухамед-шари, старый житель города, также заслуживает полного доверия. К китайскому амбаню города я не считал нужным обращаться, так как случай в Баркуле с моими товарами, описанный в главе пятой, побуждал обращаться возможно реже к китайским властям в Синьцзяне и предпочитать сношения непосредственно с населением.

Итак, мы оставили товары на складе у хозяина постоянного двора, который выдал мне расписку в их получении: правда, на тюркском языке, но удостоверенную аксакалом. Закупив сухой провизии на месяц и четырех баранов в качестве живого провианта, взяв с собой пустые мешки и чемоданы от мануфактуры, четыре бочонка для воды, пучки сухого клевера для лошадей и жмыхов для верблюдов, мы выступили 6 октября из Нии вниз по течению реки.

По долине ее тянулись поля с разным хлебом, хлопком, сады, отдельные дома таранчей и небольшие группы их, рощи тополей, джигды, карагача, шелковицы, оливковых и фисташковых деревьев. В первый день мы сделали переход верст в тридцать и остановились на закате солнца возле большого уже сжатого поля, которое могло дать корм нашим четвероногим. Вечером, конечно, пришли жители соседних домов, и от них мы узнали, что на следующий день населенная часть долины кончится.

Действительно, на второй день пути группы полей, садов и фанз становились все более отдаленными друг от друга, появились пустыри давно заброшенных полей. В речке текло еще довольно много воды, но проводник объяснил это тем, что время полива полей и садов уже кончилось, вода не расходуется на поля и бежит дальше. На пустырях попадались пни и засыхающие деревья; признаки умирающей жизни были налицо. Вблизи места нашего ночлега уже не было жителей.

На третий день мы миновали утром последнюю маленькую группу домов с небольшими полями, засыхающими тополями и остатками садов. Началась пустынная часть долины Нии, кое-где видны были брошенные дома, уже без крыш, дверей, оконных рам, увезенных владельцами при выселении или расхищенных на дрова. Поля уже заросли колючками, полынью, бударганой; засыхающие деревья видны были все реже. Воды в речке стало меньше, а весной и летом во время полива вода сюда, очевидно, уже не доходила. В этот день мы сделали большой переход по совету проводника, чтобы назавтра раньше дойти до оставленного города. Долину Нии на этом переходе уже окаймляли песчаные холмы, частью заросшие, частью же совсем голые, с барханами, напомнившими мне пески Кумтага в Долине бесов.

Последний день местность имела удручающий вид: кое-где еще стояли остатки домов и почти засохшие деревья, на старых полях борозды были уже совсем сглажены выветриванием и песком, который образовывал маленькие кучи под защитой отдельных кустов и группы небольших барханов, а по обе стороны долины тянулись более высокие барханные пески. На севере вдали виднелись еще более высокие гряды барханов. Вскоре после полудня мы дошли до места бывшего последнего города на Нии. На площади в 300—400 шагов, если не больше, стояли остатки стен домов, бывших дворовых оград и улиц, кое-где пни деревьев. Но в общем, по сравнению с развалинами Хара-Хото и храмом Тысячи будд в Дуньхуане, эти не производили впечатления. Вода реки теперь доходила и сюда, но только в виде маленького ручейка, еле сочившегося по песчаному руслу.

Проводник, заметив мое разочарование, сказал, что развалины старого храма, где находят монеты и древние книги, лежат немного дальше, но что за водой придется приходиться сюда, так как туда она уже не добега-ет. Мы поехали дальше и минут через десять или пят-

надцать дошли до этого места. Здесь, среди нескольких более высоких и голых барханов, поднимались частью совсем перекрытые песком развалины: стены из обожженного желтого кирпича, образовавшие несколько прямоугольников, остатки полуразрушенного субургана, возвышавшегося над песком, и, немного в стороне, несколько пней тополей, торчащих из песка. Группа барханов, надвинувшихся на развалины, примыкала на севере к более высоким барханам, достигавшим уже сажен 8—10 высоты и напомнившим мне Кумтаг. Немного в стороне, вдоль сильно засыпанного сухого русла, тянулась полоса кустов тамариска, поднимавшихся над песчаными кучами. Здесь мы нашли довольно ровную площадку, где можно было разбить палатку. Вдоль русла тянулись заросли мелких кустов, которые могли служить пищей нашим верблюдам, но для двух лошадей корма не было совершенно.

Устроив свой лагерь и оставив мальчиков разводить огонь и готовить обед, мы оба с проводником обошли развалины. Там, где песок не образовывал барханов, на поверхности почвы попадались какие-то тряпки, осколки кирпича, щепки. В одном месте проводник поднял небольшую монету красной меди, поверхность которой была отшлифована песком, так что цифры и буквы совершенно стерлись, и только круглая форма позволяла думать, что это была монета. Сравнивая эти развалины с Хара-Хото, я подумал, что работа будет здесь труднее из-за нанесенного песка, местами заполнявшего стены зданий до верха и даже поднимавшегося выше. Этот песок придется убирать, чтобы добраться до прежнего пола зданий, под которым можно будет найти что-нибудь. Выбрав один прямоугольник, занесенный песком меньше, я решил начать с него.

Вернувшись к лагерю, мы застали уже расставленную палатку, костер с закипевшим чайником и рядом котел с супом. Верблюды паслись между тамарисковыми кустами, лошади стояли привязанные к одному из них, понутив головы, бараны отдыхали, лежа кучкой. Четыре бочонка с водой были покрыты кошмами от солнечных лучей. Запас воды мы привезли из Нии, но теперь, зная, что поблизости в речке есть вода, решили напиться из бочонков верблюдов, лошадей и баранов, а под вечер съездить за свежей водой к ручью, оставшемуся в версте у первых развалин. Напившись чаю и отдохнув, мы начали поить животных. У нас был довольно большой медный таз, мы наливали в него воду из бочонков,

подводили баранов, лошадей и верблюдов поодиночке и давали им напиться вволю. Когда солнце было близко к закату, проводник и сын Лобсына, навьючив бочонки для воды на двух верблюдов, поехали на лошадях к ручью, где наполнили бочонки свежей водой и напоили еще раз лошадей. Они вернулись уже в сумерки.

Солнце село в этот день багровое, и проводник сказал:

— Нужно хорошо укрепить палатку, устроить из всех тюков, седел и бочонков с водой ограду, за которой уложить баранов, и на ночь уложить верблюдов спиной к ветру. А ветер здесь почти всегда с полуночной стороны и этой ночью может быть сильный.

Сообразно с этим мы и устроились на ночь с южной стороны большой песчаной кучи, заросшей тамарисковыми кустами и дававшей некоторую защиту. Улеглись спать мы и мальчики в глубине палатки, проводник — у входа.

— Мой верблюд молодой и беспокойный, за ним ночью надо присматривать, чтобы не убежал, — объяснил он нам.

Часов в девять вечера вдали на севере послышался гул, сначала слабый, очевидно еще далекий от нас. Я слышал его, потому что не спал, обеспокоенный мыслью, что клад, который мы собирались раскопать, — весьма сомнительный по качеству и количеству и трудный по работе. «Едва ли какому-нибудь разумному человеку пришло бы в голову основывать большое поселение в местности, очень близкой к окраине песчаной пустыни, — думал я. — Застроенная площадь небольшая, крупного монастыря здесь быть не могло, и мы потеряем только время».

Усилившийся гул прервал мои мысли. Казалось, что к нам скачет целая армия всадников; завывания чередовались со свистом, и на палатку посыпались песчинки в таком количестве, что можно было различить ручейки их, сбегавшие в разных местах. Палатка то вздувалась, то вдавливалась. Но мы глубоко забили колышки и придавили полы со стороны ветра четырьмя бочонками с водой, закрытыми кошмами и холстами. Я долго слушал голоса бури и, убедившись в прочности нашей защиты, наконец уснул.

Буря продолжалась всю ночь, изредка только как будто немного ослабевая, но затем даже усиливаясь. Когда стало достаточно светло, я встал, подошел к выходу и, чуть раздвинув полы, выглянул, но, кроме жел-

той песчаной мглы в воздухе, ничего не мог увидеть. Проводник, также проснувшийся, сказал, что он недавно выходил, все в порядке, животные лежат, даже лошади улеглись спиной к ветру, и везде нанесены барханчики песка. В такую бурю, конечно, нечего было и думать разводить огонь и греть чайник: приходилось лежать и спать, закрыв лицо, так как сквозь швы палатки проникали мелкие песчинки и попадали в глаза, нос и рот. У нас в большом чайнике был сварен жидкий чай для утоления жажды. Я пососал его через горлышко, и он показался мне очень сладким. Вернувшись на свое ложе, я опять заснул, и, очевидно, очень крепко; проснулся, когда было совсем темно. Вероятно, тянулась вторая ночь. От пыльного воздуха голова была тяжелой, и я опять заснул.

Не знаю, сколько времени я спал, изредка просыпался, ворочался, натягивал халат, которым был укрыт, больше на лицо, и опять засыпал. Меня, наконец, растолкал Лобсын, тряс за плечо, и я услышал слова:

— Вставай скорее, Фома, вставай, беда у нас, все верблюды ушли, и лошадей нет, угнали их, что ли, пока мы спали!

Я поднялся, голова по-прежнему была тяжелая, хотелось опять уткнуться в подушку. Но Лобсын не давал пощады, тряс меня, вскрикивал:

— Ты что, напился вина, что ли, очнись, наконец, Фома, беда у нас!

Я наконец очнулся, присел и слушаю, а он говорит:

— Верблюды и лошади убежали куда-то. Проводника Ибрагима и моего сына тоже нет; они, наверно, побежали искать животных. Я уже бродил поблизости, смотрел. Буря продолжается, хотя слабее, и следы всякие уже замело, не видать, куда все убежали, где их искать.

Это известие меня, конечно, встревожило, и я вскочил и вместе с Лобсыном вышел из палатки на воздух. Было светло, песчаная буря ослабела, и по ветру можно было уже смотреть вдаль шагов на сто, а по сторонам — только защищая глаза рукой. Вокруг нашего лагеря под защитой палатки, вьюков, бочонков были наметены свежие барханы песка, вытянутые косами высотой местами в полтора-два аршина. Навстреченная сторона палатки прогнулась горбом под тяжестью нанесенного песка. Подветренная сторона в двух-трех шагах дальше палатки, где лежали верблюды, была пуста, и нанесенный на нее песок лежал неправильными холмиками и

косами; это показывало, что животные, которые были уложены нами друг возле друга мордами по ветру в подветренную сторону, встали уже довольно давно и при вставании растоптали нанесенный между ними песок, который потом передувался.

Мы обошли всю площадку вокруг лагеря. Между кучками и косами песка попадались катыши высохшего уже помета верблюдов.

— Где же бараны? Где же бочонки с водой? — спросил я, заметив отсутствие тех и других.

Бараны лежали под большим кустом тамариска правее верблюдов. На этом месте был наметен свежий песок, из-под которого местами выдавались шарики бараньего помета. Бочонки с водой стояли друг возле друга между подножием песчаного холма, поросшего тамариском, и краем палатки, который они придавливали своей тяжестью, а сверху были прикрыты цветными вьючными сумами, в которых был привезен в Нию мануфактурный товар, и отсюда должны были быть увезены находки из раскопок. Сумы были покрыты простыми мешками. На этом месте мы увидели несколько мешков, полужасыпанных песком, но ни сум, ни бочонков не было, а песок лежал беспорядочными грудками, сильно уже сглаженными ветром.

Мы стояли с Лобсыном и подошедшим к нам Очиром и смотрели с недоумением на пустое место.

— Верблюды, лошади и бараны могли убежать, — сказал я наконец, — но у бочонков ног нет и у сум также. Значит, какие-то люди во время бури были здесь и угнали животных, а заодно и увезли на них бочонки и сумы.

— А Ибрагим спал у входа и ничего не слышал, — воскликнул Лобсын, — и вместе с моим мальчиком побегал за ворами.

— И как они их теперь найдут, — рассуждал я, — ветер все следы замел, а в какую сторону воры ушли — неизвестно.

— Никуда иначе, как в Нию, — сказал Лобсын. — Во все другие стороны песчаная пустыня и дороги нет.

— И что же нам делать? Идти в ту же сторону, бросив палатку и все вещи здесь? А если Ибрагим нашел следы в другой стороне и побегал туда, а мы пойдем в Нию? — недоумевал я.

Положение казалось безвыходным. Как будто оставалось сидеть на месте и ждать возвращения отсутствующих Ибрагима и сына Лобсына. И как пришлось

пожалеть, что в этот раз у нас не было собачки Лобсына, которая так хорошо караулила и, конечно, разбудила бы нас своим лаем, поднятым при появлении воров. Но старая собачка издохла летом, а новая еще не была обучена.

— Что же, пойдем в палатку, поьем хоть холодно-го чая,— предложил я.— Буря как будто кончается, и скоро можно будет развести огонь и поставить еду. Сколько суток мы проспали, ничего не ели, не пили!

Мы вернулись в палатку и сели. Я протянул руку за чайником, но Лобсын придержал его и сказал:

— Знаешь, Фома, я думаю, в наш чай было подмешано сонное питье, я спал как никогда, словно мертвый!

— Я тоже спал крепко, но приписал это песчаной буре,— сказал я.— Очир ничего не сказал, но он вообще отличался тем, что ночью спал как убитый и при дежурствах его всегда с трудом будили.

Я попробовал чай, потянув его из горлышка. Его оставалось уже немного: мы, видно, не раз пили его, просыпаясь во время бури. На вкус чай показался определенно противно сладким, а сахара мы, оставив половину чайника на ночь, не клали. Лобсын тоже попробовал и сказал:

— Наверно, подмешано сонное. Вспомни тот раз, когда я гнал за ворами на реку Урунгу и потчевал их сонным ламским питьем, чтобы увести наших коней.

— Кто же мог подлить его, Фома? Не иначе как Ибрагим, который и угнал наших животных. А мой сын заметил и погнался за ним.

В это время Очир, увидевший белую бумажку, заткнутую под край втулки заднего шеста палатки, вытащил ее и подал мне. Я надел очки и, увидев на бумажке монгольские буквы, передал ее Лобсыну, так как разговорный монгольский язык знал отлично, но письмо разбирал с трудом. Лобсын же в монастыре был обучен монгольской грамоте и потом читал книжки у себя в юрте в долгие зимние вечера. Он развернул бумажку, прочитал ее один раз про себя, перечел еще раз и потом повторил мне.

— Вот, Фома, что написал тут мой сын: «Отец, мы с Ибрагимом уехали в Лхасу на богомолье, взяли ваших верблюдов и коней. Ты и Фома в Нии купите лошадей и поезжайте спокойно домой. Прощай!»

Я был поражен, а Лобсын сидел с бумажкой в руке и качал головой, как качают мальчишки, заучивая громко молитвы в монастырях у лам.

— Этот Ибрагим мне сразу не понравился,— сказал, наконец, Лобсын,— у него глаза воровские. Он подговорил моего сына. И в чайник подсыпал сонное, чтобы мы не проснулись.

Лобсын рассказал, что его сын последний год очень избаловался: мать ему слишком много позволяла, давала полную волю. Весной он без спроса уехал верхом в Дурбульджин к знакомым мальчикам китайской школы, в которой он раньше учился, и пропадал недели три: они там курили опиум, пили водку. Когда он вернулся домой, прокутив все деньги, которые взял тайком у матери, Лобсын его здорово побил, а мальчик ему сказал в слезах, что убежит совсем из дому.

— Это все, Фома, наши клады виноваты, мы жили хорошо, ни в чем не нуждались, мальчик долго оставался без моего надзора, мать его избаловала: один ведь он сын у нас, делал дома, что хотел.

Записка объяснила все. Проводник подговорил мальчика, наверно, расписал ему, как великолепно Лхаса. Мальчик, привыкший к путешествиям, обидевшийся на отца, захотел быть самостоятельным и пойти по следам отца, подружившись с проводником, который обмозговал все дело, воспользовался песчаной бурей, подлил в чай сонное зелье. Я вспомнил, что и накануне вечером мальчики долго сидели возле Ибрагима, и он им что-то рассказывал интересное. Его рассказы о находках в развалинах последнего селения могли быть просто выдумкой, чтобы увести наш караван в глубь песков Такла-Макан, где угон верблюдов легче было выполнить, оставив нас в безвыходном положении. Комбинация с сыном Лобсына пришла в голову уже позже, когда они ездили вечером за водой вдвоем; может быть, сам мальчик жаловался на отца; угон животных вдвоем было гораздо удобнее осуществить, чем в одиночку. Теперь нам оставалось одно — идти пешком в Нию, унося с собой только самое необходимое — одежду, запас еды и оставив все остальное в пустыне; в Ние взять оставшиеся товары, распродать их, купить трех лошадей и ехать налегке домой, бросив всякую мысль о раскопках.

Но теперь нам нужно было приготовить себе обед, а так как воды не было,— сначала сходить с чайником и котлом к источнику, где мы перед бурей брали воду. Лобсын с Очиром пошли туда, а я пока набрал хворосту и аргала, развел огонь. Чтобы его зажечь, я полез в карман своего летнего халата, где были спички, а во

внутреннем кармане лежала записная книжка, в которую я положил расписку аксакала в получении на хранение четырех вьюков с нашим товаром. Достав спички, я почему-то полез и в этот карман проверить, там ли бумажка. Ее не было. Пошарил везде — в теплом халате, который был на мне, в постели под подушкой, — не нашел ничего. Приходилось думать, что Ибрагим или мальчик во время нашего сна обшарил халат и взял расписку, чтобы в Нии получить и продать наш товар и обеспечить себя средствами на далекий путь в Лхасу или куда они хотели скрыться от нас.

Эта пропажа еще больше усложняла положение. Правда, у меня в кармане были деньги за проданные по пути из Урумчи до Нии товары. Их было достаточно, чтобы купить трех лошадей с седлами и еще кое-что и питаться в пути домой. Но тогда мы с Лобсыном возвратились бы в Чугучак не только без всякой выручки по торговле, но потеряв еще весь свой караван, палатку и дорожные вещи. Об этой пропаже я решил Лобсыну не говорить до прихода в Нию.

Когда Лобсын и Очир вернулись с водой, мы сварили ужин и чай и в сумерках сидели у огонька. Буря совсем прекратилась, выплыла почти полная луна из-за барханов, и мы еще долго сидели, перебрасываясь замечаниями о происшедшем. Луна освещала наш опустевший лагерь, на душе было нехорошо, Лобсын был очень опечален и часто вздыхал.

Чуть свет мы поднялись, сварили чай, отобрали из одежды и других вещей все, что были в силах унести на себе, а палатку и остальное снесли к развалинам и сложили внутри самых высоких стенок одной из фанз, чтобы в Нии поручить аксакалу приехать и забрать эти вещи, если он захочет. Затем по пути на юг зашли к ручейку, взяли с собой воды в чайнике для завтрака и поплелись.

После бури установилась тихая и ясная погода, была середина октября, и солнце грело еще сильно. Пешком мы двигались медленно и только поздно вечером добрались до первого в низовьях Нии маленького поселка. К нашему счастью, здесь оказалась пара верблюдов, которых можно было нанять, чтобы съездить за вещами, оставленными на месте злосчастливого ночлега. Хозяин верблюдов вместе с Лобсыном поехал назад, и на следующий день они вернулись со всеми вещами, палаткой и даже бочонками для воды, которые оказались на месте ночлега, но засыпанные песком. Ве-

терок за два дня сдул песок и вскрыл бок одного бочонка.

В поселке я нанял того же таранчу с тремя верблюдами, чтобы он довез нас и наши вещи до Нии. В общем прошло уже 12 дней с тех пор, как мы выехали отсюда в несчастную экспедицию. Хозяин Мухамед-шари встретил нас с удивлением.

— Откуда вы прибыли? — спросил он. — С неделю тому назад здесь были Ибрагим и ваш мальчик. Они сказали, что вы трое из песков прошли прямо через пустыню в Керию и велели взять у меня оставленные вьюки с товарами и везти их прямо в Керию, где должны встретиться с вами. Ваш мальчик отдал мне мою расписку в получении тюков, и я выдал их ему.

Он показал мне удостоверенную аксакалом расписку, и пришлось поверить, что Ибрагим с мальчиком действительно взяли все наши товары. Мухамед-шари сказал, что он удивился тому, что эти двое привели с собой так много верблюдов.

«Что же вы оставили вашим старшим?» — спросил он их.

Они сказали, что мы из последнего поселка Нии наняли новых верблюдов — прямо через пески в Керию с проводником, который обещал нам показать большие развалины с буддийскими кумирами. На Нии же при раскопках ничего интересного не нашли, и Ибрагим увезет товары и караван туда же, на окраину Керии, чтобы встретиться с нами.

Мы с Лобсыном посетили еще аксакала и рассказали ему все, что случилось. Он очень пожалел нас, сказал, что Ибрагим и наш мальчик к нему не приходили, а ушли, по расспросам, по реке Черчен, откуда в трех днях пути сворачивает небольшая караванная дорога в Лхасу.

Возвращаться в Чугучак с пустыми руками, потеряв даже взятый с собой товар и всех животных, было бы для меня слишком обидно. Я подсчитал наличные деньги, вырученные за часть товаров, проданных в Нии. Оказалось, что я могу купить на них лошадь для себя, ишака для Лобсына и трех или четырех хороших верблюдов и на обратном пути остановиться на старом русле Кончедарьи на месте древнего города Шаньшань, где мы на пути сюда начали раскопки и, надеясь на южную окраину Такла-Макана, не окончили их.

Познакомившись с берегами современного Лобнора в виде озер и болот Кара-кошун, я теперь не сомневал-

ся, что Лобнор китайских карт, то есть город Шаньшань, или Лоу-Лань конца I века до нашей эры, находился не здесь, в устье Тарима, а на севере, на старом русле Кончедарьи, и что там, где мы так быстро прекратили раскопки, наверно, найдется достаточно интересных древностей. Лобсын также был этого мнения.

— Мы слишком поторопились, Фома,— сказал он,— надеялись на рассказы о кладях Керии и Нии. Может быть, здесь тоже имеются клады, засыпанные песками Такла-Макана, но найти их трудно. А там, на Кончедарье, мы их найдем, и не там, где копали, а дальше на восток. Когда река умирала, это умирание шло снизу вверх по течению и старый город был дальше того места, где мы копали и нашли только остатки рыбацких хижин последнего времени. А если поехать вверх на один или два перехода, мы найдем развалины города Лоу-Лань и что-нибудь откопаем поинтереснее крючков и грузил для сетей.

Итак, мы решили сделать эту попытку, чтобы не замарать свое лицо, как говорят китайцы. На базаре в Нии в течение нескольких дней купили трех хороших верблюдов, одного похуже для легкого выюка палатки и бочонков, ишака, лошадь и, распрощавшись с Мухамед-шари, двинулись в дорогу известным уже нам путем вниз по Черчену до Кара-кошуна и вверх по Тариму до старого русла Кончедарьи. До станции Дурал на Тариме дорога заняла две недели с двумя полудневками для отдыха в местах, где попадался хороший корм.

На первой полудневке я спросил Лобсына, почему он согласился на эту отсрочку нашего возвращения в Чугучак для новых раскопок, вместо того чтобы скорее снаряжаться для длинного пути в Лхасу на поиски сына.

— Я все еще надеялся, что сын раскается и вернется, догонит нас по дороге в Чугучак! А в Лхасу он так скоро не попадет. И пусть приедет туда, там легче будет найти его, чем на дороге. Не мог бы я ведь осматривать всех паломников, которых стал бы обгонять по пути.

Возле Дурала я сообразил, что если мы пойдем не прежним путем до Тыккелика, а повернем раньше на северо-восток через пустыню, то попадем на мертвое русло Кончедарьи выше того места, где были и раскапывали стоянку рыбаков. И, расспросив у местных таранчей, мы так и сделали. Оставив долину Тарима с рукавами реки, рощами, зарослями, мы повернули на

северо-восток, поднялись на левый берег и пошли дальше. Местность сначала была неровная; цепи песчаных барханов, частью голых, частью зарастающих травой и кустами, перемежались с сухими руслами, остатками прежних разветвлений реки, окаймленными или сплошь занятыми зарослями камыша, совершенно засохшего и представлявшего только щетку невысоких палочек без следа листьев. Попадались кусты тамариска, также засохшие или еще с признаками жизни; кое-где мертвые или умирающие стволы тополей.

Миновав эту полосу шириной около двух-трех верст, мы опять поднялись метров на десять выше и вышли на равнину, усеянную описанными выше ярдангами в виде площадок и грядок в 1—1,5 метра вышиной, с отвесными боками. Дорога по этим ярдангам была очень приятная, приходилось выбирать впадины с мягким грунтом между твердыми площадками, чтобы не заставлять верблюдов на каждых двух-трех шагах подниматься на площадку, а через два-три шага спускаться с нее. Но в версте или двух далее впадин становилось все меньше, и, наконец, они исчезли; с удалением от старого русла реки мы вышли на равнину с гладкой твердой поверхностью, поросшей только кое-где небольшими кустиками полыни, эфедры, колючки.

По этой пустынной равнине мы шли несколько часов и, наконец, встретили еще одно старое русло, врезанное в нее на три-четыре сажени; ему опять предшествовали ярданги, а в русле мы снова увидели жалкие остатки зарослей тамариска, отдельных засохших тополей, полосы и впадины сыпучих песков с барханами вдоль старого русла и его рукавов. Пора было остановиться на ночлег, вода у нас была с собой в бочонках; остатки камышей, кустики песчаной растительности могли дать нашим животным немного корма, который мы на ночь пополнили парой вязанок свежего камыша, захваченных на живом русле Кончедарьи. Топлива было достаточно: мы срубили по соседству засохший тополь.

Наших верблюдов мы не пустили на ночь пастись, так как они, еще мало привыкшие к нам, могли бы уйти далеко вдоль по старому руслу в поисках скудного корма. Площади ярдангов были совершенно безжизненны, тогда как в русле, несмотря на отсутствие воды, попадались мелкие птицы; мы заметили сорокопуга и сойку. Перед закатом я прогулялся с ружьем в сторону от лагеря в надежде наткнуться хотя бы на зайца, но ни одного не выгнал. Ночью же случилось маленькое

происшествие. Лобсын, который по привычке спал очень чутко, на рассвете проснулся от небольшого шума. Он осторожно высунул голову из палатки и увидел, что к нашим верблюдам подошли еще два, остановились возле них и стали подбирать стебли зеленого камыша, валявшиеся возле них. Лобсын спросонья подумал, что это встали наши, чем-то потревоженные, и, выйдя из палатки, направился к ним, чтобы уложить их. Но едва он сделал два-три шага в их направлении, как они бросились в сторону и убежали. Когда он подошел к месту происшествия, он увидел, что наши верблюды лежали спокойно и, вытянув головы, по-видимому, спали. Очевидно, недавно к ним подошла пара диких верблюдов и лакомилась привезенным нами свежим камышом. Утром он рассказал мне это и пожалел, что не разбудил меня,— одного из пришельцев легко подстрелить, не выходя из палатки. Лобсын проследил их следы по песку.

На второй день мы опять поднялись из этого старого русла на возвышенность с ярдангами того же характера, по которой шли целый день, и дошли до берега сухого русла, по размерам похожего на то, в котором мы копали остатки хижин рыболовов. Но оно было еще пустынное.

— Ну, Фома,— сказал Лобсын, оглянувшись вокруг.— Едва ли мы найдем здесь удобное место для стоянки! Ни признака свежей зелени,— значит, нет воды, а корм очень скудный.

Русло тянулось далеко на восток. Я достал бинокль и стал внимательно оглядывать берега вдоль русла. И вот, верстах в пяти от нас, я увидел в русле у подножия левого берега маленькое зеленое пятно, явный признак источника воды, окруженного небольшой растительностью. А на откосе берега и над ним были различимы какие-то столбы и кучи каких-то обломков. Туда, конечно, мы и направились и нашли крошечный оазис — пресный источник, выбивавшийся из-под самого берегового обрыва какой-то темной твердой породы, и вокруг него заросли камыша, несколько тополей и кусты тамариска по соседству.

Мы разбили свой лагерь на ровной площадке, несколько в стороне, чтобы не позволить нашим животным сразу броситься к воде, затоптать и загадить источник, исчезающий в десятке шагов дальше среди зарослей камыша. Разбив палатку и оставив Очира, занятого разведением огня, мы с Лобсыном взобрались

по береговому откосу. Оказалось, что там на значительной площади тянулись развалины, торчали отдельные деревянные столбы разной толщины и высоты, валялись доски и бревна, полузасыпанные песком; кое-где высились остатки глинобитных стен и фанз, сильно выветренных, поднимались выше какие-то башни, изъеденные временем. Было ясно, что это уже не следы бывшей хижины рыболовов, а нечто более крупное и более древнее, требующее внимательного изучения. Здесь нужно было сделать раскопки.

Вернувшись с обхода и напившись чая, мы вооружились втроем нашими серпами, которыми нарезали камыш, и вырезали большую часть зарослей, чтобы животные при свободной пастьбе не потоптали их; сложили скошенное в кучу и только тогда выпустили животных пастись до темноты на остатках, а на ночь дали им часть скошенного. Запас его позволял нам пробыть здесь не больше трех дней. На следующее утро, оставив Очира у палатки и захватив кайлу и заступы, мы вдвоем полезли опять на берег и начали раскопки возле развалин глинобитных домов.

Удалив песок, накопившийся под защитой стен и достигавший высоты до одного аршина, мы углубились на высоту заступа в старый, сильно утопанный пол, и вскоре нам начали попадаться разные, несомненно старинные, предметы: бронзовые наконечники стрел, кольцо от уздечки, обломок женской брошки, железная скоба с отверстием, конечно проржавленная, железная ложка и несколько женских головных булавок. Поработав часа два возле одного дома и набрав десятка полтора разных вещиц, мы перешли в другой, занимавший большую площадь, разгороженную остатками стенок на несколько комнат. В одной из них из-под наносного песка в уголку обнажилась плитка желто-серого цвета с мелкими ребрышками. Удалив песок, мы обнаружили, что пол этой комнаты почти весь был выстлан такими плитками, размерами в квадратную четверть, похожими на те, которыми у нас в барских домах застилают пол ванных комнат и кухонь. Нескольких плиток не хватало, что позволило нам легко освободить от них половину комнаты и обнаружить целый склад документов на китайском языке: это были деревянные тонкие пластинки в $\frac{1}{2}$ аршина длиной, шириной от вершка до ладони, покрытые иероглифами с обеих сторон, вдоль пластинки сверху вниз, так что их нужно было читать, держа пластинку, как палочку, вертикально. На одних

иероглифы были крупные, во всю ширину пластинки, на других — мелкие, в два параллельных ряда. Кроме деревянных, попадались и бумажные, из толстой бумаги в виде длинных и узких полосок, и шелковые, все так же исписанные иероглифами по длине. Эта библиотека подпольная, если можно так выразиться, сверху была покрыта довольно толстым шерстяным ковриком с узорами, изрядно потрепанным, который, очевидно, должен был предохранить документы от сырости, проникающей через щели между плитками. Последние, впрочем, имели очень гладкие ровные бока и были уложены аккуратно, так что щели были минимальные. Вместилище имело два шага в ширину и три в длину, больше четверти в глубину и разгорожено продольными деревянными перегородками, на которых несколькими рядами покоились плитки друг возле друга.

Мы, конечно, очистили это редкое хранилище, после чего заложили его плитками, за исключением одной, которую унесли с собой для пояснения устройства подпольной библиотеки. Раскопки в первом доме и в этом хранилище заняли у нас время до полудня. Все добытое мы унесли к палатке и там упаковали как следует, завернув каждую пластинку в бумагу.

После обеда мы начали копать в другом месте, где развалины домов тянулись в виде улицы на некоторое расстояние. Раскопали пол нескольких комнат в разных местах. В некоторых нашли очень мало — обломки дерева с узорами, отдельные бронзовые и железные вещицы. В другом нашли, по-видимому, остатки мастерской резных изделий из дерева: фигурки людей, животных, цветков, узорчатых палочек и планочек. Все это, перемешанное с обрезками дерева, стружками и песком, заполняло впадину в углу комнаты. Мы, конечно, выбрали наиболее полные изделия этой мастерской, работавшей почти две тысячи лет назад по украшению жилищ обитателей города Шаньшань и для вывоза. В почве этой и других комнат попались и разные деревянные изделия: грубые лопатки, вероятно для размешивания теста, крючки, палочки — рукоятки нагаек, иные с остатками кожи на конце, шпильки для женских причесок, крошечные субурганы. Нашлось довольно много медных, бронзовых и железных монет в виде чохов разных размеров с квадратным или круглым отверстием и остатком стертых иероглифов. Находились и обрывки шерстяной, хлопчатобумажной и шелковой тканей с узорами. Деревянные изделия большей частью были из

тополевого дерева, мягкого и легкого для резьбы, но непрочного и сильно трещиноватого, однако попадались и более темные или красноватые из какого-то другого дерева, более прочного и твердого, вероятно привозного.

В самых верхних слоях мы нашли также чехи и кое-какие деревянные и металлические изделия, но более грубые и попадавшиеся редко. Можно думать, что они принадлежали гораздо более поздним обитателям, вероятно рыбакам, поселившимся на берегах Кончедарьи, когда она после долгого перерыва опять проникла в это русло и привлекла за собой других людей.

За три дня, которые мы провели здесь, мы, конечно, не могли раскопать всю площадь развалин, занимавшую вдоль реки на обоих ее берегах несколько километров в квадрате. В ее пределах попадались остатки глинобитных башен разной величины; одни из них представляли некогда сторожевые башни на окраинах города, другие — караульные помещения внутри его, третьи — буддийские субурганы, вероятно позднейшего времени.

Ведь, судя по историческим данным и наблюдениям путешественников, можно думать, что город Шаньшань, или Лоу-Лань, за два тысячелетия, истекшие со времени первых сведений о нем, мог погибать раза три или четыре, если не больше, в зависимости от перемещений русла Кончедарьи с севера на юг и обратно, и опять возрождаться на том же месте. Мы обнаружили теперь остатки самого древнего города, известного китайским историкам в I веке до нашей эры под этим именем, а также остатки рыболовных хижин ниже по течению, которые существовали не более 200 лет назад. А в промежутке между этими датами Кончедарья могла еще не один раз уходить из этого русла и, сливаясь с Таримом, создать новое озеро на юге у подножия Алтынтага, где Н. М. Пржевальский нашел новый Лобнор, а затем, засорив его своими отложениями, опять отступить на север, возвращаясь в старое русло у южного подножия Куруктага.

Я забыл упомянуть, что, кроме развалин глинобитных башен на площади бывшего города Шаньшань, мы видели при обходе ее во многих местах столбы разной высоты и толщины, вертикальные, наклонившиеся и лежащие, бревна, доски, круглые щиты, сколоченные из толстых досок, вероятно, представлявшие остатки грубых первобытных колес, низкие плетни из прутьев и т. п. в промежутках между барханами песка и ярдангами; попадались осколки больших сосудов из обожжен-

ной глины для воды или хранения муки, зерна. Судя по этим развалинам, город был большой, и, конечно, наши раскопки обнаружили только небольшую часть археологических остатков. Но добытое нами должно было возбудить желание направить специальную экспедицию соответствующего состава ученых для съемки и раскопок на всей площади старого города у Лобнора, где, может быть, побывал и Марко Поло в XIII веке.

Упаковав тщательно все находки, составившие в общем не очень тяжелые вьюки для двух верблюдов, мы отправились вверх по старому руслу Кончедарьи и вечером того же дня остановились на том месте вблизи развалин Эмпень, где ночевали по пути из Токсуна и отсюда сделали экскурсию для раскопок на месте рыбачьих хижин. Открытое нами теперь местоположение города Шаньшань находилось на расстоянии около 38 верст от этого пункта вниз по бывшему течению Кончедарьи.

Таким образом, старое русло этой реки до известной степени возместило нашу неудачу на Нии. Хотя добыча была не так велика, но очень ценная по возрасту, так как едва ли можно было сомневаться, что рукописи и, во всяком случае, часть мелких вещей принадлежит времени существования Шаньшаня последнего века до нашей эры.

Наличие воды и подножного корма позволило нам устроить дневку, чтобы подкормить наших животных, которые поголодали у места раскопок, истребив все остатки зарослей камыша вокруг источника до самых корней. Мы использовали время дневки, чтобы упаковать более тщательно всю добычу из развалин Шаньшаня, которую пришлось укладывать спешно, кое-как из-за того, что подножный корм иссяк. Среди мелких вещей оказалось довольно много маленьких фигур Будды из обожженной глины, а также бусы из стекла, нефрита, какого-то черного и красного камня, серебряные браслеты и разные монеты с искусно просверленными дырочками, которые чанту, то есть тюрчанки этого края, подвязывают к своим косам в качестве украшений.

На следующий день мы выступили по знакомому уже пути через Куруктаг и Чолтаг в Токсун и через Урумчи и Шихо в течение 20 дней, к концу ноября, прибыли в Чугучак; Лобсын еще с пути через Джаир свернул к своему улусу, чтобы готовиться к поездке в Лхасу.

Я посетил консула и рассказал ему о нашем путешествии, крупной неудаче, потере всего каравана и сына

Лобсына на окраине пустыни в Нии и частичном возмещении на обратном пути раскопками на старом русле Кончедарьи и открытии местоположения древнего города Шаньшань.

— Ваш рассказ показал, — ответил консул, — что вы были слишком доверчивы в Нии. Впрочем, обстоятельства сложились также против вас. Представьте себе, что, если бы буря не разразилась так не вовремя, вы в развалинах на окраине пустыни Такла-Макан нашли бы много интересных вещей, а Ибрагиму не было случая соблазнить вашего мальчика и удрать вместе с ним. И вы бы вернулись домой и с кладом, и с мальчиком. В книге, которую я недавно получил, сказано, что по южной окраине пустыни Такла-Макан много развалин, оставленных людьми в связи с наступлением песков и уменьшением количества воды. И это ухудшение началось не так давно, лет пятьсот назад, и вместе с открытием морского пути в Китай вызвало упадок большого шелкового пути из Европы и постепенное умирание этого края. А если там осталось много развалин, то и много может быть материала для раскопок. Ваша неудача была случайная, независимая от истории этого края. Другое дело, если бы вы копали неудачно в разных местах и обнаружили отсутствие интересных вещей! Поэтому вы не унывайте, средства и опыт у вас есть, в будущем году наверстаете, и мы еще обсудим, куда лучше направиться.

— Нет, Сергей Васильевич! — сказал я со вздохом. — Я уже состарился, силы не те, сердце дает себя знать. А главное, пожалуй, в том, что я потерял своего компаньона и помощника. Он моложе меня на двадцать лет и мог бы еще не раз отправляться за кладами. Но потеря сына, бежавшего в компании с вором, его убила. Он мечтает теперь идти паломником в Лхасу и искать там своего сына. Я, конечно, туда с ним не пойду, на это у меня уже сил нет. А он может застрять там надолго в поисках сына.

— Пожалуй, что так, — заключил консул. — Ну, проживем — увидим. Сейчас зима, время вашего отдыха. Разберите находки, пошлем их в Петербург и узнаем их ценность. А лавка и дом у вас сохранились, как и средства для жизни.

Наши сравнительно небольшие древности, выкопанные в поселениях Лоу-Лань на берегу оставленного русла Кончедарьи, по заключению Эрмитажа и Академии наук, оказались очень интересными. Добытое в Лоу-Ла-

не представляло утварь и разные домашние вещи, орудия, оружие, картинки бытового обихода III—IV столетий после новой эры. Все эти вещи получили высокую оценку, а мы — большую благодарность за наши раскопки, отчасти оправдавшие экспедицию в бассейн Тарима.

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДОЛИНЕ ВЕТРОВ И ПАЛОМНИЧЕСТВО ЛОБСЫНА В ЛХАСУ

Вскоре после нашего возвращения из неудачной экспедиции за кладами на южной окраине пустыни Такла-Макан Лобсын, побывавший в своем улусе в долине реки Богуты, явился ко мне в лавку. Я уже успел съездить в Семипалатинск и вернуться с новой партией мануфактуры и других товаров для своей лавки, так как остатков от прежних закупок оставалось немного, а сидеть в ней для распродажи этих остатков случайным покупателям было слишком скучно. Я еще не собирался прекратить свои поездки по Монголии и Туркестану и почитать, так сказать, на лаврах, проедая на старости лет заработанные деньги. Закупив новый товар на остатки золота, я думал еще раз отправиться по кочевьям, если позволит здоровье, состояние которого внушало уже опасения.

Лобсын был очень расстроен, даже похудел за последнее время. Он посидел молча в ожидании ухода покупателя и, послав Очира на кухню за стаканом чая, сказал мне со вздохом:

— Знаешь, Фома, житья мне в юрте не стало. Жена плачет с утра до вечера и упрекает меня за то, что наш сын убежал, как будто я виноват в этом, а не она, которая избаловала его, сделала своевольным и самонадеянным. Она требует, чтобы я отправился в Лхасу, разыскал сына и привез его домой. Она говорит, что сын у нас только один, что я испортил его своими поездками за кладами, приучил к безделью, что он отвык заботиться о нашем скоте и хозяйстве и дома в промежутки между путешествиями ничего не делал, обленился, таскался к девушкам в соседних улусах. Это, пожалуй, верно. Я сам исполнял все работы по хозяйству, когда был дома, а его заставлял писать и читать по-монгольски и по-русски и заниматься грамотой со своими сестрами.

Одним словом, я решил идти паломником в Лхасу, разыскать сына и привести его домой. У тебя еще лежит мое золото, отдай его мне, я куплю трех верблюдов, разных товаров на подарки далай-ламе и храмам, довольствие на дорогу. В долине Кобу в этом году был хороший урожай и размножился скот, несколько человек решили идти на поклон к далай-ламе и уговорили меня присоединиться к ним, как знающего все дороги. Такого случая у нас давно не было, а идти одному слишком дорого и трудно.

— Итак, ты хочешь оставить меня! — сказал я ему. — Мы столько лет так хорошо и дружно работали вдвоем; смотри, какое большое хозяйство ты завел на Богуты, сколько скота имеешь, обставил юрты, нашел жену, народил сына и трех дочерей. А теперь хочешь все это оставить и идти в Лхасу искать сына-бездельника, затратишь на это свои силы и средства. Подумай хорошенько о себе и обо мне также, как я буду без тебя водить торговый караван, даже если перестану интересоваться кладами.

— У тебя уже подрос хороший помощник — Очир, — ответил Лобсын. — Он не хуже меня все дело знает. Один раз попробуй с ним поехать не так далеко. Я пробуду в отлучке только эту зиму и весну, к будущему лету вернусь с сыном или без него. Хозяйство мое и семья останутся ведь на Богуты.

Долго я уговаривал его, но он, видно, твердо решил:

— Не могу я вернуться домой, жена пилит с утра до вечера и плачет, дочери тоже просят: приведи нашего брата домой.

Пришлось отдать ему его золото на покупку верблюдов, седел, товаров и даже отпустить ему из своего склада кое-что подходящее для подарков. Лобсын сказал, что его попутчики по паломничеству хотят идти в Лхасу не обычным путем через Алашань, Ланьчжоу и Синин к границе Тибета, а по более короткой дороге через Урумчи, Черчен и западный Цайдам, чтобы выйти на главную дорогу уже на границе Тибета.

— Если ты пойдешь этим путем, — сказал я ему, — я провожу тебя до Кульджи. Мне давно хотелось увидеть западную окраину нашей страны с долиной Ибэ и озером Эби-Нур. У меня найдется товар на пару верблюдов, и через две недели мы можем отправиться. Для меня это немного поздно, но если не использовать этот случай, я в Кульджу сам уже не соберусь. А может быть, ты отложишь свое паломничество до весны? Ведь

придется идти по Цайдаму и Тибету уже в зимние холода!

— Нет! — сказал Лобсын. — Если выручать сына — нужно это делать скорее, чтобы застать его и его соблазнителя в Лхасе. А позже куда еще он его заманит, и следов не найдешь!

Поэтому мы и решили выехать вместе в самом начале декабря по прямой дороге в Кульджу. Лобсын уехал покупать верблюдов, в том числе двух для меня, а я заготовил запасы, отобрал товары для своей торговли в Кульдже и для подарков в Лхасу. Побывал я и у консула и рассказал ему решение Лобсына о паломничестве. Консул, против ожидания, поддержал моего компаньона, одобрил его желание найти и вернуть сына на путь честного торговца, а не бродячего прихлебателя лам. Он одобрил также мое желание побывать в Кульдже и обещал дать мне письмо к русскому консулу в этом городе с рекомендацией на всякий случай.

Первого декабря вернулся Лобсын с шестью верблюдами, двумя лошадьми и ишаком. Он навьючил двух верблюдов товарами и подарками для Лхасы, двух — провиантом на весь путь для себя, палаткой и другим снаряжением на длинную зимнюю дорогу. Я занял двух верблюдов своими вещами и товарами для Кульджи, подобранными по совету консула, знавшего местный спрос по своей прежней службе там. С нами ехал Очир, для которого и был куплен ишак. Сидя на нем, он должен был вести караван до Кульджи вместе с Лобсыном, а обратно уже самостоятельно во главе каравана, хвост которого замыкал всегда я.

По совету консула мы решили идти до Кульджи не ночными переходами, как обычно с караваном, а днем по следующей причине. До озера Эби-Нур путь идет все время по долине, которую называют «Джунгарские ворота». По ней пролегает и русско-китайская граница, выступая углами то вправо, то влево, так что большая дорога часто проходит у самой границы и ночью идти неудобно. Стража на русской и китайской стороне может принять наш караван ночью за контрабандистов, задержать и отвести на ближайший таможенный пост, где могут подвергнуть осмотру все товары и потребовать пошлину. Возможны всякие придирки и неприятности. Днем же при виде нашего каравана стражник, если увидит, подъедет, проверит наши документы и от-

пустит без затруднений. Дневным путешествием я, конечно, был доволен, так как мог увидеть всю эту междугородную долину, которая меня интересовала с давних пор по своему историческому значению.

Я знал, что по этой долине в XII веке впервые прошли орды Чингисхана из глубины Азии, оставляя в стороне высокие перевалы, покрытые зимой снегами и слишком трудные для движения больших орд. Она составляла последнее звено большой и ровной дороги, которая выходила из Каракорума, столицы Чингисхана на реке Орхоне, пролегла сначала на юг, огибая восточный конец гор Гурбан-Сайхан, и потом шла все время по долине между Монгольским Алтаем и Тянь-Шанем и по Джунгарской Гоби выходила у озера Эби-Нур, в эти Джунгарские ворота, где поворачивала на северо-запад в киргизские степи. Через эти ворота орды, оставив за собой длинный и ровный путь по степям и пустыням Монголии и Джунгарии, спокойно выходили в степи киргизов и калмыков — к большим и богатым городам Бухаре, Хиве, Самарканду, растекаясь также на северо-запад мимо Аральского и Каспийского морей к берегам Волги и владениям русских князей. На всем пути не было ни одного высокого перевала, и скот везде находил корм и воду.

Правда, что ввиду краткости зимних дней дневные переходы не могли быть большими, так что путь должен был занять пару лишних дней.

Мы выступили 6 декабря в ясную погоду с легким морозом и пошли впервые из Чугучака на юг, тогда как во время предшествующих путешествий всегда шли на восток, вверх по долине реки Эмиль. Местность представляла чиевую степь на солонцевой почве; голые площадки с белыми выцветами солей все время чередовались с зарослями чия в виде отдельных толстых снопов, достигавших высоты всадника. Обилие и свежесть чия на этой пограничной местности объяснялись тем, что здесь, как с русской, так и с китайской стороны, не пасли скот из опасения, что он перейдет через границу, никакими знаками не обозначенную, и попадет в чужие владения, где его могут задержать. Поэтому вся местность была пустынная, и только на половине перехода мы встретили жилой пункт. Это была шерстомойка на берегу пруда, в которой собиралась зимой вода нескольких речек, питавших оазисы Чугучака и здесь оканчивавших свой путь. В пруду китайские скупщики шерсти промывали ее и потом просушивали на снопах чия. Но

начавшиеся холода заставили прекратить эту работу, мы никого не застали, и навесы, под которыми паковали вымытую и высохшую шерсть в тюки, пустовали.

Вечером мы дошли до реки Эмиль и стали на ночлег. Река течет здесь в берегах из желтозема, поросших тростником, спускающихся уступами к буро-желтой воде, которая, конечно, замерзла, и лед уже выдерживал тяжесть груженных верблюдов. Но последние, как известно, скользят ногами на голом льду, и мы вечером должны были приготовить им дорогу, усыпав лед слоем песка, а для водопоя им и лошадям сделать прорубь. Немного восточнее вдоль реки видны были плоские холмы Маниту, Лаба и Арал-Тюбе, разбросанные среди зарослей тростника и поросшие кустами, которые дали нам топливо. На западе виден был на берегу реки китайский таможенный пост. Русский пост был виден подалее. Когда стемнело, два солдата китайского поста навестили нас под предлогом проверить паспорта, но, конечно, главным образом из-за угощения. Мы дали им свежих баурсаков к молочному чаю и по пачке табаку. Паспорта наши они проверили очень бегло, обратив главное внимание на красочные штемпеля, а не на текст, из которого они бы узнали, что один из нас собирается идти в Лхасу на богомолье.

Вечером, когда мы пригнали наших лошадей и верблюдов к проруби во льду реки Эмиль и стали поить из ведра, Лобсын воскликнул:

— Какая грязная вода в этой речке, Фома! Почему это? Ведь недалеко отсюда в холмах Джельды-Кара вода еще чистая. Неужели это город Чугучак спускает столько грязи в реку, что так мутит воду?

— Едва ли,— ответил я.— Я думаю, что в долине Эмиль река течет в берегах из этой желтой глины и размывает ее, потому и вода становится такой грязной¹.

¹ Фома правильно отметил причину загрязнения воды реки Эмиль, собирающей эту воду из чистых источников в горах Барлык, Джаира и Уркашара, но не мог объяснить ее. Дело в том, что в широкой долине нижнего течения реки Эмиль почва состоит из желтозема, лёсса, образующего толщу в несколько метров, в которую и врезано русло реки. Этот лёсс нанесен западными ветрами с сыпучих песков, слагающих барханы на берегах озер Сасыкколь и Алаколь и представляющих перевеваемые этими ветрами аллювиальные отложения рек, впадающих в эти озера. Те же ветры приносят пыль — мелкие продукты выветривания горных пород и наносов по всей местности к востоку и к югу от этой долины. Лёсс покрывает также северные склоны хребта Барлык. Но вдоль русла реки Эмиль он слоистый, уже переотложенный ею, — лёссовый ил. — *Прим. автора.*

На следующий день мы пошли на юг по песчаной степи, поросшей невысокой, но довольно густой травой. И здесь вдоль границы скот не пасли. На западе видны были песчаные холмы, окаймляющие низовье реки Эмиль и соседний берег озера Алаколь; они тянулись грядами барханов, частью голых, напомнимших нам последние дни нашего злополучного путешествия по южной окраине пустыни Такла-Макан. Но день был тихий, и пески не курились. На юго-востоке видны были плоские холмы предгорий Барлыка. После полудня мы вступили в долину с пологими склонами, покрытыми мелкой густой травой, а под вечер остановились на берегу ручейка, окаймленного полосой тростника. Обилie последнего сулило нашим животным хороший корм.

Недалеко от нашей стоянки на берегу того же ручья видна была фанза пограничного китайского пикета. Я подошел к ней и, приоткрыв дверь, увидел двух солдат, спокойно спавших на кане в теплой комнате. Можно было думать, что они днем спят, а ночью караулят пограничную линию. Поздно вечером они посетили нас, были очень рады угощению и жаловались на удручающее однообразие своей жизни в этом уединенном карауле вдаль от дорог. На вопрос Лобсына они сообщили, что за год службы на пикете видели контрабандистов только один раз, да и то это был какой-то жалкий бедняк, который хотел пронести немного китайской чесучи беспошлинно на русскую сторону. Они были рады тому, что скоро срок их службы кончится и их сменят.

На следующий день мы долго поднимались вверх по этой долине, перевалили через плоский водораздел северной цепи Барлыка и спустились по южному склону в долину реки Цаган-Тохой. На всем этом пути не было никаких скал или просто выступов коренных пород; все было закрыто желтоземом, поросшим низкой, но густой травой. Только в конце спуска как-то сразу появились скалы, и мы очутились почти в ущелье, промытом речкой в каких-то твердых породах¹. Мы остановились в начале этого ущелья, вверх по которому склоны вскоре делались менее крутыми, покрытыми травой, а по дну долины появились деревья и лужайки, как я заметил, пройдясь вверх по долине речки до пограничного

¹ Путники на этом маршруте увидели, что северная цепь Барлыка покрыта достаточно мощным слоем лёсса, скрывающего выходы коренных пород и отложенного теми же северо-западными ветрами, приносящими пыль с обширной площади выветривания и сыпучих песков в районе упомянутых озер.— *Прим. автора.*

пикета. На последнем было уже несколько солдат и офицер, с которым я побеседовал и узнал, что в дни, когда свирепствует ветер Ибэ, никакой обход границы невозможен — ветер валит с ног. От него я также узнал, что на всем протяжении Джунгарских ворот ни на китайской, ни на русской стороне нет населенных пунктов кроме пограничных пикетов, нет ни посевов, ни даже огородов, потому что ветер слишком силен.

На следующий день я отправил Лобсына с Очиром по дороге до следующего пикета Тасты через Барлык, а сам налегке поехал вниз по ущелью реки Цаган-Тохой; его окаймляли высокие скалы, понижавшиеся вниз по течению. Недалеко от выхода реки из этого ущелья я поднялся на его левый склон и перевалил через плоские горы в соседнюю к югу долину Арасан к поселку у минерального источника, о котором давно уже слышал в Чугучаке. Горячая вода вытекает у подножия правого склона довольно узкой долины и попадает в трубу, проведенную в ванное здание на дне долины; в ваннах она издает сильный запах сероводорода и имеет сернистый вкус и температуру до $+37^{\circ}\text{C}$. Сезон купанья давно кончился, и я застал только сторожа, который сказал, что приезжие лечатся от ревматизма, на кожных и венерических болезнях ваннами, а также от катара желудка питьем воды. Долина находится уже на русской территории, и больные приезжают не только из Чугучака, но и из других городов, даже Семипалатинска, и живут в нескольких маленьких домиках на дне этой узкой долины, где растет лишь несколько деревьев и летом очень душно¹. Покинув долину, я вскоре добрался до пограничного пикета на большой речке Тасты, собирающей свои воды в горах Барлыка и впадающей в реку Цаган-Тохой недалеко от ее впадения в озеро Алаколь. Озеро с этих холмов хорошо было видно на западном горизонте. Дважды через линию границы к курорту и потом к китайскому пикету на реке Тасты я проехал совершенно свободно, не встретив никого и не заметив никаких пограничных знаков. На пикете никого из пограничной стражи не оказалось, Лобсын и Очир расположились свободно во дворе, обнаружив отсутствие не только людей, но и признаков их недавнего пребывания. Мы не ставили свою палатку, а поместились в фанзе, где можно было развести огонь, а

¹ Этот маленький курорт хорошо известен и описан подробно мною в книге «Пограничная Джунгария», т. III, вып. 2, 1940, с. 290—297.— *Прим. автора.*

животных привязать во дворе, обеспечив их на ночь кормом в виде тростника, окаймлявшего русло реки. На русской стороне в окрестностях китайского пикета не было никаких построек, местность была совершенно пустынная на обоих берегах Тасты. Впереди на юге простилалась более ровная местность, тянувшаяся на запад к южной половине озера Алаколь.

— Я полагаю, что здесь очень сильно дует Ибэ,— сказал Лобсын, когда я спросил его, почему на пикете нет стражи.— Ветер вырывается из узкой долины между горами на простор к озеру Алаколь. Поэтому зимой здесь очень холодно, и караул на холодные месяцы снимают.

Во дворе пикета мы нашли довольно много сухого аргала, так что могли хорошо согреться в фанзе. Рассмотрев карту местности, я заметил, что мы находились здесь в устье большого раструба, который образовали гряды Барлыка: северная цепь, которую мы пересекли, выдавалась вперед к озеру Алаколь, на северо-запад, а южная, самая высокая — Кертау,— с вершинами, уже покрытыми густым снегом, тянулась дальше на юго-запад к озерку Джаланаш. В раструбе располагались более низкие горы, покрытые еловым лесом, прорезанные долинами нескольких речек. Какую роль этот раструб мог играть в отношении силы ветра Ибэ, я, конечно, не мог решить и подумал только: как жаль, что в Джунгарских воротах еще не устроили метеорологическую станцию, чтобы изучить эти загадочные ветры! При этом я, естественно, вспомнил свои впечатления на пути по Долине бесов у южного подножия Тянь-Шаня между Лукчуном и Хами во время нашей экспедиции в Хара-Хото, не менее загадочной ужасными ветрами. Но нельзя не отметить, что эта долина находится в глубине Внутренней Азии и в чужих владениях, а Джунгарские ворота с их ветрами Ибэ пролегают вдоль нашей границы, и начать изучение этих ветров легко могли бы наши метеорологи, устроив станцию на одном из пикетов в этих воротах.

На следующий день мы сделали большой переход поперек упомянутого раструба, отшагав 30 верст от пикета Тасты до речки Кепели по довольно неровной местности, в которой были врезаны долины нескольких речек, текущих из долин в хвойных лесах Барлыка. На нашем пути в этих долинах мы встретили покрытые льдом ручейки, окаймленные скудными кустами. К берегу Кепели мы подошли к закату солнца после пас-

мурного дня. Когда мы ставили свою палатку, я обратил внимание на горки, видневшиеся невдалеке на западе и окрасившиеся ярко-красным цветом.

— Какие это кровавые горки видны там? — спросил я Лобсына, указав ему на них.

— Это горы Қату!

— Опять Қату, те самые, возле старых рудников, где мы нашли золото? — воскликнул я. — Неужели они тянутся сюда так далеко?

— Нет, это другие! Те горы Қату в хребте Джаир, далеко на восток отсюда. А это маленькие горки среди ворот.

Эти маленькие, но очень скалистые горки, возвышавшиеся недалеко от юго-западного берега озера Алаколь среди плоских холмов в нескольких верстах к западу от окраины Барлыка, обращали на себя внимание своим уединенным положением и цветом. Последний, впрочем, зависел от освещения их багрово-красным закатом солнца. Заметив это, Лобсын воскликнул:

— Ну, Фома! Смотри, какой закат красный! Завтра, наверно, начнется сильный Ибэ, а мы будем в самом узком месте ворот. Нужно вьюки закрепить получше!

На следующий день мы пошли мимо гор Қату, поднимавшихся зубчатым горбом среди холмов; на одном из последних выделялась черная полоса, и, подъехав к ней, я рассмотрел, что это пласт земляного угля, изрытого ямами и небольшими выработками, из которых уголь, очевидно, добывали. Немного далее мы миновали русло довольно большой речки Теректы, вверх по которой виден был китайский пикет, а немного ближе ее правый берег обрывался серой стеной, прорезанной вертикальными ложбинами. За руслом поднимались какие-то голые черные холмы, сплошь усыпанные крупным и мелким щебнем, а справа от нашей дороги во впадине, окаймленной большими кустами саксаула, видно было довольно большое озеро.

— Эти холмы называются Джавлаулы, — сказал Лобсын. — Они выметены ветром Ибэ дочиста, на них нет ни кустика, ни травинки, голый битый камень. А озеро зовут Джаланаш, что значит — змеиное. Вода в нем пресная, и в ней, говорят, много змей. Правда ли это — не знаю. Вода пресная потому, что в озеро впадает речка Теректы, а из озера имеется сток в южный конец озера Алаколь, так что озеро проточное. А в Алаколе, ты знаешь, вода соленая.

Озеро Джаланаш было, конечно, покрыто льдом, но

снега нигде не было видно. Я обратил на это внимание Лобсына.

— Должно быть, не так давно в воротах дул Ибэ и согнал весь снег. И ты заметил, Фома, он уже начинается.

Действительно, с утра уже дул ветер, хотя не сильный, но прямо в лицо. А мы, в сущности, только что въезжали в самое узкое место ворот, где Ибэ должен был свирепствовать.

Когда мы подошли ближе к южному концу озера Джаланаш, я увидел ясные следы русских колес и, конечно, спросил, кто это ездит на колесах по этой пустынной долине, где мы уже третий день не видели ни одного человека.

— Эта дорога,— пояснил Лобсын,— идет из деревень Урджар и Муканчи. Вспомни, это последние русские деревни перед таможенной Бахты. По этой дороге крестьяне ездят в горы Алатау, на западной стороне ворот, где растет хороший еловый лес. Они его рубят и увозят к себе. Пожалуй, все деревни построены из этого леса.

— Как же им позволяют рубить лес на китайской земле? — воскликнул я.

Лобсын рассмеялся:

— На западной стороне ворот земля-то русская, и эта дорога идет все время по русской земле вдоль берега озера Алаколь. А мы за пикетом Теректы тоже уже переехали через границу. У озера она делает большой угол.

Я вынул карту и увидел, что Лобсын прав. Мы совершенно незаметно миновали границу между Россией и Китаем. А пока я ее разглядывал, Ибэ давал знать о себе. Он налетал отдельными сильными порывами и взметал на твердой дороге пыль, которая стлалась струйками по колеям, пробитым тяжелыми телегами крестьян, нагруженными еловыми бревнами. Порывы ветра усиливались, и пришлось покрепче надвинуть на уши свои зимние шапки.

Когда озеро Джаланаш кончилось, от него по дну долины потянулась на юг полоса тростника, мелких кустов.

Но вот среди высот Алатау справа от дороги открылось устье поперечной долины, тянувшейся на запад. Лобсын, ехавший с Очиром во главе каравана, повернул вверх по этой долине, туда же завернули и колени дороги, по которой крестьяне вывозили свой лес. Я по-

нял, что Лобсын хочет укрыться в долине, и подъехал к нему.

— Это долина речки Токты,— сказал он.— Тут недалеко должен быть русский таможенный пост, где мы найдем защиту от Ибэ. Иначе мы все замерзнем.

Теперь мы шли уже не против ветра, а наперерез ему, и при сильных порывах он прямо валил с ног; верблюды шатались и откачивались в сторону. Хорошо, что мы в ожидании Ибэ очень прочно увязали все выюки, укрыв плотно палаткой разную дорожную мелочь, иначе все было бы растрепано и унесено далеко. Холмы обоих склонов долины повышались и уже немного защищали от ветра. По дну долины текла хорошая речка, и видно было, как на ней исчезает снег и начищает проглядывать лед.

Больше часа мы ползли с остановками вверх по долине до маленького поселка таможенного поста. Он стоял среди более высоких гор, достаточно защищавших от ветра, и, уже приближаясь к нему, мы чувствовали, что порывы слабее, тогда как вверху в воздухе слышался неумолчный шум, свист, вой. Там Ибэ разыгрался во всю свою мощь. Пост стоял у северного подножия крутого, почти отвесного склона, служившего ему защитой; на склоне кое-где росли елочки, вцепившиеся корнями, словно когтями, в склон, в щели между камнями. Небольшой двор был огорожен невысокой стеной, сложенной из каменных плит. В глубине стоял деревянный дом с тремя окнами, с раскрашенными наличниками украинского типа. Очевидно, его строили плотники из Урджара или Муканчи из леса, срубленного тут же, в Алатау. В этих селах издавна жили переселенцы с Украины. На другой стороне возвышалось деревянное здание конюшни. Ворота были заперты, но через стену видно было, что по двору ходит караульный.

Мы остановились у ворот, караульный сейчас же вышел к нам и расспросил, кто мы, откуда и куда пробираемся. Я передал ему паспорта и просил доложить начальнику поста нашу просьбу разрешить нам переждать Ибэ возле поста.

Караульный унес паспорта и вскоре вернулся вместе с начальником, который отдал нам бумаги и разрешил раскинуть лагерь за стеной, где в нескольких шагах дальше была ровная площадка на берегу речки, на которой могла поместиться наша палатка. Мы ее раскинули под защитой здания поста, так что Ибэ лишь слабо трепал ее. Верблюдов уложили с одной стороны палат-

ки у самой стены, лошадей — с другой. Вода была под рукой. Что же касается корма для животных — дело обстояло плохо. С ночлега у ложбины, тянувшейся от Алаколя к Джаланашу, мы увезли большой сноп нарезанного тростника для лошадей, но когда поднялся Ибэ, его пришлось бросить, так как ветер стал его так трепать, что задерживал верблюда, на котором сноп был привязан, и ясно было, что до ночлега мы сноп не доведем. Вблизи поста по долине кое-где росли кустики и пучки полыни и колючки, так что верблюды могли кое-что поесть, но для лошадей не было почти ничего. Когда мы устроились и повесили котелок с супом, я пошел на пост к начальнику. В одной половине дома в большой комнате помещалось десять казаков, спавших на нарах в два яруса вдоль стен, а в другой комнате поменьше жил начальник, молодой офицер, и здесь же была его канцелярия. В конюшне, конечно, были лошади, на которых казаки разъезжали, осматривая пограничную местность; следовательно, должен был быть и корм для них, и я спросил начальника, не может ли он продать нам немного сена на ночь. Он согласился и велел прийти в сумерки.

В течение дня казаки заходили к нам по очереди, мы угощали их чаем — не монгольским с солью и молоком, так как последнего у нас не было, но с баурсаками, конечно уже не первой свежести, и леденцами, которые были в запасе для Кульджи. В разговорах я узнал, что пост отодвинут от самой границы, проходящей вдоль по Долине ворот, в глубь гор из-за Ибэ, который дует в зимнее полугодие довольно часто, а в самой долине достигает такой силы, что деревянный дом не мог бы выдерживать — никакая крыша не могла бы устоять, а пока дует Ибэ, нет возможности выйти даже за дверь. По всей долине, сказали казаки, нет ни одного жилья, ни одна юрта киргизов не устояла бы здесь. Юрты встречаются, и то только летом, когда Ибэ слаб и дует редко, в нескольких верстах в обе стороны от ворот.

Казаки жаловались, что жить на посту очень скучно. В тихие дни они, всегда вдвоем, выезжают в долину на осмотр границы в ту или другую сторону на несколько часов. Контрабандистов встречают очень редко, иногда какого-нибудь китайца, который на себе несет шелковый товар продавать в Лепсинск, но пробирается почти всегда ночью, так что поймать его можно только случайно: еще реже попадается киргиз или калмык верхом. Людей по этой дороге почти не встретишь, разве

что иногда крестьян, которые едут в горы за лесом или везут его оттуда. А еще скучнее сидеть на посту целые дни, когда задует Ибэ. Это случается каждую зиму по нескольку раз в течение нескольких дней подряд, иногда целой недели, в прочее время года, особенно летом, редко.

Казаки сказали, что в эту осень Ибэ дул уже несколько раз, но не сильно, и разыгрался в этот день впервые. На мой вопрос, большой ли у них запас сена для коней, они сказали, что небольшой, однако в тихие дни лошадей выгоняют в долину на берег озера Джаланаш, где они могут подкормиться тростником, особенно весной и летом.

В сумерки я пошел с Очиром к начальнику поста за обещанным сеном. Он отпустил его, но по цене вдвое выше, чем в Чугучаке на базаре, и я уверен, что он, во всяком случае, половину положил себе в карман. На мой вопрос, сколько времени дует Ибэ и смогу ли я получить еще сено, если ветер затянется, он ответил, что едва ли отпустит сено еще раз, но надеется, по некоторым приметам, что ночью Ибэ затихнет.

Гул и свист ветра в воздухе над постом продолжались весь день. Днем мы попытались погнать верблюдов попасться выше по ущелью речки и по очереди караулили их, чтобы они не ушли далеко. Они подкормились немного, но на ночь мы все-таки выдали им по порции жмыхов, которыми запаслись на всякий случай в Чугучаке, а лошадям дали по горстке овса, также запасенного. На ночь они получили сено, которое поели не очень охотно: оно было довольно старое и пересохшее. Казак, вероятно по приказу офицера, нагреб самое лежалое на сеновале. Но мы были довольны и этим, без него лошади остались бы голодными.

Буря продолжалась за полночь и только на рассвете начала стихать, а к восходу солнца ветер совсем затих, и мы поспешно свернули лагерь, навьючили верблюдов и поехали вниз по ущелью Токты. Расстояние до ее устья, по которому мы накануне ползли более часа, прошли теперь в двадцать минут, так что пост находился на расстоянии менее двух верст от устья речки Токты. Тут мы могли видеть результаты работы Ибэ: снег, лежавший накануне во многих местах под защитой кустов и во впадинах, а также на склонах холмов Джавлаулы на восточной окраине ворот, совершенно исчез, а Токты, которая была покрыта льдом, вскрылась, и вода журчала между заберегами, в которых еще сохранились

остатки льда. Солнце поднялось над восточными горами, и стало теплее.

Мы повернули на юг вдоль западной окраины ворот и целый день шли вдоль нее. После полудня поднялся северный ветер и температура понизилась. Местность представляла мало интереса: справа тянулись небольшие округленные высоты Джунгарского Алатау, покрытые только мелкой степной пожелтевшей растительностью; слева сначала еще продолжались скалистые холмы Джавлаулы, но потом пошли плоские мягкие увалы восточной окраины ворот, такие же унылые, желтые, а за ними видны были более высокие скалистые горы промежуток между Кертау Барлыка и окраиной Майли. Широкое дно Долины ворот тянулось вдоль нашей дороги. Под вечер дорога разделилась: правая продолжала идти вдоль подножия Алатау, левая пошла наискось через долину. Лобсын свернул на последнюю и сказал мне:

— Казаки таможенного поста наказали идти по левой дороге. Они сказали — там найдете вечером воду и корм для животных; это ключ Кок-Адыр, там есть деревья, кусты, чий, тростник.

Действительно, миновав впадину ворот, мы увидели небольшой оазис: группа тополей и кустов тамариска, заросли тростника вокруг ключа, вытекавшего у подножия холмов, снопы чия. Корма для животных было достаточно, и мы остановились на ночлег. За весь день не встретили ни одного человека, ворота были пустынные.

В сумерки я с ружьем обошел окрестности в надежде на какую-нибудь добычу, так как запас мяса, взятый из Чугучака, кончился, а на посту у казаков его не было. Холмы вблизи нашей стоянки представляли выходы разных каменных пород, изъеденных нишами и впадинами, словно их грызли какие-то большие животные. Ниши на склонах были такой величины, что в них могла бы улезть крупная собака, но они не сливались друг с другом, как в холмах, которые мы видели в Джаире возле речки Ангырты.

Во время обхода этих холмов мне удалось подстрелить двух зайцев. Северный ветер продолжался и ночью, так что мы укрылись потеплее. Для животных Лобсын и Очир успели нарезать тростника и чия, пока я обходил холмы с ружьем, и мы не отпускали их на ночь.

Утром пошли дальше вдоль восточного подножия Долины ворот, представлявшего плоские холмы, на

гребне которых кое-где выступали пласты грубых песчаников с галькой, тогда как другие холмы были заняты густыми зарослями тамариска. В промежутках между ними поверхность почвы часто представляла длинные плоские грядки, состоявшие сплошь из щебня величинной до лесного ореха. Эти грядки имели пологий южный склон и более крутой северный и, очевидно, были наметены силой Ибэ, уносившего с собой и песок, и щебень, который ему было уже не под силу поднимать в воздух, ветер перекачивал его и, отвеянный от всей мелочи, нагромождал такими грядами, которые по форме напоминали рябь, образующуюся на поверхности сыпучего песка, но имели до двух четвертей высоты и до трех-четырех шагов в поперечнике. Можно было себе представить, с какой силой дул здесь Ибэ, создавая эти грядки отвеянного щебня на дне долины.

Часа через два мы вышли из этих холмов во впадину озера Эби-Нур; последнее было видно впереди, но ближе нетрудно было заметить старую береговую линию озера, на небольшой высоте над современным уровнем, в виде откоса из мелкого щебня, расчлененного ветрами на поперечные к долине грядки. Эта линия ясно свидетельствовала об усыхании озера. Самый же берег последнего порастил нас своими формами; он состоял из глыб льда толщиной в целую четверть, брошенных друг на друга в полном беспорядке в лежащем, наклонном и стоячем положениях. Между ними еще кое-где виден был снег, но глыбы большей частью были лишены его. Очевидно, это были в миниатюре торосы полярного льда, нагроможденные во время Ибэ, который сначала взломал лед замерзшего уже озера, а затем набросал его глыбы вдоль берегов.

Северный ветер взволновал озеро, которое полностью вскрылось. Его южный берег был виден вдаль, также с белой каймой торосов. Мы обогнули озеро по восточному берегу, что заняло час с лишним; шли по твердому пляжу, укрепленному морозом, между торосами льда справа и старой береговой линией слева. Еще левее поднимались уже плоские холмы окраины хребта Майли, которые уходили на восток. Южный берег озера представлял также торосы, но сюда набегали волны, поднятые северным ветром, и торосение льда продолжалось на наших глазах; льдины сталкивались, лезли друг на друга, опрокидывались, громоздились, все время слышен был шорох; волны набегали, сдвигали и ворошили льдины.

Поднявшись на берег, мы шли по песчаным холмам, наметенным северными ветрами и поросшим разными кустами, пересекли большой тракт Бей-лу, шедший из Урумчи через Манас и Шихо вдоль подножия Восточного Тянь-Шаня дальше к перевалу через этот хребет. Но Лобсын повел нас прямо к устью ущелья речки Бургусутай, которое видно было впереди в стене Тянь-Шаня, так как по расспросам знал, что там должна быть более короткая верховая дорога через хребет. Действительно, под вечер мы вошли в это ущелье и вскоре нашли хорошее место для ночлега на берегу речки, где имелось достаточно корма для животных. Но теплый Ибэ сюда, очевидно, не доходил, речка была подо льдом, а на траве и кустах лежал небольшой слой снега.

Следующий день мы шли вверх по ущелью Бургусутая; вдоль речки росли кусты и деревья — тополя, тал, джигда, карагач, крутые склоны были скрыты под снегом, над которым возвышались редкие кусты. Через несколько верст дорога свернула в боковую долину, по которой мы поднялись в широкую долину между двумя цепями Тянь-Шаня, окаймлявшими ее с севера и юга; с обеих сторон тянулись гряды с редким лесом, а дорога шла по сухой долине, поднимаясь все выше. Но около полудня дорога повернула на юг, перевалила через седловину южной из обеих цепей; здесь уже лежал неглубокий снег; мелкий лес из березы, осины, сосны покрывал склоны гор. Мы долго спускались по лесу на юг; становилось теплее, снег исчезал, и, наконец, перед нами открылась широкая долина реки Или. Дорога повернула вправо, где вдаль уже был виден большой город Кульджа.

К вечеру мы приехали туда. Чугучакский консул дал мне посылочку и письмо к консулу в Кульдже, и мы остановились в консульстве, расположенном на северной окраине города на большом участке со старыми деревьями. Нам отвели небольшой домик для приезжих с тремя комнатами и необходимой мебелью, где мы и расположились на свободе. Но для животных нужно было купить сено, так как участок представлял несколько домов среди сада и цветников, где пасти верблюдов и лошадей было бы неудобно.

На следующий день, помывшись и переодевшись, я отправился к консулу, а Лобсын ушел в город, чтобы обойти все постоянные дворы и узнать, нет ли где-нибудь паломников, собиравшихся в Лхасу. К обеду он вернул-

ся и сообщил, что на одном дворе нашел попутчиков — шесть монголов-торгоутов, собирающихся на днях выступить в Тибет; он отвел туда своих верблюдов и лошадей, так что в консульстве остались только два моих верблюда, лошадь и ишак Очира.

Я прожил в Кульдже неделю. Свои русские товары быстро продал частью в консульстве, частью в городе и закупил разные китайские, которых в Чугучаке не было или которые были там дороже, чем в Кульдже, так что я мог продать их с небольшой выгодой, окупавшей провоз. Лобсын каждый день приходил ко мне, и мы беседовали о его путешествии. Паломники направлялись через Юлдус в Турфан и через хребет Куруктаг в Дуньхуан и далее через Цайдам в Тибет; они рассчитывали в начале весны быть в Лхасе, а осенью пуститься в обратный путь, так что через год Лобсын надеялся вернуться в Чугучак.

Я проводил Лобсына до восточных ворот Кульджи, а на следующий день сам отправился домой той же дорогой через Тянь-Шань и по Долине ворот. Теперь Очир ехал во главе каравана и вел головного верблюда, а я замыкал шествие. Но консул воспользовался моим отъездом и отправил со мной казака, который должен был заменить одного из казаков консульства Чугучака, умершего во время нашего путешествия. Ему это было выгодно, он ехал со мной на своем коне и сэкономил свои кормовые, а у меня был помощник на всякий случай.

Наше возвращение прошло совершенно благополучно. Когда мы переваливали через Тянь-Шань, то могли видеть с высоты, что в Долине ворот дует сильный Ибэ,— вся долина была в желто-серой мгле. Но, пока мы спустились и выехали к берегу Эби-Нура, Ибэ кончился, и мы проехали до Алаколя в тихую погоду, так что к пикету Токты не было надобности заезжать. На берегах Алаколя я увидел не ровный, а разбитый и торошенный лед, развороченный последним Ибэ, а вдоль берегов озера торосы тянулись сплошным валом по восточному и северному берегам. Когда мы ночевали второй день на Алаколе, начиналась новая порция Ибэ, но здесь мы были уже в устье Долины ворот и успели свернуть к реке Эмиль, прежде чем он разыгрался в полную силу, так что добрались до Чугучака вполне благополучно.

Консулу я привез письмо и подарки из Кульджи.

Чтобы закончить свои записки, мне остается только

привести письма Лобсына о путешествии в Тибет и пребывании в его столице Лхасе, которые я получал от него время от времени.

ПИСЬМА ЛОБСЫНА С ДОРОГИ В ТИБЕТ И ИЗ ЛХАСЫ

Первое письмо я получил довольно скоро, еще весной; его привез один из торгоутов, вернувшийся из Дуньхуана по болезни. После обычных в таких письмах поклонов всем знакомым и пожеланий я прочитал следующее:

«Добрый мой приемный отец и покровитель Фома Капитонович! Пишу тебе от пещер с тысячей будд, где мы стоим уже третий день, отдыхая от долгого пути через Хамийскую пустыню. Из Кульджи в Карашар мы ехали почти целый месяц по стране Юлдус, где живут мои сородичи монголы-торгоуты со времен великих походов Чингисхана. Места здесь очень гористые, на полуденной стороне высокие горы и на полуденной тоже, и, конечно, все снегом покрыты. А в промежутке широкая долина, где в зимнее время проживают наши кочевники, а летом уходят на джайляу в горы. Здесь мы стояли несколько дней, пока паломники снаряжались в свой долгий путь. В долинах богатые травы, народ зажиточный, живут вообще хорошо под управлением своих ханов, но, конечно, не без разных прижимов в свою пользу, как полагается всякому начальству.

Из Карашара мы пошли не по большой китайской дороге через Токсун и Хами, а прямее, по пустыне между горами Чолтаг и Куруктаг, потому что зимнее время позволяло обходиться без воды и пользоваться снегом, наметенным во всех впадинах и на подветренных склонах, и возить с собой на вьюках куски льда, чтобы варить обед и чай на стоянке. Едем мы все на верблюдах, но больше идем пешком, коней у нас нет, а верблюды находят в пустыне довольно корма. Там, где его больше, мы делаем дневки, чтобы подкормить своих двугорбых.

Когда вышли в пустыню Хамийскую, мы повернули на полдень, миновали реку Сулэхэ и остановились у пещер тысячи будд за Дуньхуаном. Старший лама узнал меня, спрашивал о тебе и много ли мы выручили от продажи старых книг из тайников храма. Послал с нами донесения хамбо-ламе в Лхасу. Узнал у него, что

из Керии или Нии паломники не проходили, значит, мой сын здесь не был, а пошел оттуда прямой дорогой в Тибет. Не вернулся ли он домой? Если случайно узнаешь, пиши мне на подворье монголов-торгоутов в Лхасе, где мы будем все время стоять. Отсюда мы пойдем скоро прямым путем через западный Цайдам, не заходя на Кукунор и в Дуланкит, на высокое Тибетское нагорье. Если встретим где-нибудь обратных паломников из Монголии, пошлю тебе весть, а не то придется писать уже из Лхасы».

Второе письмо я получил уже почти через год после отъезда Лобсына. Оно было послано из Тибета с одним из возвращавшихся паломников, привезшим его в русское консульство в Урге, откуда его переслали через Сибирь в Чугучак.

«Дорогой Фома Капитонович! Вчера на стоянке на берегу Голубой реки в Тибете наш караван встретился с монголами, возвращающимися из Лхасы в Ургу. Я отдам им это письмо, которое пишу тебе в пути через Цайдам и Тибет.

Из Дуньхуана мы вышли в начале весны. До подножия большого хребта Алтынтаг шли от пещер с тысячью будд еще два дня по каменистой полойной степи, перевалили через скалистые невысокие горы в русло реки Данхэ. Эта река течет маленьким ущельем, которое промыла себе в каменных породах в несколько размахов глубиной. В стенах этого ущелья всюду торчали большие и малые валуны, наложенные друг на друга. И я подумал, что сначала эта река сама натаскала валуны из гор на эту степь, наворотила их друг на друга, а потом опять стала их уносить и вырыла свое ущелье, в котором буйно течет в отвесных берегах. И хорошо, что через эту реку построен мост, иначе никак нельзя было бы спуститься на верблюдах к воде, чтобы идти вброд, да и бродить через буйную реку было бы опасно, она могла сшибить верблюдов с ног¹. А мост построили китайцы, которые живут за рекой в этой степи, где имеют пашни и разводят баранов и коз.

¹ Лобсын, очевидно, видел ущелье реки Данхэ в предгорьях Алтынтага, где река врезалась в свои собственные более древние грубые наносы на глубину 10—15 метров. Это доказывает недавнее повторное поднятие гор, которое увеличило падение русла реки и дало ей силу углубляться в более древние отложения.— *Прим. автора.*

В поселке мы взяли проводника, чтобы он провел нас через главный хребет Алтынтага, который в этой части называют Наньшань, то есть южные горы. Из поселка он виден был высокой стеной впереди, весь его гребень был еще покрыт снегом. И в поселке было очень прохладно, весна только что начиналась, тогда как в Дуньхуане уже цвели абрикосы и персики.

Проводник повел нас к одному из ущелий хребта, где был перевал через него, но ошибся и попал не в ущелье с перевалом, а в соседнее. Здесь мы потеряли целый день, дошли по речке до того места, где верблюды с вьюками не могли пройти между скалами, стоящими по обе стороны русла, шириной всего в два аршина. И только тут он понял, что ошибся; пришлось идти назад по этому ущелью до его устья, выйти в соседнее, переночевать в удобном месте и на следующий день уже подняться на перевал, высокий, но не крутой. На нем лежал еще снег почти по колено, и мы очень устали, переводя наших верблюдов одного за другим во время метели через него до спуска на полуденную сторону, где нашлось удобное место с кормом для ночлега у подножия хребта.

За этим хребтом была широкая долина Емачуань, то есть долина диких лошадей, где мы и встретили последних, целый табун в полсотни голов. Они паслись на берегах речки Емахэ, а когда мы подошли ближе, испугались и побежали, но не вдаль, а бегали по долине вокруг нас. У наших торгоутов-охотников, промышлявших на Юлдусе и дзеренов, и куку-яманов, и архаров, а также медведей и барсов, конечно, были скорострельные русские винтовки, и, когда куланы стали бегать вокруг нас на расстоянии 200—250 шагов, два стрелка спешили и застрелили пару куланов. Поэтому пришлось стать на ночлег в степи в долине Емахэ, чтобы освежевать добычу, снять шкуры, разделить мясо между всеми и сварить побольше. Шкуры мы отдали проводнику, который отсюда возвращался к реке Данхэ в свой поселок.

На другой день мы перевалили через следующий хребет Наньшаня по удобному месту, которое указал нам проводник, и спустились с него уже на северную окраину Цайдама. Это широкая долина между Наньшанем и первой цепью Тибета; в ней рассеяны соленые и пресные озера, солончаки, болота с зарослями и степи с хорошей травой. Но место уже высокое и воздух редкий, ходить пешком скоро устаешь, а в ушах все время

какой-то звон, точно где-то далеко поют или играют на дудке.

Мы шли дней семь поперек Цайдама до его южной окраины, где также стоят улусы монголов, которые живут за счет паломников. В горах Тибета летом погода мокрая и холодная, и вылинявший к лету верблюд не может работать. Все вьюки везут дальше на яках, косматых тибетских быках, а верблюдов оставляют у монголов для обратного пути. Вот монголы и пользуются их рабочей силой, молоком и шерстью за то, что пасут и караулят их. И мы также оставили у них своих верблюдов и взяли яков за небольшую плату.

Здесь, на северной границе Тибета, съезжаются монгольские паломники и образуют более многочисленные караваны, чтобы не бояться диких тангутов, которые грабят одиночных проезжих, отнимают у них вещи, припасы, оружие. И наша торгоутская партия прожила недели две в ожидании прибывающих, отдыхала и учились вьючить и пасти яков. Наконец, собрался караван в 42 человека из разных мест Монголии, и мы могли идти дальше в середине мая. Весна еще мало чувствовалась, перепадал снег, свежая трава только что появилась.

Поднялись мы по длинному мрачному ущелью, на крутых склонах его лежал еще снег. И намаялись мы сначала с яками: они не идут цепочкой, как верблюды или лошади друг за другом, а бегут стадом, как бараны, толкают друг друга, сбивают с тропы, задевают вьюками и сворачивают их, иногда сбрасывают на землю. Ящиков и хрупких вещей паломники не везут с собой, а только мягкую рухлядь, одежду, подстилки, подушки, мешки с мукой, солью, гуамьяню, цзамбой, кирпичами чая, котлами и треногами. Все вьюки похожи один на другой, и, чтобы различать на стоянке свое имущество, каждый делает отметки, привязывая лоскуты разного цвета сверху или сбоку. Шли мы почти все пешком, только впереди какой-нибудь старик ехал на легком вьюке, показывая всем дорогу.

Порядок у нас был такой: старались встать до рассвета, чтобы сварить чай, затем навьючить животных и выехать, когда будет светло. Шли 5—6 часов, иногда 8—10, смотря по местности, останавливались, где корм был получше, а палатки ставили по кругу, входом с внутренней стороны, чтобы воры не могли пробраться незаметно к кому-нибудь.

У некоторых паломников были собаки, которые ка-

раулили вход в палатку своего хозяина. Примерно раз в неделю делали дневку, выбирая место с хорошей травой, чтобы подкормить яков и самим отдохнуть.

Нужно сказать еще, что меняют верблюдов на яков только те паломники, которые идут в Лхасу летом в мокрую погоду, а идущие зимой могут идти туда и на верблюдах. Корма на Тибетском нагорье вообще плохие. В мокрых местах растет густо трава бухачирик, что значит «сила яка»; у нее стебель очень твердый, а мягкая головка небольшая. Это почти то же, что наш дэрсу (чий), но только последний растет на сухих местах, а тот на сырых, которых там много, и старые яки и верблюды его не могут жевать и худеют. Поэтому в дальний путь в Лхасу нужно выбирать молодых животных.

Местность в Тибете вообще очень неровная, много горных гряд, а также рек и речек, грязных мест на солончаках и на берегах рек, где животные вязнут, много бродов, где нужно выбирать мелкие разливы по рукавам, чтобы не подмочить вьюки. Есть высокие перевалы; особенно запомнился один, называемый Убашихайрхан, то есть милостивый убаши (мирянин с духовным обетом). Настоящее название его не произносят, чтобы не рассердить духов. На перевале, конечно, большое обо: куча камней и разных приношений — тряпок, костей, хадаков, рогов яков, а проходя мимо, паломники непременно возжигают благовонное курево.

На одном ночлеге к нам пришел старый человек и очень просил купить у него мешочек соли, который он принес с собой, или обменять его на мясо, муку, чай, цамбу. У нас с собой была соль, и мы спросили, почему он торгует ею, у паломников из Монголии соль всегда есть. Тогда он нам рассказал следующее событие: «Я жил в Цайдаме и узнал, что в Лхасе соль очень ценится, захотел нажить на этом деньги. Вблизи моего улуса есть соленое озеро, и в сухое время соль садится. Я накопил ее много и повез в Лхасу; навьючил солью сорок баранов, выменяв в придачу к своим еще других на лошадь и корову. Каждый баран может везти на себе пуд соли, и привезти ее ничего не стоит, он сам кормится по дороге, а в Лхасе можно выгодно продать и соль, и баранов, там ведь и лам, и паломников много, и всем нужно и мясо, и соль. Вот я и погнал своих баранов с грузом соли по горам в Тибет. Добрались мы хорошо до этой долины, где вы стоите. А ночью выпал огромный снег: дело было в самом начале зимы.

По глубокому снегу баран и без груза идти далеко не может, а снег закрыл всю траву и уже не таял. И все мои бараны сдохли с голода. Соль я всю собрал. Я мог бы потом идти в Лхасу пешком, но много ли на себе унесешь? Вот я и живу здесь поблизости в своей палатке и продаю паломникам соль. Когда распродам всю соль, пойду домой пешком и принесу немного денег».

Удивились мы все этому человеку и спросили, давно ли с ним случилась эта беда. И он сказал, что вот уже четвертый год живет в одиночестве недалеко от большой дороги. Научился делать ловушки и ловить тарбаганов, птиц, собирает дикий лук и луковицы сараны, зимние запасы сеноставок.

Вот, Фома, чем иногда кончаются такие затеи. А чем кончится история с моим сыном, я еще не знаю. До Лхасы уже не так далеко, дней 20 или 15. Вчера мы встретили здесь паломников, возвращающихся домой; несколько из них были из Урги и обещали отдать мое письмо в русское консульство для пересылки тебе. Вот я и сидел вчера целый вечер и сочинял это послание, сколько успел написать. Следующее пошлю уже из Лхасы».

Третье письмо я получил довольно скоро после второго. Его привезли монголы-торгоуты Юлдуса, которые доставили письмо консулу в Кульджу.

«Дорогой Фома Капитонович! Посылаю письмо с нашими торгоутами, возвращающимися домой. Заживать здесь у них нет средств, они побывали в главных храмах, поклонились далай-ламе и отправились домой. Поэтому я не успел много написать. Расскажу только о городе Лхасе.

Дошли мы до него в августе, когда было еще жарко. Край здесь теплый, но дождливый. Город построен на реке Уйчу, что значит «срединная река». Она течет с запада на восток по широкой долине, с обеих сторон высокие горы. Среди долины небольшая гора, и на вершине ее на южной стороне стоит город. На вершине главные храмы и монастыри, высокие каменные дома насажены тесно друг на друга и рядом почти без дворов. От них каменные лестницы спускаются вниз к подножию горы, где также много домов, но проще, жилые подворья и простые дома, есть также в два или три этажа; местами небольшие сады и деревья. Между ними улицы, часто кривые, узкие и грязные, немощеные. Дома больше из сырого кирпича, но нижний этаж сложен

часто из каменных плит, а на горе все дома каменные в несколько этажей. Однако красивых зданий, колоколен и башен с куполами, как в русских городах, или минаретов, как у мусульман, совсем нет. Большая часть домов имеет внутренний двор и из него лестницы на верхние этажи, так что снаружи наверх не попадешь, разве через окна. Крыши все плоские. На улицах много канав для отвода воды, потому что во время дождей с главной горы стекает в город много воды и некоторые улицы превращаются в ручьи, а на площадях и дворах образуются озера. Квартыры в домах большей частью из одной или из двух небольших комнат; если их две, то передняя у входа — это кухня, а вторая в глубине — спальня. Окна заклеены бумагой или затянуты коленкором, в богатых домах у окон внутренние ставни. Полы глинобитные, реже из глины, в которую забиты мелкие камни. Дымовые трубы имеются только в верхних этажах и кончаются вверху глиняным горшком с дырой для защиты от дождя. Из нижних этажей дым выходит через окно и двери, в редких домах имеются трубы по стенам для вывода дыма. В спальнях печей нет, их нагревают в холодные дни углями, которые вносят в глиняной миске. Но климат Лхасы теплый, сильных морозов не бывает, и жить можно без отопления. Ты мне рассказывал, Фома, что в русских городах вода в дома проведена по железным трубам, а по другим трубам стекает грязная вода и уносит все нечистоты. В Лхасе ничего этого нет; нечистоты из отхожих мест падают прямо на дворы или улицы, и эти места устраивают на верхних этажах; грязную воду также выливают во дворы и на улицы, а чистую приносят ведрами из реки или из колодцев, которых много во дворах, и они не глубокие, но в них вода, конечно, пахучая. Ходить по улицам нужно, зажавши нос и пристально смотря под ноги, потому что тибетцы не стесняются отправлять свои потребности ни местом, ни присутствием людей. Осенью, в октябре, в сухой месяц года, белят известью стены домов, обливая их из ведер густым раствором, а из верхних этажей спуская краску из желобков под крышей; поэтому окраска неровная и легко смывается летними дождями. В общем, могу сказать, что живут люди чище и опрятнее в наших улусах и в Чугучаке, чем в Лхасе.

Я не буду тебе описывать храмы города, бурханы разных божеств и торжественные богослужения, которыми в храмах привлекают паломников и побуждают их к жертвованиям. Я знаю, что ты в наших богов не

веришь, да и сам я стал к ним равнодушен и посещаю храмы и богослужения только в надежде встретить своего сына и вернуть его домой. Но о здешних людях и обычаях можно кое-что написать.

В Лхасе считают около 10 тысяч постоянного населения, причем не менее двух третей составляют женщины. По составу большинство — тибетцы, второе место занимают китайцы, третье — люди из Кашмира и Непала, стран на границе с Индией, очень немного монголов. По занятиям нужно выделить высшее правительство из тибетских и китайских князей и их чиновников, духовенство, наиболее многочисленное, и простых граждан. Духовенство состоит из перерожденцев, простых монахов разных степеней и занятий, их учеников и прислужников. Простые граждане — это торговцы, ремесленники и разные поденщики. Лхаса живет за счет приезжих паломников и всяких богомольцев; им сдают внаем комнаты и целые дома, им нужно подвозить и готовить разные припасы, готовить пищу, этим и занимаются торговцы, женщины, сдающие комнаты, ремесленники. Главным рыночным местом являются улицы квартала Чжу-ринбочи, занятые лавками и уличными торговцами. Лавки помещаются в нижних этажах домов, а уличные торговцы, большей частью женщины, раскладывают товары на циновках или подстилках прямо по сторонам улиц. Торгуют английскими, индийскими и китайскими товарами, местными сукнами, одеждой, обувью, съестными припасами, деревянными и глиняными изделиями.

Тибетцы окрестностей Лхасы занимаются земледелием, сеют главным образом ячмень, так как дзамба (слегка поджаренная ячменная мука) составляет основную пищу всего Тибета, как и Монголии, затем китайскую и тибетскую редьку, два вида капусты, картофель, репу и морковь. Скотоводы разводят овец, яков и немного лошадей и мулов.

Буддийская религия занимает в Тибете и отрывает от деятельной жизни большинство мужчин и меньшинство женщин. Недостаток мужчин сделал то, что в Тибете женщины заменяют их во всей жизни и сделались самостоятельными. Они занимаются торговлей, ремеслами (прядут, ткут, вышивают, шьют), работают в мастерских, на заводах, в городах и селениях водоносами, чистильщиками, дворниками, караульными. Но это вызывает и известную распущенность женщин, и распро-страненность внебрачных отношений.

Большое число мужчин, занятых богослужением, а не работой, плохая обработка земли и отсутствие промыслов служат причиной общей бедности тибетского народа. Большинство населения питается дзамбой, редко видит мясо и молоко. За исключением монахов и монахинь население Тибета неграмотно. Обращает на себя внимание большое количество нищих и разных калек и больных, живущих без всякого призрения. А между тем климат здесь теплый, земли, удобной для хлебопашества, много и можно было бы возделывать поля и разводить хороший скот. Суровая природа Тибета, его высокие и холодные горы кончаются в нескольких днях пути не доходя Лхасы. Там дорога спускается вниз уступами горных хребтов, и начинаются более теплые края с широкими долинами, хорошими лугами, реками и озерами.

Познакомившись с Лхасой, могу признаться тебе, Фома, что этот город, где люди местные и приезжие, вроде наших богомольцев, занимаются только тем, что поют и бормочут молитвы, а другие этих бездельников кормят и поят, мне не понравился, и я бы рад был уехать, да вот надежда найти и вернуть сына держит меня здесь. Поживу еще месяц, а там посмотрим. Будь здоров и, если можешь, пошли своего Очира в мой улус прочитать там моим эти письма».

Четвертое письмо я получил довольно скоро — оно пришло из Зайсана, куда его привез один русский торговец из Кобдо.

«Дорогой Фома! Я все еще в Лхасе, в ожидании своего сына. Я посещаю всякие праздники, которые ламы устраивают в разных храмах под разными предложениями, чтобы привлечь богомольцев и побуждать их к пожертвованиям. Они дают случай видеть в короткое время много людей, не обращая на себя внимания в качестве человека, который кого-то высматривает. Поэтому я видел за этот месяц много всяких торжественных богослужений в разных храмах перед разными божествами. Но в общем это все одно и то же — молитвы с возгласами, сопровождаемыми звуками длинных труб, в которые дуют усердно ламы, то повышая, то понижая звуки, звон колокольчика в руках какого-нибудь перерожденца, заунывное или радостное пение хором, и так целыми часами. В сущности весь город занимается бездельем целые месяцы и годы. И мало того, что сотни людей, вместо того чтобы работать, с утра до вечера поют и молятся, так еще везде наставлены всякие уст-

ройства, возносящие молитвы к богу. Ты, конечно, знаешь, что есть молитвенные мельницы разного рода, на которые наклеена бумага с молитвами или молитвы врезаны в дерево, написаны на камне, выложены белыми камнями на склонах гор. Так вот здесь их видишь на каждом шагу: это валы — сплошные или пустотелые, большие и маленькие — на отвесной оси; богомolec должен повернуть этот вал хотя бы один раз вокруг его оси, и тогда все написанные на нем молитвы вознесутся к богам. Часто поставлено несколько цилиндров, до десяти рядом, и нужно их повернуть один за другим. А потом еще ручные молитвенные мельницы: это уже маленький валик с молитвами на оси; он вертится сам от размахов руки, в которой его несут. Вот и видишь мужчину или женщину, идущую по улице и вертящую в руке такой молитвенник все время и воображающую, что это она сама возносит молитвы. И, наконец, водяные мельницы: на ручье, бегущем вниз по склону, поставлен вал с молитвами, а под ним отвесные лопатки, в которые бьет вода и вертит вал, который возносит, то есть вертит, молитвы неустанно.

Видел я здесь и усердных богомольцев, которые от храма к храму ползут на коленях или даже сначала становятся на колени, потом ложатся на землю во весь рост, затем снова поднимаются на колени, снова встают и опять повторяют тот же поклон — и так без конца целый день, пока не обойдут весь храм, или квартал, или всю Лхасу, смотря по обету. Видел таких и думал, что они какие-нибудь тяжелые грехи замаливают. Таких богомольцев врястяжку на земле можно видеть здесь каждый день. Под колени и под ладони иные подкладывают тряпки, дощечку, подушку, чтобы не растереть их о землю.

Потом поклонение разным святыням всякими способами: проще всего прикладывание своего лба к правому или левому колену статуи Будды или какого-либо святого, причем шепотом высказываются пожелания, просьба о чем-нибудь — об исцелении, ребенке, награде и пр. Прикладывание лба к высокой фигуре с лестницы, которую нужно приставить и за это пожертвовать ламе какую-нибудь монету, либо прикладывание с наливанием масла в лампаду, в светильник, также еще с мздой и другие в разных видах.

Или еще уловка. Есть священная фигура, у которой из поднятого пальца каплями выступает вода, считающаяся священной; ее замешивают с мукой и делают

красные пилюли, которые продают как средство от разных болезней. А вода выступает потому, что голова фигуры пустотелая и от нее идет к пальцу трубочка; в голову наливают воду время от времени.

Статуям разных богов паломники жертвуют маленькие фигурки, которые ламы сами лепят из глины или выдавливают в формах, обжигают и продают. Это самый безобидный способ выручки денег — богомолец уносит что-нибудь на память, тогда как всякие сборы за поклонение, на масло, свечи и другие потребности храмов не дают ему ничего, кроме воспоминаний. А еще хуже всякие прорицатели, которые пристроились ко всем храмам, мужчины и женщины: они обирают паломников, предсказывают им за мзду всякие блага в будущем или дают советы на разные случаи жизни.

Ну, словом, дорогой Фома, посмотрелся я на нравы и обычаи священного города и начинаю думать, что вся эта буддийская религия — сплошной обман для наживы одних людей за счет труда других, за счет их веры в бога, в прорицателей, в молитвы и пожертвования невидимым силам.

Ты знаешь, что у монголов кладбищ нет; тела умерших выносят в степь на растерзание хищным птицам и зверям и только тела гэгенов, князей и богатых людей хоронят в субурганах. А здесь, в Лхасе, и простых монахов не хоронят: их выносят особые могильщики из простых людей в определенное место за городом, называемое дуртод, где тело режут на части, мясо отдают грифам, а кости дробят и бросают ягнятникам. При этом сжигают воскурения, что привлекает птиц: завидев дым, поднимающийся на определенном месте, они слетаются издали и начинают свое пиршество. И то правда, здесь монахов так много, что, если бы их хоронили, все окрестности Лхасы были бы заняты могилами монахов. А так, монах умер и исчез, мясо съели грифы и улетели, а кости разбросаны по окрестностям, на них не написано, кому они принадлежали при жизни.

Обошел я уже все улицы Лхасы и нашел, что красивых зданий совсем нет, все одинаковые, без статуй, карнизов и украшений, нижние этажи без окон, верхние с одинаковыми небольшими в один или два яруса, крыши плоские, все здания плохо побелены известью. Только большие лестницы, идущие из нижней части города к верхней, немного нарушают однообразие, если смотреть на город с южной стороны, от берегов реки Уйчу».

Пятое, и последнее, письмо заставило себя долго ждать; консул получил его опять из Урги через консульство, куда его доставили паломники, вернувшись из Лхасы. Оно меня обрадовало.

«Дорогой Фома! Могу тебе сообщить хорошую весть: мой сын нашелся, и мы собираемся ехать домой.

Нашел я его случайно. Узнал, что за городом есть холм с пещерами, в которых сидят самые набожные отшельники; они замурованы в маленьких кельях, вырубленных на склоне в каменной мягкой породе, и им только раз в сутки подают воду и хлеб через отверстие в стене. Они остаются там до самой смерти и даже дольше, потому что их не освобождают, пока они не умрут в заточении; им только перестают приносить хлеб и воду, если они несколько дней окажутся нетронутыми. И вот я узнал, что будет большой праздник — замуровывание нового отшельника, согласившегося закончить свою жизнь в заточении; его будут сопровождать в эту могилу даже хамбо-лама и много лам и мирян.

В назначенный день я пошел к этим пещерам и влез на уступ холма перед ними, с которого видна была дорога из Лхасы к ним. Скоро появилась на дороге из города большая процессия. Впереди бежали мальчики, которые усыпали дорогу лепестками белых цветов. За ними шли по три в ряд тридцать лам с длинными трубами, в которые они трубили. Затем еще десятка два с курениями в чашах, все в своих желтых одеяниях и острых колпаках; далее верховный лама с колокольчиком и чашей под зеленым покрывалом, а за ним новый отшельник в белой одежде, которого вели двое лам под руки. За ними шли еще ламы с четками и курениями и толпа паломников и любопытных. Процессия двигалась торжественно и медленно, с песнопениями. Когда она проходила мимо меня, я увидел, что этот новый отшельник — мой сын Омолон; он шел, как бы тащился, ведомый ламами. Я узнал его, когда он был еще шагах в пяти от меня; охваченный ужасом и жалостью, я не удержался и, в промежутке между звуками труб, крикнул громко его имя. Он вздрогнул, поднял голову в мою сторону; возле меня стояло на холме еще несколько человек. Но трубы заревели громче, и процессия прошла дальше. Я, конечно, присоединился к ней. На одном из холмов была узкая и низкая дверь, в которую с трудом мог протиснуться человек. Ламы поднялись на холм, окружив отшельника, загремели трубы, а его под руки ввели в отверстие и затем под продолжавшуюся музыку

и громкое пение молитв несколько лам стали замуравывать отверстие приготовленными кирпичами, поливаемыми раствором извести. Я протиснулся ближе и разглядел все это. Рядом со входом внизу было отверстие, в которое можно было просунуть руку с глиняной кружкой. Через него отшельника, очевидно, снабжали пищей и водой.

Когда вход был замуравован, к малому отверстию подошел верховный лама и нараспев прочитал длинную тибетскую молитву, очевидно напутствие отшельнику в его святом уединении, в котором он должен размышлять о грехах мира и сладости отречения от жизненных горестей. Потом еще раз заревели трубы, и процессия под звуки труб двинулась медленно назад; но кое-какие любопытные остались, и некоторые захотели беседовать с отшельником. Однако он начал петь молитву «омани-пад-ме-хум» и не отвечал на вопросы. Любопытные немного постояли и ушли.

Я выждал некоторое время в стороне и, когда все мало-помалу удалились от пещеры, подошел к отверстию и окликнул сына, когда он перестал возглашать молитву.

— Омолон, это я, твой отец, пришел! Ты ведь узнал меня, когда тебя вели ламы в эту келью! Неужели ты хочешь стать затворником, просидеть всю свою жизнь в душной келье, не видеть солнца и неба? Ты подумай только, ты ведь молодой, здоровый! Неужели хочешь целые годы сидеть в темноте и бормотать молитвы, вместо того чтобы ходить на свободе, делать что хочешь, ездить верхом, найти себе жену? А где Ибрагим, который обокрал нас и соблазнил тебя убежать с ним в Лхасу?

Омолон, рыдая, отвечал мне следующее:

— Ибрагим — негодяй, он обманул меня, как глупо-го ребенка. Мы приехали сюда недели три назад, но он держал меня взаперти, а сам продал весь товар и неделю тому назад уехал неизвестно куда, оставив меня запертым в комнате. Я ждал его несколько дней, наконец, голодный, выломал окно, вылез и узнал, что его нет, и каравана нашего нет, и одежды моей нет, и денег нет. Я пришел в отчаяние, пошел в главный храм и сказал ламам, что хочу сделаться отшельником. Ах, отец, что я сделал тебе и матери, стал вором и обманщиком.— И он опять зарыдал.

Я, конечно, уговорил его бросить затворничество и вернуться со мной на родину и к матери. Мы сговори-

лись, что вечером я приду опять и, когда стемнеет, выломаю закладку отверстия, выпущу его, уведу с собой в город, и мы уедем. Но до вечера, мы условились, он будет время от времени читать молитвы, так как можно было предполагать, что любопытные и ламы будут приходить днем проведать нового отшельника. Я оставил сыну свой нож, чтоб он потихоньку, когда людей не будет у пещеры, освобождал изнутри кирпичи закладки от замазки, чтобы она не затвердела и ночью легче было вынуть их с наружной стороны.

Под вечер, вооружившись на всякий случай маленьким ломом, я вернулся к пещере. По соседству как будто никого не было, а Омолон распевал «ом-мани-падме-хум». Но когда стемнело и я подошел к пещере, появился какой-то лама и на мой вопрос, зачем он здесь, ответил, что он на карауле. Пока замазка кирпичей не высохла, отшельник, раздумавшийся в одиночестве о своей судьбе пленника в тесной келье на хлебе и воде, может решиться освободиться и нарушить обет, который он торжественно дал в главном храме хамбо-ламе перед лицом Будды.

Я поговорил с ламой, рассказал, что я отец отшельника, которого обманул мошенник-мусульманин, завлекший его с этой целью в Лхасу и обокравший, что хочу взять его на родину и заплачу за это. Мы сторговались за двадцать рупий индийских, которые я привез с собой и принес на всякий случай. Лама помог мне вынуть кирпичи, Омолон вылез и, поклонившись мне до земли, обнял. Потом мы заложили опять отверстие кирпичами, и лама обещал мне, что рано утром придет с раствором извести и обмажет щели, которые остались между кирпичами, чтобы не было видно, что кладку нарушили.

Мы пошли в город и на следующий день выехали из Лхасы. Но идти только вдвоем через Тибет было рискованно, и мы, отойдя на два перехода, остановились в хорошем месте и прожили там недели две или три, пока не подошел караван паломников, возвращавшийся из Лхасы на родину. Мы присоединились к нему и прошли через Тибет, Цайдам и Кукунор в Ланьчжоу на реке Хуанхэ. Здесь Омолон тяжело заболел, и мне пришлось остаться с ним. Это письмо я посылаю с паломниками в Ургу, откуда его тебе перешлют через русское консульство».

Теперь мне нужно написать еще несколько страниц, чтобы закончить свои записки кладоискателя в дебрях Азии.

Печальный исход нашей поездки на окраину пустыни Такла-Макан с потерей значительной части выручки от прежних путешествий, уход сына Лобсына в компании с вором Ибрагимом, вызвавший необходимость поездки Лобсына в Лхасу на выручку сына, что обошлось ему недешево, и, наконец, моя последняя поездка в Кульджу — все это в совокупности очень расстроило меня и подорвало мои силы и средства. После возвращения из Кульджи в Чугучак я подсчитал свою наличность в товарах и деньгах и пришел к выводу, что на спокойную скромную жизнь в городе с выручкой по лавке мне еще хватит до смерти. Долю Лобсына я выделил и отдал ему еще раньше на путешествие в Лхасу и на поддержку его семье. Но для новых закупок товаров у нас уже оставалось слишком мало. Под сомнением оставалось также, вернется ли Лобсын с сыном или без него и захочет ли продолжать наши путешествия. Я чувствовал, что уже сильно постарел, не хотелось думать о снаряжении каравана, ездить за товаром в Россию, вообще хлопотать, заботиться о верблюдах и лошадях. Хотелось пожить спокойно на старости лет. За городом у меня была маленькая заимка с садом и огородом, где можно было жить больше полугода в теплое время на чистом воздухе, недалеко от подножия Тарбагатая, оставляя в лавке Очира. В ожидании возвращения Лобсына я так и сделал: во-первых, нашел себе жену — молодую китайку в Чугучаке, с отцом которой я по торговым делам был хорошо знаком. Она потеряла мужа, служившего в ямине, осталась одна с маленькой дочерью и соглашалась разделить мое одиночество, перебравшись в мой дом. По-русски она не говорила, но я ведь знал китайский совершенно достаточно для домашних разговоров. Так я устроился на старости лет.

Лобсын вернулся из Лхасы, задержанный болезнью сына на пути оттуда в Ланьчжоу, только через полгода и рассказал мне подробно о приключениях сына. Ибрагим расписал, что судьба его, Омолона, теперь в его собственных руках, что есть возможность, пользуясь пыльной бурей, незаметно уехать, увести верблюдов и лошадей в Нию, получить там у аксакала оставленные нами товары и уйти быстро в Лхасу по новой дороге, хорошо ему, Ибрагиму, знакомой, продать там товары, выручить за них и животных хорошие деньги и остат-

ся жить в Лхасе, начать торговлю или другое занятие, найти жену — словом, сделаться самостоятельным человеком с хорошим будущим. На вопрос сына, как же бросить отца и меня в пустыне, Ибрагим успокоил его тем, что мы, опытные путешественники, доберемся пешком до Нии и оттуда вернемся домой, а задержка нас в пустыне необходима, чтобы успеть прийти в город, взять товары и скрыться с ними прежде, чем мы пешком доплетемся в Нию. Так он уговорил этого глупого мальчика, соблазнил будущей самостоятельностью и средствами для ее достижения. По пути в Лхасу он ухаживал за Омолоном, называл его своим начальником, владельцем каравана, но, прибыв туда, скоро переменял обращение и начал запира́ть в комнате, когда уходил устраивать свои дела по продаже товаров и скрытному отъезду. И уехал он не назад в Нию, а, закупив некоторые товары, направился в Кашмир и Индию, как узнал Лобсын на постоялом дворе, где Ибрагим остановился с Омолоном.

Лобсын, потеряв меня в качестве компаньона по торговле и путешествиям и затратив все свободные деньги на вырубку сына, остался в своем улусе в горах Джанра, занялся хозяйством, а сына женил и тем закрепил его дома. Они начали разведение хороших племенных овец и коз, которых продавали в Чугучаке; навещали меня, приезжая в город, где мой сын давал им приют и место для пригнанного скота. Сидя у меня за чаем, Лобсын вспоминал наши путешествия и приключения; изредка приходил ко мне и консул и однажды огорчил известием, что рукописи, привезенные нами из пещер с тысячью будд в Дуньхуане, при подробном изучении оказались подделанными копиями старых рукописей и за историческую ценность их содержания ругаться нельзя.

Кончая эти записки, не могу не вспомнить с благодарностью о консуле Сокове, который очень много сделал для меня. С самого начала, когда он вызвал меня в качестве переводчика при разборе дел с монголами и китайцами и познакомился со мной, он заставил меня восстановить свои знания, беседовал со мной по разным вопросам, давал книги для чтения и даже учебники. Времени в промежутках между торговыми путешествиями у меня было много, в мою лавку покупатели заходили редко, и можно было часами читать книги и даже писать спокойно без помехи. С наступлением ночи я закрывал лавку и дома мог заниматься и читать целый ве-

чер. Меня интересовали книги с описаниями жизни и быта разных народов, путешествий, книги исторические, и я снова сделался образованным человеком. А когда приютил Очира и стал учить его русской грамоте, то сам вспомнил правописание и грамматику; наблюдательность и любовь к природе у меня еще были с детства и, конечно, развились при путешествиях, когда я начал записывать по вечерам и на дневках то, что примечал интересного и что думал об этом, вместо того чтобы спать или думать о пустяках.

И все время, когда я на старости лет начал составлять эти записки, вспоминая все приключения и пользуясь своими заметками, я приходил иногда к консулу и спрашивал его объяснения по какому-нибудь затруднительному вопросу, а он не отказывал мне в беседе. Без помощи Сергея Васильевича Сокова я бы не достиг того, что сделал в своей жизни, и не составил бы этого описания путешествий.

КРАТКИЙ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРИК

Аксакал (т ю р к.) — буквально «белая борода», почтенный, уважаемый человек, старшина, начальник.

Амбань — звание важного чиновника Китайской империи, обычно губернатора провинции или генерал-губернатора края.

Арат — пастух, скотовод в Монголии.

Аргал (м о н г.), кизяк (к а з.) — помет рогатого скота и лошадей, употребляется в безлесных местах Монголии, Центральной Азии как топливо и в смеси с глиной как строительный материал.

Архар (т ю р к.), аргали (м о н г.) — горный баран, живущий в высокогорных местах Алтая, Центральной Азии и Казахстана; у нас создана новая порода овец путем гибридизации архара и меринуса — архаро-мериноса.

Аршан (м о н г.), арсан (т ю р к.) — минеральный источник.

Байкалыч (м о н г.), баялыш (к а з.) — солянка кустарниковая, поедается верблюдами.

Барханы — формы незакрепленных, движущихся песков, имеющие вид месяца с крутой подветренной стороной и пологой наветренной, с двумя рогами по концам, вытянутыми по ветру.

Баурсаки — шарики из теста, зажаренные в бараньем сале, — вкусное и удобное для перевозки во вьючной суме дорожное печенье, заменяющее хлеб.

Бодисатва — одно из перевоплощений Будды (см. Гэген).

Большурук — по-русски саджа, копытка — птица из отряда рябковых, живет в пустынях Центральной Азии, отличается кроваво-красным оперением, совершенно совпадающим по цвету с окружающей природной обстановкой; в поисках пищи совершает перелеты на очень большие расстояния.

Ботало — крупный бубенчик, в котором вместо дробы помещен кусок металла; употребляется при пастьбе скота в Сибири; дает не звенящий, а шаркающий звук, почему иногда применяется название «шаркунец».

Браминские рукописи — рукописи, которые писали индусские брамины, последователи учения Браммы, религии, возникшей в Индии в IX—X веках до нашей эры.

Бударгана, будургана (м о н г.) — растение поташник облистненный.

Буддизм — религия, возникшая в Индии в VI веке до нашей эры и названная по имени своего мнимого основателя — Будды; северная ветвь буддизма — ламаизм.

Бурханы (идолы) — изображения буддистских и ламаистских божеств в виде фигур, сделанных из бронзы.

Ван (к и т.) — титул монгольского князя.

Гаруде, гариде — по представлению монголов, мифическая исполнинская птица, действующее лицо многих монгольских сказок.

Гильдия — разделение купечества в царской России по размерам оборотов и налогов на три разряда — первый (самый высший), второй и третий.

Гуамянь (к и т.), гума (к а з.) — сорго, злак.

Гэген — по верованию буддистов и ламаистов Будда и другие святые перевоплощаются после своей смерти; такие перевоплощенцы называются хубилганами, а за гражданские заслуги называются гэгенами, что означает «светлый, блестящий и святой».

Даба (м о н г.) — хлопчатобумажная ткань одного цвета без рисунков.

Далай-лама — высший из лам, обитающий в Тибете, в городе Лхаса, в монастыре Потала. По своему значению среди ламаистов может быть сравнен с папой римским среди католиков.

Далемба — хлопчатобумажная ткань типа дабы, но лучшего качества.

Джигда — лох узколистный, кустарник или небольшое дерево.

Джут — зимняя гололедица, мешающая пастись скоту и лошадям.

Дзерен — вид газели, живущей в степях; отличается песчано-желтой окраской спины и боков; собирается в значительные стада.

Дунгане — жители западной провинции Китая, земледельцы, по вере мусульмане; неоднократно восставали против китайских властей; самое крупное восстание было в 1862—1877 годах.

Карагана — широко распространенный кустарник из семейства бобовых, желтая акация; два вида караганы введены в садовую культуру.

Карагач (т ю р к.) — берест, ильм — дерево из семейства ильмовых, вид вяза.

Кеклик — каменная курочка небольших размеров, водящаяся в Центральной и Средней Азии; на каменистых россыпях вследствие покровительственной окраски оперения незаметна; хорошо бегают, но плохо летает.

Кендырь (т ю р к.) — многолетнее растение из семейства кутровых; из стеблей можно получить крепкое волокно, близкое по свойствам к пеньке и используемое в изготовлении веревок и текстиля.

Киргизы — так Кукушкин называл, как и все русские того времени, казахов.

Князья правые и левые — означает князья правого и левого знамени; китайские власти, привлекая монголов к военной службе, устанавливали разделение их по отрядам, имевшим знамена правые, средние и левые.

Куку-яман (моңг.) — горный козел, вернее козерог, по-казахски «тау-теке», живущий в горах Центральной Азии, Алтая и Саян, где придерживается неприступных мест.

Кулан (тюрк.), джигетей — относится к полуослам, живет в пустынях и полупустынях Центральной Азии.

Курма — верхняя одежда.

Кярыз, кяриз — почти горизонтальная горная выработка в наносах, служащая для сбора и вывода на земную поверхность подземных вод.

Лама — служитель ламаистской религии; имелись различные ступени: от послушников — детей (с 7-летнего возраста) до высшего ламы — далай-ламы; ламаизм — разновидность буддизма, религиозного учения, распространенного в Центральной Азии.

Ли — китайская мера длины, равняющаяся в настоящее время 576 метрам.

Марал (тюрк.) — олень, из рогов которого, пантов, вырабатывается лекарство пантокрин; разводится в неволе на Алтае в маральниках. Прежде сушеные панты, которые спиливались у маралов каждый год, очень ценились китайцами как лекарство.

Ом-мани — буддийская молитва, полностью «ом-мани-пад-мехум», что означает «о, сокровище на лотосе»; смысл этой молитвы неясен, но, согласно буддийским верованиям, читавшие ее буддисты и ламаисты достигали небесных царств.

Саксаул — древесное растение из семейства маревых, отличается корявыми стволом и сучьями, мелкими чешуйчатыми листьями; растет в пустынях и полупустынях; древесина очень тверда, но ломка.

Санскритские рукописи — написанные на санскрите, литературном языке древней и средневековой Индии.

Саркофаг (греч.) — надгробный памятник в виде гроба.

Старатель (сиб.) — человек, добывавший золото в Сибири артельно или единолично и сдававший намытое золото в банк либо в амбары золотопромышленников.

Субурган (инд.) — буддийский памятник, отмечающий место какого-либо события или надгробия, состоит из пьедестала, шара и шпица.

Такыры (тюрк.) — пониженные участки земли с гладкой глинистой плотной поверхностью, покрытой весной водой, а позже высыхающей и трескающейся на куски в сухое время; характерны для пустынных местностей Средней Азии.

Тамариск (лат.), гребенщик — небольшое дерево или кустарник из семейства гребенниковых, обладающее приспособлениями для

борьбы с засухой — игловидными листьями и отложениями солей на листьях.

Тангуты — монгольское название тибетцев, населяющих северо-восточную часть Тибета.

Таранча — название уйгуров, переселенных китайскими властями в долину реки Или; уйгуры принадлежат к восточной ветви тюркской языковой группы; уйгуры — мусульмане, по занятиям земледельцы; неоднократно восставали против китайских властей.

Тарасун (с и б.) — дважды перегнанная молочная водка.

Тарбаган — сурок.

Турпан, варнавка — крупная утка с красными ногами и ярко-рыжим оперением; гнездится в норах или дуплах деревьев вдали от воды.

Тюрки — обширная группа народов, родственных по языку, но не составляющая единого народа; у нас к этой группе относятся узбеки, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, татары, чувашы, азербайджанцы и др.

Улус — у бурят — поселение, в Якутии означает район, в Монголии ранее означал государство.

Фанза — китайский однокомнатный домик с земляным полом, земляной либо черепичной крышей, камышовой дверью и окном с бумагой или бычьим пузырем; жилище китайской бедноты.

Хадак — длинный и узкий платок из дешевой шелковой материи, служивший для подношений в Китае и Монголии.

Хак (инд., перс.) — солончаковые котловины с глинистой коркой, плотной в сухое время, превращающейся в топкую грязь во время дождей; распространены в Средней и Центральной Азии и Нижнем Поволжье.

Хара-сульта (монг.), буквально «чернохвостик» — название джейрана, газели, живущей в Монголии, отличается более темной окраской спины, чем дзерен; в отличие от последнего собирается небольшими стадами.

Хармык (монг.) — растение селитрянки сибирская, широко распространенный кустарник; монголы называют хармыком ягоды этого растения, но не само растение; русские же путешественники называют хармыком само растение.

Хлынь — сибирское обозначение верховой езды небольшой рысцей.

Ху — гунны — от китайского названия «хунну».

Хуан-янг — «желтая коза»; так называют китайцы антилоп, которые водятся в изобилии в степях Центральной Азии.

Чекан — маленькая птица из отряда воробьиных, отличается темной покровительственной окраской.

Чесуча — китайская материя из естественного шелка — тусора, беловато-сероватого цвета.

Чий, дэрису (монг.) — ковыль блестящий, очень распространенный в Средней и Центральной Азии злак с длинными тонкими стеблями, растущий крупными скоплениями; стебли поедаются скотом и идут на изготовление циновки и других изделий.

Чох — мелкая китайская медная монета с квадратным отверстием в середине для нанизывания на шнурок.

Эфедра — хвойник, кузьмичева трава — растение из семейства хвойниковых, растет в умеренной полосе Европы и Азии; используется в медицине.

Як — тибетский бык с длинной шерстью черного или белого цвета, с большими рогами; очень вынослив в высокогорных условиях, в связи с чем используется как вьючное животное в Тибете; домашнего яка монголы называют сарлыком.

Ямынь — канцелярия китайского правительственного учреждения.

Таблица перевода русских мер в метрические

Верста	= 1,0668 км	= 1067 м
Сажень	=	2,134 м
Аршин	=	71,12 см
1/4 аршина	=	18 см
Локоть	=	0,5 м

СОДЕРЖАНИЕ

3

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ В ПУСТЫНЕ

191

В ДЕБРЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

470

Краткий пояснительный словарь

Литературно-художественное издание

ОБРУЧЕВ
Владимир Афанасьевич

ЗАПИСКИ
КЛАДОИСКАТЕЛЯ

Заведующая редакцией И. Г. Турундаевская
Художник М. А. Гавричков
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Технические редакторы Л. П. Никитина,
И. В. Буздалева
Корректор Е. В. Сокольская

ИБ № 6931

Сдано в набор 29.07.92. Подписано к печати
19.10.92. Формат 84×108^{1/32}. Гарн. литерат.
Печать высокая. Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт.
25,83. Уч.-изд. л. 28,11. Тираж 50 000 экз. За-
каз № 156. С 182.

Лениздат, 191023, Санкт-Петербург, Фонтан-
ка, 59. Типография им. Володарского Лениз-
дата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Обручев В. А.

О24 Записки кладоискателя/Сост.: Н. А. Елизарова.— СПб.: Лениздат, 1992.— 476 с., ил.
ISBN 5-289-01452-7

В увлекательной форме известный русский ученый и писатель рассказывает о жизни и странствиях русских и китайских искателей приключений и золота на рубеже XIX и XX веков.

Рассчитана на массового читателя.

О $\frac{4803010201-181}{M171(03)-92}$ 103—92

84P7-4

**В 1993 году
ЛЕНИЗДАТ
ВЫПУСКАЕТ СБОРНИК ВЕСТЕРНОВ
«Лучший из худших».**

После окончания в Америке Гражданской войны над юго-западными штатами нависает угроза анархии, диктата преступных банд, алчных, жестоких, циничных дельцов и прочих авантюристов, не останавливающихся перед самыми гнусными преступлениями. Но на помощь Закону и Порядку приходят мужественные люди, отнюдь не пользующиеся в глазах земляков репутацией законопослушных граждан... Таково одно из самых популярных течений Настоящего Американского Вестерна, представленного этим сборником.

**В 1993 году
В ЛЕНИЗДАТЕ
выходит книга
КАРЛА МАЯ
«ВИННЕТУ».**

В ней повествуется о жизни Дикого Запада середины прошлого века, о гордых и свободолюбивых индейцах, не утративших наивной веры в силу данного слова, честь и справедливость и ведущих жестокую борьбу за свою независимость.

